Джей Стивенс

ШТУРМУЯ НЕБЕСА:
ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЛСД ОТ РАСЦВЕТА ДО ЗАПРЕТА

Z 035

Главный редактор: Тулин А. В.

Д. Стивенс
Штурмуя небеса: Подлинная история лсд от расцвета до запрета/Д. Стивенс Издательство «Transpersonalizdat», Москва, 2021.- 498 с.
Диэтиламид лизергиновой кислоты - одно из самых загадочных веществ, с которыми на настоящий момент пришлось столкнуться человечеству. Опасный наркотик или `витамин для души`, социальный яд или способ приблизить человеческую душу к божественному, генератор безумия или катализатор прозрения - точный ответ на этот вопрос не найден до сих пор, поскольку вести научные исследования в этом направлении отныне имеют право только секретные лаборатории. В книге Джея Стивенса беспристрастно и подробно рассматривается история ЛСД от его открытия и до того момента, когда загадочное соединение было объявлено вне закона.

Издательство «Transpersonalizdat», 2021

Оглавление

От издателя	4
Пролог После полудня в шестидесятые	5
Глава 1.Велосипедная прогулка по базелю	19
Глава 2. Наука-золушка	31
Глава 3. Лабораторное сумасшествие	44
Глава 4. Интуиция и разум	53
Глава 5. Дверь в стене	69
Глава 6. Выйдя под полуденное солнце	72
Глава 7. Иной мир	87
Глава 8. Шум за сценой	107
Глава 9. Плетясь к вифлеему	124
Глава 10. Голодные, плачущие, полураздетые	137
Глава 11. Дикие гуси	165
Глава 12. Гарвардская программа исследования псилоцибина	184
Глава 13. Что случилось в гарварде	216
Глава 14. Политика сознания	233
Глава 15.Пятая гражданская свобода	250
Глава 16. В тропических широтах	265
Глава 17. Вырваться за пределы	278
Глава 18. Многообещающий паренек	294
Глава 19. Повернись лицом к неизвестному	313
Глава 20. В зоне риска	336
Глава 21. Болезненная реакция	360
Глава 22. Контркультура	380
Глава 23. Алхимик	404
Глава 24. Следующий рубеж	420
Глава 25. Сигналы из внутреннего космоса	441
Глава 26. Слишком много гуру	454
Эпилог. После полудня в восьмидесятые	471
Благодарности	496

От издателя

Книга Джейса Стивенса «Штурмуя небеса» описывает исследование ЛСД от начало и до его официального запрета. Нельзя не до оценивать важность данного труда, который описывает изучение галлюциногенов, с помощью которых можно было понять структуру психологического космоса, материал этих исследований лег в основу создания новых направлений в психологии в частности трансперсональной психологии.

Личность, которую просто невозможно не упоминуть - это американский психолог и философ Тимоти Лири. Его в клад в изучение психики и сознания просто невозможно не оценить. Он можно сказать возглавил первый этап исследований в области расширения сознания, которые потом подхватили другие исследователи в частности Станислав Гроф.

Лири наверное был тем человеком, который любил добивать своей поставленной цели, что ему собственно не плохо удавалось в начале, из - за этого его скандальная репутация, которая подробно описывается в данной книги. Современный трансперсональные психологи не очень любят говорить об исследования Тимоти Лири, однако то, что он был одним из основоположником трансперсональной психологии - это факт. В одном из интервью Станислав Гроф заявил: "С ЛСД не было никаких проблем, когда оно использовалось в медицинских целях и в строго контролируемых условиях. Проблемы возникли, когда благодаря безответственным выступлениям Тимоти Лири и других, ЛСД вышло на улицы". В след за Грофом данное мнение, подхватили его последователи по холотропному подходу, его исследовательский вклад в трансперсональную психологию замалчивали. Я не думаю, что запрет ЛСД - это полностью вина Лири, скорее это логическое завершение, которое в любом случае должно было бы случиться рано или поздно.

В заключении этого не большого предисловия хочется сказать, что данная книга, как документ прекрасно описывает полемику вокруг ЛСД и начало исследования космологии психики.

Алексей Тулин
Главный редактор
Издательства Трансперсонализдат

ПРОЛОГ.
ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ В ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Ночью дождь и туман ушли в глубь материка. К утру небо прояснилось. С вершины Ноб-Хилла стали отчетливо видны плавучие дома в Сосалито. Мерцал вдали подернутый дымкой Марин.

Теплело. Наступал один из тех прекрасных зимних дней, когда буквально за несколько часов температура вдруг резко поднимается и на Сан-Франциско наваливается почти тропическая жара. На площадках для игры в гольф толпится народ, бухта запружена кораблями. В такой день можно, захватив детей, отправиться на машине в Сан-Симеон, чтобы наконец посетить баронское имение Рэндольфа Херста.[1] И это самая подходящая погода, чтобы достать спрятанный с лета купальный костюм и позагорать — большинство студентов в Сан-Франциско так и делали.

"Make love, not war": Типичная сценка из жизни парка «Золотые Ворота» летом 1966

Была суббота, 14 января 1967 года. Среди загоравших на пляже прошел слух, что назавтра в парке состоится нечто крайне любопытное, необычная тусовка с экстравагантным названием «Встреча племен на первом общечеловеческом собрании друзей».

Речь шла о парке «Золотые Ворота». Это был величественный парк, построенный в последние десятилетия девятнадцатого века. Тут можно было найти все, что душе угодно, — музеи, озера, велосипедные дорожки, бассейн для прыжков в воду, загон, где отдыхало стадо бизонов, и даже японский садик. В выходные парк обычно походил на современный вариант грандиозного полотна Жоржа Сера[2] «Воскресная прогулка на острове Гранд-Жатт». Правда, за последние несколько месяцев атмосфера здесь немного изменилась. Неподалеку, вверх по улице, располагался квартал Хэйт-

---

[1] Херст, Уильям Рэндольф (1863–1951) — американский медиа-магнат, обладатель колоссального состояния. Построил в окрестностях Сан-Франциско огромный замок, содержащий коллекцию антиквариата.

[2] Сера, Жорж (1859–1891) — французский художник-импрессионист.

Эшбери, родина хиппи. И хиппи, не обремененные протестантской моралью, вели себя в парке, словно у себя дома.

Их можно было встретить повсюду: они просили милостыню, пели, разыгрывали небольшие импровизированные представления, которые никому, кроме них самих, не были понятны. Они превратили ничем не примечательный склон рядом с теннисным кортом в место постоянных «лавин» (занятий любовью), хотя в те невинные дни этого названия еще не существовало. Действительно, что там можно увидеть, играя в теннис на корте — между подачей мяча и ударом с лёта? Разве что некое колыхание людской толпы. Если бы на вашем месте оказался европеец, он, впечатленный разноцветными одеждами хиппи и тем, как они радостно, не обращая ни на кого внимания, занимались собственными делами, возможно, принял бы их за цыганский табор. И во многом, особенно в том, что касается внешнего вида, он был бы прав. Но в действительности, эти молодые люди, развалившиеся на траве в парке «Золотые Ворота», принадлежали к высшим слоям американского общества. Хотя по их собственному определению они не признавали ценностей старого общества. Они, как дети, не желали иметь ничего общего с современной культурой взрослых. Именно этому был посвящен праздник «встречи племен»: отказу от традиций. И, кроме того, это был первый шаг к построению альтернативного общества.

Хотя слухи о «собрании друзей» витали в воздухе Хэйт-Эш-бери не один месяц, концепция его проведения выкристаллизовалась только в последние несколько недель. В газеты были посланы заметки, освещающие это эпохальное событие. «Верите ли вы Тимоти Лири[3] и Марио Савио?[4]» — с энтузиазмом вопрошал сан-францисский «Оракль», любимая газета хиппи.

Аллену Гинсбергу[5] и Джеку Вайнбергу?[6] Лао-Цзы и

---

[3] Тимоти Лири (1922–1996) — Тимоти Лири — это Тимоти Лири, одним словом не расскажешь. См. гл. 11 и далее.

[4] Савио, Марио (1943–1996) — лидер «Движения за свободу слова» в университете Беркли. Подробнее см. гл. 22.

[5] Гинсберг, Аллен (1926 — 2001) — один из виднейших поэтов-битников. Подробнее см. гл. 10 и далее.

[6] Вайнберг, Джек (1940) — лидер «Движения за свободу слова» в университете Беркли. Подробнее см. гл. 22.

Спартаку? Политические активисты из Беркли присоединятся к хиппи Сан-Франциско в празднике любви, чтобы развеять последние остатки скептицизма и недоверия.

«Барб», газета активистов из Беркли, восторженно вторила:

Когда политические активисты из Беркли и поколение любви из Хэйт-Эшбери, а также тысячи молодых парней и девушек со всех штатов страны заключат друг друга в объятия на «встрече племен» на поле для игры в поло в сан-фран-цисском парке «Золотые Ворота», духовную революцию молено будет считать свершившимся фактом. Вместе мы добьемся морального и духовного очищения всей страны! Солнечные лучи прогонят страх и рассеят мглу невежества. Власть и богатство исчезнут навсегда…

Добавьте к этому тысячи постеров. Вместо обычных объявлений о выступлениях рок-групп с афиш на вас с блаженным видом смотрел бородатый индусский святой или индеец, сжимающий в руках гитару вместо винтовки.

Почтенные обыватели обсуждали, что означает термин «встреча племен». Они были всерьез обеспокоены, что за чертовщина творится в их прекрасном городе.

Неужели в городе скоро появятся толпы индейцев, готовых выйти на тропу войны?

«Что за чертовщина?» — этот вопрос беспокоил многих американцев в напряженные первые месяцы 1967 года. В отличие от обычных национальных кризисов, с экономикой было все в порядке. ВНП вырос на треть в первую половину десятилетия и продолжал расти дальше. Уолл-стрит находился в начальной фазе того, что позже назовут «Годами Большого Подъема». На бирже все говорили об объединении и совместной деятельности. За исключением расовых неурядиц и небольших разногласий в области индокитайской политики, внутри страны дела шли хорошо. «Новые рубежи»[7] плавно

[7] Программа социального реформирования президента Кеннеди.

перетекали в «Великое общество». Эл Би Джей[8] за время своего президентства доказал, что он гораздо лучше умеет убеждать других, чем Джи Эф Кей.[9] В умах либеральной интеллигенции воцарилась надежда, что мы, возможно впервые в истории, приближаемся к материально обеспеченному бесклассовому обществу, что делало марксистскую критику устаревшей. Сеймур Мартин Липсет[10] в «Политическом человеке» авторитетно заявлял, что «победа Запада означает утрату влияния во внутренней политике тех представителей интеллигенции, которые опираются на идеологические или утопические мировоззрения».

Казалось, это было время национального триумфа. Роберт Фрост в инаугурационной поэме 1960 года называл это время «новым веком Августа». И в этот момент нашлись такие, кто отвергал все национальные идеалы, прибегая при этом к выражениям, которые пять лет назад довели до тюрьмы известного комика Ленни Брюса.

И критика эта исходила вовсе не от участников коммунистического заговора, не от правого крыла общества Джона Бёрча и не от одной из доброго десятка других хорошо известных политических фракций. Критика эта исходила от прелестных подростков, которые тратили на жизнь больше десяти миллиардов долларов в год. Кларк Керр, ректор Калифорнийского университета в Беркли, однажды заметил: «Работодатели будут в восторге от этих ребят… С ними очень легко поладить».

Американские тинейджеры: еще вчера они играли в бейсбол и танцевали на вечеринках, а сегодня уже носятся полуголые с дикими воплями по темным предрассветным улицам. По крайней мере, именно так это выглядело со стороны.

Если бы еще в 1965 году вы предположили, что эта золотая молодежь вдруг восстанет и попытается свергнуть республику, вас бы засмеяли. В январе того года «Тайм» писала об этом поколении как о поколении конформистов, которые «все как на подбор одеты в одинаковые рубашки из плотной хлопчатобумажной ткани и в «левисы». Все чистенькие и аккуратно подстриженные. Обычная одежда девушек — свитера и подходящие к ним по цвету юбки или

---

[8] Президент Линдон Б. Джонсон.

[9] Президент Джон Ф. Кеннеди.

[10] Липсет, Сеймур Мартин (1928) — известный американский социолог.

же английская блузка с длинными рукавами и джемпер, яркие спортивные куртки, мягкие кожаные ботинки, гольфы или чулки». Когда молодой гарвардский психолог Кеннет Кеннистон начал писать об этой молодежи, то изобразил целое поколение безвольных материально обеспеченных и духовно нищих подростков. Кеннистон назвал свою книгу «Безразличные» (Uncommitted). Три года спустя, когда его тезис не подтвердился, он переиздал ее под названием «Молодые радикалы: заметки об озабоченной (committed) молодежи».

Такими были хиппи

Многие писатели, обдумывая бурные общественными волнения и общую сумятицу шестидесятых, обратились к стихотворению ирландского поэта Уильяма Батлера Йитса, в котором содержались следующие строки:

Все распадается; на центр нет опоры;
Анархия весь мир накроет скоро,
Волна кровавая вздымается, и в ней
Священная невинность захлебнулась;
К добрейшим нет доверия, подлейших
Приветствуют за страстность и напор.

Это строчки из поэмы «Второе пришествие». Поэма посвящена, по-видимому, воскрешению Христа, хотя большая ее часть рисует антихриста, очнувшегося после «двадцати веков беспробудного сна» и медленно ползущего через пустыню:

И что за зверь, чей пробил темный час,
Плетется в Вифлеем, чтобы родиться там?[11]

Для многих американцев в образе косматого неуклюжего зверя воплощалась та тревога, которую они испытывали каждый раз, когда думали о своих детях. Действительно, чтобы сделать поэму современной, следовало добавить лишь одну поправку: заменить

[11] Перевод Д. Борисова.

«Вифлеем» на «Сан-Франциско».

Что такого особенного было в этом шестом по величине городе Америки, что во второй половине двадцатого столетия превратило его в Мекку для недовольных? Алан Уоттс,[12] играющий в нашем рассказе второстепенную, но значительную роль, полагал, что дело в средиземноморском климате Сан-Франциско, который служил вакциной против вируса пуританства. Другие считали, что дело в традиционной сан-францисской терпимости. Город, который долгое время был безопасным прибежищем для всех гонимых, мог похвастать гораздо большим количеством анархистов, коммунистов, «индустриальных рабочих мира»,[13] битников, мистиков и эксцентричных вольнодумцев на квадратный километр, чем набралось бы во всех остальных городах Америки, вместе взятых. Однако можно и просто вспомнить географию. Сан-Франциско называли «королевой Калифорнии». А Калифорния, как не уставали твердить журналы и социологи, была местом, где настоящее граничит с будущим.

В Калифорнии все было больше, новее, быстрее, лучше и блистательней. Она была бриллиантом в короне технократии. На одной стороне долларовой купюры изображен оттиск большой государственной печати Соединенных Штатов, на котором можно увидеть треугольную пирамиду с легендарным девизом «novus ordo seclorum» — «новый мировой порядок». И Калифорния располагалась на вершине этой пирамиды. Так что было вполне понятно, почему восстание против «нормальной» жизни началось именно там.

* * *

Аллен Гинсберг появился на Хэйт-Эшбери незадолго до одиннадцати. Со своей развевающейся по ветру бородой и

---

12 Уоттс Алан (1915–1973) — англо-американский теолог и философ, один из первых проповедников дзена в Америке.

13 «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) — американская левая синдикалистская организация, созданная в 1905 г. в Чикаго в противовес Американской федерации труда, в основе которой лежали принципы классового сотрудничества.

совершенно лысой макушкой он был похож на раввина. На нем был белоснежный медицинский халат, подпоясанный голубым пляжным поясом. Пока он шел по парку, со всех сторон слышались радостные приветствия. У других — Тима Лири, Кена Кизи и Алана Уоттса — тоже были свои поклонники, но Гинсберга признавали и любили все. Он был ниточкой связывающей с прошлым, одним из немногих оставшихся ветеранов бит-движения, благодаря которому во многом стали возможны сегодняшние события.

Предыдущим вечером в Хэйт-Эшбери у Майкла Макклюра[14] состоялось собрание старейшин с целью выработать повестку дня нынешнего празднества. Гинсберг, скрестив ноги, сидел на полу, лысая макушка блистала, отражая свет зажженных свечей. На сборище присутствовали также Гэри Снайдер, дзенский поэт из «Бродяг Дхармы» Керуака, Ленора Кендел, автор двусмысленно-лирической «Книги любви», занимавшаяся танцами живота, плюс молодой человек Леноры, Вольный Фрэнк, глава сан-фран-цисского отделения «Ангелов ада». Присутствовал и сам Макклюр, похожий со своей трубкой на профессора, и местный персонаж по имени Будда — официальный церемониймейстер «собрания друзей».

Разговор шел в основном о том, как объединить политиков, поэтов, духовных лидеров и рок-группы в единое целое, соблюдая при этом основные цели «собрания друзей». Гинсберг в последние годы предлагал по-новому организовывать свои выступления на духовно-политическом поприще. Не надо устраивать маршей и расклеивать плакаты, убеждал он «новых левых» со страниц «Барба». Танцуйте перед оклендским портовым армейским терминалом, пойте, раздавайте окружающим цветы, наслаждайтесь жизнью! «Новые левые» не обращали на его слова никакого внимания, чего нельзя сказать о хиппи. Реальным подтверждением было то, что завтра впервые в Америке должно состояться местное «мела-мела», что на хинди обозначает священную встречу искателей духовных истин.

Все шло хорошо, пока они не начали обсуждать Тима Лири. Признать ли его поэтом и дать ему всего семь минут у микрофона? Или же он, как подлинный пророк, имеет право на неограниченное время?

«Тим Лири — профессор», — заметил один из них таким тоном,

---

[14] Макклюр, Майкл (1932) — драматург и поэт, участник движения битников.

в котором сквозила уверенность, что профессора не говорят, а читают лекции.

Гинсберг предложил дать Лири ровно семь минут, и не больше.

«Лири что — примадонна?» — спросил кто-то.

«Да нет, чувак, не примадонна, но зато он закидывался кислотой!»

Алан Гинсберг на «Общечеловеческом Собрании Друзей»

«Не надо взваливать на него слишком много, — сказал Гинсберг. — Семь минут, и даже если он не уложится и начнет проповедовать, Ленора всегда может начать танцевать танец живота».

«Парень, я бы предпочел, чтобы завтра вообще никто не говорил ни слова, — сказал Будда. — Молчание так прекрасно! Чтобы все сидели, улыбались и смотрели вдаль».

После этого Гинсберг запел «хари ом нама», индийскую мантру Шивы, бога разрушения, творения и каннабиса. И под его голос, «мелодичный и вибрирующий», все присутствующие встали и закачались в медленном танце, погрузившись в транс, знакомый и понятный всем, кто жил в Хэйт-Эшбери. Собрание завершилось.

«Вся Хэйт-стрит, от Мэзоника до Клэйтона, полна всеми воображаемыми разновидностями чудил. Молодые люди с индейскими прическами, люди в военно-морской форме, в шляпах и париках. Все! Вы не поверите! Это выглядит невероятно!»

Так говорили хиппи. Журналист средних лет, проведя здесь несколько изматывающих месяцев, вспоминал Хэйт так: «безумное место, крики, беготня, несущиеся велосипеды, случайные вопли пробегающих девушек — все это убеждает любого в том, что в Хэйте царит безумный хаос».

Проще говоря, на Хэйт-стрит можно было увидеть множество людей, которые выглядели как массовка, сбежавшая с постановки какой-нибудь оперетты Гильберта и Салливана[15] — юнцы, разодетые шейхами и пиратами, говорили так, словно сошли со страниц

---

15 Гильберт, сэр Уильям (1836–1911) и Салливан, сэр Артур (1842–1900) — создатели викторианской английской оперетты, прототипа будущего мюзикла; действие их произведений часто разворачивается в экзотическом антураже.

неведомого романа П.Г. Вудхауса.[16] Если проанализировать типичный монолог хиппана, то в нем можно обнаружить элементы дзена, индуизма, экзистенциализма, маклюэнизма,[17] мистицизма наряду с алхимией, астрологией, гаданием по руке, верой в ауру и диету, состоящую из риса и проросших зерен пшеницы. Рациональное и иррациональное, научное и мистическое находились здесь в опасной близости друг от друга.

По всей длине протянувшейся на несколько миль прямой, как палка, Хэйт-стрит располагались всевозможные магазины эзотерического толка. От «Кофейни я-ты» или «Печатного двора» с его яркими постерами до «Психоделического магазина» с книжными стеллажами, комнатой для медитаций и огромным бронзовым гонгом, нависавшим над тротуаром, словно местный Биг-Бен. Позднее сюда стали возить туристов на экскурсионных автобусах. Этим занималась фирма «Грэй лайн», ранее организовывавшая подобные экскурсии на Норт-Бич.[18]

«Теперь мы въезжаем в величайшую в мире колонию хиппи, — объявлял гид, подталкивая экскурсантов к окнам. — Мы находимся на Хэйт-стрит, основной артерии Хэйта… марихуана — основной продукт, производящийся в данном районе. Здесь ее используют для стимулирования чувств. Одним из любимых способов времяпровождения для хиппи, кроме, конечно, приема наркотиков, являются различные выступления, демонстрации, семинары и коллективные обсуждения всех несовершенств существующего миропорядка. И, кроме того, им свойственно постоянное внимание к духовным проблемам, истинной сущности и разным способам человеческого самовыражения. Поэтому они играют на гитарах, дудят во флейты и стучат по бонгам».

---

16 Вудхаус, сэр Пелем Гренвилл (1881–1975) — английский юморист, автор доброй сотни комических романов, описывающих жизнь света в эдвардианской Англии.

17 Учение канадского социолога Маршала Маклюэна (1911–1980) о воздействии СМИ на представления человека об окружающей действительности, главным постулатом которого является знаменитый тезис «Media is a message» («Средство обладает собственным содержанием»).

18 Район в Сан-Франциско, в пятидесятые годы эпицентр субкультуры битников.

Хиппи в ответ поднимали зеркала, так что туристы видели лишь свои отражения.

Но мы забегаем вперед. И туристы и множество репортеров появились позднее, уже после того как «Встреча племен на первом общечеловеческом собрании друзей» привлекла всеобщее внимание. А в ту солнечную субботу термину «хиппи» едва исполнился год. Как и «битник», это было одно из тех пренебрежительных уменьшительных слов, которые любят выдумывать журналисты. Сами хиппи его ненавидели. Они предпочитали самоназвания «фрик» или «хэд»,[19] которые отражали их веру в то, что они — очередной виток эволюционного процесса, мутация вида, «многообещающий урод», выражаясь языком генетиков.

Журналисты посчитали эти странные названия частью субкультуры хиппи и не уловили их более широкого значения и связи с той новой силой, которую некоторые начали называть контркультурой. Они не поняли сути. Если говорить напрямик: появление хиппи было попыткой подтолкнуть развитие человечества к более высокой ступени развития. Можно сравнить это с лабораторным опытом — его можно считать удачным или неудачным. О том, каким именно его считали, много говорится в этой книге. Но независимо от того, что здесь написано, на этот вопрос и по сей день существуют разные взгляды.

Остановитесь на мгновение и представьте себе последнее столетие как симфонию, гармоническое сочетание фуг и крещендо, сплетение мелодий, одна из которых, с неясно слышным, но навязчивым припевом, звучит так: мы обречены, если не обнаружим способ ускорить эволюцию, поднять сообразительную обезьяну на более высокий уровень развития и снова восстать против богов, что всегда являлось тайной целью всех религий. Но в состоянии ли мы сами сознательно эволюционировать? Существует ли некий магический механизм который способен подтолкнуть эволюцию человечества? Есть ли в сознании дверь, сквозь которую можно пройти? И если есть, существует ли ключ, способный открыть эту дверь?

---

[19] В английском языке обозначает чудака, уродца, ненормальный ход какого-либо процесса, здесь — мутацию.

Нью-йоркский театр «Виллидж». Тимоти Лири как новое воплощение Иисуса Христа. октябрь 1966 года

В середине нашего столетия ответ на этот вопрос наконец появился, буквально из ничего. Ключ существовал. Им оказался наркотик, точнее даже целое семейство наркотиков — психоделики. В особенности же — ЛСД. Хиппи называли его кислотой, возможно, подразумевая, что кислота поможет вытравить мно-говековый налет всей греко-иудео-христианской культуры, а в основном потому, что техническое название наркотика звучало как диэтиламид D-лизергиновой кислоты, — название, которое с трудом выговорила бы даже Мэри Поппинс. Хиппи считали ЛСД клеем, на котором держится Хэйт. ЛСД являлось для них таинством, чистящим средством, способным смыть годы социального программирования, устройством для расширения сознания, инструментом, способным продвинуть человека по эволюционной лестнице. Некоторые даже объявляли ЛСД даром божьим, ниспосланным человечеству, дабы уберечь планету от ядерной катастрофы.

Но обычно хиппи не волновало метафизическое происхождение звучащих у них в голове мелодий. Лишь немногие из них знали, что термин «космическое сознание» существует с 1901 года. Его ввел канадский психолог Ричард Бёк для определения эволюционной ступени развития, лежащей за гранью обычного самосознания. Оно было, в частности, по его мнению, доступно Иисусу, Будде, Блейку и Уитмену.

В январском выпуске «Плейбоя» Джулиан Хаксли пытался даже рассуждать о том, какую роль ЛСД будет играть в будущем человечества. Тема была благодарная, но к сожалению, абсолютно не поддающаяся экспериментальной проверке. Хиппи же вовсе не заботились об этом, потому что жили в один из тех переломных моментов, который, казалось, находится вне времени, в момент, который Хантер Томпсон описывал как

> *«всеобщее фантастическое ощущение, что все, что мы делаем, правильно и мы побеждаем. И это, я полагаю, и есть та самая фишка — чувство неизбежной победы над силами Старых и Злых. Ни в каком-либо политическом или военном смысле: нам это было не нужно. Наша энергия просто преобладала. И было*

бессмысленно сражаться — на нашей стороне или на их. Мы поймали тот волшебный миг; мы мчались на гребне высокой и прекрасной волны…[20]*»*

В это десятилетие, и без того полное крайностей и странных событий, ЛСД и движение, которое оно породило, были, пожалуй, одним из самых странных и наименее понятных направлений. Если бы вам в то время вздумалось отправиться в публичную библиотеку и поискать информацию по диэтиламиду D-лизергиновой кислоты, вы нашли бы тысячи ссылок. Немногие лекарства изучались так подробно. Тем не менее, продолжая поиски и прочитав несколько дюжин статей, вы обнаружили бы полное отсутствие официальных выводов. Встречались гипотезы, предположения, жуткие истории и радостные донесения, информация об экспериментах, которые выходили у одних и не выходили у других. Но единодушия не было. Зато все виды помешательств, все парапси-хологические явления, все мистические прозрения, архетипы Юнга, экстазы, прошлые жизни, предвидения, психозы, сатори-самадхи-атман,[21] единение с богом — все это здесь присутствовало, изложенное, конечно, научным языком.

Если вчитаться в монографии, то можно было обнаружить странную вещь: ЛСД, созданное учеными для глубокого зондирования подсознательного, как выяснилось, пробуждает нечто похожее на исконного врага ученых — мистический религиозный опыт! Откуда он брался? И как понимать тот факт, что, приняв всего 300 микрограммов ЛСД, вы сможете получить глубокое религиозное прозрение, будь вы стоматолог или коммерсант? Была ли мистическая суть религии — просветление — просто отклонением, вызванным неправильной работой нейрохимии мозга, и были ли этому причиной наркотики или источник находится внутри самого человека? Были ли правы мистики? Может быть, Царство Божие действительно все время находится внутри нас, в нашем мозгу и ждет?.. Волнующие вопросы, ответить на которые крайне сложно. Как описать вкус мороженого человеку, никогда его не пробовавшему? Если умножить сложность этого процесса в тысячу

---

[20] «Страх и отвращение в Лас-Вегасе», пер А. Керви.

[21] В буддистской философии — состояние мгновенного просветления, в котором осознается идентичность субъекта с Абсолютом.

раз, то можно примерно представить, как тяжело описать состояние, когда чувствуешь себя единым со всей вселенной и существуешь сразу на многих уровнях, а не на одном только убогом уровне собственной личности. Слишком много вещей, происходящих в психоделическом мире, не поддаются словесному описанию.

Но все это для среднего американца было не столь важно. Реально же его беспокоило не то, что научная идея превращалась в религиозную, а то, что религиозная идея перерастала в культурную революцию. Пусть психоделический опыт описать так же сложно, как вкус мороженого, но он привлекает к себе целые толпы полных энтузиазма и потому опасных проповедников. Первым и самым главным был доктор Тимоти Лири, которого выгнали из Гарварда именно из-за изучения наркотиков. Можно спорить о том, что случилось бы с психоделическим движением без доктора Лири, но, без сомнения, именно он представил ЛСД широкой общественности, выпуская одну за одной брошюры, книги, аудиозаписи, в которых изобретение ЛСД приравнивалось к укрощению огня и изобретению колеса. Доктор Лири был неукротим. После того как его уволили из Гарварда, он отправился в Нью-Йорк, где собрал группу молодых профессионалов, жаждущих исследовать Иной Мир. Затем, в сентябре 1966-го, основал «Лигу духовных открытий»[22] — полуобщественное, полурелигиозное движение, целью которого, как он объяснял, было «изменить и развить сознание американцев в ближайшие несколько лет. Мы предоставили вам возможность попрактиковаться в том, как можно медленно, осторожно и красиво выпасть из американского общества (в его нынешнем виде)». Девизом Лиги была вскоре приобретшая дурную славу фраза «включись, настройся и отпадай» (turn in, turn on, drop out).

Афиша «Фестиваля путешествий»

Биография Кена Кизи не менее интересна. В возрасте тридцати лет он опубликовал две очень удачные повести, получившие высокую оценку критиков, — литературный дебют, не имеющий себе равных со времен Хемингуэя и Фицджеральда. Но затем он порвал с литературой ради новой формы искусства, с применением ЛСД,

[22] league for spiritual discovery, сокращенно — LSD.

которую он называл «Кислотным тестом». Кизи ездил по побережью, принимая участие в самых разнообразных наркотических тусовках. Самой большой и скандальной из них был «Фестиваль путешествий», состоявшийся почти за год до описываемых событий, в начале 1966-го, когда десять тысяч любителей психоделиков сошлись на выходные в сан-францисском «Лонгсхорманс-холл».

Кизи и Лири были не одиноки. По радио можно было услышать, как «Битлз» поют: «выключи разум,… отдайся потоку».[23] Эту фразу они взяли из книги Лири, который, в свою очередь, позаимствовал ее из «Тибетской книги мертвых». Кроме того, был еще Аллен Гинсберг. За несколько недель до описываемых событий Гинсберг как раз предложил прихожанам церкви в Бостоне: «пусть каждый, до кого дойдут мои слова, непосредственно или через кого-либо, пусть он попробует ЛСД хотя бы один раз; будь то мужчина, женщина и ребенок, — каждый американец, достигший четырнадцати лет… каждый, включая президента и огромную армию чиновников военной, законодательной, исполнительной и судебной власти Соединенных Штатов, пусть он отправится на природу, найдет хорошего учителя, или индейского вождя, знакомого с ритуалом пейотля, или гуру, — и проверит свое сознание с помощью ЛСД».

Прими кислоту и измени себя, измени себя и измени весь мир.

*** * ***

Взрослым было ясно, что вокруг творится нечто ужасное. ЛСД не расширяет вашего сознания, предупреждали они в газетах, журналах и телепередачах, ЛСД сводит вас с ума. Скорее всего, поражаются клетки мозга, а они, как известно, не восстанавливаются. Но дети, казалось, не слышали их. Если вы считаете нормальным свой образ жизни, отвечали они, тогда лучше дайте нам сойти с ума. Это заставило многих взрослых пересмотреть свои взгляды. Коммунисты перестали быть главными врагами американского образа жизни.

Казалось, хиппи действительно думали, что смогут победить Америку при помощи цветов и небольшого количества сверхмощных психохимических препаратов. Какая глупость! И все же они казались уверенными в себе, по-видимому, они действительно считали, что

---

[23] Песня «Tomorrow Never Knows» из альбома «Revolver», 1965.

через десять лет вся Америка будет принимать наркотики, а вместо банкиров будут бодхисатвы… Это было смешно, но никто не смеялся.

Как бывает в высокой драме, история психоделического движения сочетала в себе трагедию и комедию. Она, подтверждая общеизвестную истину, что реальность интереснее любого вымысла, была полна случайных совпадений и ошибочных шагов. Что, если бы Альберт Хофманн не прислушался к своему внутреннему голосу? Что, если бы Олдос Хаксли не прочитал статью в «Хибберт джорнал»? Что, если бы Роберт Грэйвс не рассказал своему другу, нью-йоркскому банкиру, об этой статье? Что, если бы ЦРУ… Такими вопросами можно задаваться до бесконечности.

Но хиппи все это не беспокоило. В тот чудесный субботний день 1967 года у них имелось множество гораздо более приятных дел. Сегодня они собирались на «встречу племен», где, по слухам, в огромных количествах будет раздаваться «кислота Оусли».[24] Сегодня они собирались отдыхать. Революция, которая на самом деле была просто эволюцией, откладывалась до понедельника. Государству давался еще один день отсрочки перед тем, как его выбросят на свалку истории.

Что значит день или два, когда вы мчитесь на гребне прекрасной высокой волны?

1. ДВЕРЬ В СТЕНЕ

Глава 1. ВЕЛОСИПЕДНАЯ ПРОГУЛКА ПО БАЗЕЛЮ

Если вы спросите среднего хиппи, с чего все началось, мнений может оказаться столько же, сколько самих хиппи. Каждый придерживается собственной хронологии. Некоторые предпочитают вести историю психоделиков от «Ригведы», древнеиндийской книги, в которой упоминаются видения в трансе, достигавшемся при употреблении растения сома. Другие ведут отсчет от древнегреческих мистерий и средневековой мистической традиции — розенкрейцеров,

[24] Оусли Стенли третий, Август (1935) — американский подпольный химик, наркоделец-романтик, художник и музыкант. Подробнее см. гл. 23.

алхимиков и иллюминатов. Притягательная сила высшего сознания пронесла свое очарование через века, и кто бы это ни был — афиняне, с их элевсинскими мистериями, или Бальзак и Бодлер, курившие гашиш в клубе гашишистов, хиппи считали их всех своими предшественниками.

Но если у истории психоделиков может быть множество начал, все они потом неизбежно пересекаются в одной точке, описывая то, что произошло в швейцарском городке Базеле в понедельник, девятнадцатого апреля 1943 года, за несколько минут до пяти часов вечера.

Базель располагается по обоим берегам Рейна, неподалеку от места, где граничат Франция, Германия и Швейцария. Это город шпилей и мостов, банков и развитой индустрии. Расцвет его связан с тремя гигантскими химическими комбинатами, стоящими рядышком у реки: «ХоффманЛяРош», «ЦибаГайги» и «Сандоз». Наша история касается только последнего — «Сандоз Фармацевтикалс», а если еще конкретнее — то одного из ученых-химиков, работавших там, а именно доктора Альберта Хофманна.

Альберт Хофманн, в очках, с короткой стрижкой, в свои тридцать семь выглядел именно тем, кем он был: типичным представителем буржуазной интеллигенции. Он пришел работать в «Сандоз» в 1927 году, вскоре после окончания Цюрихского университета. Незадолго перед этим «Сандоз» начал выпускать кроме традиционных гербицидов, инсектицидов и красок еще и лекарственные препараты.

Старая лаборатория фирмы «Сандоз». Теперь этого здания уже нет

В конце двадцатых годов двадцатого века работа в фармацевтической промышленности была для молодого химика самым увлекательным местом для ученичества. Это было время, когда специалисты тщательно исследовали все химические свойства веществ, надеясь открыть лучшие антибиотики, более безопасное средство от головной боли, открыть еще один сульфамид (который, по общему мнению, был первым «чудо-лекарством»). «Сандоз» занимался, в частности, исследованиями Claviceps purpurea (более известного как спорынья) — грибка, паразитирующего на больных зернах ржи. Хотя в народной медицине она использовалась при родах (для ускорения родовых схваток) и абортах (по той же причине),

спорынья больше известна как возбудитель болезни, возникшей вместе с развитием сельского хозяйства и получившей название «огонь святого Антония». Это был страшный бич рода человеческого. У человека, съевшего пораженную спорыньей рожь, начинали чернеть и отпадать пальцы ног и рук. Затем наступала ужасная смерть. Медики называли этот недуг «сухой гангреной».

Хофманн, поначалу занимавшийся исследованиями средиземноморского морского лука, через некоторое время тоже переключился на спорынью. В течение восьми лет он методично синтезировал одну молекулу производных эрготамина за другой, проверял их на животных и, получив неблагоприятные результаты, принимался за следующую. Теоретически он хотел открыть новый аналептик — лекарство от мигрени, но в апреле 1943 года, проверив больше дюжины вариантов, он так и не приблизился к успеху. «Необычным предчувствием» назовет позднее Хофманн охватившее его весной ощущение. Предчувствие. Интуиция. Что бы это ни было, но Хофманн почувствовал, что он что-то упустил в 1938-м, когда синтезировал двадцать пятое соединение лизергиновой кислоты, носившее лабораторное название ЛСД-25.

Повинуясь этому внутреннему предчувствию, Хофманн синтезировал новую порцию ЛСД-25 в пятницу, 16 апреля. В полдень ему удалось получить кристаллическое соединение, легко растворяющееся в воде. Однако вскоре он почувствовал легкое головокружение и, взяв на работе отгул на остаток дня, отправился домой. Как только он лег в постель, у него начались галлюцинации.

В отчете, представленном Артуру Штоллю, своему непосредственному начальнику, Хофманн описывал галлюцинации как «непрерывный поток фантастических картин, удивительных образов, калейдоскопическую игру света». Подозревая, что причиной этих фейерверков явился ЛСД-25, Хофманн решил это проверить. В следующий понедельник, девятнадцатого числа, в 16.20, он в присутствии ассистентов растворил в стакане воды и выпил, как он считал, безопасную дозу — 250 микрограммов наркотика.

В 16.50 он еще ничего не чувствовал. В 17.00 он ощутил растущее головокружение, некоторые нарушения зрения и желание смеяться. Вскоре ему стало тяжело описывать свое состояние в журнале и он, прервавшись, попросил одного из ассистентов проводить его домой и вызвать доктора. Затем сел на велосипед — в военное время в связи с нехваткой бензина пользоваться машиной

было не с руки — и, крутя педали, поехал домой, ощущая, как мир вокруг начинает странно вибрировать и изменяться.

Знакомый бульвар по дороге к дому превратился для Хофманна в картину Сальвадора Дали. Ему казалось, что здания покрылись мелкой рябью. Но самым странным было ощущение, что, крутя педали, он словно бы не двигается с места.

Хофманн уже собирался было обсудить это с ассистентом (позднее тот сообщил, что они ехали довольно быстро), когда обнаружил, что голос ему не повинуется. В чем бы ни заключался механизм, с помощью которого мы облекаем мысли в слова, он больше не работал.

Когда доктор пришел к Хофманну, то обнаружил, что пациент абсолютно здоров физически, но психически… психически Хофманн висел под потолком и глядел вниз на то, что считал собственным мертвым телом. На этот раз, в отличие от прошлой пятницы, он не наблюдал никаких прекрасных фейерверков. Он чувствовал себя одержимым демонами. Когда его соседка зашла занести ему молоко (Хофманн надеялся, что оно, как универсальное противоядие, нейтрализует отраву), он увидел не миссис Р., а «злую, коварную ведьму» в «раскрашенной маске».

Он лежал в постели, мысли метались в беспорядке. Хофманн думал, не навсегда ли он сошел с ума. Вдобавок ко всему прочему его жена с детьми уехали в гости. Что будет, когда они вернутся домой и обнаружат, что папа спятил — какой поучительный пример того, чем иногда заканчиваются эксперименты в психофармакологии!

Хотя человечество с глубокой древности использовало наркотики для удовольствия и лечения, психофармакология как признанная отрасль науки насчитывает всего около ста лет. Первым научным трудом на эту тему считается «Die Narkotischen Genumittel und der Mensch» («Наркотические возбуждающие вещества и человек») фон Бибры, опубликованный в 1855 году. В этой работе описывается семнадцать различных растений, воздействующих на человеческую психику. Фон Бибра предлагал заняться исследованиями этой почти неизвестной части ботаники, и тридцать лет спустя его путь повторил берлинский токсиколог Луис Левин. В 1886 году Левин опубликовал первое фармакологическое исследование о каве, растении южных морей. Местные жители считают, что напиток, сделанный из нее, намного превосходит по своим качествам алкоголь.

Через год после опубликования монографии и, вероятно,

вследствие этого Левин получил от Парка и Дэвиса, американских фармацевтов, основавших международную фармацевтическую корпорацию с тем же названием, несколько кактусов мескаля. «Мускаль» или «мескаль» — так американцы называли кактус, который у мексиканцев носил названия «пейотль». Издавна популярный у мексиканских индейцев, после гражданской войны он стал распространяться и к северу от Рио-Гранде и быстро приобрел ритуальный статус у индейцев кайова и команчей. Левин, заинтересовавшись, на собственные средства отправился в юго-западную Америку, где обнаружил огромное количество образцов. Один из них, карликовый кактус, был позднее назван «Anhalonium lewinii». Вернувшись в Берлин, Левин в лаборатории выделил четыре различных алкалоида, содержащихся в пейотле, однако после того как эксперимент на животных не смог показать, который из них психоактивен, на опыты над собой не решился. Вместо этого он обратился к своему коллеге, доктору А. Хеффтеру, который принимал по алкалоиду до тех пор, пока не смог обнаружить самый сильнодействующий, названный им «мескалин».

Альберт Хофманн, Отец ЛСД, со своим детищем на руках

Как в иные времена интеллектуалы сплотились вокруг энциклопедии Дидро, так и Левин и Хеффтер тоже участвовали в коллективном проекте, начатом еще Линнеем, который пытался классифицировать природу во всем ее разнообразии. Это был проект, переступавший культурные и классовые границы. В основном в нем участвовали любители: увлекающийся ботаникой священник, барон, финансировавший экспедиции, врач, любительски интересующийся токсикологией и фармакологией. Пей-отль, попавший к ним в романтическом ореоле американского фронтира, заинтересовал всех. Кактус посылали во все крупнейшие музеи. Левин самолично передал его Полю Хеннингу для берлинского королевского ботанического сада, а другой немец, Хельмхольц, послал образец в Гарвард.

Подобную посылку получил и Вейр Митчелл, физиолог из Филадельфии, специализировавшийся на нервных расстройствах («Повреждения нервов и их последствия», 1872) и исторических романах («Хью Винн, свободный квакер», 1896). Прочитав о пейотле в «Терапевтической газете», он написал письмо автору статьи, доктору Прентису. И вскоре получил посылку с небольшим

количеством кактусов. Двадцать четвертого мая 1896 года он их попробовал.

Вначале Митчелл ощутил прилив энергии, сопровождавшийся ощущением необычайной остроты ума. Митчелл решил это проверить, засев за статью по психологии, написание которой он откладывал уже неделю. Но статья не поддавалась. Тогда он попытался сочинять стихи и решать в уме математические задачи. Но ни то ни другое не подтвердило его ощущения расширившихся умственных способностей. Тогда утомленный Митчелл отправился вздремнуть в спальню. И тут пришли видения. Позднее, на строгих страницах «Британского медицинского журнала», Митчелл, описывая эксперимент, упоминал, как перед его взором возникали тысячи галактических солнц и готическая, светящаяся слабым светом, башня вздымалась на невиданную высоту. Это был фантастический пейзаж, похожий на картины американского художника Максфилда Пэрриша.[25] Прочитав статью Митчелла, этим материалом заинтересовались Хэвлок Эллис и Уильям Джеймс.

Англичанин Хэвлок Эллис был во многом похож на Митчелла. Он тоже был медиком, предпочитавшим литературные труды ежедневной врачебной практике. Однако, хотя он опубликовал сотни стихов, эссе и медицинских статей, сегодня Эллиса помнят в основном по шумихе, поднятой вокруг его внушительной семитомной «Психологии секса», книги, которая была запрещена в Англии как непристойная. В страстную пятницу 1897 года, один в своем лондонском доме, Эллис, съев три пейотля, стал ждать результата. Скоро на него нахлынула лавина образов, только в отличие от видений Митчелла, они скорее напоминали картины не Пэрриша, а Моне.[26]

Заинтригованный Эллис решил угостить пейотлем художника. В качестве подопытного кролика он использовал одного своего друга. Однако он дал ему слишком большую дозу, и бедняга почувствовал «адскую боль в сердце и ощущение надвигающейся смерти». В какой-то момент Эллис предложил ему съесть бисквит. Но когда

---

[25] Пэрриш, Максфилд (1870–1966) — популярный американский график, автор многочисленных журнальных и книжных иллюстраций, создатель стиля «фэнтези».

[26] Моне, Клод (1840–1926) — французский художник-импрессионист.

художник взял бисквит, тот загорелся и крошечные голубые огоньки, перекинувшись на его брюки, заплясали у него на боку. Когда же он все-таки поднес его ко рту, тот засветился голубым светом, который был «насыщенней цвета воды в голубом гроте на Капри» — по крайней мере, именно так он описал это ошеломленному Эллису. В то время как Эллиса покорило в пейотле изменение мира — «такое тихое и внезапное чувство озарения. Понимание всего окружающего, в котором еще за мгновение до этого ты не видел ничего необычного», то художник пережил нечто похожее на помешательство: «странность происходящего потрясла его гораздо больше, чем красота».

Эллиса это не остановило. Он дал попробовать пейотль нескольким другим своим друзьям, среди которых был известный поэт Уильям Батлер Йитс. Он определял свои переживания в «другом мире» как «экстравагантные»: «Это выглядело так, словно передо мной быстро прокручиваются справа налево наплывающие друг на друга пейзажи, каждый из которых был абсолютно нереален. Я видел, например, восхитительных драконов, дыхание которых казалось неподвижными струями пара, и белые мячики, балансирующие на конце этого дыхания».

Хэвлок Эллис описал свои опыты в эссе «Мескаль: новый искусственный рай», появившемся в 1898 году в «Контемпорари ревью». В основном статья была описательной, но в ней присутствовало и несколько выводов, самым смелым из которых был тот, что любой образованный джентльмен должен хоть раз или два в жизни попробовать пейотль.

Для редакторов «Британского медицинского журнала» это было уже слишком, и они опубликовали гораздо более консервативную статью о пейотле Вейра Митчелла. Не верьте «новому раю» Эллиса, — предупреждали издатели, — на самом деле это «новый ад».

> *Отдавая дань уважения силе описаний мистера Эллиса и его друзей, мы хотели бы указать на то, что такое восхваление несет в себе опасность для людей… Мистер Эллис, правда, утверждает, что, по его мнению, постоянное употребление больших количеств не несет никакого вреда здо-ровью. Однако он говорит, что «для здорового человека попробовать раз или два*

мескаль это не только незабываемое удовольствие, но и, без сомнения, определенный опыт». Нам кажется, что это слишком большое искушение, по крайней мере для той части наших читателей, которые всегда ищут новых ощущений.

В ответ же на фразу Эллиса, что любой образованный человек должен попробовать пейотля, редакция сухо замечала, что индейцев кайова из американских прерий вряд ли можно назвать «самыми образованными обитателями Америки».

Читая редакционную статью, вероятно, прабабушку всех антипсиходелических статей, можно выделить два типа используемой аргументации, ни один из которых, по сути, не научен. Первый — полемическое заострение терминов, типа «рай-ад». Второй — характерное для протестантской морали утверждение, что ощущения, особенно новые ощущения, — это плохо. Наркотики вроде пейотля, писали редакторы, — это не для поря-дочных людей. И это — притом, что, судя по всему, они полемизировали с теми двумя уважаемыми людьми, которые уже попробовали пейотль и считали этот опыт ценным.

Издатели «Британского медицинского журнала» подняли еще один интересный вопрос, который в то время оживленно обсуждался. Где лежит грань между правильным использованием медикаментов и злоупотреблением? Статьи о лекарствах были неотъемлемой частью «Британского медицинского журнала». Но разница была в том, что они предлагали лекарства от различных болезней, в то время как пейотль в лечебной практике не использовался. Но разве это автоматически делает его вредным наркотиком? В чем состоит злоупотребление веществом, вызывающим у человека непатологические симптомы, такие, как экстаз, галлюцинации или даже ужас, — если оно не несет психологической или физической опасности для человека?

Однозначного ответа на это тогда не существовало. Его не существует и поныне. Дело в том, что однообразие притупляет сознание. Ежедневно то же синее небо, та же жена и те же дети. Пейотль помогает отточить притупившееся лезвие восприятия. Так что, запрещая его, мы закрываем для себя множество возможностей…

Но вернемся к нашей истории. Как и боялись редакторы

«Британского медицинского журнала», пейотль становился все популярнее, особенно в богемных кругах Лондона, Парижа и Нью-Йорка. На мир надвигалась первая мировая война. Интеллектуальными центрами мира в ту пору были Монмартр и Гринвич-Виллидж В Гринвич-Виллидже культурная жизнь сосредоточилась в салоне Мэйбл Додж, богатой дамы, задумавшей стать американской мадам де Сталь.[27] На ее вечерах можно было застать как Большого Билла Хэйвуда, лидера «мирового рабочего Интернационала», болтающего с анархистами Эммой Гольдман и Александром Беркманом, так и молодых вольнодумцев из Гарварда вроде Уолтера Липпманна и Джона Рида.[28] В 1914 году Додж организовала дома ритуальный вечер (она со значением назвала его «экспериментом над сознанием»), который почти в точности воспроизводил подлинную церемонию индейцев кайова.

> *Раймонд вышел и отыскал орлиные перья и зеленую ветку, из которой можно было сделать стрелу. Костром нам служила зажженная электрическая лампа, прикрытая моей красной китайской шалью. Я не помню, что изображало лунные горы, но в качестве Пути Пейотля мы использовали скатанную в длинную узкую полосу простыню, ориентированную на восток.*

Установка для получения ЛСД в лаборатории Хофмана

Раймонд, как писала Додж, съев свой первый кактус, начал лаять как собака. У нее же возникло ощущение, что она плывет. Одновременно ей вдруг стали смешны все «поверхностные увлечения человечества… анархия, поэзия, политические системы, секс,

---

[27] Мадам Сталь, Луиза Жермена де (1766–1817) — содержательница одного из первых прославленных литературных салонов, в котором сформировался романтизм как осознанное направление в искусстве.

[28] Липпманн, Уолтер (1889–1974) — выдающийся американский журналист, дважды лауреат Пулитцеровской премии, в молодости увлекался идеями социализма. Рид, Джон (1857–1920) — американский журналист-социалист, автор книги "Десять дней, которые потрясли мир". Умер в Москве, похоронен в Кремлевской стене.

общество».

Воспоминания об этом вечере помогают в миниатюре представить себе эволюцию психоделиков. Меньше чем за тридцать лет пейотль из научных кругов перекочевал в богему. Неизвестно, как дальше распространялся бы этот «сухой виски», если бы не началась первая мировая война. После войны большой интерес вызвало открытие Эрнста Шпата, синтезировавшего психоактивный алкалоид пейотля, названный им мескалином. После того как отпала нужда есть эти отвратительные на вкус кактусы (Уильяма Джеймса стошнило после того, как он съел один. «С тех пор я испытываю видения лишь наяву», — писал он брату Генри), исследования пошли полным ходом. В начале двадцатых Карл Бе-рингер опубликовал объемный труд «Der Mescalinraush», что переводится как «интоксикация мескалином». В 1924 году Левин выпустил свою главную работу, «Фантастикум», в которой он, продолжая дело фон Бибры, каталогизировал большую часть известных наркотических растений, воздействующих на человеческую психику. Левин поделил их на пять классов: эйфорические, вызывающие видения, опьяняющие, гипнотические и возбуждающие. Спустя семь лет вышел английский перевод, о котором мимоходом упоминал Олдос Хаксли в эссе, опубликованном в чикагском «Геральд икзэминер».

Однако на самом деле случайная встреча Хаксли с «Фантастикумом» имела решающее значение. В 1931 году Хаксли абсолютно неожиданно наткнулся на эту книгу, «пыльную, валявшуюся на одной из самых верхних полок» книжного магазина. Эта судьбоносная случайность привела к тому, что пятый роман, написанный Хаксли, заметно отличался по стилю от предыдущих произведений.

В романе «О дивный новый мир» он нарисовал антиутопию, в которой связующим звеном между людьми были не этические представления, не философия национальной политики и не концепция смысла жизни — а наркотик сома, название которого Хаксли позаимствовал из «Ригведы». Хаксли, который сам придумал этот наркотик, заинтересовался и реальными результатами исследований Левина. Он сказал тогда слова, оказавшиеся пророческими:

«Все существующие наркотики, — писал он в «Геральд икзэминер», — опасны и вредны. Небеса, на которые они возносят своих жертв, превращаются в ад болезней и моральной деградации.

Они убивают сначала душу, затем, через несколько лет, — тело. Где лекарство? «Запрещение», — ответят хором все современные государства. Но результаты запрещения не обнадеживают. Мужчины и женщины чувствуют такую потребность в возможности отдохнуть от реальности, что они готовы пойти на все, чтобы добиться этого… Удерживать людей от злоупотребления алкоголем или наркотиками вроде морфина и кокаина можно, лишь обеспечив их эффективной заменой этих приятных, но неизбежно отравляющих человека веществ. Человек, который изобретет такую замену, будет одним из величайших благодетелей страдающего человечества».

Альберт Хофманн не сошел с ума. Утром он чувствовал себя прекрасно. Выйдя после завтрака в сад, он отметил необычайную ясность восприятия. Все чувства обострились. Это звучало безумно, но он ощущал себя словно заново родившимся.

Любопытно, что он помнил почти все, что с ним происходило вчера вечером в мельчайших подробностях. Вероятно, это свидетельствовало о том, что сознание не отключалось в процессе эксперимента. Придя на работу, Хофманн составил отчет для Артура Штолля. «Вы уверены, что не ошиблись при взвешивании? — спросил Штолль. — Упомянутая доза верна?»

Но ошибки не было. Причиной удивительных переживаний Хофманна были 250 микрограммов вещества — чуть больше былинки. Таким образом ЛСД-25 оказалось одним из самых мощных из известных человеку химических веществ, в 5— 10 тысяч раз сильнее эквивалентной дозы мескалина.

От Хофманна ЛСД-25 перекочевало в фармакологическое отделение «Сандоз», где профессор Ротлин тестировал его токсичность на различных животных. Кошки, мыши, шимпанзе, пауки, все они под воздействием больших доз ЛСД оставались физически невредимы, однако часто в их поведении появлялись странности. Пауки, например, начинали ткать паутину более аккуратно и пропорционально при небольших дозах, при больших же теряли к ней всяческий интерес. У кошек состояние тоже менялось — от нервного возбуждения до кататонии. Но самым пророческим, хотя тогда этого еще никто не понимал, был эксперимент с шимпанзе. Однажды Ротлин сделал лабораторному шимпанзе инъекцию и отправил его обратно в клетку с другими животными. Через минуту в клетке поднялась суматоха. Нет, шимпанзе не обезумел и не стал вести себя странно. Он просто, находясь под воздействием наркотика,

больше не подчинялся четкому иерархическому порядку стаи.

«Сандоз» очутился перед стандартной дилеммой. Продолжать ли исследования в надежде найти лекарство, которое можно будет выбросить на рынок, — или переключиться на другие области? На решение продолжать исследования во многом повлияло изучение мескалина профессором Берингером и другими. В «Интоксикации мескалином» Берингер отмечал сходство между интоксикацией мескалином и психозами. Вслед за ним это подтверждали и другие исследователи, например Е. Гуттманн и Г.Т. Стокингс. «Мескалиновая интоксикация, — писал последний в 1940 году, — это действительно «шизофрения», если подразумевать под этим словом «расщепление сознания». Для мескалино-вой интоксикации характерно расщепление личности, очень похожее на то, что можно обнаружить у больных шизофренией». Кроме того, что он давал мескалин больным, Стокингс попробовал его и сам. И обнаружил, что наркотик может порождать целый спектр ненормальных состояний: кататонию, паранойю, манию преследования, манию величия, галлюцинации, религиозный экстаз, навязчивое желание убийства, суицидальные порывы, апатию. Получалось, что, если прибегнуть к лексике Фрейда, такие наркотики, как мескалин, могли расщепить личностное эго. То есть открыть ящик Пандоры — подсознательное!

Первые эксперименты на людях, помимо тех, которыми занимались сотрудники лаборатории «Сандоз», проводил также Вернер Штолль, сын Артура Штолля, психиатр, сотрудничавший с Цюрихским университетом. Повторив некоторые эксперименты Стокингса, Штолль сделал дополнительные открытия: в небольших дозах ЛСД помогает психотерапевтическому лечению, позволяя легко проникать в сознание. Позднее ходили слухи, что одна из пациенток после принятия ЛСД совершила самоубийство. По одной из версий это была психически больная женщина, покончившая с собой через две недели после того, как она принимала наркотик в процессе терапии. По другим сведениям, смерть женщины наступила вследствие того, что ей давали наркотик, но не сообщили об этом.

Доктор Хофманн в компании Уильма Берроуза

Штолль опубликовал полученные данные в 1947 году, и вскоре после этого «Сандоз» выпустил на рынок ЛСД, предлагая поставлять желающим это вещество для научно-исследовательских целей. ЛСД

получил торговое имя «Делизид» (Delysid). В инструкции по применению предлагалось два возможных варианта использования:

> *Аналитическая психотерапия: Для высвобождения вытесненного материала и создания психической релаксации, в частности при тревожных состояниях и неврозах навязчивых состояний. Экспериментальный: Принимая Делизид самостоятельно, психиатр получает возможность проникнуть в мир мыслей и ощущений душевнобольных. Делизид также может использоваться для получения модели психоза короткой длительности у нормальных субъектов, способствуя таким образом изучению патогенеза психических заболеваний.*

Он появился в Америке в 1949 году — очень подходящее время для появления в обществе нового наркотика, воздействующего на сознание.

Глава 2. НАУКА-ЗОЛУШКА

В те два дня летом 1947-го, когда американские психиатры совещались на закрытом собрании в конференц-зале нью-йоркского отеля «Пенсильвания», в вестибюле отеля порхал невесть откуда залетевший туда голубь. Он деловито перелетал с люстры на посаженную в горшок пальму, игнорируя любые попытки его поймать.

История с голубем показала, что психология вновь стала пользоваться уважением у американцев, — если бы пернатый пришелец залетел на огонек к психиатрам буквально несколько лет назад, то газеты разразились бы насмешливыми статьями о птичьих мозгах[29] или о чем-нибудь в том же роде. Снова всплыл бы карикатурный образ бородатого, помешанного на половых проблемах психиатра, многократно обыгранный в Голливуде. Мы вернулись бы в атмосферу довоенных лет, к нацистским временам, к

[29] Если для русских голубь является в первую очередь птицей мира, то для англичан и американцев он символизирует скорее глупость Аналогом в русском языке могут служить выражения о курице — «глупа как курица»,

концентрационным лагерям, в тот безумный, безумный мир, где психиатры считались безумными, безумными созданиями и имели очень мало сторонников. Тогда, в начале сороковых годов, в Америке было всего лишь три тысячи психиатров и еще меньше психологов.

Есть много объяснений послевоенному развитию психологии как научной отрасли знаний. Частично это было просто нормальное развитие науки, накопление теории и практических экспериментов, тяготение способных умов к новым горизонтам. Но в чем-то здесь сыграли свою роль первая мировая война и революция, вдребезги разбившие безмятежный рационализм времен короля Эдуарда и королевы Виктории. Тот факт, что в один из дней 1916 года сто тысяч человек могло погибнуть в топкой грязи, шутя и смеясь при этом, во многом способствовал популяризации представления о том, что наше духовное равновесие постоянно подвергается испытанию тем, что древние называли «внутренними демонами», а новая наука психиатрия именует «подсознательным».

Грэйс Адаме в статье, напечатанной в «Атлантик Монтли» в 1936 году, описывала промежуток между 1919 и 1929 годами как подлинную эпоху расцвета психоанализа. «Все грамотные американцы и большая часть неграмотных намного больше, чем когда-либо раньше, стали интересоваться тем, что, как и почему происходит в человеческом сознании». Это было время, когда люди увлеклись такими экзотичными вещами, как либидо, IQ,[30] условные рефлексы, перверсии, стимулы и реакции. Это было время, когда они изучали бихевиоризм,[31] учения последователей Фрейда, тесты на интеллект и гештальт-психологию;[32] когда они покупали сотни книг «куриные мозги» с названиями вроде «Психология красоты»,

---

30 Коэффициент интеллекта.

31 Психологическая школа, основанная американским ученым Джоном Уотсоном в двадцатые годы; отрицает эмоциональные и образные суждения при описании психологических процессов, требует оперировать исключительно измеряемыми и поддающимися статистической обработке данными.

32 Психологическая школа, возникшая в Германии в начале двадцатого века и явившаяся первой попыткой порвать с механистическими теориями человеческого поведения. Делала акцент на различие между объективным стимулом и субъективным восприятием, понимая последнее, впрочем, все равно на механистическом уровне (как вытекающую из структуры нервной системы индивида).

«Психология покупок», «Психология большевизма», автоматически задумываясь только над вторым словом.

Согласно Адаме, этот всплеск энтузиазма во многом явился результатом вполне конкретных событий, в частности проведенных психологами, прикомандированными к штабу начальника медицинского управления, тестирований умственных способностей более чем двух миллионов новобранцев. Результаты были обескураживающими. Кроме того, что пришлось комиссовать восемь тысяч шестьсот сорок шесть новобранцев за психическую непригодность, тесты показали, что в среднем умственное развитие этих людей (а, значит, в определенной степени и среднего американца) соответствует возрасту тринадцать лет и один месяц. Выражаясь другими словами, умственные способности среднего американца равны способностям тринадцатилетнего подростка. За этим последовал резкий всплеск, если не сказать оргия, умственного самоусовершенствования, конец которому положил лишь финансовый кризис и экономическая депрессия, вынудившие всех переключиться на экономическое самосовершенствование.

В середине тридцатых годов психологи делились на враждующие между собой кланы, что во многом объясняет панегирический тон статьи Адаме в «Атлантике». Внутри психоанализа насчитывалось не менее полудюжины различных школ, возглавляемых харизматическими мыслителями вроде Адлера и Юнга. Они принимали основы фрейдистской теории, но расходились во взглядах на результаты, которые она может оказать на повседневную жизнь. Бихевиоризм, известный тогда в качестве экспериментальной психологии, был склонен к более догматическому подходу и находился в оппозиции ко всему, что любили психоаналитики. Используя хитроумную софистику, бихевиори-сты пришли к интересному выводу, что раз ментальные процессы нельзя измерить, то они не существуют. Подсознательное Фрейда, согласно бихевиористам, имело с наукой столь же много общего, сколько, к примеру, сонет Китса. А поведение человека просто механически определяется набором стимулов и реакций! В поддержку таких заявлений бихевиористы приводили многочисленные данные, полученные в ходе экспериментов с голубями и крысами. Если перефразировать одну старую пословицу, можно сказать, что психология сначала потеряла душу, а затем уже голову.

Бихевиоризм получил признание и поддержку со стороны

крупных корпораций, которые надеялись использовать его уроки в управлении американскими рабочими. Психоанализ получил признание среди жен боссов тех же корпораций и их богемных отпрысков.

Между этими двумя гигантами существовали и более мелкие направления. Главным образом, медицинская психиатрия и академическая психология. Медицинская психиатрия, тесно сближавшаяся с неврологией, занималась больше физическими, чем органическими причинами душевных расстройств. Она предпочитала хирургию терапии и в середине тридцатых годов была на грани двух важных открытий. Первым оказалось разрезание нервных волокон в передних долях мозга. Несложная операция, известная как лейкотомия, или лоботомия, усмиряла даже самых агрессивных психов. Вторым открытием была не определенная хирургическая операция, а скорее формирующееся осознание того, что определенные виды наркотиков могут изменять традиционное протекание душевных заболеваний.

Оставалась еще академическая психология. Лучше всего будет процитировать Джеймса Брюнера, окончившего психологическое отделение Гарварда в 1938 году. Вот как он описывал свои занятия: «Мы посещали семинар Курта Гольдштейна, изучая интеллект и поведение, учили «жизнь в развитии» по Бобу Уайту, «жизненные истории» по Гордону Оллпорту, операционизм по Смитти Стивенсу. Посещали лекции профессора Боринга по ощущению и восприятию, лекции Колера по Уильяму Джеймсу, а кроме того, ходили к Курту Левину на топологическую психологию. Подразумевалось, что в итоге мы сможем заниматься как социальной психологией, так и зоопсихологией, или психофизикой, или всем, что может быть связано с психологией». В местах вроде Гарварда академическая психология разделялась на два основных направления. Экспериментальная психология, которой занимался и Брюнер, изучала восприятие, память, обучение и мотивации поступков. Другую ветвь составляли психологи, изучающие психологию личности, которых интересовало, насколько влияют на формирование индивидуального эго сочетание врожденных черт характера с особенностями воспитания и окружения. Хотя представители экспериментального направления считали, что они занимают в психологической науке более прочное положение, однако среди тех, кто занимался психологией личности, также выделялись два

энергичных лидера — Гарри Мюррей и, менее яркий человек, однако великолепный преподаватель, Гордон Оллпорт. Мюррей был первым, кто использовал в клинике Гарварда диагностические тесты, целью которых было обеспечить наиболее полный анализ личности пациента.

У этих тестов была любопытная предыстория.

Помимо тестов на умственные способности для американских солдат-пехотинцев, психологи Генерального штаба также экспериментировали с вопросником, который должен был выявить потенциальных психоневротиков. Вопросник назывался «список личностных данных Вордсворта» — по имени его создателя, психолога Колумбийского университета, Роберта Вордсворта. Используя в качестве образца тест IQ Бине, Вордсворт составил тест из ста двадцати пяти вопросов, преследующих цель обнаружить людей с неустойчивой психикой. К сожалению, практические опыты показали несостоятельность теста. Однако это привело к неожиданному результату. Вместо того чтобы отказаться от теста Вордсворта, психологи «так обрадовались, что у них теперь есть средство для диагностики психозов и неврозов (пусть даже и не работающее), что с энтузиазмом принялись за развитие этой области».

Вордсворт основывался на том, что человеческая личность поддается количественному определению, то есть вы можете точно измерять степень экстравертности или степень невротичности. Это было божьим даром для психологов, запертых между бихевиористскими экспериментами с крысами с одной стороны и не поддающимися проверке моделями психоанализа с другой. К середине тридцатых годов появляется множество сходных диагностических тестов — начиная с «чернильных пятен Роршаха» (1921) до MMPI (Миннесотский многофазный личностный тест) и TAT (тематический тест на апперцепцию), в разработке которых принимал участие Гарри Мюррей.

Эти два последних теста были выполнены в двух разных стилях. Первый напоминал стандартную школьную серию вопросов, каждый ответ был либо правильным либо нет. Вопросы были вроде: «Вы часто мечтаете? Любите ли вы общаться с людьми младше вас по возрасту? Вас не преследуют мысли, что на улице за вами наблюдают?» Во втором случае использовались нейтральные рисунки, вроде чернильных клякс или картинок. TAT, например,

состоял из девятнадцати черных и белых рисунков, которые вас просили объяснить. Предполагалось, что работа воображения в данном случае связана с подсознательным.

Хотя фактическая ценность этих тестов оставалась под большим вопросом, они имели огромную популярность. Когда Америка в 1941 году вступила во вторую мировую войну, психологические тесты стали важной частью терапевтического арсенала. Четырнадцать миллионов призывников были тестированы с обескураживающим результатом — 14 % оказались не годны к службе в армии из-за невротических расстройств. Эта цифра потрясла послевоенную Америку, которая под звуки победного марша вступала в «американский век». Как же восстанавливать послевоенную Европу, противостоять коммунистам и увеличивать валовой национальный продукт, когда 14 % американцев, будучи здоровыми телом, оказались нездоровы духом? И разве можно такое вообще допустить?

Конгресс считал, что этого допускать нельзя, представители здравоохранения тоже так считали — и это рефреном звучало во всех тогдашних репортажах.

Отчасти шумиха в прессе была повторением той шумихи, что всколыхнула Америку после Первой мировой войны. Однако имелось одно существенное отличие: опыт годов экономической депрессии, который приучил граждан к мысли о вмешательстве государства в нужный момент. И действительно, поставленный перед фактом, что общественное здоровье оказалось значительно более слабым, чем предполагалось до сих пор, Конгресс ответил «Актом национального душевного здоровья», ставшим законом 3 июля 1946 года. Первые ассигнования, скромные два миллиона четыреста тысяч долларов, были направлены на изучение диагностики, причин и опасностей психоневрологических расстройств, воспитание кадров психологов и психиатров и устройство клиник по всей стране.

Дальше цифры говорят сами за себя. В 1940-м в Америке едва ли набралось бы три тысячи психиатров. Спустя десять лет их было уже семь с половиной тысяч. В 1951 году Американская психологическая ассоциация насчитывала восемь с половиной тысяч членов — в двенадцать раз больше, чем в 1940 году. В 1956 году в ней состояло уже больше пятнадцати тысяч человек. Ассигнования росли еще быстрее. В 1964 году вместо скромных двух миллионов четырехсот тысяч на эти цели выделялось уже сто семьдесят шесть миллионов долларов.

Такова арифметика прогресса двадцатого века. Там, где еще десять лет назад люди были первопроходцами, теперь над проблемой трудились тысячи искушенных умов. Возможно, результаты были немного хаотичны, но в целом они работали. Доказательством этого служит «Манхэттенский проект». И если уж человек смог постичь невидимые частицы и использовать солнечную энергию, почему бы не предположить, что перед ним не устоят психические болезни, сумасшествие и депрессии.

Уильям Менninджер, председатель АПА

В то время как голубь выделывал кульбиты в вестибюле отеля «Пенсильвания», американские психологи выбрали военного психиатра, бригадного генерала Уильяма Менninджера своим знаменосцем. В 1948 году Менninджер, которого пресса описывала как человека, который в отличие от многих других психологов не был ни «чудаком» ни «отстраненным от жизни» ученым, занимал высшие должности в психологических учреждениях. Со своего высокого поста он призывал своих коллег, которых в то время было не более пяти тысяч, позабыть свою привычную клиентуру, состоящую из невротичных богатых вдов и здоровых представителей богемы, и сконцентрироваться на обычном человеке, для которого это было действительно важно. Война, писал Менninджер, преподала нам два великих урока. Во-первых, выяснилось, что в стране гораздо больше людей, страдающих различными психоневрологическими расстройствами, чем кто-нибудь мог предполагать. Во-вторых — от напряжения и нагрузок может пострадать здоровье даже самого здорового и нормального человека. «Есть ли надежда, — обращался он к залу в тот день в отеле «Пенсильвания», — что медицинская наука, в которой психиатрия все еще находится на правах Золушки, сможет сделать шаг вперед и предложить свои терапевтические средства миру, полному бед и болезней?»

Конечно, не обходилось без преувеличений. Отталкиваясь от сомнительной цифры в четырнадцать процентов, некоторые психиатры утверждали, что ненормален практически любой человек (или, по крайней мере, потенциально ненормален). «Тайм», в общем приступе лихорадки, цитировала высказывания одного психиатра, заявившего, что во всей стране найдется едва ли один миллион нормальных людей. Под нормальными подразумевались люди, «не

страдающие беспокойством, не предающиеся порокам, не имеющие страхов и предубеждений».

Особое внимание уделялось детям, «этой благодатной почве, в которой различного рода помешательства и отклонения пускают корни и быстро прорастают, словно сорняки, уничтожая все нормальное, что есть в человеке». Было приблизительно подсчитано, что ежегодно около восьмисот сорока тысяч детей начинают страдать неврозами, и это не считая разрушительного влияния, которое они оказывают на спокойное мирное детство их сверстников. Согласно «Ньюсуику», умелый психиатр мог обнаруживать эти «сорняки» в ребенке начиная с возраста в один — два года. Доктор Лео Картер писал о таких детях: «…тихие, замкнутые, слишком добросовестные. Или они могут быть, напротив, очень раздражительными, чувствительными и ни с чем не соглашающимися… дети, склонные к шизофрении, выглядят грустными, капризными, легко сердятся, у них отсутствует чувство юмора, они молчаливы, скрытны, подозрительны, невнимательны, непостоянны и быстро утомляются».

Временами создавалось впечатление, что в психологическом словаре найдутся определения для любого человеческого поведения. Счастье называлось эйфорией, энтузиазм — манией. Было доказано, что творчество — просто социально приемлемый выход для неврозов. Гомосексуализм и прочие сексуальные отклонения были показателями психопатии. Так же как и «алкоголизм, тяга к наркотикам… бродяжничество, попрошайничество и неспособность к стойким привязанностям». То, что раньше называлось стариковским чудачеством, теперь именовалось старческим маразмом.

В погоне за славой и богатством была потеряна строгая, почти религиозная приверженность великим теориям, будь то фрейдизм или бихевиоризм. Теперь существовал десяток новых направлений. Новые данные текли рекой. Когда в 1956 году вышло первое издание «Архивов общей психологии», издатель Рой Гринкер обещал публиковать «статьи по всем отраслям, будь то психология, морфология, физиология, биохимия, эндокринология, психосоматика, психиатрия, детская психиатрия, психоанализ, социология, антропология… все, что может привести к созданию единой науки о человеческом поведении». Так было написано в предисловии к первому изданию.

От слияния психологии с нейрологией, которая тогда только зарождалась, ожидали многого. В конце сороковых были обнаружены

и картографированы различные мозговые центры. Олдос Хаксли совершил памятный визит в лабораторию Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Там было множество кошек и обезьян. Сидящие в клетках животные, нажимая на рычаг, получали стимуляцию своих мозговых «центров удовольствия» легкими электрическими разрядами. Это приводило подопытных животных в такой экстаз, что некоторые нажимали на рычаг по восемь тысяч раз в час, пока не наступало изнеможение от нервного истощения и нехватки пищи. «Очевидно, мы уже близки к тому, чтобы воссоздать мусульманский рай, где оргазм длится в течение шестисот лет», — писал другу Хаксли.

Но даже большее значение, чем картографирование мозговых центров, имело открытие химии мозга. До конца сороковых считалось, что мозг — удивительно сложная система, «волшебный ткацкий станок… в котором миллионы сверхбыстрых челноков ткут постоянно меняющийся узор».[33] Но затем, начиная с открытия норадреналина в 1946 году, был обнаружен целый класс химических посредников, работающих как вещества-медиаторы и передающих импульсы от клетки к клетке. Наличие химических посредников подняло несколько интересных вопросов. Не могли ли сумасшествие, психозы и так далее быть результатом нарушений метаболизма? Или не могли ли эти химические вещества в результате определенной мутации превращаться в нечто другое? Вопросы были интересными, но ответа на них не было. Как сказал один ученый, «человек, который откроет химическую подоплеку сумасшествия, может считать, что Нобелевская премия у него в кармане».

Курт Гольдштейн, основатель гарвардской психологической школы

Факт обнаружения химии мозга имел важные последствия для одного из давно обсуждаемых в психологии вопросов, а именно использования наркотиков в терапии. Еще в тридцатые годы венский

---

[33] Выражение принадлежит сэру Чарлзу Скотту Шеррингтону (1857–1952) — великому английскому физиологу, лауреату Нобелевской премии по медицине 1932 года Точная цитата из его Нобелевской лекции «Мозг — это волшебный ткацкий станок в котором миллионы сверхбыстрых челноков ткут всегда исполненный смысла, но вечно меняющийся узор»

психиатр Закел начал лечить шизофреников с помощью инсулинового шока. Закел объявил, что от тридцати до пятидесяти гипоглике-мических бессознательных состояний могут вылечить шизофрению на ранних стадиях. Но в более запущенных случаях это не помогает. Психологическая общественность только успела возмутиться этой новостью, как пришла другая — венский доктор успешно лечил шизофрению, вызывая у больных эпилептические припадки с помощью другого наркотика, кардиозола. Впоследствии он расширил технику и стал применять другие депрессанты.

Классические аналитики с их тщательно сформулированными методами лечения подавленных эмоций и неврозов при помощи абреакции подняли эту работу на смех. В 1939 году английский психиатр Уильям Саржент присутствовал на собрании Американской ассоциации психологов в Сент-Луисе. Судя по его описаниям царившей там атмосферы, полной враждебности и предвзятости позиций, это напоминало нечто среднее между собранием марксистской ячейки и соревнованиями между Гарвардским и Йельским университетами. Когда было зачитано, что сорок процентов лечившихся кардиозолом получили тончайшие трещины в позвоночнике, «слушавшие, чуть ли не подпрыгивая на своих местах, стали аплодировать докладчику, который, по их мнению нанес смертельный удар по этому способу лечения». Саржент также заметил, что с доктором Уолтером Фриманом, одним из первых американцев, введших в обиход лоботомию, обходились на собрании, как с отверженным. И не из-за проблем, связанных с самой процедурой, а скорее за то, что он имел безрассудную смелость предполагать, что шизофрения может быть вылечена хирургическим вмешательством. «Они были так оскорблены предложением лечить обычно неизлечимые умственные расстройства с помощью скальпеля, что были почти готовы разрезать на части его самого», — отмечал Саржент.

Однако в конце сороковых, принимая очевидность того, что некоторые наркотики могут изменить течение психопатологических заболеваний, мнение психологов изменилось. Чувствуя выгодность рынка, фармацевтические компании начали усиленный поиск других воздействующих на сознание наркотиков. Первый из сильных транквилизаторов, торазин, появился в 1954 году. Седативное средство милтаун — годом позднее. За ним последовали стелазин, мелларин, валиум, либриум, элавил, тоф-ранил — набор, который

помогал держать под контролем, если не излечивать, большую часть психических заболеваний.

В середине пятидесятых Американская ассоциация психологов делилась более чем на восемнадцать различных секций. Секции личностной и социальной психологии, секции промышленной и бизнес-психологии и так далее. Самой большой была только что сформировавшаяся секция клинической психологии. Клиническая психология напоминала некоего психологического Франкенштейна — в ней научная точность бихевиоризма соединялась с диагностической техникой личностной психологии. Клинические психологи были одновременно и великолепными учеными, и врачами.

И как ученые, клинические психологи заинтересовались, насколько успешны используемые ими методы лечения. В 1955 году двое из них опубликовали работу, в которой они сравнивали наблюдения за группой пациентов, проходящих сеансы психотерапии в клинике Кайзера в Окленде, и группой других пациентов, которые только собирались пройти данную терапию. Тестируя две группы в течение девяти месяцев, психологи были изумлены тем, что в обеих группах дела обстояли примерно одинаково: треть чувствовала улучшение, треть — ухудшение и треть осталась на том же уровне, что и была вначале.

Главным автором этого исследования был молодой психолог Тимоти Лири.

Клеветники, ополчившиеся против науки-золушки, интерпретировали данные Лири как доказательство того, что психотерапия — это надувательство, обман. Но сам Лири так не считал. Он верил, что исследования в клинике Кайзера подтверждают то, что он давно чувствовал. То, что называлось терапией, было просто набором методик и ловких приемов, которые иногда работали, а иногда — нет. В случае удачного лечения пациент «получал новую жизнь», как выразился соавтор Лири, Фрэнк Бэррон. Сама же терапия была трудом «эфемерным, неустойчивым, хрупким и неуловимым, как любовь или счастье… на взгляд окружающих человек остается почти тем же самым, хотя глубоко меняется внутри».

И ключ к этим получившую новую жизнь людям следовало искать за границами сознания, в области подсознательного.

*** * ***

Однако как далеко ни продвинулась психология, она так и не приблизилась к разгадке главной тайны. Подсознательное было белым пятном в психологии. Изучать его — словно наблюдать за пузырьками воздуха, поднимающимися из глубин океана, пытаясь узнать, откуда же они идут. Подсознательное было неприступной крепостью, терра инкогнита, познаваемой лишь благодаря сигналам, которые прорывались сквозь личностную оболочку. В общественном сознании оно ассоциировалось с вошедшей в поговорку запертой комнатой в викторианском особняке.

Многие люди, частично благодаря работам фрейдистов, приписывают открытие подсознательного Зигмунду Фрейду. Однако открытая полемика о внутреннем устройстве мозга развернулась еще за несколько десятилетий до венского врача, в то время как неофициальные споры по этому поводу велись еще со времен древней Греции. Принято считать, что современные дискуссии о подсознательном берут начало в 1869 году, когда немецкий философ Эдуард фон Гартман опубликовал «Философию подсознательного». Фон Гартман описывал подсознательное как некий параллельный мир, который, хотя обычные методы научного изучения здесь не работали, все-таки можно было исследовать. Эхо подсознательного встречалось везде — во снах, мифах, шутках, каламбурах и воображении; в ненормальном поведении или, наоборот, в чрезмерно нормальном. Оно было королевством духа и мистического опыта.

Книга Гартмана явилась предвестницей форменного штурма «запертой комнаты», которая представлялась «то грудой мусора, то сокровищницей», в которой содержались секреты «психических болезней и вырождения, так же как и зачатков высшего совершенства». В 1900 году психологи уже различали четыре сферы бессознательного: подсознательная индивидуальная память, где хранятся воспоминания и образы ощущений, начиная с первых моментов жизни; область подавления и вытеснения, состоящая из памяти о событиях, которые в течение времени либо забываются, либо подавляются; творческое бессознательное — источник поэзии, творчества и интуиции. И мифопоэтический бессознательный разум, где элементы остальных трех соединяются в домыслы и воображение.

Запомните это последнее, оно имеет прямое отношение к нашему рассказу. Но не обманывайтесь, поэтизируя подсознательное, считая его некой волшебной страной. Генри Элленбергер, чья «История

подсознательного» является, вероятно, одной из лучших книг на эту тему, писал о нем как об «ужасной силе — силе, породившей эпидемию веры в существование нечистой силы, коллективные психозы с их «охотой на ведьм», откровения спиритов, так называемые перевоплощения медиумов, автоматическое письмо, миражи, послужившие приманкой для целых поколений гипнотизеров, и обильную литературу, питаемую подсознательными образами». Великий психолог Юнг провел последние годы жизни, складывая кусочки головоломки мифопоэтической математики, и пришел к выводу, что бессознательное так же невидимо и неощутимо, как кванты в физике. Откуда возникли архетипы, эти первичные образы, которые мы все в себе носим? Являлись ли они просто побочным продуктом деятельности мозга или они были группой символов, в которых была закодирована наша собственная эволюция?

К несчастью, современники Юнга, словно сговорившись, стремились выставить его учение как странное и эксцентричное. Не успел он предложить свою новую богатую возможностями модель бессознательного, как она сразу же подверглась критике. Сначала со стороны фрейдистов, которые сосредоточили свое внимание исключительно на подавленном подсознательном, а затем со стороны бихевиористов, объявивших всю юнгианскую модель ненаучной чепухой. Результатом этого стало упрощение и сужение самого понятия бессознательного, так что в 1948 году анонимный автор писал в «Тайме»: «Ид, зародышевая структура, содержащая наследственные качества, из которых по большей части состоит подсознательное, хранит в себе генетические примитивные желания, животные инстинкты…»

Доктор Уилл Менninджер приводит пример конфликта между сознательным и подсознательным. По его словам, работу сознания можно сравнить с цирковым номером, когда двое че-ловек пытаются управлять одной лошадью. Тот, кто сидит спереди (собственно сознание) пытается дать лошади правильное направление и управлять ею. Но в то же время он не может быть уверен, что его действия согласованы с действиями того, кто сидит сзади (подсознательное). Если оба ездока направляют лошадь

в одну сторону, с вашим психическим здоровьем все в порядке. Но если они собираются ехать в разных направлениях, то тут, вероятно, могут возникнуть неприятности».

Следовательно, проблема в следующем: для психического здоровья необходимо, чтобы едущий сзади ехал в ту же сторону. Но пока что подсознательное все еще оставалось практически неизведанным. Нужно было найти способ проникнуть в его глубины. И поэтому, когда «Сандоз фармацевтикалс» объявил, что обнаружила вещество, способное стимулировать сильные психозы, многие психологи надеялись, что ключ к запертой двери подсознания наконец найден.

Но что они обнаружили, опробовав это вещество? Подсознательное Фрейда, переполненное подавленными желаниями? Или нечто, скорее напоминавшее теорию Юнга?

Или, может быть, выяснили, что были правы бихевиористы и запертая комната была не более чем бухгалтерской книгой, в которую строго по графам записываются условные рефлексы? Или же, возможно, дверь вела в другие, гораздо более странные места…

Глава 3. ЛАБОРАТОРНОЕ СУМАСШЕСТВИЕ

Сейчас уже нельзя выяснить в точности, кто из американцев первым попробовал ЛСД. Но одним из первых был доктор Роберт Хайд, практиковавший в массачусетском Центре психического здоровья. Один из коллег доктора Хайда, Макс Ринкель, достал немного ЛСД. Ему было любопытно, как нормальный человек может на несколько часов превратиться в сумасшедшего. Конечно, сам Ринкель формулировал это немного по-другому. Его интересовало моделирование психозов, искусственно вызванная шизофрения, которая могла бы пролить свет на этиологию сумасшествия.

Хайд был первым «подопытным кроликом» в опытах Ринкеля. Когда все собрались, он растворил коричневую ампулу с Делизи-дом (ЛСД) в стакане воды, выпил и стал ждать. Он ждал и ждал, пока, наконец, его терпение не лопнуло. Тогда он сообщил всем, что собирается пойти погулять. Остальные, если хотят, могут последовать за ним, но он уверен, что никакого эффекта препарат не

оказывает. И тут произошла поразительная вещь. Буквально в один момент, прямо на глазах коллег, уравновешенный вермонтец Хайд превратился в параноика, который с подозрением спрашивал: «Почему они все улыбаются?» или «Почему закрыта дверь?». В 1951 году Ринкель сделал доклад о своей работе над ЛСД на заседании АПА в Цинциннати. По его словам, он обнаружил значительное соответствие между психозом, вызываемым ЛСД, и шизофренией:

> *В основном мы обнаружили изменения, похожие на симптомы больных шизофренией. У испытуемого возникают проблемы с мышлением. Оно становится заторможенным, блокированным, аутичным и отстраненным. Чувство безразличия и нереальности происходящего наряду с подозрительностью, враждебностью и обидами также во многом напоминают шизофрению. Галлюцинаций и бреда намного меньше…*

Но эти заключения достаточно относительны, спешил тут же отметить Ринкель. У склонных к аутичности могли выявиться маниакальные черты, человек начинал шутить и играть словами, хотя это было вовсе не в его характере, или, напротив, у людей, склонных к параноидальным реакциям, могли возникать моменты глубокого экстаза. Единственный четкий вывод, который можно было сделать, — что нормальные люди после приема ЛСД переставали быть нормальными: они менялись, и то, что с ними происходило, можно было назвать ненормальным.

Но становились ли они безумными? Была ли эта модель психозов настоящей? Или же ученые проецировали на процесс собственные желания, видя только то, что хотели бы видеть? На эти вопросы было нелегко ответить. Однако прошло некоторое время, и когда исследованием ЛСД начало заниматься гораздо большее количество ученых, обнаружилось, при каких условиях возможна негативная реакция пациента. ЛСД делало человека в высшей степени восприимчивым к оттенкам поведения окружающих. Если психолог, работающий с пациентом, вел себя холодно и резко, пациент часто отвечал враждебностью или обидой. Однако, если врач относился к пациенту с теплотой и обходительностью, пациент отвечал на это любовью и расположением, далеко выходящими за границы

обычных.

Тесты были больным местом исследований. Как только ЛСД стали изучать серьезно, его начали тестировать с помощью теста Роршаха, ТАТ, блоков Беллвью, теста «Нарисуй человека» (Draw-A-Person). Испытуемые часто сердились, с ними становилось сложно общаться. Они, как и больные шизофренией, объясняли это тем, что задаваемые им вопросы были скучны, глупы и не соответствовали ситуации. «Если тестировать человека, принявшего ЛСД, — предупреждал Ринкель, — он может показаться гораздо более заинтересованным собственными чувствами и внутренними переживаниями, чем взаимодействием с врачом. Это подтверждают результаты тестов, указывающие на увеличение эгоцентризма». Спустя много лет обычный школьный психолог по имени Артур Клепс, обращаясь к Конгрессу, предложил одно из лучших объяснений тому, почему людей, находящихся под воздействием ЛСД, так раздражают тесты: «Если вы должны пройти тест на измерение коэффициента интеллекта (IQ), а в этот момент стены комнаты распахиваются и перед вами возникает видение блистающих красотой солнц центральной галактики, и одновременно с этим ваше детство начинает разматываться пе-: ред вашим внутренним взором, словно цветной трехмерный фильм, вы, конечно, не сможете правильно ответить на задания теста IQ».

Пространственная модель молекулы ЛСД

Но наука должна использовать все доступные инструменты. Кроме того, за тесты выступали те, кто надеялся, что ЛСД действительно создает модели психозов… Исследователи начали определять его не как галлюциноген (каковым он был по медицинской классификации), но как психомиметик, то есть имитатор сумасшествия.

К началу пятидесятых в стране было уже около дюжины различных групп, занимавшихся изучением ЛСД. Большинство, вслед за Ринкелем, использовало его для моделирования психозов, некоторые занимались зоотоксикологией, и по крайней мере один ученый, последовав совету «Сандоз», использовал ЛСД в терапевтических целях. Всех увлекала необычная мощность препарата и удивительные эффекты, которые он оказывал не только на нормальных людей, но и на сумасшедших. Давая ЛСД

душевнобольным, вы могли наблюдать поразительные вещи. Одна девушка, больная кататонией, спустя три с половиной часа после принятия наркотика начала прыгать по палате, громко смеясь. Днем она уже играла в баскетбол. Ночью танцевала. Но на следующее утро она снова вернулась в кататонию. Или другая больная, страдающая гебефренической шизофренией. Обычно она целыми днями хихикала и болтала разную ерунду о птицах и цветах. Через тридцать минут после принятия 100 микрограммов ЛСД она стала смертельно серьезной. Никакого смеха. «Это — серьезное дело, — сказала она курирующему ее врачу. — Мы — люди, достойные сочувствия. Не играйте с нами в игры». Чуть позже она напала на санитаров и делала недвусмысленные сексуальные предложения главной медсестре.

Лекарство действовало удивительным образом. Но что все это означало? Что случалось после того, как ЛСД или мескалин попадали в кровь или в мозг? Оказывало ли это каким-либо способом особое влияние на нейрохимию мозга? И если это так, не мог ли мозг производить собственный метаболик, сходный с ЛСД? Этот вопрос задавали себе многие ученые. Есть ли у сумасшествия органическая основа и если есть, то кто ее сможет обнаружить?

На этой почве возникло много смелых теорий, но нас здесь интересует лишь одна — адренохромная теория двух английских психиатров, Хамфри Осмонда и Джона Смитиса.

Первым шизофреником, с которым пришлось столкнуться доктору Хамфри Осмонду, была девушка, утверждавшая, что каждый раз когда смотрит в зеркало, она видит там слона. Как только она ушла, Хамфри поспешил к своему завотделением и рассказал ему об этом случае. «Ну, вы понимаете, у нее шизофрения», — сказал ему завотделением. «А что это?» — спросил Осмонд. Начальник рассказал. Осмонд хотел услышать основные сведения, которые полагается знать о любой болезни, — симптомы, лечение, этиологию. Но внезапно обнаружил, что ничего существенного по поводу этой болезни он выяснить не может. Существовало множество теорий, но не было никаких твердых данных, подобных тем, которые, например, имелись у Фрейда и его последователей при выяснении механизма подавления и динамики неврозов. Устав от вопросов, начальник Осмонда предложил тому встретиться с аналитиком юнговской школы, Энтони Хэмптоном. Тот в свою очередь посоветовал Осмонду прочитать книгу Томаса Хеннела «Очевидцы».

Клиффорд Бирс. Человек переживший тяжелый пихоз и описавший его

Наряду с «Обретающим себя сознанием» Клиффорда Бирса книга Хеннела была одним из самых запоминающихся описаний того, как человек выздоравливает после тяжелого психоза. Хеннел был полностью захвачен постепенным развитием собственной болезни. Ночные шумы. Странная оживленность предметов. Противоречивое чувство великого собственного предназначения наряду с растущей уверенностью в распаде личности. У него возникало впечатление, будто внутри настраивается оркестр — сначала струнные, затем духовые деревянные и, наконец, медные духовые. Любой, кто ходит на концерты, понимает, что процесс настройки имеет мало общего с собственно исполнением музыки. Для Хеннела крещендо наступило в тот день, когда он решил посетить Оксфорд. По пути он заметил, что другие пешеходы бросают на него многозначительные взгляды, словно они знали нечто, что ему было недоступно. Когда стало темнеть, Хеннел заметил, как поля за живой изгородью начали закипать, а звезды в небе — вращаться, словно на картинах Ван Гога.

Хеннел только начал входить во вкус нового сверхъестественного восприятия, как рядом остановилась машина тайной полиции и, забрав, отвезла его в секретную тюрьму.

Хотя Осмонд перечитывал «Очевидцев» не один раз, но в итоге он чувствовал, что все еще абсолютно не понимает природы шизофрении.

Закончив учиться, Осмонд устроился на работу в «Сент-Джордж», одну из известных лондонских больниц. Там он познакомился с младшим врачом-ординатором Джоном Смитисом. Осмонду, шотландцу, воспитывавшемуся среди суррейских холмов, он показался человеком неординарным. Детство Смитис провел в Индии, в то время английское господство там уже подходило к концу. Его отец работал главным лесничим. Осмонд предполагал, что Смитиса послали в Рагби и Кембридж для того, чтобы после многочисленных экзотических приключений он несколько остепенился под влиянием настоящих английских джентльменов. Страстью Смитиса было изучение природы сознания, и он нисколько не скрывал того факта, что рассматривает психиатрию просто как удобный способ исследования настоящих философских проблем. За это, как и за его привычку отрывисто объяснять что-нибудь,

постоянно добавляя «это же очевидно», его не любили старшие коллеги — это были в основном врачи старой закалки, испытывавшие глубокое недоверие к теоретическим знаниям. Но Осмонд счел Смитиса интересным человеком и они быстро сошлись.

Смитис увлекался многими необычными вещами, в том числе парапсихологией. Однажды он появился в «Сент-Джордж» с книгой Александра Ругье, современника Берингера. Книга была про пейотль, она так и называлась — «Le Peyotl». На одной из страниц он обнаружил молекулярную формулу мескалина.

Формула смутно напомнила Смитису что-то, но он не мог точно сказать, что именно. Осмонду тоже казалось, что это что-то напоминает. Тогда они показали ее специалисту биохимику. Тот заметил, что это похоже одновременно на гормоны щитовидной железы и на адреналин, причем больше на последний. Это странное сходство между адреналином и мескалином послужило причиной возникновения у них интригующей гипотезы: что, если в напряженных ситуациях адреналин преобразовывался в нечто, химически родственное мескалину? Не связывало ли это кипящие поля и вращающееся небо Хеннела с отражением слона в зеркале? Известно, что некоторые растения способны к такому метаболическому преобразованию (оно называется «трансметиляция»), но у людей подобных способностей не наблюдалось.

Получив от светил химии немного мескалина, Осмонд и Смитис приступили к проверке гипотезы. Однажды в полдень, дома у Смитиса, жившего неподалеку от Вимпол-стрит, Осмонд принял 400 микрограммов мескалина. И включил магнитофон, чтобы регистрировать все, что произойдет.

На Осмонда почти сразу нахлынуло ощущение опасности. Все вокруг запылало сначала фиолетовым, потом вишнево-красным светом. Он попытался закрыться от света рукой и ему показалось, будто он сунул руку в доменную печь. Тут впервые он понял, о чем писал Хеннел. Шизофреники не использовали сравнений и метафор, они действительно переживали все, о чем говорили. И отвергать это как заблуждение было бы просто научным высокомерием.

Как только первое удивление прошло, Осмонд задумался. Если то, что мы полагаем объективной действительностью, настолько хрупко, что может быть уничтожено 400 микрограммами мескалина, то, возможно, правы виталисты, утверждавшие, что мозг является просто механизмом, чтобы обрабатывать и стабилизировать данные

внешнего мира. Возможно, само понятие «объективной действительности» парадоксально.

В 1952 году Смитис и Осмонд выпустили небольшое эссе на эту тему. Оно называлось «Новый подход к шизофрении». В нем они выдвигали теорию, что человеческий организм может реагировать на напряженные состояния, вырабатывая эндогенные галлюциногены, в данном случае из адреналина. Галлюциногены меняли воспринимаемую картину мира, что приводило к еще большему напряжению, большему выделению адреналина, а следом — естественных галлюциногенов, что в результате вызывало необычайно глубокий психоз. Единственная возможность прервать этот цикл заключалась в том, чтобы, буквально отключившись от действительности, бежать в иную реальность. Как ни парадоксально, но это было единственной возможностью (не считая смерти) для организма сохранить возможность нормально функционировать.

Что было особенно изящно в этой теории, которую они назвали «теорией М-фактора», это синтез неврологии и динамической психологии — сочетание довольно необычное, если не взаимоисключающее.

После изобретения гипотетического химического М-фактора следовало попытаться найти его в естественном виде или синтезировать лабораторным путем. Это оказалось проблемой мало чем отличающейся от той, с которой столкнулся американский астроном В.Х. Пикеринг, когда в 1919 году вывел, что в Солнечной системе должна быть еще одна планета, пока еще не открытая, которую он назвал Плутоном. Одиннадцатью годами позже Плутон был найден именно там, где предсказывал Пикеринг. Но инструменты, которыми пользовалась астрономия, как быстро поняли Осмонд и Смитис, были намного мощнее тех, что были в распоряжении нейрофармакологии. Тайны космоса были детским лепетом по сравнению со сложностями освоения внутреннего пространства. Они попросили химиков, проводивших исследования по синтезированию пенициллина, чтобы те разработали промежуточные цепочки между адреналином и мескалином. Химики попробовали, но скоро отказались: то, что на бумаге виделось как небольшие различия, на практике было непреодолимо в лабораторных условиях.

Абрам Хоффер

Так что Осмонд и Смитис решили сконцентрироваться на аминохромах, возникающих при распаде адреналина. Один из аминохромов — адренохром, имел молекулярную структуру, удивительно похожую на мескалиновую.

В 1952 году Осмонд впервые попробовал принять адренохром. Через десять минут он заметил, что у потолка изменился цвет. Закрыв глаза, он увидел рой точек, которые то появлялись, то исчезали. Кто-то пододвинул ему тест Роршаха, и Хамфри с изумлением обнаружил в нем множество самых различных фигур и образов. Выйдя в больничный коридор, Осмонд был потрясен — коридор выглядел зловеще. Что значат эти страшные трещины на полу? И почему их так много? Его коллеги были в восторге — это действительно оказалось моделью психоза. Однако сам Осмонд наблюдал за их восторженной реакцией словно сквозь толстую стеклянную стену.

Пейотовый кактус

Это происходило уже не в Англии. В середине 1952 года он работал в канадской провинции Саскачеван, в качестве клинического директора саскачеванской больницы. Это место рекламировалось как самая прекрасная психиатрическая больница в прериях, но соль была в том, что это была единственная психиатрическая больница в прериях. В реальности это было унылое место, очень похожее на «сумасшедший дом девятнадцатого века». Задачей

Осмонда было разбираться со всеми проблемами так, чтобы при этом не вызывать недовольства старого директора, который считался номинальным главой больницы. Старого директора возмущало новое поколение молодых гениев, беседовавших о лечении инсулином и электрошоком и искавших таинственный М-фактор. Он всякий раз, когда это было возможно, старался воспрепятствовать нововведениям Осмонда.

Работа по М-фактору шла медленно. Пока не было Смитиса, который должен был прибыть в Саскачеван только через несколько месяцев, Осмонд начал работать с психиатром Абрамом Хоффером, почетным членом Саскачеванского университета. Хоффер был знаком с Хайнрихом Клувером, который говорил, что с удовольствием занялся бы изучением мескалина, поскольку это «наиболее интересная сфера исследования на сегодняшний день».

Когда же Смитис наконец приехал, он привез с собой заметки, легшие в основу их следующего эссе. После некоторых добавлений, сделанных Осмондом, оно было опубликовано в «Хибберт Джорнал». Смитис считал, что медики восемнадцатого века выдвигали причудливые теории и вели ожесточенные споры, но при этом довольно невнимательно относились к фактам. Развитие психологии в двадцатом веке, по мнению Смитиса, шло примерно так же. Нужна была новая модель научного развития, которая вела бы сначала, вслед за Карлом Поппером, к «ортодоксальной» науке (принятой теории, объясняющей известные факты), а затем к «ереси» (новой систематизации фактов, часто с добавлением новых данных) и, наконец, к новому ортодоксальному периоду. И так далее, с попеременной сменой ереси и ортодоксии.

Мескалин был упомянут в статье дважды. Во-первых — в контексте анализа психобиологического объяснения шизофрении. «Никто не может считать себя действительно компетентным в лечении шизофрении, если он не отдает себе отчет в том, что представляет из себя мир шизофреника, — писали Осмонд и Смитис. — С помощью мескалина это становится возможным». Второе упоминание о мескалине встречалось в русле новой теории сознания, базирующейся на трех новых наборах фактических данных:

> *А) Последние открытия в развитии электронных вычислительных машин и изучение аналогичных механизмов мозга*
>
> *Б) Последние открытия в парапсихологии Обратите внимание на то, что экстрасенсорное восприятие признано научным фактом*
>
> *В) Природа явлений, происходящих в сознании под влиянием мескалина Можно было бы подумать, что любой человек, знакомый с психологией, основанной на концепции подсознательно-го, воспользуется таким богатым источником для различных опытов, как мескалин, но никто этого так и не сделал, хотя Рутье предлагал это еще в 1922 году*

Вскоре они получили письмо от Олдоса Хаксли, поздравлявшего их с открытием и приглашавшего, если они будут «проезжать мимо» в ближайшем будущем, навестить его в Лос-Анджелесе. Хаксли,

кроме того, выражал желание попробовать мескалин.

Хотя Осмонд и Смитис были польщены похвалой прославленного писателя, вероятность, что они будут в ближайшем будущем «проезжать мимо» Лос-Анджелеса была практически равна нулю. Тем не менее им этого очень хотелось, хотя бы для того, чтобы отдохнуть на время от суровой канадской зимы. И тут вмешалась судьба. Напряженные отношения в больнице достигли такого накала, что деятели, отвечающие за программу психического здоровья Саскачевана, почувствовали, что пришло время обсудить это со старым директором. Осмонд решил, что лучше ему при этом не присутствовать, и начал готовиться к поездке в Лос-Анджелес на приближающуюся сессию Американской психиатрической ассоциации. И вот, в результате этих событий, Осмонд в начале мая 1953 года летел в самолете на юг, везя с собой не только редкое для Хаксли приглашение погостить у него, но и небольшой пузырек с мескалином.

Глава 4. ИНТУИЦИЯ И РАЗУМ

Олдосу Хаксли было пятьдесят восемь, когда он, в характерном для него восторженном тоне, набросал письмо Осмонду и Смитису. Он был известен своими блистательными сатирическими новеллами уже начиная с двадцатых годов двадцатого века. Французский беллетрист Андре Моруа восхищался им и отзывался о нем как о «самом умном писателе нашего поколения». Под этим он подразумевал энциклопедическое образование Хаксли.

Казалось, Хаксли в детстве успел прочитать всю «Британскую энциклопедию». Тогда огромное количество эссе на различнейшие темы, вышедших из-под его пера и кормивших его в течение почти всей жизни, было бы вполне объяснимым. Создавалось впечатление, что он понемногу знает обо всем. Но в то же время он не был ни педантом, ни дилетантом. Его суждения, касалось ли это молекулярной биологии или художника эпохи Возрождения Пьеро делла Франческа, были необычайно точны. Художественный критик Кеннет Кларк, долгое время исследовавший творчество Пьеро делла Франческа, ворчал, что, несмотря на долгие исследования, он знает о Пьеро «намного меньше, чем Олдос, изучавший его творчество всего несколько недель, но обладавший сверхъестественным сочетанием

интуиции и разума».

Олдос Хакли

Однажды, будучи в Италии, Хаксли случайно оказался на съемках «Елены Троянской», голливудской костюмированной драмы пятидесятых годов. Поскольку эта отрасль киноиндустрии была полной штамповкой, иногда возникали определенные проблемы: например, в киносценарии упоминалась «вакханалия». Но ни режиссер, родом со Среднего Запада, ни ассистент из Нью-Йорка точно не знали, что это такое. И в этот момент появился Олдос. Как рас-сказал мне позднее ассистент режиссера, «он в течение нескольких часов рассказывал нам все, что знает о вакханалиях. В результате съемки вакханалии получились настолько удачными, что актеры не могли остановиться, даже когда режиссер закричал «стоп».

Таков был Хаксли: занятный человек, полный экзотических знаний. Он и сам выглядел довольно экзотично — ростом метр девяносто с лишним, он был необычайно худ и напоминал флагшток. Когда Олдос был молод, друзья говорили, что он похож на кузнечика. К старости он больше стал походить на цаплю. У него было удлиненное лицо, из-за чего он всегда выглядел на десяток лет моложе. Голову венчала шапка каштановых, а в старости — седых волос. Но самым неотразимым в его облике были, конечно, голубые глаза (он был слеп на один глаз, а другим видел очень плохо) и манера разговаривать с необычайным изяществом. Хаксли откидывался на спинку стула, направив взгляд голубых глаз поверх головы собеседника, и неторопливо развивал свои мысли «беспрерывно, пока не перевернет каждый камень, чтобы обнаружить скрытые под ним факты, или не пройдет весь лабиринт… и не откроет в конце концов истину». В отличие от других талантливых рассказчиков, он был также жадным слушателем. С ненасытной жадностью он поглощал слухи, книги, политику, науку, скандалы и факты (и чем необычнее, тем лучше), бормоча при этом: «как интересно!», когда узнавал очередную пикантную новость.

Если бы Олдос Хаксли умер в тридцать пять, вскоре после публикации своего пятого романа «О дивный новый мир», место в английской литературе ему уже было бы обеспечено. Сомерсет Моэм и Скотт Фицджеральд скорбели бы о преждевременной кончине многообещающего автора. Но Хаксли не умер. Он изменился —

иногда это даже хуже. С середины тридцатых он обратился к мистике и восточной философии. Его романы, когда он наконец заставлял себя писать таковые (а делал он это регулярно по той простой причине, что за романы платили больше, чем за эссе), были настоящими философскими произведениями с научным оттенком. Они напоминали произведения Вольтера и других философов. «Никто со времен Честертона не растрачивал так свой дар», — писал критик Сирил Коннолли[34] во «Вратах обещаний» (что наводило на мысли о том, куда же растратил свой дар сам Коннолли).

Однако ощущение, что с Олдосом творится что-то неладное, испытывали многие. Андре Моруа говорил, что у Олдоса произошло «полное изменение мировоззрения, встревожившее всех, кто, как и я, близко знал его раньше». Немногие из его ранних поклонников остались с ним в его причудливом пути, который привел его сначала к «Вечной философии» — компилятивному сборнику, где были собраны мистические компоненты, лежащие в основе всех религий, — и затем к письму Осмонду и Смитису, в котором говорилось, что он очень хочет попробовать мескалин, наркотик, который может сделать человека сумасшедшим.

Непонимание знакомыми произошедших в нем перемен преследовало Хаксли до самой его смерти. Он умер 22 ноября 1963 года — в тот же день, когда умер Джон Кеннеди. Когда авторы некролога попытались суммировать его жизнь в двадцати или тридцати дюймах колонки, предназначенных для «великих людей», их неспособность рационально к этому подойти была очевидна. Они не могли понять, что жизнь Хаксли была скорее не карьерой, а поиском… поиском чего? Совершенного синтеза науки, религии и искусства? Объединения внешнего и внутреннего мира человека? «Моя основная профессия, — писал Хаксли в одном из писем, которых он написал свыше десяти тысяч, — состоит скорее в достижении своего рода сверхпонимания мира… чем в сборе фактов».

Олдос Леонард Хаксли родился 26 июля 1894 года в английском графстве Суррей. Он был третьим сыном в семье доктора Леонарда Хаксли, педагога, издателя и второстепенного литератора, и внуком

---

34 Коннолли, Сирил (1903–1974) известный английский критик и посредственный писатель.

Т.Г. Хаксли (Гексли), выдающегося биолога и одного из самых известных людей викторианской Англии. Известный как «Бульдог Дарвина», Т.Г. был тем самым человеком, который в знаменитых оксфордских дебатах опроверг доводы епископа Уилберфорса по поводу дарвиновской теории эволюции. Он олицетворял собой тип ученого-рационалиста, что не раз красноречиво демонстрировал всему англоязычному миру — в газетных и журнальных статьях, с научной кафедры. Собрание его эссе выдержало девять изданий. Они начали выходить в год рождения его третьего внука и всего за несколько месяцев перед смертью Т.Г. Ему было семьдесят лет.

«Чистой, ясной холодной логики» требовал Т.Г. от сына и внуков. По определению старшего брата Олдоса, Джулиана, в традиции Хаксли были «тяжелые, но высокие размышления, ровная, но яркая жизнь, широкие интеллектуальные интересы и постоянный интеллектуальный рост».

Мать Хаксли, Джулия, происходила из не менее известной семьи. Она была племянницей поэта Мэттью Арнольда и внучкой моралиста и педагога доктора Томаса Арнольда, одного из выдающихся писателей викторианской эпохи. Джулия Хаксли основала «Прайорсфилд», школу для девочек, которая находилась совсем рядом с «Хиллсайд Скул», школой, где маленький Олдос получал свое первое образование.

По общему мнению, он был блистательным, но неспортивным учеником. Он всегда держался немного отчужденно и это раздражало его ровесников. «Олдос обладал необычайной волей и сдержанностью, — говорил о нем его кузен Джервас, тоже учившийся в «Хиллсайд Скул». — Я не могу припомнить, чтобы он хоть раз терял над собой контроль или давал выход эмоциям, в отличие от всех остальных». Джулиан упоминал, что, кроме того, он «находился на другом, гораздо более высоком уровне по сравнению со всеми остальными детьми». Он всегда думал, измерял, сравнивал, оценивал. Однажды крестная застала его сидящим пред окном и неотрывно глядящим куда-то туда. Она спросила, о чем он задумался, а он в ответ произнес только одно слово: «оболочка».

Он был странным, немного путающим ребенком. Несколькими годами позже английский фантаст, Олаф Стэплдон, издал книгу «Странный Джон», в которой он попытался изобразить интеллектуального супермена, настоящего «сверхчеловека» Ницше — каким он будет в реальности. Получившийся в итоге портрет

имеет поразительное сходство с подростком Олдосом Хаксли, за исключением того глубокого отличия, что странному Джону не пришлось перенести личную трагедию, выпавшую на долю Хаксли. Начиная с поступления в Итон свойственная Хаксли некоторая отрешенность от мира была подорвана тремя трагедиями. Когда ему было четырнадцать, умерла мать. В шестнадцать он подхватил стрептококковую инфекцию, разрушившую роговую оболочку правого глаза и замутнившую левый почти до полной потери зрения. Ситуация была настолько серьезной, что Хаксли пришлось изучать слепой метод чтения Брайля. Пожимая плечами, он сухо шутил, что зато теперь может читать в темноте. Ему пришлось оставить мечты об изучении биологии и о медицинской карьере. Приспособив пишущую машинку под шрифт Брайля, Олдос начал печатать стихи и рассказы.

Наконец через два года, после того как он почти ослеп, и спустя год после поступления в Бейллиол-колледж, в Оксфорде, в тот самый август, когда началась Первая мировая война, средний из братьев Хаксли, Трев, покончил жизнь самоубийством.

«Кроме явной печали потери, добавляет боли и цинизм ситуации, — писал Олдос кузену Джервасу. — Трева довели до этого самые высокие и самые лучшие идеалы. В то время как тысячи других людей, потакающих своим слабостям, защищены от такой судьбы циничным, лишенным идеалов подходом к жизни. Трева нельзя было назвать сильным, но он обладал настоящим мужеством встречать жизнь лицом к лицу, отстаивая свои принципы, — идеалы действительно значили для него очень много».

Олдос занимался писательством серьезно. Будучи в Оксфорде, он спрятал свой идеализм под плащом эстетического дендизма. Стал носить желтые галстуки и белые носки. Вместо классической репродукции повесил над камином плакат с гологрудыми купающимися красотками — французский конечно же. Он поставил к себе в комнату пианино и играл на нем джаз. Чтобы отдохнуть от городской суеты, на уикенды он уезжал в Гэрсингтон, поместье в шести милях от Оксфорда, принадлежавшее Филиппу и Оттолин Моррел. На вечерах в Гэрсингтоне можно было встретить Мейнарда Кейнса,[35] Литтона Стрэйчи,[36] Бертрана Рассела,[37] Вулфов —

[35] Кейнс, Джон Мейнард (1883–1946) — английский экономист, журналист и финансист, создатель теории монетаризма.

Леонарда и Вирджинию[38] — и множество других аристократов из художественного и интеллектуального бомонда. Молодой Хаксли прекрасно чувствовал себя среди этого созвездия острословов, здесь все его признавали как большого интеллектуала и многообещающего поэта. Когда он в 1918 году издал книжечку стихотворений «Утраты юности», в Гэрсингтоне его хвалили.

Там же, в Гэрсингтоне, Хаксли встретился и со своей будущей женой, Марией Нис, обездоленной войной эмигранткой из Бельгии, которую приютила у себя леди Оттолин. Мария была больше чем на тридцать сантиметров ниже будущего мужа, а ее характер — интуитивный, волшебный, чувственный — был полной противоположностью «чистой, ясной холодной логике» Олдоса. «Ничего не зная, она понимает все», — сказал как-то о Марии Игорь Стравинский. И в том числе она понимала людей.

Мария обладала развитым психологическим даром, чего ее супруг был практически полностью лишен. Хаксли называл ее «моим личным толкователем отношений» и расспрашивал о людях, с которыми они встречались в Гэрсингтоне.

От их союза — они начали жить вместе в 1919 году и поженились насколько месяцев спустя — родился ребенок, мальчик, которого назвали Мэттью, и по крайней мере восемь романов. Первый, «Желтый кром», был опубликован в 1921-м. Вслед за ним, с двухгодичными интервалами, последовали «Нелепая награда», «Эти бесполезные прощания» и «Контрапункт». Ни один из друзей Хаксли, открывая его книги, не был готов к тому, что ожидало его внутри. Мягкий, погруженный в свои мысли поэт, автор таких строчек, как

> *Ни резкое падение, ни взлет ласточек не пробуждают чистую дремоту канала: зеркальная поверхность мертва, напоминая о нехватке красоты,*

---

36 Стрэйчи, Литтон (1880–1932) — английский биограф и критик, автор популярного труда «Выдающиеся викторианцы».

37 Рассел, Бертран (1872–1970) — великий английский философ и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1950 года.

38 Вулф, Вирджиния (1882–1941) — выдающаяся английская писательница и литературный критик, ее муж, Леонард (1880–1969) — английский литератор, политик и издатель.

превращался в убийцу, когда писал беллетристику. («Я написал прелестный маленький рассказ, — писал Хаксли к будущей жене своего брата Джулиана. — Он такой бессердечный и жестокий, что вы, вероятно, будете рыдать: концентрация яда там восхитительна».) Конечно, стиль был таким же искрометным, а сюжет закручен с профессиональной непринужденностью. Но в этих историях со странной горечью и тревожностью изображалась пустота, художественное и нравственное притворство тех самых друзей, что были теперь читателями Хаксли. От гнева общественности его спас тот факт, что (позже это отметил Ивлин Во) он с той же жестокостью обнажал и собственную претенциозность. Он никогда не выгораживал себя.

Беллетристика Хаксли отличалась свободой, поэт Стивен Спендер писал, что «такую свободу можно охарактеризовать как свободу от всего — обычного общепринятого официозного вздора, сексуальных табу, уважения к существующему порядку». Но за насмешливым тоном Хаксли скрывалась затаенная тоска, тоска по новому. И это тоже было очень в духе времени. Это была жажда, которую одни подавляли, ударяясь в марксизм, фашизм или чрезмерное эстетство, другие обращались к науке и вере в прогресс. Но все это было не для Хаксли. Учитывая его успехи на литературном поприще, было бы слишком сильно сказать, что он был несчастен, скорее, он был глубоко неудовлетворенным человеком. Он стал двоякодышащим, «словно амфибия, воздерживаясь от эмоционального общения с теми, кто притворялся, и используя свои интеллектуальные способности в качестве щита».

Хаксли боролся с этой тоской, часто переезжая с места на место. Он жил в Бельгии, Франции, Испании, Тунисе и Италии, где они с Марией подружились с Д.Х. Лоуренсом. В конце двадцатых они почти постоянно жили на вилле Санари, во Франции, среди художников и просто праздных богачей, что обитали там до краха 1929 года. От Марселя и до Антибов побережье напоминало расширенную версию уикендов в Гэрсингтоне. Почва была знакомой, и, казалось, можно было ожидать от писателя продолжения того творчества, которое лондонский «Тайме» описывал как «разнообразнейшее остроумие… проницательность и богатство характеров».

Но вместо этого Хаксли явил читателям антиутопию «О дивный новый мир». «О дивный новый мир» был первым шагом Хаксли к

проблемам, которые будут волновать его до конца жизни: разрыв между техническим развитием и человеческой мудростью; злоупотребление прогрессом; неудачи попыток создать нового человека с помощью образования; усиление централизованной власти, когда цель ставится выше средств. Это была также наиболее жестокая из его книг. Человеческий род приравнивался к куче хлама, хотя куча хлама и была полна собственных желаний. В мире, в котором наука позволяет вам выбирать между хлебом и зрелищами, утверждал Хаксли, концепция принуждения становится бессмысленной. Одно из блестящих открытий в «О дивном новом мире» — наркотик «сома». Если использовать фармакологические термины, то «сома» являлась смесью трех различных видов наркотиков, воздействующих на сознание: на одном уровне это был приятный и интересный галлюциноген, на другом — транквилизатор вроде либриума и валиума, на третьем — снотворное. Употребление «сомы» не было принудительным, — у индивидуалистов всегда была возможность уехать на дальние острова.

Но «сома» был только первой ласточкой одной из главных тем Хаксли — жизнь человека становится все более механической. Одаренность, позволившая сообразительной обезьяне приручить природу, теперь начинала оборачиваться против нее. И что бы ни делалось, чтобы изменить психику обезьяны, все равно в результате возникал высокотехнологический ад, искренне полагающий себя раем.

В течение этих лет интеллектуальным собеседником Хаксли и, возможно, в какой-то мере учителем был лондонский издатель Генри Фиц Джеральд Хёд — для друзей просто Джеральд. На пять лет старше Хаксли, Хёд был сыном каноника англиканской церкви. Окончив историческое отделение Кембриджа, он встретил Первую мировую войну в Ирландии, помогая сэру Хорасу План-кетту в его попытках организовать ирландских фермеров в сельскохозяйственные кооперативы. Эта идея провалилась, когда бомба ирландских борцов за свободу взорвалась в резиденции сэра Хораса. Джеральд, находившийся тогда в доме один, чуть не погиб. Решив, что делать карьеру на государственной службе не очень соответствует его характеру и здоровью, он решил заняться литературой и в середине двадцатых опубликовал странный научный труд под названием «Нарцисс: анатомия одежды», в котором прослеживал исторические связи между архитектурой и одеждой.

Любой желающий, углубившись в желтые страницы «Нарцисса», был бы ошеломлен педантичностью Джеральда. Казалось, тот помнит все, что он читал когда-либо обо всем, и хочет объяснить вам это еще более детально. Это был рецепт для невоспитанных болтунов, и такие книги могли бы стать уделом Хёда, если бы он к тому же не был классическим английским эксцентричным джентльменом, писавшим мистерии, в которых англиканские священники использовали настоящие арабские заклинания, чтобы уничтожить конкурентов. Для одних читателей он был Джеральд Хёд, мистик и философ, автор «Боль, секс и время — свидетельства существования бога? Предисловие к молитве». Для других, менее взыскательных читателей, он был Г.Ф. Хёд, автор таких мрачных произведений, как «Черная лиса», «Большой туман» и «Двойники». В «Сэтэрдэй ревью» последняя книга описывалась как «странная и ужасная… полная отвратительного очарования, словно вы обнаружили кобру у себя в кровати».

Эмблема «Общества Туле»

Возможно, Джеральд был немного актером, но тем не менее его интеллект был настолько неотразим, что многие, познакомившись с ним, утверждали, что он один из самых блестящих людей среди тех, кого они встречали в жизни. В этом смысле он затмил даже Хаксли, сказавшего, что Хёд «знает больше, чем любой мой знакомый». Типичный монолог Хёда звучит так: «подобно реке по обширной стране познания… мимо берегов предыстории, антропологии, астрономии, физики, парапсихологии, мифологии и много чего еще». Кристофер Ишервуд, знавший его немного в Лондоне, но гораздо лучше познакомившийся с ним, когда они оба эмигрировали в конце тридцатых в Лос-Анджелес, как-то сказал о жизни Джеральда, что она похожа на «работу художника, выраженную языком метафор и аналогий».

К сожалению, великолепие Хёда беседующего абсолютно не распространялось на Хёда пишущего. Его произведения были написаны педантичным языком, «фактически нечитабельным», как выразился Хаксли.

Хёд познакомился с Хаксли в 1928 году. Тогда он был редактором в литературном журнале «Реалист». Среди сотрудников

были Герберт Уэллс, Ребекка Уэст,[39] Арнолд Беннетт[40] и оба Хаксли, Джулиан и Олдос. Сопровождая преуспевающего молодого романиста в ночных прогулках по Лондону, он понял, что его молодой друг страдал от обычного литературного недуга:

> *Стиль сформирован, определенная структура отношения к жизни и ее интерпретации ясна, и есть определенная аудитория читателей, покупающих именно эту продукцию. И затем внезапно формула кажется ложной, угол зрения — неточным, анализ — презренно мелким. Традиции семьи Хаксли и духи предков бросали вызов его личному гению. Сатира могла развлекать, но убеждать не могла. Чтобы удержаться в рамках сатиры, нужно было заостряться на критике определенных сторон человека: человек — незаконченное животное; человек несомненно обучаем; необученный — меньше, чем животное; плохо обученный — хуже, чем животное; хорошо обученный — существо с бесконечными перспективами и сверхчеловеческим потенциалом.*

В последних фразах весь Хёд. Они раскрывают реальное значение привязанности Хаксли к этому потенциально конкурирующему с ним человеком. Потому что-то, что случилось после между ними двумя, можно иронически назвать интеллектуальным обольщением. Внук Т.Г. Хаксли был обольщен необычной интерпретацией эволюционной теории.

Если не пускаться в долгие дискуссии о развитии науки в конце девятнадцатого столетия, следует отметить, что имелись две основные эволюционные теории. Последователи Дарвина полагали, что естественный отбор шел не направленно и человек был биологически счастливой случайностью, результатом случайных мутаций. Вторая теория, выдвинутая Ламарком и поддержанная

---

39 Уэтс, Ребекка (настоящее имя Сесили Эндрюс) (1892–1983) — английская журналистка, романистка и критик.

40 Беннетт, Арнолд (1867–1931) — выдающийся английский прозаик и драматург.

французским философом Анри Бергсоном,[41] смотрела на эволюцию сквозь призму телеологии. Бергсон называл свою теорию философией витализма. Он утверждал, что эволюция была не случайной, она управлялась творческими жизненными силами, «elan vital», которые стремились к более высоким формам выражения. Среди насекомых примером «elan vital» служит высокая государственность пчел и муравьев. А среди млекопитающих развивалась самая любопытная, самая экспериментирующая разновидность — Homo sapiens.

Разумеется, как только выяснилось, что под концом эволюционной радуги зарыт горшочек с золотом, все начали размышлять о природе этого сокровища. Фридрих Ницше размышлял над «elan vital» и придумал «сверхчеловека», расу суперменов, которые могли быть как мистиками-святыми, так и деспотами-творцами. Для Бергсона был возможен только первый вариант: «вселенная — машина для производства богов», — писал он.

Но как человек собирался стать подобным богам? Дальнейшее физическое совершенствование было сомнительно, но как насчет дальнейшего совершенствования сознания? Развитие психологии в конце девятнадцатого столетия, с акцентом на подсознательном, стало причиной предположений, что сознание — наиболее вероятная область эволюции. Точно так же, как человек шагнул от простого сознания до самосознания, возможно, в какой-то момент он сделает рывок от самосознания до… космического сознания?

По крайней мере именно так предполагал в 1901 году канадский психолог Ричард Бёк. От состояния «жизни без восприятия» Homo sapiens эволюционировал к простому сознанию, которое отличалось уже наличием восприятия. Затем к самосознанию, характерной чертой которого была способность выражать мысли при помощи слов, улучшение языка, математические способности. Бёк полагал, что Homo sapiens, обретя самосознание приблизительно три сотни тысячи лет назад, теперь достиг той стадии развития, когда его способность обрабатывать концепции могла вывести его на новый, космический уровень.

Размышляя о том, что некоторые индивидуумы могли достигать

---

41 Бергсон, Анри (1859–1941) — французский философ и писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1927 года.

следующего уровня сознания раньше остальных, Бёк приводил список тех, кто ощущал космическое сознание: Будда, Иисус, Плотин, Уильям Блейк, Оноре Бальзак, Уолт Уитмен. Используя одиннадцать критериев, Бёк попытался доказать, что каждый из них подвергся сопоставимому опыту: каждый, обычно около тридцати лет, пережил видения, сопровождаемые мощным нравственным и духовным озарением.

Сам Бёк столкнулся с космическим сознанием как-то поздно вечером, возвращаясь домой после философских споров с друзьями. Он ехал в экипаже и внезапно ощутил, словно его «окутывает облако огненного цвета»:

> *Сначала я подумал, что где-то пожар, — такое часто случается в больших городах Но в следующее мгновение я понял, что огонь — внутри меня Меня охватило чувство ликования, неописуемая радость, сопровождаемая внутренним озарением, которое невозможно описать Среди прочего, я не просто поверил, я осознал, что вселенная вовсе не состоит из мертвой материи, напротив, это живая таинственная сила Я ощутил в себе вечную жизнь.*

Книга Бёка «Космическое сознание» произвела глубокое впечатление на Уильяма Джеймса, ведущего психолога Америки. Хотя для обычного человека сложно согласиться с существованием таких необычных состояний сознания, писал Джеймс, но спорить с тем, что они существуют, было бы смешно. «Несомненно, что познать вселенную во всей ее полноте невозможно, если игнорировать другие формы сознания. Вопрос в том, как их оценивать, поскольку они сильно отличаются от обычного сознания. Перед нами открывается новая область, хотя пока что нельзя ее точно описать. В любом случае, это значит, что мы еще не закончили изучать реальность».

Джеймс также отмечал, что в Индии изучение космического сознания и мистических переживаний, сходных с тем, что пережил Бёк, существует в качестве давно известной и признанной науки.

Хотя в двадцатом веке в лабораториях и школах изучали эволюционную теорию Дарвина, ересь Бергсона и Бёка сохранилась, пусть и в нестандартных формах. В Европе после Первой мировой

войны появились восточные гуру вроде Кришнамурти и Георгия Гурджиева, учившие практическим техникам проникновения в более глубокие области сознания. В течение нескольких лет в Лондоне, Париже, Берлине и Вене расцвели различные эзотерические учения и множество полутайных учений — теософы, буддисты, ве-дантисты, темные оккультисты, последователи Алистера Кроули.

В Германии загадочное «Общество Туле» породило партию национал-социалистов и Адольфа Гитлера, имевшего собственную интерпретацию эволюционной кривой, согласно которой следующей стадией человека будет homo арийский.

В Англии, в университетских светских кругах, в которых вращались Хёд и Хаксли, это увлечение теорией эволюции в основном принимало форму веры в путь, который необходимо найти, чтобы убрать дистанцию между homo faber, человеком, изобретающим все более гениальные и опасные инструменты, и homo sapiens, человеком мыслящим, сообразительной обезьяной, которая умеет управляться со своей планетой, но не с собственными внутренними недостатками. Недостатками, которые теперь угрожали всей эволюции неожиданным и резким завершением. Одно дело, когда сообразительные обезьяны брали дубины и копья и шли крушить черепа из-за вопросов власти, территории или секса. Но не менять этой стратегии, когда дубины стали автоматами и Большой Бертой,[42] было бы безумием из безумий.

Случайно или нет, но появилось множество гуру, говоривших именно об этом. Когда Успенский, главный ученик таинственного армянского учителя Георгия Гурджиева, прибыл в Лондон, он читал ряд лекций под названием «Психология возможного развития человека». «Человек не совершенен, — объяснял Успенский. — Природа развивает его до определенной ступени и затем оставляет его развиваться дальше своими собственными усилиями… Развитие человека в этом случае будет означать развитие некоторых внутренних качеств и особенностей, которые обычно остаются неразработанными и не могут развиваться сами».

Так что именно эту загадку преподнес Олдосу Хаксли Хёд: существовал ли механизм, который мог бы быть открыт, чувства,

---

[42] 420-миллиметровая гаубица, которую германские войска использовали на западном фронте в ходе Первой мировой войны.

которые могли быть пробуждены, можно ли отыскать дверь, ведущую к этим более высоким состояниям?

Начиная с конца двадцатых годов (и до самой смерти) эти два эрудита с головой погрузились в грандиозное изучение эзотерики. Они пели мантры и медитировали, они считали дыхание и пытались освободиться от привязанностей; они изучали гипноз и технику Гурджиева. Однако «слишком много нирваны и земляничного джема» — летучая фраза Олдоса, касавшаяся Успенского, в действительности относилась к большинству гуру, которых они встречали. Хотя, конечно, как отмечал Роберт де Ропп, последователь Успенского, ни Хёд, ни Хаксли не были идеальными учениками и «слишком ценили собственные мнения, чтобы работать под руководством кого-то еще».

Они начали формулировать собственную философию в конце тридцатых начиная с «Третьей этики» Хёда. Хаксли продолжил это в «Целях и средствах» и «Вечной философии».

Вкратце их система была такова: отстраненность — сущность мудрости. Мудрый человек, горячо участвуя в жизненной игре, в то же самое время глядит на это немного со стороны, оставаясь свободным от запутанных эмоциональных или материальных связей. Эта наука отстраненности лежит в основе всех религий и достигает кульминации в те моменты блестящих озарений, о которых говорят мистики.

Подобно Бёку, Хаксли потрясло сходство абсолютно различных мистических переживаний: если не обращать внимания на специфические религиозные догмы, из которых вы исходили, психологически явление, казалось, было универсальным, словно зашитым непосредственно в самой структуре сознания, ожидая мгновения глубокой медитации, нервного возбуждения или смерти, — возможно, удара по голове, возможно, отражения облака в потоке… Не было никаких четких причин, вызывающих эти удивительные события.

Вслед за Бергсоном Хаксли также полагал, что мозг и центральная нервная система действуют как огромный фильтр, превращающий поток сенсорных данных в маленькую управляемую струйку. Это несложная и трудноосporимая концепция. Мы все знаем мгновения, когда в момент паузы в процессе чтения газеты или завязывания шнурков мы можем вдруг внезапно осознать, что неподалеку поет птица. Затем, когда мы возвращаемся к прерванному

занятию, птица снова словно исчезает. Звуки птичьего пения все еще достигают наших ушей, но мозг вымарывает их, позволяя сосредоточиться на непосредственной задаче. Без сомнения, такой процесс вымарывания был жизненно необходим для выживания на враждебной планете. Но к двадцатому столетию (как ощущали люди вроде Хаксли и Хёда) это стало препятствием на пути дальнейшего развития. Необходимо было найти путь, чтобы обойти «редукционный клапан» и выявить неограниченные потенциалы 20 миллиардов нейронов мозга. Здесь важно учитывать опыт мистиков и святых. Они — также как иногда художники или ученые, которые могли выйти на это случайно тем или иным способом, — открыли возможность обходить заложенную в мозге программу.

Ответ мог заключаться как в физической терапии, которой занимаются индийские йоги, так и в чем-либо совершенно другом. В любом случае Хаксли полагал, что можно найти способ нормализовать мистический опыт. Как писал Хёд: «Биологическое образование подводило его к мысли, что это касается физиологии; метафизические стремления позволяли ему надеяться, что это изменит душу».

Хаксли не исключал, что ответ мог прийти и из области психофармакологии. В эссе, написанном в Санари в то время, когда он читал «Фантастикум» Левина, Хаксли размышлял о том, что если бы стал миллионером, то «финансировал бы исследователей, чтобы открыть идеальное опьяняющее вещество»,

> *если мы могли бы вдыхать или глотать нечто, в течение пяти или шести часов каждый день, что разрушило бы одиночество личности и гармонично соединило бы нас с нашими друзьями в пылком возвеличивании привязанности И жизнь во всех ее проявлениях стала бы не просто заслуживающей внимания, но божественно прекрасной и выразительной Тогда, как мне кажется, все наши проблемы были бы полностью разрешены и земля стала бы раем*

Это был бы великолепный, пьянящий материал. Но к несчастью, пока что он оставался только теоретической возможностью.

Несмотря на все старания, Хёд и Хаксли не нашли ключа, отпирающего дверь сознания. Как позднее доверительно сообщал

Хаксли Хамфри Осмонду: «похоже, что мозг великого Хаксли исключительно устойчив».

Хаксли и Хёд переехали из Англии в Америку в 1937 году. Они поселились в Лос-Анджелесе, где быстро освоились и стали изучать ведийский индуизм в ашраме в Голливуде. Ашрамом управлял умный харизматический учитель, Свами Прабхавананда. Несколько лет назад он был послан в Лос-Анджелес своим гуру, чтобы выполнить кармическую задачу — передать эзотерические дисциплины Востока материалистическому Западу. Оставить не только родную землю, но и одиночество ашрама ради Голливуда, Калифорния, — нельзя сказать, чтобы Прабхавананда был этим очень обрадован. Но он приехал сюда и теперь процветал, подтверждая проницательность предвидения учителя.

Ашрам, как было принято в Южной Калифорнии, был построен в виде миниатюрного Тадж-Махала. Вокруг росли лимонные деревья, а среди них медитировали девушки, одетые в сари. Прабхавананда любил вечером за чаем побеседовать с Хаксли и Хедом, а позднее и с Аланом Уоттсом о различных тонкостях доктрин. Свами рекомендовал аскетизм во всех вещах, включая секс. И Джеральд искренне поверил в это. Лос-Анджелес представлялся ему идеальной сменой климата, возможностью начать новую жизнь в более подходящем образе. Он отрастил козлиную бородку и перестал носить костюмы и фланелевые брюки, заменив их комбинезоном и рубашками. Он стал заниматься медитацией и торопливо заканчивал разговор, если ему надо было готовиться к двенадцатичасовой медитации, или к шестичасовой, или к любой другой, которая его ждала. Он старался избавиться от трех главных препятствий на пути к просветлению. Как он сказал Хаксли, это были: пагубные привычки, собственность и намерения. Если бы не недостаток смирения, из Джеральда вышел бы превосходный монах. Действительно, он постоянно подшучивал над общительностью Хаксли: следует отметить, что сам Джеральд чувствовал — время слишком драгоценно, чтобы тратить его впустую на тех, кому с ним не по пути. Перед ним открывались основательные перспективы, которые вовсе не подходили романисту с ограниченным даром. «Я из тех эссеистов, которые достаточно изобретательны лишь в том, что касается написания ограниченного вида беллетристики», — с сожалением признавался он Хаксли в одном из писем.

Фактически и тот, и другой всю жизнь занимались литературной

деятельностью. За исключением нескольких киносценариев, Хаксли следовал установившейся практике — роман каждые два года, между ними — сборник эссе. А Г.Ф. Хёд добился самого своего большого литературного успеха в 1946, получив «премию Эллери Квина» в три тысячи долларов за фантастический детектив «Следствие ведет Президент Соединенных Штатов».

Они писали и ждали. И вот в начале 1953 года Хаксли случайно прочитал в «Хибберт Джорнал» статью Хамфри Осмонда и Джона Смитиса…

Глава 5. ДВЕРЬ В СТЕНЕ

«Но, Оддос, что, если мы не понравимся ему? Что, если он — из тех самых «сердитых молодых людей»? — спросила Мария, когда Хаксли объявил, что он пригласил к ним неизвестного психиатра по фамилии Осмонд. Хаксли редко приглашал людей пожить у него дома. Даже Джулиан, приезжая в город, всегда останавливался в местной гостинице

Возможность, что Осмонду могло показаться у них скучно, раньше не приходила Хаксли в голову, и, подумав некоторое время, он принял простое решение «Мы всегда сможем с ним разругаться», — сказал он.

Осмонд, находясь от Хаксли в трех тысячах миль, испытывал сходные опасения. Что, если он не сможет поддерживать с Хаксли интеллектуальный разговор? Вдруг ему будет скучно у них? «Ты всегда можешь договориться и остаться ночевать в Американской психологической ассоциации, — сказала его жена

Но он зря беспокоился. Хаксли прежде всего интересовала в собеседнике интеллектуальная широта, а этого Осмонду было не занимать Подобно Хеду, он мог мгновенно перескочить в разговоре на другую тему и начать рассказывать, скажем, про цингу. И он говорил так ярко, что могло показаться, будто он самолично плыл на корабле с Васко да Гама, когда половина команды погибла от этой болезни. Мария, наблюдая, как тепло относится Олдос к молодому человеку, доверительно сказала Осмонду: «Я Знала, что вы друг другу понравитесь. Вы же оба англичане». Хаксли сопровождал Осмонда на несколько заседаний АПА, которые нашел смертельно унылыми и развлекался, вставая на колени каждый раз, когда

упоминали имя Фрейда. Тема мескалина не всплывала, пока до отъезда Осмонда не осталось два дня. Об этом заговорила Мария, решив, что знаменитая британская сдержанность может довести до того, что они так и не заговорят о волновавшем Олдоса предмете. Осмонд сказал, что он привез с собой немного мескалина. Хаксли ответил, что он уже взял магнитофон, чтобы записывать ход эксперимента.

Структурная формула молекулы мескалина

На следующий день, 4 мая 1953 года, Осмонд растворил немного кристаллического мескалина в стакане воды и, нервничая, вручил это Хаксли. На улице стояло прекраснейшее лос-анджелесское теплое утро. Небо было голубым и только над долиной Сан-Бернардино висел небольшой смог. Осмонд волновался, как бы не дать Хаксли слишком большую дозу. Хотя они со Смити-сом уже выяснили, что принятие мескалина вызывает нечто совсем другое, чем обычный психоз, все равно возможности, что следующие шесть часов превратятся для Хаксли в настоящий ад, исключать было нельзя. И Осмонда вовсе не радовала мысль, что он может стать позорно известен как человек, который свел с ума Олдоса Хаксли.

С другой стороны, что, если ничего не случится? Хамфри уже понимал, что у Хаксли есть четкие цели, которых он надеялся достичь, приняв мескалин, надеялся обнаружить вполне конкретные вещи. В письме это явно читалось. Приехав к Хаксли, Осмонд получил этому и еще одно подтверждение. Спустя некоторое время, после того как они немного освоились, Олдос высказался об этом в ходе критического анализа явления, которое он называл культурой «Сирса-Рибока».[43]

> *В сегодняшних условиях большинство молодежи теряет, в ходе образования, способности к вдохновению, способности постигать что-либо, кроме того, что описано в каталоге Сирса и Рибока, не слишком ли самонадеянно будет надеяться, что когда-нибудь изобретут такую систему образования, которая*

[43] Один из первых американских каталогов почтовой торговли.

начнет давать результаты соразмерные, в терминах человеческого развития, с потраченным на нее временем, деньгами, энергией и действиями? В такой системе образования может использоваться мескалин или какое-нибудь другое химическое вещество, позволяя молодому поколению «испытать и увидеть» то, что они знали из вторых рук или непосредственно, но на более низком уровне — из религиозных книг, произведений поэтов, живописцев и музыкантов

Осмонд использовал мескалин, чтобы моделировать сумасшествие. Хаксли хотел включить это в учебный план образования.

Медленно шли минуты — слишком медленно для Хаксли. Он сообщил Осмонду, что с нетерпением ожидает входа в то состояние, которое он называл блейковским миром героического восприятия. Но то, что начало с ним происходить, оказалось гораздо более космическим. Перед его мысленным взором затанцевали огни. Замелькали серые квадраты, иногда превращавшиеся в синие сферы.

В течение девяноста минут Хаксли ощущал себя, словно он прошел сквозь невидимую грань и внезапно увидел «то же, что и Адам видел в первый день творения». Он чувствовал себя словно близорукий человек, впервые в жизни надевший очки. Цвета, формы. Таинственное ощущение фланелевых брюк.

Позднее Олдос, играя словами, говорил, что он видел «Вечность в цветке, Бесконечность в четырех ножках стула и Совершенство в складках фланелевых брюк».

«Вот как нужно видеть», — бормотал он.

Мескалин, решил Хаксли, усиливает визуальные образы за счет времени и пространства. Ощущалась явная потеря воли, постепенно перераставшая в потерю эго. И когда эго слегка ослабило свою хватку, в сознание стали просачиваться всевозможные бесполезные данные.

Из дома с мебелью, внезапно ставшей кубистской, они вышли в сад. Тут Хаксли ощутил признаки паранойи и начинающегося сумасшествия. «Стоит вам лишь ступить на эту дурную дорожку, — говорил он Осмонду, — и все, что происходит дальше, кажется доказательством, что против вас плетется тайный заговор. Это все не требует никакого подтверждения. Вы не можете и вздохнуть

спокойно — все вокруг сплошной заговор».

«Так вы думаете, что поняли теперь, где искать сумасшествие?» — спросил Осмонд.

«Да».

«Но управлять им вы не можете?»

«Нет, не могу, — сказал Хаксли. — Когда в основу сознания кладется страх и ненависть, то выводы о враждебности окружения неизбежны».

Но скоро это состояние прошло. Из сада они вышли на улицу, где вид большого синего автомобиля вызвал у Хаксли приступ смеха. Толстый и самодовольный, он показался Хаксли автопортретом человека двадцатого века. Весь остаток дня он хихикал всякий раз, завидев машину. Олдос чувствовал себя чудесно. На протяжении всей жизни он инстинктивно ощущал, что внутри у любого человека таятся огромные запасы практически неиспользуемого внутреннего зрения и вдохновения. И внезапно, в возрасте пятидесяти восьми лет, столкнувшись с этим на собственном опыте, выяснил, что это действительно так.

Это было немного похоже на классический для детской литературы момент, когда герой однажды утром выходит на улицу и обнаруживает дверь там, где вчера была глухая стена. А за той дверью — бесконечный сад, полный бесконечных приключений.

Глава 6. ВЫЙДЯ ПОД ПОЛУДЕННОЕ СОЛНЦЕ

Хаксли ликовал.

Мескалин был «самым удивительным и значительным переживанием, доступным людям, плывущим по эту сторону Блаженного Видения», — как телеграфировал он своему нью-йоркскому издателю Хэролду Раймонду, добавляя, что он сейчас работает над большим эссе, в котором затрагиваются «всевозможные вопросы эстетики, религии и теории познания». Он планировал назвать эссе «Двери восприятия», отсылая читателя к словам Блейка:

Если двери восприятия очистятся,
Все явится человеку как оно есть,
бесконечным

Хаксли написал «Двери восприятия», которым было суждено стать самой известной книгой среди психоделической прозы буквально за месяц. И когда он закончил книгу, перед ним оказалось методичное описание того дня с Осмондом — события, подобного, говоря языком дхармы, моменту, когда тело Будды проявляется в ограниченной реальности, — с щедрым добавлением предположений относительно того, что все это могло бы означать в терминах человеческой психологии.

Это значило, полагал Хаксли, что Бергсон и английский философ К.Д. Броуд были правы, когда рассматривали мозг как обширный редукционный клапан, «о существовании которого большинство из нас помнит или даже постоянно чувствует это, но тем не менее в действительности пользуется лишь небольшим ограниченным количеством выборов, предназначенных для практического использования». Подобно эго Фрейда, этот редукционный клапан постоянно окружен бушующими потоками «свободного сознания», в котором, согласно Хаксли, располагались юнговское архетипичное бессознательное, фрейдовское патологическое подсознательное, «сокровищница» Майера[44] и все остальные бессознательные состояния.

И подобно эго Фрейда, этот редукционный клапан не был водонепроницаем: его изоляция была восприимчива к давлению.

«Как только свободное сознание просачивается сквозь клапан, — писал Хаксли, — начинают происходить всевозможные биологически бессмысленные вещи. В некоторых случаях у человека возникают экстрасенсорные способности. Другим являются прекраснейшие видения. Третьи обнаруживают Славу Божью, бесконечную ценность бытия и содержательность настоящей жизни… В заключительной стадии растворения эго проявляется «смутное понимание», что Все во Всем, и в то же время этим Всем является каждый. Вот почему книжные обложки мерцали, наполненные божественным, а безвредный обитый тканью стул в саду напоминал о Страшном Суде.

В идее «свободного сознания» не содержалось ничего принципиально нового: сообразительная обезьяна случайно

---

44 Концепция подсознательного, введенная американским психологом Дэвидом Майером, предполагавшим, что в нем «как в сокровищнице» хранится память биологических предков.

натыкалась на него в течение тысячелетий — об удачах, промахах и их методах можно было бы написать небольшую книжку. Но вот человечеству повезло — оно обнаружило мескалин. И впервые стало возможно познание Иного Мира. По крайней мере, так казалось.

Когда двери восприятия открыты

Восхищенный открывающимися возможностями — касалось ли это образования, мистики или философии, — Хаксли вскользь упоминал и о некоторых больших проблемах… Например, одной из причин, по которым ему нравился мескалин, было то, что он уничтожает вербальные концепции. Слова становятся лишними. Вам не нужно объяснять словами любовь, печаль или смерть, потому что вы чувствуете это каждой клеткой тела. И это важно для культуры, которая все больше подпадает под власть вербальных конструкций. «Мы легко можем стать как жертвами, так и властелинами вербального, — писал Хаксли в «Дверях восприятия». — Нам необходимо как можно эффективнее использовать слова. И в то же время нам нужно сохранить и, при необходимости, тренировать способность смотреть на мир непосредственно, а не через замутненные стекла концепций, искажающих факты посредством определенных ярлыков абстрактных объяснений».

Но если мескалин мог перенести вас в ту область, которая была предвербальной или даже антивербальной, то это было как плюсом, так и минусом. При попытках описать ее слова ускользают, словно самых тонких инструментов самосознания недостаточно для покорения космического сознания, описанного Бёком. Конечно, определенные трудности были связаны с тем, что Хаксли писал на английском языке, а в нем сильно ощущается недостаток слов для оценки данных вопросов. Санскрит, как любил указывать Джеральд, в этой области превосходит английский — в нем более сорока различных слов для обозначения состояний измененного сознания. Как можно заниматься познанием того, о чем вы не можете Даже говорить? Хаксли не стал исследовать этот центральный парадокс, хотя, при чтении эссе, становится понятно, что он задумывался над этим. Позже, используя правило Фрейда и Юнга, что внутренняя динамика лучше всего выражается через метафоры и притчи, Хаксли стал более смело описывать жизнь, скрывающуюся за «дверью в стене». На одном из первых публичных обсуждений он

уподобил личностное эго Старому Свету. «Используя мескалин, — сказал он, — становится возможным уплыть за горизонт, пересечь разделяющий вас океан и оказаться в мире собственного подсознательного:

> *...с его флорой и фауной репрессий, конфликтов, травмирующих воспоминаний и т. п. Путешествуя дальше, мы достигаем своего рода Дикого Запада, населенного юнговскими архетипическими образами, — сырьевой базой человеческой мифологии. За ним лежит безбрежный Тихий океан. Перенесясь через него на крыльях мескалина, мы достигаем страны, яв-ляющейся психологическим аналогом Австралии. И здесь, среди антиподов, мы обнаруживаем аналоги кенгуру, валлаби и утконоса — целый зверинец абсолютно невероятных животных, которые, однако, существуют и которых можно увидеть.*

Вы могли заметить, что здесь у Хаксли в центре описания — причудливые образы путешествия. Описания — на что это похоже, путешествие в ту область, которую спиритуалисты называли Иным Миром, лежащим вне привычных границ обычного сознания.

«Двери Восприятия» вышли весной 1954 года, и критики были озадачены. Если бы кто-нибудь другой написал книгу, рекомендующую мескалин как «ценное переживание для любого человека, а особенно для интеллектуалов», — писал в «Репортер» Марвин Барретт, — это было бы воспринято как «мечты и заблуждения… Но поскольку они исходят от одного из современных мастеров англоязычной прозы, человека огромной эрудиции и интеллекта, который обычно демонстрирует высокую нравственность, они заслуживают более внимательного изучения». После недолгих поисков Барретт нашел некоторых исследователей «лабораторного сумасшествия», использовавших мескалин в качестве психомиметика. Они относились к мескалину с «меньшим восторгом, чем доктор Хаксли и индейцы, — сообщал он. — После экспериментов они обнаружили, что мескалин очень часто вызывает симптомы, неприятно напоминающие признаки шизофрении».

Критические отзывы на «Двери восприятия» сильно напоминали осуждение в «Британском медицинском журнале» хвалебной оды

пейотлю Хэвлока Эллиса. В итоге книга добавила еще один параграф в черный список того, «что случилось с Олдосом». «Как странно, что писатели, как Беллок[45] и Честертон например, могут петь хвалу алкоголю (из-за которого происходят две трети автомобильных катастроф и три четверти преступлений) и в то же время считаться добрыми христианами и благородными людьми, — жаловался Хаксли, — но с любым, кто рискнет предложить другие, возможно менее вредные методы самопреобразования, обращаются как с опасным злодеем — наркоманом и безнравственным слабоумным ренегатом».

Однако «Двери восприятия» продавались — медленно, но верно. Их читали.

Осмонд тоже прочитал книгу и был восхищен. С того майского дня они с Хаксли постоянно обменивались письмами («учитесь печатать! — умолял Хаксли. — Мне потребовалось два дня интенсивной работы, чтобы расшифровать ваше последнее письмо»), обсуждая будущие эксперименты над мескалином, но время и дела мешали им встретиться во второй раз. Олдос искренне любил молодого друга и горячо надеялся, что Хамфри, занимаясь «работой фундаментальной важности», получит адекватный источник финансирования и сможет продолжать исследования мескалина научным путем. «Возможно, мы могли бы написать вместе пьесу, — шутил в письме Хаксли. — Этого хватит, чтобы финансировать и ваши исследования, и мое второе детство».

Наконец, в декабре 1954 года, они встретились снова. Хаксли хотел попробовать мескалин в пустыне, к востоку от Лос-Анджелеса, вдали от смога и вызывающих смех автомобилей. Но когда Осмонд приехал, он обнаружил, что Олдос слишком болен для путешествия. Так что ему пришлось удовлетвориться тем, что он дал наркотик Джеральду и еще одному другу Олдоса, фотографу Джорджу Хьюину. Реакции были более чем различны. У Хью-ина, похожего по характеру на Олдоса, принятие мескалина обострило эстетическое восприятие — он все-таки был фотографом.

Джеральд Хёд с Олдосом Хаксли в 1937 на крыльце

---

45 Беллок, Хиллари (Иллэр) (1870–1953) — франко-английский поэт, эссеист и прозаик.

Университета Дькжа

Но Джеральд… с Джеральдом все было полностью по-другому. Он слышал странные голоса и утверждал, что увидел «Ясный свет пустоты» — это была тибетская фраза для обозначения момента полного понимания, когда человек полностью постигает картину мира. Спустя годы Джеральд описывал случившееся с ним в Ином Мире своим студентам так: сначала, сказал он, начался гул, вибрация, распространяющаяся от мебели и охватившая все в комнате. Хёд, казалось, был полностью захвачен ее ритмом, его пульс бился в такт вибрации, пока эго не начало «таять, подобно айсбергу, попавшему в тропические моря». И затем произошла вспышка и «дверь в стене» мягко отворилась. И везде, где бы вы ни были в этот момент — сидите в комнате, лежите на траве или идете по пляжу, — все волшебно меняется. «Вам, вероятно, придется остановиться и задержаться там на некоторое время, как ребенку, попавшему в сад,» — объяснял Джеральд. Остановившись, вы начнете замечать тени, и после этого придет понимание, что мир — безграничен. Но это вовсе не значит, что он лишен смысла. В средоточии всего находится Чистая Пустота, которую Хёд описывал как «сверкающее солнце в центре океана темноты, который пересекаешь с трепетом, даже со страхом. «Маленький человек, встретивший Пана, чувствует панику», — любил говорить Джеральд

Но о чем Хёд в тот день не говорил, это о том, что боязнь темноты была ничто по сравнению с ужасом Пустоты. Согласно «Бардо Тодоль», «Тибетской книге мертвых», — вероятно, лучшему из когда-либо написанных путеводителей по этой области — душа встречалась здесь с неприкрашенной Действительностью во всей ее опасности: сталкиваясь с Пустотой, она уходила обратно, к колесу жизни, предпочитая лучше уж приковать себя к следующему воплощению.

Вызывал беспокойство факт, что ни разу двое людей не оказывались в одной и той же области Иного Мира. Почему Джеральд быстро нашел мистический путь, в то время как Олдос и Хьюин не смогли этого сделать, независимо от того, старались они или нет? И почему некоторые люди испытывали абсолютно адские переживания? Во втором эссе, посвященном мескалину, «Рай и Ад», Хаксли обдумывал эти вопросы, но не нашел решения. Он предположил, что основное различие — между опытом видений и

истинным мистическим опытом. В первом случае, прежде всего, необходимо было осознавать не только контраст между Небесами и Адом, но и тот факт, что лишь тончайшая граница отделяет эти состояния друг от друга. В некоторых людях, писал он, эго не тает, подобно айсбергу в тропических водах, но расширяется, начиная душить человека: «Отрицательные эмоции, страх, порожденный недоверием, ненависть, гнев или злоба, все, что исключает любовь, — все это гарантирует, что опыт видений, когда вы его испытаете, будет ужасен».

С мистическим опытом такие различия не имеют смысла.

В какой-то момент, во время декабрьского приезда Осмонда, Мария отвела его в сторону и сказала, что скоро умрет от рака. «Олдос отказывается принимать всерьез реальность моей болезни, — сказала она Хамфри, — пожалуйста, позаботьтесь о нем, когда я умру». Осмонд был так потрясен ее спокойствием относительно собственной смерти, что удалился и полчаса плакал. Что будет с Олдосом? Тридцать лет Мария была его правой рукой. Она была поваром, машинисткой, секретарем, шофером — в Санари она водила их красный «бугатти» с таким энтузиазмом, что Олдос написал эссе, в котором утверждалось: скорость — лучшее ощущение двадцатого столетия.

Мария умерла в феврале 1955 года. В течение ее последних часов Олдос «со слезами, струящимися по лицу, но твердым, спокойным голосом» читал ей отрывки из «Бардо тодоль», иногда перемежая их лирическими воспоминаниями их совместного прошлого. Он вспоминал Лоуренса и Италию. Лето в Санари. Уикенды в Гэрсингтоне, где они впервые встретились, в то время как весь мир переживал поражение на Сомме. Их путешествия по калифорнийской пустыне. Белые шапки гор Сьерры. «Иди к свету», — тихо говорил Олдос.

«Ее последние три часа были самыми мучительными и трогательными из того, что я видел в жизни», — писал жене Мэттью Хаксли; в то время как для Джеральда это было подтверждением, что Олдос, пройдя сквозь Дверь, стал другим человеком; то, что он с таким спокойствием принимал смерть Марии, для Хёда было свидетельством мудрости, обретенной Олдосом после экспериментов с мескалином.

Мескалин помог Хаксли и в другом. Помог заполнить период тяжелой утраты новыми людьми и захватывающими планами. Из-за

«Дверей восприятия» и «Рая и ада», которые вышли в 1956 году, он оказался в центре специфического движения, полурелигиозного, полунаучного. Впервые, после восьмидесятых годов девятнадцатого века, наука обратилась к «свободному сознанию». «Все так неожиданно, — писал он Хэролду Раймонду. — Работа в Бостоне, работа в Чикаго, работа в Буэнос-Айресе. В Буэнос-Айресе день или два назад узнал об одном очень интересном человеке — итальянце, живущем в Аргентине. Оказалось, он самый авторитетный человек в химии алкалоидов кактусов, включая, конечно, мескалин».

Хаксли пригласили на ежегодное собрание Американской психологической ассоциации (АПА), где он был единственным человеком, не являющимся медиком в группе, обсуждавшей психотомиметики.

По сравнению с исследователями «лабораторного сумасшествия» «мальчики, использующие электрошок, хлорпромазин и еще пятьдесят семь различных психотерапевтических средств» приняли его без восторга. Действительными сторонниками Хаксли оставались Осмонд, Хед и небольшое количество второстепенных «психов» вроде парапсихолога Андрея Пухарича, у которого Олдос как-то гостил в Глен Коув. Специфические особенности «удивительного дома» Пухарича стоят того, чтобы их привести, — для понимания того, кто в тот момент занимался в стране паранаучными исследованиями. Помимо самого Пухарича и его жены, которая вела себя «подозрительно дружественно» с девушкой по имени Элис, «семья» состояла из:

> *Элинор Бонд, демонстрировавшей неплохие успехи в телепатии, но абсолютно меня не заинтересовавшей своей деятельностью в качестве медиума, Фрэнсис Фарелли, с ее диагностической машиной, которая, как показали испытания Пухарича, являлась скорее чем-то вроде хрустального шара — механизмом, улучшающим способности экстрасенсорного восприятия, Гарри, голландского скульптора, который входя в транс в клетке Фарадея, расшифровывал египетские иероглифы и Народни, изучавшего тараканов и то, как действует телепатия на насекомых.*

«Это все очень живо и забавно, — писал Хаксли Эйлин

Гарретт. — И, я думаю, в самом деле многообещающе; что бы ни говорили насчет Пухарича, он очень интеллектуален, чрезвычайно начитан и очень предприимчив. Его цель состоит в том, чтобы воспроизвести с помощью современных фармакологических, электронных и физических методов состояния, используемые шаманами для вхождения в транс. Затем, если получится, он собирается систематически исследовать Иной Мир».

Фактически нечто подобное Хаксли с Осмондом предлагали Фонду Форда, хотя они, конечно, формулировали это другими словами. Они предложили провести эксперименты с мескалином на сотне ученых мирового класса, художниках и философах в надежде, что это поможет найти ответ на следующие вопросы: Может ли мескалин помочь выйти за привычные рамки сознания? Действительно ли он расширяет восприятие? Но, хотя Олдос находился в дружеских отношениях с Робертом Хатчинсом, директором Фонда Форда, его предложение было быстро отклонено. Потом он кипятился, что «динозавров из Фонда Форда невозможно сдвинуть с места. Попечители страшно боятся поступить неправильно — а вдруг Фонд испортит себе репутацию и люди пойдут в ближайшую контору Форда и скажут, что они решили покупать «Шеви», — так что основной их задачей сейчас является не делать ничего вообще».

Обращение к другим организациям также не принесло результатов.

Сложно сказать, особенно если судить по корректным вежливым письмам, насколько раздражение в связи с неудачами могло бы повлиять на энтузиазм Хаксли. В любом случае, это уже не имело значения.

Потому что как только показалось, что в деле намечается застой, на горизонте появился Эл Хаббард — капитан Эл Хаббард, «Кэппи» для друзей.

Вначале с ним познакомился Осмонд. Однажды он получил таинственное приглашение позавтракать в «Ванкуверском яхт-клубе» с Э.М. Хаббардом, президентом расположенной поблизости «Урановой Корпорации». В результате любопытной цепочки событий Хаббард прочел статью Осмонда и Смитиса о мескалине, добыл его и испытал мистические видения такой глубины, что решил посвятить свое будущее распространению информации о мескалине и Ином Мире.

Хаббард появляется повсюду в нашей истории как своего рода чертик из табакерки, так что лучше сразу составить его словесный портрет. Он был маленького роста, коренастый, с большой круглой головой и прической ежиком. Больше всего он напоминал карикатурного жлоба-шерифа из южных штатов. Сходство еще более усиливала его необычная привычка ходить в полной униформе офицера службы безопасности и с оружием на ремне. Оружие, как он объяснил наивному Осмонду, стреляло бронебойными пулями — чтобы было удобнее прострелить двигатель в автомобиле преследователей.

Теперь можно частично пролить свет на прошлое Хаббарда. Во многом информация исходит от самого Эла, хотя каждый раз, когда он рассказывал свою историю, новая версия отличалась от предыдущей. Однако независимо от версий, жизнь его была удивительна. Хаббард всегда утверждал, что он был простым босоногим парнем из штата Кентукки, и, судя по всему, это было правдой. Однако впервые общество о нем услышало в декабре 1919 года как о мальчике-изобретателе, юном Томасе Эдисоне, уже в Сиэтле. Сиэтлский «Пост Интеллидженсер» назвал его изобретение вечным двигателем. Сам Хаббард называл его генератором атмосферной энергии. Независимо оттого, как его называть, это было небольшое устройство, помещавшееся в одной руке, у него не было никаких вынимаемых частей или батареек, и оно могло служить источником питания для электрической лампочки. Хаббард, организуя своему генератору рекламу, нагружал полную лодку журналистами и будущими спонсорами и отправлялся в круиз по сиэтлским озерам на моторке, которую приводили в движение только электрический мотор и — таинственная коробка Хаббарда размером одиннадцать на четырнадцать дюймов.

Сиэтлское общество проявило интерес к молодому гению, и в 1920 году отцы города выбрали комитет, который должен был сопровождать «молодого ученого» (Хаббард к тому времени уже вырос из «мальчика-изобретателя»), защищая его от сомнительных предложений различных корпораций и бюрократов. Когда Эл прибыл в Вашингтон, чтобы зарегистрировать патент, он, как писал в «Пост Интеллидженсер» местный внештатный корреспондент, «снял номер в гостинице средней руки и почти ни с кем не общался».

В итоге Хаббард продал 50 процентов прав на патент радиохимической компании в Питтсбурге, штат Пенсильвания. После

этого о «трансформаторе энергии Хаббарда» больше никто ничего не слышал.

Начиная с конца двадцатых годов информация о Хаббарде становится скудной. В то время когда Хаксли с Хёдом были заняты поисками ключей к высшему сознанию, Эл увлекся фрахтом, переправляя спиртное из Канады в США. По одной из версий, он, судя по всему, усовершенствовал более раннее радарное устройство, сделанное исходя из теоретических расчетов Никола Тесла, и продал его контрабандистам. Неважно, правда это или нет, но в конечном счете сиэтлский мальчик-изобретатель угодил за решетку. Далее история становится еще более темной. Если верить Хаб-барду, то в начале Второй мировой войны с ним вошли в контакт члены конспиративной разведячеики и попросили содействовать в тайной перевозке военных материалов с западного побережья Америки в Канаду, где их перегружали на суда, отправлявшиеся в Англию, — для подготовки высадки союзников. Существовала ли такая программа, и участвовал ли в ней Хаббард — неясно. Позднее он выказывал такую осведомленность во всем, что касалось шпионов и шпионажа, что большинство его друзей не сомневалось — он был шпионом, а может быть, и до сих пор им является. Элу нравилось играть в разведчика. Он часто хвастался, что его поездки в Вашингтон — это не обычные деловые встречи. На самом деле он встречается с секретными агентами теневого правительства, в руках которого находится реальная власть. К тому времени он уже стал Э.М. Хаббардом, президентом ванкуверской «Ураниум корпорэйшн», промышленником Хаббардом, своим человеком в промышленной и политической элите западной Канады, богатым предпринимателем с личным «роллс-ройсом» и самолетом, владельцем острова-заповедника в заливе Ванкувер.

Но была еще одна ниточка, соединяющая босоногого мальчишку и девятнадцатилетнего изобретателя со шпионом и администратором среднего возраста, — католицизм. Хаббард был ревностным католиком, хотя всю жизнь интересовался мистикой и Иным Миром.

«Мы, писатели и люди науки, в этом мире, как дети в темном лесу, — писал Олдрс Осмонду по поводу первой встречи с Хаббардом. — Миру временами требуются твои услуги, очень редко — мои. Зато к проблемам урана и большого бизнеса он относится с вниманием и уважением. Так что это просто необыкновенная удача, что представитель этих Высших Сил: а) так неистово заинтересовался

мескалином и б) оказался таким приятным человеком».

В другом письме, Карлайлу Кингу, одному из друзей Осмон-да, Хаксли писал о своих надеждах даже более явно: «Возможно, скоро ситуация с мескалином изменится. Это связано с появлением на нашем с Осмондом и Джеральдом горизонте замечательного персонажа, капитана Хаббарда — бизнесмена-миллионера, физика и научного директора «Ураниум корпорэйшн». В прошлом году он попробовал мескалин, был полностью им очарован и теперь собирается искать поддержки среди влиятельных друзей (если вы имеете какое-либо отношение к урану, все двери — от собрания глав администраций до Папы Римского — открыты для вас), чтобы получить полномочия для работы над проблемами психофармакологии, религии, философии, экстрасенсорным восприятием, художественными и научными изобретениями и т. д. Хаббард — человек действия, и результаты его усилий, думаю, мы ощутим очень скоро».

Хаксли и Хаббард: английский принц и американская лягушка, тонкий диалектик и прямолинейный бизнесмен. Хаксли, что бормочет себе под нос «как интересно!», и старина Хаббард, который во всеуслышание заявляет «да чтоб я сдох!». Они были воистину странной парой и, естественно, искренне любили друг друга. Эл был хитрецом, любившим похвастать, что он «может все». Небольшие проблемы, вроде постоянной нехватки мескалина, решались немедленно. Хаббард не тратил впустую время и через надлежащие медицинские каналы выяснил, кто главные поставщики, и повел себя с ними так, что ему не отказали. Услышав об ЛСД в начале 1955-го, он связался с «Сандоз» и заказал сорок три ящика. И когда на канадской таможне груз задержали — у Эла не все было в порядке с бумагами, — «Сандоз» фактически выручил его, обеспечив необходимыми документами. Позже Хаббард хвастался, что он запасся большим количеством ЛСД, чем кто-либо другой в мире. Те, кто знали его, охотно в это верили. Поскольку Эл был заинтересован, то и вел дела как бизнесмен: а кто контролирует поставки, контролирует рынок.

Хаксли впервые попробовал ЛСД за несколько дней до Рождества 1955 года. Хаббард приехал тогда в Лос-Анджелес, чтобы руководить ЛСД-сессией для Хаксли и Джеральда. Джеральд, как обычно, слышал духов и внутренние голоса, в то время как Эл развлекался, пытаясь наладить телепатическую связь с

окружающими. Эл с Осмондом уже занимались этим, но Олдосу это показалось глупым. «Если в будущем эксперименты пойдут, как два последних, у меня начнет возникать ощущение, что все это — просто глупое и бессмысленное ребячество», — писал он Осмонду. Но несмотря на недовольство Хаббардом, а в значительной степени именно благодаря Элу, Хаксли наконец прорвался из видимой реальности в то царство чистого единства, которым Джеральд наслаждался с первых дней экспериментов. Благодаря Элу Хаксли наконец вырвался из земли утконосов и валлаби.

Джеральд Хёд, Кристофер Ишервуд, Сэр Джулиан Хаксли Олдос Хаксли и Лайнус Полинг в Лос-Анджелесе 1960 год

Все признавали, что Хаббард, как бизнесмен, незаменим в качестве финансиста и дипломата, особенно когда необходимо иметь дело с различными правительственными бюрократами. Но кроме того, Хаббард обладал интуитивным ощущением Иного Мира, соперничая в этом даже с Джеральдом; фактически именно Эл первый изобрел способы, как переместить человека из одной части Иного Мира в другую. У него была своя система: он всегда держал под рукой набор определенных открыток и музыку. И это работало! Например, если вы, запутавшись в призраках патологического бессознательного, начинали впадать в панику, Эл любезно протягивал вам изображение прелестной маленькой девочки, заблудившейся в лесу. Внимательно вглядевшись в нее, вы обнаруживали в очертаниях облаков… ангела-хранителя! Глупо, но успокаивает. Совсем по-другому вы чувствовали себя, когда в кульминационный момент путешествия Эл вручал вам чистейший бриллиант и предлагал заглянуть на мгновение в его глубины. Бриллиант служил шлюзом. Пройдя сквозь него, вы оказывались в абсолютно другом месте. Позже, на пике своих возможностей, Хаббард фактически разработал целую систему, связанную с так называемой Долиной Смерти, которую он считал местом необычайной силы.

Эл Хаббард

Как и многое другое в этой истории, система Хаббарда не была уникальна. Сходите в любую библиотеку, и вы сможете отыскать там

большой раздел монографий по антропологии. В них есть описания шаманских целительских ритуалов, в которых шаманы управляли целительным трансом с помощью определенных реплик и предметов, например, выдувая струю табачного дыма прямо в лоб больному аборигену. Но в условиях западной психотерапии это было уникально — уникально и незаконно. Однако Хаббарда абсолютно не заботило, что думают по этому поводу ученые. Единственной причиной, из-за которой он употреблял мескалин или ЛСД, была возможность достичь Блаженного Видения. Для Хаббарда это было связано с католицизмом, хотя он не страдал ортодоксальностью. Если передним оказывался методист, путешествие становилось методистским. Если православный — православным.

Хаксли поначалу скептически отнесся к сообщениям из Ванкувера о том, что Эл пробуждает Блаженное Видение в дантистах и адвокатах. Но в октябре 1955 года он вместе с молодым психотерапевтом Лаурой Арчер, которая вскоре стала его второй женой, решил попробовать технику Хаббарда. Потом он писал Осмонду: «проникновение за закрытую дверь было прямым осознанием… возникающего глубоко внутри ясного и четкого понимания Любви как первичного и основополагающего космического события. На словах это звучит как-то не так, немного фальшиво, и кажется пустой болтовней. Но факт остается фактом…»

Хаксли был ошеломлен, когда понял, что все его предыдущие эксперименты, описанные в «Дверях восприятия» и «Рае и Аде», были просто интересными аттракционами, «искушениями, попыткой вырваться из обычной действительности в ложную. Или в лучшем случае несовершенными, частичными переживаниями красоты и чистого знания». И это поднимало неприятный вопрос. Что было лучше — следовать дальше методике осторожных психологических экспериментов, вроде тех, что они предлагали Фонду Форда, или же Хаббард был прав — реальная ценность мескалина и ЛСД была в его удивительных способностях помогать в достижении мистического опыта? Описывая эту дилемму Осмонду, Хаксли писал:

> *По моему мнению, важно время от времени прерывать научные эксперименты и разрешать участникам идти собственной дорогой к мистическому Ясному Свету. Но, возможно, чередование экспериментирования и мистического видения было бы в*

психологическом отношении неосуществимо. Тот, кто однажды осознал первичность существования Любви, захочет ли возвратиться к экспериментированию на психологическом уровне?.. Я считаю, открытие Двери мескали-ном или ЛСД является слишком драгоценной возможностью, высочайшей привилегией, чтобы пренебречь ею ради чисто научного опыта. Научные эксперименты, конечно, должны быть, но было бы неправильным, если, кроме них, ничего не будет.

Благодаря методике Хаббарда у Хаксли начали зарождаться новые вопросы. Нельзя ли использовать эти новые преобразователи сознания, чтобы стимулировать тонкие, но коренные изменения в том способе, каким «сообразительная обезьяна» воспринимает действительность? То есть, если вы правильно подберете группу людей, из лучших и самых влиятельных представителей общества, дадите им со всеми предосторожностями ЛСД или мескалин и сделаете все возможное, чтобы помочь им достигнуть Ясного Света, — какое влияние это окажет на культуру? Что будет, если свет и чистота Иного Мира сойдут на землю… Это было привлекательным предположением, и чем больше Олдос думал об этом, тем более убеждался, что оно не так уж и надуманно. Если действовать осторожно, не предпринимая таких шагов, которые могли бы испугать обывателя.

Но сначала надо было решить один практический вопрос «Название для этих наркотиков — целая проблема», — писал он Осмонду. Их нельзя было назвать ни психомиметиками, ни галлюциногенами, ни любым другим из уже известных имен. Нужно было что-то полностью новое. Просмотрев словарь Лиддела и Скотта, Олдос почувствовал, что он нашел достойное имя: Phanerothyme, что означало «делать душу видимой». Он приложил к письму следующую эпиграмму:

Чтоб жизнь не промчалась мимо,
Прими чуть-чуть фанеротима

Однако Хамфри не очень понравился phanerothyme и он создал собственное слово, психоделики, и послал Олдосу в ответ другой стишок:

Открыть духовные Америки
Тебе помогут психоделики

Глава 7. ИНОЙ МИР

Эл Хаббард всегда придерживался мнения, что если предупреждать о своем приезде, то никогда в жизни никуда не доберешься. Он предпочитал просто неожиданно появляться на пороге. Однако он всегда был настолько обаятелен, что это не приносило ему неприятностей

Он неожиданно появлялся везде, где велись исследования ЛСД или мескалина. Хаббард был постоянно в пути — он посещал Осмонда в Саскачеване, затем отправлялся в Лос-Анджелес, повидать Хаксли и Хеда, затем поперек континента — Нью-Йорк, Бостон, Бетесда, округ Колумбия. Затем — снова в Европу, проверить, как там продвигаются исследования. Потом обратно — и все по новой: изучая работу новых исследователей, проводя ЛСД-сессии для заинтересованных профессионалов, устраивая мозговой штурм по теме — как «вывести в мир» психоделическое движение. В обмен он получал сведения обо всех экспериментах, самые увлекательные сплетни и конечно же неистощимые поставки необходимых веществ, которые он тут же прятал в свою большую кожаную сумку.

Одним из любимых препаратов Эла был карбоген, смесь диоксида углерода и кислорода. Его можно было перевозить в маленьком портативном резервуаре. Врачи считали карбоген мощным абреактором: десять или пятнадцать вдохов и вы заново переживали детские травмы. И в зависимости от того, как хорошо вы справились с этим испытанием, Эллибо предлагал вам принять участие в ЛСД-сессии либо отказаться.

Он был из тех деловых людей, у которых нет времени на записи. Поэтому Хаббард не оставил никаких свидетельств о том, что происходило в мире в 1956 году, когда состоялся первый международный симпозиум по ЛСД. В целом его можно охарактеризовать как отход от исследований «лабораторного сумасшествия» и психомиметиков в пользу терапии, которая была, в конце концов, изначально первой рекомендацией «Сандоз»:

Для высвобождения вытесненного материала и создания психической релаксации, в частности при тревожных состояниях и неврозах навязчивых состояний.

Приписывать такую смену курса исключительно усилиям капитана Хаббарда было бы преувеличением; Эл скорее был помощником, без которого многого бы не произошло. Кроме того, он был ходячей энциклопедией; именно от Хаббарда многие исследователи впервые узнали главное правило приема ЛСД: состояние ЛСД во многом зависит от отношения к этому человека, пробующего наркотик, и от обстановки, в которой проходит опыт. То есть, если вы хотите свести человека с ума, достаточно будет, давая ему ЛСД, сказать, что это психомиметик. И все это, вдобавок, будет происходить в пастельных цветов больничной палате под присмотром мрачной сварливой медсестры. Но использование наркотика в более тонких целях требовало понимания того, насколько повышалась значимость окружения в психоделическом состоянии. Как влияла музыка: произведения Баха, например, казались настолько божественными, словно их написал Творец; в то время как другие — Берлиоз, скажем, — вызывали у вас сладкую истому; людям под ЛСД нравилось расслабленно исследовать окружающий мир, зарисовывая все и записывая, хотя результатом оказывались только небрежные каракули. Словно они на время вновь становились детьми. И еще — любое незначительное изменение настроения и поведения врача (раздражение, беспокойство, юмор) могло оказывать потрясающий эффект на пациента.

К 1956 году вопрос о том, «что же находится в подсознании», разделился на ряд более частных вопросов, поскольку врачи поняли, что «темная комната» подсознательного, подобно бабушкиным сундукам, хранящимся на чердаке, полна сокровищ. В одном сундуке — архетипы Юнга; в другом — любимые Фрейдом неврозы, которые можно проследить вплоть до момента, когда пациент, лежа в колыбели в возрасте одного года, наблюдал занимающихся любовью родителей. Теперь у терапевтов были гораздо более сильные инструменты. И одновременно вставали новые вопросы: почему, например, хотя ЛСД-сессии продолжались обычно три-четыре часа к ряду, они были нисколько не утомительными. Всякий раз, когда

исследователи ЛСД собирались вместе, беседа быстро приобретала анекдотический характер. Одна удивительная история следовала за другой: «…и внезапно я родил сам себя. Фактически я ощущал, как плыву в амниотической жидкости, затем меня вынесло вниз по вагинальному каналу, и я подумал: «это случилось — я умер и теперь рождаюсь заново».

«Путеводная звезда» Калифорнии

Знакомство с ЛСД делало вас словно принадлежащим к элитному братству. «Когда происходили такие встречи, — вспоминал Оскар Дженигер, — выглядело это так, будто двое людей смотрят друг на друга через всю комнату и понимающе кивают… вроде говоря: «Добро пожаловать, брат, ты прикоснулся к Мистерии». Вот и все — больше ничего не требовалось. Только этот обмен понимающими взглядами».

Оскар Дженигер работал психиатром в Беверли-Хиллс. Он предпочитал научные исследования аналитической практике, хотя занимался и последней — чтобы оплатить часы досуга. Он также читал несколько курсов в местном университете. Именно там в 1954 году после лекции, посвященной краткому обзору адренохромных тезисов Осмонда и Смитиса, к нему подошел молодой человек по имени Перри Бивенс. Бивенс был профессиональным водолазом. Он работал на Айвэна Тора, продюсера «Морской Охоты», и у него была собственная декомпрессионная камера, которую он самолично сконструировал. Усовершенствуя камеру, Бивенс неожиданно открыл, что может входить в измененные состояния сознания, просто меняя состав газов.

Бивенс пригласил Дженигера попробовать. Хотя последний мог часами рассуждать о хрупкости того, что люди считают реальностью, но на деле оказался не готов к тому, насколько хрупко это в действительности. Стоило Бивенсу нажать несколько кнопок, и доктор начинал задыхаться от смеха или реветь от избытка энергии. Затем воздух выкачивался и наступал черед следующей комбинации газов.

После нескольких сеансов в камере Бивенс мимоходом упомянул, что он знает кое-что получше, — препарат под названием ЛСД.

Дженигер и Бивенс, вместе с женами, попробовали ЛСД в летнем доме Дженигера, на озере Эрроухед. Вскоре после приема наркотика

жена Бивенса удалилась в спальню. Через несколько минут она вернулась в фиолетовом свитере, карминовых брюках в обтяжку, желтых балетных туфлях и длинном сиреневом шарфе. И затем, во всем этом, начала танцевать.

По пути обратно в Лос-Анджелес Дженигер ощущал себя Моисеем, спускающимся с гор. Разница была в том, что один нес людям таблички, а другой — таблетки. Или ампулы. «Нужно раздобыть побольше ЛСД, — думал Дженигер. — Я сойду с ума, если не придумаю опытов, способных удовлетворить «Сандоз». Но какие это должны быть опыты? Дженигера не интересовала экспериментальная работа в лаборатории — давать ЛСД улиткам и рыбам и делать пространные примечания касательно их реакций. С другой стороны, его не привлекали и бессвязные отчеты исследователей, занимающихся «лабораторным сумасшествием», которые проводили бесконечные тесты интеллекта и личности. Поломав голову в течение нескольких недель, он пришел к простому решению: почему бы просто не давать ЛСД добровольцам, позволяя им делать все, что они захотят? Обеспечить их бумагой, карандашами, пишущей машинкой, магнитофоном и оставить одних — полностью натуралистическое исследование. К его удивлению, «Сандоз» согласился, и уже через несколько недель он получил ЛСД.

Одним из немногих правил Дженигера было то, что каждый доброволец должен принимать наркотик под присмотром наблюдателя, остающегося рядом до конца опыта. Наблюдатель должен был быть человеком, уже пробовавшим ЛСД. С другой стороны, акцент делался на регистрации случившегося — на бумаге или магнитофоне. Сам Дженигер не справился бы с огромным количеством отчетов. Но он был популярным лектором, и в его распоряжении было множество трудолюбивых студентов, которым нравилось разбирать отчеты и подчеркивать всякие интересные и важные места, вроде «комната дышит». Такие утверждения распечатывались на отдельных карточках, и испытуемому предлагалось рассортировать их на несколько групп — от самых «близких» к его состоянию и до самых «далеких».

Все шло хорошо, но однажды один из добровольцев сбежал от наблюдателя и потерялся где-то в районе бульвара Уилшир. Он исчез прежде, чем кто-либо успел отреагировать. Когда Дженигер выбежал на улицу, его уже не было. Потом искали всей группой — не нашли. В грустной уверенности, что его карьере пришел конец, Дженигер

возвращался назад и вдруг услышал свист. Подняв глаза, он увидел человека, которого искал, сидящим на дереве. «Почему бы вам не спуститься на землю?» — спросил Дженигер, используя самые убедительные психиатрические интонации. Но доброволец сказал: «О нет, я лучше полечу!»

Такие ситуации были одной из причин, почему Дженигер всегда настаивал, чтобы наблюдатели были из тех людей, кто уже попробовал ЛСД, потому что только после того, как вы пережили это, вы можете понять, насколько искренним становится человек. «Я лучше полечу!» Доброволец действительно считал себя птицей. И Дженигеру, чтобы убедить его спуститься, необходимо было использовать логику, которую может принять птица. Так что он соорудил на земле гнездо из палок и камней и довольно быстро смог убедить добровольца спуститься вниз и сесть в это гнездо.

Однажды добровольцем был живописец, и Дженигер поставил ему для набросков индийскую куклу «качина». Под воздействием ЛСД эскизы стали более эмоциональными, яркими, в них переплетались кубизм, фовизм и абстрактный экспрессионизм. Художник был убежден, что он сотворил шедевр. Слух о том, что есть волшебные таблетки, повышающие творческий потенциал, тут же разнесся среди местной художественной богемы. Несколько дней спустя Дженигера уже осаждали художники и скульпторы с просьбами проверить их мастерство под ЛСД.

Сначала он отказывался. Слишком много художников нарушили бы баланс эксперимента. Но затем он решил попробовать: искусство было универсальным языком, оно было активным и конкретным. Вместо того чтобы полагаться пост-фактум на заявления, что комната меняет цвет, а стулья напоминают о Страшном Суде, он просто мог позволить каждому художнику делать наброски той же самой куклы «качина»: эскиз перед приемом ЛСД, эскиз в середине эксперимента и так далее. Таким образом он получал простое и изящное подтверждение того, как ЛСД изменяет восприятие. Наблюдая за их работой, Дженигер понял, что творческие люди были наиболее подходящими добровольцами для изменяющих сознание наркотиков. Подсознательное было средой, питающей их творчество, и они старались делать все возможное, чтобы улучшить восприятие. Достаточно вспомнить Кольриджа и опиум, Бальзака и гашиш, По и опиумную настойку — список бесконечен.

Хотя художники работали прекрасно, в конце опыта им не

хватало средств: искусство было выразительно, художники — нет. И им было настолько сложно выразить словами, что происходит у них внутри, что Дженигер понял — ему нужно подключить к процессу нескольких писателей, которые смогут детально изложить результаты. Одна из художниц, Джил Гендерсон, предложила романистку Анаис Нин.[46] Это был гениальный выбор. Нин не только разбиралась в терминах психоанализа, но, кроме того, уже два десятилетия штурмовала собственное подсознание, занимаясь написанием сюрреалистических романов.

От Нин до нас дошла запись о сеансе ЛСД в ее знаменитом дневнике. Она описывает, как в какой-то момент комната исчезла, остался только чистый космос и она увидела «образы за образами, стены за небом, небо за бесконечностью». Как она начала плакать, и обильные слезы стекали вниз по щекам, но в то же время она ощущала смех за этими слезами. И эти два чувства, плач и смех, трагическое и комическое, чередовались в головокружительном темпе. «Не будучи математиком, я осознала бесконечность», — сказала она Дженигеру. Сам доктор во время эксперимента напомнил ей персонажа одной из картин Пикассо — асимметричного человека с огромным глазом, вглядывающимся в зрителя. Вглядывающимся в самую ее душу.

Деятельность какой именно части сознания усиливалась так, что концепцию бесконечности можно было уловить на эмоциональном уровне? Где в мозге располагалось место, оживляющее вещи? Когда комната начинала дышать? Поиск ответов на эти вопросы был самым захватывающим из всего, что Оскар Дженигер только мог себе представить.

И он был не один. По некоторым причинам — из-за присутствия Хаксли или из-за того, что дело происходило в южной Калифорнии, — лос-анджелесская почва была для ЛСД особенно плодотворна. Сегодня над наркотиком работали пять исследователей, на следующий день — десять, затем — двадцать, и все они обменивались опытом.

Одним из коллег Дженигера был Сидней Коэн, психиатр лос-анджелесской психиатрической больницы, которая находилась в

---

46 Нин, Анаис (1903–1977) — франко-американская писательница, психоаналитик, автор эротических рассказов

ведении Управления по делам ветеранов. Коэн взялся за ЛСД, твердо намереваясь исследовать модели психозов по образцу Макса Ринкеля и других исследователей «лабораторного сумасшествия». Но его собственный личный опыт принятия наркотика заставил его изменить направление исследований. «Меня это застало врасплох, — вспоминал он несколькими годами позже на собрании, посвященном ЛСД — Это был не запутанный, сбивающий с толку бред, а нечто совсем иное. Только что — я не мог объяснить словами». Это нельзя было выразить на английском или терминами психологии. «Хотя мы использовали все доступные измерительные приборы, проверочные листы, тесты, весь арсенал психологических средств, суть ЛСД, несмотря на все наши усилия, до сих пор не понятна», — признавался он.

Но в то время как суть оставалась непроницаема, исследователи, подобно Коэну, деловито выстраивали систему из данных, описывающих, что случалось, когда типичный пациент в качестве терапии принимал ЛСД. Случались удивительные и загадочные вещи. Иногда пациент, заблудившись внутри и оказавшись в ловушке, впадал в паранойю и зацикливался на чем-нибудь, пока сеанс не приходилось прерывать, вводя торазин, средство против психозов, эффективный антидот для ЛСД. Но также часто случалось, что блуждая по лабиринту подсознания, пациент внезапно наталкивался на свободные от конфликтов области Иного Мира и все его патологии разом исчезали, словно вспугнутые птицы. «Словно у всего, что их тревожило, были определенные границы», — замечала психиатр Бетти Айзнер, коллега Коэна по работе. Коэн изучал эту аномалию, названную им «интегративным опытом»:

> *Интегративный опыт необходимо описать подробнее, потому что это важно не только для научных исследований, но также чтобы снять определенные трудности в описаниях состояний. Обычно наблюдается перцептивный компонент, состоящий из видений, красоты и света. Эмоционально пациент испытывает ощущение релаксации и эйфории. Больные описывают это как состояние полного прозрения, осознание своего места в мире и смысла жизни. Обычно они начинают описывать наиболее важные моменты своих переживаний, и это приносит*

большую терапевтическую пользу.

Ключом к интегративному опыту являлось отношение врача к пациенту и создаваемая им атмосфера эксперимента. При помощи надлежащей подготовки и искусных терапевтических приемов, улучшающих настроение, в частности, с помощью музыки, Коэн, как выяснилось, мог регулярно усиливать интегративный опыт. Но одновременно с этим он также обнаружил, что, хотя, с одной стороны, интегративный опыт был чрезвычайно полезен, с другой — он все-таки не творил чудес. В течение месяца пациент чувствовал себя прекрасно, но потом к нему возвращались все неврозы, с которых все и начиналось. Но когда Коэн указывал на эти ограничения своим более восторженным коллегам, его не слушали и называли «старым занудой» или «осторожным Сидом».

Афиша светового кислотного шоу

Однако, будучи осторожным в окончательных выводах относительно полезности ЛСД, Сидней Коэн в то же время очень активно вовлекал в исследования не только своих коллег — психиатров и психологов, но и писателей и ученых. На одном из сеансов его пациентами были аналитики из «Рэнд корпорэйшн», полусекретного мозгового центра, расположенного в Санта-Монике. Один из них, Герман Кан, приняв ЛСД, лег на пол и только периодически бормотал: «Ничего себе!» Позднее он объяснил, что с пользой провел время, изучая стратегические планы бомбежки Китая.

Один из психологов, которых Коэн познакомил с ЛСД, был А. Уэсли Медфорд. Со своим другом Мортимером Хартманом, рентгенологом и специалистом по раку, Медфорд начал в свободное время на выходных экспериментировать с наркотиком. Постепенно к их частным исследованиям присоединялись другие, и, наконец, возникло нечто вроде того, что в левых политических кругах называют ячейкой. Только эта ячейка занималась не классовой борьбой, а изучением сознания. Скоро с «группой Уэсли» начали происходить сумасшедшие события. Астральные проекции. Прошлые жизни. Телепатия. Расширение сознания. Ощущение, что они являются одним цельным, общим, групповым сознанием. Хотя все эксперименты, которые они разработали, чтобы проверить эти новооткрытые возможности, потерпели неудачу — вспомните Вейра

Митчелла с его попыткой писать стихи и работать над статьей по психологии, — это не охладило пыла участников. Остальные исследователи ЛСД со смущенным сочувствием наблюдали, как отношения в «группе Уэсли» становятся все напряженнее. В конце концов, она распалась, в чем ее члены обвиняли друг друга. Создавалось впечатление, что ЛСД также увеличивает отдельные отрицательные черты личности, вследствие чего людям становится сложно общаться.

Уэсли, вернувшись к практике, предупреждал, что ЛСД не поддается контролю. Но не Хартман. Он загорелся ЛСД. Вместе с психиатром Артуром Чандлером, достаточно поздно присоединившимся к «группе Уэсли», Хартман открыл офис в Беверли-Хиллс и, с благословения «Сандоз», занялся терапевтической программой изучения ЛСД, рассчитанной на пять лет. Несмотря на то что Чандлер имел терапевтическое образование, в основном все дела вел Хартман. «Он был человеком, заражавшим других своей энергией, — вспоминал Оскар Дженигер. — Это часто раздражало Чандлера, который был прагматичным парнем, психиатром старой закалки. Но в то же время Чандлер был для Хартмана своего рода тормозом, иначе он стал бы вторым Лири. Вместе они были идеальной командой». Хотя Хартман был искренне заинтересован в проведении законных научных исследований для «Сандоз», он также понимал, что ЛСД-терапия потенциально была прибыльным делом, особенно если сделать хорошую рекламу, например, на телевидении.

Из всех актеров, писателей, музыкантов и режиссеров, прошедших через организацию Чандлера и Хартмана, самым известным был Гэри Грант. Грант употреблял ЛСД больше шестидесяти раз, и хотя он считался одной из звезд Голливуда, он обнаружил, что пристрастие к наркотику обходится ему слишком дорого. В конце концов, в процессе съемок фильма «Операция "Петтикоут"», случилось решающее событие. Декорации были довольно необычны. Грант сидел на палубе розовой подводной лодки, которая была одним из основных мест действия в фильме. Шею его прикрывал от загара алюминиевый лист. Он говорил с двумя репортерами. Репортеры приготовились к тому, что им, как обычно, придется вытягивать из Гранта информацию клещами. Но сегодня Гэри, наоборот, вел себя очень мягко, расслабленно. Он объяснил им, что попробовав ЛСД, стал другим человеком. «Я словно

заново родился, — рассказывал он удивленным репортерам. — Я пережил психологический опыт, заставивший меня полностью измениться. Раньше я вел себя просто ужасно. А теперь я осознал кое-какие свои качества, которых не замечал, и некоторые, о которых даже не подозревал. Теперь я понимаю, как жестоко обходился с женщинами, которых любил. Я был насквозь фальшивым самонадеянным занудой, всезнайкой, который на самом деле абсолютно ничего не понимал. Я понял, что всю жизнь прятался за лицемерием и тщеславием. И во время опыта я ощутил, как избавляюсь от них — слой за слоем. Это оказался момент, когда сознание встречается с подсознанием, и тебя выворачивает наизнанку. Но в то же время для меня это был день, когда я увидел свет».

Хотя Грант, его адвокаты и «Метро-Голдвин-Майер» пытались замять скандал, интервью появилось в печати 20 апреля 1959 года. На популярности Гранта это никак не отразилось, однако практикующим исследователям ЛСД, таким, как Чандлер и Хартман, это принесло золотые горы. Все в Голливуде хотели родиться заново.

Неизвестно, имел ли Олдос Хаксли в виду именно Хартмана и Чандлера, когда писал следующие строки Осмонду, но они в принципе подходят под это описание: «Какие ужасные люди встречаются среди ваших коллег. — На днях мы встретили двух психиатров из Беверли-Хиллс. Они специализируются на ЛСД-терапии, 100 долларов за сеанс. Я редко встречал более бесчувственных и грубых людей! Меня глубоко тревожит, что в их руках могут оказаться беззащитные люди, находящиеся под воздействием ЛСД».

Здесь была одна важная деталь, но, за исключением Анаис Нин, никто этого не заметил.

Благодаря ее сессиям с доктором Дженигером Анаис Нин находилась в первых рядах психоделического движения. Оно объединило обитателей фешенебельных лос-анджелесских гостиных с Хаксли, Хёдом, Хаббардом и множеством других исследователей (вроде Дженигера) и прочих людей (вроде самой Нин), вовлеченных в возвышенные исследования Иного Мира. Их возбужденные встречи напомнили Нин об Андре Бретоне и группе сюрреалистов, поочередно потрясавших и восхищавших Париж в двадцатых и тридцатых годах. Бретон тоже верил в огромные силы, скрытые в подсознательном, но при отсутствии подходящих инструментов

исследования, подобных ЛСД, был вынужден полагаться на транс и автоматическое письмо. И все-таки Нин, фыркая каждый раз, когда слышала возбужденные рассуждения Хёда и Хаксли, вспоминала о шумных кафе Монпарнаса.

Сначала это были просто разговоры, разговоры, разговоры — на разных языках. Психологи говорили о психологии, мистики — о теологии, люди, знакомые с предметом поверхностно, — о парапсихологии, эрудиты, вроде Хаксли и Хеда, говорили на всех языках, одинаково легко обходясь с интегративным опытом и индийским «самадхи». Часто случались недоразумения, также как и неизбежные прорывы. Всех объединяло смутное понимание, что все они говорят об одном и том же. Отправляясь в Иной Мир, все — психологи, писатели, художники и даже мистики — наслаждались любительским статусом. Некоторым медикам было сложно к этому привыкнуть: у них существовали четкие представления относительно приема препаратов. Самые твердолобые даже вызывали определенную критику: «Бог мой, забудьте о стерильных палатах и прекратите задавать эти глупые вопросы». Но годы подчинения строгим правилам нельзя было так просто отбросить. Стерильные палаты и анкетные опросы в свое время были единственными инструментами медицинских научных исследований, и сложно было понять, как можно отказаться от них, не теряя в то же время надежды раскрыть тайну.

Вечерние беседы плавно переродились в «наркотические тусовки» (drug parties), если пользоваться современной терминологией. Конечно никто не говорил «приходите вечером, мы будем принимать ЛСД». Обычно приглашение излагалось в таких словах: «Приглашаем вас участвовать в скромном экстрасенсорном эксперименте». Но смысл был тот же. В итоге в некоторых наиболее богатых предместьях Лос-Анджелеса появились «вечерние салоны», на которых встречались люди вроде Хаксли, Хеда, Хаббарда, Нин, Оскара Дженигера, Сиднея Коэна и т. д. «Наши вечера преследовали вполне ясные цели и были в своем роде уникальны, — писала в дневнике Нин. — Мы делились нашим мистическим тайным опытом. И эти опыты должны были оставаться тайными».

Нин была, вероятно, одной из первых, кто почувствовал, что ЛСД выходит из-под контроля. Ее беспокоило несколько вещей. Например, она была встревожена высокомерным отношением к ЛСД многих психологов, которые не сомневались что через несколько лет

они полностью изучат и опишут Иной Мир. И он станет просто очередным научным достижением. Нин не сомневалась, что человеческая душа ускользнет от людей в белых халатах, но ее тревожили размеры непреднамеренного ущерба, которое могло причинить такое отношение. Хотя это вовсе не значило, что она была не согласна с планами Хаксли. Чем дольше она наблюдала за распространением ЛСД, тем более убеждалась что существовала веская причина, из-за которой поиски высшего сознания всегда были привилегией небольших тайных мистических культов: нельзя тиражировать мистическое, для этого понадобится слишком много инициации, слишком много сложных ритуалов. Да, наркотики, подобные ЛСД, открывали Дверь, предоставляя мгновенный доступ к тем областям сознания, на достижение которых с помощью медитаций или психотерапии у человека ушли бы годы. Но было ли это хорошо — короткий и безопасный путь в Иной Мир? Нин не была в этом уверена. Но когда она обсуждала это с Хаксли, он отвечал довольно раздраженно: «Вам повезло и вы можете изучать ваше подсознание естественным образом, но всем остальным людям для этого необходимо использовать наркотик».

Хаксли считал, что Homo sapiens не имеет права игнорировать кратчайшие пути. Когда он в начале тридцатых годов писал «О дивный новый мир», он представлял себе, что действие романа происходит в далеком будущем — в 3500 году нашей эры, но с того времени прошло всего четверть века, а мир уже приближался к нарисованному им сатирическому портрету. Образ полностью управляемого общества, мечту либералов, можно быть найти прямо в первой главе, с ее настойчивым рефреном — «подчиняйтесь правилам, подчиняйтесь правилам, подчиняйтесь правилам» — это звучит с телевизионных экранов и из уст «уважаемых людей». «Подчиняться правилам стало чем-то вроде одиннадцатой заповеди», — заметил психиатр Роберт Линднер в книге «Должны ли мы быть конформными?» Хаксли, заинтересовавшись, проанализировал, до какой степени жизнь становится похожей на его сатиру, и опубликовал ряд эссе под названием «Возвращение в дивный новый мир». Его волновала резко подскочившая популярность транквилизаторов, вроде милтауна и элавила. Хаксли чувствовал, что они только предшественники настоящей «сомы», притупляют боль и несчастья, которые были неизбежными побочными продуктами лозунга «подчиняйтесь правилам, а не то…»

Учитывая культурную ситуацию, Хаксли ощущал, что быстрое и эффективное развитие психоделии достигло критической точки. Джеральд Хед думал почти так же, только он вместо социологических аргументов использовал космические. Для Хёда это была борьба сил света против сил тьмы, «эроса» против «танатоса». Силы тьмы были выражены в ядерной бомбе, растущем количестве душевнобольных и тенденции к полной и всеобщей регламентации жизни. Силы света выражались в ЛСД. ЛСД раз и навсегда доказал, что в сознании любого человека содержится огромный скрытый потенциал. Его необходимо было исследовать и познать; и после этого им следовало пользоваться в широких масштабах. «Мы должны быть благодарны, что наши противники столь долго были невежественными фанатичными материалистами», — говорил он.

Ни Хаксли, ни Хед никогда не составляли точного плана, каким образом сегодняшний беспокойный мир перерастет в психоделическую утопию. Хотя Хаксли и обдумывал возможность написания другого «Дивного нового мира», в котором психоделическая система образования приводила к настоящей утопии. Но это было слишком фантастично и довольно сложно представить. Он пытался написать нечто в этом роде, но большинство его попыток отправлялись в корзину для бумаг. То, к чему стремились Хаксли с Хёдом, было своего рода постепенным постижением, особенно среди научного сообщества. Если бы они могли привлечь на свою сторону науку, если бы они могли картографировать и каталогизировать Иной Мир, используя принятые инструменты научной правды, всегда осторожной, чтобы не тревожить обывателей грандиозными заявлениями, то у них появился бы шанс… И осуществить это можно было, привлекая на свою сторону как можно больше исследователей «лабораторного сумасшествия» и ученых, занимающихся ЛСД И позволить им соприкасаться с «самым лучшим и чистым» под видом законных научно-исследовательских работ.

«Тот, кто вернулся, побывав за Дверью в Стене, никогда уже не будет прежним, — написал Хаксли на последних страницах «Дверей восприятия». — Он станет более мудрым, но менее самоуверенным, более счастливым, но менее удовлетворенным собой. Более скромным, как человек, который познал свое невежество…» Как апостол Павел по дороге в Таре, то есть открытым для разных точек зрения.

Важно понять, что Хаксли вовсе не предлагал массового паломничества в Иной Мир. Он был очень избирателен. Когда романист Кристофер Ишервуд, друг Хёда и ученик того же самого Свами Прабхавананды, у кого Хаксли изучал ведантический индуизм в сороковых годах, попросил мескалин, ему было отказано — как человеку слишком непостоянному. Раздраженный Ишервуд позднее сам раздобыл немного мескалина и попробовал его однажды в Лондоне. Он направился к Вестминстерскому собору, чтобы «увидеть, есть ли там Бог». Его там не было. Фактически его отсутствие было настолько глубоко, что Ишервуд начал безудержно хихикать и был вынужден спрятаться в укромном уголке, пока не смог полностью восстановить самообладание. В этом огромном, продуваемом всеми ветрами соборе не было и следов божественного.

Но если на горизонте появлялся подходящий человек, он обычно удостаивался чести. Так произошло, например, с Аланом Уоттсом, который был моложе Ишервуда (он родился в 1915 году), бывшим англиканским священником, превратившимся в свободного философа. Правда, случай Уоттса был особым, поскольку в молодости он вращался в тех же самых теософских кругах, к которым в тридцатых принадлежали Хаксли и Хёд. Он был протеже Кристмаса Хамфриса, английского адвоката, стоявшего во главе лондонского буддистского клуба. Когда Уоттс не смог поступить в Оксфорд, Хамфрис с друзьями начали посвящать Алана во всё «оккультное и нетрадиционное, что только есть под солнцем». И Уоттс зарекомендовал себя способным учеником. В девятнадцать, когда он издал первую книгу, его стиль уже полностью сформировался. Уоттс умел излагать любые самые сложные темы так, что они становились ясными и прозрачными. Это было скорее не литературным даром, а качеством ума. Когда Уоттс впервые встретился с Хаксли, он участвовал в радиопостановке в Сан-Франциско. Ему звонили старушки из Окленда и спрашивали о самых ужасных вещах, например как дзенское «сатори» соотносится с католической концепцией праведности. Не моргнув глазом, Уоттс открывал рот (в котором всегда дымилась зажженная сигарета — он изумлял радиомехаников своей способностью одновременно говорить и курить) и нужными словами объяснял — десять, пятнадцать, двадцать минут, — пока радиомеханик не давал ему знак, и тогда он мгновенно и всегда очень логично заканчивал ответ. Исследователи ЛСД любили Уоттса именно за разговорчивость. Когда он хвастался,

в мире не существовало наркотика, который заставил бы его замолчать.

Свами Прабхавананда

Уоттс не сразу оценил психоделики. Поначалу это ему показалось «абсолютно невероятным, что истинный духовный опыт можно получить, съев какую-то химию. Видения и ощущение восторга — да. Возможно, необычные ощущения, словно учишься плавать». Первый раз приняв ЛСД, он пережил моменты «оживленной красоты», но «едва ли то, что можно назвать мистическим». Но зато в следующий раз он уже испытывал полностью мистические переживания, что, с одной стороны, привело его в замешательство, с другой — было поучительно. Привело в замешательство, потому что Уоттс всю свою сознательную жизнь занимался духовным поиском, и теперь он достиг цели не благодаря соответствующей духовной дисциплине, но просто растворив ампулу в стакане дистиллированной воды; а поучительно, потому что проникновение за Дверь оказалось не примером дзен-буддизма, в котором специализировался Уоттс, а скорее образцом индуизма, словно индуизм был «локальной формой определенного немыслимо древнего тайного знания, которое таится у любого человека в уголке сознания, но никогда себя не обнаруживает».

Оскар Дженигер всегда считал, что приезд Алана Уоттса был ключевым моментом в истории психоделиков, потому что влияние Уоттса распространялось на совсем другие круги. В Сан-Франциско он был важной фигурой среди местной богемы. И, несомненно, оказал влияние на молодого кузена Дженигера, Аллена Гинсберга, который в поисках духовных ценностей обратился к восточным учениям.

Тот период был очень важен, хотя сложно сказать, что из происходящего тогда было наиболее важным. В Канаде Осмонд начал применять ЛСД в лечении алкоголизма — и с многообещающими результатами. В то же время он дал попробовать ЛСД своему старому школьному товарищу, а теперь члену парламента, Кристоферу Мэйхью. Он предложил Мэйхью использовать свои связи, чтобы уговорить Би-би-си отснять короткий научно-популярный фильм про мескалин. Мэйхью предложил себя в качестве подопытного кролика, и съемочная группа Би-би-си отправилась к нему домой в Суррей,

снимая на пленку, как Осмонд дает ему 400 микрограммов гидрохлорида мескалина. То, что пос-ледовало затем, теперь можно было бы легко предсказать: Мэйхью начал через нерегулярные интервалы выпадать из реального пространства-времени и попадать в место, «полное лучащегося света, словно снег, освещенный невидимыми солнечными лучами». Хотя по часам Осмонда эти путешествия длились секунды, для Мэйхью они, казалось, продолжались целую вечность.

— Меня снова здесь нет и уже долго, — внезапно объявил он, во время одного из тестов Осмонда. — Но вы вообще не заметили, что меня нет.

— Когда вы вернетесь? — спросил Осмонд.

— Я теперь в вашем времени, — ответил Мэйхью, но через несколько минут вновь сказал: — О, я снова там!

Подобно Олдосу, Мэйхью заглянул и в темные части Иного Мира. «Были моменты когда я воспринимал все с ужасающей яркостью, и это сводило с ума», — писал он в отчете о своем опыте, опубликованном в лондонском «Обсервер».

Другая иллюстрация к тому, как развивались события: в 1954 году Джеральд Хёд читал лекции в Пало-Альто, в организации «Секвойя семинар». Среди слушателей был инженер по имени Майрон Столярофф. Столярофф отвечал за перспективное планирование в «Ампекс», одной из первых компаний высоких технологий, появившейся в регионе к югу от Сан-Франциско. Столярофф, немного послушав Джеральда, решил, что перед ним один из великих мистиков. Так что когда Хёд начал превозносить изменяющие сознание наркотики, Столярофф удивился. «Я думал, что вы и так можете попасть во все эти места, — сказал он. — Зачем же вы их принимаете?» «Просто они открывают двери и позволяют различными путями попасть во множество измерений», — ответил Хёд.

Отдавал ли он себе в этом отчет или нет, но Майрон Столярофф был уже завербован. Несколько месяцев спустя, остановившись по делам в Лос-Анджелесе, он посетил Хеда и долго обсуждал с ним наркотики, изменяющие сознание. В какой-то момент в разговоре всплыла фамилия Хаббарда, и Хед заметил, что если Столярофф хочет попробовать все эти вещества, Эл сможет помочь ему. Столярофф написал Хаббарду, и вскоре Эл — «веселый парень», «излучавший волны энергии», — появился у него на пороге с

резервуаром карбогена. После знакомства и формальных предисловий Эл предложил Столяроффу вдохнуть немного карбогена, и спустя полминуты директор по перспективному планированию полностью расслабился.

Столярофф, довольно скептически отнесшийся к рассказам Хеда, на этот раз был полностью сломлен и убежден. Он договорился, что при первой возможности приедет в Ванкувер, чтобы принять участие в одной из ЛСД-сессий Хаббарда. В 1959 году Хаббард утверждал, что он провел тысячу семьсот ЛСД-сессий.

Бизнесмену пришлось тяжело. За несколько часов, проведенных у Хаббарда, Столярофф вновь пережил рождение, фактически физическое рождение, задыхаясь и корчась, словно в те дни, когда впервые прорывался к миру и первым глоткам воздуха. Хотя это были мучительные часы, но когда Майрон пришел в себя, он осознал, что многие из его странностей и неврозов явились результатом травмы при рождении. Это не было чем-то радикально новым для психоаналитиков: Отто Ранк, один из последних учеников Фрейда, написал множество статей о том, как влияет рождение на формирование психики. Но с помощью психоанализа требуются годы понять то, чего Столярофф достиг за несколько тяжелых часов. Возвращаясь в «Ампекс», Столярофф был убежден, что ЛСД — «самое большое открытие в истории человечества».

В следующие несколько лет Майрон и Эл сблизились. Столярофф был бизнесменом и инженером, он оперировал делами, а не словами. И его с радостью приняли Хед, Хаксли и Осмонд Часто, беседуя по вечерам, они мечтали о том, как при помощи ЛСД можно было бы превратить «Ампекс» в самую творческую, преуспевающую и прибыльную корпорацию в мире. Они использовали бы наркотик, чтобы стимулировать не только творческие силы, но также и психическое здоровье, леча самовлюбленность, неврозы, мелкую ревность и проблемы в общении. Используя ЛСД, они могли создать такую обстановку, в которой личность бы процветала и могла бы соединиться с пробужденным духом индивидуального сознания. На примере корпорации это разрешило бы обычно неразрешимую задачу улучшения общих условий не только для отдельных личностей, но и для группы в целом. И, в конце концов, это приносило бы намного больше денег.

Хаббард был идеальным примером того, как действительность трансформирует лучшие мечты. По мысли Хаксли, все выглядело

довольно просто — необходимо привлечь на свою сторону определенное количество образованных людей. Однако он не учел всего. Хаксли предпочитал своего рода тихую дипломатию, привлекая людей на свою сторону с помощью «образовательных журналов и современных интеллектуальных книг». Американского телевидения, по которому транслировали «баптистов, методистов и просто сумасшедших», следовало избегать любой ценой. Но Эл был человеком другого склада. Он был настроен продавать ЛСД в качестве католического лекарственного средства. «Не было бы лучше позволить Хаббарду идти своим собственным путем в русле церкви? — писал Хаксли Осмонду. — Совершенно очевидно, что он все больше чувствует себя там, как дома. Также, очевидно, его лояльность по отношению к церкви рождает в нем тревогу — будет ли ЛСД-25 достойным инструментом для утверждения католической доктрины и возрождения к жизни католических ценностей?» Но раздражение Хаксли продолжалось лишь до их следующей встречи с Хаббардом. Хаксли вновь отступил перед обаянием, сердечностью и энергией Эла. «Пожалуйста, забудьте, что я писал о нем в последнем письме, — сказал он Осмонду и добавил: — Хотя я все еще сомневаюсь относительно общей законности его методов».

Однако методы Хаббарда работали, и в конце 1957 года его кампания в пределах Ванкуверской католической верхушки принесла поразительные плоды: объявление, выпущенное Собором святого Розария, в котором, в частности, можно было прочесть нижеследующее:

> *Мы знаем, что человек несовершенен, и нас в наших исследованиях защищает именно это понимание и признание Первопричины, управляющей всем, что случается в мире Поэтому мы начинаем изучение психоделиков и их влияния на человеческое сознание, желая прояснить их свойства и место, которое они занимают в Божественном Плане. Мы смиренно просим Пресвятую Деву Богородицу помочь всем, кто взывает к ней, познать и понять истинное значение психоделиков, способных высвободить в человеке самые возвышенные качества, чтобы, согласно Божьим законам, использовать их на пользу человечеству, отныне и во веки веков.*

Сегодня католическая верхушка западной Канады, завтра первая психоделическая корпорация — Эл никогда не отличался скромностью замыслов. Но в этом случае одно помешало другому. Хотя Майрон Столярофф подошел к делу ответственно, убеждая нового генерального директора «Ампекс» не обращать внимания на недостатки Эла и попробовать поэкспериментировать с ЛСД, результат был катастрофическим. Дело в том, что генеральный директор был иудеем. И он вовсе не стремился смотреть на изображения Иисуса Христа. Но именно ими Хаббард и размахивал перед ним.

Мы могли еще на протяжение двух сотен страниц описывать водовороты событий, связанных с распространением ЛСД, но, возможно, лучше будет задержаться всего лишь на одном моменте, поскольку он показывает, насколько далеко зашло психоделическое движение. В 1958 году Джеральд и Сидней Коэн отправились в Аризону с целью устроить ЛСД-сессию для Генри Люса, основателя и президента «Тайм-лайф инкорпорейтид» и его жены-космополитки Клэр Бут Люс. Вечером Люс, не слыша ничего вокруг, кроме звучавшей у него внутри симфонии, бродил по двору. Чуть позже, после короткого общения с Богом, он уверился, что в Америке все в этом столетии будет хорошо.

Единственной проблемой, очевидной для всех, была вероятность того, что когда-нибудь в будущем выяснится, что ЛСД вреден для человеческого организма. Нельзя было забывать о Фрейде, полагавшем, что кокаин — просто безвредная панацея. С другой стороны, возможно, что ничего фатального не предвидится даже в этом случае, просто встает задача обнаружить безвредные аналоги.

«Если психологи и социологи определят значение слова «идеал», — говорил Хаксли, — невропатологи и фармакологи смогут обнаружить средства, с помощью которых можно будет осознать этот идеал». ЛСД и мескалин были только верхушкой психоделического айсберга.

Первым новым психоделиком был ДМТ — диметилтриптамин. Его обнаружил Оскар Дженигер. Помимо исследований возможностей ЛСД, Дженигер заинтересовался предположением Осмонда и Смитиса, что психозы могли быть вызваны сбоем метаболизма надпочечников. В свое время интуиция привела двух этих англичан к открытию молекулярного сходства адреналина и

мескалина. Дженигер неожиданно наткнулся на подобную связь между триптамином и южноамериканской виноградной лозой «айахуаска», используемой в шаманских обрядах. Психоактивным элементом в «айахуаска» был диметилтриптамин (ДМТ). Дженигер поискал в медицинской литературе ссылки на ДМТ, но нашел только две монографии, и обе на венгерском. Предположив, что венгры, должно быть, пробовали ДМТ и, вероятно, до сих пор живы, если уж написали монографии, Дженигер заказал его в местной лаборатории и как-то днем, будучи один в конторе, он «совершил идиотскую, опаснейшую глупость» — наполнил шприц и ввел ДМТ в вену.

По сравнению с ДМТ ЛСД был просто безделицей. Дженигер ощущал себя шариком в пинболе, вокруг был ад кромешный, сверкали вспышки и звенели звонки… Он ничего не понимал. Он был потерян и растерян и, когда позже пришел в себя (эффект ДМТ продолжался только тридцать минут), был убежден, что пережил «совершенно реальный бред сумасшедшего». Это было потрясающе! Возможно, он нашел неуловимый М-фактор!

Дженигер дал попробовать ДМТ Бивенсу, тоже согласившемуся, что это действительно «уже чересчур»; тогда он позвонил Алану Уоттсу и заключил с ним пари, что он наконец нашел препарат, который сможет заставить его замолчать. Уоттс принял пари и ДМТ и в течение последующих тридцати минут, молча, не отрываясь, смотрел на Дженигера, который взволнованно повторял: «Алан, Алан, пожалуйста, ну, скажи что-нибудь! Поговори со мной. Твоя репутация в опасности!» Но Уоттс не проронил ни слова. В следующий раз, когда через город проезжал Эл Хаббард, Дженигер снабдил его ДМТ и попросил, чтобы он распространил его. «Это не просто подарок, — сказал он. — Я хочу получить отчеты о его действии». Каждый, кто пробовал ДМТ, соглашался, что это были адские полчаса, никаких положительных переживаний наркотик не вызывал.

Чего нельзя было сказать о псилоцибине, появившемся на психоделической сцене благодаря все тому же «Сандоз Фармацевтикалс».

Глава 8. ШУМ ЗА СЦЕНОЙ

К псилоцибину «Сандоз» привели довольно странные

обстоятельства.

Все началось в 1927 году в горах Кэтскилла,[47] когда Валентина Уоссон, заметив в лесу грибы, радостно побежала их собирать. Ее новоиспеченный муж (у них как раз был медовый месяц) ошеломленно глядел, как она, «став на колени, в восторге переползает от одной кучки грибов к другой». Поняв, что никакие доводы не удержат ее от того, чтобы приготовить грибы на обед, Гордон Уоссон начал морально готовиться к тому, что скоро станет вдовцом. Он абсолютно не сомневался, что к утру его жена будет мертва.

Но она конечно не умерла. Урожденная россиянка, Валентина Уоссон очень любила грибы и конечно прекрасно знала, как их готовить. Англосакс Гордон представлял абсолютно противоположный тип. Он был микофобом, он ненавидел грибы

Гордон был выпускником Гарварда и работал финансовым корреспондентом «Нью-Йорк джеральд трибьюн», Валентина была детским врачом. Будучи воспитаны по-разному, они начали анализировать разницу культур, породившую их разногласия, — заходил ли у них спор по поводу лишайника или грецких орехов. Копнув немного глубже, выясняли, что целые народы Европы можно назвать микофилами (Славянские страны, Бавария, Австрия, Италия и южные части Испании и Франции) или микофобами — остальная часть Европы. Уоссоны заинтересовались этой проблемой и занялись исследованиями, которых не прекращали уже до самой смерти.

В 1938 году Гордон Уоссон оставил журналистику ради банковского дела и устроился работать в отделение ценных бумаг банка «Морган Гаранта». Когда актом Конгресса банкам было запрещено приобретать ценные бумаги, он перешел работать в администрацию банка и со временем стал его вице-президентом. В эти годы любое свободное время Уоссоны посвящали микологическим изысканиям. Они прошли пешком всю Европу, тщательно изучая языки, исследуя тот раскол, что, должно быть, произошел еще тысячелетия назад. Общаясь с необразованными крестьянами, они расспрашивали их насчет местных грибов.

Постепенно сформировалась гипотеза. Уоссоны начали подозревать, что гриб играл важнейшую роль в прарелигии

---

[47] Горы на юго-западе штата Нью-Йорк, место летнего отдыха

индоевропейских племен. Основным объектом их исследований стал мухомор, рассматриваемый микофобами как самый ядовитый гриб, хотя не имелось никаких твердых свидетельств, что от него хоть кто-нибудь умер… То, что он вызывал своего рода бред, подтверждается еще в «Простом и легком описании британских грибов» Кука (опубликовано в 1862 году): «используется для предсказаний, вызывает поразительные физические ощущения и радует дивительными иллюзиями и метаморфозами». Льюис Кэрролл, очевидно, читал Кука — в повести-сказке «Алиса в стране чудес» гусеница пыхтит кальяном наверху мухомора, который Алиса быстро съедает с вытекающими отсюда незабываемыми последствиями.

Psibcybe semilanctea

Поскольку предположение о том, что наркотические грибы лежат в основе индоевропейской культуры, было довольно радикальным, Уоссоны поделились им только с немногими. Одним из этих немногих был Роберт Грэйвс, английский поэт, живший в целительном уединении на острове Майорка. Уоссоны подружились с Грэйвсом на базе научного сотрудничества, выясняя исторический вопрос, какими именно грибами отравила римская императрица Агриппина императора Клавдия. Это было важно для одного из самых известных романов Грэйвса — «Я, Клавдий». Выстроив доступные данные, они пришли к выводу, что она преподнесла ему блюдо из его любимых грибов Amanita caesarea — безопасных и вкусных, если только их не протушить в соке Amanita phalloides. Это были единственные ядовитые грибы, вызывающие смертельный исход и доступные Агриппине. Поскольку человек, отравленный Amanita phalloides, умирает медленно — в течение пяти или шести дней, она решила усилить действие яда другим препаратом, сходным с колоцинтом,[48] вероятно, введенным через клизму; и в считанные часы Клавдий был мертв, а его пасынок Нерон стал новым императором. В сентябре 1952 года Грэйвс натолкнулся в журнале на статью, в которой описывалось открытие «грибных камней» при археологических раскопках в Гватемале и Мексике. Археологи

[48] Колоцинт, горький огурец (C. colocynthis) — сильное природное слабительное средство.

предполагали, что камни были предметами культа или, по крайней мере, объектами поклонения. Это означало, что поклонение грибам существовало еще в доколумбовы времена. Грейвс сообщил об этом Уоссону, и тот, хотя планировал ограничить свои исследования Евразией, решил съездить в Мексику при первой же удачной возможности.

То, что они обнаружили в Мексике, оказалось намного более материальным, чем старый фольклор и лингвистические вероятности, изучаемые ими в Европе. Множество испанских летописцев шестнадцатого века упоминало о существовании наркотического гриба, называвшегося на нахуатле, языке ацтеков, «теонанакатль», или «плоть Бога». Францисканский монах Бернардино де Саагуни даже описывал предполагаемые эффекты теонанакатля:

> *Некоторые видели, что умрут на войне. Некоторые видели, что их сожрут дикие звери. Некоторые видели, что станут богатыми и знатными. Некоторые видели, что купят рабов.*

По утверждению де Саагуни, все это было результатом происков дьявола. Католическая церковь энергично пыталась уничтожить грибной культ.

Но Уоссоны надеялись, что культ не был уничтожен в шестнадцатом столетии, а просто стал тайным. В пользу этого свидетельствовали некоторые факты. В 1936 году группа американских антропологов, работавших в отдаленной деревне Уаутла де Хименес, сообщала, что им позволили наблюдать, но не участвовать в церемонии, в которой употреблялись психотропные грибы.

В течение трех лет Уоссоны следили за новостями, изучали источники и учили индейские диалекты. В Уаутла де Хименес они подружились с американской миссионеркой Юнис Пайк, которая кое-что знала о грибном культе. Только «когда наступает вечерняя темнота и вы остаетесь наедине с мудрым стариком или старой женщиной (доверие которой вы предварительно завоевали), держась за руки при свете свечей и говоря шепотом, вы можете быть допущены до церемонии», — писал Уоссон. Согласно источникам Уоссона, иногда звучащим довольно необычно, теонанакатль следовало собирать до восхода солнца, во время новолуния. Собирать

его в определенных местах должны были исключительно девственницы. Затем грибы, завернутые в листья банана, относили в церковь, где их благословляли на алтаре. Затем они переходили к курандеро (знахарь, целитель, шаман и т. д.). Слушая эти рассказанные шепотом истории, Уоссон ощущал себя «пилигримом в поисках Грааля». Хорошая аналогия, потому что грибной культ казался неуловимым. Уоссон описывает, как однажды им овладело разочарование:

> *Возможно, вы узнаете имена многих известных курандеро и посланные вами люди даже пообещают привести их к вам Вы можете ждать и ждать — они никогда не придут Возможно, вы проходите мимо них на базаре и они знают вас, но вы ничего о них не знаете. Может быть, городской судья и есть тот, кого вы ищете, но вы проведете с ним рядом целый день и так и не узнаете, что это ваш курандеро*

Летом 1955 года Уоссоны наняли погонщика мулов, знавшего путь вокруг гор Оаксакан, и покинули Уаутла де Хименес. В ночь с 29 июня на 30-е Гордон стал первым посторонним, посвященным в «церемонию священных грибов». Позднее он придумал слово «огрибленный» (bemushroomed), чтобы описать состояние, которое он пережил. Странные образы проходили сквозь его сознание, видения, казавшиеся «яркими архетипами всевозможных форм и цветов». И мысли, напомнившие ему о «мыслях Платона», — эти мысли показались банкиру «Морган Гаранти» не фантазиями «расстроенного воображения», а прикосновением к высшему порядку действительности, по сравнению с которым вся наша повседневная жизнь — несовершенный набросок.

Уоссоны не спешили трубить о своем открытии. Они возвращались в Уаутла де Хименес еще несколько раз. В одну из поездок с ними отправился фотограф Аллан Ричардсон, сделавший снимки грибной церемонии. В другой раз их сопровождал Роже Эм, известный миколог, директор государственного музея естествознания во Франции. Эм, исследуя грибы, идентифицировал их как пластинчатые грибы из семейства Stophanaceae, принадлежащие к роду psilocybe, но не смог выделить из них активный элемент. С этой проблемой он обратился к Альберту Хофманну в «Сандоз

Фармацевтикалс», который с неохотой согласился ему помочь. «Я хотел было передать исследование одному из моих сотрудников, — писал Хофманн в автобиографии. — Однако никто не выказывал особого рвения браться за эту проблему — было известно, что ЛСД и все, связанное с ним, не снискали популярности у руководства». В 1958 году Хофманн объявил, что он синтезировал два новых вещества: псилоцибин и псилоцин. Оба они принадлежали к индольным соединениям и обладали химическим строением, очень сходным с нейромедиатором серотонином. У ЛСД появилось несколько менее мощных кузенов.

Новости об открытии Уоссона медленно, но верно распространялись. Роберт Грэйвс в письме Мартину Сеймур-Смиту упомянул, что «мой знакомый, интересовавшийся грибами, празднует победу: фактически он обнаружил в Мексике жрецов грибного культа, о которых я ему рассказывал. Он ел священные грибы и исследовал их — это оказался очередной чудесный наркотик, требующий большой осторожности в обращении. Он думает, что именно их использовали в элевсинских мистериях, чтобы получать такие потрясающие видения». Как только об этом узнал Олдос Хаксли, офис Уоссона в банке Моргана стал следующим пунктом в истории психоделического движения. Осмонд, Хаксли и Хаббард, все попробовали грибов (на Хаббарда произвело сильное впечатление то, что у Уоссона есть личная столовая с официантами), но их попытки привлечь банкира на свою сторону потерпели неудачу. Уос-сон был слишком поглощен своими собственными теориями и открытиями. Ему было «приятно думать, что открытые им грибы так или иначе уникальны и, несомненно, важнее всего остального, — рассказывал Хаксли Осмонду после завтрака с банкиром в его «храме богатства». — Я пробовал его разубедить. Но ему приятно чувствовать, что он владеет «единственным в мире психоделиком» — и не желает променять его ни на что».

Эти события происходили в июне 1957 года. Примерно в то же время вышел «труд жизни» Уоссона об индоевропейском грибном культе — «Грибы, Россия и история сомы». Он был издан небольшим тиражом в 512 экземпляров и продавался по двести пятьдесят долларов. Это был труд потрясающей учености, но при всех его филологических и фольклорных заслугах правдоподобность тезисам придавал именно «божественный мексиканский гриб». «Теперь мы понимаем, — писал Уоссон, — что многие из разновидностей этих

странных грибов обладают странной силой, которую древний человек не мог расценить иначе, как волшебную. Они могли стать причиной возникновения самого понятия сверхъестественного и вдохновили многие из фольклорных сюжетов, приводимых нами… Мы предполагаем, что божественный гриб играл важнейшую роль в развитии представлений древнего человека о мире, пробуждении в нем способности к самопознанию, чувства трепета перед неизвестным, чувства чудесного и почитания. Он, несомненно, облегчил для него восприятие идеи Бога».[49]

Если бы распространение идей, изложенных в книге Уоссона, было ограничено тиражом в полтысячи экземпляров, стоимость каждого из которых была равна двухнедельной зарплате, наша история могла бы пойти совсем другим путем. Но однажды, когда он за завтраком рассказывал о своих мексиканских приключениях в «Сен-Ниюри Клаб», Уоссона случайно услышал редактор «Тайм-лайф». Редактор предложил ему описать свои переживания и опубликовать их в «Лайф» (там был специальный раздел, посвященный подлинным переживаниям путешественников). Статья Уоссона о гриб-ьной церемонии со снимками Аллана Ричардсона вышла в Гордон Уоссон «июльском выпуске «Лайф» 1957 года, где ее прочитали миллионы, и в частности один молодой психолог, Фрэнк Бэррон, лучший друг другого молодого психолога, Тимоти Лири.

Гордон Уоссон — первый исследователь волшебных грибов

К тому, насколько это оказалось важным, мы вернемся позже. А пока что перед нами более интересный вопрос: кем был Джеймс Мур и почему он так стремился сопровождать Гордона Уоссона в экспедиции в мексиканское захолустье летом 1956 года?

Гордон Уоссон знал только то, что Джеймс Мур был профессором в Делавэрском университете. Мур написал ему зимой 1956-го. Он сообщал, что интересуется исследованиями химического состава мексиканских грибов, и, узнав, что Уоссон планирует новую

---

[49] В книге мы еще не раз будем цитировать различные еретические рассуждения. Это как раз одно из них. Заинтересовавшиеся читатели могут сами прочитать книгу Гордона Уоссона «Грибы, Россия и история сомы», а также «Дорогу к Элевсии», написанную Уоссоном в соавторстве с Альбертом Хофманном и Карлом Рюком *(Прим. авт.)*.

экспедицию в Уаутла де Хименес этим летом, просил позволить ему присоединиться. Чтобы подсластить свое незваное присутствие, Мур упоминал об организации, которая могла бы взять на себя расходы по всей поездке, Фонде медицинских исследований «Гешиктер». Данный фонд выделял на поездку две тысячи долларов. Как выяснилось позже, даже этого оказалось недостаточно, чтобы унять раздражение Мура.

Мур оказался нытиком. Очевидно, он полагал, что поездка в Уаутла де Хименес будет чем-то вроде прогулки до Акапулько; в любом случае он оказался абсолютно не подготовлен к диарее, грязным полам и скудной пище. «Я страшно мерз, все тело зудело. Мы жили на голодном пайке», — вспоминал Мур. «Он был словно новичок, что впервые вышел в море. Когда у него болел живот, он ненавидел все вокруг», — замечал Уоссон.

Жалобы Мура быстро оттолкнули от него других членов экспедиции, среди которых был выдающийся французский миколог Роже Эм. Пока Мур ворчал, остальные наслаждались подлинной первобытностью путешествия. Мур разочаровался даже в грибах. В то время как все остальные, наоборот, вдохновились. «Я чувствовал себя превосходно, восхитительно», — сообщал Уоссон. Мур ничего этого не испытывал. Он был полностью дезориентирован монотонной речью индейцев, грязными полами и расстройством желудка. Он и так не страдал полнотой, но, вернувшись в Делавэр, обнаружил, что похудел на семь килограммов. Спустя неделю он немного восстановил силы и сообщил Ботнеру, что готов приступить к работе над грибами, привезенными им из Уаутла де Хименес.

Ботнер был куратором Мура в Центральном разведывательном управлении.

В то время как Хёд и Хаксли искали вещество, которое откроет Дверь, ведущую к более высоким уровням сознания, Центральное разведывательное управление занималось поисками препаратов, с помощью которых этим сознанием можно было управлять. Как ни забавно, и те и другие работали в одной и той же сфере, ища ответ в одном и том же классе наркотиков, которые Осмонд назвал психоделиками. Чтобы понять, зачем ЦРУ нужны были вещества для «мозгового контроля», необходимо сделать небольшое отступление. Во время Второй мировой войны медицинское отделение немецких воздушных сил занималось в Дахау любопытными экспериментами с мескалином. Как позже сообщалось в отчете американской Военно-

морской технической миссии, нацисты искали препарат, который мог «подчинять желания испытуемых». По протекции хауптштурмфюрера СС доктора Плоттнера (позже профессора в Лейпцигском

университете) пациентам подмешивали мескалин в кофе или ликер и затем допрашивали. Согласно нацистским отчетам, хотя подчинить волю испытуемых не удалось, врачи смогли получить от них большое количество информации очень личного свойства. Хотя нацистские эксперименты с мескалином занимали всего несколько абзацев в трехсотстраничном отчете (в основном там сообщалось об экспериментах с ледяной водой и прочих пытках, поданных под видом науки) — эти абзацы вызвали большой резонанс в Управлении стратегических служб по той простой причине, что там тоже искали «наркотик правды». Под руководством Уинифред Оверхользер, директора «Сент-Элизабет», известной психиатрической больницы в Вашингтоне, проходили полевые эксперименты с множеством различных препаратов, включая мескалин и скополамин. Самым удачным был опыт с концентрированной вытяжкой из марихуаны, которую исследователи добавляли в сигареты. Поначалу они пользовались этим методом, чтобы заставить заговорить Августа дель Грацио, именовавшегося в протоколах как «печально известный нью-йоркский гангстер». Самым же серьезным опытом была программа, разработанная для чистки вооруженных сил от лиц, подозреваемых в сочувствии коммунистам. Группа врачей под руководством Оверхользер приходила на допрос с пакетом обработанных сигарет и большим кувшином ледяной воды (интенсивная жажда — основной признак, что марихуана сработала). Исключая одного некурящего, они раскололи всех допрашиваемых солдат. < Когда в 1947 году возникло ЦРУ, оно продолжало опыты своих предшественников с «наркотиками правды» вроде скопола-мина и вытяжки из марихуаны. Также оно всячески поддерживало исследования новых наркотиков, которые могли бы эффективнее воздействовать на сознание. В рамках Службы технического обеспечения, являвшейся одним из отделений ЦРУ, существовало небольшое полусекретное подразделение, известное как «Химическое отделение». «Химическое отделение» возглавлял выпускник Калифорнийского технологического института химик Сид Готтлиб, кривоногий поклонник кадрили, поднимавшийся до рассвета, чтобы подоить своих любимых коз, перед тем как отправиться на службу — в суматоху рабочего дня, заполненного

работой над методами управления сознанием и бактериологическим оружием. Готтлиб слегка заикался. Его патроном в высших эшелонах Управления был Ричард Хелмс.

Именно Хелмс, зачарованный возможностями химической войны на уровне психики, убедил Аллена Даллеса, тогдашнего директора ЦРУ, разрешить исследования разнообразных «биологических и химических веществ».

13 апреля 1953 года, как раз когда Хаксли впервые написал Осмонду насчет мескалина, ЦРУ официально одобрило проект «МК-УЛЬТРА» и выделило триста тысяч долларов на его дальнейшие исследования. Хотя под эгидой «МК-УЛЬТРА» шли исследования разнообразных наркотиков, включая кокаин и никотин, но основная сфера его интересов касалась ЛСД. ЦРУ возлагало на ЛСД настолько большие надежды, что в апреле 1953 года двое агентов были посланы в «Сандоз» с огромной суммой денег для приобретения десяти килограммов этого вещества.

Количество в десять килограммов появилось в результате ошибочных расчетов… Когда агенты прибыли в Базель, имея при себе сумму в 240 тысяч долларов, они узнали, что «Сандоз» начиная с 1943 года выработал в общей сложности чуть больше сорока граммов — даже меньше двух унций… Но сделка состоялась., Швейцарцы согласились не только обеспечивать ЦРУ ста граммами ЛСД в неделю, но и информировать их о том, кто еще будет запрашивать наркотик.

Передовица «Вашингтон Пост» за 6 ноября 1975 года с докладом «комиссии Рокфеллера», разблачающим эксперименты ЦРУ с применением ЛСД

Однако зависимость от нейтральных швейцарцев была неудобна для ЦРУ, и они тайно начали оказывать через частные каналы давление на американскую химическую компанию «Эли Лилли», чтобы там разработали конкурентоспособное синтетическое вещество. Одной из причин, по которым ЛСД оставался столь дорогим и редким, было то, что его изготовление зависело от поставок грибка спорыньи, печально известного тем, что его крайне сложно разводить. Очевидным решением был бы синтетический аналог, полученный из химических реагентов, что сделало бы получение ЛСД полностью независимым от поставок спорыньи. В

октябре 1954-го «Эли Лилли» объявила, что они преуспели в создании химического аналога ЛСД. Помимо снабжения ЦРУ, открытие американской компанией синтеза означало то, что теперь, в случае необходимости, станет возможно производить ЛСД в неограниченных количествах. А это, вкупе с упоминавшейся выше докладной запиской Аллену Даллесу, означало, что ЛСД можно было наконец всерьез воспринимать как боевое химическое оружие.

Поскольку ЦРУ не хватало кадров, чтобы осуществлять столько сложных поведенческих и физиологических экспериментов, Готтлиб предложил сотрудничать с психологами, особенно с теми исследователями «лабораторного сумасшествия», которые уже занимались исследованиями взаимосвязи между действием ЛСД и душевными заболеваниями. Многие из них были готовы сотрудничать — ЦРУ хорошо платило. Они шли на это без колебаний: если ЦРУ хочется финансировать исследования в области, которую игнорируют традиционные организации вроде Национального института психического здоровья — ну так что ж, в чем проблема?

Под прикрытием двух уважаемых организаций, Фонда Джозии Мэйси и Фонда медицинских исследований «Гешиктер», ЦРУ начало вкладывать средства в исследования ЛСД в Соединенных Штатах, параллельные работам окружения Хаксли и Хёда… Вскоре они вышли на Ринкеля и Хайда из Центра психического здоровья. Хайду при первой же встрече было предложено за исследования ЛСД 40 тысяч долларов в год. Подобные же предложения были сделаны Хэролду Аб-рамсону в Нью-Йорке, Карлу Пфайферу из университета штата Иллинойс и Хэролду Ходжу из Рочестерского университета., Деньги в основном выделялись на исследования таких областей, которые, не будь «холодной войны», большинство ученых сочли бы сомнительными. Например, Хэролду Абрамсону было ассигновано 85 тысяч долларов на то, чтобы

> *быстро подобрать материалы по следующим темам а) нарушения памяти; б) дискредитация с помощью отклонений в поведении, в)смена сексуальных моделей поведения, г) вытягивание из людей информации, д) восприимчивость к внушению, е) создание зависимостей*

В другом финансируемом ЦРУ эксперименте семь наркоманов в больнице Лексингтона, штат Кентукки, получали ЛСД в течение семидесяти семи дней. Дозировка постепенно увеличивалась — сначала вдвое, потом вчетверо.

Не все исследования проводились на стороне. В самом ЦРУ Готтлиб с коллегами сами регулярно принимали ЛСД — в офисе и на вечеринках — и сравнивали собственные впечатления. Стоило только отвернуться и какой-нибудь умник быстро сыпал несколько микрограммов вам в кофе. Люди играли с сознанием. Иногда результаты были необычными. Крепкие агенты начинали плакать или бормотать о том, что «все люди братья». Раз или два дела пошли совсем скверно: впавшие в паранойю секретные агенты сбегали и терялись в городской суматохе Вашингтона, а их встревоженные коллеги шли по горячим следам. Один раз после захватывающего преследования они обнаружили беглеца в Вирджинии. Сидя у фонтана, он бормотал о «страшных монстрах со странными глазами», преследовавших его в Вашингтоне. Действительно, каждый встречный автомобиль заставлял его содрогаться от страха.

Это было вполне в духе группы Готтлиба, когда они пригласили ничего не подозревающих специалистов из Армейского химического корпуса на трехдневный праздник в ноябре 1953 года. Естественно, предлагался алкоголь и часть коктейлей была действительно просто со спиртным. Хотя Готтлиба инструктировали не использовать ЛСД на своих коллегах, вероятно, он решил, что армейские ученые не подпадают под это определение. Они были скучными людьми, а испытания наркотика, контролирующего сознание, — полезным делом.

Можно было бы считать, что праздник удался, если бы на второй день один из армейских ученых, доктор Фрэнк Олсон, не покончил жизнь самоубийством. Решив, что он сошел с ума, доктор Олсон выпрыгнул из окна нью-йоркского гостиничного номера. Паника, поднявшаяся вокруг этого события, чуть не погубила проект «МК-УЛЬТРА».

ЦРУ обладал разветвленной структурой. В то время, как «МК-УЛЬТРА» занимался изучением возможностей ЛСД, в рамках другой программы, «АРТИШОК», агенты ЦРУ обыскивали земной шар в поисках психотропных растений. В 1952 году финансируемый ЦРУ ученый был послан в Мексику привезти образцы психотропных растений, в частности семена кустарника «пиуле». Он возвратился с

огромным количеством полевого материала и информацией о том, что глубоко в Мексиканских горах существует культ психотропных грибов, восходящий еще к ацтекам. Следующим летом — практически в тот же самый день, когда Гордон и Валентина Уоссон отправились в экспедицию, — ученый из ЦРУ прибыл в Мексику с подобной же задачей: расположить к себе членов грибной секты и приобрести образцы.

Нью-йоркский банкир, жаждущий доказать историческую теорию, которую он разрабатывал в течение последних двадцати лет, должно быть, сильно раздражал ЦРУ, имевшее неограниченные фонды и жаждавшее химического всемогущества. К чести спецслужб, надо отметить, что они почти сразу же узнали об открытии Уоссона. Мексиканский «ботаник» телеграфировал детали через несколько дней после того, как Уоссон возвратился из Уаутла де Хименес. Узнав, что Уоссон планирует вернуться на следующее лето с группой, в которой будет известный французский миколог Роже Эм, ЦРУ решило ввести в экспедицию своего человека. Им оказался Джеймс Мур, химик, работавший по контракту в программе «АРТИШОК». Чтобы подсластить пилюлю, они использовали средства «Фонда Гешиктер».

Начальство в Лэнгли не интересовало, как Мур провел эти мучительные недели в Мексике: для них было важным, что он привез образцы грибов. И если бы он смог выделить психоактивный элемент, то «вполне возможно, — вспоминал Сид Готтлиб, — что новый наркотик остался бы тайной ЦРУ». Но еще раз ЦРУ опередили все те же швейцарские химики; та же самая швейцарская компания, которая в свое время контролировала мировые поставки ЛСД. ЦРУ пришлось обратиться к «Сандоз» вновь — на этот раз с просьбой о поставках псилоцибина.

Одной из проблем, с которыми столкнулось ЦРУ в поисках изменяющих сознание наркотиков, были полевые эксперименты над различными людьми. Можно было проводить эксперименты на заключенных в тюрьму наркоманах и на безденежных студентах, но это в принципе не решало вопроса, можно ли с помощью наркотика расколоть потенциального двойного агента или коммуниста из КГБ. Решая эту проблему, ЦРУ превратило одно из своих зданий в Сан-Франциско в лабораторию для исследования поведенческих реакций. Дом, расположенный на Телеграф-Авеню, переоборудовали в бордель, украшенный двусторонними зеркалами. Здесь работала

команда проституток под наблюдением бывшего агента, специалиста по наркотикам Джорджа Уайта. Уайт был знаменит тем, что еще в дни, когда существовало Управление стратегических служб, расколол Августа дель Грацио с помощью вытяжки из марихуаны. Замысел состоял в том, что проститутки привлекут в бордель бизнесменов, а там они уже попробуют ЛСД, или псилоцибин, или любой другой наркотик, изменяющий сознание. С бюджетной точки зрения бордель был гениальной идеей. Проект со школьным юмором окрестили «Операция "Полночный оргазм"».

Мы можем только предполагать, на что это было похоже, — посетить Иной Мир под патронажем ЦРУ Однако первым, что привлекало внимание распутных бизнесменов, вероятно, была обстановка. В ЦРУ так и не решили, должна ли быть обстановка возвратом к декадентству или шиком в духе своего времени. Образчики африканских тканей соседствовали здесь с репродукциями девушек, танцующих канкан, работы Тулуз-Лотрека. Столы были накрыты черным бархатом. В спальнях висели красные занавески, в коридоре — в шотландскую клетку, в кухне — полосатые. Наркотики обычно подсыпали в спиртные напитки, но не всегда. В ряде экспериментов ЛСД распылялся в ванной непосредственно перед тем, как туда входил несчастный клиент.

Именно «Операцию "Полночный оргазм"» и сходные с ней действия имел в виду ревизор ЦРУ, когда в 1963 году поднял вопрос об этичности проекта «МК-УЛЬТРА». Ревизора тревожило не столько то, что правая рука американского правительства испытывает наркотики на ничего не подозревающих американских гражданах, сколько то, что случится, если ничего не подозревающие граждане обнаружат это. Секретность «МК-УЛЬТРА» жизненно необходима не только для сохранения репутации ЦРУ предупреждал он, но и для сохранения репутации сотрудничающих с ним лиц. Заметив, что «исследования манипулирования человеческим поведением рассматриваются многими авторитетами в медицине и других, близких с ней областях как профессионально неэтичные», он предупреждал, что малейшая просочившаяся информация может поставить под угрозу репутацию множества ученых, работавших на ЦРУ по контрактам.

К тому времени, когда ревизор поднял эти этические проблемы, ЦРУ, вероятно, уже потеряло интерес к ЛСД, хотя все геще проверяло другие наркотики, воздействующие на сознание,

большинство из которых впоследствии всплывет в психоделическом андеграунде 1970-х годов. Активный же интерес ЦРУ к ЛСД угас около 1958 года, хотя Управление продолжало выделять средства на исследования. Это облегчалось тем, что Фонд Джозии Мэйси, через который ЦРУ выплачивало деньги по контрактам, начал с 1955 года регулярно проводить конференции по ЛСД. Интерес фонда не был фальшивым. Он возник в тот момент, когда его медицинский директор, Франк Фремонт-Смит, провел день в лаборатории Хэролда Абрамсона, наблюдая, как ведут себя под ЛСД сиамские бойцовые рыбки.

«От цветов к героину» — одна из страниц официального сайта ЦРУ

По конференциям легко проследить, как изменялось направление исследований ЛСД. В первой, в 1955 году, в основном участвовали исследователи «лабораторного сумасшествия». Контингент второй, состоявшейся спустя четыре года, в основном составляли врачи: голландец ван Рийн, англичанин Сэндисон, Хоффер из Канады и целая группа ученых из Лос-Анджелеса, включая Сиднея Коэна, Бетти Айзнер и психиатрическую группу Чандлера и Хартмана. Хэролд Абрамсон, занимавшийся вышеупомянутыми сиамскими рыбками, также участвовал в этом и в какой-то момент, при попытках выработать общее мнение, предложил шесть пунктов «генерального соглашения»:

а) Фармакологически ЛСД безопасен Даже очень большие дозы безвредны для здоровья.

б) Вещество эффективно в небольших дозах при проведении терапевтических бесед Поведение врача также важно

в) Пациент остается в сознании, расположен к общению и хорошо интегрирует материал, что важно для психодинамики.

г) У пациента, по сути, наблюдается расстройство функций эго, сопровождаемое радостным настроением и сопутствующим этому интегра-тивным процессом, так что тут речь идет скорее о «гебесинтезе», чем о

фармакологическом лечении психозов.

д) Препарат можно применять неоднократно. Не имеется никаких свидетельств привыкания. Фармакологические эффекты обычно постепенно угасают в течение 12 часов.

е) Пациентам, как правило, нравится опыт принятия ЛСД в указанных дозах.

Это вовсе не означало, что все с этими пунктами были согласны. Исследователи «лабораторного сумасшествия» до сих пор не могли свыкнуться с идеей, что наркотик, использовавшийся для моделирования сумасшествия, теперь используется для того, чтобы доставить людям удовольствие. Множество врачей видело в «гебесинтезе» просто необычный научный термин — неуклюжий и тяжеловесный. Но в основном все понимали мотивы предложившего это слово Абрамсона. Бетти Айзнер рассказывала, как они с Коэном обсуждали то любопытное явление, когда в психике исчезали конфликты и возникало ощущение целостности, называемое многими интегративным опытом. Но она никак не могла точно определить его: «Очевидно, дело в языке; мне не хватает слов», — извинялась она. Тогда Абрам Хоффер сказал, что в Канаде они называли это психоделическим опытом. «Каким?» — спросил кто-то. «Психоделическим, — повторил Хоффер. — По-моему, это слово придумал доктор Осмонд. По-гречески это означает «проявляющий сознание».

Помимо нового слова, которое в конечном счете укрепилось в общественном сознании, Хоффер также рассказал коллегам о новых экспериментах с ЛСД, которыми они занимались с Осмондом. В отличие от большинства врачей, использовавших небольшие дозы препарата, просто чтобы сократить время, необходимое для лечения, они с Хоффером решили воспользоваться любопытной методикой Хаббарда и давали больным сразу большие дозы, помогая им очутиться в той области Иного Мира, где растворяется эго и происходит духовное перерождение. По словам Хоффера, они вообще почти не занимались собственно психотерапией: «К нам приходят люди. Они понимают, что пришли на лечение, но не знают о нем ничего. В первый день мы берем историю болезни и ставим диагноз. На второй день они принимают ЛСД. Третий день — выходной. Мы не проводим никакой дополнительной психотерапии,

кроме той, что предусмотрена во время приема ЛСД. А потом мы не предпринимаем ничего — только выясняем, пьют ли они еще. Результаты — пятьдесят процентов пациентов пить бросают».

Это была фантастическая цифра, особенно если учесть, что Осмонд и Хоффер работали не с обычными невротиками или добровольцами, а с хроническими алкоголиками, рекомендованными обществом «Анонимных алкоголиков» или доставленными с улицы полицией. «Бросали пить только те, кто переживал мистический опыт, — объяснял Хоффер. — Те, кто его не переживал, — продолжали пить. Но большая часть из тех, кто пережил мистическое озарение, — бросала. Хотя, конечно, из этого нельзя вывести никакого правила».

Конечно, алкоголики не просто впадали в психоделическое состояние. Их вводили в него, используя различные психологические методы и влияние окружающей обстановки в процессе опыта. «Мы используем «звуки и музыку», — объяснял Хоффер, — визуальные стимулы, такие, как картины Ван Гога; осязательные стимулы — различные гладкие или шероховатые предметы, которые можно дать подержать пациенту. Мы также используем повышенную внушаемость больных, возникающую в таких состояниях, для словесного воздействия, предлагая и убеждая, добиваясь возможности для них измениться. Результаты настолько многообещающи, что мы уже думаем о том, чтобы устраивать специальные курсы для деловых людей, которые могут потратить на занятия только выходные».

То, о чем рассказал Хоффер, стало известно под именем психоделической терапии. Обычная же терапия, в которой использовались небольшие дозы наркотика, называлась психолитической терапией. Возникли споры о том, необходимо ли использовать такие большие дозы за один раз. «Я начинаю работу с пациентом с небольших доз, затем постепенно увеличиваю дозировку и работаю над проблемой, пока мы не доберемся до сути, — сказала Бетти Айзнер. — Таков мой метод». «Семьдесят пять процентов пациентов сами дойдут до сути, если им дать достаточно ЛСД», — парировал Хоффер. Всех немного смущал мистический подтекст дискуссии. И, кстати, что подразумевал голландец ван Рийн, когда говорил, что хотел бы «изменить нечто в человеческой личности»?

Кроме того, здесь прозвучало множество историй. Врачи рассказывали об удачных побочных эффектах, которые они иногда

внезапно наблюдали у пациентов. Например, когда спустя две-три недели после окончания ЛСД-терапии один пациент внезапно сообщил: «О, и головная боль тоже прошла». «Какая головная боль?» — спросили у него. «Головная боль, я мучился ею лет десять-пятнадцать», — отвечал больной. Бетти Айзнер рассказала, как она однажды «путешествовала» в течение трех дней. Это было вполне терпимо, потому что «путешествие» было удачным. Если бы это было по-другому, кто знает, что с ней могло случиться. Другие вспоминали, как у некоторых людей состояние ЛСД иногда спонтанно возвращалось — первая ласточка того, что впоследствии станет известным как «флэшбэк». Один врач рассказал про пациента, который заново пережил ЛСД-трип, спустя приблизительно пять лет после того, как он принимал наркотик. Но другие подвергали сомнению концепцию «флэшбэка».

Только потому, что кто-то пережил под ЛСД диссоциативные переживания, последующие диссоциативные переживания нельзя непремено приписывать ЛСД. Это как раз случай «post hoc ergo propter hoc»,[50] — сказал кто-то.

Было достигнуто и понимание некоторых вещей. Наиболее важным оказалось осознание той важной роли, которую играет группа и окружающая обстановка. Большинство врачей давно уже пришли к выводам, что ЛСД усиливает влияние окружающей обстановки, но только теперь они начинали понимать, что и их собственная личность, и собственные профессиональные предположения также влияют на происходящее под ЛСД. Артур Чандлер, например, заметил, что его партнер, Мортимер Харт-ман, всегда испытывал под ЛСД сильные сексуальные фантазии. Но сам Чандлер никогда не испытывал ничего подобного, а скорее переживал тенденции к паранойе. По мнению же Бетти Айзнер, паранойя возникает под ЛСД крайне редко.

Но в основном конференция поставила множество новых вопросов, привлекших общее внимание. Каким образом ЛСД «ликвидирует» защитную реакцию человеческой психики? Открывает ли это определенные терапевтические возможности? И как врач может их использовать? Почему некоторые люди не способны войти в психоделическое состояние или испытывать

---

[50] После того не означает вследствие того *(лат.)*.

интегративный опыт? Что делать с той четвертью испытуемых, на которых ЛСД вообще почти не действует? Но главное — действительно ли это мудро: ускорять терапевтический процесс, сокращая его до одной ЛСД-сессии? Когда выяснилось, что решение этих вопросов откладывается, поднялся Сидней Коэн и заявил, что собирает данные о побочных эффектах и неблагоприятных реакциях на ЛСД и будет благодарен за любую информацию, которую ему предоставят.

Казалось, что исследования ЛСД ждет яркое будущее. Однако уже тогда можно было заметить, как начинают приходить в движение силы, которые превратят то, что казалось сложной, но в конечном счете разрешимой научной проблемой, в сложную и, очевидно, неразрешимую социальную проблему.

2. ВЫХОДЯ ЗА РАМКИ

«ТЫ ГОТОВ БЫЛ ТАНЦЕВАТЬ ВЕСЬ ДЕНЬ НАПРОЛЕТ»

Чак Берри «Long live rock-n-roll»

Глава 9. ПЛЕТЯСЬ К ВИФЛЕЕМУ

Вероятно, к любому десятилетию можно применить фразу Диккенса: «то было самое лучшее время, то было самое худшее время», но в 1950-е годы этот парадокс проявился с удивительной силой. Это было время быстрого экономического роста, время многочисленных изобретений; но одновременно в духовной сфере это был период, полный тревог и опасений, десятилетие, когда слишком активный интерес к Достоевскому мог рассматриваться как симпатии к международному коммунистическому заговору со всеми вытекающими отсюда последствиями Это было десятилетие Ричарда Никсона и Мэрилин Монро, водородной бомбы и Элвиса, верноподданнических клятв и «Плейбоя». Чтобы уловить некоторые характерные черты, можно прибегнуть к данным статистики, в которых проявились присущие тому времени яркие контрасты. С

одной стороны — тысячи карьер, загубленных «директивой 10450» Эйзенхауэра (который уволил с государственной службы не только тех, кого подозревали в сочувствии коммунистам, но и всех, кто страдал алкоголизмом, наркоманией, сексуальными отклонениями, психическими заболеваниями или даже просто состоял в нудистском клубе). С другой — 4,4 миллиона автомобилей, проданных в 1955 году, или 41 тысяча мотелей, открытых в 1957-м, или 50 биллионов бутылок кока-колы, выпитых в 1959 году.

Только в одной сфере цифры внешнего преуспевания и показатели внутреннего страха сливались воедино — в объемах продаж транквилизаторов, которые выросли с 2,2 миллиона долларов в 1955 году, когда появился милтаун,[51] до 150 миллионов долларов к 1957 году.

На самое начало пятидесятых пришлись большие политические катаклизмы. За первые шесть месяцев случилось многое. Элджер Хисс, служащий Государственного департамента, был уличен во лжи и осужден за шпионаж в пользу Советского Союза, а Джо Маккарти, сенатор от Висконсина, произнес речь в Вилинге, Западная Вирджиния. Во время выступления он размахивал листком бумаги, содержавшим, как он сообщил, фамилии известных коммунистов, состоявших на службе в федеральном правительстве. Коммунистические войска Северной Кореи пересекли 38-ю параллель в попытке свергнуть не столь уж демократическое, но явно не коммунистическое правительство Южной Кореи. Если судить по свидетельствам первой половины года, то не удивительно, что многие впечатлительные люди сочли, что «вирус» коммунизма перерос в эпидемию. И несмотря на решительные шаги, предпринятые Генри Люсом, вскоре «американский век» мог превратиться в «американские две недели».

Джо Маккарти не имел себе равных среди виртуозов, раздувавших антикоммунистическое движение. Он был яркой личностью с развитой интуицией. Хотя вряд ли даже он сам предполагал, что риторический жест во время речи в Вилинге (на самом деле у него не было никакого списка) придаст ему такое положение и силу, что он сможет конкурировать по популярности даже с президентом. Последующие четыре города Маккарти играл

---

[51] Мепробамат — один из первых синтетических транквилизаторов

роль любимого племянника дяди Сэма. Деятельность «великого инквизитора антиамериканских идей» (как именовал его Альфред Казин[52]), занимавшегося искоренением умеренных и мягко настроенных либералов, которые (по его мнению) явились язвой на политическом теле государства, запутала всех настолько, что надолго осталась в памяти американцев, несмотря на осуждение Маккарти коллегами в Сенате в 1954 году.

Но если в начале десятилетия политический тон задавал демагог Маккарти, то вскоре его сменил генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр («Айк»), чьей победой на выборах в 1952 году закончилась двадцатилетняя монополия демократов в Белом доме. «Айк» был тихим президентом. Вашингтон не помнил такого лидера со времен Кэлвина Кулиджа.[53] И хотя он потворствовал таким безжалостным действиям, как «директива 10450», вообще он был скорее мягким, терпимым и в чем-то даже ленивым руководителем. Уильям Манчестер[54] назвал середину пятидесятых «Сиестой Эйзенхауэра»: это было время длительного политического застоя, который был бы невыносим, если бы американская экономика, впервые с конца двадцатых годов, не воспряла к жизни.

С 1953 года, после окончания войны в Корее, начался экономический бум, беспрецедентный для американской истории. Вследствие открытия новых технологий и развития новых отраслей, таких, как авиация и электроника, цены на бирже пошли вверх. В 1954 году за девять месяцев доходы «Дженерал Электрик» выросли на 68 процентов, в то время как у его конкурента «Вестингауз» — на 73 процента.

«Давний врожденный, часто наивный оптимизм американского бизнесмена, существовавший еще с начала девятнадцатого столетия, перенесший такие потрясения во времена Депрессии, что к 1939 году фактически сошел на нет, — неожиданно возродился, — писал Джон Брукс[55] в «Большом Прыжке». — Война кончилась, думали люди,

---

[52] Казин, Альфред (1915–1998) — американский литературный критик и историк культуры

[53] Кулидж, Кэлвин (1872–1933) — тридцатый президент США (1923–1929).

[54] Манчестер, Уильям (1922) — известный американский историк и биограф, автор популярных биографий Черчилля, Макартура и Эйзенхауэра

[55] Брукс, Джон (1928) — американский социолог

стоявшие во главе корпораций; страна снова возрождалась; будущее было многообещающим; к черту пессимизм! И на этот раз, независимо от причин, оптимисты действительно оказались правы».

Противозачаточные таблетки, замороженные полуфабрикаты, лента «скотч», связывающая штаты система хайвэев, радио FM, стиральные машины, автомобили с вертикальным стабилизатором, линолеумные полы, магнитофоны — вот специфические примеры этой американской оптимистической веры в лучшее будущее.

Сенатор Джозеф Маккарти

Экономический подъем был настолько сильным и внезапным, что некоторые обозреватели полагали, что Америка переживает экономическую революцию, сопоставимую лишь с революцией 1776 года. Одна из самых ранних статей на эту тему появилась в 1951 году в воскресном приложении газеты «Зис Уик». Редактор, Уильям Николе, высказал мысль, что слово «капитализм» уже не вполне подходит для американской экономической системы. Это был слишком примитивный термин, вызывающий диккенсовские ассоциации — эксплуатацию тяжелого ручного труда неграмотных рабочих, которым почти ничего не платят. Слишком примитивный, чтобы характеризовать экономическую систему, которая была «несовершенной, но постоянно улучшающейся и всегда способной к дальнейшему самосовершенствованию — где люди вместе трудятся и работают, производя все больше и больше и разделяя между собой плоды своих трудов». «Называть ли нам эту систему новым капитализмом? — спрашивал Николе. — Или демократическим капитализмом? Индустриальной демократией? Мутуализмом?» Он предложил читателям посылать свои предложения и в течение нескольких недель получил пятнадцать тысяч ответов. При чтении «Зис Уик» создавалось впечатление, будто никто уже и не вспоминает о существовании профсоюзов.

В середине пятидесятых годов убеждение, что Америка превратилась в преуспевающее государство, стало правительственным трюизмом. Этого оказалось достаточно, чтобы редакторы «Форчун» опубликовали длинный обзор американской экономики, назвав его «Америка: перманентная революция». От

названия веяло юмором холодной войны, так как «перманентной революцией» Троцкий называл коммунизм. Американский капитализм, как полагали авторы статей в «Форчун», доказал, что Маркс ошибался. Уровень жизни ежегодно возрастал. Америка быстро продвигалась к становлению бесклассового общества — в том смысле, что если не считать небольшого процента магнатов, все остальное население стало средним классом. Оправданность этого чувства получила подтверждение в 1956 году, когда процент беловоротничковых служащих превысил количество рабочих в «синих воротничках».

Но чему мы были обязаны этим замечательным экономическим ростом? «Форчун» считал, что наиболее важным фактором (являлись корпорации. Поначалу небольшие, они при помощи оптимизма и исторического интуитивного прозрения разрослись в гигантские механизмы, управляемые сотнями высококлассных менеджеров, выпускников Уортона[56] и бизнес-школы Гарварда. Прошло время разносторонних личностей, поднимавшихся в одиночку на крыльях воли и удачи: крупные корпорации были механизмами, функционировавшими независимо от того, кто был за рулем. Они были сами себе законом и признавали только две переменные: прибыли и расходы.

Резкое возвышение крупных корпораций не прошло незамеченным для общественного сознания. В 1956 году «Тайм» назвал человеком года Харлоу Кёртиса, президента «Дженерал Моторс». Другой бывший питомец «Дженерал Моторс» был автором одной из самых цитируемых в пятидесятые годы фразы: «что хорошо для «Дженерал Моторс», хорошо и для страны». На самом деле Чарлз Уилсон, министр обороны Эйзенхауэра и предшественник Кёртиса в кресле президента «Дженерал Моторс», сказал: «что хорошо для нашей страны, хорошо и для «Дженерал Моторс», и наоборот».

Конечно, с ростом подконтрольного корпорациям национального дохода — а в середине шестидесятых годов в Америке 150 самых крупных корпораций управляло ровно половиной национального богатства — различие между этими двумя терминами постепенно стиралось.

Жертвами новой корпоративной культуры стали магнаты. Хотя в

---

56 Уортонская бизнес-школа при Пенсильванском университете.

1953 году в Америке было около двадцати семи тысяч миллионеров, к ним относились уже без такого почтения, как к Эндрю Карнеги или Джону Рокфеллеру. Общественное мнение под влиянием романтических идей о постоянно повышающемся уровне жизни (которое шло к тому, что скоро все будут одним средним классом) постепенно отворачивалось от голливудских фильмов, изображавших изящные гостиные на Парк-Авеню, склоняясь все больше к простеньким телевизионным комедиям, действие которых разворачивается в небольших пригородных домах. Если крупные корпорации были наиболее ярким выражением национального духа, то предместья были его результатом. Они были «большими, бурно растущими и однородными», цитируя все тот же «Форчун». Они — мечта коммерсанта — росли в пятнадцать раз быстрее сельской или городской Америки. В качестве иллюстрации этого роста можно привести Лонг-Айленд, где «Левитт и сыновья» строили стандартизированные дома в среднем по одному за каждые пятнадцать минут.

Существовал ли особый дух предместий? Как отмечает Ланфорд Джонс[57] в «Больших ожиданиях», работе, посвященной поколению демографического взрыва, из той же эпохи пришел отвратительный социологический термин «образ жизни». Социологи исследовали предместья, «словно врачи — новый вирус. Их жителей изучали вдоль и поперек, словно доживших до наших дней туземцев южных морей». Социологи обнаружили, что их жизнь состоит из поклонения плодам корпоративных технологий: стиральным машинам, блестящим, как ракеты, автомобилям, оборудованию для барбекю и прочим предметам для обустройства внутренних двориков, доход от продаж которых повысились с 53 миллионов в 1950 году до 145 миллионов в 1960-м. Такой образ жизни изобиловал различной экономящей время и труд бытовой техникой. За это следует быть благодарными одному из великих достижений маркетинга: продаже в рассрочку. «Перманентная революция» не удалась бы, если бы не гениальное изобретение — торговля в кредит. За четыре года доходы возросли на 21 процент, а долги потребителей выросли до 55 процентов. Стало возможным, не внося никакой наличности, купить дом у фирмы «Левитт и сыновья», выплачивая потом по шестьдесят

[57] Джонс, Ланфорд (1929) — американский социолог

долларов в месяц.

Образ жителей предместий как простых потребителей стал настолько прочным клише, что мы часто забываем причину, по которой люди туда переезжали: это было идеальное место для детей. Начиная с 1946 года по уровню рождаемости Америка стала соперничать с Индией. Наибольшей высоты всплеск рождаемости достиг в период с 1954 по 1964 год. Ежегодно рождалось четыре миллиона младенцев — четыре миллиона новых потребителей! Хотя это может казаться глупым, широко рекламировалась связь между рождаемостью и преуспеванием нации. Были распространены патриотические лозунги, например: «Ваше будущее — в подрастающей Америке. Каждый день в Америке рождается 11 тысяч младенцев. Это значит — новый бизнес, новая работа, новые возможности» (надпись, украшавшая поезда нью-йоркского метро). В России демографический взрыв приветствовался бы как новая армия рабочих. В Америке этому радовались как новому поколению потребителей.

Так что истинными наследниками «перманентной революции» были дети. Они росли в предместьях, и это было самое лучшее, самое беззаботное поколение из тех, что знала Америка. Касалось ли это уроков тенниса, личного телефона, летнего лагеря или автомобиля на шестнадцатилетие, это поколение получало все материальные блага, которые их родители (выросшие во времена Депрессии) только могли себе вообразить. Дети были настоящими королями пятидесятых.

Культура корпораций и предместий не обходилась без критиков. Каждые несколько лет появлялся очередной пророк Исайя из академической глуши, критически рисующий в своей работе процветание Америки как золотой налет, скрывающий под собой вялые, испуганные души. Первым таким произведением была «Одинокая толпа» Дэвида Рисмана.[58] В «Одинокой толпе» рассматривался контраст между «внутренней управляемостью» людей прошлого с «внешней управляемостью» современных американских граждан. Подобно прочим социологическим конструкциям это были, конечно, идеальные модели: считалось, что внутренние ориентиры возникали, когда ребенок перенимал моральные установки, идеалы и желания от родителей; «внешняя

[58] Рисман, Дэвид (1910–2002) — американский социолог.

управляемость» была новым явлением, когда дети получали ориентиры от своих ровесников или даже просто из общества вообще. В первом случае из человека вырастала сильная личность. Во втором — возникала своего рода конформность.

Написанная первоначально для аудитории профессиональных социологов, «Одинокая толпа» имела удивительный успех у широкой публики. Подобно большинству удачных произведений, она породила многочисленных последователей, которые переработали и расширили эту тему. В 1951 году другой социолог, С. Райт Миллс, опубликовал книгу «Белые воротнички: американский средний класс». Четырьмя годами позднее «Человек в сером фланелевом костюме» Слоан Уилсон стал бестселлером. В конечном счете по нему сняли фильм, в котором Грегори Пек играл агента по связям с общественностью, обнаружившего, что ему приходится продавать душу за жалованье. Год спустя бестселлером стала работа о менеджерах Уильяма Уайта «Функционер». В ней исследовалось, чем люди платят за успех в корпоративной культуре.

Уайт обнаружил бросающееся в глаза желание подчиняться правилам, приспосабливаться, работать в группе. Причем это было применимо к людям всех возрастов. Резюмируя представления о руководстве среди учащихся колледжей, Уильям Манчестер писал, что они верили в то, что «руководить должен не один человек, а группа людей, что прогресс обусловлен совещаниями, на которых решаются проблемы, и что университетские знания не помогают в реальной жизни. И прежде всего они не выносят индивидуализма. Индивидуалист пытается добиться авторитета и успехов в жизни за счет других; из-за индивидуализма возникают разногласия; он угрожает общему корпоративному единству, и они категорически против него в любом виде». Не удивительно, что «нон-конформизм» был одним из самых неприятных ярлыков, какие только можно было себе представить.

Вполне естественно, что поколение, вскормленное на депрес-сии и войне, искало материальных благ и работы в коллективе. Но это не объясняло рвения, с которым они уничтожали все, что не вписывалось в их образ жизни. Даже социологи, изучавшие жизнь городских предместий, были встревожены их чрезмерным сходством, недостатком особых отличительных черт. Как например, интерпретировать ситуацию, когда сотню одинаково одетых бизнесменов встречает на вокзале сотня жен-блондинок (лозунг

«Клэйрола»[59] в пятидесятые гласил: «раз жизнь дается только раз, то дайте мне ее прожить с блондинкой»), а затем все они расходятся по одинаково обставленным домам? Символом чего это было — стабильности или общей конформности?

Обложка сборника комиксов «Капитан Марвел»

Попытки ответить на вопрос, почему конформность стала чем-то вроде одиннадцатой заповеди, заканчивались или обширными социопсихологическими трактатами на сотни страниц, или метафизическими оговорками вроде ссылок на «дух времени». Это определенным образом влияло на все аспекты жизни в пятидесятые. Чем был маккар-тизм, не попыткой ли выжечь любые мысли, которые не соответствовали твердо определенному образцу патриотизма? Что за существо был «функционер», если он позволил себя зажать в строго определенные рамки «образа жизни»? Как это возникло, было неясно, хотя Рисман и другие исследователи пытались выяснить это в своих работах. Судя по их работам, процесс социализации в двадцатом веке становился все более и более сложным. Если вы не жили в аппалачских болотах вне досягаемости массовых журналов и телевидения, вас постоянно преследовали навязчивые модели «образа жизни»: счастливая домохозяйка, зрелый, ответственный отец семейства или бледный интеллектуал, которого Эйзенхауэр определял как «человека, который говорит больше, чем нужно, о вещах, которые не понимает сам». Используя последние достижения в психологии, реклама достигла огромных успехов в умелом манипулировании желаниями, так что критики начали называть рекламных агентов «маклерами неврозов».

Возможно, наиболее явным примером, когда наука становится служанкой установившейся культуры, была практика тестирования личности. Поскольку корпорации росли в размерах, встревоженные начальники отделов кадров начали обдумывать способы отличать фаворитов от неудачников, благополучных «функционеров» от трудновоспитуемых мятежников. Они обратились к тем самым программным тестам, которые так помогли психологии в тридцатые и сороковые годы — тест «С—А» Вэшберна (Washburn S-A Inventory),

[59] Фирменное название осветлителя для волос.

тест Тёрстона на характер (Thurstone Temperament Shedule) и тест Кана на систематизацию символов (Kahn Test of Symbol Arrangements). Всего за двадцать долларов психологи обещали полный отчет о личности любого служащего.

Если верить Мартину Гроссу, опубликовавшему в начале шестидесятых работу о тестах, «психологи опирались на существующую в психологии теорию, согласно которой для каждой работы — от продавца до председателя правления — существуют идеально подходящие к ней люди. Психологи убеждены и, что более важно, убеждают многих других, что человеческая личность достаточно проста и статична, что ее можно измерить и что можно предсказать заранее поведение человека в любой данной работе или профессиональной ситуации». Рассмотрев множество личностных тестов, Гросс заключил, что «психологам, а если говорить шире, то корпорациям, требовались «правильные» американцы: не страдающие неврозами, не склонные к новшествам, не интересующиеся культурой, уверенные в себе, лояльные, консервативные, здоровые служащие». Любой интерес к творчеству или культуре, любое отклонение от норм психического здоровья вроде повышенной возбудимости или любви к одиночеству, любые тяжелые (с точки зрения психологии) воспоминания — и вас признают в психологическом отношении непригодным. Тем не менее, если вы были достаточно сообразительны, вы могли научиться врать на множестве небольших контрольных опросов, которые стояли между вами и выгодной должностью.

Неудивительно, что дети поколения демографического взрыва также не избежали внимания тех, кого Уильям Манчестер назвал апостолами контроля: «Любого неоперившегося юнца, который чувствовал склонность к развитию собственной индивидуальности, средства массовой информации призывали не делать этого. В то же время самых тупых, но прилежных, вежливых детей всегда с радостью принимали в новых пригородных школах». Однако здесь, на детях «функционеров», система дала трещину.

Если бы социологи уделили детям пятидесятых столько же внимания, сколько и родителям, они могли бы обдумать значение трех интересных тенденций. Первой была удивительная популярность комиксов с выдуманными супергероями — вроде Пластикмена, капитана Марвела или Человека-Факела. Хотя строгие арбитры культуры считали, что комиксы являются признаком

деградации литературы и что ассоциации, возникающие при взгляде на эти красочные картинки, могут повредить вашему уму, — дети любили их. Это были мифические персонажи (как объяснял позже Кен Кизи, комиксы — единственные мифы, изобретенные американцами, и — как и полагается в мифах — их герои вовсе не были склонны к конформизму. В то время как родители избегали любых глобальных философских вопросов, дети страстно увлекались историями об обычных американцах, которые (в силу удачи или несчастного случая на производстве) приобретали сверхчеловеческие способности и пользовались ими не для того, чтобы пополнять свои банковские счета, а чтобы бороться с силами зла и несправедливости. В этих аляповатых брошюрах была зашифрована иная версия развития человека.

Если комиксы о супергероях были утонченно подрывными, то журнал «Мэд» был, наоборот, прямолинеен, как надпись на стене туалета. Как отмечал в книге «Создание контркультуры» Теодор Роззак,[60] «Мэд» «сыпал солеными шутками, описывая определенные стороны характера американских обывателей, которые позже высмеивали такие комики, как Морт Сал и Ленни Брюс». Мишенью для насмешек журнала становилось все — холодная война, телевидение, корпорации, предместья, Джо Мак-карти. И если создавалось впечатление, что мир взрослых полон напыщенных дураков и притворщиков, то это не было уникальным открытием «Мэда». В самой популярной в пятидесятые годы книге молодежного классика Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» содержались семена известного афоризма шестидесятых: «не верь никому, кому за тридцать».

Второй сферой культуры в середине пятидесятых годов, которая предложила детям демографического взрыва представление другого будущего, был рок-н-ролл. Первой ласточкой было включение «Rock around the clock» Билла Хэйли в один из голливудских фильмов «Джунгли классных комнат». Но глобальные масштабы рок-н-ролл приобрел в 1955 году, когда гибкий молодой человек из Мемфиса по имени Элвис выпустил пять золотых дисков, заставляя публику восторженно реветь от Нью-Йорка и до Мобила. В исполнении

60 Роззак, Теодор (1939) — профессор истории, создатель экопсихологии, автор ряда работ по истории культуры.

Элвиса рок превращался во всплеск непосредственных радостных эмоций. Вы вздрагиваете, вскакиваете, затем находите нужный ритм и начинаете танцевать. В рок-музыке не было ничего уникального: это был просто черный ритм-н-блюз в обработках белых музыкантов. Хотя танцы были раскованные и свободные, такие, каких еще не видела белая Америка, но это вовсе не было первобытной «музыкой джунглей», как писали многие критики. Рев усилителей, вкупе с импульсивностью твиста, слопа и ватуси, стали для многих подростков первым примером изменения состояния сознания, которое произошло, когда они были, ну, в общем, уже сознательны.

Подобно многим другим развлечениям рок стал большим бизнесом. Он быстро завоевал рынок звукозаписи, объемы продаж выросли с 182 миллионов долларов в 1954-м до 521 миллиона в 1960 году. Постоянный коммерческий успех отчасти объясняет, почему музыканты конкурирующих направлений презирали рок.

Элвис Пресли

Эстрадный певец Фрэнк Синатра, например, характеризовал рок-музыку как «ничего не стоящую фальшивку… Музыку, которую пишут, поют и играют одни болваны и недоумки».

Марлон Брандо

Третья социологическая тенденция была, вероятно, самой очевидной в буквальном смысле, то есть видимой. Голливудские фильмы сыграли свою роль и в популяризации рока. Кинопродюсерам хватило также проницательности, чтобы понять, что мятежные настроения подростков могут принести прибыль. Начиная с 1953 года кинокомпании начали выпускать фильмы о людях, не сумевших прижиться в обществе, людях, которые предпочли жизнь, не соответствующую общепринятым нормам. Классикой жанра стали «Дикарь» с Марлоном Брандо и «Бунтовщик без идеала», в котором сыграл Джеймс Дин. В обоих фильмах герои предпочитают следовать внутренним побуждениям, а не принятым в обществе кодексам поведения; их связывало, если использовать терминологию Рисмана, «внутреннее управление», внутренняя мораль, которая к середине пятидесятых до того вышла из употребления, что открыто следовать ей значило фактически

прослыть психопатом. Проницательный анализ этого процесса можно найти в записях (психиатра Роберта Линднера, изучавшего на протяжении пятидесятых годов психологические причины подростковой нетерпимости. Следуя модели Линднера, тот тип людей, который изображали на экране Брандо и Дин, находился меж двух огней:

> *...принуждаемый внешним миром к конформности, а внутренним — к сопротивлению, он идет на компромисс. Он восстает внутри тех границ, установленных обществом, в которых это возможно.*

Не имея политической модели идеального будущего, он реагирует не выпуском манифестов или социальной агитацией, но надевая джинсы и переставая бриться, уходя из школы и смеясь над благочестием «правильного» мира. Любопытно отметить, что работы Линднера использовали в Голливуде — «Бунтовщик без идеала» был как раз свободным истолкованием одной из его работ. И возникли образы киногероев, с которыми мог ассоциировать себя любой непослушный подросток. И тысячи подростков начали коверкать речь, имитируя невнятное мурлыканье Брандо, носили синие джинсы, как у Джеймса Дина, и жаловались, что родители не понимают их. И если на самом деле это было не совсем верно — они не были настоящими сумасшедшими бунтарями, — это не имело большого значения. Прежде чем пятидесятые перевалили за половину, естественно, появились и настоящие бунтари, они объявились после одного громкого литературного дебюта — самого громкого с двадцатых годов.

Они назывались битниками или хипстерами, «битами» или «бозами»[61] — и они появлялись по всей недовольной Америке. Водители-лихачи, боготворившие умершего Джеймса Дина; молодые экзистенциалисты с Камю в заднем кармане твидовых брюк; наркоманы и любители джаза, жаждущие прожить жизнь с волнующей страстью соло Чарли Паркера.[62] Подобно психопатам по

---

61 Английское сокращение от bohemian — представитель богемы

62 Паркер, Чарли (1920–1955) — выдающийся джазовый музыкант (альт-саксофон), один из основателей стиля би-боп

классификации Линднера, их объединяли тоска и недовольство существующим порядком; их мятеж был скорее эмоциональным, чем политическим. Они одевались в черное и собирались за чашкой кофе-эспрессо в темных подвальчиках. Они курили марихуану и говорили о «сатори», вспышке понимания, которая была побочным продуктом, но не сущностью дзена. Они были жадны до переживаний — и чем сильнее, тем лучше. «Единственные, кого я считаю за людей, — это ненормальные, — писал Флобер этого поколения, Джек Керуак, — те, что никогда не зевают и не говорят банальностей, но горят, горят, горят».

Само собой разумеется, они не были «самыми лучшими и чистыми». Но впоследствии они самым странным образом пересеклись с идеями Хаксли и с ЛСД. Так что, возможно, будет мудро вновь возвратиться к началу сороковых, когда большинству американцев все казалось настолько ясным…

Глава 10. ГОЛОДНЫЕ, ПЛАЧУЩИЕ, ПОЛУРАЗДЕТЫЕ

Представьте себе классический роман девятнадцатого века, где молодой невинный эстет после многих суровых событий, заполненных странными и иногда зловещими встречами, наконец приходит к самопознанию. Только в книге, посвященной поколению битников, вместо одного героя — два. Первый — худощавый еврейский паренек в очках, родом из Нью-Джерси. Сын педантичного школьного учителя, мечтающий о литературной славе и совершенной любви, романтик с гомосексуальными наклонностями. Его мать — убежденная марксистка и одновременно — шизофреничка с параноидальными тенденциями. Второй герой — сын рабочего-католика из индустриального городка Лоуэлл, штат Массачусетс. После того как его выгнали из колледжа, поступил в торговый флот, ходил в дальние рейсы, например в Гренландию. В кармане вещмешка у него лежит Достоевский, а в голове роятся планы будущих романов.

Восемнадцатилетний Аллен Гинсберг повстречался с легендарным Джеком Ке-руаком, едва поступив в Колумбийский университет. В университете до сих пор вспоминают Керуака, главным образом как пример потраченных впустую возможностей. С

ним приключилась любопытная история: Керуак поступил в университет на волне спортивной известности — восходящая звезда, покинувшая футбольные поля ради «Хорас Манн», прогрессивной нью-йоркской подготовительной школы, благодаря чему он смог вырваться из лоуэлльского захолустья. Он был типичным талантливым парнем из провинции, пытающимся проникнуть в городскую академическую среду. Но затем в первой игре сезона за университет Джек сломал ногу, получил еще несколько мелких травм и что-то в нем действительно сломалось. Проучившись месяц на втором курсе, Керуак оставил футбол и ушел из университета.

Он устроился работать на бензоколонке в штате Коннектикут. Он увлекался Томасом Вулфом,[63] а Фрэнк Мерривезэр ему не нравился. Ему хотелось жить, а не читать о жизни. Когда они повстречались с Гинсбергом, Керуак напоминал героя одного из рассказов Джека Лондона — это был крепкий моряк военного торгового флота, хвастaвший, что уже написал миллион слов прозы.

Их познакомил Люсьен Карр, красивый и довольно необычный молодой человек. К тому времени его уже выгнали из множества учебных заведений, среди которых были Чикагский университет и Боудойн.[64] Он выделялся бы своими нагловатыми циничными манерами, даже если бы был английским аристократом, а не происходил из верхних слоев буржуазного среднего класса Америки. Фактически он походил на праздных английских «детей солнца», купавшихся в шампанском, читавших стихи французских символистов и изощрявшихся в остроумии.

И в нем была определенная утонченность. Гинсбергу с Керу-аком это нравилось, и они хотели стать похожими на него. Но в то же время Керуак никогда не мог избавиться до конца от своих пролетарских манер и уважения к скромной простой жизни и физическому труду. (Карра смешили некоторые его выражения: «О, повтори еще разок. Так говорят в вашем Лоуэлле?») Гинсберг же, поступив в Колумбийский университет, был человеком немного робким, законопослушным и практичным. Карр любил говорить об «искусстве» и «духе», часто обе эти темы плавно перетекали одна в

---

63 Вулф, Томас Клейтон (1900–1938) — выдающийся американский писатель.

64 Один из престижнейших и старейших (основан в 1794 г.) колледжей США, находящийся в Брунсвике, штат Мэн.

другую. «Я скажу вам, что отказываюсь признавать ваши маленькие страсти, — театрально заявлял он в небольшом полутемном дешевом ресторанчике на Вест-Сайде, куда они зашли выпить и пофилософствовать, — [я отказываюсь признавать] ваши мелкие банальные моральные принципы, ваш лицемерный альтруизм, ваши дурацкие гуманистические навязчивые идеи, все страсти и проблемы мелкой современной буржуазной культуры». Люсьена вообще отличала яростная горячность (которая часто является обратной стороной юношеской влюбчивости), и это делало его совершенно неотразимым.

Юный Алан Гинсберг

Познакомив Гинсберга с Керуаком, Карр взял их с собой на встречу с известным в богемных кругах Уильямом Берроузом, который был для Люсьена своего рода духовным наставником. Билл, как и Люсьен, смотрелся среди своих родственников паршивой овцой. Он родился в Сент-Луисе, в достойной семье, разбогатевшей на производстве арифмометров. Сент-луисские Бер-роузы были бизнесменами и известными людьми. Когда Уильям достиг совершеннолетия, его отправили в Гарвард — приобретать необходимые общественные знакомства (академическое образование в тридцатые годы использовалось именно для этого). Но было нечто в этом рослом молодом человеке, заставлявшее думать, что юный Берроуз не продолжит дело своих родителей. Он не вписывался в атмосферу привилегированных клубов, в которых обычно вращались молодые наследники богатых родителей. Как выяснилось позже, Берроузу вообще было сложно вписаться в любую организацию. После Пёрл-Харбора он предпринял неудачную попытку устроиться в Управление стратегических служб и в Американскую полевую службу. Во флот его тоже не приняли. «С плоскостопием и плохим зрением, сдается мне, из него выйдет слабый моряк», — отметил врач. Когда произошла их встреча с Гинсбергом и Керуаком, он жил в центре Нью-Йорка на небольшое пособие, потребляя героин и вращаясь в криминальных кругах.

Если говорить о телосложении, то Берроуз вполне мог бы быть братом Олдоса Хаксли: он тоже был долговяз и обладал быстрым, энергичным умом. Он также имел сходные художественные таланты, хотя его и отличали определенные странности, чуждые «ясной,

холодной логике» Олдоса. «Я как ребенок, — сказал однажды Берроуз, — я хотел стать писателем, потому что у писателей есть слава и богатство. Они проводят время в Сингапуре и Рангуне, разгуливают там в желтых шелковых костюмах и курят опиум. Они нюхают кокаин и путешествуют сквозь затерянные болота с преданным мальчиком-проводником. В Танжере, поселившись в квартале курильщиков гашиша, они вяло ласкают любимую газель».

Наркотики стали для Берроуза путем достижения того же самого состояния самоотрешения, которое Хаксли искал в медитациях и религии. Можно даже сказать, что в начале сороковых годов эти двое шли параллельными путями; они оба искали доступ к высшим состояниям сознания. Разница была только в том, на чем они концентрировали свои усилия. Если Хаксли удовлетворяли теоретические знания о превосходстве человека, свободного от привязанностей, то Берроуз активно искал способ как стать таким человеком. Он осмыслял это, возможно в силу его близости к «Мэдисон авеню» и тамошней армии убежденных бихевиористов, как «отказ от условностей». Чтобы стать свободным, необходимо избавиться от буржуазных предрассудков. Одним из способов достичь этого было осторожное исследование состояний, достигаемых с помощью наркотиков — героина, амфетаминов и недавно запрещенной марихуаны.

Помимо наркотиков наши два героя обнаружили дома у Берроуза книги, не включенные в обычный учебный план колледжа. Они детально изучали Кафку, «Опиум» Кокто, Селина, Рембо, «Закат Европы» Шпенглера, в котором выдвигался привлекательный тезис о том, что духовный кризис Запада вошел в завершающую стадию. Кроме того, у Берроуза Гинсберг и Керуак познакомились с множеством маргинальных типов, в частности с наркоманом Гербертом Ханке, знаменитым тем, что помогал Альфреду Кинси[65] — первому, кто начал исследовать сексуальные пристрастия среди нью-йоркских криминальных кругов. И еще они начали заниматься психоанализом. Несколько раз в неделю, лежа на кушетке у Берроуза, они рассказывали ему о своих мечтах и фантазиях.

---

65 Кинси, Альфред Чарлз (1894 — 1956) — знаменитый американский зоолог и сексопатолог, автор первых социологических исследований по половой жизни американцев.

Керуак позже описывал год под опекой Берроуза как период «дурного, низменного упадка». Одному из его друзей это напомнило какой-то роман Достоевского: «я знаю, он (Берроуз) был человеком, способным на убийство. Это производило отталкивающее впечатление. В нем было слишком много жестокости. Керуаку это нравилось и Гинсбергу нравилось. Но меня это пугало».

Напиваясь, они начинали возбужденно говорить о «Новом Видении Мира». Но на самом деле это было старое видение в духе Фауста, Бодлера, Рембо и Ницше, приукрашенное послевоенной восприимчивостью. Одной из ключевых идей концепции «Нового Видения Мира» было «спонтанное действие», непосредственный поступок, обычно требующий сильной воли и нацеленный на то, чтобы освободиться от буржуазной морали. По крайней мере, именно так это описывалось у Андре Жида. Первое «спонтанное действие» совершил Люсьен. Среди экзотичных знакомых Карра был сгорающий от любви гомосексуалист Дэвид Каммерер, учитель физкультуры в одной из частных школ, где учился Карр. Он преследовал его, пытаясь добиться взаимности. Это продолжалось в течение нескольких лет и закончилось темной летней ночью 1944 года. Конец оказался неожиданным для Каммерера. Его тело, к которому были привязаны камни, выловили из Гудзона. Как и приличествует человеку, совершившему «спонтанное действие», Карр так и не смог объяснить друзьям, почему он так поступил. Последовав совету Берроуза, на суде он говорил, что защищался от гомосексуалиста, пытавшегося его изнасиловать. Это привело в восхищение нью-йоркские средства массовой информации, которые быстро объявили случившееся «убийством при защите чести».

Смерть Каммерера завершает первый акт в нашем героическом повествовании. Карр обвинялся в убийстве, а Берроуза и Керуака взяли под стражу как важных свидетелей. Берроуз благодаря семейным связям вышел из тюрьмы уже через несколько часов и уехал в Сент-Луис. Керуак же томился там почти неделю: у него не было и сотни долларов, а залог следовало внести в пять тысяч. В отчаянии он согласился жениться на своей девушке, и ее родители внесли залог. Но ценой свадьбы для Керуака стало то, что ему пришлось поселиться на родине невесты, в Гросс-Пойнт, штат Мичиган, где его ждала работа на фабрике по производству шарикоподшипников. Так что в начале октября при вынесении Карру приговора присутствовал один только Гинсберг. Люсьену дали

двадцать лет в исправительной тюрьме «Эль-мира». В письме брату, описывая распад их маленькой группы, Гинсберг проводил параллели с предсказанным Шпенглером закатом западной цивилизации: в их неудачах был повинен «яд умирающей культуры».

К чести Керуака, он обладал достаточной самодисциплиной и, пережив «дурной, низменный упадок», не пропал в героиновом тумане, как Берроуз, и не увлекся бензедрином,[66] как жена Берроуза, Джоан. Фактически вся эта насыщенная событиями мелодрама, кульминацией которой стала смерть Каммерера, только укрепила в нем намерение стать большим писателем. Джек обычно сидел в уголке и писал что-нибудь, в то время как вокруг могли происходить абсолютно жуткие события. Хотя он сжег большинство своих ранних записей, когда он начал показывать свою прозу друзьям, те были поражены сверхъестественной памятью Джека. Словно ему стоило только покопаться в подсознании, как он мог извлечь оттуда нужные воспоминания, например, как Гинсберг однажды ночью напился и сказал нечто поразительно верное о Достоевском и истине. Керуак имел дар активизировать воспоминания и одновременно — как и положено художнику — писать очень самобытные произведения.

В конце сороковых годов Керуак написал роман «Городок и город», где описывал свою молодость в стиле Пруста и Вулфа. Главный герой — художник, искренний молодой человек ищет истину и красоту… и обнаруживает их среди нью-йоркских жуликов и выдумщиков. Харкорт Брэйс согласился издать «Городок и город» в 1949 году. Дебют выглядел многообещающим. Керуак стал открытием сезона, новым лицом на литературных вечерах. Он наконец превратился в литератора. Все другие роли, которые он когда-либо играл — крепкого парня, студента, вылетевшего из университета, моряка, безработного бездельника, заключенного, неверного мужа, — отступали перед лицом этого факта. По иронии судьбы через несколько дней после того, как в 1950 году «Городок и город» был опубликован, друг Керуака и прототип одного из героев книги, Герберт Ханке, попал в тюрьму по обвинению в уголовном преступлении.

«Городок и город» не стал бестселлером. Критика восприняла книгу неоднозначно, продавалась она средне. Но это не охладило

---

66 Сульфат амфетамина, сильный стимулятор центральной нервной системы.

творческий энтузиазм Керуака. Подкрепляя силы бензедрином и марихуаной, он быстро писал вторую книгу. Он печатал ее на длинном рулоне бумаги для телетайпа, которую позаимствовал в информационном агентстве. Книга называлась «В дороге». В ней шла речь об их втором учителе, «украшенном бакенбардами герое снежного Запада» — Ниле Кэссиди.

В книге Освальда Шпенглера «Закат Европы» индустриальное общество уничтожает само себя, и на земле остаются только «феллахины», как Шпенглер называл простых, но умных бедных людей, которые умудряются выжить в любых условиях. Нил Кэссиди был очень похож на такого «феллахина», по крайней мере гораздо больше, чем любой из знакомых Берроуза. Если процитировать прекрасное описание биографа Кэссиди, Уильяма Плам-мера, он был «худой, слегка помешанный гедонист, который бил футбольным мячом на семьдесят ярдов, подтягивался пятьдесят раз и мог мастурбировать по шесть раз ежедневно. Он искренне радовался жизни, и она ему нравилась, он был заинтригован ее необычностью. И поэтому со временем он становился все более чувствителен, чувствен и любвеобилен. Он тоже был «преступником» и «человеком дна», как Ханке, но был гораздо более весел и приятен в общении. По потенциальному развитию он не уступал Берроузу, но одновременно с этим вел себя естественно, обладал прекрасной интуицией и был полностью интеллектуально раскован, одним словом, он просто лучился энергией».

С ним не просто можно было свободно обмениваться мыслями о «Новом Видении Мира». Он действительно жил этим. Когда он не угонял автомобили — а позже он подсчитал, что в молодости в одиночку угнал в общей сложности около пяти сотен машин, — или не занимался сексом с девушками — а случалось, что он спал с придурочными горничными в отелях просто вместо завтрака, — он проводил время в денверской публичной библиотеке. Больше всего ему нравились Шопенгауэр и Пруст. И Кэс-сиди не просто рассказывал вам о своей жизни, как обычно делают люди. Его рассказы врывались в вашу жизнь, словно саксофонное соло Бёрда,[67] — веселые и ритмичные, полные грязной порнографии и непристойностей. Однако за этим скрывалась такая глубокая

[67] «Bird» (пташка) — прозвище Чарли Паркера.

философия, что его слушатели, как только они оставляли попытки сопротивляться его манере, понимали — этот парень не просто рассказывает байки, он передает мудрость. Кэссиди был одаренным человеком. И его разум был столь же мощным и неукротимым, как автомобили, которые он так любил угонять.

Окружающих потрясала невероятная энергия Кэссиди, и они часто пытались приставить его к делу, начиная с Джастина Бриерли, преподавателя денверской средней школы, проследившего, чтобы этот одаренный парень из местных трущоб был представлен «сливкам денверской молодежи». Впоследствии часть этих сливок поступила в Колумбийский университет, где с ними познакомились двое молодых людей с восточного побережья — Гинсберг и Керуак. Кэссиди впервые попал Нью-Йорк в 1946 году. С ним была его пятнадцатилетняя невеста, Луанн. Он немедленно, в порядке эксперимента, совратил гомосексуалиста Аллена Гинсберга, погрузив последнего в редко вознаграждаемое безумное увлечение, длившееся годы. Соблазнение Керуака было менее плотским, хотя и не менее основательным. Керуак-писатель был очарован как манерой Кэссиди рассказывать, так и самими его историями. Детство Нила, прошедшее в денверском квартале притонов, словно вышло из-под пера Диккенса. Кэссиди вырос в захудалой ночлежке «Метрополитен», под присмотром отца-алкоголика, иногда подрабатывавшего парикмахером. Там, пережидая годы Депрессии, обитали сутенеры, мелкие жулики и философствующие бродяги. Но гораздо больше, чем сами истории Кэссиди, Керуаку понравилась философия жизни, извлеченная Кэссиди из этих обстоятельств. Хотя Нил мог вести интеллектуальные разговоры с самыми умными людьми, он никогда не позволял концепциям преобладать над его интересом к жизни. «Он жил именно сейчас, настоящим моментом, — вспоминал один из его денверских друзей. — Он никогда не занимался планированием жизни, не ставил себе целей. У него не бывало ни пятилетних целей, ни даже целей на ближайшие две недели». По Кэссиди: если вам нужна машина, вы ее временно заимствуете; если вам будут сильно нужны деньги — они появятся; если вы попали в неприятности, вы сами из них выбираетесь; если не удается, платите штраф.

Жизнь Кэссиди была одним растянувшимся «спонтанным действием», хотя важно при этом не забывать о том, что у него также имелась достаточно самобытная система ценностей. Кэссиди разработал детальную теорию кармической ответственности.

Например, если он приходил в дом и обнаруживал там полный холодильник, то всегда что-нибудь просил — пищу, автомобиль, деньги, — неважно. По его теории, кармическая обязанность хозяина — быть щедрым. Но если он обнаруживал в доме только старое сморщенное яблоко и пакет с молоком недельной давности, тогда уже его обязанностью становилось предложить что-нибудь в ответ.

Но вообще он чаще обнаруживал полные холодильники, и это вполне отвечало его жажде «просто потребить что-нибудь и всё». По крайней мере, именно так описывала это его первая жена, Луанн, и конечно у нее были для этого основания. Она познакомилась с Кэссиди на танцах. Луанн сидела, погруженная в собственные мысли о работе в денверской аптеке, а рядом Нил танцевал со своей тогдашней подругой. Увидев, что Луанн сидит одна, он, растягивая слова, проговорил: «Вот девочка, на которой я собираюсь жениться». И несколько месяцев спустя он так и сделал.

Кэссиди был один из немногих людей, рядом с которыми даже Керуак себя чувствовал слишком «правильным» и «нормальным». Но Нил никогда не ставил себя выше других. «Он никогда не насмешничал», — сказал Джон Клеллон Холмс, молодой писатель, общавшийся с Гинсбергом и Керуаком. Холмс тоже, как и все, был восхищен Нилом, а особенно его талантом «соблазнять девушек буквально за пару минут. Раз, и — бум! — в мешок!» Но в то же время, как типичный нью-йоркский интеллектуал, он характеризовал Кэссиди как «сумасшедшего в традиционном и наиболее серьезном смысле этого слова». Позднее, прочитав рукопись «В дороге», Холмс удивлялся интуитивному пониманию Керуака, что Кэссиди был настоящим символом тех скрытых желаний, что таились за внешним благополучием американских пригородов: «То, что Джек написал о нем, было связано с его личными интересами, но в то же время это было признаком его таланта — то, что он мог инстинктивно (а он делал это не сознательно) выделить характерные особенности эпохи».

Джек Керуак и Нил Кэссиди

«В дороге» была пронизана личностью Кэссиди (в романе его зовут Дин Мориарти, а Джека — СалПарадайз) и тем живительным влиянием, которое он оказывал на Керуака и Гинсберга. «Я начал вести беспорядочную, хаотичную жизнь, словно так было всегда», — писал Джек в начале романа, — полную беспорядочных встреч с

теми, кто «страстно любил жизнь, разговоры и свободу». В данном случае речь идет о том, что он беспорядочно мотался туда-обратно из Денвера в Нью-Йорк, в одной из роскошных машин, которые так любил Нил, заезжая по пути к Берроузу в Новый Орлеан. «В дороге» не имела сюжета как такового. По сути, книга состояла из коротких рассказов о том, где они были, об автомобилях, которые они крали, и девушках, с которыми они спали, перемежающихся всеми фантазиями и открытиями, которыми они делились друг с другом, пока дорога убегала из-под колес их машины. Отличительной чертой был стиль: предложения, состоящие из «пулеметных очередей неожиданно всплывающих друг за другом слов», или фирменные монологи Кэссиди. Фактически замысел «В дороге» возник у Керуака именно после того, как он получил от Кэссиди письмо в сорок тысяч слов, в котором излагались веселые перипетии одного из его денверских любовных увлечений; до этого он ломал голову, как написать роман об их с Нилом похождениях, и беспокоился насчет темы, сюжетных линий, развития характеров. Но когда он прочитал письмо, что-то внутри у него щелкнуло: черт с ними, с литературными традициями, написать книгу можно просто, позволив ей вылиться из чудесного источника — памяти. «Стиль — словно роса, — писал Гинсберг в письме к Кэссэиди, — все словно переживаешь заново, то же ощущение, что ты молод и вокруг — весна».

Керуаку понадобилось двадцать бензедриновых дней, в апреле 1951 года, чтобы написать «В дороге», и когда он его закончил, вторая жена выставила его из их нью-йоркской квартиры, мотивируя это тем, что он бездельник и зануда. Отношения Керуака с женщинами настолько динамичны, что я не буду излагать их, чтобы не запутать читателя: Деннис Макналли в своей превосходной биографии Керуака пишет: «Одним из центральных идеальных образов в жизни Джека была жена Достоевского и неослабевающая поддержка, которую она оказывала мужу, а также идея об обязанности людей, не обладающих талантами, поддерживать творческую личность». Подобно многим агрессивным противникам существующего порядка того поколения, у Керуака роль женщин в жизни не вызывала сомнений. Они существовали для того, чтобы трахаться с ним, кормить его, прислуживать, а затем уходить в тень и становиться незаметными. К сожалению, немногие из современных девушек могли вынести такое больше нескольких месяцев. Это

показывает только, как далеко женщины пятидесятых ушли от мадам Достоевской: зарождался феминизм. Фактически изгнание Керуака из его удобного (относительно) супружеского гнезда было предзнаменованием будущего — ни одно издательство не приняло рукопись «В дороге». Написанная на рулоне бумаги для телетайпа информационного агентства ЮПИ (у Клеллона Холмса рукопись вызывала ассоциации с большой палкой салями), она быстро приобрела определенную репутацию — сверхъестественный, возможно даже гениальный труд, но абсолютно неходкий.

Керуак был ошеломлен этим полным и безоговорочным отказом. И на поверхность всплыли непривлекательные стороны его характера: самовлюбленность, мания величия — почему мир не признает моих талантов? — и даже паранойя — я не признан, потому что мои друзья плетут интриги, крадут мои идеи, шепчутся у меня за спиной! Джек набросился на всех с обвинениями. Особенно неприятное письмо он послал Гинсбергу. По его мнению, какие-то там посредственности украли у него идеи. В качестве доказательства указывал на Клеллона Холмса, чей роман «Иди», изданный осенью 1952-го, пользовался коммерческим успехом. Именно тем, на который, по надеждам Харкорта Брэйса, должен был рассчитывать «Городок и город». Холмс имел наглость (по мнению Джека) не только продавать в розницу некоторые рассказы, относившиеся к их маленькой группе провидцев. Он также похитил некоторые броские высказывания Джека. Например, однажды ночью Керуак, в разговоре с друзьями, заметил: «Мы — разбитое поколение (beat)». Холмс упомянул об этом в «Иди», где на это выражение наткнулся молодой редактор газеты «Нью-Йорк тайме» Гилберт Миллстайн.

Миллстайн всегда искал свежие материалы о современных тенденциях в обществе. Он предложил Холмсу написать статью о «разбитом поколении». И тот написал, серьезно анализируя взгляды современных последователей теории «Нового Видения Мира». По его словам, они искали «открытия сознания и в конечном счете души», то есть состояния полной независимости от стандартов, позволяющего им достичь глубины (или подняться до высоты) «основных принципов сознания». Это являлось ключевым понятием «разбитого поколения», это и скрытая за этим идея создания сообщества согласных душ (всегда витавшая в воздухе, но не высказывавшаяся вслух); новая форма жизни, когда человечество стремится к объединению, а не к конфликтам. И именно об этом в основном была

статья: как узнать настоящего собрата, настоящего битника. «Человек становится битником, когда он ставит на кон все, что у него есть», — писал Холмс.

Несмотря на свое раздражение, Керуаку статья понравилась и он даже переименовал свою рукопись в «Разбитое Поколение». Затем — в «Дорогу рок-н-ролла». Однако и это не заставило издателей изменить своего мнения.

Керуак начал впадать в депрессию, неделю он ходил в прекрасном настроении, но на следующей его охватывали грусть и горечь. Он напивался и выглядел при этом довольно жалко. А потом стыдился. Лучшим лекарством в данном случае оказались странствия. С 1952 по 1957 год он ездил по миру, из Сан-Франциско в Мехико, затем — в Нью-Йорк, был в Танжере, Париже, Лондоне. Переходил с работы на работу, от женщины к женщине. Путешествуя, он всегда останавливался в самых захудалых гостиницах. Он играл роль «пьяницы, завсегдатая притонов, который кочует с места на место». Как однажды заметил его друг Гэри Снайдер, «возвращаясь к бродяжничеству», Керуак возвращался к «идеалам той свободы, свежести, непостоянства и независимости… которые были доступны нам в то время».

Но если главным лекарством для Керуака стали постоянные странствия, то следующим оказался писательский труд. Его усидчивость вызывала уважение. «Джек сидел и писал до изнеможения, — вспоминал Берроуз. — Писал и писал. Он просто садился в уголке, просил «меня не беспокоить», и я сразу же переставал обращать на него внимания». С 1952годадо 1956-го Керуак, «сидя в уголке», написал около двенадцати произведений. Работая над ними, он следовал формуле, изобретенной при написании «В дороге»: описания сумбурной жизни перемежались с вызванным бензедрином потоком спонтанных воспоминаний. Он решил последовать совету Кэссиди и создать многотомный труд, подобный прустовскому роману «Воспоминания о случившемся в прошлом».[68] Правда, в случае Керуака это были «В поисках утраченного последнего месяца». Однажды, когда девчонка из Гринвич-Вилледж, проведя с Джеком всего несколько недель, ушла от него к поэту Грегори Корсо,[69] Керуак сел и за три дня, не

[68] В русском переводе «В поисках утраченного времени».

[69] Корсо, Грегори (1930) — поэт-битник.

останавливаясь, написал «Подземные» — изложение этой печальной истории, из-за которой он даже похудел на пятнадцать фунтов. Часто Керуак писал свои мини-мемуары в мансарде дома в Сан-Франциско (а позднее — в Сан-Хосе), где Кэссиди жил вместе с женой Каролиной. Временами они жили на манер menage a trois.[70]

Добровольная бедность, непризнанность Керуака, преследования, которым подвергался талант художника со стороны официальной культуры, олицетворявшей богатство и власть, символизировали, по крайней мере для его друзей, высшие идеалы «разбитого поколения». Но также жизнь Керуака символизировала и тяжелую цену, которую приходилось платить тому, кто хотел жить этими идеалами в 1950-х. Груда неопубликованных рукописей росла. Росли злость и отчаяние Джека. Он хотел, чтобы его талант признали, но в то же время именно это желание свидетельствовало о том, насколько ему еще далеко до отказа от социальных условностей.

Свидетельство Нила Кэссиди об успешном похождении «Кислотного Теста»

В теории путь художника, подчинявшегося лишь собственному таланту, выглядел очень привлекательно. Но если говорить о реальной жизни, то все люди, жившие по таким принципам, получали признание лишь посмертно. При жизни — невзгоды и горечь, после смерти — известность. Но где была гарантия, что, если Джек принесет свою жизнь в жертву на алтарь искусства, боги смилуются над ним? В декабре 1954 года Керуак записал в дневнике следующее самообвинение: «Самые худшие дни моей жизни… я — преступник, больной и дурак. Я разочарован сам в себе и нахожусь в постоянной тоске, потому что до сих пор не делаю того, что, как я понимаю, должен был делать еще год назад».

Это быда дилеммй, которая вставала, хотя и по-разному, перед ними всеми. Прекрасно было выйти за рамки, психологически освободиться от паутины американского социума. Но что потом? Как жить? И где? У эмигрантов двадцатых был Париж. И Париж уже пятьдесят лет был центром богемы. В легкомысленных парижских кафе пили вино Хемингуэй и Мерфи. Но движение битников только

---

70 Сожительство втроем *(франц.)*.

зарождалось. И у них не было своего Парижа. Да и их было очень мало — можно пересчитать по пальцам.

Пока же их крепко связывала лишь привычка бродяжничать. В конце сороковых годов Берроуз переехал в небольшой городок к северу от Хьюстона в Техасе, купил там ферму и выращивал между грядок люцерны небольшую плантацию конопли. Фермер из него вышел неважный, возможно, потому что он кололся героином трижды в день. В конце концов им заинтересовалась местная полиция (неясно — то ли из-за его странной плантации, то ли из-за странных типов, которые постоянно слонялись вокруг фермы, а может, из-за его привычки по нескольку часов в день палить из пистолета в стену амбара). Но в результате ему пришлось переехать в небольшой городок к северу от Нью-Орлеана, где история повторилась. Тогда он решил попытать счастья в Мексике. Его поразили слухи, что в Мексике земля стоит два доллара акр, и он поехал в Мехико с твердым намерением поселиться там и принять мексиканское гражданство. Но мексиканские чиновники потеряли его документы и, в конце концов, Билл, потратив около тысячи долларов, оказался там же, где начинал. С одной стороны, мексиканцы видели в Берроузе еще одного глупого молодого гринго с кучей денег, а с другой стороны, их пугали некоторые его привычки — например, любовь к оружию. Несколько раз у него конфисковывали пистолеты. Однако они оставили ему по крайней мере один. Из него седьмого сентября 1951 года он убил Джоан. Они собирались поиграть в Вильгельма Телля. Берроуз промахнулся.

Опасаясь, что мексиканское правосудие может интерпретировать эту трагедию совсем в другом свете, Берроуз, внеся залог, улетел в Танжер. Там он поселился в мужском борделе, хозяином которого был знаменитый марокканский гангстер. На следующий год, в 1953-м, он отправился в Южную Америку, исследовать психотропные свойства шаманской виноградной лозы «айахуаска», из которой приготовляли вызывающий галлюцинации напиток «яхе». «С помощью «яхе» можно путешествовать сквозь пространство и время, — писал Гинсберг, — кажется, что комната начинает трястись и вибрировать. Кровь и плоть множества народов — негров, полинезийцев, монголов, степных кочевников, ближневосточных народов, индейцев и других, еще неоткрытых или еще не возникших, странным образом проходят сквозь тело… Это дикая смесь, как будто перед тобой разом предстают все человеческие возможности».

Берроуз надеялся с помощью «яхе» освободиться от последних социальных условностей. В письме к Гинсбергу он говорил об этом как о «последнем путешествии». И действительно, он приехал из Южной Америки другим человеком. Берроуз возвращался в Танжер через Нью-Йорк. Гинсберга поразил его внешний вид и неожиданная открытость. «Он вызывал сочувствие и производил впечатление человека, постоянно мучимого страданиями», — писал он Кэссиди. По возвращении в Танжер Берроуз начал писать короткие наброски. Часто он рвал их и разбрасывал по полу. Но в конце концов грязные и оборванные листки были собраны и изданы под названием «Нагой ланч».[71]

Приезд Берроуза стал для Аллена Гинсберга своего рода катализатором. Через две недели после того, как Билл уехал к себе в Танжер, Гинсберг бросил работу специалиста по маркетингу и отправился в Сан-Франциско, намереваясь «начать жить заново». Несколько недель он пытался вести бродячую жизнь. Но затем вновь дали знать о себе старые страхи, и он опять устроился работать в маркетинговую фирму. Он поселился на Ноб-Хилл, завел девушку (очередная попытка стать гетеросексуальным) и каждое утро, при костюме и галстуке, ехал в троллейбусе на работу в деловую часть города. Он пытался жить, как все, и быть достойным своей альма-матер, Колумбийского университета (так объяснял он своему психоаналитику), так почему же ему так скучно и он несчастен?

Однажды психоаналитик спросил его, чем же он на самом деле хотел бы заниматься в жизни. «Доктор, — ответил Аллен, — я не думаю, что вам это покажется нормальным и понятным, но я бы с радостью вообще больше никогда не работал, бросил бы все и больше никогда не занимался тем, чем занимаюсь сейчас. Я бы ничего не делал, просто предавался бы стихосложению. В свободное время гулял бы, ходил в музеи и заглядывал к друзьям. Жил бы с кем-нибудь, может быть, даже с мужчиной, и изучал бы таким образом человеческие отношения. И развивал бы свое восприятие, развивал в себе способности к видениям. Мне хотелось бы просто заниматься литературой и жить в городе жизнью отшельника».

«А почему бы вам так и не сделать?» — спросил психоаналитик. И в конце разговора, как добросовестный специалист, он,

---

[71] В русском переводе — «Голый завтрак».

подытоживая, посоветовал ему: «Теперь идите и занимайтесь, чем хотите, любыми безумствами, если для счастья вам необходимо именно это». Для Гинсберга же это оказалось просто божественным откровением. Он бросил маркетинг, нашел любовника, Питера Орловски, и начал серьезно заниматься «видениями».

Видения у Гинсберга начались в 1948 году, когда он еще жил в крошечной комнатушке в Гарлеме. Он писал стихи, читал Уильяма Блейка и чувствовал себя очень грустно и одиноко, потому что совсем недавно получил письмо от Кэссиди. И вот однажды, когда он лежал и мастурбировал, чувствуя себя при этом очень жалким и несчастным, комната вдруг наполнилась звучным голосом — голосом Блейка, который читал стихотворение, прочтенное только что самим Гинсбергом: «Ах, подсолнечник»:

Ах, Подсолнух, прикованный взглядом
К Светилу на все времена!
Как манит блистающим Садом
Блаженная присно страна![72]

Вдобавок ко всему Гинсберга внезапно накрыло ощущением понимания — не просто пониманием настоящего значения стихотворения, а осознанием жизни вообще. Выглянув в окно, он словно заглянул в глубины вселенной:

> *Внезапно я понял, что это… был именно тот момент, ради которого я появился на свет. Это было посвящение. Или видение. Или осознание того, что я — наедине с собой и наедине с Творцом. И я словно был сыном Творца — я понял, как он любит меня.*

Гинсберг ощутил именно то, что канадский психолог Ричард Бёк, путешествовавший в свое время по Северной Америке, коллекционируя свидетельства о подобных прозрениях, называл космическим сознанием.

Под впечатлением от своего видения Гинсберг перебрался на пожарную лестницу и легонько постучал в приоткрытое окно

---

72 Перевод С. Степанова.

следующей квартиры, где жили две девушки. «Я видел Бога!» — крикнул он. Окно мгновенно захлопнулось, и Гинсберг остался стоять с бешено колотящимся сердцем на пожарной лестнице, под сенью древних небес.

Ощущение связи с космическим сознанием у Гинсберга никогда полностью не исчезало. Фактически это озарение стало рубежом, когда «Новое Видение Мира» стало трансформироваться в то, что Гинсберг называл «смягчением сердец». Не нужно было быть гением, чтобы понять: игры в хипстеров и крутых психопатов не доводили ни до чего хорошего — смерть Каммерера, заключение Ханке и дурацкий несчастный случай, унесшей жизнь Джоан Берроуз тому примеры. «Все прежние представления о том, что нужно быть умным парнем с крепкими нервами и побеждать мир, играя по его правилам, потеряли всякую ценность, — объяснял Гинсберг позже репортеру. — Холодность, сдержанность любого рода противостоит теплоте и открытости или душевной широте и способности к состраданию, описанной, например, у Достоевского в образах Алёши, Мышкина, Дмитрия. Именно этим путем и следуем мы с Керуаком».

Хотя в данном случае Гинсберг использовал литературную аналогию, в реальной жизни битники находили образы и примеры сострадания в восточных религиях — особенно в буддизме и дзен-буддизме. В концепции бодхисатвы, странствующего Будды, они нашли рациональное объяснение для художественного подхода как пребывания на уровне вселенской безмятежности, откуда можно наблюдать за безумием мира и возвращаться обратно, привнося частичку света в туман отчаяния.

Увлечение битников дзеном имело множество последствий, но в основном негативных. Изучавшие религии Востока были быстры на необоснованные выводы и неправильные истолкования. Даже Алан Уоттс, занимавший особое место как руководитель Академии изучения востока в Сан-Франциско, был вынужден осудить «фальшивых хипстеров», бросающихся терминами дзена и жаргонизмами джазменов, чтобы оправдать бегство от общества. Уоттс считал, что дзен было бы «лучше использовать только в качестве терапии». Но он симпатизировал идее битников организовать на Западе собственную духовную школу, «садхану» (буквально с санскрита переводится как «путь»). «Садхана» предназначалась для того, чтобы, используя различные восточные методики, достичь более высоких уровней сознания, просветления и

мистических переживаний.

Битники начинали создавать свою собственную «садхану», основываясь на самых различных источниках. Для Гинсберга, утверждавшего, что он достиг «сатори» в 1954 году, это были иудаизм, дзен и буддизм махаяны. Для Керуака — то же самое, но с большим налетом католицизма: позднее он сказал в интервью для телевидения, что перед сном он молится Христу, деве Марии и Будде. Они повторяли путь Хаксли и Хеда, экспериментируя с йогой, медитациями и мантрами, но в итоге нашли, что это им не подходит. Гэри Снайдер, намного серьезнее занимавшийся дзеном, долго и упорно пытался научить их, но обычно занятия заканчивались тем, что они просто читали хокку, раскачиваясь взад-вперед. Керуак из-за старых футбольных травм не мог даже правильно согнуть колени и сесть в лотос, однако «даже если бы у него это получилось, все равно он не смог бы долго медитировать. Ему недоставало сосредоточенности».

Все восточные «садханы» сходились на том, что рациональное мышление является одним из самых больших препятствий. «Сатори обязательно должно возникать в результате определенного психологического тупика, — писал учитель дзена Д.Т. Судзуки, — худшим врагом дзена, по крайней мере поначалу, является ум, которому свойственно различение субъекта и объекта. Дзенское сознание сможет развернуться, только когда привычные умственные механизмы будут приостановлены». Еще со времен общения с Берроузом они знали, что одним из быстрейших путей отключить рациональный разум были наркотики. Но не все. Вполне годилась марихуана. Еще лучше — пейотль и его синтетический аналог, мескалин. ЛСД битники не знали до конца пятидесятых. Когда же они его освоили, он был признан прекрасным инструментом для достижения «того, что описано в древних книгах».

Осенью 1955 года, вскоре после того, как он ушел с работы с намерением посвятить себя поэзии, Гинсберг попробовал пейотль. Выглянув из окна, он увидел Молоха, библейское божество, которому поклонялись, принося в жертву детей. Молох — это Америка, озарило Гинсберга, и он начал писать об этом поэму.

Одной из характерных черт Гинсберга был организаторский талант. Перед тем как поступить в Колумбийский университет, он намеревался стать профсоюзным организатором. В Сан-Франциско он почти сразу организовал публичное чтение поэзии. Чтение было

намечено на 13 октября 1955 года. Оно проходило в помещении старой бензоколонки, превращенной в художественную галерею под названием «Сикс-гэллери». «Шесть поэтов в «Сикс-гэллери» — гласили пригласительные билеты:

Выдающееся собрание множества талантов в одном месте
Вино, музыка, танцовщицы, очень хорошая поэзия, сатори бесплатно
Небольшая входная плата — на вино и пригласительные билеты
Приятная атмосфера

На вечере присутствовали и Керуак с Кэссиди. Первый пускал по кругу большие кувшины с бургундским, а второй издавал одобрительные восклицания вроде «Ого! Ну и ну! Круто!», приветствуя стихи каждого нового поэта. Гинсберг читал уже ближе к концу. До этого дня его занятия поэзией были скорее желаемым, чем реальным фактом. Раньше он в основном писал короткие афористические стихи в стиле Уильяма Карлоса Уильямса. Но сегодня вечером он не собирался читать старые произведения. Вместо этого у него была заготовлена новая вещь, написанная им под декседрином и пейотлем. Это была большая поэма «Вопль». Она начиналась со строк:

Я видел лучшие умы моего поколения сокрушенными безумием, подыхающими с голоду, бьющимися в истериках, нагими, влачащимися через негритянские улицы на заре в поисках гневного кайфа…[73]

Когда Гинсберг добрался до середины поэмы, где каждый стих начинался с возгласа: «Молох!», толпа начала повторять это слово вслед за ним. И когда он раскачивался из стороны в сторону, дочитывая заключительные строфы, все уже понимали, что сегодня произошло нечто очень важное.

Филипп Ламантия,[74] тоже читавший на вечере свои стихи,

[73] Пер. Дара Жутаева.

[74] Ламантия, Филипп (1927) — поэт-сюрреалист, близкий к кругу битников.

сравнил это со «сведением вместе двух концов электрического провода». Майкл Макклюр, другой из поэтов, позже рассматривал это как начало пробуждения сознания (полного расцвета оно достигло позже, в шестидесятые): «"Вопль" стал для нас решающим моментом. Теперь уже никто из нас не мог отстраниться и сказать: "я не знал об этом". Мне было чертовски страшно… думаю, то, что Аллен встал и стал открыто, со сцены, читать «Вопль», — это один из самых смелых поступков, которые я когда-либо видел. Вспомните, это был пятьдесят пятый год. Люди стриглись под ежик, и вы их интересовали только как пушечное мясо. Вся страна находилась под впечатлением публикаций Люса. Это было опасное, холодное, скверное время, и это было страшное время».

История всегда полна необычных моментов, которые, хотя и кажутся их непосредственным участникам быстротечными и мимолетными, со временем раздуваются и приобретают значимость. Учитывая место, где состоялась премьера — старый гараж в Сан-Франциско, — вероятным, казалось, что «Вопль» и новое сознание, провозвестником которого он был, останутся никому не известной случайностью. Но в тот вечер, когда Гинсберг читал поэму, среди слушателей в зале находился Лоуренс Ферлингетти, богемный эрудит (доктор философии Сорбонны). Он владел книжным магазином «Сити лайте» в Норт-Бич, который был, возможно, первым книжным магазином в Америке, специализировавшимся на книгах в мягкой обложке. Помимо этого у Ферлингетти было небольшое издательство, где выпускались недорогие поэтические издания под логотипом «Покет поэте». За несколько месяцев до описанных событий Ферлингетти рискнул издать сборник собственных стихов «Картины уходящего мира». На следующее утро после выступления в «Сикс-гэллери» Ферлингетти телеграфировал Гинсбергу и спросил, не хочет ли он издать «Вопль».

Еще до того как осенью 1956 года «Вопль» появился в продаже с предисловием Уильяма Карлоса Уильямса[75] (предупреждавшим: «леди, не падайте в обморок, но приготовьтесь к самому страшному»), он получил бесценную рекламу — статью в сентябрьском номере «Нью-Йорк тайме бук ревью». Поэзия стала реальной социальной силой в Сан-Франциско, с удивлением

---

[75] Уильямс, Уильям Карлос (1883–1963) — выдающийся американский поэт.

признавал поэт с восточного побережья страны Ричард Эберхарт: «еженедельно проходит несколько публичных поэтических чтений. Снимаю шляпу перед этим фактом». Эберхарт сравнивал роль «Вопля» с ролью джаза в двадцатые годы, поэма стала словно катализатором тех подсознательных эмоций, которые никто не осмеливался выразить.

Признавая «Вопль» «самой сильной поэмой» сан-францисско-го возрождения, Эберхарт в то же время сомневался в художественных качествах «непосредственного би-бопового стихосложения» поэмы и был встревожен атмосферой «разрушительного насилия»:

> *Если считать, что чем громче вы кричите, то тем более вероятно, что вас услышат, это — вопль, направленный против всей нашей механистической цивилизации, которая убивает дух. Его ощущаешь оголенными нервами страданий и духовной борьбы. Его положительная сила и энергия — в искупительной любви, несмотря на то что поэма выглядит каталогом разрушительного зла нашего времени — от физических лишений до безумия.*

Первое издание у Ферлингетти распродалось почти немедленно. Поступили заказы на второе издание. А затем литература битников получила еще более ценную рекламу. Поскольку типография, где Ферлингетти печатал книги серии «Покет поэте», находилась в Англии, прежде чем заново попасть в Америку, они проходили американскую таможню. В марте 1957 года на таможне арестовали второе издание «Вопля» по обвинению в непристойности. Ферлингетти опротестовал это решение, и таможенная служба смягчилась и пропустила книги. Однако вскоре сан-францисская полиция совершила набег на «Сити лайте» и обвинила Ферлингетти в продаже порнографии

Такая реакция была абсолютно противоположна той, что ожидали кураторы общественных вкусов Долгие годы Сан-Франциско был своего рода американским Парижем, и теперь, когда в нем наконец появилось нечто сопоставимое с монмартрскими творениями Хемингуэя и Пикассо, местные пуритане пытались сжить это со света Арест осудили во всех местных газетах. К этому времени Ферлингетти уже оправдали, и было продано около десяти тысяч

экземпляров «Вопля». Литературная популярность писателей-битников стала сравнима с Хемингуэем и Фицджеральдом.

Если после статьи в «Нью-Йорк тайме бук ревью» редакторы узнали о том, что в Сан-Франциско существуют писатели-битники, то последующий суд убедил их в непристойности этих авторов. Образ группы неухоженного вида молодых поэтов, отвергающих «американскую мечту» — дом, работу, семью — в неприличных стишках, был этому явным и неопровержимым доказательством. Статьи о поэтах-битниках появились в таких разнообразных изданиях, как «Мадмуазель», «Эврегрин Ревью» и «Нэйшн». В «Виллидж Войс» были опубликованы отрывки из произведений Керуака, Гинсберга и их знакомого поэта Грегори Корсо, под названием «Три безумных сумасброда удаляются на покой». Название прекрасно иллюстрировало то двойственное отношение, с которым относились к битникам даже самые свободомыслящие люди. До сих пор самым главным из них считался Гинсберг (Кеннет Рексрот опасался в «Нэйшн», что он «рискует превратиться в знаменитость, — он действует на людей, как Луи Армстронг на юных француженок») С Керуаком всегда обращались как с непризнанным гением, у которого полный чемодан прустовских романов, но к сожалению, все они слишком радикальны для общественного чтения.

Осенью 1957 года наконец был опубликован роман «В дороге» И снова битникам повезло. Штатный рецензент «Нью-Йорк тайме» был в отпуске, и вместо него рецензии писал Гилберт Миллстайн, помнивший Керуака и Гинсберга еще с тех пор, как опубликовал статью Холмса в начале пятидесятых. Миллстайн не стал заниматься критикой для проформы. «В дороге» имеет «важнейшее историческое значение», — писал он, — сопоставимое со значением «И восходит Солнце». Имелось в виду, что Керуак верно уловил в книге постепенно охватывающий Америку бунтарский дух. Миллстайн пророчил Джеку Керуаку большое будущее. Если остальные обзоры были далеки от хвалебного тона Миллстайна, тем не менее они обсуждали книгу достаточно оживленно. Пусть, по мнению Герберта Голда, «в книге больше болезненного бреда, чем творческого мастерства», а финансируемый ЦРУ «Энкаунтер» презрительно называл ее «сборником неандертальских воплей», однако «В дороге» шесть недель удерживалась в списке бестселлеров.

Затем последовал культурный взрыв. В то время как кино, журналы и даже телевидение пытались создать приемлемый образ

битников, чтобы их можно было представить всей своей огромной аудитории, другая часть культурной общественности настойчиво осуждала интерес к ним как интерес к образцу грубости и непристойности. Читая такие затейливые иеремиады, как «Легкомысленный культ» Роберта Броштейна или «Ничего не зная о богеме» Нормана Подхореца, любой быстро понимает, что речь в них идет не о реальных Гинсберге или Керуаке, а о вымышленном образе, который журнал «Лук» охарактеризовал как «бубнящих бородатых битников». Именно этот образ высмеивал Герберт Голд в книге «Скучные развлечения Сан-Франциско». Автор из «Лайф» описывал бит-движение так: «По большей части это "легкомысленные психически неуравновешенные бездельники", которые встречаются в любом поколении… Подобные им люди распространяли коммунистические брошюры в 1930-х годах или бормотали об анархизме и клянчили спиртное в барах в 1920-х, а в нынешнем поколении это мошенники, пытающиеся хитростью приобрести ореол мучеников, чтобы вознестись над толпой. Болтуны, бездельники, ленивые маленькие обманщики, одинокие эксцентрики, ненавидящие родителей и полицейских, оскорбительно ухмыляющиеся, выставляющие себя напоказ посредственные плагиаторы. Писатели, не умеющие писать, художники, не умеющие рисовать, танцоры с нарушениями двигательной координации».

Но вообще о битниках писали очень много Гинсберг был, пожалуй, единственным поэтом в Америке, которому пресса уделяла столько же внимания, сколько скандальным разводам в высшем обществе и спортивным соревнованиям. В частности, известности Гинсбергу прибавил случай с пьяным парнем, мешавшим ему читать стихи. Это произошло в Лос-Анджелесе, куда глава местного поэтического общества пригласил выступить нескольких поэтов из Сан-Франциско. Общество было пестрым — голливудские личности с претензией на тонкий вкус, несколько студентов, мощная фаланга поклонников поэзии. Среди публики был также один агрессивно настроенный пьяница, чье терпение иссякло, когда на сцену вышел Гинсберг. Спустя годы, когда у него появились солидные борода и живот, Гинсберг стал выглядеть внушительно, как раввин. Но тогда он все еще был тощим молодым евреем из Нью-Джерси, носил очки и воспринимался окружающими как еще один грязный поэт-анархист. К чести Гинсберга, он пробовал сначала не обращать внимания на враждебно настроенного пьяницу, но, наконец, сдался и сказал:

«Хорошо, хорошо. Вы хотите сделать что-то серьезное, не правда ли? Смелое. Хорошо, тогда предлагаю — продолжайте! Сделайте действительно смелый поступок. Разденьтесь!» Это поразило пьяного, который, казалось, уже думал было подраться с поэтом, и он слегка отступил. Развивая преимущество, Гинсберг сорвал с себя рубашку и майку и бросил их в пьянчугу. «Испугались, да? — дразнил его он. — Боитесь!» Наступая на соперника, он расстегнул пояс, молнию на штанах и они упали на пол. Аудитория, сидевшая все это время в немом ожидании, взорвалась аплодисментами. Под шумок Гинсберг и пьяница выскользнули из зала.

Именно таких импровизированных представлений и ждали зрители от битников. Однако такое случалось редко, и они по большей части приходили домой неудовлетворенными.

Помимо того, что все статьи пересказывали одни и те же сюжеты, они были похожи и в другом. Все они сходились на том, что битники грязнули. «Я была поражена, как отвратительно там пахло», — возмущалась Диана Триллинг в статье о поэтическом вечере Гинсберга. Битники бесталанны: «недисциплинированные и неряшливые любители, вводящие себя и других в заблуждение верой, что их мрачная бессмыслица имеет какую-то художественную ценность…» Битники люди неглубокие: «все они убеждены, что любая форма выступлений против существующей культуры (под которой они подразумевали все — начиная с образа жизни предместий и супермаркетов до претендующих на утонченность журналов, вроде «Партизан ревью») — это превосходно, и рассматривают гомосексуализм, джаз, наркоманию и бродяжничество именно как выдающиеся примеры такого бунта». Битники — больные люди: один психиатр после изучения битников в Норт-Бич в Сан-Франциско пришел к заключению, что «шестьдесят процентов из них либо психотики, либо невротики, а потому не способны пробиться в жизни обычным образом. Еще 20 процентов находились в пограничных состояниях».

Сложившийся в обществе взгляд на битников прослеживается и в письме отца Аллена Гинсберга, который тоже был поэтом. Он писал сыну: «вся ваша неистовая, бунтарская брань ни на йоту меня не затронула. Вы ведете себя безответственно, и это отталкивает».

Ферлингетти на пороге битнического магазина «Сити лайтс»

Одним из немногих интеллектуалов, поддерживающих битников, был Норман Мэйлер, хотя с такими друзьями и врагов не надо. В 1957 году Мэйлер опубликовал эссе «Белый негр». Чтобы описать социальные изменения среди молодого поколения, он использовал выдуманное им слово «хипстер». «Есть хипстеры и есть «цивилы» — писал Мэйлер. — Одни бунтуют, другие — приспосабливаются. Одни — первопроходцы американской ночной жизни, другие — мещане, попавшие в ловушку тоталитарного общества и волей-неволей обреченные приспосабливаться, если хотят преуспеть».

«Хипстеры, — писал Мэйлер, — люди, осознавшие центральную роль смерти в современной жизни». В пятидесятые годы смерть ассоциировалась с концентрационными лагерями (насильственная смерть) или водородной бомбой (что подразумевало смерть человечества как вида). И в результате хипстеры решили «отказаться» непосредственно от общества, «повинуясь своим бунтарским стремлениям, оторваться от корней и пуститься в странствия». Но согласно Мэйлеру, эти бунтарские стремления не нацелены на познание Бога, что отличало их от поисков Гинсберга и Керуака. Мэйлер призывал культивировать психопатию (что особенно ужаснуло битников), поскольку он считал, что психопатия — это очень подходящий образ действия для Америки. «Сумасшедший убивает, — писал он, — по необходимости, ему нужно сбросить агрессию. Иначе, если он не сможет высвободить ненависть, то не сможет и нормально жить дальше. Ему придется, ненавидя себя за трусость, влачить жалкое существование».

Несмотря на то что в эссе Мэйлера было немало умных мыслей, в нем слишком много говорилось о психопатии, что показалось битникам глупым и, кроме того, не по делу. Лучшей защитой здесь, конечно, было бы нападение. Термин «психопат» в пятидесятые был популярен, но не вполне ясен. Психопатия была расхожим диагнозом, который свободно ставили всем, кто не подпадал ни под понятие нормального, ни под известные синдромы. То есть само определение было достаточно неопределенно. Согласно психологическому словарю, психопатом считался любой эгоцентрический, импульсивный, асоциальный человек — определение, одинаково применимое как к любому эксцентричному англичанину, так и к поэту-битнику. И едва ли все эти люди заслуживали этого неприятного ярлыка.

Ключевым словом здесь было, вероятно, «асоциальный»,

нарушающий интересы общества. Психопаты представляли опасность для социума. В этом смысле битники последовательно и вызывающе нарушали один из пунктов американского «общественного договора» — они курили марихуану. И даже то, что это каралось тридцатью годами тюрьмы, не удерживало их от этой пагубной привычки, вреднейшие последствия которой были общеизвестны. Человек, покурив марихуану, может превратиться в бешеного убийцу; он становится способен даже изнасиловать сестру или зарубить топором собственных родителей.

Репутация марихуаны как «растения-убийцы» сложилась в результате одной из самых успешных рекламных кампаний двадцатого столетия. Она началась в середине тридцатых годов, когда на Мэдисон-авеню еще только учились, как управлять людьми. Главным копирайтером этой кампании против марихуаны был Гарри Эйнслинджер, тогдашний новый специальный уполномоченный Управления по наркотикам. Эйнслинджер, подобно большинству бюрократов, искал проблему, которая сможет позволить ему увеличить бюджет и поднять престиж своего управления. Он остановился на марихуане, довольно безвредном дикорастущем сорняке, распространенном в то время почти повсюду. Чтобы представить марихуану наркотиком, представляющим страшную опасность для общества, Эйнслинджер использовал ту же самую стратегию, которая использовалась и в походе против героина двадцатью годами ранее. Сначала он связал ее использование с этническими меньшинствами, поток которых шел в Америку через Тихий океан — иммигранты не только разбавляли белую кровь, но они еще и привезли с собой опаснейшую привычку употреблять наркотики, распространяющуюся словно рак среди провинциальной молодежи. Затем он заявил, что марихуана являлась причиной множества преступлений, — такой же чести раньше удостоился героин. В Новом Орлеане, например, 60 процентов преступлений приписывались курильщикам марихуаны, которые, «покурив для храбрости, расстреливали полицию, банковских служащих и случайных свидетелей».

Эйнслинджер собирал ужасные рассказы про марихуану (в большинстве своем неподтвержденные) и впоследствии делился ими с услужливыми репортерами. Но самые волнующие примеры он придерживал для своих книг и статей, наиболее известной из которых была его журнальная статьи «Марихуана: убийца молодежи».

Хотя утверждения и цифры, приводимые Эйнслинджером, были абсолютной фикцией, Конгресс в 1937 году поспешно принял «Акт налогообложения марихуаны», и Cannabis sativa присоединилась к героину в ряду опаснейших наркотиков (часто распространяемых коммунистами и другими врагами нации). Наиболее серьезная попытка проверить заявления Эйнслинджа-ра произошла в 1944 году, когда мэр Нью-Йорка, Фиорелло Ла Гуардиа, попросил нью-йоркскую медицинскую академию взвесить все «за» и «против» в проблеме марихуаны. Результаты, полученные медиками, противоречили Эйнслинджеру почти во всем. Однако их немедленно осудили не только бюрократы от закона, но и собственная медицинская бюрократия. «Общественным должностным лицам надлежит игнорировать это ненаучное, некритическое исследование, — настаивала Американская медицинская ассоциация, — и продолжать расценивать марихуану как представляющую угрозу обществу».

Как и в случаях с другими наркотиками, даже научное сообщество, находящееся поддавлением общепринятой морали, было вынуждено идти на компромисс с истиной.

Очень немногие из критиков поняли, что те битники, которых они осуждали, давно уже стали прошлым. Ушли вместе с послевоенными годами и правлением Трумэна. Интересно, что на пике своей известности битники уже сильно изменились и стали теми людьми, которых в следующем поколении назовут хиппи. Но мало кто замечал эти изменения, рассуждая о плохой поэзии и грязных ногах. Пишущий для «Плейбоя» Герб Голд, который считался специалистом по битникам просто потому, что он жил в Сан-Франциско, напоминал читателям о строчках Уильяма Йитса (еще одного писателя девятнадцатого века, который думал, что Homo sapiens все еще находится в процессе эволюции):

И что за зверь, чей пробил темный час,
Плетется в Вифлеем, чтобы родиться там?

«Может быть, Йитс писал именно о битниках? — вопрошал Голд, — Когда Йитс смотрел в будущее, в поисках некого чудовищного спасителя, появившегося эволюционным путем из животного мира, он явно не имел в виду Джеймса Дина. Возможно, как они сами утверждают, снятие ограничений на чувства может

привести к новому уровню искренности. Возможно, рожденные ползать когда-нибудь и смогут научиться летать. Но, господи, как же это будет странно выглядеть!»

Именно об этом Йитс и писал…

Во втором романе Керуака — «Бродягах дхармы» — есть момент, когда герой, чьим прототипом был Гэри Снайдер, представляет будущее, вполне сравнимое с образом Йитса. Вот что он видит: «произойдет революция, и все будут ходить с рюкзаками. Тысячи или даже миллионы молодых людей, путешествующих с рюкзаками, забирающихся в горы помолиться, смеясь как дети… Свободные встречи святых людей, на которых они просто пьют, говорят и молятся».

Это было мечтой битников. Именно ее осуществление пытался приблизить Аллен Гинсберг, используя все свои познания в маркетинге. Гинсберг стал среди битников главным по связям с общественностью — некоторых из особенно самостоятельных поэтов это даже немного раздражало. Он штурмовал интеллектуальные журналы, особенно враждебные — вроде «Партизан ревью» и «Хадсон ревью», стараясь опубликовать работы своих друзей; он встречался с агентами и редакторами и редко шел на встречу без рукописи, которую пытался пробить. Если движение битников можно было сравнить с тлеющим огоньком, то он делал все, что в его силах, чтобы раздуть его в гигантский костер. Вот как позднее Гинсберг описывал это время:

> *Мы начали меняться в сорок восьмом году. В пятьдесят пятом мы впервые заявили об этом. В пятьдесят восьмом о нас стали регулярно писать. К этому времени я понял, что, если наши мысли, наша неофициальная поэзия оказались настолько серьезны, что даже привлекли внимание важных генералов, пишущих в журнале «Тайм», — должно быть, наступают необыкновенные времена*

Гинсберг считал, что произошел всеобщий сдвиг сознания, коснувшийся сначала молодежи, а потом, через нее — распространившийся и на все остальные слои общества. Словно вся страна внезапно достигла того уровня, о котором в 1944 году говорили у Берррouза как о «Новом Видении Мира». «В тот год в

литературных кругах вошло в моду сходить с ума, — вспоминает Барбара Пробст Соломон.[76] — Стало модным доходить до крайностей, особенно в том, что касалось секса и наркотиков… Однажды на вечеринке мне подлили в кофе ЛСД, и когда я пришла домой, у меня начались видения. Я думала, что сошла с ума, пока мне на следующий день в полдень не позвонили и не спросили, как мне понравилось первое кислотное путешествие… это было начало шестидесятых, и я еще часто говорила Ларри Рузу, моему другу фрейдисту, что жизнь слишком резко меняется и мне это не очень нравится».

Америка находится на грани нервного срыва, полагал Гинсберг.

Глава 11. ДИКИЕ ГУСИ

Если б в августе 1960 года вы захотели найти человека, в котором воплотился дух того времени, то одного из них вы отыскали бы нежащимся в бассейне в мексиканском курортном городке Куэрнавака. Он был психолог по профессии, но сейчас, загорелый и спортивный, выглядел скорее профессиональным игроком местного гольф-клуба. Он имел склонности к атеизму, рациональному гуманизму, иногда алкоголизму и постоянно — к женщинам. Больше всего в жизни он страдал от скуки. «Я вырос из тех игр, в которые играют преуспевающие люди, — писал он в «Первосвященнике», первой из своих автобиографий. — В жизни для меня больше не осталось ничего неожиданного и удивительного. Я стал равнодушен к обычным соблазнам общества, к власти, честолюбию, сексу. Это как в игре в «Монополию» — победить можно, но смысла нет. Как раз в то время мне только что предложили должность в Гарварде»

Его звали Тимоти Фрэнсис Лири. Через два месяца ему исполнялось сорок лет. И он еще только собирался делать первые шаги на том пути, который закончится за несколько месяцев до его пятидесятилетия, когда федеральный судья назовет его самым опасным человеком в мире.

Куэрнавака, расположенная на краю центрального плато, на тридцать семь миль южнее Мехико, в древности была городом

---

[76] Соломон, Барбара Пробст (1921) американская писательница, автор многочисленных воспоминаний о жизни богемы

предсказателей и магов. В ацтекском мире она играла роль Дельф в Древней Греции. Климат здесь царил удивительный, температура почти не опускалась ниже семидесяти пяти по Фаренгейту.[77] Позже, после завоевания Кортеса, здесь селились богатые мексиканцы и любили отдыхать американские ученые. За пару сотен песо тут можно было жить по-королевски — с горничной, поваром и даже садовником.

Лири арендовал виллу неподалеку от дороги на Акапулько, поблизости от площадки для игры в гольф. Вместе с ним жили двое психологов — Фрэнк Бэррон и Ричард Детерринг с женой Рут. Еще одного соседа, Ричарда Альперта, ожидали чуть позже. Место было прекрасным, здесь можно было нежиться в бассейне, наслаждаясь видом на снежные шапки двух вулканов, близнецов Попокатепетля и Ицтаккикуатля. Снизу доносился шум игры в гольф. В воздухе плыл аромат бугенвиллий. Весело щебетали дети Тима — Сьюзен и Джек. После сиесты и перед вечерним коктейлем как раз оставалось время поиграть в футбол.

Лири пробовал посвящать, по крайней мере, час или два ежедневно литературным занятиям — он собирался написать две книги: роман и длинное эссе, которое наконец бы объяснило, что он подразумевал, когда говорил об экзистенциально-транзактной психологии. Но, к сожалению, его постоянно что-нибудь отвлекало от работы, по большей части симпатичные девушки. Частым гостем на вилле был знакомый Бэррона, Герхарт Браун, преподававший антропологию в огромном государственном университете в Мехико. Браун учил «нахаутль», язык ацтеков, и однажды вечером разговор зашел о теонанакатле, божественных грибах, которые Гордон Уоссон пробовал в Уаутла де Хименес.

Лири уж не в первый раз проводил вечер за бутылкой и разговорами о теонанакатле. Несколькими годами ранее, заинтересовавшись статьей Уоссона в «Тайм», Фрэнк Бэррон собирался заняться ими, думая, что это может помочь ему в собственных исследованиях по психологии творчества. Тим в тот раз отреагировал на это со смесью отвращения и беспокойства. Эксперименты с природными наркотиками казались ему дурацким и опасным предприятием. Но теперь, после месяца безделья, ему было

---

[77] 24° по Цельсию.

очень скучно. И любое новое дело казалось интересным. «Может быть, попробуем найти их здесь?» — предложил он Брауну.

Алиса и волшебный гриб

Уоссону потребовались годы терпеливой дипломатии, прежде чем он нашел курандеру, согласившуюся провести грибную церемонию. Браун отыскал грибы за неделю, узнав, где они растут, от курандеры Хуаны, жившей в Сан-Педро, неподалеку от Куэрнаваки.

В субботу, 9 августа 1960 года, погода на плато стояла обычная: было жарко и ясно. Браун с девушкой и несколькими друзьями появились на вилле в полдень. Они принесли мешок грязных волокнистых грибов.

«Вы уверены, что они не ядовиты?» — спросил Лири, внимательно рассматривая грибы. …И эти грибы ацтеки действительно называли плотью Бога? (Перед этим, когда Рут Детерринг изъявила желание тоже поучаствовать в эксперименте, Тим сразу же научил ее, как по-испански будет «санитарная машина» и «промывание желудка».) Вместо ответа Герхарт съел первый гриб. За ним последовала одна из девушек. Потом Детерринг. Лири положил грязный гриб на кончик языка. На вкус он оказался еще хуже, чем на вид. Он с трудом проглотил гриб и запил пивом. Потом взял следующий…

Позже, когда он обдумывал случившееся, он поразился, насколько внезапно все произошло. Еще мгновение назад он слышал, как кого-то тошнит в кустах, а уже в следующий момент все вокруг заполнило пульсирующее гудение. Как будто мир ожил — птицы, кусты, плавательный бассейн, все было полно, все гудело жизнью. Он погрузился в этот жужжащий гул, и перед ним замелькали странные образы — египетские дворцы, индийские храмы, — они как будто вспыхивали, искрясь и переливаясь перед его внутренним взором.

Во «Флэшбэках», своей второй автобиографии, Лири весело сообщает, что был зачат 17 января 1920 года, на следующий день после того, как вступил в силу «сухой закон», и через несколько часов после окончания ночных субботних танцев в клубе офицеров Вест-Пойнта, где его отец, капитан Тимоти Лири по прозвищу Малыш работал гарнизонным зубным врачом. Его мать, урожденная Эбигайль Феррис, была самой красивой женщиной на вечеринке: черные как смоль волосы, нежная молочно-белая кожа и

великолепная фигура. Они танцевали, пили, затем шатаясь и смеясь, вернулись домой, где занялись любовью. Через восемь месяцев и несколько недель, 22 октября 1920 года, появился ребенок. Его рождение почти совпало с рождением нового мира вокруг него, так что и ребенка и мир можно было назвать новорожденными.

Первая мировая война, как будто выпустила на волю мощную высвобождающую энергию — не зря двадцатые годы двадцатого столетия часто именуют «грохочущие». Шла ли речь о деловой активности или о новых постановках на Бродвее, как в песне Коула Портера,[78] основным настроением была убежденность, что «все меняется». Хотя Лири все еще был юн, когда это хорошее время неожиданно кончилось, тем не менее, возможно, эти несколько лет роскошной и яростной жизни — джазовой эпохи — оказали влияние на сложившуюся у него позднее жизненную философию.

Во многом это было и влияние Малыша. Малыш Лири был родом из Спрингфилда, штат Массачусетс. Сейчас эта фамилия там никому ничего не говорит, но в двадцатых годах спрингфил-дские Лири слыли самыми богатыми католиками-ирландцами во всем западном Массачусетсе. Отец Малыша, Старик, нажил состояние на операциях с недвижимостью.

Имея девятерых детей, примерных ровесников Малыша, он обеспечил Тима невероятным изобилием дядюшек и тетушек, «которые метались туда и сюда» в период юности Тима, «устраивая бесконечные сцены, закатывая скандалы и периодически странно исчезая» Тетя Франциска убежала в Канзас-Сити с каким-то протестантом, и Малышу пришлось ехать туда на поезде, чтобы вернуть ее обратно. Кузина Сисси вышла замуж за преуспевающего члена епископальной церкви и затем — о святые небеса! — уплыла в Париж, чтобы развестись. Богатые, эксцентричные и эгоистичные Лири были полной противоположностью родственникам Тима со стороны матери — Ферри-сам, жившим на унылой ферме к востоку от Спрингфилда. Из-за семейных проблем его родителей Тим в детстве много времени проводил на ферме «Папоротники», где, как напишет много позже, он не знал «ни одной веселой минуты» После смерти обоих родителей в 1918 году от эпидемии гриппа,

---

78 Портер, Коул (1891–1964) — американский джазовый композитор, автор многочисленных популярных песен и мюзиклов

номинальной главой семьи Феррисов стала старшая сестра Эбигайль, тетя Дуду, «робкая, фантастически религиозная женщина, которая безуспешно пыталась управлять делами семейства с благочестием, характерным для ирландской деревни. Она целыми днями сидела на кушетке, бормотала себе под нос молитвы, щелкая искусственными зубами, и читала католические книги». Ни Дуду, ни другой сестре Эбигайль, Мэй, не понравился худой высокий и умный Малыш, они сочли его неудачной партией для своей сестры, сущим несчастьем. Мэй рыдала трое суток, уговаривая Эбигайль отказаться от свадьбы.

В конце концов им пришлось удовольствоваться осознанием собственной правоты. Брак Малыша и Эбигайль не был счастливым — он так и не превратился в прочный и достойный союз, о котором мечтала Эбигайль Малышу было чуждо наслаждение милым домашним уютом, мирная жизнь, баюканье детей и стирка подгузников Он по-прежнему придерживался старых привычек, обожал развлечения и все чаще и чаще приходил домой пьяный, угрюмый, сердитый, обремененный долгами.

Малыша поддерживала на плаву надежда на то, что, когда Старик умрет, ему достанется большое наследство — он получит самое крупное католическое поместье восточного Массачусетса. И все его дети верили, «что когда Старик умрет, они станут богатыми».

Даже биржевая паника 1929 года и последующие годы жизни, бесконечные долги не переубедили Малыша и тетю Сисси и не разрушили этой уверенности Так продолжалось вплоть до того дня, когда в 1934 году было зачитано завещание Старика, из которого явствовало, что им досталось в наследство всего несколько тысяч долларов. Малыш отдал сотню сыну и тысячу жене, после чего испарился.

Что произошло, когда так внезапно исчез отец? Какие суровые переживания, полные гнева и горя пришлось им всем пережить? Лири в своих опубликованных воспоминаниях мало говорит об этом, только где-то как бы в скобках замечает: «мое горе из-за ухода отца всплыло наружу во время одного приема наркотика в компании с Джеком Керуаком».

Напротив, во «Флэшбэках» он скорее воздает ему хвалу:

> *Я всегда любил и уважал отца. За тринадцать лет, что мы прожили вместе, он никогда не обманывал моих ожиданий… Папа для меня остался образцом одиночки,*

презирающего обычные пути… Малыш, следуя древней ирландской традиции, перехитрил всех — вырвался из набожной деревни и отправился в дальние страны, подобно одному из диких гусей ирландской легенды.

Эбигайль и вполовину не столь хороша в воспоминаниях его сына. Ее набожность (она редко пропускала ежедневную массу), стремление стать достойной представительницей респектабельного среднего класса, а также врожденная подозрительность ко «всему веселому, легкомысленному или новомодному» надоедала Тиму и раздражала его — он специально культивировал в себе те качества, которые мать считала наследственными особенностями отца Лири.

Насколько он преуспел в этом, можно судить по заметке одного из репортеров бостонского «Глоба», который, излагая много лет спустя историю обучения Тима в старших классах сприн-гфилдской школы, называл его «типажом в стиле Скотта Фицджеральда».

Тим легко общался с людьми, участвовал во множестве школьных комитетов и получил премию как издатель школьной газеты. Он имел прекрасные отметки по английскому языку и истории, чуть хуже успевал по математике и естествознанию. Но наиболее высокой оценки он удостоился у противоположного пола. В выпускном классе школы одноклассницы называли его «самый симпатичный мальчик». «Леди, замрите, не дышите!» — свидетельствует о нем запись в школьном альбоме. На другой странице того же документа есть пожелание самого Лири: «Тим Лири оставляет свои увлечения Бобу Кэлхауну, еще одному блестящему поклоннику белых платьев на этом маленьком балу». Он только в одном отношении отличался от отца: Тим явно предпочитал «самых экстравагантных страстных богачек, каких только можно было найти в городе». И никаких Эбигайль!

Тимоти Лири

Но в реальности это было защитное поведение, самосозидание мальчишки, который, повзрослев, будет вспоминать не свои головокружительные успехи в школе, а огромное чувство одиночества, которое он стремился победить с помощью мечтаний о «доблести, славе, любви научной деятельности». От Малыша Тиму досталось вкрадчивое обаяние, которое обеспечило ему

характеристику «самого симпатичного мальчишка», но от него же он унаследовал и чувство отчужденности, постоянно питавшее детские мечты о героических подвигах. Еще в детстве Лири ощущал себя посторонним: ирландец-католик в школе, полной «истинных американцев» — англосаксов протестантского вероисповедания, художник в окружении спортсменов и бизнесменов, неверующий в мире верующих. Позже это отчуждение переросло в непрерывные конфликты с властью, часто становясь сознательной конфронтацией.

Первый такой конфликт произошел в последние месяцы его учебы в школе. Совершенно беспричинно Лири начал вдруг прогуливать занятия, вынудив директора школы — «мудрого старика из Новой Англии», обладателя белоснежной бороды, достойной члена Верховного суда, — пригрозить ему отчислением. Позже Лири объяснял, что это не произошло лишь потому, что потребовало бы заполнения безумного количества бумаг.

Однако такое поведение стоило ему потери рекомендации в колледж. Из-за «бесконечных развязных шуточек» Тима не приняли ни в одну из престижных школ академического направления. Эбигайль была вынуждена прибегнуть к связям с местным настоятелем, с тем чтобы сына приняли в католический колледж Св. Креста, управляемый иезуитами.

Этот колледж осенью 1938 года представлял собой учебное заведение, мало приспособленное как для социального, так и для интеллектуального продвижения. Если не считать поощрения занятий футболом, в основном список предметов был традиционным — упор делался на изучение греческого языка, латыни, религии. Колледж несколько напоминал монастырь, в котором разрешались занятия спортом. Тим провел в этом чистилище два года, переводя Цицерона и Горация и совершая подпольные вылазки за ограду совместно со своим другом Анджело. По ночам, после вечерней проверки они убегали в местные бары, чтобы попытать счастья с окрестными девушками.

После окончания колледжа в силу романтического заблуждения, которое разделяли многие, в том числе и Аллан Эдгар По, Тим, используя политические связи его семейства, записался в военную академию Вест-Пойнта, где сумел продержаться едва ли год. Его стремление стать воином было подорвано в момент, когда он возвращался в академию вместе с несколькими старшими по званию, которые обвинили его в пьянстве — обвинение неприятное и

наказуемое, но не смертельное. Лири всегда считал, что произошедшее позже было вызвано сочетанием избытка алкогольных паров и тех противоречий, какие всегда возникают, когда в общении участвуют крайне разные люди. Старший по званию проинтерпретировал поведение Лири как попытку солгать, с чем согласился кадетский суд чести. Кадет Лири опозорил свой Корпус, он должен был подать в отставку. Однако кадет Лири считал по-другому и потребовал официального расследования и суда. Это было расценено всеми как плохой поступок, хотя мнения по этому вопросу среди кадетов разделились. С этого момента Лири устроили обструкцию. Он стал никем, несуществующей персоной. В «Первосвященнике» Лири уподобил эту ситуацию сцене в самолете, когда он находится в окружении двух тысяч молодых людей, ни один из которых не решается сесть рядом с ним. Любое обращение к другим, типа «передайте мне соль», ему приходилось писать на бумаге.

Несмотря на то, что официальный суд его оправдал, отношение к Лири не изменилось и так тянулось до августа 1941 года, когда Лири наконец послал командиру заявление. «Я болен и не приспособлен к военной карьере», — было написано в начале. Далее он писал: «я не удовлетворен здешним окружением и чувствую, что было бы лучше и для меня и для правительства, если бы мне разрешили оставить службу и найти другую профессию».

Он уехал на юг и поступил в университет штата Алабама. Именно там Лири начал интенсивно заниматься интеллектуальной деятельностью. Он достиг больших успехов в изучении психологии и несколько меньших в изучении английского языка и истории, но вскоре ему в руки попал «Улисс» Джойса, который буквально ошеломил его. С того дня его голубой мечтой стало написать книгу не менее глубокую и красивую. Однако то, что Тим начал поглощать книги с большей, чем ранее, пользой для себя, не значило, что он полностью отказался от старых привычек. От южных женщин, например. Тим любил их кокетливую сексуальность и был в конце концов пойман, когда проводил ночь в одном из женских общежитий, за чем последовало отчисление из университета. Дальнейшие его приключения на ниве образования могли бы составить занимательный роман в стиле «Тома Джонса» — так продолжалось вплоть до Второй мировой войны, во время которой он работал армейским врачом в больнице ветеранов штата Пенсильвания. Война

обозначила в жизни Лири резкий перелом. Тим всерьез принялся за учебу и в конечном счете получил докторантуру в психологической клинике в Беркли. Он женился, у него родилось двое детей, появился удобный пригородный дом и ранчо в окружающих Беркли холмах. Он получил престижную синекуру в государственной больнице Окленда — должность директора по исследованиям в области клинической психиатрии. Это был образцовый пример карьерного успеха в пятидесятых годах, что придает последовавшим за этим событиям еще более символический смысл. Если Гинсберг и «поколение битников» представляли одну крайность, а официозные чиновники — другую, то Тим был где-то посередке. С одной стороны (как он позже хвастал), в нем было «высокомерное презрение к буржуазному конформизму», а с другой — горячее желание получить все те блага, которые может предоставить этот самый буржуазный конформизм Напряженное взаимодействие двух этих мотивов ярко проявилось в его браке.

Когда позже его друзей просили рассказать о том, какие взаимоотношения были у Тима и Марианны, они ссылались на пьесу Эдуарда Олби «Кто боится Вирджинии Вулф». Как пожилая ученая пара в пьесе Олби, Тим и Марианна были мастерами на колючие шуточки и уничижительную критику. По общему впечатлению, они будто пытались свести друг друга с ума. Но они держались вместе в те годы, когда Лири делал работу, которая создала ему репутацию многообещающего молодого физиолога В мире академической психологии Тим считался экспертом в оценке личности и изменений в ее поведении. Это подразумевало, что к нему обращались, когда надо было интерпретировать диагностические тесты типа TAT и MMPI. В то же время он сумел преодолеть пропасть в одном из действительно ключевых вопросов психологии: изменении поведения. Одной из причин, почему успех психотерапии был весьма низок, было то, что интеллектуальное понимание не вело непосредственно к изменению поведения. То, что пациент понял, в чем состоит его проблема, вовсе не означало, что он изменится; слишком часто пациенты оказывались запертыми в порочный круг отношений и установившиеся рамки поведения, за которые выйти было крайне сложно. Но тем не менее при использовании психотерапии иногда что-то вдруг срабатывало! Попытаться уловить, что именно это было, все равно что ловить солнечный зайчик. «Можно делать записи на магнитофон, использовать кинофильмы,

считать сердечные удары, измерять мускульные сокращения, считать количество минут, затраченных на беседу, задавать вопросы (вопросы типа «истина-ложь», открытые вопросы, вопросы скрытые), получать интерпретации чернильных пятен или прибегать к каким-то другим трюкам, которые всем нам известны», — писал лучший друг Лири, сокурсник по Беркли, Фрэнк Бэррон.

Фрэнк Бэррон и Тим Лири имели много общего — оба ирландцы, оба психологи, они вместе окончили университет в Беркли и каждому из них нравился в другом его темперамент. Тим, с его живым воображением и сильной природной страстью ниспровергателя основ, выдвигал самые немыслимые теории, которые Бэррон спокойно и ловко спускал с небес на землю. Если Тим, с его любовью к Джойсу, воплощал в себе творческий порыв, то Бэррон был склонен к спокойному анализу, усовершенствованию и последующему применению теорий.

Так что они прекрасно подходили друг другу. Когда они взялись за исследование положения в клинике Кайзера, то получили непредвиденные результаты. Клиника Кайзера была переполнена, некоторые пациенты месяцами ожидали госпитализации. В душе каждого представителя науки-Золушки был запечатлен лозунг — чем больше людей успешно пройдет психотерапию, тем лучше станет жить в этом мире. Конечно, примерно те же убеждения разделяли Лири и Бэррон, хотя, возможно, они относились к этому с чуть меньшим энтузиазмом, чем большинство их коллег.

Когда выяснилось, что в клинике Кайзера существует список людей, ожидающих курса психотерапии, они решили провести маленький эксперимент: сравнить тех пациентов, что признают наличие у них проблем и еще только ожидают психотерапевтического лечения, с теми, что уже прошли курс психотерапии, — чтобы получить выраженное в цифрах подтверждение пользы от помощи профессиональных психологов. По крайней мере, они рассчитывали именно на это.

Сказать, что результаты привели их в ужас, будет, пожалуй, слишком сильно, но, безусловно, они их удивили, обеспокоили, заинтересовали и озаботили — все вместе. Потому что оказалось, что между двумя группами испытуемых нет никаких различий: «Те, что прошли терапию, не испытали улучшения более сильного, чем те, что не успели пройти курс», сообщали они о результатах эксперимента в «Журнале консультирующего психолога». В обеих группах треть

пациентов не испытала никаких изменений, треть почувствовала себя хуже и треть стала чувствовать себя лучше.

Что касается этой последней группы, то выяснилось, что с пациентами кое-что произошло — все они испытали некий неуловимый животворящий толчок, который «столь же мало поддается описанию, как и любовь или счастье, и столь же важен, как момент благодати или момент сотворения мира», — писал Бэррон.

Исследование, проведенное Лири в клинике Кайзера, было замечено в профессиональных кругах, так же как и его следующая книга «Межличностная диагностика личности», которую «Ежегодный обзор психологии» хвалил как «самую важную книгу по психотерапии в этом году». Казалось, Лири прочно утвердился на профессиональной почве. Так оно и было бы, если бы не неожиданное самоубийство его жены Марианны, которая покончила с собой утром в день тридцатипятилетия Лири в их гараже в Беркли.

«Невзирая на то, что это самоубийство было совершено в припадке злобной мстительности, Лири был абсолютно раздавлен; он полностью поседел за четыре месяца», — вспоминал Бэррон.

Кроме того, смерть Марианны имела и другие последствия. Она внезапно освободила Лири, подобно тому, как Малыша освободила смерть Старика. Он мог делать теперь все, что хочется, а он давно рвался в Европу, собирался жить на случайные заработки и работать над своей книгой. Через несколько месяцев после смерти Марианны Лири уволился из клиники Кайзера и в сопровождении двоих детей и чемодана записок отплыл в Испанию. Записки содержали «тысячу тестов и нумерованных списков, которые с определенностью свидетельствовали о том, что психотерапия не помогает» и должны были лечь в основу его следующей книги, где он хотел развить теорию о витализирующем контакте-транзакции, которая должна была бы (если бы он только смог остановить на миг и описать мимолетные прекрасные видения, что клубились в его голове) стать столь же знаменитым трудом по психологии для второй половины двадцатого века, каким было «Толкование сновидений» Фрейда для первой.

Но книга не шла. Лири переезжал с места на место, читал случайные лекции в Испании и Дании, а потом обосновался во Флоренции, где Бэррон и нашел его весной 1958 года. Бэррон взял с собой бутылку виски «Джеймсон», чтобы отпраздновать воссоединение. По мере того как виски убывало, двое друзей все

живее обменивались новостями.

Бэррон приехал в Европу по делу, он только что прилетел из Ирландии, где брал интервью у писателя Шона О'Фаолейна.[79] Перед этим он провел несколько дней в Гарварде на семинаре, посвященном творчеству в научной деятельности, и там, как раз перед тем как улететь из Сан-Франциско, попробовал некие нар — котические грибы… теонанакатль… Psilocybe mexicana… Может быть, Тим припоминает, что читал о них в «Лайф»? То, что эти маленькие грибы смогли вызвать сильные видения у нью-йоркского банкира, очень заинтересовало Бэррона, и он, как только у него будет отпускное время и деньги, собирался повторить путешествие Уоссона. Но прямо перед отъездом он узнал о двух ученых из государственного университета в Мехико, которые получили большую поставку грибов и желали разделить их с таким же, как они, исследователем. Лири был несколько скептически настроен и не разделял энтузиазм Бэррона. Отчасти это объяснялось тем, что он не видел, какая польза может быть от природного галлюциногена для решения действительно неотложных проблем психологии, а отчасти потому, что он был занят своими собственными столь же неотложными проблемами (преимущественно связанными с недостатком наличных денег).

Вот почему он навострил уши, когда Бэррон упомянул, что перед отъездом он зашел к своему другу Дэвиду Макклелланду, директору Гарвардской клиники, и тот сообщил ему, что будет в конце месяца во Флоренции. Бэррон советовал Лири позвонить Макклелланду, что Тим и сделал, приехав к тому на велосипеде своей дочери и сжимая подмышкой портфель с рукописями. Назад он возвращался с должностью лектора в Гарварде и перспективами на будущее. Если бы Лири был обречен на роль нищенствующего ученого в средние века, то это было бы похоже на внезапно предложенную синекуру в Риме, поскольку Гарвард был в то время столицей академической психологии.

«Я шествовал по площади Гарварда и чувствовал веяние величия. Высокие вязы, странно-приятное соединение архитектурных стилей, «истинные» ученые, идущие по пересекающимся крест-накрест

---

79 О'Фаолейн, Шон (настоящее имя — Джон Уэлан) (1900–1991) — ирландский писатель, автор популярных коротких рассказов

дорожкам под деревьями. Это были Афины, и я шел по Агоре!»

Так Джером Брюнер, приехавший изучать психологию, описывал свои первые впечатления от Гарварда в 1938 году. Двадцатью одним годом позже, когда там появился Лири, очарование Гарварда было все столь же сильным, только теперь аналогию следовало проводить с Римом, а не с Афинами. Гарвард был колыбелью либеральной технократии, местом, где учтивые уверенные в себе молодые люди превращались в управляющих и менеджеров, в которых нуждался наступающий «американский век». Гарвард обладал почти сексуальной притягательностью и мощью, «качествами, которые были воплощены в одном из его наиболее знаменитых учеников — младшем сенаторе из штата Массачусетс, Джоне Ф. Кеннеди», — который баллотировался в президенты и был избран в 1960 году. Для человека, с презрением относившегося к буржуазным основам современного общества, оказаться в Гарварде, этой Валгалле функционеров, было некоторой иронией судьбы.

Справедливости ради следует отметить, что Лири нравилась атмосфера повышенной интеллектуальной напряженности: здесь каждый, к кому ни обратись, был способен дать молниеносный ответ, здесь было с кем поспорить. Наносить удары и парировать их в академических спорах доставляло ему истинное удовольствие, но одновременно его раздражал местный снобизм, глупая уверенность в том, что все, что исходит из Гарварда, является единственно верным. Гарвард видел в Лири чужака, а тот с удовольствием пускал шпильки по поводу напыщенности своих коллег. Это было как раз то, в чем был заинтересован Макклелланд. Одной из причин, по которой он нанял Тима, кроме очевидного удовольствия от возможности спасти блестящую карьеру, была его вера в то, что Лири сумеет навести порядок в Центре исследования индивидуальности, который размещался в небольшом здании по Дивинити-авеню, 5. Центр был детищем Гарри Мюррея, одного из патриархов исследований по тестированию личности. К тому времени, когда Тим прибыл, Мюррей уже находился в полуотставке, и ежедневные хозяйственные работы перешли к Макклелланду, который символически этому соответствовал в том смысле, что, если Мюррей представлял поколение физиологов, создавших личностные тесты, то Макклелланд представлял поколение, которое училось тому, как их использовать. Цитируя восхищенное интервью в «Психологии сегодня», когда речь заходила об описании тонких структур

подсознательного, Маккелланд был «первым человеком, который умел это делать хорошо». Сначала вы создаете средство исследования, затем вы изучаете его и затем используете. Вот где нужен был Лири с его разговорами об экзистенциальной транзактной матрице…

> *Экзистенциальной — означает, что вы изучаете естественные события, поскольку они разворачиваются без того, чтобы предрешить их вашими собственными концепциями. Транзактной — означает, что вы рассматриваете научный эксперимент как включенный в более широкую социальную структуру в которой экспериментатор является одной из ее составных частей. Психолог не стоит вне события, но сознает свое участие в нем и сотрудничает с пациентом в выработке взаимно удовлетворяющей стратегии.*

Оглядываясь назад, ясно понимаешь, что транзактная психология была одной из набегающих волн в поступательном развитии того, что станет гуманистической психологией, так называемой «Третьей силой», которая отличалась как от бихевиоризма («Первой силы»), так и от психоанализа («Второй»).

В отличие от своих предшественников гуманистическая психология вовсе не была монолитной философией души. Скорее ее можно охарактеризовать как группу терапевтических техник, объединенных общими задачами. Пришло время выяснить, что делает людей здоровыми, а не то, что приводит их к болезни. Пришло время осознать, что лечить тело также важно, как лечить разум. Пришло время признать, что витализирующая транзакция действительно имеет место. (Маслоу, один из патриархов «Третьей силы», опубликовал свои первые работы еще в 1956 году.) В мире хватало места для любой лечебной техники, и придерживаться только одной конкретной методики было бы просто признаком научной незрелости.

Но если экзистенциальная транзактная психология, которую поддерживал Лири, была частью этого движения, у нее были и свои собственные уникальные особенности. Самым важным было отношение ко всем социальным ролям и поведению в обществе как к ряду тщательно разработанных игр, каждая из которых со своими

собственными правилами, обычаями, стратегиями и наградами. Например, Лири играл в профессорские игры, разновидность игр «академической среды». В этой игре было принято определенным образом одеваться, в случае Лири — у «Джи Пресс» или «Брукс бразерс». Однако эта одежда отличалась от той, которая принята в игре банкиров. Например, для профессорской игры было нормальным ходить в теннисных туфлях и красных носках (как Лири и делал). Но нужно было следовать и другим ритуалам — публиковаться, писать статьи, присутствовать на конференциях, получать гранты и.т.д.

Молодым это нравилось. Гарри Мюррею Тим напоминал Крысолова: «Когда он говорил, на него смотрели с восхищенным вниманием». Но самое сильное воздействие Тим оказал на своих младших коллег, молодых преподавателей и кандидатов в доктора. Они благоговели перед ним. Он был в их глазах ветераном. Но не из тех академиков, что, сражаясь с психическими болезнями, не подозревают о реальностях «окопной жизни». Они благоговели перед его профессиональной известностью и тем фактом, что он не обращал на это внимания и даже посмеивался над этим. Лири источал атмосферу доверия. Его ничто не расстраивало. И он мог говорить весело о самых ужасных вещах, — например, входя небрежной вальсирующей походкой к вам в кабинет, рассказывать о том, как ни один банк в Европе не выдавал денег по его чекам.

Может быть, дело было в его голосе? Арт Клепс говорил, что если даже Тим будет просто читать вслух алфавит, то присутствующие начнут улыбаться, внимательно слушать и в конце концов, возможно, уловят самое разное символическое значение в последовательности произносимых им звуков. У него была «замечательная способность очаровывать окружающих. Он словно излучал тепло. Рядом с ним люди чувствовали себя спокойно», — писал Дэйв Макклелланд. «Когда я был с ним рядом, все казалось возможным», — вспоминал Ричард Альперт. Альперт был на десять лет моложе Лири, но гораздо дальше продвинулся в гарвардских играх — у него была хорошая должность и просторный кабинет. У Тима же не было даже приличного кабинета. Он, словно бедный родственник, ютился в переделанном чулане. Но это его абсолютно не заботило. Пусть у других кабинеты лучше, зато он приятнее проводит время. И было еще кое-что, что заставляло благоговеть его младших коллег: Тим притягивал к себе женщин как магнит.

Майкл Кан, молодой преподаватель, бывший военный летчик,

участвовавший во Второй мировой войне, хорошо описывает впечатление, которое Тим производил на молодое поколение. «Когда Тимоти приехал, я понял, что никогда не встречал подобного человека. За время войны у некоторых развилось инстинктивное ощущение: есть люди, с которыми можно лететь, есть и другие, с которыми лететь нельзя. Все это понимали, но никто не мог точно описать. Просто одних ребят ты взял бы в свой экипаж, других нет. Никто не знал, откуда берется это чувство, но о его существовании знали все. Это зависело, с одной стороны, от мастерства и компетенции, с другой — от того, насколько ты доверяешь человеку и можешь на него положиться. Такая вот странная смесь. «Я бы с ним не полетел», — говорили одни ребята о других. Полностью я никогда до конца этого не понимал. Но когда я встретил Тимоти, я понял, что полетел бы с ним».

Лири также поражал своим презрением к мещанству. В принципе, для Гарварда это было нормой, но насмешки Лири были гораздо серьезнее, чем просто обычные колкости о глуповатых обывателях. Тим действительно ненавидел безликих, подчиняющихся правилам функционеров. Чарлз Слэк, преподававший в Гарварде психологию и бывший частым собутыльником Лири, говорил, что одним из главных стремлений Лири было «вырваться из рамок буржуазной морали… вся его карьера была попыткой уйти от общепринятых ценностей, отношений, людей, событий и всего, что связано со средним классом». Слэк вспоминал, как Лири проповедовал ему о необходимости создания разнородного общества. «Создав его, — объяснял Лири, — ты совершишь новую революцию… Если ты только сможешь найти хороший предлог, чтобы свести воедино группы или отдельных людей из разных слоев и избавить их от привычных предрассудков, тогда ты сможешь вылечить большую часть психологических заболеваний нашей больной, связанной по рукам и ногам классовыми предрассудками культуры».

Весной 1960 года у Слэка кончился преподавательский контракт. Незадолго до отъезда он наконец понял, что имел в виду Лири, когда говорил о себе как о человеке, презирающем буржуазную мораль. Они сидели и обсуждали свойственный большинству психологов условный рефлекс навешивать ярлык психопата на «каждого бедного беспризорника, стянувшего какую-нибудь мелочь». Наконец, Слэк

предложил создать «клуб психопатов». Лири заинтересованно посмотрел на него и сказал: «Понимаешь, я действительно психопат». «Понимаю, — ответил Слэк, — но я тоже». «Ты вообще не моего поля ягода», — сказал Лири. В качестве доказательства он предложил простой тест: много ли раз Слэк нарушал моральные заповеди АПА? Слэк не смог припомнить ни единого. «Ладно, а ты?» — спросил он Лири.

«Да наверное, все, разве что кроме тех пунктов, что касаются денег».

Слэк мысленно вспомнил кодекс ассоциации и, выбрав худшее — то, на что действительно мог решиться, по его мнению, только настоящий сумасшедший, — спросил: «И ты занимался сексом со своими пациентами?»

Лири застенчиво взглянул на него: «Да, немного».

Слэк покидал Гарвард с мыслью, что Лири, пожалуй, единственный настоящий радикал из всех, кого он встречал в жизни. В чем-то Лири, может, и был с сумасшедшинкой, но под обычные определения он не подходил. Он нарушал правила не от безысходности и не из-за того, что не мог себя контролировать. Просто он испытывал своего рода «общественно-научное любопытство: а что случится, если нарушить эти табу?» Во время последней их встречи Лири рассказывал о своих планах на лето. Он собирался в Мексику. Там он наконец закончит эту проклятую книгу.

Впоследствии он рассказывал, что из этого вышло. Как он очутился в прошлом за миллионы лет до того, как возникли первые клетки. И как он возвращался в настоящее, проходя все стадии жизни — от древних рыб до амфибий, от амфибий к сухопутным животным, и в конце — прошел путь от первобытного человека до сообразительнейшей из сообразительных обезьян — гарвардского профессора.

Все игры и стратегии, сковывающие его всю жизнь, бесследно исчезли. Он смотрел на себя самого, безмерно скучающего, развратного, пьянствующего притворщика, — с холодной объективностью… ну, скажем, Бога. Словно разглядывал в лупу муравья. «Здорово! Я узнал за шесть часов больше, чем за последние шестнадцать лет! — восхищенно рассказывал он писателю Артуру Кестлеру. — Изменяется визуальное восприятие. Исчезают все механизмы восприятия, отвечающие за то, как мы видим реальность. Изменяется сознание. Исчезают все умственные механизмы,

разбивающие мир на мелкие кусочки, состоящие из абстракций и понятий. Изменяются эмоции. Исчезают механизмы, заставляющие нас жить в плену собственных амбиций и глупых желаний»

Исчезла также, мог бы он добавить, скука, от которой он страдал всю жизнь. Ее место заняло страстное желание «вернуться назад и сказать всем:

> *«Внимание! Пробудись! Ты есть Бог! В тебе самом присутствует божественное сознание, записанное на клеточном уровне Прислушайся! Прими это таинство! И ты узришь! И испытаешь откровение! Это изменит всю твою жизнь! Ты заново родишься!»*

Так Лири описывал это ощущение в «Первосвященнике», хотя тогда он не мог понять, можно ли отнести это состояние к религиозному или мистическому опыту.

Лири поделился своими открытиями с Макклелландом, который жил всего в нескольких милях от Лири, в Тептотцлане, заканчивая этим летом «Общественные достижения», аналитический труд, в котором рассматривалось, почему одни цивилизации процветали, а другие приходили в упадок. Он также занимался экспериментальными исследованиями в области изменения мотиваций, что являлось неким странным синтезом между бизнесом и психологией. В энергичных университетских кругах вроде гарвардских считали, что это может оказаться перспективным направлением.

Так что восторженные разговоры Лири об ацтекских наркотиках удивили его. Лири настаивал, чтобы Макклелланд заехал в Куэрнаваку и сам попробовал грибы. И Макклелланд поехал, хотя все еще колебался, стоит ли решаться на эксперимент Но когда они вернулись, обнаружилось, что горничная-мексиканка выбросила их запасы грибов.

Как в случае с Уильямом Джеймсом и пейотлем, Макклелланд решил принять слова Тима на веру и дал молчаливое согласие на продолжение исследований.

Лири заторопился обратно в Гарвард, заехав по пути в Оринду, пригород Сан-Франциско, чтобы свериться с записями Фрэнка Бэррона. Бэррон уехал из Куэрнаваки за несколько дней до того, как Браун посетил курандеру. И теперь они оба, попробовав грибов,

могли обменяться впечатлениями. Тим настаивал на том, что это очень важно, что грибы можно использовать для лечения людей. В психологии существует предположение, что истинное озарение должно вести к реальным изменениям. Почему бы не проверить это? «А почему бы не дать попробовать грибы писателям и художникам, — предложил Бэррон. — Представь, как это озарение повлияет на их творчество!» По случайному совпадению Макклелланд давно уже приглашал Бэррона провести год в гарвардской клинике. Почему бы ему не принять приглашение сейчас, в этом году?

Так все и началось. Единственной реальной проблемой было отыскать источник поставки грибов. Летать в Мексику и обыскивать захолустья в поисках курандер каждый раз, когда грибы заканчивались, было бы в высшей мере непрактично. Тогда кто-то вспомнил, что «Сандоз» занимается продажей психоактивного элемента «Psilocybe mexicana» под торговым именем псило-цибин. Был сделан заказ и накануне дня Благодарения 1960 года на Дивинити-авеню, 5, прибыл невзрачный контейнер. Внутри находилось несколько коричневых флаконов, наполненных розовыми пилюлями.

Лири и Бэррон отвезли контейнер в Ньютон, где снимали дом. «Следующие шесть недель мы чувствовали себя полностью отрезанными от мира», — писал Лири.

> *В западной литературе не было почти никаких руководств, планов или учебников, в которых признавалось бы существование измененных состояний сознания. Нас не связывали традиции, ритуалы или наследие предшественников. Согласно нашей экзистенциально-транзактной теории, мы стремились избегать стерильной обстановки лабораторий или болезненной больничной атмосферы. Мы проводили опыты дома, перед уютными каминами, со свечами вместо электрических ламп, под звуки навевающей приятные воспоминания музыкой.*

Словно дикие гуси из ирландской легенды, они вырвались на свободу и устремились в дальние страны.

Глава 12.ГАРВАРДСКАЯ ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИЛОЦИБИНА

Внутри небольшого здания на Дивинити-авеню, 5, разворачивалось действо, напоминающее сюжет фантастической повести. Сюжет был примерно таков: добросовестные солидные ученые начинают интересную исследовательскую программу, имеющую отношение к естественным наркотическим средствам. Когда они приходят в себя, то лепечут что-то относительно любви и экстаза и настаивают на том, что вы ничего не поймете, пока сами не побываете за Дверью, пока не окажетесь там, в Ином Мире. Все это сильно смахивало на «Вторжение похитителей тел», культовый фильм пятидесятых годов, в том смысле, что каждый день на пороге офиса Лири толпилось все большее количество студентов, аспирантов, младших научных сотрудников, и все с горящими от возбуждения глазами громко обсуждали смерть разума, рождение неподвластной цензуре коры головного мозга… И все это выглядело поначалу совершенно безобидно — очень похоже на начало множества других научных проектов.

Лето всегда было тем временем, когда головы профессуры подзаряжались новыми идеями. Они возвращались к началу семестра полные честолюбивых планов, идей изысканных небольших экспериментов, пришедших им в голову во время летнего отдыха, пока они лениво покачивались в гамаке. Так что энтузиазм Тима был понятен. Всем было известно, что он занимался мексиканскими грибами. Они не могли не знать, что речь идет о каких-то открытиях (многие сравнивали это с изобретением Галилеем телескопа, а некоторые даже с укрощением огня). На это намекали новообращенные, выходившие из закрытых помещений на Дивинити-авеню, 5, однако большинству это было не слишком интересно. Было ясно, что Тиму удалось ухватить что-то крупное, но при чем здесь мексиканские грибы? Это звучало ближе к антропологическим исследованиям, чем к психологии. И все же было интересно понаблюдать, сможет ли Лири чего-нибудь добиться в этом направлении. Это покажет, заслуживает ли он своей репутации как ученый. Сами они, однако, не рвались участвовать в экспериментах. Из старшего преподавательского состава лишь семидесятилетний Гарри Мюррей согласился попробовать псилоцибин, остальные от

опыта отказались, и даже рассказ Мюррея о том, как он оказался в Египте времен фараонов и стоял перед недавно выстроенной пирамидой с золотым фонтаном, бившим на огромную высоту, не смог убедить их поучаствовать в проекте.

Ральф Мецнер

Лири всегда говорил о том, какую большую роль играет максима «подчиняйся правилам, а не то…», которая сдерживала развитие психологических исследований в пятидесятые годы. Однако он сам не осознавал, до какой степени его коллеги погрязли в рутине, пока не предложил им попробовать псилоцибин и они не отказались от эксперимента. Боже, речь шла о психологах, у которых начисто отсутствовала любознательность! Им не хотелось знать ничего о собственном бессознательном! А если кто-то решался с восхищением отозваться о подобных опытах, они выслушивали его с презрением взрослого, который имеет дело с малым ребенком, верящим в детские сказки.

В автобиографии Нильса Бора, занимавшегося квантовой физикой, можно найти ремарки, которые проливают некоторый свет на провал попыток Лири найти поддержку на всем факультете среди ученых-психологов старшего поколения. «Новые идеи в науке побеждают не в результате того, что вы убеждаете своих оппонентов и заставляете их увидеть свет истины, — пишет великий физик. — Это происходит чаще в результате того, что ваши оппоненты со временем умирают и на смену им подрастает новое поколение, которое уже сроднилось с новыми идеями».

Большего успеха Лири смог добиться среди младших коллег, таких, как Майкл Кан, а также среди кандидатов наук — и тех, кто уже имел опыт в клинической личностной психологии, и тех, кто еще находился в поиске, пытаясь найти свой путь. К первым относился Джордж Литвин. У них с Тимом сложились чрезвычайно теплые дружеские отношения еще до летних каникул — настолько дружелюбные, что предыдущей весной, когда Литвин экспериментировал с мескалином, Тим оказался одним из немногих коллег, с кем он поделился результатами опыта и в ответ выслушал лекцию о «химическом вмешательстве». Так что Литвин был слегка удивлен, когда в сентябре посетил Тима и нашел его в полном ажиотаже по поводу «грибного» проекта.

Литвин немедленно включился в проект. Он понесся в свой кабинет и принес фотокопии двух книг — «Дверей восприятия» и «Рая и ада» Хаксли. «Это нужно прочесть», — сообщил он Тиму.

Кроме того, в проекте участвовали и неопытные новички, например, Гюнтер Вайл. Вайл только что вернулся из Европы, где он пробыл какое-то время как стипендиат Фулбрайта. Он отправился к Лири на Дивинити-авеню, 5: «Тим ютился в перестроенном подсобном помещении, откуда он не вылезал даже на обед. Это его не волновало. Он встретил меня широко улыбаясь, начал радостно трясти мою руку, он был весь поглощен своим проектом, жутко увлеченный, очень живой, очень веселый. Он пригласил меня поучаствовать в проекте. Я согласился».

Это было все равно, что наблюдать опытного продавца за работой. Тим играючи собрал вокруг себя группу аспирантов, горящих энтузиазмом, что не могло вызвать особенной радости у старшего преподавательского состава. Существовало неписаное правило, по которому каждый преподаватель брал себе обычно пару аспирантов в качестве вспомогательной рабочей силы, и тот, кто брал большее число, оказывался как бы моральным должником в отношении других старших преподавателей. Жизнерадостно приветствуя всех, кто желал принять участие в его экспериментах с псилоцибином, Тим нарушал это неписаное правило. Бэррон, который был гораздо опытнее в том, что касалось норм академического поведения, пытался уговорить Тима уменьшить состав группы, так как тем самым он вызывает ненужную и опасную зависть у других преподавателей их факультета. Однако Тим не мог ничего поделать с собой: эти наркотические вещества были прорывом в будущее — как он мог отказать людям, которые собирались создавать это будущее?

В период наиболее интенсивной работы над проектом в нем принимало участие более двух десятков человек, в основном аспиранты и младшие научные сотрудники, но были и люди со стороны, творческие личности, такие, как поэт Чарлз Ольсон, который увлекался креативными экспериментами Бэррона. Раз или два в неделю все они собирались в старом здании колониального стиля, которое Лири и Бэррон сняли в Ньютоне у одного профессора Массачусетского технологического института, находившегося в отпуске.

Перед тем как принять наркотик, участники заполняли ряд

типовых анкет, содержащих такие темы, как, например, их страхи и ожидания в связи с экспериментом, плюс любые другие сведения, какие они считали нужным добавить (так, например, Гюнтер написал, что он «накануне сильно поссорился»).

Затем они глотали пилюли и ждали, когда откроется Дверь, в которую они смогут пройти. В первых опытах моменту прохождения в Иной Мир всегда предшествовало переживание панического страха, но со временем этот переход стал для них почти обычным.

«Здесь нет ничего такого, от чего могло бы замирать сердце, — внушал Тим. — Вы путешествуете (как португальские моряки-первооткрыватели или астронавты) за привычные границы. Но будьте уверены — это старые границы человечества». «Там не было никаких сбоев, никаких неудачных путешествий в те дни, — вспоминал позже Майкл Кан. — Мы просто и не знали, что такое неудачное путешествие. У нас была сотня путешествий с псилоцибином, и я не видел ни одного неудачного. Это был безопасный и в то же время изменяющий жизнь опыт, поскольку нас вдохновляло присутствие Тима».

В их первом эксперименте — исследовании, похожем на то, что Оскар Дженигер проводил с ЛСД, — они дали псилоцибин 175 разным людям: писателям, домохозяйкам, музыкантам, психологам, аспирантам. Большая часть людей, участвовавших в экспериментах, были молодые мужчины, их средний возраст — 29 с половиной лет. Более половины участников утверждали, что они узнали много нового о самих себе и примерно столько же — что псилоцибин изменил их жизнь к лучшему. Около 90 процентов желали вновь повторить эксперимент. Лири интерпретировал эти результаты как экспериментальное доказательство того, что, по крайней мере, в половине случаев ему удалось добиться положительного витализирующего результата опыта. Это был поразительный результат для такого предварительного исследования. Каждый раз, когда они участвовали в экспериментах, они узнавали понемногу что-то новое о группе, окружающих и о псилоцибине.

Однако, если псилоцибин и являлся многообещающим в практическом смысле, это нисколько не уменьшало волшебства, которое буквально вдохнуло новую жизнь в участников экспериментов.

«Я посмотрела в зеркало и обрадовалась, увидев, как моя кожа рассыпается на мельчайшие части и рассеивается, — писала одна

девушка-аспирантка в последующем отчете. — Я чувствовала, как будто раскололась внешняя оболочка и моя «сущность» освободилась, чтобы объединиться с «сущностью» всего, что меня окружало…» И пока эти сущности объединялись, она «плыла сквозь божественное пространство ошеломительной красоты, полное зрительных образов и музыки».

Другой аспирант, принявший большую дозу, рассказывал о том, что он потерял свой разум и что это вовсе не было неприятным испытанием. Он ощутил «космическое одиночество» и пришел к выводу, что единственное разумное в этом мире — это любовь… любовь и вера в любовь могут уберечь нас от «космического одиночества».

Для Лири, когда он читал короткие истории, подобные приведенным выше, важными становились слова «сущность», «освобожденный», «прекрасные небеса», «космическое», «любовь». Однако другим людям, тем, кто не был вовлечен в проект, бросались в глаза совсем другие строки — в первом случае для них речь шла о вполне уравновешенной девушке, которая вдруг «дезинтегрировалась», а во втором — совершенно нормальный юноша вдруг «потерял разум»! Эти словосочетания ассоциировались у них прежде всего с провалом, неудачей, потерей душевного здоровья. Неужели Тим? Нет, невозможно!

Но почему тогда столько горящих глаз, громких голосов, и почему все эти участники проекта с псилоцибином держатся группкой, едва умещаясь в смешном офисе Лири, либо занимают плотной толпой угол кафетерия на факультете социальных отношений?

Конечно же сами члены проекта исследования псилоцибина не видели ничего плохого в том, что они всегда держатся вместе. «Прием наркотика это опыт, настолько ошеломляющий, выходящий за рамки обыденного, что мы вскоре осознали, что тех, кто пережил это, объединяет нечто общее. Мы хотели проводить время вместе, находиться рядом друг с другом», — так объяснял один из них позже. Однако такое поведение воспринималось на факультете как выходящее за рамки нормального: независимо от того, что там делал Лири, его исследования псилоцибина, казалось, приводили к нарциссической самоизоляии с тенденцией" к мании величия.

Каждый испытывал в этой связи либо восхищение, либо отвращение. Ральф Мецнер, кандидат наук по общественным

отношениям, был восхищен. Мецнер был в аспирантуре Оксфорда второй год, когда Лири вернулся из Италии. В отличие от многих других на него не производили впечатление рассказы Тима о существующих теориях перехода; Лири, с его отрешенным и независимым странным видом, ходящий в теннисных туфлях, казался Мецнеру просто еще одним «рассеянным профессором».

Однако, когда Лири вернулся из Мексики, в нем не было никакой оторванности и рассеянности. Лири вернулся, одержимый идеей, но это не было одержимостью ученого, жаждущего застолбить свое направление исследований. Он предлагал попробовать псилоцибин всем желающим и одновременно начал строить свою модель, которая могла бы объяснить производимый им эффект. Но, пожалуй, еще более показательным было то, что и заинтриговало Мецнера, — насколько изменились участвующие в экспериментах аспиранты. Внезапно все они стали говорить о любви и участии, экстазе и удовольствии от жизни — темы, «крайне необычные и чуждые циничной атмосфере Центра исследования индивидуальности».

Мецнер был восхищен. Но он испытывал отвращение к наркотикам. Потому он сделал то, что характерно для ученого: он просмотрел литературу и обнаружил, к своему немалому удивлению, что, по-видимому, никакого физиологического вреда или привыкания при использовании галлюциногена не возникает. Тогда он разыскал Тима и предложил свое сотрудничество. И почти что получил отказ. Лири считал Мецнера «слишком академичным, слишком изысканным англичанином, слишком человеком, живущим в башне из слоновой кости». Но в конце концов он смягчился, может быть, ему пришло в голову, что было бы неплохо испробовать, как подействует псилоцибин на знаменитую английскую сдержанность. Мецнер оказался истинным англичанином.

Внешнему миру алхимики представлялись нелепыми химиками, стремящимися получить золото из других металлов, но это были лишь басни для непосвященных. На самом деле алхимики искали способы изменить обыденное сознание, а под золотом подразумевался золотистый свет космического сознания. Это был обычный метод традиционных мистических культов — представать в виде двуликого Януса, одно лицо для публики и другое для посвященных. То же самое можно было сказать о псилоци-биновой исследовательской программе в Гарварде. Когда Ральф Мецнер присоединился к ней весной 1961 года, он обнаружил, что она

выглядела как научное исследование только для публики — на самом деле к науке это никакого отношения не имело. Заглянувшим за фасад было трудно понять, чего добивается Лири — то ли научного эксперимента, то ли начала культурной революции. К этому добавились в тот период «громогласные споры между Лири и Бэрроном по поводу методов проведения экспериментов».

Чтобы понять причины их разногласий, следует вернуться немного назад, к первым неделям после Куэрнаваки, когда псилоцибиновый проект еще находился в зачаточной стадии. Некоторые многозначительные и судьбоносные встречи произошли в течение этих первых недель. Первым таким событием, как впоследствии выяснилось, была, вероятно, встреча Лири с Литвином, когда Литвин помчался за своими копиями психоделических эссе Хаксли. Чувство узнавания, когда Тим углубился в чтение, было чрезвычайно глубоким: он имел дело с человеком, который не понаслышке знал, что такое путешествие в Иной Мир. А позже, во время вечеринки, кто-то упомянул, что Хаксли будет вести семестр в Массачусетском технологическом в качестве «профессора, приглашенного в связи со столетним юбилеем гуманитарного факультета». Это звучало очень внушительно и не менее внушительным был предполагаемый гонорар — девять тысяч долларов за девять недель работы. Лири сел и написал Хаксли письмо, где рассказывал о своих экспериментах с грибами в Мексике и о своем проекте, который он задумал для изучения терапевтических эффектов.

Он был вознагражден почти сразу же эмоциональным телефонным звонком и приглашением на ланч.

Осенью 1960 года Олдоса Хаксли наполняли противоречивые чувства. На его лекции ходили толпы… и не только студентов. Публика, спешащая на его выступления, в один из вечеров привела к образованию дорожной пробки, какие обычно возникали во время спортивных соревнований Гарварда и Йеля. Хастон Смит, преподававший религию в Массачусетском технологическом, считал, что то время можно было назвать пиком общественного признания заслуг Хаксли как философа.

Хаксли смотрел на все это с меньшим энтузиазмом. На протяжении двадцати пяти лет, еще с тех пор, как он присоединился к Джеральду Хёду в поддержку «Союза мира» Дика Шеппертона, он понемногу избавился от своего отвращения к публичным выступлениям; за последние двадцать лет он успел обратиться ко

всем и к каждому — от членов «Ротари-клуба» до ядерных физиков, и к моменту лекций в Массачусетском технологическом находился на вершине своей ораторской формы. И тут он вдруг обнаружил, что ему нечего сказать. «Я слегка растерялся, — признался он Хастону Смиту, — я занимался гуманитарными проблемами всю жизнь, вдруг выяснил в конце концов, что мне нечего дать людям, за исключением совета "Попытайтесь быть немного добрее"».

Это было нечто вроде смирения, которого легко можно было ожидать от человека, недавно узнавшего, что у него рак горла.

Айахуаска, она же яхе, в природных условиях

Проблемы со здоровьем, связанные с телесной хрупкостью, преследовали Хаксли всю жизнь, и письма его полны шуток по поводу его ипохондрии, его слепоты и легкой утомляемости. Однако Мария умерла от рака, и Хаксли был хорошо знаком с этой болезнью — возможно, поэтому он не сказал о своем диагнозе никому, кроме Хамфри Осмонда, который дал слово молчать.

С головой погруженный в мысли о смерти, Хаксли удвоил усилия по написанию утопического романа, который получил рабочее название «Остров».

Каждое утро он начинал с мучений по поводу того, как возможно изобразить психоделическую реальность, не утомив при этом читателя. «Возможно, этот труд относится к числу тех, что не могут быть успешно завершены, — признавался он своему сыну. — Если быть точным, это ни разу не удавалось никому в прошлом. Потому что большинство утопических романов чрезвычайно дидактичны и полны длинных разъяснений. Я пытаюсь прояснить смысл разъяснений, вводя их в форме диалогов, настолько живо, насколько это возможно. Но я все время ловлю себя на чувстве, что если бы у меня был настоящий талант, я мог бы придать этому материалу более драматическую или поэтическую форму»

Он так и не добился в этом успеха. Несмотря на самые лучшие намерения Хаксли, «Остров» стал антологией выводов автора, слегка прикрытых фантастическим сюжетом. Книга посвящена темам, что волновали Хаксли на протяжении всей его жизни: образование, психология, метафизика, место искусства и творчества в человеческой жизни и роль психоделиков, которые могут помочь вскрыть реальный потенциал сознания. Последняя тема раскрывается

в сюжетной форме: он изобретает новый вид наркотика, который называет «мокша» — «пробуждающие к реальности таблетки истины и красоты». Островитяне в его утопии применяют мокшу в тщательно подобранных дозах в системе психоделического образования. Дети принимают средство раз в году, начиная с ранней юности и затем на протяжении всей жизни. Употребление таблеток ведет к огромному шоку, который испытывает каждый, очутившись впервые в Ином Мире. «На некоторое время благодаря лечебному воздействию мокши вы узнаете, кем вы являетесь на самом деле, — так говорит д-р Роберте паланезийским школьникам, которым впервые предстоит принять дозу мокши. — Это путешествие в бесконечное блаженство!»

> *Однако, как и все на свете оно в какой-то момент заканчивается И когда оно заканчивается, что вы будете делать дальше? Что вы будете делать со всеми подобными опытами, которые получите на протяжении будущих лет, принимая мокшу? Будете ли вы просто радоваться им, как радуетесь новой игрушке, а затем возвращаться к своим обычным занятиям, ведя себя как обычные маленькие несовершенные дети, какими вы себя воображаете? Или, получив озарение, вы посвятите свою жизнь столь необычному занятию, как быть самим собой В действительности, все, что мокша может сделать, это предоставить вам возможность испытать последовательный ряд проблесков — час или два просветленного сознания и благодатного освобождения И только от вас самих зависит, захотите ли вы объединиться с этой благодатью и использовать предоставленную вам возможность*

Появление Тима Лири было для Хаксли как неожиданный порыв сильного ветра, ударивший в обвисшие паруса корабля. Энтузиазм Лири, его теоретическая подготовка и, самое главное, его работа в Гарварде делали его как раз тем человеком, на которого мог опереться Хаксли для продвижения психоделических планов.

Как-то ночью, когда они лежали на полу перед камином в доме в Ньютоне, приняв порцию псилоцибина, разговор зашел о методах, с помощью которых можно сделать эту концепцию доступной для

широких культурных слоев, ввести ее в обиход и среди «функционеров». Хаксли ответил не задумываясь. Надо обратить элиту, потребовал он от Лири. Художественную элиту, интеллектуальную и экономическую. «Именно таким способом можно продвинуть вперед культуру и философию свободы и красоты». Используй престиж Гарварда, чтобы искусно распространить сведения о средствах изменения сознания. Но делай это осторожно и умно, всегда оставаясь в пределах медицинской науки. «Тебе придется иметь дело с сопротивлением, — предостерег его Хаксли. — В этом обществе есть люди, которые используют всю власть, какая у них есть, чтобы помешать нашим исследованиям».

Ему не потребовалось особо уговаривать Тима. Подобно паланезийцам, его собственный опыт, связанный с медициной мокши, делал невозможным для него возвращение в ограниченные рамки академической психологии. Он созрел для Великого, и мысли Хаксли, высказанные с удивительно ироничным оксфордским акцентом, были ничем иным, как этим самым Великим: надо было повернуться лицом к «самому ясному и чистому» и изменить этот мир! Это был, с одной стороны, исследовательский проект по творческой активности личности, с другой — «удобный повод, чтобы дать наркотик различным представителям творческой интеллигенции, знаменитым художникам и писателям… и если у нас на пороге окажется кто-то из тех, кто пишет речи для президента, то он, скорее всего, также будет приглашен на сессию».

Чувство, что один-единственный человек может играть в развитии человечества решающую роль, вызывало воодушевление. «К нам приезжали разные известные люди, заинтересовавшиеся программой. В основном их пугало, что наши исследования связаны с Гарвардом. Все осознавали силу этого имени, — вспоминал Лири. — Но все они сходились на одном: держите эти знания при себе и ни в коем случае не оглашайте результаты исследований. Иначе вы рискуете навлечь на себя гнев ведущих людей общества».

Диметилтриптамин — «ядерная бомба» мира психоделиков

Кроме того, все больше людей из крута Хаксли появлялись в Гарварде. Джеральд Хёд выступил с лекциями о роли наркотиков в мистериальных культах древности. Слушая его волшебный голос, аспиранты словно бы сами оказывались в древней Греции и

принимали участие в элевсинских мистериях, и с трудом возвращались к реальности, в двадцатый век, который, согласно Хёду, был веком психологии. Впервые Homo sapiens наконец начинает понимать, что он из себя представляет. «В человеке скрыты бесконечные запасы энергии», — говорил Хёд. Понять, как научиться пользоваться этой энергией, как достичь наконец совершенства, — эта ответственность ложится на молодых людей, занятых в программе по исследованиям псилоцибина.

Хёд называл их «интронавтами», путешественниками внутрь, по аналогии с астронавтами, участвовавшими в космической программе полетов кораблей «Меркъюри». И, как и в исследованиях внешнего космоса, освоение внутреннего пространства также подчинялось строгим правилам. «Необходимы тренировки, — подчеркивал он. — Человек должен понимать, где ему пред-стоит оказаться. Он должен запастись всем необходимым. Когда он попадет в этот новый незнакомый мир, ему следует быть хорошо подготовленным. И правильная тренировка принесет результаты. За этим — будущее человечества».

Совсем по-другому (но не менее неотразимо) вел себя Эл. Он просто появился на пороге у Лири в Бостоне со своей вечной кожаной сумкой и проговорил: «Тимоти, ты у нас — самый главный. Старина Эл в твоем полном распоряжении».

Даже Хамфри Осмонд появился на горизонте. Он приезжал на конференцию по психологии и заодно пообедал с Хаксли и Лири. Лири вскоре ушел. Хаксли сообщил Осмонду, что Лири — отличный парень, и высказал надежду на то, что связь с человеком из Гарварда поможет им в распространении психоделиков. Осмонда же смутили официальный костюм и короткая стрижка психолога. Он заметил, что, возможно, профессор и впрямь приятный парень, но не кажется ли Олдосу, что он немного слишком «правильный»? «Может, ты и прав, — ответил Хаксли. — Но, в конце концов, разве мы сами не этого хотели?»

Годом позже Осмонд рассказывал эту историю в качестве примера, как могут ошибаться люди в человеческом характере. Алану Уоттсу, который встретился с Лири несколько месяцев спустя в Нью-Йорке, сразу стало ясно, что Хаксли просто не понял Лири. Слушая, как Олдос «беспристрастным научным языком» рассказывает о работе профессора, Уоттс представлял себе серьезного, может, даже немного педантичного ученого, «а Лири, с которым мы встретились в

нью-йоркском ресторане, оказался просто обаятельным ирландцем. Он носил слуховой аппарат с таким непринужденным изяществом, словно это был монокль». Уоттс сразу почувствовал в нем родственную душу.

Было неизбежно, что Тим, как сторонник идеи взаимопроникновения различных социальных слоев, взбунтуется против того, чтобы психоделические эксперименты остались уделом избранных. В какой-то мере этот бунт ускорил Осмонд. Он приехал в Бостон в основном для участия в симпозиуме, который финансировало ГАП[80] (Общество развития психиатрии). Люди, собиравшиеся на подобные симпозиумы, в основном не страдали предрассудками и занимались действительно актуальными проблемами. На прошлых встречах поднимались такие смелые вопросы, как проблемы негритянской преступности или ассимиляции иммигрантов. На этот раз, в 1960 году, они обратили внимание на битников и, среди прочих, пригласили выступить Аллена Гинсберга. Последний только что вернулся из Южной Америки, где вслед за Берроузом исследовал вызывающую галлюцинации виноградную лозу «айахуаска».

Гинсберг был удивлен, что психиатры заинтересовались его написанной под наркотиками поэзией. Однако он выступил на симпозиуме и разъяснил им, что такое «веселящий газ», «меска-лин» и «лизергиновая кислота». Реакция была печальной. Некоторые старые психоаналитики старшего поколения действительно заинтересовались — возможно, на это повлияло то, что они были воспитаны еще на Фрейде и Юнге, когда исследования феноменов сознания не успели обрасти множеством догм. Большинство же молодых психиатров сошлись на том, что Гинсберг сумасшедший: он точно — психопат, а, может, даже и шизофреник. Это в очередной раз подтвердило правоту известной максимы «подчиняйтесь правилам, а не то…». Однако среди заинтересовавшихся был Осмонд. Возможно, думая помочь Гинсбергу расширить поэтический кругозор, он предложил ему познакомиться с психологом Тимоти Лири — и попробовать псилоцибин.

Аллен Гинсберг, появившийся в «Программе исследования псилоцибина», казалось, воплощал наяву то, что творилось у Лири в

---

80 GAP — the group for the advancement of psychiatry

подсознании. Он действительно с высокомерным презрением относился к буржуазной морали. «Генеральный секретарь поэтов / битников / анархистов / социалистов и сторонников свободной любви всего мира», — так с симпатией описал его Лири. Он приехал вместе с любовником, Питером Орловски. Сидя за чаем, он, поблескивая глазами из-под черной оправы очков, начал рассказывать о своих недавних приключениях в перуанских джунглях. Он провел весь июнь в деревушке Пукалльпа, где под руководством курандеры, «скромной простой женщины лет тридцати восьми», пил по ночам напиток, приготовленный из «айахуаски» и листьев местного дерева, «мескла» Эффект был потрясающий. «Сильнее и страшнее этого я еще ничего не встречал», — писал потом Гинсберг Берроузу. Это были классические переживания темных сторон души. Сначала его тело обвило множество змей. Затем появилась Смерть: «таинственная сущность, которая рано или поздно настигает любого человека». Это было не абстрактное ощущение пустоты, нет — это была сильная страшная смерть, которая словно накрыла тяжелым одеялом. И он внезапно понял, что сейчас умрет — просто покинет свое тело и сознание и не будет больше на свете мелющего чепуху старины Гинсберга. Но затем он представил, как будут страдать друзья, если он умрет, — и это вернуло его на землю. И он остался жить.

Рассказ был сильный. В нем было много героики, которую так любил Лири. И было в нем кое-что еще — подтверждение одной из его гипотез. Еще с той поры, когда Браун в Мехико рассказывал ацтекские легенды о теонанакатле, в душе Лири зародились подозрения, что только шаманы и мистики знают, как пользоваться этими наркотиками, но не психологи. И в данном случае — скромная индианка блестяще обеспечивала необходимую обстановку и атмосферу. Пришла пора учиться у старых индейских целителей и тибетских мистиков. Лири нутром чуял, что это так. И в то же время был вынужден соглашаться с Хаксли и Бэрро-ном в том, что пока необходимо держаться в рамках традиционной медицины.

Гинсберг и Орловски приняли дозу псилоцибина на следующий день. Лири, устроив их поуютнее в верхней спальне, спокойно удалился в кабинет, чтобы обсудить кое-что с Бэрроном, полагая, что сейчас пройдет еще одна из тех мирных созерцательных сессий, к которым они уже привыкли. То, что произошло далее, оказалось для них полной неожиданностью. Внезапно с треском распахнулась дверь, и голые поэты, пританцовывая, ввалились в кабинет. «Я —

мессия, — объявил Гинсберг изумленным профессорам. — Я спустился в мир, чтобы проповедовать любовь! Мы выйдем на улицы и пойдем по городу! Мы будем учить любви, люди должны отказаться от ненависти!» Бэррон спешно принялся убеждать их, что сейчас не самый лучший момент для прогулки по улицам Ньютона с проповедью любви

Ему удалось предотвратить выход голой парочки на улицы, но тогда Гинсберг решил, что раз так, то надо срочно позвонить Хрущеву и Кеннеди и «просто раз и навсегда решить проблему с ядерной угрозой». Ему не удалось связаться по телефону с главами могущественных сверхдержав, зато он смог застать Керуака, который страдал и пил в одиночестве в деревушке на северном побережье Лонг-Айленда. После затянувшегося спора, во время которого Лири с ужасом подсчитывал про себя размер будущего счета за междугородные переговоры, Джек Керуак согласился принять участие в программе по изучению псилоцибина. И так продолжалось целый день — одни странные поступки следовали за другими.

Аспиранты, забежавшие к Лири поболтать, обнаружили, что в доме ходят какие-то голые бородатые мужики, которые хихикают и целуются. Тут уж даже самые свободомыслящие были слегка шокированы. Тим же обрадовался. В момент опасности он ясно ощущал свою значимость. Отдел общественных отношений психологического факультета гудел — в течение нескольких дней обсуждались разнообразные слухи (наиболее неприличные подробности многозначительно опускались) об оргиях, что творятся в доме у Тима, и о подозрительных битниках, накачавшихся наркотиками. Даже те из его коллег, которые прежде вряд ли подозревали о существовании Тима, оторвались на момент от своих научных трудов и мимоходом заметили, что, может быть, Гарварду не следует ввязываться в эти псилоцибиновые штучки Лири. У всех складывалось впечатление — не высказанное, но ясно ощущаемое, — что Лири перешел некую критическую черту.

В известном смысле так и произошло. В тот памятный день, уже после сессии, все участники собрались на кухне и, пока Тим разливал по чашкам горячее молоко, Гинсберг предложил попробовать другие варианты психоделиков.

Аллен, будучи сторонником полного и абсолютного равенства для всех, считал, что каждый должен иметь

возможность попробовать наркотик, расширяющий сознание. По его мнению, это должно было стать пятой свободой (помимо свободы слова, печати, собраний и вероисповедания) — свободой управления своей собственной нервной системой. Этот грандиозный план казался ему вполне логичным и осуществимым. Первое, что они должны были сделать, по его мнению, это ввести в курс дела и вовлечь в проект влиятельных людей — для проведения про-паганды. Они помогут создать благоприятное общественное мнение в поддержку массовых программ, разрешенных процедур приема и создания тренинговых центров по правильному использованию наркотиков.

Сидя в тот день на кухне и попивая горячее молоко, Лири вдруг понял, что путь Хаксли — не его путь. «Именно тогда, — писал он позже, — мы отвергли элитарную схему Хаксли и взяли курс на американский подход к делу, то есть на путь, открытый для всех и каждого». Гинсберг пробудил в Лири бунтаря.

Воспоминания Гинсберга о тех же выходных написаны менее патетическим тоном и дают представление о том, как Лири мог восприниматься со стороны. Ученый поразил поэта-битника своей очаровательной наивностью. «Как будто он не знал, что любой, кто пишет стихи в Сан-Франциско, живет с индианками и давным-давно принимает мескалин и пейотль. Или будто он сам никогда не курил травку… У Лири был большой красивый дом, и все кому не лень гуляли там, будто были приглашены на вечеринку, что меня шокировало сначала, поскольку я считал себя единственным, кто серьезно занимается религиозными медитациями. И все они выглядели оптимистами, с этакой радостной уверенностью в том, что их эксперименты будут приветствоваться как научные, приличные, социально приемлемые, имеющие совершенно разумные цели, и что они распространятся по другим университетам и автоматически будут включены в учебные планы. Как будто бы он не понимал, что может натолкнуться на оппозицию в академической среде. Я едва удерживался,

чтобы не сказать ему: «Ты не представляешь себе, против чего ты выступаешь и на какое сопротивление ты наткнешься!». Он же рассуждал примерно в таких понятиях: «Мне надо убедить

Шлезингера, а тогда мы убедим и Кеннеди — что-то в таком стиле. Потому я решил его немного спустить на землю и спросил: "Почему бы не начать с художников и артистов?"»

Межфакультетский клуб Гарвардского университета

Тем не менее тот уикенд у Лири послужил подтверждением излюбленного пророчества Гинсберга: мы на пороге чего-то важного.

«Очевидно, что с сознанием происходят важные перемены», — сообщил он несколько недель спустя какому-то репортеру. И в центре этих изменений стояли новые «мудрые наркотики», которые способны привести к распространению духовности, что, как это предсказывал еще Хаксли, являлось своего рода революцией. «Люди начинают видеть, что Царство Божие находится не вне, а внутри каждого, и что его не следует искать ни на небе, ни на земле, — вещал Гинсберг. — Настало время распространить свою власть на универсум, вот что я скажу — таковы мои политические взгляды. Время взять власть над универсумом! Не просто Россия или Америка, не власть над Луной — нет, нам пора замахнуться на Солнце!»

Гинсберг начал продвигать псилоцибиновый проект Лири с тем же усердием, с каким он ранее добивался опубликования некоторых трудов своих друзей. «Я поговорил позавчера с Виллемом де Кунингом, — писал он в январе 1961 года, — и он тоже готов поучаствовать, так что, пожалуйста, пошли ему также приглашение. Я думаю, что Клайн, де Кунинг и (Диззи) Гиллеспи — наилучшее трио для тебя на данный момент, так что повремени, не делай ничего, пока они не примкнут к нам».

Лири начал проводить выходные в Нью-Йорке. Он дал попробовать псилоцибин Джеку Керуаку, который выдал загадочную фразу: «Хождение по воде не за день строилось». Роберт Лауэлл попробовал небольшую дозу и заключил, что «любовь побеждает все» Диззи Гиллеспи попробовал и взял с собой столько, чтобы хватило на всю группу. Остаток был послан Берроузу в Танжер.

Потенциально это могло оказаться для Лири выгодным, так как в отличие от Керуака или Гинсберга у Берроуза был научный подход к наркотикам, он разрабатывал теорию неврологической географии, разделяя кору головного мозга на сферы божественного и сферы дьявольского. «Моя работа и мое понимание намного улучшились благодаря галлюциногенам, — так писал он Тиму. — Широкое

использование наркотиков могло бы привести к значительному повышению производительности Было бы интересно собрать антологию с описанием действия наркотических грибов. Я был бы рад послать туда и мои собственные наблюдения».

(Позже он послал ему предупреждение о ДМТ, которое синтезировал его друг. Так же как это произошло с Оскаром Дженигером и Уоттсом, на Берроуза ДМТ произвел сильнейшее впечатление. Он предостерегал всех, что от него «вены вспыхивают огнем» и что человек за полчаса переживает ад.)

Знакомство Лири с представителями битников привели к смешанным результатам. Гинсберг после того, как выдвинул несколько дюжин проектов дальнейших исследований, перебрался весной 1961 года в Париж, где, как считалось, был занят созданием «высококлассного сексуального журнала». «Заработки будут огромными, — писал он Тиму, — можно будет напечатать все сумасшедшие идеи, какие мы захотим». Однако Орловски стоял за путешествие в Индию, и Аллену пришлось выбирать между исследованием древних божественных учений и возможностью реального заработка. Его письмо завершалось мольбой прислать еще грибов. «Я пытаюсь найти связи во Франции, но пока никаких результатов, хотя я и не занимался этим слишком настойчиво. Мне пригодится все, что сможешь прислать». Последняя встреча Лири с Гинсбергом произошло в Танжере летом 1961 года во время суматошного и удивительного путешествия в Касбу. Однако после того Аллен исчез на Востоке, как будто испарился, пустившись в духовные странствия. Возможно, он достигал сатори в каком-нибудь поезде, следующем из Киото в Токио.

Что до Джека Керуака — то, чего он искал, он не обнаружил ни в Ином Мире, ни в обычном. Слава не пролила бальзам на его больную душу, а лишь еще усугубила кризис. Читающая публика постоянно путала Керуака с Дином Мориарти, его персонажем; читатели ожидали увидеть высокого супермена, а не погруженного в депрессию алкоголика, занятого бесконечными самовосхвалениями.

«Я — король битников! — проревел он, когда Лири приехал к нему с псилоцибином. — Я — Франсуа Вийон, бродячий поэт, шагающий по широкой трассе. Послушай, как я играю высокодуховные импровизации на своей теноровой печатной машинке». Однако в действительности теноровая машинка молчала, и уже довольно давно. Лири был удручен. Это было первое «плохое

путешествие» в его жизни. Позже, когда он спросил Керуака, не сможет ли он напечатать отчет об этой сессии, тот ответил отказом, хотя это было еще до того, как он начал сравнивать психоделики с коммунистической промывкой мозгов.

Схожие осложнения были и с Берроузом, с которым Лири встретился впервые в Танжере в компании Гинсберга. Берроуз появился на конференции АПА, посвященной психоделическим средствам, осенью 1961 года, а затем провел несколько недель в ньютонском доме Лири. Он ходил всегда в нахлобученной на голове шляпе, почти непрерывно пил джин с тоником и время от времени вместе с винными парами выдыхал едкие комментарии по поводу программы изучения псилоцибина. «Он уехал, не попрощавшись и не сказав ни слова, — писал Лири в «Первосвященнике», — а затем пошел слух, что он опубликовал письмо в стиле «нет уж, спасибо», в котором осуждал гарвардскую психоделическую программу».

В этом письме пародировались хвалы Лири в адрес псилоцибина: «Слушайте! Мы проведем вас в райские сады безграничного космического сознания с помощью наркотического кайфа! Черпайте любовь ведрами!»

Но в действительности, как утверждал Берроуз, они предлагают вам черпать ее «из канализации».

В конце концов, все это не играло роли. С помощью Гинсберга Лири вышел на любопытный круг людей, состоявший из богачей и авангардистов, взаимно развлекавших друг друга. Среди высших слоев нью-йоркского общества стало модно проводить уикенд у Лири, принимая псилоцибин. Майкл Кан писал, что он был «совершенно потрясен», когда впервые заглянул в дом Тима и обнаружил там целую толпу невообразимо крупных женщин. «Я никогда раньше не встречал женщин такого рода — с резкими манерами и грубоватой красотой, и я никогда не видел ранее подобных сцен, в которых они участвовали, на меня все это подействовало очень возбуждающе и сильно заинтриговало».

Тим, который всегда предпочитал самых развязных городских девчонок, блаженствовал. Не раз он оказывался в ситуации, когда становился объектом неразделенной страсти со стороны противоположного пола — эффект псилоцибина, о котором хорошо были осведомлены те, кто его употреблял. Однако об этом старались не упоминать.

«Настойчиво советую кота секса держать завязанным в мешке, —

предостерегал Хаксли. — У нас хватает проблем, даже когда речь идет о том, что наркотик стимулирует религиозные и эстетические чувства».

Однако роскошная жизнь была соблазнительна. В один из уикендов попробовать псилоцибин пришла Фло Фергюсон. После сессии она отвела Лири в сторонку и пригласила его на свой уикенд. «Я могу пригласить довольно интересных людей, — предложила она. — Заодно посмотрите, на что похожа жизнь в первоклассных гостиных».

Флора Лу — Фло Фергюсон — была женой Мэйнарда Фергюсона, музыканта, у которого былевой биг-бенд, и, подобно Мэйбл Додж, относилась к тем женщинам, чей гений выражается в том, чтобы «быть хозяйкой салона». На ее приемах бывали артисты, философы, ученые, богатые представители богемы. Флора Лу Фергюсон приглашала в свой дом в тенистом вестчестерском пригороде Бронксвилля самую блестящую публику.

И что это был за дом! Огромный, со множеством комнат, с обстановкой времен Тюдоров, полностью обшитый деревянными панелями, покрытый богатыми коврами и увешанный абстрактными картинами. Гостиную украшали невероятных размеров каменный камин и целая стена, где висели памятные сувениры с автографами знаменитостей. В верхних спальнях простыни были из шелка, пол покрыт шкурами. Лири позже признавался, что попав в тот дом, он впервые узнал, что означает «гедонистическое наслаждение как стиль жизни». И, надо заметить, ему это понравилось.

Но это также вовлекало его в ряд довольно сомнительных действий, одним из которых было потребление марихуаны. Как-то раз Майкл Кан пришел к Лири в компании с очень милыми людьми. Кто-то из них достал из сумки марихуану и начал скручивать косяк. Лири, сильно рассерженный, потребовал, чтобы сумку спрятали куда подальше.

«Дэйв Макклелланд вел себя по-дружески и поддерживал меня! — сказал он. — И я не могу допустить, чтобы меня выгнали с работы из-за того, что здесь курят травку и таким образом нарушают мой с ним договор. Принимать псилоцибин — легальное занятие в этом доме. Я получаю его от фирмы «Сандоз». Мы ведем исследовательскую работу. Травка же вне закона. Я не хочу, чтобы меня или его арестовали!» Присутствовавшие были страшно удивлены внезапным гневом Лири. Гюнтер Вейл вспоминал, что это

был, наверное, первый раз, когда он видел, что Тим вышел из себя.

Но можно ли было, положа руку на сердце, продолжать называть это исследовательской программой? Учитывая то количество людей, что забегали к нему, чтобы получить наркотик? В такой обстановке научные цели отходили на второй план. Поначалу Лири доводил себя чуть не до сумасшествия, требуя от каждого, чтобы тот заполнил вопросник и тесты, но потом махнул на это рукой. Большую часть выходных там просто принимали наркотики, все вместе — и исследователи и испытуемые.

Это не было чем-то необычным, если относиться к этому с точки зрения психоделического подхода, хотя это, конечно, заставляло многих косо смотреть на то, что происходит на Дивинити-авеню, 5.

Еще в начале исследований психоделиков было обнаружено, что двум людям, принявшим небольшое количество психоделиков, общаться становится намного проще. Группа Осмонда в Канаде выяснила, что для этого достаточно 100 микрограммов ЛСД. Но исследований в том стиле, какие проводил Лири, — с его экзотическими уикендами, с возбуждением и шумихой, которой было все это окружено, больше не проводил никто. Было ясно, что все это уже выходит за рамки чистой науки. Однако для самого Лири научное исследование все же оставалось одним из основных стимулов. Он действительно хотел узнать, что именно происходит там, за Дверью в Иной Мир.

У него конечно же имелась теория. Частично он был обязан ей Хаксли, частично — транзактному анализу и в какой-то степени тому, что психологический факультет Гарварда только что приобрел в собственность свой первый компьютер — первый искусственный интеллект. От Хаксли он взял аналогию с «редукционным клапаном» — речь шла о том, что мозг при восприятии ежесекундно отбрасывает миллион единиц информации. Однако дальнейшее уже было собственным теоретическим добавлением Лири.

> *Предположим, что кора головного мозга, пристанище сознания, состоит из сети нейронов, образующих миллионы связей. Это фантастический компьютер. Культурный слой, наложенный на кору, является жалким клочком программного обеспечения. Эти программы могут активировать около сотни-другой из возможных наборов нейронных связей. Все*

выученные жизненные сценарии можно рассматривать как программы, которые выбирают, проверяют, возбуждают и, следовательно, существенно ограничивают доступные реакции коры головного мозга. Расширяющие сознание наркотики выключают эти узкие программы. Они выключают эго, машинерию эго-сценариев и ум (совокупность игровых концепций). Что же остается, когда выключается ум и эго? ... Остается то, о чем западная культура почти ничего не знает. Открытое мышление, ум, неподвластный цензуре, — живой, воспринимающий широкий поток внутренних и внешних стимулов — до сих пор был вне поля ее зрения.

Зададимся вопросом, что произойдет, если, следуя изложенной теории, мы начнем отсоединять все игровые концепции, которые характерны для западной культуры. Что может произойти, если начать последовательно выключать стандартное эго американца, например?

Лири не раз задавал себе подобные вопросы, и ответ, к которому он пришел, заключался в убеждении, что чем бы это ни обернулось — все к лучшему. Настала пора выключить старые способы мышления Homo sapiens и тогда смогут сформироваться новые. Когда под воздействием псилоцибина начинают происходить странные и необычные вещи, то что они означают? Впечатление, что нечто приходит к нам с более высокого уровня сознания, от высших сил. Мы начинаем воспринимать самих себя невольными проводниками, которые становятся участниками социальных процессов. Все это намного превышает наши возможности не то что бы контролировать, но даже до конца понимать происходящее. Лири так описывал эти свои ощущения: «Некое историческое движение, которое неизбежно изменит самые глубины человеческой природы, самосознание человека».

Они видели проблески будущего, и этим будущим были они сами.

Роль невольного двигателя социального прогресса не нравилась Фрэнку Бэррону, он был в ужасе от того, как охотно его друг потребляет псилоцибин. К марту 1961 года Лири принял наркотик пятьдесят два раза, то есть в среднем он принимал дозу в три дня. И

чем больше он его принимал, тем труднее было поверить, что он принимает наркотик исключительно в целях научного исследования. Это было тактической ошибкой, к такому выводу пришел Бэррон. Он соглашался с Хаксли, что не следует без необходимости создавать себе неприятности, относясь с пренебрежением к существующим научным моделям. Он также, хотя и с неохотой, принимал скорее элитарную модель Хаксли, а не демократический подход Гинсберга и Тима. Различие в их взглядах стало явным, когда они начали спорить по вопросу о ядерном разоружении. Бэррон был страстным сторонником разоружения. Он считал, что бомбу создала элита и именно элита должна взять на себя ответственность по предотвращению ядерной войны, возможно, это будет кто-то из тех, кто уже потребляет психоделики и имеет измененное сознание. Но Тим с ним не соглашался. То, что Америка имеет ядерное вооружение, ставит под вопрос правомерность нахождения этой элиты у власти, так считал он. И начинать полную перестройку общества надо с низов. Из этого следовало, что каждый имеет право принимать психоделики. Но что делать с возможными последствиями, возражал Бэррон, когда «ослабленное эго, внезапно утратившее все свои защитные механизмы, будет расшатано». На что Тим обычно отвечал фразой о том, что «каждый имеет право сойти с ума, если такова его судьба».

Позже Бэррон обвинил его в том, что это похоже на стиль мышления военных. Лири же считал, что это глупо — придираться к словам, когда на кону стоит не более и не менее как действительное освобождение мира. Однако Бэррон не желал принимать на себя такого рода ответственность и начал отдаляться от программы изучения псилоцибина.

Его место старшего помощника Лири вскоре было занято другим преподавателем психологического факультета — Ричардом Альпертом.[81] Альперт принял первую дозу в начале марта 1961 года, холодной и снежной зимней ночью. К пяти часам утра он, пройдя несколько миль сквозь метель, оказался во дворе дома своих родителей. Там, схватив лопату, он принялся расчищать дорожку, ведущую к дверям. Звуки скрежещущей лопаты их и разбудили. Высунувшись из окна, они увидели родного сына, профессора

[81] Русскому читателю больше известен как Рам Дасс.

Гарвардского университета, со смехом подбрасывающего лопатой снег. «Ложись спать, ты, идиот! Кому только может взбрести в голову очищать снег с дорожки в пять утра!» — закричала его мать. Закинув лопату за голову, он протанцевал джигу и затем вновь начал расчищать снег. Как хорошо чистить снег, думал он, и как хорошо чувствовать себя счастливым.

И надо будет обязательно повторить опыт с этими розовыми пилюлями.

В подростковом возрасте Ричард был невероятно толст, брюки на нем выглядели как надутые воздушные шары. В Виллистоне, где он учился в частной школе, старшие ребята безжалостно над ним издевались. Он любил читать, не любил спорт и был евреем. Как-то раз его застали яростно дерущимся с другим мальчиком, после чего по школе прошел слух, что он парень со странностями. Одноклассники стали избегать его, он был одинок и некоторое время преподаватели даже опасались, что он может спрыгнуть в крыши виллистонского спального корпуса. Однако этого не произошло — вместо того чтобы прыгать с крыши, он превратился в честолюбивого четырнадцатилетнего интеллектуала, зачитывавшегося Достоевским и мечтавшего стать нейрохирургом.

«Вы не знаете, что такое люди, по-настоящему умеющие добиваться успеха, если вы не знакомы с обеспеченными евреями из среднего класса, — писал Альперт, — это, как правило, исключительно подвижные и снедаемые тревогой невротики».

Нервозность и способность добиваться успеха достались ему от отца, который начинал свою карьеру, будучи никому не известным сыном старьевщика из бостонского Вест-Энда. Путевкой в жизнь для Джорджа Альперта стало образование. Сначала Бостонский университет, затем юридическая академия. К тому времени, когда в 1928 году родился Ричард, третий сын, Джордж Альперт разбогател, вкладывая деньги в акции железных дорог и в недвижимость. Выходные и каникулы они проводили в огромном — 190 акров — поместье в Нью-Гемпшире, часть которого была превращена в поле для игры в гольф. Джордж Альперт был влиятельным лицом в местных еврейских кругах — он входил в попечительский совет синагоги и основал университет. Его иудаизм носил более социальный, нежели духовный характер. Если он во что и верил, так это в святость профессиональной карьеры, и поощрял детей получать образование.

Как часто бывает с младшими сыновьями в большой семье, Ричард был ближе к матери, чем к отцу. Ее главным желанием было учиться в Гарварде. Однако в Гарвард попасть ему не удалось, и он поступил в учебное заведение неподалеку от Медфорда, где занялся мощной программой самосовершенствования. Он сел на строгую диету, ежедневно занимался гимнастикой. Так длилось до тех пор, пока из толстяка он не превратился в симпатичного мальчишку. Он всерьез занялся изучением виноделия и памятников старины, проводил выходные на манер Хемингуэя, катаясь на мотоцикле по Новой Англии и ныряя с аквалангом в Карибском море. По мере того как в нем крепла уверенность в себе, он приобретал уверенность в сфере секса. Альперт был тайным бисексуалом.

Лишь одно омрачало его жизнь — вопрос о дальнейшем обучении. Решив, что поступить в медицинскую аспирантуру ему не удастся, он решил стать соискателем. Этому резко воспротивился его отец, который не желал выделять средства на что-либо иное, кроме медицинской академии. Это, конечно, была не первая его стычка с отцом, но Ричарду она запомнилась, поскольку тогда он впервые победил в споре. Он послал запрос и получил лаборантскую субсидию для изучения психологии в университете Уэсли. А человеком, который должен был там руководить его работой, оказался Дэвид Макклелланд. На протяжении последующих лет Макклелланд имел возможность оценить личные качества этого «обаятельного, умного и остроумного» молодого человека, который сначала был его подопечным, а позже превратился в хорошего друга.

Еще в самом начале знакомства Альперт поразил Макклелланда «необычной чувствительностью к чужому мнению — как правило, он старался всем угодить и всех сделать счастливыми». Он был от природы заботливым человеком. Сам Альперт всегда относил это в заслугу своей матери-еврейке. Когда у Макклелланда родились близнецы, он попросил Альперта стать их крестным — роль, с которой тот превосходно справился: «Ему доставляло огромную радость возиться с малышней, открывать перед ними новый мир. Он увозил их к себе в поместье, и там они могли кататься по озеру на моторке, или до умопомрачения всю ночь напролет играть в машинки, или он брал их покататься на частном самолете и приземлялся с ними на своем собственном поле для гольфа».

Альперт поступил в Стенфорд, чтобы получить докторскую степень. Он проводил долгие часы в библиотеке, изучая труды

Фрейда и работы в области мотивации человеческого поведения — это была одна из тем, по которым он специализировался. Он исследовал проблему волнения при сдаче экзаменов в высшие учебные заведения и разработал тесты, по которым можно было сразу определить, как поведет себя учащийся: будет ли с лету сдавать экзамены и зачеты, или каждый экзамен будет приводить его в дрожь, так что он, трясясь от страха, будет забывать собственное имя. Как вы можете догадаться, сам Альперт, безусловно, относился к последнему типу. Несмотря на блестящие успехи в учебе, он всегда трясся и боялся. Особенно, когда начал свою работу в стенфордском медицинском центре (где его самый первый пациент, некто Вик Лауэлл уговорил его попробовать марихуану). Тем не менее ему нравился имидж врача-психотерапевта, и он начал постепенно привыкать к стенфордскому обществу, посещая вечеринки, где он жался в уголке, слушая неизбежный джаз.

Еще когда Ричард учился в Стенфорде, Джордж Альперт стал президентом крупной железнодорожной компании. Когда у него начались финансовые затруднения, он обратился за помощью к младшему сыну. Ричард начал часто летать в Нью-Йорк, присутствуя там на заседаниях правления корпорации. Он впервые в жизни почувствовал вкус настоящей власти: «В Пало-Альто я бегал покупать кофе на завтрак студентам, в Нью-Йорке я был советником отца при заключении многомиллионных сделок». И конечно он испытывал большой соблазн бросить психологию и заняться бизнесом. Но он изменил свое намерение, когда Макклелланд пригласил его перейти на новое место работы — Дэвиду Макклелланду предлагали стать директором Гарвардского научно-исследовательского центра по психологии личности. Научно-исследовательский центр по психологии личности. Это было осуществление заветной мечты — по крайней мере, для его матери.

Гарвард, после тесных комнатушек Стенфорда, показался ему сущим раем. Альперт занял угловой кабинет с видом на Дивини-ти-авеню, к его услугам всегда были два секретаря. К своему собственному изумлению, он стал очень популярным лектором, и через весьма небольшое время студенты уже записывались в очередь, чтобы работать под его руководством, несмотря на занудно звучавшую тему его исследований Он прекрасно справлялся с обязанностями, у него были отличные отношения с коллегами, и в особенности с Макклелландом, и не прошло и трех лет, как он уже

занимал официальные должности на четырех факультетах в Гарварде. К тому моменту он еще даже не достиг тридцатилетия.

Большинство коллег-преподавателей считали, что столь быстрый взлет по служебной лестнице объясняется не особыми дарованиями Альперта как ученого, а скорее, его невероятными способностями ловко обращаться с чиновниками от науки и играть в их игры; он представлял собой тип ученого-политика, такие типажи обычно достигают академических вершин и получают в конце должность завкафедрой, декана или даже ректора. И он сам тоже осознавал это. «Я не гениальный ученый, но я успешно преодолел все академические препоны, — писал он позже. — Я получил докторскую степень, писал книги. Добился спонсирования своих исследований… Я был тем самым образцом успешного профессора, каким его представляют в Америке». Он ездил в Кембридж на «мерседес-седане», или иногда, когда ему взбредало в голову, забирался в глушь на мотоцикле «Триумф», или летал вдоль восточного побережья на своей «Сессне». Квартиру его украшали антикварные вещицы, время от времени он устраивал там «премиленькие вечеринки».

Но под внешней стороной жизни скрывался внутренний надлом.

Рисунок из тибетской книги мертвых «Бардо Тодоль»

Каждый раз, когда он читал лекции, у него начиналась диарея. Он сильно пил, а его сексуальная жизнь, когда ему случалось заниматься сексом, вызывала у него чувство стыда. Редкие попытки завязать гетеросексуальные связи лишь подтверждали то, о чем шептались мальчики у него в классе, называя его странным: Альперт предпочитал мужчин. Хотя ему удавалось скрывать растущее отчаяние за внешней жизнерадостностью, однако жизнь для него была полна внутренней неудовлетворенности. Добиваясь признания и успеха, он чувствовал, как вместо радости его переполняет гнев. «Я вам нравлюсь, да, но то, что вам нравится — это не я», — вот какие примерно рассуждения скрывались за выплескивающимися наружу эмоциями. Ко всему прочему в нем росло все большее разочарование в предмете, которым он занимался. «Все, чему мы учим, — это маленькие кусочки знаний, но эти знания не складываются в итоге ни в какую мудрость. Я просто становлюсь… более знающим, и все. И я очень хорошо выгляжу, когда речь идет об этих знаниях. Я могу

задать на защите докторской весьма хитроумные вопросы и казаться чудовищно умным, но все это — пустое».

Еще одной проблемой был психоанализ. Альперт ходил к психоаналитику начиная со времен Виллистона. За время его жизни в Стенфорде на психоанализ у него ушло в общей сложности двадцать шесть тысяч долларов, и когда его врач узнал, что Альперт направляется в Гарвард, он посоветовал ему как можно скорее найти подходящую замену. «Вы слишком слабы, чтобы обойтись без психоанализа», — сообщил он ему.

Но если за двенадцать лет психоанализ ему не помог, то стоит ли вообще надеяться, что он ему поможет?

Примерно в таком унылом настроении Альперт вернулся осенью 1959 года в Гарвард. Зайдя на Дивинити-авеню, 5, он обнаружил, что старая подсобка переоборудована в кабинет. Помещение было до смешного маленьким — в нем едва умещался письменный стол и книжные полки. Там его встретил широко улыбающийся парень, разглядывающий карту Европы. «Я только вернулся из Европы, — сообщил ему Тим Лири, — без конца там мучился — не мог получить наличные по чекам».

«Он был способен строить умопомрачительно рискованные гипотезы», — так объяснял Альперт неотразимое обаяние Тима. Глядя на него, Альперт чувствовал, в нем вновь воскресает вера в психологию. На Лири же Альперт произвел впечатление «честолюбивого ученого-политика, большого щенка, виляющего хвостом, заинтересованного в карьере, и остроумного человека». Однако Лири также интуитивно почувствовал в Альперте такого же аутсайдера, каким был и сам. Гомосексуализм вкупе с еврейством делали его чужаком в обычном обществе. Они часто вместе выпивали и обучали друг друга экзистенциальной психологии, так что когда пришло время летних отпусков, то Лири предложил отправиться вместе на «Сессне» Альперта в Мексику. Однако у Альперта была договоренность относительно лекций в Стенфорде в начале лета, так что от этих планов пришлось отказаться. Они договорились встретиться в Куэрнаваке и там уже полетать на «Сессне».

Но полеты на самолете были отложены. Альперт прибыл на несколько дней позже, после эксперимента Лири. Вкусивший грибов и склонный к рискованным гипотезам приятель Альперта к тому времени уже не мог говорить ни о чем другом, кроме как о том, что надо срочно лететь назад в Гарвард и приниматься за работу.

Поскольку Альперт должен был читать в Стенфорде еще и осенний курс лекций, ему оставалось лишь слушать восторженные излияния Тима. Все это сильно напомнило ему времена начала работы в Стенфорде и историю с марихуаной.

Однако во время первой же сессии в Ньютоне он понял, что ошибался. Самым важным моментом стали для него видения, несколько напоминающие театральный водевиль. Он мог наблюдать, лежа на диване, как открывается занавес и актеры поочередно выходят на сцену. Первым шел Альперт-профессор, глубокомысленно бормочущий что-то себе под нос. За ним последовали Альперт-космополит, Альперт — пилот самолета, Альперт-любовник и Альперт — маленький мальчик, который мечтает понравиться родителям и стать нейрохирургом. Фигуры выскакивали одна за другой и затем мгновенно исчезали. Это напоминало то, как умелый игрок вытаскивает карты из колоды. Сначала Альперта это заинтересовало. «Надо же, я так старался получить звания и положение, в которых вовсе не нуждался», — подумал он после исчезновения профессора. Однако по мере того как они один за другим исчезали, он запаниковал. Если исчезнут все его социальные роли, то что же останется?

Первым ответом, пришедшим ему на ум, было — если эго исчезнет, тогда останется только тело. По крайней мере, у меня останется тело, подумал Альперт. И я всегда смогу найти себе новую идентификацию. Но затем исчезло и тело. Он видел в зеркале, висящем перед ним, пустой диван, на котором никого не было! А что, если тело никогда не вернется? Это достаточно простой вопрос, особенно когда вы просто читаете об этом в книжке, вот как сейчас, например. Однако когда он возник в голове у Альперта, на него нахлынул приступ страха, такого, какого он никогда прежде не испытывал в своей жизни. Он уже открыл рот, чтобы закричать, но как раз в этот самый момент внутри у него зазвучал приятный мягкий голос, который спросил: «А кто следит за всем этим?» И тут же страх лопнул, как мыльный пузырь, кричать было не нужно. Если у него нет зго и нет тела, то откуда звучит этот голос?

> *И как только я смог сосредоточиться на этом вопросе, я понял, что хотя все, что я раньше воспринимал как «Я», включая мое тело и саму мою жизнь, ушло. Я продолжал сознавать происходящее!*

Вместе с этим осознанием на меня снизошло невероятное, никогда ранее не испытываемое ощущение глубокого покоя. Я наконец нашел это «Я», этот сканер-точку-сущность-ме-сто в беспредельности.

Смеясь от радости, он выскочил наружу навстречу снежной метели.

«Мы с ним тогда договорились, — рассказывал Тим о том, какую роль сыграл Альперт в программе по изучению псилоцибина. — Он сказал мне: «Слушай, я буду заниматься контактами со внешним миром, у меня это получится лучше — я умею с ними обращаться и смогу вас прикрыть». Так что на этом мы и сошлись. И он был совершенно незаменим в таких делах. Помню, как все мы слонялись вокруг кабинета, где шло заседание администрации, а он спокойно открыл дверь, зашел туда и вышел к нам уже с подписанными бумажками, все что надо, плюс еще список студентов, которые, как он считал, нам могли пригодиться. Он был для нас кем-то вроде представителя от народа в парламенте».

Альперт развернул бурную деятельность. По выходным он летал на «Сессне» в Северную Каролину, где проводил сессии в парапсихологическом институте Д.Б. Райна. Но чаще всего отправлялся в Нью-Йорк, где посещал светские рауты, на которых объяснял нужным людям — избранным интеллектуалам, представителям артистических кругов и другим влиятельным лицам — возможности, которые открывает псилоцибин для расширения человеческого сознания. Из всех, кого он обработал за те месяцы, пожалуй, наиболее важной личностью, о которой пойдет речь в нашем повествовании, была Пегги Хичкок.

Это была энергичная двадцативосьмилетняя девушка, наследница миллионера Меллона. Как позже писал Лири про Пегги, ей «быстро все приедалось, при этом она была полна честолюбивых замыслов и искала проект, который мог бы поглотить ее неуемную энергию». Задача расширения сознания была как раз по ней, и она присоединилась к Фло Фергюсон как неофициальная покровительница программы изучения псилоцибина.

По забавной иронии судьбы как раз в самый разгар вращения в высшем обществе Лири одновременно задумал эксперимент, который мог бы доказать, что псилоцибин является мощным средством изменения поведения. Как-то раз совершенно случайно он обратил

внимание на стоявший у их здания автобус из Массачусетского управления исправительными заведениями. Представители управления пытались уговорить молодых медиков с факультета психологии поработать у них — просьба, редко находившая отклик. Работа в тюрьме по престижу была сравнима с работой в лепрозории. Лири созвонился с управлением и пригласил нескольких подходящих людей на ланч в факультетский клуб в Гарварде: за обедом он объяснил представителям управления, какая канцелярская волокита связана обычно с тем, чтобы получить разрешение дать заключенным наркотики. Потом добавил, что мог бы обеспечить им сотрудничество стольких аспирантов, сколько им потребуется. Через неделю он уже имел доступ в тюрьму штата Массачусетс Конкорд.

Прелесть тюремного проекта заключалась в том, что мало где еще можно найти столь чистые условия для эксперимента: окружающая атмосфера не менялась и все роли были строго заданы. И что самое главное — имелась точная статистика, доказывающая, что существующие методики работы с преступниками никуда не годятся: рецидивизм в массачусетских тюрьмах достиг небывалого уровня — 70 % осужденных вновь возвращались в исправительные заведения. Лири сказал тюремным чинам, что используя псилоцибин, можно добиться уменьшения этой цифры. Наедине с аспирантами он шутил: «Давайте посмотрим, сможем ли мы превратить преступников в будд».

Принимать псилоцибин в Ньютоне — это одно, а давать его глотать стаду закоренелых преступников в запертой комнате тюремного изолятора — совсем другое. Тюремный психиатр жизнерадостно ознакомил Лири с разношерстной группой испытуемых — два убийцы, два участника вооруженного ограбления, один растратчик и один героинист. По словам Мецнера, когда заключенные мягкой упругой походкой нервно прохаживались по комнате, ему вспоминались «тигры в клетке», которых он наблюдал в зоопарке.

Чашка с псилоцибином стояла на столе. Лири положил туда шесть розовых гранул и передал одному из испытуемых. Мужчина мгновение помедлил, а потом разом заглотил свои шесть таблеток. Уговорились, что утром Лири проведет сеанс с тремя заключенными, а во второй половине дня его сменят Мецнер и Гюнтер Вайл и будут вести сеанс с тремя остальными.

Когда наркотик начал действовать («мысли исчезают, у меня в

голове будто молоток стучит, резкий пронзительный звук, ослепительный свет, все чувства вдруг обострились»), Лири почувствовал, что ему становится страшно. Вдруг один из узников спросил: «Док, почему так происходит?» «Потому что я вас боюсь», — пробурчал Лири. Мужчина расхохотался. «Забавно, док, но на самом деле это я вас боюсь!» «С чего это вы меня боитесь?» — удивленно спросил Лири. «Потому что вы… ученый псих!» — услышал он в ответ. Заключенные дружно заржали. Лед тронулся.

Когда вечером за ними лязгнули тюремные ворота, они с трудом сдерживались, чтобы не завопить от радости. Позже Лири говорил: «Мы верили в человеческую природу и в возможности наркотика. Но то, что случилось, было немного похоже на волшебство… И в тот момент мы ощущали себя героями».

После этого они посещали Конкорд по несколько раз в неделю. Иногда приходили просто побеседовать, иногда делали тесты, которые потом надо было спокойно объяснить настороженно слушавшим заключенным. И каждую неделю проводили еще одну сессию. Изменения, как те, о которых свидетельствовали тесты, так и описанные самими испытуемыми, были впечатляющими. Не прошло и месяца, как закоренелые преступники заговорили о любви, неземном экстазе и участии — понятиях, столь же далеких от тюрьмы Конкорд, как прежде — от Центра исследования личности.

По тюрьме прокатился слух, что в изоляторе творят странные штучки, благодаря которым можно откосить от работы. В одно из посещений к Лири подошли двое из самых крутых уголовников и сообщили, что они присоединяются к его проекту. Другие заключенные были испуганы. Эти двое парней стояли у самой верхушки тюремной иерархии, так что Тима предупредили — отказать этим двоим будет очень опасно, но и включать их в проект значило полностью нарушить уже сложившийся духовный настрой в группе. Тим выслушал их опасения и затем заявил, что прежде, чем парни смогут войти в их группу, они должны будут принять дозу псилоцибина. Когда возможные последствия этого дошли до испуганных заключенных, они заулыбались, а затем расхохотались.

Если вы можете себе представить, что будет, если Хамфри Богарта из «Грязнолицых ангелов» поместить в «Алису в стране чудес», то можете вообразить примерно, что творилось в тюрьме. Один из новичков испытал приступ паранойи и решил, глядя на Гюнтера Вайла ненавидящими глазами, что все это не иначе как

хитрые происки полиции, которая таким способом пытается заставить его признаться во всех предыдущих преступлениях. Гюнтер Вайл почувствовал себя под этим взглядом неуютно. Ему стало бы еще неуютней, если бы он знал тогда, что заключенный про себя просчитывает варианты, каким способом можно подстроить несчастный случай, жертвой которого окажется этот гнилой мозгляк из Гарварда, который смог его обдурить. Однако умело подобранная обстановка и окружение сделали свое дело. Паранойя прошла, узник забыл о мести, а также о том, что принадлежит к бостонскому клану ирландской мафии. Он начал думать о всеобщей любви, о том, что все люди суть одно, и что на самом-то деле между ним и этим гарвардским парнем нет никаких различий.

Первые результаты работы в тюрьме были настолько обнадеживающими, что Лири полетел в Вашингтон, чтобы обсудить возможность применения псилоцибина для психотерапевтической работы в местах заключения.

Однако тюремные исследования выявили еще один характерный результат приема псилоцибина. Да, заключенные менялись, менялось и их поведение, все правильно. Однако эти изменения не вписывались в научные рамки, а скорее заставляли ученых чувствовать себя неловко, поскольку большая часть тех, кто принимал псилоцибин, так или иначе, но обращалась к религии. Это, конечно, касалось не только заключенных. Если уж закоренелые преступники могли обратиться к Богу, представьте себе, что творилось с обычными участниками программы изучения псилоцибина. Бэррон, понимая, что запредельный опыт заводит их в такие пространства, где агностические взгляды вряд ли помогут, закупил в Калифорнии целую библиотеку мистических текстов. «Думаю, начинать можно с Уильяма Джеймса», — советовал он. А за Джеймсом последовали Сведенборг, Джордж Фокс, Уильям Блейк, французский сюрреалист Рене Домаль, даосы, буддисты, суфии и тантрическая психология, основанная на «Бардо Тодоль».

Ранее, до приема псилоцибина, никому из них не приходило в голову читать подобные книжки. Однако теперь они обратились к богатой литературной традиции, которая включала в себя то, что Хаксли именовал «вечной философией». Создавалось впечатление, что мистические тексты были как раз теми пособиями, которые, в отличие от научных, могли дать какое-то объяснение тому, что с ними происходило.

То, чем они занимались, как решил Лири, можно назвать прикладным мистицизмом. Во всяком случае именно это было основной сутью его выступления на конгрессе по прикладной психологии, состоявшемся в августе 1961 года в Копенгагене. «Наиболее эффективный способ покончить с социальными ролями, столь характерными для западного образа жизни, — это использовать наркотики, — заявил он. — Сатори можно достичь с помощью наркотика. За три часа при правильной постановке дела вы сможете полностью прочистить кору головного мозга».

Глава 13. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ГАРВАРДЕ

На заседаниях в Копенгагене присутствовал, кроме Лири и Альперта, их коллега, Герб Келман, психолог-клиницист, специализирующийся по социальной психологии, который в предыдущем году находился в творческом отпуске в Норвегии. С Альпер-том он был знаком несколько лет, с Лири — несколько месяцев. Келман всегда считал их обаятельными людьми и хорошими специалистами. Потому он был крайне удивлен тем, в каком странном стиле проходило заседание семинара «Новые направления». Сначала со сцены Лири благодарил Бэрро-на за то, что тот привез ему священный гриб, потом Альперт за что-то благодарил Лири, и вообще все заседание напоминало скорее собрание секты евангелистов, чем научный симпозиум. Один из изумленных слушателей сказал Келману, что, по его мнению, Лири ведет себя так, будто несколько тронулся умом.

На этом симпозиуме Келман внезапно осознал, на что намекали ему в письмах друзья, когда писали, что на Дивинити-авеню, 5, творится нечто странное. Но даже то, что он видел на симпозиуме, не подготовило Келмана к тому, что он застал, вернувшись в Кембридж: никто не только не осуждал Лири и Альперта, а скорее, напротив, они пользовались огромным влиянием. Лири вел себя так, будто стоял во главе нового направления психологии второй половины двадцатого века. Это могло бы показаться смешным, однако не один Лири, но и все остальные участники псилоцибинового проекта выглядели очень самоуверенными. В проекте участвовал не только цвет гарвардской аспирантуры, но и преподаватели с факультета, такие, как Альперт и Кан. И в довершение всего Лири и Альперт вели групповое обучение

по введению в клиническую психологию — наиболее важный предмет, который изучают в Гарварде те, кто готовится к врачебной работе. На этих занятиях они подробно обсуждали новые идеи и заявляли во всеуслышание, что старые методы никуда не годятся: будущее принадлежит новым изменяющим поведение наркотикам — таким, например, как псилоцибин.

Конечно, существовала возможность, что Лири действительно открыл что-то серьезное. Нельзя забывать, что современники смеялись над Фрейдом, который потом вошел в историю. Но это не является правилом. Не все люди, проповедующие новые идеи, гениальны, как Фрейд. Большинство из них — шарлатаны и дилетанты, и чем больше Келман размышлял на эту тему, тем больше склонялся к мнению, что Тим, несмотря на весь свой ум и обаяние, относится именно к последним. И действительно, по мере знакомства с программой изучения псилоцибина, Келман все более укреплялся в убеждении, что это всего лишь хитроумное прикрытие пристрастия к наркотикам.

И нельзя сказать, что он был одинок в этом мнении. С самого первого дня работы Тиму приходилось прилагать много усилий, чтобы убедить коллег, что все эти свечи, курильницы, индийские раги, звучащие на стерео, и мягкие коврики на полу — лишь необходимая обстановка, антураж, требуемый Ее величеством Наукой. Обычно он в ответ на вопросы читал небольшую лекцию о значении обстановки и окружения, и на первое время этого было достаточно. Но к осени 1961 года оказалось уже невозможным скрывать двойную цель программы. «Я начинаю понимать, — сообщил Макклелланд репортеру какого-то журнала, — что испытуемых там мало, а исследователей много, из чего следует, что исследователи потребляют больше наркотиков, чем все остальные». Прежний оптимизм Макклелланда относительно программы изучения псилоцибина постепенно затухал — на смену ему пришла тревога.

Вместо того чтобы привести всех ко всеобщей любви, псилоцибин пока что приводил к раздору и разногласиям. Дивинити-авеню, 5, разделилась на два лагеря: тех, кто участвовал в опытах, и тех, кто не участвовал. Первые смотрели на вторых «свысока, ощущая, что новый опыт вывел их за обычные пределы, куда-то выше нормального мира», что, по мнению вторых, уже граничило с ненормальностью. Но еще более смущали слухи, что, вопреки

уверениям Тима, кое-кто из тех, кто принимал псилоцибин, попал в больницу.

Макклелланд никогда не верил до конца этим слухам, однако одна из аспиранток призналась: «ей кажется, что она немного тронулась умом, хотя в то же время никогда еще в жизни не была так счастлива».

Макклелланд вынес свои сомнения на факультетское собрание, которое состоялось в октябре. Его доклад был озаглавлен «Общественное мнение и программа изучения псилоцибина». В нем говорилось: «Развертывание программы изучения псилоцибина на всем ее протяжении портили повторяющиеся неоднократно приемы наркотиков, при проведении которых не выполнялись принятые в научном сообществе условия… Вряд ли можно сомневаться в том, что употребление наркотиков понижает ответственность и повышает импульсивность поведения». Он также коснулся в своей речи недавнего увлечения Тима восточной мистикой, заметив, что, вероятно, не случайно те культуры, которые (как, например, Индия) практиковали мистические методы познания, обладают самой слабой и отсталой социальной и государственной структурой. Пока люди сидят в позе Будды, погружаясь с помощью наркотиков в измененные состояния сознания, вокруг процветает нищета, болезни, дискриминация и суеверия. Нам нужны достоверные факты, подчеркнул Макклелланд, а не поэтические сравнения переживаемого с опытом космонавтов, исследующих неизведанное.

Осознав, что критика Макклелланда в основном вызвана утратой контроля за происходящим и отсутствием научно оформленных результатов (против чего возразить было нечего), Майкл Кан сказал Альперту: «Тимоти напоминает мне режиссера театральной труппы, который утратил связь с окружающей реальностью. Ему нужен умелый менеджер, который сумел бы наладить отношения с обществом». Кан и Альперт совместными усилиями принялись восстанавливать пошатнувшуюся профессиональную репутацию Тимоти, перепечатывая и распространяя его тезисы, уверяя всех, что Лири занимается сбором данных, которые научно обрабатываются и исследуются. В феврале 1962 года они распространили докладную записку на тридцати страницах, целью которой было опровергнуть «недавние недостоверные сообщения», которые привели «ко множеству слухов и неверному пониманию целей программы». Там говорилось, что сейчас они терпеливо собирают данные, которые

должны подтвердить предположения относительно того, что «псилоцибин может вызывать мощное просветление — как в психологической, так и интеллектуальной сферах, а это, при соблюдении правильной методологии, может привести к изменению поведения». Далее в той же записке сообщалось, что девяносто один из девяносто восьми обследовавшихся сообщили, что испытали «радостные переживания», вызвавшие «озарение, оказавшее позитивное влияние на их жизнь». Особенно показательными оказались эксперименты, проведенные в тюрьме Конкорд, где наркотик был дан тридцать одному заключенному, У большинства из них, судя по тестам MMPI, резко увеличились коэффициенты, связанные с ответственностью, социализацией, терпимостью и стремлением к достижениям.

В докладной также подчеркивался их возросший интерес к религиозным переживаниям, сопутствующим психоделическим состояниям сознания, к которым ранее, к сожалению, относились довольно пренебрежительно.

В декабре, сообщали они далее, будет проведена серия неформальных семинаров, в которых примут участие местные светила теологии, такие, как Хастон Смит (друг Хаксли, преподававший религию в Массачусетском технологическом) и Уолтер Хьюстон Кларк, шестидесятилетний психолог, преподававший в семинарии в Эндовер-Ньютон. Девять человек из тех религиозных деятелей, которые собирались участвовать в семинарах, приняли псилоцибин. В результате четверо испытали настоящее мистическое крещение. Впечатления одного из них приводились в записке: «Думаю, что религия отвергнет это мощное средство, как опасное, поскольку здесь трудно предсказать последствия. Этот опыт навевает воспоминания о mysterium tremendum.[82] Он устрашает».

Ричард Альперт в ипостаси Рама Дасса

Докладная сделала свое дело, и отношение к проекту только-только начало смягчаться, как вдруг 20 февраля появилось объявление Лири, в котором содержался следующий встревоживший

---

[82] Страшные тайны [Христовы] *(лат.)*.

всех абзац: «Руководители центра предполагают использовать псилоцибин на «грибных семинарах», которые будут проводиться для аспирантов: теологов, психологов, специализирующихся на изучении поведения, и философов. В основу курса будет положено принятие раз в месяц наркотика и решение имеющихся проблем в соответствующих областях знаний с помощью нового понимания».

По-видимому, несмотря на предупреждения, Лири так и не поверил, что университетские власти могут свернуть исследования, связанные с псилоцибином. На протяжении осеннего семестра он уговаривал всех студентов, слушавших его вводный курс по клинической психологии, попробовать хоть разочек совершить путешествие с помощью наркотика. Ему отказал только один студент. Но этот единственный отказавшийся уведомил об этом Келмана. Сознавая, что отказ может повредить ему (по крайней мере, в глазах Тима он точно становился ретроградом-психологом), этот студент пошел к Келману и поделился с ним своими опасениями. Келман пришел в ярость.

Лири и Альперт перешли границы дозволенного! Келман тут же опросил других студентов, посещавших вводный курс по клинической психологии. Некоторые признавали, что подверглись давлению, другие рассказывали страшилки о путешествии в Иной Мир. Вооружившись подобными свидетельствами, Келман направился к Макклелланду и потребовал обсудить все это на заседании факультета. Макклелланд обратился к Лири, и тот согласился, что это неплохая идея. Новость об обсуждении быстро распространилась, по факультету ходили самые разные слухи. 16 марта «комната психодрамы» на Дивинити-авеню, 5, превратилась в обычный конференц-зал.

Дэвид Макклелланд пытался смягчить разгоревшиеся дебаты, которые растянулись на полтора часа. Будучи настроен скептически, он тем не менее поддерживал Лири. Наиболее яростным оппонентом был Келман, который требовал либо радикально изменить программу, либо вовсе закрыть исследования псилоци-бина. «Я был бы рад назвать это всего лишь расхождением во мнениях среди ученых, — сказал он. — Но на самом деле эта работа нарушает принятые в научных кругах принципы исследования… программа проникнута антинаучным духом. Они настаивают на ценности чистого опыта, а не на научных результатах, выраженных в словесной форме. Это является попыткой опровергнуть все, на чем

базируется психология как наука». Критика Келмана была поддержана и другими присутствовавшими.

«Скажите, а вы не утруждаете себя чтением литературы по вашей теме исследования?» — с таким вопросом обратился к Лири Брендан Мейер, чей стиль ведения спора напомнил ему прокурорский допрос. «Да, я читал эти труды». «Тогда как вы можете исследовать эти наркотики вне стен психиатрической клиники?»

Хотя Лири и ожидал критики, но не представлял, насколько сильно настроены против него другие ученые. Ему с трудом удалось сохранить невозмутимость. Чего нельзя сказать об Альпер-те, который к концу заседания был полон холодной ярости.

Лири позже упоминал, что перед встречей Дика отозвали в сторонку и предупредили, что «Тима уже ничто не спасет, но если Дик будет вести себя тихо, то, возможно, еще сможет спасти свою карьеру». Была ли эта угроза реальной или нет, неизвестно, но половину слушаний Альперт сидел, ни во что не вмешиваясь, потом же вскочил и яростно обрушился на Келмана и Мейера. В конце все утихомирились и завершили спор во вполне академическом стиле — было принято решение назначить комитет, чтобы исследовать разногласия. «Встреча закончилась вполне цивилизованно и спокойно», — писал Лири в «Воспоминаниях».

Однако это спокойствие продлилось всего лишь сутки. На следующее утро на первой странице гарвардской «Кримсон» появилась статья, озаглавленная «Психологи расходятся во мнениях по поводу исследований псилоцибина». Статью перепечатали другие бостонские газеты, затем новость распространилась дальше, и в результате связь Гарварда с изменяющими сознание наркотиками стала общеизвестной. Но это было еще только начало.

Внезапно на Дивинити-авеню, 5, появились федералы и подняли шум, грозя им инспекцией со стороны местного отдела ФДА.[83] Гарвард мягко отклонил инспекцию, заверив власти, что университет вполне контролирует ситуацию. О том, что ситуация находится под контролем, они сообщили и нагрянувшим репортерам. Программа исследования псилоцибина ныне находится под наблюдением

---

83 ФДА (Food and Drug Administration) — Управление по контролю за продуктами и лекарствами Именно его агенты в книге периодически именуются федералами

специально назначенного факультетского комитета. А поставки псилоцибина контролируются доктором Даной Фэрнсвортом — представителем университетской службы здравоохранения. И распределяются только под наблюдением комитета. Вдобавок к этому Лири и Альперта попросили вернуть все их личные запасы псилоцибина — требование, шедшее вразрез с представлениями об академических свободах. Однако Лири легко согласился на это. В самом деле, к концу 1961 года руководству Гарварда могло казаться, что проблема с программой исследования псилоцибина вполне успешно преодолена, если не разрешена окончательно. Университету оставалось лишь дождаться, когда у Лири закончится годовой преподавательский контракт, что должно было произойти будущей весной, — и тогда они смогут избавиться и от него, и от всякой сопутствующей ему мистики навсегда.

К сожалению, в Гарварде были не в курсе дел. Потому что если говорить о Лири, то его вряд ли бы взволновало, даже если бы доктор Фэрнсворт запер все запасы псилоцибина и выбросил ключи. Псилоцибин стал для Лири пройденным этапом с тех самых пор, как он получил от Холлингсхеда чайную ложку ЛСД — будто эстафетную палочку — и в результате выскочил в запредельные пространства. Позже Лири писал: «После этого сеанса стало очевидно, что нам неизбежно придется удалиться из Гарварда, да и из общества вообще».

Холлингсхед был англичанином лет примерно тридцати пяти. Он конечно же был высок, с необычными шрамами на лбу и звучным аристократическим произношением. Он выразительно и живо описывал свое обучение в частной школе и свое общение с Анной Фрейд. Лири прозвал его «божественным мошенником» и был очарован его «остроумными рассказами». Однако большинство окружающих считало его просто психопатом. Кто-то заметил: «То, что Тим связался с Холлингсхедом, — самая большая ошибка в его жизни».

В первом телефонном разговоре с Лири Майкл Холлингсхед представился как протеже английского философа Д.И. Мура. Он приехал в Бостон, сообщил Холлингсхед, поскольку Олдос Хаксли говорил ему о Тиме как о человеке, который понимает толк в психоделиках.

Лири пригласил Майкла на ланч в Гарвардский факультетский клуб, где ему большую часть времени пришлось провести, слушая

планы Холлингсхеда относительно его будущего романа. Он также похвалялся тем, что принял ЛСД больше, чем кто-либо другой во всем мире. Тим вежливо выслушал его болтовню, пожелал ему удачи во всех начинаниях, расплатился за обед и вернулся в свой офис.

Зазвонил телефон. Это вновь был Холлингсхед: он нуждается в помощи, он на грани самоубийства, ему негде переночевать. Лири отвез его в свой дом в Ньютоне и позвонил в Нью-Йорк знакомым, чтобы разузнать, что представляет из себя его новый квартирант. Держись подальше от него, сказали ему, это подстава. Подстава или нет, но Холлингсхед привез с собой целую майонезную банку с ЛСД.

Способ, которым он добыл эту банку, является хорошей иллюстрацией к тому, насколько быстро распространялись в то время психоделики. Холлингсхед приехал в Нью-Йорк в 1953 году и на протяжении десяти лет был связан с организацией, называвшейся «Англо-американский институт по культурному обмену», который, как предполагалось, способствовал установлению дружественных связей между Англией и Америкой. В дирекцию института входил Хантингтон Хартфорд, а также поэт У.Х. Оден. Среди знакомых Холлингсхеда был еще один эмигрант из Англии — Майкл Бересфорд. А Бересфорд, будучи поклонником книги «Двери восприятия», входил в небольшой психоделический кружок, собиравшийся в темном магазинчике в Гринвич-Виллидж, где продавались любые виды корней и растений — пейотль, хармалин, вьюнок пурпурный, мескалин, — причем все совершенно легально. Холлингсхед вместе с Бересфордом участвовал во многих интересных экспериментах с наркотиками. Вершиной их начинаний была совместная покупка нескольких граммов ЛСД, из которых Холлингсхеду достался один грамм (стоивший около 285 долларов) — объем, который соответствует примерно пяти тысячам доз.

Вернувшись в свое жилище в Гринвич-Виллидж, Холлингсхед принялся химичить: растворил доставшийся ему ЛСД в дистиллированной воде, поместил полученную смесь в жестянку из-под сахара, а затем, небрежно взболтав, перелил в пустую майонезную банку, перемешал все и непроизвольно облизал ложку. Теперь если вы вспомните, что нормальной дозой ЛСД является 250 не тысячных, а миллионных частей грамма, то можете себе представить, что произошло с Холлингсхедом после того, как он облизнул эту ложку.

Он буквально рухнул в Иной Мир, с ним стряслось именно то, что хотя и редко, но все же случается — он не смог целиком вернуться обратно. Он будто затерялся где-то на пути между этим и иным миром, подобно тому, как (утверждают некоторые) душа может затеряться между мирами, если не будут соблюдены похоронные обряды. Холлингсхед написал письмо Хаксли, который интересовался проблемой возвращения из Иного Мира. Олдос в ответном послании сообщил Холлингсхеду адрес Лири, присовокупив, что тот «отличный парень».

Несмотря на предупреждения, полученные из Нью-Йорка, Лири пригласил Холлингсхеда погостить в своем доме в Ньютоне в качестве неофициального бэби-ситтера при его детях — Сьюзен и Джеке. Мецнер считал, что Холлингсхед справлялся с обязанностями совсем неплохо, «учитывая то, в каком состоянии он постоянно находился». Его день начинался с принятия дозы ЛСД, затем он выпивал, потом смотрел телевизор. Холлингсхед называл ЛСД своим ежедневным витамином.

Лири поначалу отказывался пробовать ЛСД. Он был слишком занят и озабочен трудностями с программой псилоцибина, его беспокоило все возраставшее критическое отношение к нему на факультете. Несмотря на настойчивые уверения Холлингсхеда, что сравнивать псилоцибин с ЛСД, это все равно, что сравнивать домашнего котенка со львом, Тим оставался в уверенности, что нет особой разницы между тем и другим. И только когда в гости к нему нагрянули Фло Фергюсон и Мэйнард и согласились попробовать ЛСД вместе с Холлингсхедом, Лири удалось уговорить.

«Ты должен это попробовать», — прошептала Фло. И он согласился. То, что последовало затем, было самым сильным переживанием в его жизни.

Мецнер забежал к нему на следующий день и был потрясен. Он едва узнал Тима. Тот имел «бледный взор, какой бывает у тех, кто видел слишком много» и все время бормотал что-то о «пластиковом кукольном мире» и о «полной смерти эго». Тим следовал как тень за Холлингсхедом, напоминая гусят после имприн-тинга, описываемых Конрадом Лоренцом.[84]

---

84 Лоренц, Конрад (1903 — 1989) — великий австрийский биолог, создал совместно с фон Фришем и Тинбергеном этологию — науку о поведении живых существ Нобелевская премия 1973 года

«Мы теряем Тимоти, — предостерег всех Альперт. — ЛСД лучше не трогать». Однако Лири вскоре сумел вернуться в норму. «Ого!» — сказал он.

Если псилоцибин приводил к вселенской любви, то ЛСД приводил к смерти и перерождению, и это быстро изменило дружелюбный настрой, который сплачивал прежде членов программы изучения псилоцибина. Все начали принимать крутые дозы и уходить в индивидуальные путешествия, которые другие не могли с ними разделить. Разрушилось чувство общности.

«Мы стали высокомерными, мы свысока смотрели вокруг, мы присутствовали и отсутствовали, — вспоминал Кан. — Мы начали смотреть на людей, которые не имеют «опыта» так, будто они были низшими существами по сравнению с нами. На всех вечеринках, куда мы ходили, были "те, кто попробовал ЛСД" и "те, кто не попробовал". И мы собирались в свои отдельные группки, где обменивались шутками насчет пребывания «там» и не принимали в свой круг других, кто пытался к нам присоединиться».

Альперт, в частности, совершенно не приветствовал вторжения ЛСД. С псилоцибином все было ясно, после почти года работы они уже были способны создать достаточно четкую, хорошо работающую модель того, что происходит в этих путешествиях, путешествия «за пределы» стали почти обыденным делом. Но ЛСД спутал все карты. ЛСД вновь возвращал все к первоначальному хаосу. Это было слишком! Не было никакой возможности втиснуть то, что происходило после приемов ЛСД, в уже наработанные модели с псилоцибином.

Все это заставляло его нервничать. Конечно, не исключено — это часто бывает с психологами, — что подсознательно Альперт подозревал, что если он сам соблазнится на ЛСД, то прощай Гарвард, прощай Нобелевская премия и, возможно, прощай и сам Дик Альперт.

Однако Тим сумел его уговорить. «Какие новые горизонты, — увлеченно восклицал он, — самый замечательный способ прочистить подкорку!»

На самом деле, если кто и символизировал результат действия ЛСД, так это был Майкл Холлингсхед. За несколько недель Холлингсхед приобрел в доме Тима почти такой же статус, как

Альперт. Мецнер же чувствовал, что его присутствие действует разрушающе на их сплоченную группу, так как Холлингсхед имел привычку подшучивать над духовностью. Вести сеанс с Холлингсхедом было опасно — он любил воздействовать на ситуацию. Наблюдая за Холлингсхедом, Мецнер впервые осознал, что психоделики не обязательно превращают людей в святых или мудрецов. Когда же он пытался протестовать против ухваток Холлингсхеда, тот отвечал со столь обезоруживающей дружелюбной усмешкой, что ему невозможно было противостоять. Холлингсхед пользовался полным доверием со стороны Лири, поскольку тот, пережив совершенно потрясший его опыт, решил, что Холлингсхед является посланником высших сил и был послан на землю с тем, чтобы вывести его, Тима, на истинный путь.

Тут встает один довольно сложный вопрос, на который нет однозначного ответа. А именно — когда же Лири стал считать себя пророком? В какой момент началась игра в гуру? Где начало того пути, что приведет впоследствии к «Первосвященнику»? Лири, естественно, всегда отрицал такие претензии со своей стороны. На публике он высмеивал предположение о том, что является божественным избранником. Вот над чем Тим бы «смеялся и смеялся, — уверяет Кан, — он никогда ни на секунду не считал себя гуру». Однако у Мецнера было другое мнение на этот счет: «Я знаю, что бессознательно, еще в самом начале нашей работы, он считал себя пророком. А усилившиеся со временем нападки на него со стороны властей и прессы лишь утвердили его в этом неосознанном предположении, потому что он полагал, что пророк всегда остается не понят современниками». И эта пророческая миссия становилась все более высокодуховной.

Если псилоцибин ослабил те установки, что Лири именовал «игрой Тима Лири», то ЛСД, приведший к «онтологической конфронтации», от которой, по словам, Лири он так «никогда и не оправился», просто смел начисто прежние социальные ролевые игры. И хотя прошли годы, прежде чем Тим смог без дрожи говорить о слове Божьем — давили детские воспоминания о тете Дуду, — однако понимание того, например, почему Гинсберг и Уоттс предпочитают играть не в «научные», а в «духовные» игры, пришло очень скоро.

Весной 1962 года Лири глубоко погрузился в изучение тантрического буддизма. В тот же самый период молодой психолог

Стэн Криппнер приехал к нему за псилоцибином. Предположительно тогда были в разгаре переговоры Тима с Гарвардом, ФДА и государственным Управлением по наркотикам относительно будущего программы изучения псилоцибина. Однако, хотя он вернул Дане Фэрнсворту все имевшиеся у него запасы наркотика, он сумел где-то добыть псилоцибин для Криппнера, сообщив тому: «Вы как раз относитесь к тому типу людей, которым, как мы думаем, нужен этот опыт».

Позже, когда Криппнер смог прийти в себя после своего головокружительного визита в Гарвард (самым ярким переживанием во время сеанса было то, что впоследствии оказалось провидческим — под псилоцибином он увидел будущее убийство президента Кеннеди), то наиболее запомнившейся ему вещью из реального окружения было сочетание стопок бумаг и книг на столе Лири. Половину стола занимали листы с нарисованными на них особыми концентрическими окружностями — графики и диаграммы, которые Лири популяризовал в своей работе «Общая диагностика личности».

Но когда Криппнер поздравил его с успехом этой книги, Лири только небрежно махнул рукой: «Это допотопная работа». Он подразумевал, что наркотики придают исследованиям совсем другое направление. И хотя он не упомянул, какое именно, но об этом не трудно было догадаться, видя на второй половине стола груды книг по индуизму и буддизму.

Однако книги не могли заменить непосредственный опыт. В начале 1962 года бывший майор ВВС, а ныне индусский монах Фред Свайн посетил дом в Ньютоне. Свайн был членом веданти-стского ашрама в Бостоне. Хотя он не считал, что постижение высшего разума требует обязательно принятия наркотика, но разделил как-то «грибную» ночь с курандерой Гордона Уоссона в холмах за Оаксакой.

Свайн принял в Ньютоне ЛСД и в ответ пригласил Тима посетить их ашрам. Атеист Лири был поражен.

«Сам ашрам — удивительное место, — писал он позже. — Безмятежная, ритмичная жизнь, полная работы и медитаций, все нацелено на получение высокого духовного опыта». Он провел сеанс ЛСД для членов ашрама. Они отнеслись к нему с большим уважением: «монахи и монахини обращались со мной как с гуру. Для них это было самоочевидно. Я для них был не проводящим исследования психологом из Гарварда. При чем здесь это? Я,

нравилось мне это или нет, исполнял древнейшую роль учителя-наставника».

Вопреки утверждению Кана, что Тим бы рассмеялся, если бы ему стали приписывать такую роль, на самом деле его продвижение в сторону религии становилось со временем все более заметным. Была ли это хитроумная игра на публику? Или Тим всерьез в это верил? Подключился ли он в самом деле к древним каналам святости и получил ли послание «иди и неси свет»? Пытаясь найти ответ на эти вопросы, возможно, стоит обратить внимание на то, что как-то раз написал о себе Алан Уоттс:

> *С одной стороны я — бесстыдный индивидуалист. Я люблю говорить, развлекать, быть в центре внимания и могу поздравить себя с тем, что многого добился в этом направлении, написав множество книг и выступая перед многочисленной аудиторией. С другой стороны, мне очевидно, что индивидуальное эго, именуемое «Алан Уоттс», — это иллюзия, социальная установка, набор слов и символов, не имеющий отношения к основной сущности бытия. И эти символы будут прочно забыты максимум лет за пятьсот, моя же физическая оболочка превратится в пыль и пепел еще быстрей.*

Как осознавал Уоттс, трудно было найти на свете более двусмысленную профессию, чем профессия философа, проповедующего отказ от индивидуальности и при этом достигающего известности. Те, кто пишет книги и читает лекции, — это просто игроки в театре индивидуальных эго. С этой точки зрения жизнь во многом напоминает постановку трагикомедии, качество которой зависит от количества остроумия и изящества, которые каждый вносит в исполнение своей роли.

Действительно, если искать образец того, кто хорошо знал, как следует играть старые наставнические роли в новом окружении, то вряд ли можно было найти лучшего исполнителя на роль учителя, чем Алан Уоттс. Он был намного младше Хаксли и все же в нем чувствовалась та же английская живость ума, то же благородное посвящение своей жизни служению идее. Но, в отличие от Хаксли, Уоттс принадлежал к богемным кругам, хотя и к более элегантному слою богемы, нежели Гинсберг или битники. Одним из качеств, за

которые Уоттс критиковал битников — помимо их слабого знания дзена, — была их неряшливость; они, как он считал, «испытывали недостаток "gaiete' d'e'sprit"».[85] Уоттс, когда он не путешествовал по всему миру как свободный философ, жил в плавучем доме в заливе Сосалито. Он был замечательным церемониймейстером. Благодаря общению с лондонскими буддистами и прошлому англиканского пастора, Уоттс знал толк в проведении таинств и ритуалов. В одно из пасхальных воскресений он руководил полной психоделической церемонией в доме Лири в Ньютоне, перемежая цитаты из Нового Завета дзенскими шутками и притчами. Причастие — ЛСД — подавалось в кубках, вместе с французскими хлебцами. Потом он пригласил участников во двор, где они занялись ловлей падающих снежинок. Все, что делал Алан, было одновременно гармонично и в то же время — необычно. Наблюдая за ним, Тим испытывал зависть. Он тоже хотел бы стать свободным философом, зарабатывая на жизнь исключительно блестящим интеллектом.

Уоттс часто наезжал в Гарвард и всегда заглядывал на богословский факультет, хотя чувствовал себя равно как дома и на факультете психологии. Он считал, что, за исключением Харри Мюррея, самыми нормальными людьми в университетском городке являются те, кто участвует в программе изучения псило-цибина. Хотя взгляды Тима внушали ему некоторое беспокойство: «Ему [Тиму] кажется, что на практике все эти усилия, направленные на научную объективность и серьезность, — просто академические ритуалы, предназначенные для того, чтобы убедить университетских руководителей, что ваша работа достаточна нудна и тривиальна, чтобы ее могли считать важной». Уоттс, хотя и симпатизировал работе Тима, тем не менее следовал совету Хаксли «не уходить с научных позиций, а расширять их».

Тиму в конце концов удалось договориться об эксперименте, который с точки зрения Уоттса был почти идеален. Побудил их к этому один медик, который потом стал доктором теологии. Его звали Уолтер Панке. Он собирался подтвердить тезисы докторской диссертации и для этого дать псилоцибин двадцати студентам с факультета теологии, а затем сверить полученные результаты с девятиступенчатой моделью мистического опыта, которую он взял из

---

[85] Веселость духа *(франц)*

работы принстонского философа У.Т. Стейса.

Поначалу Лири отказался, но вскоре был покорен сочетанием «живого энтузиазма», который излучал Панке, и четко спланированной аккуратной схемы проведения эксперимента. Панке предполагал разделить двадцать студентов на пять групп, за каждой из которых будут присматривать по два человека из псилоцибинового проекта. Никто — ни студенты, ни Панке, ни аспиранты — не знал бы, кто получил псилоцибин, а кто плацебо. Впоследствии студенты заполнили бы анкетный опрос с 147 пунктами и еще один вопросник — спустя полгода. Для оценки их ответов Панке хотел привлечь домохозяек, которые были в прошлом школьными учительницами. Таким образом обеспечивалась бы беспристрастность оценок. Это был самый научный подход из всех, что предпринимались за все время существования программы изучения псилоцибина. К сожалению, Гарвард отказался выдать псилоцибин.

Созданный месяц назад комитет считал, что им нужно больше времени, чтобы обдумать этот запрос. Это рассердило Лири, хотя он прекрасно знал, что цель комитета как раз и заключалась в том, чтобы тем или иным способом прикрыть все проекты, связанные с псилоцибином. Хотя на словах они продолжали уверять, что научные исследования будут продолжаться. Однако если уж их не удовлетворила научная схема Панке, то вряд ли их могло удовлетворить что бы то ни было. Крайне раздосадованный и чувствуя себя виноватым перед Панке, Лири где-то умудрился добыть нужное количество псилоцибина и на Страстную пятницу отправился в часовню Бостонского университета с двадцатью студентами из Эндовер-Ньютона (их собрал Уолтер Хьюстон Кларк). Эксперимент начался. Половина юных теологов получила псилоцибин, остальные — не влияющую на сознание никотиновую кислоту. Единственный эффект, который она могла вызвать, — это временный прилив крови к лицу, больше ничего. Никто не был в курсе того, кто что принял. Однако не прошло и часа, как разница стала очень заметна. В то время как половина студентов сидела и внимательно слушала службу, которая началась в главной церкви, их товарищи явно находились где-то в другом месте — они либо лежали на скамейках, периодически издавая стоны, либо бродили вокруг, с напряжением вглядываясь в висящие на стенах картины религиозного содержания. Один сел за орган и стал извлекать из него «странные

будоражащие звуки». Из тех десяти человек, которым досталась никотиновая кислота, лишь один участник пережил нечто, что можно было отнести к одной из девяти категорий мистического опыта, используемых Панке. Из тех же, кто принял псилоцибин, девять человек испытали четыре или более степеней мистического опыта.

Когда в Гарварде узнали о «чуде в часовне», им стало окончательно ясно, что Лири не собирается подчиняться правилам. Прошел даже слух, что на факультете богословия отвергнут диссертацию Панке. Некоторые требовали немедленного увольнения Уолтера Хьюстона Кларка из Эндовер-Ньютона. Для Лири все это явилось очередным подтверждением того, что он называл «синдромом указательного пальца». Когда человек указывает пальцем на Луну, смотрите ли вы на его палец или на Луну? Гарвард наблюдал за пальцем, Луна их не волновала. О, Боже мой, да как же могли вы дать этим бедным молодым людям опасный наркотик — вот и все, что они могли сказать. Тот факт, что бедные молодые люди прекрасно провели время, а девятеро из них увидели Бога или обнаружили иные подтверждения существования высшей жизни, — совершенно не принимался во внимание.

К черту гарвардскую психологию, хотелось крикнуть Лири, к черту всю вашу буржуазную науку. К черту вашу буржуазную религию! Наркотики, расширяющие сознание, — вот религия будущего XXI века (исследовать сейчас религию без использования наркотиков, это все равно, что вести астрономические наблюдения невооруженным глазом, замечал Тим), и он станет одним из главных новаторов. «Он начал превращаться в мистика и поэта, — вспоминает Уолтер Хьюстон Кларк. — Тим почувствовал себя Прометеем — после того как сам пережил глубокий религиозный опыт, он стал ощущать призвание изменять других». Гарвард стал слишком узок для него, да и академическая наука тоже. Как вспоминает Кан, Тим «хотел уйти из науки. Я сказал ему, как говорил и прежде, и, мне кажется, это все тогда чувствовали: «Куда бы ты ни пошел, я пойду туда же. Иди вперед, и я последую за тобой».

Это было чувство, которое разделяли многие участники программы изучения псилоцибина. Пережитое ими за последние пятнадцать месяцев сделало для них невозможным возврат к обычной психологии, несмотря на предупреждения о том, что они погубят свою профессиональную карьеру, если не откажутся от Лири. Большинство срочно заканчивало свои докторские диссертации,

чтобы быть готовыми отправиться вслед за Тимом в Мексику. Тим хотел устроить «ретрит», то есть занятия во время летнего отпуска, но вдалеке от постоянного незримого давления излишне интеллектуальной атмосферы Гарварда. Он хотел найти место для уединенного исследовательского центра, возможно, какую-нибудь заброшенную гостиницу, где они могли бы безо всяких помех со стороны погружаться в Иной Мир сколько душе угодно. Только что вышел в свет роман Хаксли «Остров» — с его созданной в воображении психоделической Утопией, изолированной (и в конечном счете разрушенной) миром функционеров-бюрократов. Тим искал что-то сопоставимое и нашел это в захолустном мексиканском курортном городке Чихуатанейо, в паре часов езды от Акапулько. Это был принадлежащий швейцарским эмигрантам немного обветшавший отель «Каталина» с двадцатью комнатами и свободный все лето.

Лири отправился в Чихуатанейо не сразу. Сначала он поехал в Калифорнию, где прошелся по знакомым. В Лос-Анджелесе он проделывал то же, что ранее Альперт в Нью-Йорке: посещал светские вечеринки и разговаривал с интересующимися людьми, спокойно и обстоятельно обсуждая с ними путешествия в Иной Мир. Однажды после такой вечеринки в его спальню в отеле проскользнула знаменитая Мэрилин Монро и попросила его взять ее с собой тоже. Как говаривал Аллен Гинсберг — и порой Тим готов был с ним согласиться, — бывают моменты, которые возбуждают любого.

Это конечно же было иллюзией. 10 процентов действительно загорались, остальные же начинали впоследствии проявлять беспокойство. И основной причиной их беспокойства было то, что им предстоит принимать ЛСД.

Глава 14. ПОЛИТИКА СОЗНАНИЯ

«Все чертовски быстро изменилось. Внезапно мы оказались заговорщиками, задумавшими навредить людям. Я ощущал себя Галилеем. Мне пришлось оставить практику и отправиться в Европу. И вообще все это было отвратительно».

Так Оскар Дженигер вспоминал, как резко изменилось общественное мнение в 1962 году. ЛСД неожиданно перестал быть невинным лекарством. Он оказался кинжалом, нацеленным в сердце

психиатрии, новым талидомидом,[86] бомбой замедленного действия, которую мастерили некоторые отщепенцы профессии, психиатры-ренегаты.

«Если хотите знать, именно Лири со товарищи разрушили то, что мы так долго и старательно пытались выстроить».

Позднее Дженигер осуждал именно их. Но в то время никто не знал, где искать виноватых. За исключением некоторых исследователей «лабораторного сумасшествия», которые сильно переживали, что с их работой так обходятся, все шло своим чередом, и даже появлялись новые исследователи.

В больших городах вроде Лос-Анджелеса попробовать ЛСД было не сложнее, чем сходить в кино. Существовало, по крайней мере, две простые возможности. Любой, кто хотел, мог обратиться к врачам, использующим в практике ЛСД. Или — записаться добровольцем в любое научное учреждение, например, в лабораторию Калифорнийского университета. Тельма Мосс представляла собой первый случай. Она была бывшей актрисой, делавшей писательскую карьеру. Мосс услышала по телевизору, как Олдос Хаксли рассказывал об Ином Мире, и это поразило ее до глубины души. Она даже думала отправиться в путешествие в Мексику на поиски волшебных грибов Гордона Уоссона. Затем она познакомилась с Мортимером Хартманом и Артуром Чандлером и, решив сконцентрироваться на решении собственных психологических проблем (она страдала фригидностью), прошла первый из двадцати трех сеансов ЛСД.

Мосс не была новичком, впервые столкнувшимся с психоанализом. Она лечилась не первый год. Но в глубине души она никогда на самом деле не верила в существование подсознательного. В процессе одного из сеансов ей представилось, будто она — безногий нищий, застигнутый врасплох песчаной бурей в пустыне. Сцена прямо из «Копей царя Соломона», за исключением того, что она еще слышала где-то глубоко внутри чей-то голос, прошептавший:

---

86 Стимулятор ЦНС, устраняющий последствия недосыпания и неврастении. Через два года после появления на рынке в 1958-м неожиданно выяснилось, что талидомид обладает мощным тератогенным (вызывающим патологическое развитие плода) воздействием. Лекарство было срочно снято с продажи, но к тому времени родилось уже около 10 тысяч детей с частичным или полным отсутствием конечностей.

«Я умру здесь». В другой раз она ощутила, как внутри нее все взрывается, да с такой силой, что она отбрасывает ее к другой стене. Частично это напоминало состояние, когда человек, обуреваемый эмоциями, чувствует их каждой клеточкой тела. Только в тот раз это ощущалось «гораздо резче и грубее» (это может быть интересно для тех, кто изучает кундали-ни).

«Что это было?» — крикнула он терапевту, который наконец ввел ей транквилизатор.

Мосс никогда точно не знала, куда ее занесет после очередного приема ЛСД. «Истина и ложь, абсурд и духовные прозрения — когда принимаешь психоделики, все это смешивается в одну кучу, — писала она. — Пытаясь разделить их и выяснить, где что, я приходила на следующий сеанс, затем еще и еще — не теряя надежды, что уж на следующий раз я точно пойму, где правда». Но этого не происходило. Зато то, что происходило, казалось настолько невероятным, что она даже стала это записывать.

Питер Мэттиссен

Примером второго варианта — встреча с ЛСД в стенах научных лабораторий — может служить Джордж Гудман. Он еще известен под псевдонимом Адам Смит — как экономист и писатель. В лаборатории Калифорнийского университета, куда он пришел добровольцем, директор сразу же им сказал: «Вы — космонавты внутреннего космоса. Вам предстоит отправиться в глубины сознания гораздо дальше, чем заходил кто-либо, и вернувшись, рассказать, что вы там обнаружили».

Гудман обнаружил там многое, в том числе, что он может видеть «мельчайшие атомы вселенной… все составные части веществ, включая ДНК». Он честно попытался зарисовать то, что, как он полагал, являлось ДНК, но это оказалась формула мономера пластмассы, производимого корпорацией «Дюпон» под торговым названием «дельрин». Это не очень расстроило Гудмана. Его гораздо больше удивило то, что под ЛСД он разбирался в молекулах и их химическом строении, как профессиональный химик, хотя в реальной жизни он о них абсолютно ничего не знал.

В душе американцев таится страсть к исследованию мистического опыта. Писатель Питер Мэттиссен называл ее «постоянным нетерпением». Мэттиссен был одним из лидеров

французского послевоенного эмигрантского движения, одним из основателей «Парис ревью». Кроме того, он увлекался работами Гурджиева и это еще больше подогревало в нем жажду познания.

«Человек всюду ищет что-то, но ничего не находит. Однако он чувствует, что источник его постоянного нетерпения и беспокойства — где-то неподалеку. И путь, ведущий к нему, это не путь в некие странные состояния, нет, это — путь домой». «Еще в Перу Мэттиссен попробовал «яхе». Затем он познакомился с одним из «психиатров-ренегатов» и начал посещать сеансы ЛСД. «Это было волшебно — писал он, — после каждого путешествия, даже плохого, я ощущал, что мне становится легче жить, меня покидают остатки боли и раздражения».

Но Мэттиссену повезло. Когда же ЛСД приняла его девушка, это обернулось для нее страшным противоборством со смертью.

Так как это довольно часто случается с теми, кто проводит много времени в Ином Мире, я приведу описание Мэттиссена.

> *Она начала смеяться, все шире открывая рот, и она уже не могла его закрыть. Все ее защиты были разрушены, и теперь она была открыта для всех ветров ада. Обернувшись ко мне, она увидела, как мое тело истлевает, а голова превращается в череп. И целую ночь все в том же духе. Все же в конце концов она поняла, что сможет освободиться, только отбросив страх перед смертью, гнев на собственную беспомощность, которые на самом деле прячутся за этими страш-ными видениями. И ей пришлось примириться с этой особенностью всех мистических путешествий: нельзя просто взять и сбежать оттуда. Можно выбирать любой из множества путей, но как только ты его выберешь, то приходится идти до конца.*

Если бы у Мэттиссена и людей вроде него существовал свой девиз, им могло бы стать выражение «случайностей не бывает».

*** * ***

Одной из причин растущей популярности ЛСД-терапии были результаты исследований относительно безопасности вещества. В

частности, в 1960 году Сидней Коэн опубликовал свою работу по изучению негативных последствий, которые вызывает наркотик. Коэн собрал статистические данные о примерно пяти тысячах человек, которые принимали ЛСД в совокупности около

двадцати пяти тысяч раз. Он обнаружил, что на тысячу приемов ЛСД приходится в среднем всего 1,8 % психических заболеваний, 1,2 % попыток самоубийства и 0,4 % самоубийств. «Учитывая огромнейшее психическое воздействие, которое оказывает это вещество, — писал он, — можно заключить, что ЛСД потрясающе безопасен». Теперь, когда стало понятно, что наркотик безопасен, исследователи сконцентрировались на изучении наилучших методов его использования. Существовало два основных направления. Одни считали, что ЛСД просто облегчает обычные задачи психотерапии. Другие же, вслед за Хаббардом и Осмон-дом, давали пациентам большие дозы, добиваясь психоделического или интегративного опыта. Этот метод стал известен под названием «психоделическая терапия», в отличие от обычной, психолитической, при которой используют только небольшие дозы. Сообразительный человек мог различать книги этих двух направлений просто по названию: заголовки психолитических статей гласили: «Использование ЛСД в психотерапии» или «Прекращение и последующая ремобилизация сопротивления при использовании ЛСД в психотерапии», тогда как психоделические обычно назывались «ЛСД. Алкоголизм и трансцендентность» или «ЛСД и новые горизонты».

Окружение и обстановка были важным моментом во всех экспериментах. Но использовали их по-разному. Доктора, занимавшиеся психолитической терапией, например Хартман и Чанддер, давали ЛСД небольшими дозами, нащупывая пути к подсознательному. Они пытались добиться состояния грез наяву. Когда человек сидит с закрытыми глазами, а перед его внутренним взором разворачиваются различные картины — словно «объемный фильм». Некоторые из частей этого фильма могли базироваться на реальных случаях, например забытого детства. Но большинство основывались на символике, которая, по словам Фрейда, была истинным языком подсознательного, когда психическая, воображаемая реальность предпочитается объективной.

Пациенты, когда их просили постоянно описывать, что с ними происходит, говорили примерно следующее: «Я в черном туннеле… в конце — серый свет. Иду к нему…» Это цитата из сеанса Тельмы

Мосс, когда она «очутилась в пропасти».

> *Я начала стремительно падать вниз. И чувствовала, что начинаю уменьшаться. Вот я стала ребенком… очень маленьким ребенком… младенцем… Я стала младенцем. Это не было воспоминание о времени, когда я была младенцем. Я стала им буквально (бодрствующая часть сознания поняла, что я столкнулась с феноменом, который называется «возрастная регрессия», такое случается под гипнозом). Но в данном случае, превратившись в младенца, я оставалась взрослой женщиной, лежащей на кушетке. Я ощущала состояние раздвоения сознания. Нога младенца (моя нога взрослой женщины) резко дернулась я и я голосом маленького ребенка захныкала: «Они ткнули меня иглой!» Прежде чем я смогла выяснить, что это была за игла, все вокруг поменялось и приобрело цвет фиолетового мрамора. Пространство поделилось на квадраты., преобразовавшиеся в прямоугольники… которые начинали расти вверх и вширь и, наконец, стали стенками детского манежа. Снаружи играл мой брат, и я опять захныкала детским голосом: «Ему разрешили играть снаружи, а я — здесь…»*

Потом детский манеж исчез, и Мосс обнаружила, что глядит в огромный фиолетовый драгоценный камень, который оказался аметистовой подвеской на шее ее матери. Затем камень превратился в багровое от гнева лицо матери. Но потом оказалось, что это не мать, а тряпичная кукла.

Вот что пряталось на дне пропасти.

Чандлер и Хартман, как фрейдисты, выявили множество детских сексуальных травм, эдипов комплекс и зависть к пенису, но кроме этого они сталкивались и с элементами юнговского бессознательного, например с архетипом мудрого старика и архетипами, символизирующими зло. Иногда встречались и мифологические создания вроде драконов и злобных японских богов. И, как писал и Хаксли, случалось, что человек случайно попадал в темные области Иного Мира. Некоторые, однако, справлялись с этим и выходили с твердой уверенностью, что они прикоснулись к сердцу творения. Но

было ли это действительно так? По зрелому размышлению Хартман и Чандлер решили, что такой мистический гнозис является отрицательной стороной ЛСД — переживая его, пациент полностью терял интерес к дальнейшей терапии.

Однако именно этот мистический гнозис и интересовал занимавшихся психоделической терапией. С помощью больших

доз и определенных невербальных вспомогательных средств, после долгой работы с тестами, психоанализом и подготовкой, они пытались подвести пациента к состоянию, когда личность теряется и человек сливается с окружающим миром, растворяется в нем, состоянию, известному у буддистов как сатори, у индуистов как самадхи, а в психологической среде как «временная потеря различения между собой и внешним миром». Царство чистых возможностей. И если психолог был мастером своего дела, эффект превосходил всяческие ожидания. Осмонд и Хоффер вылечивали от 50 до 70 % хронических алкоголиков. В клинике Эла Хаббарда и в голливудской больнице результат был еще выше — около 80 %.

Вернемся к Элу Хаббарду. Несмотря на дурные предчувствия Хамфри Осмонда, который опасался, что Эл создает больше проблем, чем решает, он получил степень доктора психологии в университете Теннесси. Он стал теперь доктором Хаббардом, по крайней мере — на бумаге. Возможно, Хаббарду было необходимо добиться определенного интеллектуального статуса, чтобы находиться на равных рядом с такими людьми, как Хаксли и Хёд. Возможно, его поразила их университетская эрудиция. Если так, то в этом была доля иронии, — в то время как ему хотелось бы без напряжения поддерживать интеллектуальные разговоры, беседуя о Юнге и Ином Мире, для его собеседников предметом зависти была его деловая хватка обычного простого американца и умение руководить путешествием в Иной Мир. Все, что делал Хаббард, всегда было пронизано трезвым практицизмом. Вот и в этот раз Эл решил (тут я прибегну к транзактной терминологии Лири), что единственная игра, в которую он хочет играть, — это игра в исследования психоделиков. Со своей собственной клиникой, пациентами, коллегами. А перед этим он должен получить на это соответствующий мандат.

Эл был прямолинейным человеком: заинтересовавшись ЛСД, он сжег за собой все мосты. Даже забросил бизнес. Однако, несмотря на искренний интерес к тому, что таится в глубинах человеческого сознания, Хаббард вовсе не исключал возможности, что больница с

ЛСД-терапией может стать прибыльным делом. Но для этого ему была необходима помощь компетентного врача. И он нашел такого в докторе Россе Маклине, руководителе голливудской больницы в Нью-Вестминстере, в Британской Колумбии. Маклин предоставил в распоряжение Хаббарда часть помещений, и в 1958 году новая клиника по ЛСД-терапии открылась.

Клиника Хаббарда стала опытным полем ЛСД-терапии. В 1959 году она привлекла внимание местного репортера, Билла Меткальфа. Хаббард пригласил Меткальфа пройти двухдневный сеанс, и тот согласился. Сеанс проходил в кабинете, специально обставленном Хаббардом для этих целей. Над диваном висела репродукция «Тайной Вечери» Дали. На противоположной стене — «Будда» Гогена, еще одна картина Дали, распятие. Кроме того, в комнате был небольшой алтарь, стерео и статуя девы Марии. Горели свечи. Меткальф очутился в той части Иного Мира, которую можно сравнить с фильмотекой, в частности с той частью, где были собраны исторические фильмы. Перед ним проносились видения Древнего Рима и Карфагена. Вспыхивали великие битвы. Он видел шекспировских героев во плоти. Меткальф заплакал — не захныкал, как ребенок, нет, он громко, в голос, зарыдал. «Это выходит подавленный материал, — объяснил доктор Хаббард, — то, что прячется в глубинах нашей личности».

Меткальф переживал, вскрикивал, бормотал себе что-то под нос. Эл невозмутимо сидел неподалеку, очень редко что-нибудь вставляя. Одним из самых сложных умений, которые необходимо постичь любому врачу, занимающемуся психоделической терапией, — это сидеть и ничего не делать, просто наблюдая за происходящим, и в то же время быть постоянно внимательным, чтобы помочь в решающие моменты, как, например, когда Меткальф в отчаянии закричал: «Наверное, я сошел с ума! Я сошел с ума!» Но хороший врач всегда знает, как помочь в такие моменты. Знает, что сказать и какую картинку показать. «Все мы сходим с ума, сталкиваясь с этим». Эта фраза изменила состояние Меткальфа, и вот он уже почувствовал, что взлетает ввысь, к солнцу. Он летел, ощущая, как земные заботы, дети, жена, работа — все уносится вниз мимо него, «словно россыпь разноцветного снега, исчезающего во тьме. Я поднимался вверх».

А потом он почувствовал, что это похоже на смерть.

«Я умер?» — спросил Меткальф.

«Никто на самом деле не умирает», — ответил капитан Эл.

Первая опубликованная работа Хаббарда «Использование ЛСД-25 при лечении алкоголизма и других психических заболеваний» многократно цитировалась в литературе. Однако самым важным вкладом было то, что в ней были фотографии кабинета Хаббарда — с Бахом на стерео и смутно различимыми картинами на религиозные темы, развешенными по стенам. Хотя влияние окружения и обстановки было всем давно известно, в период становления психоделической терапии многие просто копировали в своих кабинетах обстановку комнаты Эла.

Часть психологов использовала ЛСД-терапию практически по старинке, не выходя за принятые в обществе рамки, например Хоффер и Осмонд в Саскачеване или группа Карлэнда в мэрилендском Кэтонсвилле. Однако многие люди, занимающиеся психоделической терапией, были новичками в этом деле или неофитами вроде Хаббарда и его старого протеже Майрона Столяроффа. Такие люди, исследуя Иной Мир, иногда в своей увлеченности и энергичности напоминали детей, что, конечно, казалось их сверстникам-обывателям предосудительным. Они были слишком прямолинейны и часто не могли справиться с хлещущими через край чувствами. В большей степени именно это и порождало зависть, следствием которой стала окружившая ЛСД-терапию аура «плохой науки».

Хорошим примером этого может служить Майрон Столярофф. Столярофф работал директором по перспективному планированию в «Ампекс», одной из первых больших фирм, занимавшихся электроникой, к югу от Сан-Франциско. Заинтересовавшись ЛСД, он вместе с Хаббардом попытался заинтересовать руководство «Ампекс» в программе, подразумевающей использование ЛСД для разрешения всевозможных корпоративных и межличностных проблем, проблем дизайна и перспективного планирования. Но план провалился — из-за приверженности Эла к христианскому мистицизму. Столярофф, однако, не отступал. Он начал проводить еженедельные сеансы ЛСД с некоторыми заинтересовавшимися коллегами из «Ампекс». Однажды на выходные из Канады приехал Эл и отвез их в уединенную хижину в горах Сьерры. Там, проходя сеанс под его руководством, они пережили такое «онтологическое землетрясение», которое мог сотворить только Эл. Однако руководство «Ампекса» было в ужасе. Учитывая, что Хаббарда они видели только раз и при довольно сомнительных обстоятельствах, их

беспокойство неудивительно. «Что, если эти сдвигающие крышу препараты доведут наших лучших инженеров до помешательства?» Так что многие вздохнули с облегчением, когда Столярофф решил уйти из «Ампекс» и основать собственный, негосударственный центр психоделических исследований в Менло-Парк, в Калифорнии, который получил название «Международный фонд передовых исследований».

Психоделическая «Последняя вечеря» Сальвадора Дали

Эта организация, основанная в марте 1961 года, была далеко не первой, которая занималась исследованиями ЛСД в Калифорнии. В Институте исследований психики в Пало-Альто работы над ЛСД велись с 1958 года. И это способствовало знакомству с проблемами Иного Мира не только местных психологов и психиатров, но заинтересовало и некоторых неспециалистов, таких, как Аллен Гинсберг. Однако интерес к терапевтическому использованию ЛСД резко упал после нескольких неприятных случаев, когда пациенты переживали негативный опыт. Исследования ЛСД полным ходом шли в больнице для ветеранов в Пало-Альто, в окружной больнице Сан-Матео и в клинике штата Калифорния в Напа. Однако ни в одной из них не занимались психоделической терапией и вообще исследования шли очень медленно: Лео Холлистер, о котором будет речь в связи многообещающим молодым писателем Кеном Кизи, в то время все еще работал над схемой моделирования психозов.

В общем, к исследованиям ЛСД подходили достаточно консервативно. Так что многие специалисты просто открывали собственные дела (вице-президентом у Столяроффа был Уиллис Хэрман, который до этого преподавал механику в Стенфорде) и зарабатывали средства к существованию, работая с пациентами. В отличие от Осмонда и Хоффера Столярофф не стал заниматься только хроническими алкоголиками, он брал людей с улицы. В основном это были страдающие неврозами специалисты технической элиты, жители Стэнфорда. Поначалу они часто относились к таким предложениям с недоверием. Пять сотен долларов за какой-то сомнительный наркотик? Это наводило на мысли об обмане, хотя у Столяроффа действительно был лицензированный психотерапевт, который действительно проводил стандартные сеансы. Но что, на взгляд многих, было еще хуже, так это то, что этот обман всех

удовлетворял! Газета «Колл Булитин» из Сан-Матео, чувствуя, что дело пахнет медицинским скандалом, взяла интервью у определенного числа пациентов, прошедших лечение, и обнаружила, что все они безмерно его хвалят. Однажды Столяроффа посетил раздраженный психотерапевт и рявкнул: «Один из моих бывших пациентов считает вас святым!» По его мнению, это должно было ясно означать, что Столярофф — шарлатан. Но чем это было на самом деле, учитывая заявления «Колл Булитин», что Фонд преследовал цели «частично медицинские, частично научные, частично философские и частично мистические»? С первыми двумя все нормально, но философией должны заниматься философы, не правда ли? А мистика — это вообще для чокнутых.

Ситуация была немного похожа на то, с чем столкнулся Лири в Гарварде. Все местные терапевты объединились против Фонда с таким возмущением (сомнительные профессионалы используют сомнительные наркотики с сомнительным результатом), словно они ничего не знали об этих результатах. Однако Фонд вовсе не скрывал результатов своей практики. 78 % пациентов заявляли, что они стали с большей любовью относиться к окружающим, 69 % — что им стало легче справляться с враждебностью, столько же — о том, что у них исчезли многие трудности в понимании других и им стало легче общаться. 71 % объявлял о выросшем самоуважении, и, наконец, 83 %, побывав в Ином Мире, были твердо уверены, что они имели дело с «высшими силами или подлинной реальностью».

Роберт Могэр, работавший в Фонде специалист по таким вещам, как MMPI, говорил, что никогда не встречал таких потрясающих изменений личности, какие происходили под влиянием ЛСД. Вообще важной чертой MMPI было то, что ряд показателей в нем обычно оставался стабильным по сравнению с остальными, что обеспечивало некий фон, на котором становились заметны основные личностные изменения. Но под ЛСД эти стабильные показатели, которые полностью базировались на общепринятых ценностях, начинали дико колебаться. Поэтому в добавлении к MMPI Столярофф стал пользоваться методикой Оскара Дженигера с карточками. Пациенту предлагалась сотня различных написанных на бумаге утверждений, которые он должен был разложить на девять кучек: от тех, с которыми он абсолютно несогласен (первая кучка), и до тех, которые он всей душой одобряет (кучка девятая). Это нужно было сделать трижды — в процессе эксперимента, спустя два дня и через два

месяца. Результаты совпадали с теми, которых добивались и другие исследователи. Карточки с надписями «Хотя я не хотел бы, чтобы об этом знали другие, но в действительности меня беспокоит, насколько я являюсь адекватным современной жизни» со временем теряли рейтинг. В то время как те, на которых было написано что-нибудь вроде «Я верю, что существую не только в пространственно-временных координатах данного мира, но также и вне времени, в вечности», — наоборот, становились более популярными.

Конечно, случались и негативные опыты. Один из пациентов решил, что повредился в рассудке, и взбаламутил некоторых других, объясняя им, что они должны относиться к видениям с максимальной осторожностью. Но гораздо более тревожным был совершенно понятный (если данные об изменении взгляда на мир были верны) рост семейных проблем. 27 % добровольцев и 16 % проходивших платную терапию сообщили об увеличении разногласий со своей второй половиной.

Программный труд Фонда «Психоделический опыт: новая концепция психотерапии» был подготовлен к публикации в конце 1961 года. В нем психоделический опыт подразделялся на три варианта: 1) состояние неопределенности, 2) символическое восприятие и 3) непосредственное восприятие.

Состоянием неопределенности авторы называли то состояние, которое ранние исследователи находили близким к шизофрении, из-за чего ошибочно классифицировали ЛСД как психомиметик. Что же в самом деле происходит? Наркотик высвобождает шквал новых мыслей и нового восприятия, так что нормальная, концептуальная основа сознания пациента не может с этим справиться и возникает ощущение паники, иногда даже с признаками паранойи. Однако, умело используя окружение и обстановку, врач может беспрепятственно провести пациента сквозь это состояние и достигнуть уровня, где начинаются обильные галлюцинации. Эти постоянно меняющиеся образы — последние попытки эго «спрятать внутреннее понимание, которое его так страшит. Когда у эго не получается скрыть его за неприятными ощущениями, оно пытается заколдовать и отвлечь мысли подсознательного и выпускает дымовую завесу галлюцинаций».

На самом деле уровень галлюцинаций служит просто подготовкой к уровню символического восприятия, которому врачи, занимавшиеся психолитической терапией, посвящали больше всего

времени, пытаясь истолковать символический смысл: «Пациент постоянно освобождается от подавленного материала, умопостроений, ошибочных концепций, идей и принципов, которые он собрал за время жизненного опыта. Психологическое ощущение сопровождается субъективными визуальными образами. Все это вместе приводит к общему "проветриванию мозгов" и высвобождает практически независимое интеллектуально чистое мышление. Мало-помалу человек наконец приходит к осознанию себя — не как чего-то «хорошего» или «плохого», но просто себя самого, каков он есть».

Но был уровень и выше. За символическим восприятием лежал уровень безграничного непосредственного восприятия.

> *Для всех, кто достаточно глубоко исследовал этот вопрос, очевидно, что основы непосредственного восприятия лежат за пределами мира науки и здравого смысла, и при его описании самыми подходящими словами кажутся вечность и бесконечность.*

Как докладывал Абрам Хоффер на последней конференции в фонде Мэйси, если вы сумеете вывести пациента на этот уровень, то в девяноста процентах из ста произойдет чудесное исцеление. То, почему так происходит, довольно трудно объяснить в терминах психологии (Лири понял это и тогда переключился на иносказания и прикладной мистицизм). Но примерно можно сказать так: у ошеломленного пониманием, что «сам он бессмертнее своего подверженного изменениям эго», пациента происходит нечто вроде расширения сознания, в результате чего «многие конфликты, порожденные неудовлетворенностью собой, отмирают вместе с самой этой неудовлетворенностью, так же как и ассоциируемое с конфликтами невротическое поведение, которое на самом деле является их следствием». Расширяясь, сознание также избавляется от паутины неудачных взаимоотношений, ограничивавших и приковывавших его к земле.

Или другой пример — вообразите себе психику человека как некое боковое русло, ответвившееся от обычной реки. Со временем, несмотря на то, что на пути иногда встречались новые источники, боковое русло начинает застаиваться, заболачиваться и постепенно — когда растения в нем (заросли идей, неврозов и.т.д.) начинают соревноваться за кислород — превращается в настоящее болото.

Можно сказать, что психолитическая терапия расчищает заросли. А психоделическая терапия работает иначе, — взрывает сами помехи, препятствующие течению, возвращая его к первозданному состоянию — равномерно текущего потока. Оба метода приносят ожидаемый результат, пациент выздоравливает, однако во втором вдобавок присутствует нечто абсолютно новое. Врачи, занимающиеся психолитической терапией, использовали ЛСД в русле традиционных психотерапевтических методов активизации воспоминаний, абреакции и высвобождения эмоций. Однако врачи, практикующие психоделическую терапию, занимались делом полностью новым, ранее неизвестным. И как бы они ни называли это — прикладным мистицизмом или психоделическим опытом, интегративным опытом или пиковым переживанием, — их занятия пользовались дурной славой. Открытие в уголках сознания места, где человек может почувствовать себя Богом, — вряд ли это могло приветствоваться официальной наукой и официальной религией. И тем не менее именно это являлось общим итогом и выводами психоделических исследований — не только в Гарварде, но и везде.

То, что последовало дальше, было скорее обусловлено общей атмосферой, чем базировалось на конкретных фактах. Забеспокоились специалисты. Их тревожило, насколько использование ЛСД, с его глубоким проникновением в подсознательное, является подходящим средством для формирования здорового, приспособленного к окружающей жизни эго. Могли ли их не озаботить такие явные изменения в поведении пациентов? Беспокоили их также и результаты лечения — сложно было поверить в то, что Хаббард вылечивал 80 % хронических алкоголиков. Все это порождало критический подход к «плохой науке», вроде, например, таких высказываний: «ЛСД — галлюциноген, исследователи принимают его сами, отсюда и такие странные результаты — они привиделись им». И это еще снисходительная характеристика. Другие доходили до того, что утверждали, будто врачи, использующие в практике ЛСД, не только фальсифицируют результаты, но и причиняют вред пациентам. И даже не понимают этого, потому что наркотик заражает их всех манией величия (сравнивают себя, например, с космонавтами или с Галилеем — что за вздор!). Внутри науки-золушки психоделики усиленно разоблачались: все вы можете видеть, как терапевты превращаются в дурного пошиба гуру, а пациенты становятся их адептами.

Кен Кизи за написанием «Порою нестерпимо хочется»

Рой Гринкер в «Материалах общей психиатрии» пошел дальше всех: «У латентных психотиков изменения в структуре личности начинаются под влиянием даже единственной дозы. Длительный прием ЛСД приводит к психопатии. Развивается зависимость».

Гринкер не приводил никаких фактов в подтверждение своих серьезных обвинений. Не приводил, потому что, собственно говоря, таких фактов не существовало, — исследования Сиднея Коэна в 1960 году о негативных последствиях, подтверждающие практически полную безопасность ЛСД, до сих пор никто еще не опроверг. Гринкер основывался на личном профессиональном предубеждении против наркотиков. Искренне веря, что средний гражданин — это просто сплетение неврозов и зарождающихся психозов, Гринкер полагал, что открытие ящика Пандоры подсознательного может иметь различные, но в любом случае, трагические последствия. Знают они об этом или нет, но все, кто принимает ЛСД, претерпевают негативные изменения в структуре личности. Так получалось по Гринкеру. Для консервативных психиатров, к числу которых принадлежал и Гринкер, расширение сознания вело к высвобождению подсознательного — и это было уже слишком!

На самом деле многих критических нападок можно было избежать, если просто сменить угол зрения. Например, ученые, занимающиеся психомиметиками, наблюдая, как эго расщепляется под воздействием ЛСД, кратко упоминают об «обезличивании», в то время как столкнувшиеся с тем же эффектом Лири или Майрон Столярофф называют это «мистическим объединением» и «интегративным опытом». Наблюдая за сменой ярких внутренних образов, первые изберут слово «галлюцинации», тогда как вторые будут говорить о «видениях и символическом взаимодействии». Последующий накал эмоций можно обозначить психиатрическим термином «эйфория» или заменить его новым психоделическим аналогом «мистический экстаз». Когда далекий от дискуссий по ЛСД психолог Абрахам Маслоу опубликовал первую работу о целебном эффекте пиковых переживаний, психоделические терапевты, например Хоффер, быстро заимствовали этот термин и риторические споры вошли в новый виток.

Фактически все это просто напоминало разборки — кто должен

контролировать дела, связанные с Иным Миром. Достаточно ли ответственны и компетентны обыкновенные психологи (не говоря уже о теологах, людях творчества или инженерах, как Майрон Столярофф), чтобы исследовать пределы сознания, даже если это сознание — их собственное? Кто должен обладать правами на научные исследования в Ином Мире? Согласно одному из авторов «Журнала американской медицинской ассоциации», все, что связано с изменениями «ментального и эмоционального баланса» личности, должно проходить под строгим медицинским надзором. Другими словами, ЛСД и его химические собратья являются частью психиатрического, но не психологического арсенала.

Первой летом 1962 года всплыла тема «безответственности». ЛСД «помогает в психотерапии» рефреном повторялось в статьях, но, к несчастью, он привлекает «психически неуравновешенных врачей», которые проводят неслыханные эксперименты на других. И эти разговоры о «психически неуравновешенных врачах» были по сути основной причиной, почему ЛСД был изгнан из лабораторий. В июле 1962 года Сидней Коэн и Кейт Дитман написали статью в «Журнал американской медицинской ассоциации», привлекая внимания к феномену ЛСД-вечеринок — явления, о котором калифорнийское Управление по наркотикам, куда обратились журналисты лос-анджелесской «Тайме», ничего не подозревало. Хотя ЛСД-вечеринки начались в Лос-Анджелесе еще с середины пятидесятых, но с тех пор состав участников изменился. ЛСД стало пробовать множество молодых людей. Не только студенты, но и битники, и прочие изгои общества. Согласно Коэну, битники были именно теми людьми, от которых ЛСД следовало любой ценой держать подальше.

Если же этого не удастся, пророчества Гринкера рискуют самореализоваться.

С другой стороны, медицинское сообщество беспокоило растущее злоупотребление ЛСД — Коэн также упоминал о росте негативных реакций. Он обнаружил еще девять неприятных случаев — от психолога, трижды принявшего ЛСД и несколько недель потом обдумывавшего странные планы, одним из которых был захват всех запасов ЛСД, хранящихся у «Сандоз», и до секретарши одного доктора, которая принимала ЛСД примерно двести-триста раз — она не была уверена насчет точной цифры. В чем она была уверена, так это в том, что теперь каждый раз, глядясь в зеркало, она видела отражение черепа.

Хотя пока что негативные реакции наблюдались крайне редко, Коэн предупреждал, что с ростом числа терапевтов, занимающихся ЛСД, их количество также может возрасти. «Неумелое» использование ЛСД, писал он, может стать рискованным для здоровья, и рекомендовал «ограничить исследователей пределами институтов и больниц, где в случае негативных последствий можно будет сразу помочь ему». Собственно, Коэн хотел закрытия программ, подобных той, которую осуществил Лири.

После того как летом 1962 года Конгресс принял закон, дающий ФДА право контролировать все новые исследуемые наркотики, дебаты о том, кто ответственный терапевт, а кто безответственный шарлатан, стали чисто теоретическими. Закон, спровоцировавший события июня 1963 года, в действительности изначально был нацелен на злоупотребление амфетаминами Но в результате получилось, что все ученые, занимавшиеся экспериментальными наркотиками, должны согласовать свои исследования с Вашингтоном. Больше нельзя было послать заказ в «Сандоз» и получить порцию ЛСД или псилоцибина.

Поначалу было неясно, как отразятся новые правила на исследовании ЛСД. Однако осенью 1962 года на пороге у Дженигера появился одетый с иголочки представитель местного отделения ФДА. Он вежливо попросил отчет о работе Дженигера над ЛСД. А затем потребовал сдать остатки препарата. Дженигер был сначала ошеломлен, потом — взбешен. Засев за телефон, он выяснил, что он не одинок, — подобные гости приходили ко многим.

Людей пытались остановить и отстранить от исследований.

Но огласка была уже слишком велика. Литература по психоделикам, раньше ограниченная Хаксли и, возможно, научным трудом Уоссона «Грибы, Россия и история сомы», а теперь пополнившаяся такими книгами, как «Исследуя внутреннее пространство» Адели Дэвис, «Я и моя личность» Тельмы Мосс и «Космология радости» Алана Уоттса, — стремительно входила в моду.

Кислотная вечеринка

Все три книги содержали рассказы о происходящем в Ином Мире, но на этом их сходство заканчивалось. Адель Дэвис, принимавшая ЛСД в рамках творческих исследований Оскара Дже-

нигера, путешествовала в волшебную страну, освещенную божественным светом. «Самое важное в наркотическом опыте, — писала она, — это возникновение твердой веры и других твердых убеждений, многие из которых по сути религиозные. И эти убеждения настолько серьезны, что их уже ничто ни на йоту не сдвинет». ЛСД привел к «новой вере в Бога, вере такой силы и радости, что я навечно останусь благодарна лаборатории «Сандоз Фармацевтикалс». Тельма Мосс, напротив, исследовала подсознательное Фрейда. «Я проникла далеко в глубины сознания. И обнаружила, что наряду с тем, что сознательно я всегда была любящей матерью и респектабельной женщиной, бессознательно я была также убийцей, извращенкой, каннибалкой, садисткой и мазохисткой». Третьим в этом ряду было написанное легким стилем эссе Уоттса. В предисловии Лири и Альперт писали, что в книге «блестяще излагаются вопросы современного мистицизма», по крайней мере из тех, что доступны на сегодняшний день. «Уоттс пошел по следам мистера Хаксли и прошел даже дальше».

Уоттс, как поэт, описывал путешествие в Иной Мир поэтически. Будет полезно процитировать отрывок из его эссе:

> *Обратно, сквозь лабиринт туннелей, сквозь шаги, сделанные, чтобы достигнуть положения в обществе, и стратегий, типичных для взрослой жизни, сквозь бесконечные разделы памяти, ко-торые мы вспоминаем лишь в снах… все улицы, ветреные проходы между ножками столов и стульев, где человек ползал еще в детстве, кровавый выход из лона, фонтанирующий выплеск из канала пениса, безвременные странствия по рыхлым тканям… И обратно, назад по туннелям, до того момента, пока не выясняется, что коридоры, по которым он странствует, — это он сам и есть… Беспрестанно назад, сквозь бесконечно закрученные коридоры, к необъятному космическому пространству, окружающему первичное ядро мира, центру центров, до которого во внутреннем мире человека добираться так же далеко, как во внешнем мире — от нашей галактики до туманностей…*

«Космологию радости» поклонники Уоттса восприняли

восторженно. Но самой популярной книгой психоделического движения была все-таки не она. Эта честь принадлежала «Острову» — утопии Хаксли, в которой он описывал, на что может быть похоже общество, использующее для просветления психоделики. «Остров» привлек внимание одного социотехника, который решил воплотить эту идею в жизнь. Он приступил к этому в довольно экзотичном месте — в мексиканском городке Чихуатанейо.

Глава 15. ПЯТАЯ ГРАЖДАНСКАЯ СВОБОДА

Вероятно, если обратиться к воспоминаниям, кульминационным пунктом психоделического движения были те несколько недель летом 1962 года, когда тридцать пять добровольцев (включая девятерых детей) поселились в отеле «Каталина» для того, чтобы предпринять коллективный штурм Иного Мира. Лири собрал разнородную компанию, состоящую из психологов, творческих людей, представителей элиты (Томми и Пегги Хичкок), а также своих аспирантов, их жен и друзей.

Они собрались здесь, чтобы проникнуть за границы сознания настолько далеко, насколько это возможно. Хотя это вовсе не означало, что они не собираются вкушать прелести мексиканской сладкой жизни. Тим значительную часть времени проводил загорая на пляже и заказывая выпивку из бара, которая поступала по фуникулеру вниз.

Отель «Каталина» располагался в двух милях от Чихуатанейо, к нему вела гравийная дорога. Отель был построен на склоне горы и коттеджи отдыхающих располагались на нескольких уровнях. На западе лениво плескался Тихий океан и тянулись мили девственного пляжа. Со всех остальных сторон отель окружал густой лес. «Мы постоянно плавали, — вспоминает Гюнтер Вайл, приехавший туда с женой и маленькой дочкой. — А если срезали банановое дерево, то оно через сутки вновь вырастало из земли на целый дюйм».

Ежедневно исследовать Иной Мир отправлялась примерно треть группы, другая треть наблюдала за ними и находилась с ними рядом, а оставшиеся отходили от сеансов и писали отчеты о том, что пережили во время путешествий. Сессия проходила под номинальным контролем Альперта и Мецнера. Лири был «духовным отцом-патриархом» — он первый раз выступал в такой роли. На

самом деле Лири интересно было попробовать создать неролевое (новое популярное словечко, придуманное ими в Гарварде) общество, включающее группу людей, которые сумеют совладать с эго и попробовать жить без «ролей и масок, под которыми мы обычно вынуждены проявлять себя в обществе».

Сможет ли он, собрав тридцать пять столь непохожих характеров, создать истинное духовное братство?

Конечно, месяца слишком мало, чтобы дать точный ответ. Однако это было только начало, и, за несколькими исключениями (одним из них был Майрон Столярофф), все шло хорошо. Столярофф, познакомившийся с Лири весной 1962 года, был им очарован. И когда Лири пригласил его поучаствовать в том, что они задумали в Чихуатанейо, он мгновенно согласился. И теперь жалел об этом. В неролевом обществе Лири он ощущал себя чужим: мужчины держались с ним отстраненно, женщины мрачно. Возможно, этому поспособствовало то, что Столярофф всегда был готов защищать свой Фонд от обвинений в «торговле просветлением»: «Пятьсот баксов за раз?! Позор!» Но когда он пытался объяснить сложность финансирования исследований, которые не пользуются поддержкой медицинской бюрократии, это всегда встречало непонимание и равнодушие или даже враждебность. Это постоянное противопоставление «мы-против-них» ставило его в тупик, что еще больше усиливалось тем фактом, что последователи Лири не уставали говорить о любви и открытости, которую порождает ЛСД. Его сбивали с толку также «определения, концепции и манера описания экспериментов. Большей части терминов я просто не понимал, хотя я вовсе не новичок в работе с ЛСД».

После длительных и тяжелых попыток выстроить психологическую модель ЛСД Столярофф был просто не подготовлен к тому, чтобы понять увлеченность Лири религиозной терминологией. Бардо то, бардо это, в скором времени все мы станем буддами…

Слово бардо было взято в одной из любимых книг Хаксли — «Бардо тодоль», «Тибетской книги мертвых». Оно описывало состояния души, покидающей мертвое тело. Как-то, проводя сеанс для Мецнера, Лири открыл «Книгу мертвых» и прочел несколько страниц Мецнер Же, продравшись сквозь лабиринт странных тибетских понятий, внезапно ощутил, как его разум проходит сквозь разные слои сознания — именно так, как об этом писали тибетские

ламы. Все были ошеломлены. Неужели перед ними древний справочник-путеводитель по психоделическим состояниям? Как позже заметил Альперт, в «Тибетской книге мертвых» содержались самые ясные описания всех состояний, которые «все мы испытали, но описать не могли. Мы говорили, что это невыразимо, неописуемо, и тем не менее все это нашлось в древнейшей книге, написанной две с половиной тысячи лет назад».

«История психоделического движения» — книжка-раскраска

Тим стал постоянно использовать «Книгу мертвых» (точно так Хаббард использовал для опытов христианские иконы и тексты). «О благородно-рожденный, ты покидаешь себя, — нараспев говорил ведущий во время сеанса. — Хотя ты еще цепляешься за свое сознание, оно уже неподвластно тебе. Помни, когда твое тело и сознание разделятся, ты сможешь испытать момент чистой истины. Не бойся и не печалься. То, что ты увидишь, — свет твоей истинной сути. Пойми это».

Тем не менее, как ни странно это звучало для Столяроффа, методика работала. Тим даже решил слегка осовременить это и переиздать «Книгу мертвых» под другим названием, как первое руководство по путешествиям в Иной Мир.

Но Майрон был не единственным, кто противостоял Лири. Альперта последнее время мучил неопределенный страх, чувство надвигающейся беды. Он не мог сказать, касается это предчувствие его одного или всей группы. Как-то ночью, приняв большую дозу ЛСД, он отправился на берег. Всю ночь до утра он бродил по полосе прибоя, на него накатывали гигантские океанские волны. Иногда он мельком задумывался, выживет он или умрет, но это его абсолютно не тревожило.

Последние несколько месяцев для Альперта были тяжелыми, их можно было воспринять как насмешку судьбы: его головокружительная карьера затормозилась именно тогда, когда он наконец занялся новыми незаурядными вещами («Это было интереснее всего, над чем я когда-либо работал, — говорил он потом в интервью, — и именно в этот момент люди начали чинить препятствия нашему делу».) Тяжелым это казалось Альперту потому, что люди, чинившие препятствия, были его друзьями, а ему, напротив, хотелось бы добиться их доброго мнения и расположения.

Хотя Альперт довольно логично объяснял критику коллег простой научной завистью, по поводу Макклелланда он этого сказать не мог. С того момента как Альперт встал на защиту Тима, всем стало ясно, что он нашел нового учителя. А старому он сказал: «Я бы с радостью помогал ему [Тиму] просто потому, что он великий человек. И я готов помогать ему во всем — доставать деньги, готовить еду, убирать дом или воспитывать детей».

Но был ли он готов бросить Гарвард ради Тима? Решив, что напряжение на факультете общественных отношений стало слишком велико, Лири собирался в 1963 году, когда истечет срок его преподавательского контракта, уйти из Гарварда. Будущее психоделических исследований лежало вне научных кругов. В общем, перед Альпертом возникла дилемма — бросить науку и последовать за человеком, которого он считал мудрейшим в мире, или же предпочесть безопасную профессиональную жизнь.

Это все по вине ЛСД, думал Альперт. Наркотик оказался гораздо мощнее, чем они предполагали. «Наверное, мы достигли границ дозволенного, — сказал он Лири, после того как Мецнер с другим парнем обнаружили его среди прибоя и привели обратно в гостиницу. — Думаю нам лучше слегка заморозить исследования, потому что иначе тем или иным образом нам придется вступить в борьбу с существующим строем».

Лири невозмутимо предложил ему полотенце и чашку горячего чая.

Он не собирался замораживать исследования. Он собирался делать как раз обратное. Месяцами он обдумывал концепцию внутренней свободы. В речи перед гарвардскими студентами-гуманитариями он предложил идею, что каждый волен делать со своим сознанием все, что захочет, — это и есть «пятая гражданская свобода». И ее следует внести в Конституцию. Конгресс не выпускал законов, ограничивающих права личности на исследование пределов собственного сознания. «Пятая свобода» необходима, — убеждал Лири студентов, — чтобы избавить Америку от участи «цивилизации-муравейника», в котором все мы — просто марионетки, играющие свои роли в общественных играх». Все мы — просто функционеры, но это же отнюдь не единственный вариант развития. Благоразумно используя психоделики, человек может открыть новое духовное измерение, которое раскроет перед ним величайшие возможности — исследовать вселенную, победить

болезни и ликвидировать нищету. Короче говоря, достичь всех целей, поставленных «Новыми рубежами» Кеннеди, а вдобавок — освободиться от жадности и привычки заботиться только о своих собственных интересах.

Закрыв глаза и погрузившись в мечтательную задумчивость, Лири на пляже Чихуатанейо представлял себе мир, устроенный по образцу «Острова» Хаксли, в котором педагогическая польза психоделиков была очевидна. Но у Хаксли, к сожалению, не описывалось, как следует использовать «мокшу» в сложном разнородном обществе, которое, например, существует в Соединенных Штатах. Тим отверг идею Хаксли об обращении только к элите, лучшим и влиятельнейшим людям. А от богемы и светской жизни он уже подустал. Что сейчас ему было действительно необходимо, так это побольше людей вроде Ральфа Мецнера и Гюнтера Вайла — коллектив образованных и опытных людей, которые смогут вести психоделические сеансы и будут способны обучать этому других. Понятие «проводника», как полагал Лири, было для психоделической революции ключевым:

> *Медицинское образование вовсе не обеспечивает человека правом пилотировать реактивные самолеты или понимать невероятную сложность сознания. ЛСД так необычен и мощен, что чем больше вы об этом думаете, тем больше начинаете поражаться и пугаться того, что ваше сознание может ускользнуть за границы обычного разума. Новая профессия психоделических проводников необходима для наблюдения и помощи человеку в процессе таких экспериментов. Человек, обучающий других, должен обладать терпением преподавателя первого курса, сдержанностью и мудростью индийских гуру, религиозным чувством священника, восприимчивостью поэта и воображением фантаста.*

Позже в «Стратегии управления экстазом» он сравнивал работу проводника психоделического опыта с работой

> *...контрольно-диспетчерского пункта в Ла*

Гуардиа.[87] *Здесь принимают запросы и отвечают пилотам самолетов. Здесь всегда готовы помочь им уточнить курс и добраться до цели… у пилотов каждый раз — свои маршруты, свои цели, но наземная служба всегда к их услугам.*

Осенью, вернувшись в Гарвард, Лири сказал Макклелланду: «Мы закончили играть в научные игры». Вместо этого они начали играть в общественное движение. Центром этого движения стала организация, получившая серьезно звучащее название «Международный фонд внутренней свободы»[88] (№ 1Р). Она должна была состоять из разветвленной системы ячеек, во главе каждой из которых должен был стоять специально обученный психоделический проводник. Ячейки будут расти, расширяться, создавать новые отделения — и так до тех пор, пока мир не превратится в мини-Остров. Штаб-квартира IFIF будет находиться в Бостоне. Здесь будут обучать проводников, обеспечивать их запасами ЛСД и в то же время действовать как учетная палата для тех исследовательских отчетов, которые будет посылать каждая ячейка. Это было важным моментом. Учитывая, что по тогдашнему закону для приоритетных экспериментальных наркотиков было необходимо благословение ФДА, IFIF должна внешне выглядеть как законная научная программа для того, чтобы официально заказывать ЛСД или псилоцибин.

Обращаясь к гарвардским студентам-гуманитариям несколько месяцев спустя по возвращении из Мексики, Лири объяснял свое решение: «Как только ваше сознание начинает выходить за рамки существующей культуры и существующего языка, перед вами встает хитрая общественная и культурная дилемма. Она состоит в следующем: попробуете ли вы лично приспособить существующие культурные игры окружающего мира к возможностям расширенного сознания, или же вы пойдете иным путем и попытаетесь создать новое общество».

В Мексике им как раз удалось добиться последнего, создав небольшую неролевую группу первопроходцев, психоделическую

---

87 Аэропорт в Нью-Йорке.

88 International Foundation for Internal Freedom.

коммуну.

«Мне до боли грустно об этом слышать, — отреагировал Макклелланд, узнав про IFIF. — Они начинали как ученые, а превращаются в сектантов». Эндрю Вайл, писавший о программе исследования псилоцибина для «Кримсон», считал, что Лири и Альперта привлекает популярность и они приносят ей в жертву все требования и законы научного сообщества. И когда Джон Монро, один из деканов Гарварда, попросил «Кримсон» держать его в курсе всех открытий, Вайл согласился, хотя и без особого интереса. Для декана Монро, а если говорить шире, то для руководства Гарварда IFIF была еще одним доказательством того, что Лири не держит своего обещания и продолжает кормить выпускников Гарварда наркотиками.

Хотя теперь программа по изучению псилоцибина протекала за пределами академического городка, объявления, рекламирующие IFIF, висели на университетских досках объявлений. Чтобы привлечь внимание читателей к «Психоделическому журналу» IFIF, один из энтузиастов раздавал отпечатанные на ротаторе объявления:

Мескалин! Мистический опыт! Экстаз! ЛСД-25! Расширение сознания! Фантастика! Гашиш! Видения! Сущность религии! Внутреннее освобождение! Вьюнок пурпурный! Управление психикой!

В тот период дебаты вокруг наркотиков угрожали затмить в студенческих разговорах даже соревнования между Йелем и Гарвардом. Средняя уличная цена кусочков сахара с ЛСД была где-то около пяти долларов, и, судя по слухам, в Гарварде их мог продать каждый третий.

Это всерьез обеспокоило декана Монро и гарвардского главу санитарных врачей, доктора Дану Фэрнсворта, и они опубликовали в «Кримсон» статью, в которой, в частности, предупреждали, что ЛСД и псилоцибин могут «серьезно повредить вашему психическому здоровью, даже если вы вполне нормальны». Позднее декан в интервью «Медикал трибьюн» объяснял, что статья появилась, так как было необходимо противодействовать «постоянным попыткам заинтересовать студентов этими препаратами». Несколько дней спустя в «Кримсон» была опубликована ответная статья Лири и Альперта. Они, не касаясь вопросов психического здоровья, сосредоточились на обсуждении «пятой свободы». «Величайшей гражданской свободой в следующем десятилетии должна стать

свобода контролировать и расширять собственное сознание, — писали они. — Кто должен контролировать кору вашего головного мозга? Кто решает, где должны лежать границы вашей осведомленности? Если вы хотите изучать собственную нервную систему и расширять сознание, кто может запретить вам это и почему?»

Со страниц «Кримсон» это информация перекочевала в «Нью-Йорк тайме» («В Гарварде обсуждают опасность наркотиков, воздействующих на сознание» — гласил один заголовок. «В Гарварде подняли тему наркотиков, вызывающих душевные заболевания» — вторил ему другой). Декан Монро сообщил «Тайме», что истоки этой проблемы следует искать в «интересе, проявленном Олдрсом Хаксли и прочими» к этим наркотикам, которые оказались очень мощными, но все-таки вредными. Однако среди знакомых Хаксли IFIF вызвала еще большую тревогу, чем в Гарварде.

Осмонд приехал в Бостон вскоре после первых публичных дебатов и выяснил, что никакие аргументы не могут переубедить Тима в том, что каждый может безопасно для здоровья принимать психоделики. Это подтверждало то, что говорил Хаксли во время последней поездки в Гарвард, когда Тим «городил такую ерунду… что я даже забеспокоился. Не за его рассудокконечно, потому что он абсолютно нормален, но за его отношение к окружающему миру, потому что говорить такое — верный способ раздразнить народ и власти. Нельзя насмехаться над традициями и дразнить ученых гусаков».

Номер журнала «Психоделическое обозрение»

Но как бы вызывающе ни вел себя Тим, и даже учитывая то, что IFIF ставила под угрозу попытки Олдоса легитимизировать психоделики, Хаксли не разлюбил «озорного ирландского парня». Он решил немного схитрить. Когда махараджа Кашмира, потрясенный «Островом», прислал восхищенное письмо, в котором, в частности, говорил о желании самому попробовать психоделики, Хаксли порекомендовал ему связаться с Тимом в Гарварде. Если Его Высочество соизволит заехать к Тиму, последнему представится возможность пообщаться с человеком, вскормленным на другой культуре, чем его собственная. Учитывая старое увлечение Тима восточной мистикой, это была сильная задумка, но, к сожалению,

осуществить ее не удалось.

Майрон Столярофф был более прямолинеен, написав Лири письмо, в котором называл IFIF «безрассудством». Это может принести опасность всем, кто занимается ЛСД, предупреждал Майрон.

> *Медики исследуют свойства этих лекарств довольно давно. Но кроме «канадской группы» и единичных исследователей — никто на самом деле не знает, как обращаться с ними. На изучение этого требуются годы. Тим, если твои планы, как ты их мне описывал, осуществятся, я уверен, что это принесет множество неприятностей не только тебе, но и всем нам. И даже может причинить непоправимый вред исследованию психоделиков вообще.*

Но как Столярофф и предполагал в конце письма, «вероятно, мало надежды на то, что ты изменишь свои планы».

В начале января 1963 года IFIF была официально зарегистрирована в штате Массачусетс. Лири стал президентом, Альперт — директором. В совет директоров вошли также Ральф Мецнер, Джордж Литвин, Гюнтер Вайл, Уолтер Хьюстон Кларк, Хастон Смит и Алан Уоттс. С февраля началась тяжелая работа — по поискам сторонников и спонсоров. Были разосланы тысячи информационных статей с резюме по исследованиям псилоциби-на: «91 % испытуемых были довольны тем, что пережили, а 66 % сообщали об изменениях в жизни к лучшему». Членство в IFIF стоило десять долларов в год. Хотя некоторые милые богатые люди и делали внушительные взносы, основная часть доходов составлялась из десяти и двадцатидолларовых членских взносов, внесенных сотней людей, которые хотели стать членами IFIF.

Аллен Хэррингтон, который написал об IFIF в «Плейбое», привлек нью-йоркских вкладчиков, среди которых было несколько дюжин «богатых людей, приверженцев психоанализа, издателей и писателей и еще ряда лиц взыскующих спасения». Он писал, что Лири и Альперт работали с людьми, как «баскетболисты-профессионалы, блестяще перекидывающиеся мячом».

Хэррингтон был очарован Тимом, который показался ему человеком, «всегда окруженным учениками» и «абсолютно ясно

видящим то, во что ни один из нас не может поверить». Он играл роль наставника и делал это стильно. Его окружали ослепительные молодые девушки (часть антуража IFIF) и преданно глядели ему в глаза. Что касается Альперта, то Хэррингтон отводил ему второстепенную роль как расторопному и надежному молодому человеку, полезному помощнику для главного пророка.

Хэррингтон, позднее посетивший Иной Мир под руководством Ральфа Мецнера в Бостоне, очень верно уловил основные цели IFIF. «Мне кажется, — писал он в статье в «Плейбое», — люди из IFIF похожи на религиозных революционеров. Новые наркотики они используют и как предметы культа, и как мощное лекарство. Похоже, они собираются сделать из Соединенных Штатов образцовое общество. Это может казаться смешным, но ведь и Христос и Гитлер тоже начинали с малого. Поначалу все революционеры встречаются в барах или амбарах. Так чем от них отличается небольшая кучка людей, поселившихся в сорокаместном отеле на мексиканском берегу?»

Сняв отель на двадцать два месяца, Лири превратил «Каталину» в круглогодичный центр психоделических исследований и обучения. Заинтересованные исследователи и будущие проводники за две сотни долларов могли провести в Доме Свободы (новое название гостиницы) месяц и обучиться всем тонкостям профессии проводника и пребывания в Ином Мире. В рекламной брошюре центр описывался как место, «незапятнанное коммерцией, обитатели дружелюбны, счастливы и милы… жизнь простая и открытая, рядом с морем, под пальмами и солнцем». Участникам семинаров полагалось привозить десяток своих любимых книг для библиотеки центра.

Так как подразумевалось, что Дом Свободы будет отнимать у него в ближайшие годы большую часть времени, Лири объявил, что в июне, когда у него закончится контракт, уйдет из Гарварда. Ему приходилось временно (как надеялись все) расстаться с Альпертом, который хотел остаться в Гарварде еще хотя бы на год, пытаясь добиться продления по крайней мере одного из четырех преподавательских контрактов. Последует ли Альперт за Тимом по пути свободного философа, было еще неясно, но, по крайней мере, сейчас он еще не хотел бросать университет.

В «Первосвященнике» Тим писал о том, чего он надеялся достичь с помощью IFIF: «В 1961 году, по нашей оценке, с психоделиками познакомились 25 тысяч американцев. Учитывая спланированную

структуру ячеек, к 1967 году в Америке оказался бы уже миллион людей, пользующихся ЛСД. Критической цифрой для изменений в американском обществе, как мы посчитали, должно было стать четыре миллиона. Это должно было бы случиться в 1969 году».

Таковы были скрытые цели IFIF. Старое сознание отмирает и рождается новое, с более широким восприятием.

Многим это может показаться странным для культурной среды, где символом ницшеанского сверхчеловека до сих пор был Джеймс Бонд, однако не стоит забывать, что для молодого поколения все это и было похоже на игру в суперагентов! Новости об IFIF распространялись в первую очередь среди хипстеров и студентов. Молодой писатель Кен Кизи из Стенфорда писал другому молодому писателю, Кену Бэббсу, временно вынужденно находившемуся в республике Южный Вьетнам, о фантастической организации, возникшей в Штатах, — IFIF, Международном фонде внутренней свободы.

Репортеры протоптали дорожку в Кембридж. По радио передавали интервью за интервью. Телевизионные продюсеры просили, чтобы их включили в адресный список IFIF. Как говорил Майкл Холлингсхед (вернувшийся в Нью-Йорк и занимавшийся множеством сложных задач, одной из которых было устройство павильона, посвященного расширению сознания, на Всемирной выставке 1964 года), в этом году символом Внутренней Свободы стал дзен. И это вызывало беспокойство. «Хотя дело находилось в руках опытного хитреца Тима, часто случались непредвиденные вещи, на них сваливались совершенно неожиданные «новости» об IFIF, появившиеся в прессе, либо случайные слухи, которые могли быть, а могли и не быть правдивыми, но всегда были необычными, а часто из ряда вон выходящими, нелепыми, скандальными и клеветническими».

Самые пикантные сплетни касались двух коммун — «трансцендентальных колоний», которые являлись отделениями IFIF в Ньютоне. В рекламных брошюрах IFIF эти хозяйства описывались как

> *...возникшие на базе идей, описанных в книге Олдоса Хаксли «Остров». Это серьезная попытка создать в этих общинах атмосферу трансцендентальных отношений с искренней самоотдачей. Воспитание*

детей в такой атмосфере имеет множество преимуществ, и люди рады такой возможности.

Но это была теория. В реальности же это было похоже на то, что позднее станут называть обычной коммуной хиппи. Здесь часто звучало множество различной музыки одновременно. Индийские раги, доносящиеся из одной комнаты, переплетались в коридоре с перезвоном тибетских колокольчиков и Телониусом Монком.[89] Получавшийся в результате шум сводил соседей с ума, также как и вид голых до пояса молодых людей, занимающихся йогой во дворе. «Они все ходят, как битники, в широких штанах и вязаных свитерах, и при этом босиком! — жаловалась одна из соседок, полагавшая, что дом Лири и Альперта является обычной гостиницей. — Один молодой парень лет двадцати отрастил себе волосы ниже плеч — каждый раз, как вижу его, меня так и тошнит». И еще стоило обратить внимание на обстановку. Здесь было огромное поле для деятельности. Было что-то в психоделическом опыте, что стимулировало стремление к украшению жилищ, особенно если учесть, что раньше все стены были белыми или одноцветными. Теперь же кухня была завалена тестами Рор-шаха и заставлена стеллажами, на которых с каждым днем наблюдался все больший беспорядок. Одна из жилых комнат была заклеена фото голых девиц, вырезанными из журналов. Здесь обычно горело только одно маленькое бра. Такое вот визуальное подтверждение того, что разговоры о расширении сознания и мистическом просветлении часто приводили и к растормажива-нию сексуальных инстинктов. Единственной комнатой, сходной по атмосфере с «Островом», была комната для медитаций — небольшое тихое укромное местечко, таинственное, словно «жилище цыганки-гадалки».

Как легко догадаться, у доброго десятка человек, поселившихся под одной крышей, иногда не получалось жить неролевой жизнью. Как выяснилось, не все последствия растуманивания комплексов при помощи ЛСД были положительными, иногда случались и неприятные происшествия. Самым драматическим был, пожалуй, случай, когда Альперт влюбился в студента, обладавшего богатым букетом психических заболеваний и женой и ребенком, которые жили вместе

89 Монк, Телониус (1917–1982) — великий джазовый пианист и композитор.

с ним. Во многом это напоминало отношения Люсьена Карра и Дэвида Каммерера и грозило окончиться не менее трагическими последствиями. Мецнер говорил, что «иногда напряжение достигало такой степени, словно рядом лежал ящик динамита с тлеющим запалом. Фостер угрожал сжечь весь дом. Мы собрали общее собрание, чтобы отговорить его от этого, но он заявил нам, что сам не понимает, почему ему этого хочется».

В конце концов ситуация как-то утряслась сама собой, в частности под воздействием того, что происходило много иных событий. Жизнь здесь, с одной стороны, требовала от человека полной самоотдачи, но с другой — приносила потрясающее удовлетворение. Как и в любой группе, где люди живут вместе и регулярно принимают ЛСД, они скоро столкнулись со стандартными феноменами (предвидение, телепатия, экстрасенсорное восприятие). Однако одним из побочных эффектов было и то, что у многих возник синдром «мы-против-них». Когда в конце 1962 года к ним заехал Бэррон, он был встревожен именно тем, как сильно все это напоминало культ. И тут же его сразу словно отрезало от остальных. Он оказался чужаком. Объяснение, что они так далеко продвинулись в исследовании Иного Мира, что теперь могут общаться без слов, его не удовлетворило. «Они вставали в круг и нараспев говорили «вау», но мне это показалось недостаточно убедительным».

В конце концов, не выдержав таких опасных соседей (ходили сплетни, что пес Лири покусал семерых людей), жители Ньютона подали жалобу, в которой ссылались на закон, по которому в одном доме жить разрешалось только одной семье. Был намечен день, когда состоится слушание дела. IFIF воспользовалась услугами отца Альперта (который занимался в Массачусетсе адвокатской практикой), чтобы представлять их интересы в суде, и тот потратил целый день, доказывая, что в законе в данном случае подразумеваются семьи, связанные родственными узами.

Когда Лири в апреле уехал из Бостона в Чихуатанейо, ситуация оставалась достаточно напряженной. И не только потому, что массачусетский Центр общественного здоровья начал тщательно расследовать деятельность IFIF. Фонд еще и выгнали на улицу. Тогда они арендовали помещение в новом бостонском медицинском комплексе. Но другие люди, обитавшие в том же здании, прочитав в бостонском «Глобе» статью о Фонде, обратились с протестом к домовладельцу. И тот тотчас же выкинул их на улицу. Все произошло

настолько быстро, что их мебель даже не успела прибыть. Каким-то образом IFIF нашло помещение в нескольких кварталах от Гарварда. Но только они повесили на двери табличку и занялись практикой, как поднялся крик со стороны начальства, которое еще не забыло Тима.

Все эти маленькие неприятности отражали ситуацию в Гарварде вообще. Месяцами репортеры из «Кримсон» собирали все пикантные новости и сплетни, бродя вокруг ньютонских домов, и беседовали с ничего не подозревающими обитателями коммун.

И теперь репортеры были готовы представить свои находки декану Монро.

По мнению «Кримсон», Лири с Альпертом нарушили свой контракт, по крайней мере, в двенадцати пунктах. Декан Монро вызвал к себе различных людей, связанных с этими делами, и спросил их мнение о Лири и Альперте. Все, за единственным исключением, высказали «редкостную верность двум психологам». Единственным исключением оказался молодой приятель Альперта, которому Дик давал псилоцибин, но впоследствии отказал в должности личного секретаря.

В этом был своя ирония, особенно для Альперта, который предпочел Тиму и IFIF — Гарвард. Фрэнк Бэррон, встретившись с ним в Национальной педагогической ассоциации, вспоминал, что Дик серел, когда разговор касался расследований декана. «Он достаточно спокойно отнесся ко всему этому и готов был выдержать все, что угодно, но видно было, что он был бы рад, если бы этого не происходило вовсе». Последние события вели к неизбежному противостоянию с Макклелландом. Настали мрачные дни затишья, пока Дик ждал, что решат в Гарварде. Доведенный до отчаяния, Альперт выяснил заодно, что его действия осуждает и Американская психологическая ассоциация. «Не потому, что мы гнусные типы, занимающиеся грязными делами, — объяснял он репортеру, — а потому, что нам «не удалось уберечь себя от побочных эмоциональных эффектов воздействия наркотиков». Но это неправда. Мы наблюдали за этими процессами вблизи. Мы вовсе не отрицаем, что некоторые личности менялись. Но мы считаем, что все эти люди изменились к лучшему». Тому же репортеру он объяснил ситуацию с секретарем — ничего собственно трагического не было. «Я отказывал в должности секретарей, наверное, двум сотням студентов. Просто у этого парня был друг, который рассердился и пошел и донес начальству. Забавно, что профессора увольняют за то, что он снабдил

студента тем, что принесло ему самый глубокий образовательный опыт в жизни. По крайней мере, так он сам сказал декану».

Альперта уволили двадцать седьмого мая. Одновременно с этим уволили и Лири — за провал «семинарских занятий». Ему заплатили по тридцатое апреля. Так как у Лири не было этих занятий, и он уже давно публично заявил о том, что уходит из Гарварда, это было скорее защитным шагом со стороны администрации, чем карательным. «Кримсон» посвятил большую часть первой страницы краткому резюме программы по исследованию псилоцибина и о ее результатах. Это была первая из многих статей, посвященных IFIF и Гарварду, и во многом она была лучшей. В отличие от большинства журналистов авторы из «Кримсон» верно понимали, чего добивался Лири.

> *Несостоятельность их как ученых — результат не столько их некомпетентности, сколько того, что они сознательно отвергли научный взгляд на данный вопрос. Лири и Альперт считают себя провозвестниками революции в психике, которая освободит западного человека от ограничений сознания. Они презрительно относятся ко всем существующим системам и стратегиям поведения, называя их «ролями» и «играми» общества. И они предпочитают мистический опыт в любой работе, включая политику, религию и искусство.*

В ответ Лири и Альперт опубликовали в летнем выпуске «Гарвард ревью» статью, написанную еще до их увольнения. «Игра изменилась, леди и джентльмены, — писали они. — Человек сейчас находится на грани того, чтобы начать использовать волшебные возможности своего мозга. Существующие социальные институты вскоре изменятся. И все наши излюбленные концепции смоет приливом нового сознания, создававшегося на протяжении двух последних миллиардов лет».

Многие из друзей Тима думали, что он совершает ошибку, не возвращаясь в Бостон, чтобы опровергнуть или по крайней мере опротестовать гарвардскую версию его увольнения. Но Лири это не беспокоило. Гарвард стал для него прошлым. Будущим же были Чихуатанейо и IFIF. Это будущее длилось ровно две недели, пока мексиканское правительство не закрыло Дом Свободы и не

депортировало всех, кто имел отношение к Международному фонду внутренней свободы.

Глава 16. В ТРОПИЧЕСКИХ ШИРОТАХ

Если бы это случилось лет двадцать спустя, в широкой прессе Дом Свободы Лири могли бы назвать «Клубом по изучению сознания». И это было бы не слишком далеко от истины, точно так же, как если бы о них сказали, что они стояли на «Пограничных рубежах сознания». В течение первых полутора дней группа будущих проводников — сборная солянка из профессиональных психологов, творческих личностей, богатых бездельников, биржевого спекулянта, актрисы телевидения, французского писателя и даже нескольких йогов — с удовольствием загорала и с наслаждением пила «Зомби Чихуатанейо» — коктейль, специально изобретенный барменом «Каталины» для резвых гринго. Но веселые забавы и темный загар были все-таки на втором плане: все они приехали сюда, чтобы обучиться профессии проводников в сеансах ЛСД и заодно продолжить собственные путешествия. Основными забавами были другие — те, что касались проникновения в глубь вселенского сознания. Каждому новоприбывшему кандидату в проводники вручалась брошюрка, в которой излагались основные положения философии Дома Свободы.

> *Целью неролевого общества является освобождение каждого из социальной паутины, чтобы он мог прорваться сквозь время и пространство и добраться до своих собственных огромнейших энергетических потенциалов. IFIF проехала четыре тысячи миль, чтобы спастись от ВАС! Возможно, вас расстроит, что люди здесь не собираются играть в ВАШИ игры. Не обижайтесь. Вырывайтесь из захлестнувшей вас сети — и летите с нами!*

И большинство из них так и делали, с радостью принимая участие в скромных местных ритуалах. Был, например, обычай, связанный с «башней», небольшой спасательной вышкой, находившейся чуть вниз по пляжу. Суть ритуала была в том, что на

вышке всегда должен находится кто-то, выходящий за пределы сознания, — своего рода постоянный живой символ высшей цели. Однажды, когда на побережье разразился ураган, парень, находившийся на вышке, категорически отказался спускаться. И сидел там посреди завывающего ветра, словно Ахав на носу корабля. Когда все закончилось, единственное, что он смог вымолвить: «Фантастика!»

Впрочем, это определение годилось для многих происходивших в Доме Свободы вещей, в частности касавшихся группового сознания. Групповое сознание было смутным субъективным ощущением. Если вы пытались применять к нему обычные объективные стандарты истинности, оно исчезало. «Наши сознания соединились, формируя новую сущность, которая не была н*ичел* овеческой, ни нечеловеческой, — так вспоминал об этом один из психологов, присутствовавших в Доме Свободы тем летом. — Я ощущал себя частицей величайшей сущности. Нельзя сказать, было ли это приятно или неприятно, но никакого страха или беспокойства я при этом не испытывал». Зато все ощущали любопытство. Можно ли делать что-нибудь с этим групповым сознанием, кроме как сидеть вместе, ощущая себя единой сущностью? Есть ли возможность доказать, что оно действительно существует? Однажды к Мецнеру в кровать забрался скорпион и укусил его. Ральф страдал сильной аллергией на противоядие и, приняв его, немедленно покрылся сыпью с головы до пят. Вот чудесная возможность выяснить, смогут ли они телепатическим образом вылечить сыпь. Они встали вокруг Мецнера и начали посылать ему… я терпеть не могу употреблять такие термины, как «лечение волнами» или «вибрации», но именно так это можно назвать. Мецнер почувствовал страшный жар: «Он поднимался от ног выше, проходя сквозь тело, выше и выше, проходя и сразу же исчезая. Наконец, он поднялся до головы — и я почувствовал, что полностью очистился и вылечился!»

Вот это доказательство! Если бы кто-нибудь догадался заснять это на камеру! А так, без пленки, это стало просто еще одной паранормальной байкой.

Многие сеансы проходили на пляже, на прибрежном песке, который обладал некоторым успокоительным эффектом, особенно для тех, кто, заблудившись в темных областях Иного Мира, начинал испытывать беспокойство. Такое случалось часто, и первой задачей хорошего проводника было научиться избегать подобных ситуаций и

выводить своего питомца из того, что Столярофф называл «состоянием неопределенности», которое на самом деле было попыткой испуганного эго выбраться из дебрей Иного Мира. Всегда существовал момент, когда неизбежность безумия представала перед человеком с ужасающей ясностью. И очень помогало, когда он в этот момент слышал добрый шепот: «Почувствуй песок и волны. Когда-то мы все выползли на берег из этих бесконечных водяных просторов».

Отель «Каталина» в Чихуатанейо

Это было чудесное время — время группового сознания и коктейля «Зомби Чихуатанейо». Пожалуй, единственное, что смущало их — постоянный поток молодых людей, которые стучались к ним в двери. Эти молодые люди уже не были битниками, но в то же время до хиппи им тоже оставалось еще несколько этапов. Кем они были? В общем-то просто беспокойными и шумными созданиями, которые действовали на нервы всем местным, в результате чего местные начинали ворчать: «Неролевое общество? Casa Libre? Que pasa?»[90] И только когда стало известно, что пес Лири (по слухам) перекусал половину Ньютона, на гринго, поселившихся в «Каталине», стали валить все беды, многие из которых (например, убийство местного парня) случились задолго до приезда Лири.

На самом деле параллели с Гарвардом были еще глубже. Помните — самым ярым противником программы исследований псилоцибина был Герб Келман. Однако его побудила к этому речь Альперта и Лири на собрании факультета. То же самое повторилось и в Мексике Предыдущим летом после первой недели, проведенной в «Каталине», Лири и Альперта пригласили в Мексиканскую ассоциацию психоанализа и предложили представить отчет о псилоцибиновой программе. Они встретились с доктором Дионисио Ниэто, руководителем медико-биологического института при университете в Мехико.

Как и в свое время Келман, Ниэто был потрясен тем, что услышал. «Я понял, что Лири не ведет никаких особенных исследований, — сообщал он репортеру. — Его статьи абсурдны, темны и не имеют никакой научной ценности. Попытки высвободить

---

90 Свободный дом? Что здесь вообще творится? *(исп)*

творческие силы сознания с помощью галлюциногенов — вздор. Вспомните Индию и любителей гашиша. Или наших индейцев-масатеков с их грибной церемонией. Нельзя потакать людям, потребляющим ЛСД. Я склоняюсь к мысли, что мне стоит обратиться с жалобой в Гарвард».

Но когда Ниэто узнал, что Лири организовал постоянный исследовательский центр в Чихуатанейо, он вместо этого обратился с жалобой к мексиканскому правительству.

И власти послали туда двух агентов, представившихся газетчиками. Решив, что перед ним обычные журналисты и желая привлечь на свою сторону местную прессу, Мецнер оказал им радушный прием. Один даже принял участие в сеансе. Но 13 июня все раскрылось, агенты сбросили маски и объявили, что у IFIF есть пять дней, чтобы собрать вещи и убираться из страны. Повод? Использование туристической визы для бизнеса.

Депортация из Мексики высветила две серьезные и неотложные проблемы. Первой было то, что их запасы ЛСД подходили к концу. В январе прошлого года, понимая, что если они начнут как-то хитро обходить новые правила ФДА и IFIF умрет не родившись, Лири попробовал заказать у «Сандоз» огромное количество ЛСД и псилоцибина, приложив к заказу чек на десять тысяч. Они надеялись, что это как-то поможет обойти проблемы с ФДА. Но это не сработало. Заказ отвергли. Возможность, что IFIF останется без наркотиков, все яснее вырисовывалась на горизонте. Но тут появился Эл Хаббард и, достав из своей кожаной сумки пятьсот доз ЛСД, обменял их на остававшийся у Лири псилоцибин. Однако это была только отсрочка. И в результате большую часть времени в Мексике Лири проводил, пытаясь найти химическую компанию, которая согласится синтезировать ЛСД.

С депортацией эти переговоры закончились. Проблема обеспечения ЛСД встала перед ними с невиданной силой, учитывая историю с последними несколькими ампулами, которые были спрятаны в флаконе с краской для волос. Флакон в процессе спешного отъезда разбился и разлился на чей-то костюм. После этого на костюм смотрели не иначе как с восхищением и благоговением, и даже иногда пытались его пожевать.

Как же раздвинуть границы сознания людей без расширяющих сознание веществ?

Временный ответ был найден: семена вьюнка пурпурного. За

несколько месяцев до этого ботанический мир вздрогнул после сенсационного заявления Альберта Хофманна, что он обнаружил в Ipomea violacea (в просторечии — вьюнок пурпурный) сходные с ЛСД составляющие. Вернее сказать, ботанический мир был поражен тем, как повысился спрос на семена Ipomea violacea. Люди, абсолютно не разбирающиеся в ботанике и не способные отличить луковицы от супового набора, внезапно приходили и заказывали сотни фунтов семян вьюнка пурпурного, семян различных сортов, носящих чудесные экзотичные имена: «Жемчужные врата», «Небесная голубизна» и т. д. IFIF предусмотрительно закупила несколько сотен фунтов (существовала опасность, что садовники, выращивающие семена, могли внезапно понять истоки неожиданной популярности вьюнка). Никто, кстати, так и не позаботился заранее проверить их действие, пока, в конце концов, Мецнер не попробовал их, смешав с кока-колой. Его чуть не стошнило. Психоделического тут было крайне мало.

Вьюнок пурпурный (Ipomea violacea)

Тем временем все яснее над ними нависала проблема номер два. И она была гораздо серьезнее: деньги. Пока IFIF не нашла другого места вместо Чихуатанейо, она была вынуждены возвратить нескольким сотням людей внесенные ими суммы. Суммы, разумеется, уже были потрачены. Гюнтер Вайл отправился на Доминику, маленький дремотный вулканический островок в Карибском море, последний форпост Британской империи. Ленивое местечко, управляемое пьянствующими чиновниками. Жара здесь царила адская: в полдень двигались только вентиляторы под потолком да цыплята во дворе.

IFIF пригласил на Доминику местный поклонник фри-лава, «свободной любви», который был, кроме того, еще и большим поклонником «Острова». Он прочитал в «Тайм «о проблемах IFIF и немедленно написал письмо Тиму, где пел хвалебные оды Доминике. Вайла послали проверить, насколько это реально. Хотя, по сути, когда он узнал последние новости, было поздно — Лири с дюжиной соратников были уже в пути на остров. А последние новости были таковы: несколько месяцев назад любитель свободной любви бросился в горящий дом и спас оттуда несколько человек. Это сделало его национальным героем и привлекло к нему взоры

Доминиканского фронта освобождения, горсточки восторженных революционеров, надеющихся повторить на Доминике то, что удалось Фиделю провернуть на Кубе. Ему предложили стать во главе революции, и он согласился. Вайл ни о чем об этом не догадывался, пока его однажды не позвали прогуляться в джунгли, и там, в ветхой хижине под ослепительным светом голой электрической лампочки, ему объяснили замысел: да, Доминика может стать для людей психоделическим раем, но сначала следует совершить революцию…

Конечно, британским властям, обладавшим большим опытом подавления местных волнений, было известно об этом замысле. В таком свете Лири оказывался специалистом по химическому оружию, которого, вероятно, пригласили для каких-то особенных действий, например положить начало революции, вылив порцию ЛСД в городскую систему водообеспечения. С самого их приезда за ними следила полиция, а спустя несколько дней их вызвали к губернатору и приказали немедленно покинуть остров. Во время короткого разговора с губернатором тот листал какие-то документы, лежащие на столе. К всеобщему изумлению, они оказались статьями доктора Хофманна о ЛСД.

После Доминики они решили попытать счастья на Антигуа, сняв там для начала пустынный портовый буфет с нежным названием «Ведро крови». Хотя они и трудились на совесть, пытаясь возродить приятную атмосферу Чихуатанейо, но почти все сеансы проходили ужасно. Впервые у одного из аспирантов поехала крыша. Сначала он надолго неподвижно застыл в позе стоящего Будды, в то время как дети резво носились вокруг него, а затем просто исчез в неизвестном направлении. Больше всего при этом всех тревожило то, что он, судя по всему, зациклился на мысли, что IFIF, чтобы вырваться из полосы неудач, необходима искупительная жертва, и этой жертвой Должен стать он. Серьезно встревожившись, они обыскали весь остров, но не обнаружили никаких следов беглеца. Наконец они обратились к местным властям с просьбой помочь отыскать рослого американца, который мог вести себя несколько странно. Несколько дней нервничали в ожидании ответа. Затем до них дошли вести, что его держат в специальной психушке, где-то глубоко в джунглях.

Приехав на остров, Тим первым делом отправился к местным врачам и ознакомил их с программой IFIF. Один из этих докторов, венгр, пользовался дурной репутацией, поскольку развлекался тем, что объезжал весь Карибский регион, делая направо и налево

лоботомию и получая за это материальное вознаграждение со стороны местных власть имущих. Аспиранты Лири были уверены, что он бывший нацист. И именно в частной клинике этого доктора содержали их друга. Опасаясь, как бы ему уже не сделали лоботомию, на выручку срочно отправили Гюнтера Вайла. Вайл обнаружил его, целого и невредимого, в затерянной глубоко в джунглях больнице, окруженной бревенчатым частоколом. Палата была крошечных размеров. Но друг их, к счастью, пребывал в здравом рассудке и с радостью отказался от мысли принести себя в жертву психоделическому движению. Ему купили билет на самолет и отправили домой. Несколько дней спустя губернатор Антигуа вызвал Тима к себе и тоже попросил покинуть остров.

В общей сложности меньше чем за три месяца их выгнали из трех стран и одного университета мирового класса. Это путало все их планы. Они глубоко завязли в долгах. Всем страшно хотелось найти какой-нибудь угол и отдохнуть от всего хотя бы несколько недель. И тут Пегги Хичкок вспомнила об имении, принадлежащем ее братьям, Томми и Билли. Оно находилось в Миллбруке, девяноста милями севернее Нью-Йорка.

Имение было действительно имением. Участок пять на пять миль с ручьями, прудами и семью или восемью домами. Один из них был дворцом в баварском стиле, с шестьюдесятью четырьмя комнатами. Братья думали, что снести дом будет проще, чем платить налоги. Альперта отправили с Пегги осмотреть место; вернувшись, он поведал, что это именно тот самый затерянный уголок, который они искали. Вход на участок был через сторожку у ворот с опускающейся решеткой. И затем надо было еще милю ехать по извилистой кленовой аллее до обветшавшего особняка. В округе его называли Старый дом, или Большой дом. Когда-то его построил Вильгельм Дитрих, германский эмигрант, сделавший большие деньги на электрификации американских городов.

Лири, узнав о том, что строитель дома занимался освещением (нес свет), счел это добрым символическим предзнаменованием. И в середине сентября, погрузив бостонские пожитки на несколько арендованных для этого случая грузовиков, они всей небольшой компанией отправились осваивать этот гигантский заплесневелый реликт прошлого. Они добрались до него уже в сумерках. Пустой дом «с двумя башенками и невероятными фронтонами» вырисовывался впереди, напоминая «трансильванский замок». Электричества не

было, они разожгли огромный камин и, коротая время до утра, для развлечения решили погадать на «книге перемен». Выпала гексаграмма 1, символизировавшая большой творческий потенциал.

Еще до того как отправиться в Миллбрук, Лири заехал на конференцию АПА в Филадельфии, где обратился к психологам-лютеранам с такими словами: «Вы становитесь свидетелями доброго старого религиозного спора. С одной стороны — психоделические провидцы, смущенно говорящие новым языком… а с другой — истеблишмент (чиновники, полиция, организации и работодатели) с трагическим видом провозглашающий привычные штампы: «Опасно! Сводит с ума! Вредно для здоровья! Интеллектуально растлевает малолетних! Наносит непоправимый вред! Секта!» Возможность расширения сознания с помощью химических веществ принимается с трудом. С трудом, но принимается. Истинная внутренняя свобода всегда обретается в длительных спорах о религиозных и гражданских правах».

Насчет споров Лири был прав. Но не прав насчет складывающейся в обществе картины в целом. Тема «Гарвардский профессор уволен за скандальную историю с наркотиками» была прекрасной, и СМИ смаковали ее. Осенью в прессе появились осуждающие деятельность IFIF статьи — в «Эскуайр» и в «Сатэрдэй ивнинг пост». Автором последней был не кто иной, как Эндрю Вайл. Доминирующей темой было то, что опасное вещество попало в руки безответственных ученых, вроде Альперта и Лири, которые, по мнению «Эскуайр», «соперничали между собой за титул самых опасных для мира людей». Иной Мир и расширение сознания не упоминались. Зато упоминались «комнатные мистики», «странники в креслах» и «иллюзорные мечты». Самой интеллектуальной и поучительной была статья в летнем выпуске «Гарвард ревью» под авторством все того же вездесущего Эндрю Вайла, который, к его чести, желал выяснить ясную перспективу исследований ЛСД. Лири и Альперт в лучших традициях IFIF ответили статьей в защиту «пятой свободы». «Необходима свобода действий, — писали они. — Нужно глубокое изучение вопроса. Необходимо приобрести опыт в том, как использовать расширяющие сознание наркотики, не создавая опасности для человека и общества. От пятой гражданской свободы — свободы расширения собственного сознания — нельзя отказываться без объективных причин». Но в некоторых статьях авторы считали, что такие причины существуют. «А что, если они

[психоделики] все-таки причиняют вред?» — спрашивал журналист Дэвид Рок.

В начале сентября появилась даже статья в «Журнале Американской медицинской ассоциации» старого гарвардского противника Лири — доктора Даны Фэнсворта. Доктор Фэнсворт предупреждал, что американские студенты подпали под влияние «сладкоголосого пения сирен расширенного сознания».

> *Наши молодые люди заявляют, что никакого риска при употреблении галлюциногенов нет. Якобы они безвредней алкоголя и аспирина и безопасней езды на мотоцикле. И кроме того, это приносит духовный опыт — яркий, чудесный и неописуемый. Человеческое сознание «находится в плену» вербальных концепций и условностей. Наркотики же предлагают выход в свободный от слов рай. Это утверждение развивают дальше, утверждая, что наркотики «освобождают» сознание и раскрывают творческие силы, которые в обычном состоянии недостижимы. И после того как действие наркотика заканчивается, человек чувствует себя даже лучше, чем раньше.*

Это весьма точное изложение философии IFIF, и доктор Фэнсворт был в принципе прав, отмечая, что, несмотря на «восторженные отзывы и статьи», пока что нет твердых доказательств, что все это правда. Все это казалось ему субъективными утверждениями, которые нельзя было признавать научным фактом. Хотя, конечно, собственное утверждение Фэрнсворта, что психоделики оказывают «сильное и часто разрушительное влияние на человеческий организм», было таким же субъективным. Он повторял непроверенные сообщения Гринкера о том, что у латентных психотиков после первого приема ЛСД могут наблюдаться изменения в структуре личности, и ссылался на статью с кричащим названием «Они разрушили мою личность», появившуюся в «Сатэрдэй ревью» в июне годом раньше.

На этом случае следует остановиться подробнее, потому что это хороший пример любых подобных рассказов о психоделическом опыте, который зачастую принимал теперь гораздо менее корректные формы. Автор статьи Гарри Эшер преподавал физиологию в

Бирмингемском университете в Англии. Его специальностью были зрительные функции человеческого организма, и поэтому он, конечно, заинтересовался ЛСД. Он непременно хотел попробовать его и вскоре уже «сидел в лаборатории, а врач в белом халате подносил мне стакан с тремястами микро-граммами лизергиновой кислоты».

Эшер попал в руки довольно распространенного типа врачей. Они интересовались только его физиологическим состоянием, и их абсолютно не заботили такие вещи, как окружение и обстановка. Скорее всего их можно охарактеризовать как исследователей психомиметиков. Они снимали у Эшера электроэнцефалограмму, просили его посмотреть на вспыхивающие лампочки, а потом дали диктофон и предложили наговаривать туда все, что он видит и переживает. «Женщина-психиатр с блокнотом в руках сидела рядом с кушеткой. Она контролировала вспышки света с помощью небольшого рычажка». Спустя шесть часов его проводили в кафетерий попить чаю, и по пути обратно он внезапно осознал, что теперь его сознание расщеплено на две разные личности.

Семена вьюнка пурпурного

Эшер в ужасе попросил отвести его домой, что психиатр и сделал. Дома он начал нервно ходить по комнате, быстро давая распоряжения жене: «Пожалуйста, не подпускай ко мне детей». Он уже рассказал ей, что случилось с ним в больнице. А на следующее утро Эшер не встал с кровати в положенное время. Вместо этого он лежал и рыдал. Когда к нему приехала группа обеспокоенных исследователей из больницы, их лица вытянулись и позеленели — он собирался выпрыгнуть из окна, что доказывало насколько серьезным было все, что с ним происходило. В общей сложности его болезнь длилась несколько месяцев, а потом мало-помалу незаметно прошла.

Такие истории ставили Лири в крайне неприятное положение. Своим неуважением к окружению и обстановке доктора вроде тех, что пользовали Гарри Эшера, сводили людей с ума.

Вероятно, единственным более-менее позитивным отзывом о ЛСД была статья Аллена Хэртингтона — отчет о сеансе ЛСД, который с ним провел Мецнер. Статья появилась в ноябрьском номере «Плейбоя». Кроме того, что Хэртингтон был одним из немногих журналистов, пробовавших ЛСД под руководством одного

из проводников IFIF, он также в статье давал понять, что смеяться над Тимом особо не стоит. Поскольку, уволенный из Гарварда, выгнанный из Мексики, осуждаемый консервативными коллегами, он, вместо того чтобы впасть в уныние, радуется жизни, живет в поместье под Нью-Йорком, находясь под покровительством одной из богатейших в Америке семей.

Но в «Плейбое» думали немного иначе. Редакция добавила небольшую статью под названием «Галлюциногены: призрачные пророчества философа». Вероятно, последнее, что хотелось бы Хаксли, это чтобы кто-нибудь писал о его психоделических идеях.

Рак, отпустивший на время писателя в 1960 году, вернулся этой осенью вновь. Хаксли выписался из больницы Лос-Анджелеса, пытаясь не обращать внимания на невыносимую боль в горле Писать он не мог, но у него был диктофон, и иногда, когда Хаксли чувствовал себя получше, он надиктовывал эссе о Шекспире. Хотя его состояние было довольно тяжелым, он не допускал и мысли о том, что умирает. Понимал ли он, что умирает? Лаура Арчер, его вторая жена, не могла дать точного ответа:

> *Мы как-то прочитали руководство доктора Лири, основанное на «Тибетской книге мертвых» В тот момент он вполне мог бы полушутя сказать «Не забудь напомнить мне, когда придет время». Но вместо этого он заговорил о проблеме «возвращения в мир» после психоделического сеанса. Правда, иногда он говорил «если меня не станет», но в основном в связи с осуществлением каких-то новых литературных идей. Ему очень хотелось восстановить силы и продолжать работать. Духовная жизнь у него не прекращалась, казалось, он далее достиг какого-то нового уровня.*

Но утром 22 ноября стало ясно, что смерть не заставит себя ждать. Понимая, что Олдос может и не дотянуть до завтрашнего дня, Лаура послала телеграмму его сыну, Мэттью, чтобы он приехал как можно быстрее. В десять Олдос почти неслышно попросил бумагу и ручку и написал «если я уйду» и несколько последних распоряжений. Впервые он признал, что может умереть.

Вскоре он пробормотал: «Кто будет пить из моей чашки?» Когда Лаура спросила, что он имеет в виду, он ответил, что пошутил. «Мне

сейчас нечем делиться», — сказал он ей, и она поняла это так, что не надо задавать слишком много вопросов. Около полудня он попросил листок бумаги и написал:

ЛСД — попробуй
внутримышечно
100 мг

В письме к друзьям Лаура описывала дальнейшее так: «Вы очень хорошо знаете сложное отношение медиков к этому препарату. Но никакие «авторитеты», будь их хоть сотня, не остановили бы меня тогда. Я сходила в комнату Олдоса за шприцем и ЛСД. Доктор предложил сам сделать укол, может быть потому, что увидел, как у меня дрожат ладони. Но это заставило меня взять себя в руки, и я сказала: «Нет, я должна сделать это сама».

Часом позже она ввела Олдосу еще 100 мг. Затем, приникнув к его уху, она начала шептать ему: «ты уходишь, светло и свободно, вперед и вверх, милый. Сознательно и по доброй воле ты так поступаешь, и это прекрасно. Как все это красиво: ты идешь к свету — ты уходишь к свету — ты уходишь с моей любовью и любовью Марии. Ты идешь к величайшей любви, более великой, чем ты себе мог даже представить, и это легко, это так легко, и это так красиво…»

Лаура Хаксли

Напряжение спало. Дыхание Хаксли становилось все медленнее, медленнее и слабее, пока наконец, «как музыкальная пьеса, мягко заканчивающаяся на нежнейшем «sempre piu piano, dolcemente», не остановилось. В двадцать минут шестого Олдос Хаксли умер».

И только тогда Лаура Хаксли смогла осознать другую величайшую трагедию этого дня — убийство президента Кеннеди в Далласе.

Официальные некрологи объединяло мнение, что Хаксли, начав блестящую карьеру, последнюю треть жизни потратил впустую. Но у него, к счастью, были и другие читатели, даже не считая аудитории «Психоделического журнала». Он был человеком «редчайшей пробы» — как писал Джеральд Хёд: «вкус в нем сочетался с безрассудной отвагой, что позволяло ему выдвигать смелые теории, делая это с изумительной сдержанностью и здравым смыслом». Алан

Уоттс говорил, что с «двадцати лет понял, что Олдос Хаксли одарен талантом поднимать важные вопросы».

Он был «насмешливым гуру, — вспоминал Тим. — Как назвать улыбающегося провидца? Бодхисатвой ядерного века?»

Интерес Хаксли к психоделикам вызывал в некоторых кругах насмешки в его адрес. В основном это касалось его поддержки мистицизма и наркотиков, восторженных речей о человеческом потенциале. «Остров», высоко оцененный участниками психоделического движения, в других кругах и журналах в основном получил негативную оценку. Как заметила биограф Хаксли Сибилла Бедфорд: «Для многих читателей «Остров», наполненный счастьем, и добротой, и добрыми чувствами, был средством для духовного продвижения. Для большинства же других — и на это стоит обратить внимание — книга являлась занудной повестью, невнятно что-то проповедующей». Один обозреватель написал, что «там дурачатся с грибами». Хаксли в «Плейбое» ответил на это: «Что лучше — Дурачиться с Грибами или быть Идиотом от Идеологии, развязывать Войны из-за Слов и иметь Завтрашние Ошибки из-за Вчерашнего Недопонимания?»

В мире «растущего по экспоненте населения, безрассудно мчащегося вперед на поводу у новых технологий и агрессивного национализма», Homo Sapiens открыл, и очень рано, «новые источники энергии, которые могут пробудить человечество от психологической инертности и косности». Человечество в эпоху 'водородной бомбы уже не может позволить себе оставаться на уровне сознания человека бронзового века. Хаксли писал, что необходимо специальное воспитание:

> *На вербальном уровне — воспитание естественное и строгое, со всеми неизбежными злоупотреблениями, к которым ведет нас язык. На не-вербальном уровне — воспитание в полнейшей тишине, основанное на чистой восприимчивости. И наконец, третье — использование безвред-ных психоделиков для переживания мистического опыта. Я уверен, что три эти вещи в совокупности раскроют творческий потенциал сознания, помогут растворить остатки ограниченных представлений и это необходимо каждому. Если таких личностей будет достаточное число, если они будут*

достаточно ответственны, они смогут пройти путь от незаметного признания их культуры до вполне отчетливых изменений и реформ в обществе… Не утопия ли это? Эксперименты показывают, что эта мечта вполне осуществима. Утопические гипотезы в данном случае подтверждаются эмпирически. Но в наши тяжелые деспотические времена, мне кажется, трудно надеяться на то, что эти идеи примут как должное».

«Последнее, чего бы мне хотелось — это создавать себе образ "мистера ЛСД", — написал он в свое время Осмонду. — И я не хотел бы (будучи абсолютно лишенным способностей в этой области) быть вовлеченным в политические игры вокруг психоделиков». К сожалению, такая позиция оставляла дело в руках тех, кого Олдос называл «горячими энтузиастами». Хотя все могло измениться. Осмонд чувствовал, что проживи Хаксли еще год или два и он, возможно, смог бы предостеречь Тима Лири от того, чтобы «дразнить академических гусей», и от множества иных неосторожных шагов.

Глава 17. ВЫРВАТЬСЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ

Воспоминания о Миллбруке рассыпаются на разрозненные картинки, мелькают, как отдельные вырванные из фильма кадры. Вот Тим верхом на лошади, один бок которой покрашен в голубой, а другой — в розовый цвет. А вот Тим врывается на кухню, восклицая: «О, Господи! Я что, обязан трахать каждую девицу, что сюда забредет?» Мецнер, в своей технической лаборатории изготавливает восьмичасовые пленки, которые Альперт и Лири собираются использовать для медитаций, надеясь, что инструкции, записанные на них, помогут улучшить качество путешествий. Р.Д. Лейнг, танцующий суфийский танец на кухне. Алан Уоттс, переводящий «И цзин» у огромного пышущего огнем камина в гостиной — тени от огня пляшут на высоком потолке, напоминая древних тибетских богов. Мэйнард Фергюсон, стоя на коньке крыши, играет на трубе, испуская долгие переливчатые трели, разносящиеся по всему огромному саду. В глубине сада другой легендарный джазмен —

Чарли Мингус[91] — ищет садовые ножницы, чтобы подрезать розовые кусты. «Золотое время», скажет потом Альперт об этих первых месяцах, проведенных ими в Миллбруке. Лири, как ему было свойственно, воспринимал происходящее более патетически: «На территории этой небольшой колонии мы пытались создать новые языческие обряды, творчески и по-новому организуя свою жизнь».

В некотором отношении Миллбрук напоминал ашрам или монастырь — временный приют ищущих высшего состояния сознания. С другой стороны, это был своего рода уникальный научный центр, место, где психологи, разочарованные в общепринятых моделях сознания, могли спокойно проводить свои исследования И то и другое в определенном смысле верно. Однако Миллбрук был также и школой-коммуной, попыткой общежития, не имевшей аналогов в обычной жизни. Мэл Брукс, снимающий мирную домашнюю жизнь, вполне мог бы использовать Миллбрук как съемочную площадку. Хотя многие, если уж продолжать аналогию с кино, предпочли бы здесь Феллини. Во всех этих воспоминаниях всегда присутствует образ Большого дома, Высокого дома — темного и таинственного, с прихожей, устланной потертым красным ковром, со стенами, расписанными психоделическими фресками. Мария Манне, что провела здесь незабываемый вечер в 1966 году, вспоминает эту голубую мечту Дитриха как «невероятно уродливое здание — убожество с башенками, крылечками и резными деревянными панелями». Тогда как помощник окружного прокурора округа Дачес, приехавший как-то раз без предупреждения поздно вечером, был потрясен тем, что в доме совершенно нет мебели, за исключением мертвого (на самом деле он был просто накачан ЛСД) пса Миллбрук — это «странный гибрид Уолдена Торо и буддийского храма», писал об этом месте анонимный репортер «Тайм». «В дьявольски запущенной прихожей большого дома часть пространства занимает фортепьяно, лежащее на боку с открытыми, будто ожидающими, что их вырвут, струнами. В комнатах — столы без ножек, кровати без матрасов, вокруг повсюду мандалы, на которых глаз истинного верующего предположительно должен останавливаться тогда, когда он не занят экспериментами с

91 Мингус, Чарли (1927–1979) — американский джазовый пианист, контрабасист и композитор

наркотиками»

Но это в будущем. Пока же обитателей было всего с десяток, и первые месяцы протекали очень мирно. Они напоминали жизнь ученых: дни проходили в библиотеке (в которой было впечатляющее собрание эзотерических и научных текстов) или за письменным столом. Шла работа над вторым изданием «Психоделического журнала», и была почти готова для печати переработанная версия «Бардо Тодоль». По мере того как осень сменялась зимой, долгие ежевечерние прогулки по лесу сменялись послеобеденным катанием на коньках по замерзшим прудам. По вечерам, после ужина, беседовали или играли, иногда ставя на предложенные Тимом сюжеты психодрамы, а иногда складывая стихи в стиле японского «рэнга», где каждый сочинял одну строчку.

Из башенок в ясные ночи можно было разглядеть за сосновым бором мигающие вдали огоньки поселка Миллбрук, которые как будто замыкали круг Млечного пути, сияющий в бескрайнем ночном небе. Казалось, будто бури и шумные события прошедших месяцев ушли куда-то вдаль, и они оказались в волшебном замке, вошли в пространство, где не существует время, где стираются границы между психоделикой и реальностью. Они ощущали себя «антропологами двадцать первого века», как писал Лири: «временно разбившими лагерь в темную эпоху шестидесятых годов двадцатого века».

Первым делом они превратили одну из башенных комнат в экспериментальную лабораторию. Потолок выкрасили в золотой цвет и установили скрытые динамики, чтобы музыка и подаваемые шепотом инструкции могли бы доходить сюда снизу для проведения сеансов (предпочтение отдавалось индийской или классической музыке, так как рок-музыка сильно выводила из равновесия). Рядом с кроватью были установлены статуи Шивы и Будды. Раз в неделю каждый из присутствовавших восходил в лабораторию и отплывал в тщательно спланированное «онтологическое путешествие». Цель этих путешествий заключалась в том, чтобы составить приблизительную карту Иного Мира. Заветной мечтой Лири было составить справочник всех возможных маршрутов по Иному Миру. Хотите побывать в раннем детстве? В темном лесу? Попасть в определенный архетипический сюжет? Просто скажите проводнику, куда вы хотите попасть, в каком ментальном пространстве хотите оказаться, а затем ложитесь и ждите, пока откроются Двери. Но

прежде, для того чтобы это стало возможно, Иной Мир должен быть пройден вдоль и поперек, маршруты должны быть освоены и описаны, информация собрана вместе и опубликована. Вот какие соображения стояли за написанием «Психоделических опытов», в основу которых была положена «Тибетская книга мертвых». Теперь это был том номер один в расширяющемся списке руководств по психоделикам. Они планировали точно также проработать «Божественную комедию» Данте, «Египетскую книгу мертвых», «Кружной путь» Баньяна и «Дао дэ цзин».

«Становилось очевидным, что для того, чтобы проводить эффективные сеансы, необходимо иметь учебники и программы, которые позволили бы проводить трансцендентальные эксперименты с наименьшими трудностями и страхом, — писал Лири в «Психоделическом журнале». — Чтобы не начинать с чистого листа или с нашего пока еще ограниченного опыта, мы обратились к единственному психологическому тексту, в котором описывается сознание и его изменение».

Освободившись разом и от своих политических, и от профессиональных споров, которые отнимали столь много сил в предыдущие восемь месяцев, Лири вернулся к интересующей его теме — способам изменения поведения, и одновременно к старой проблеме — как объяснить научным языком механизмы, которые позволяют психоделикам изменять сознание. Будучи убежден в том, что психология предлагает малоэффективные пути для решения этих вопросов, он обратился к квантовой физике, генетике и биологии — и тут натолкнулся на теорию Конрада Лоренца об имприн-тинге. Лоренцу довелось как-то присутствовать при том, как вылуплялись гусята, выращенные в инкубаторе. И он оказался первым крупным объектом, попавшим в поле их зрения, когда они появились на свет. К полному изумлению Лоренца, гусята стали относиться к нему как к матери. Эта привязанность оказалась неуничтожимой — гусята не признавали никого, кроме него, и не обращали внимания на других гусей. Было похоже, что в первый момент появления на свет сознание делает как бы моментальный снимок окружающей реальности — «внезапный щелчок затвора фиксирует состояние нервной системы», как это понял Лири, и этот снимок позже не меняется.

Эта первая запечатленная мозгом картина окружающего мира потом становится основой для

всего последующего обучения. Импринтинг, имеющий биохимическую природу, очерчивает границы площадки, делит на клетки ту шахматную доску, на которой позже будут разворачиваться все ролевые игры.

Миллбрук

Олдос Хаксли предполагал, что психоделики разрушают внутренний «редукционный клапан» и тем самым позволяют информации свободно проникать внутрь сознания. Лири же теперь выдвигал предположение, что те же наркотики мгновенно нейтрализуют первичный биохимический импринтинг, глубиннейшие поведенческие паттерны, мета-основы позднейших игр. Но, как известно любому врачу, имевшему дело с психоделиками, открытие мозга впечатлениям длится лишь до тех пор, пока пациент не начинает вновь соскальзывать в обычные стратегии поведения, то есть пока 'импринтинговые мета-паттерны не восстанавливаются вновь.

Однако так ли уж это неизбежно?

Лири думал, что нет. Почему бы не потешить себя надеждой, что есть способ убрать старые импринтинги и ввести новые? Они попытались этого добиться, создавая путем множества проб и ошибок восьми- и десятичасовые магнитофонные записи, под которые проводились медитации. В тот период времени Тим и Дик часами лежали в комнате для медитаций, глядя в золотой потолок и слушая шепот инструкций и ритмичную музыку — результат работы Мецнера, который проводил целые дни, создавая эти пленки в своей маленькой лаборатории.

Но вскоре стало ясно, что для того, чтобы ослабить привычные поведенческие паттерны, одних только магнитофонных записей недостаточно. Нужно было создавать какие-то дополнительные методики, которые могли бы подорвать влияние этих привычек, когда человек не находится под воздействием наркотика. Они пытались найти эти способы «преодоления установок» путем множества опытов и экспериментов. Одним из первых опытов была «возня с детьми», что в теории звучало прекрасно и что настойчиво рекомендовал Хаксли в своем «Острове». Это казалось хорошим способом войти в контакт со спонтанностью и живой

любознательностью, которая свойственна поведению детей. На практике это обернулось тем, что Мецнер и Альперт превратились в круглосуточных нянек. Они выдержали такой режим несколько недель, а потом взбунтовались. На этом эксперимент по выращиванию детей закончился.

С того момента дети были предоставлены сами себе, постепенно становясь все более чуждым элементом во взрослых развлечениях, которыми занимались в Миллбруке.

Следующий опыт можно назвать стратегией «необитаемого острова». В этом эксперименте случайно наугад выбирались двое участников, которые затем должны были провести вместе, но изолированно от других, пять дней в каретном сарае, где размещался кегельбан, иногда путешествуя в Иной Мир, иногда — нет, но все время стремясь достичь нового уровня понимания и дружелюбия. Хотя от этого эксперимента вскоре отказались как от слишком искусственного, он все же заложил основы того, что потом назвали «эксперимент третьего этажа». Это были опыты, которые фокусировались на сексуальном притяжении и включали всех, кто хотел зайти на третий этаж, где кровати были общими и доступными всем, кто желал там спать. За исключением отдельных «бисексуально неразборчивых лесбиянок», большинство участников нашли этот опыт гораздо менее интересным, чем ожидалось: «В постели мы долго обсуждали, как это ощущается, что мы чувствуем, — писал Мецнер. — Это было очень неудобно — не знать, где ты будешь ночевать сегодня или кто будет спать с тобой, когда ты валишься с ног от усталости. Потому от этого опыта через неделю-другую также отказались».

* * *

В ноябре они объявили о конце IFIF. «В эволюционном смысле, — писал Тим в заключительном информационном бюллетене, — чем иметь дело с грубым внешним давлением или, подобно многим другим особям, двигаться черепашьим шагом, ища обходные пути, мы предпочитаем вовсе отказаться от подобной формы организации». Однако Тим, хотя и был рад избавиться от головной боли в виде международной организации, все же не мог полностью отказаться от мечты о тропическом острове. Комитет, как он заверил членов организации, сейчас ищет подходящее место. Если

все пойдет удачно, то островной институт будет открыт летом 1964 года. Тем временем IFIF преобразуется в другую организацию — Касталию. Название было взято из романа Германа Гессе «Игра в бисер». Хотя произведение Гессе вызвало восхищение таких ценителей, как Т.С. Элиот и Томас Манн, однако этого немецкого писателя в Америке практически не читали. «Нью-Йорк тайме» объясняла это как его «глубоко духовными темами», так и «героями, склонными к меланхолии и задумчивости». Именно эти качества и привлекли сначала Мецнера (который был наполовину немец), а затем и Лири. Прочитав «Степного волка», «Игру в бисер» и «Паломничество в страну Востока», они пришли к убеждению, что Гессе был адептом психоделиков с раннего возраста. Кроме того, Гессе преуспел там, где Хаксли потерпел неудачу, — его произведения, будучи полностью посвящены описанию внутренних психологических коллизий, тем не менее читались с большим увлечением. Например, «Нарцисс и Гольдмунд» на одном уровне была повестью о двух друзьях, живших в эпоху Средневековья, один из которых был монахом, другой — светским человеком. Но на другом уровне это была история развития личности и души. Где-то в начале «Паломничества в страну Востока» есть такие слова:

«Мне стало ясно: да, я присоединился к паломничеству в страну Востока, то есть, по видимости, к некоему определенному начинанию, имеющему место здесь и сейчас и никогда более — однако в действительности, и в высшем и подлинном смысле, это шествие в страну Востока было не просто мое и не просто современное мне; шествие истовых и предавших себя служению братьев на Восток, к истоку света, текло непрестанно, оно струилось через все столетия навстречу свету, навстречу чуду, и каждый из нас, участников, каждая из наших групп, и все воинство наше в целом и его великий поход были только волной в вечном потоке душ, в вечном устремлении Духа к своей отчизне, утру, началу».

Поначалу их уединение не нарушал никто, кроме почтальона, который приносил груды писем — единственное, что Лири оставил, чтобы поддерживать связь с внешним миром, интересующимся развитием психоделической науки. Объем корреспонденции был невероятно велик — и хотя тон писем был в основном негативный, широкое распространение продукта показывало, что психоделики задели за живое, пробудили что-то в американской душе. По мере

того как известия об исследованиях Лири доходили до публики, в дом приходили целые ящики писем, в которых запрашивали информацию, просили совета или наркотиков.

Постепенно и наполовину тайно они начали готовить проводников. Часть из них пришла из IFIF, другие же были те, что писали письма и просили совета, а в результате были приглашены в гости.

Арт Клепс, школьный психолог из штата Нью-Йорк, прочел в «Нью-Йорк тайме» статью о Касталии Клепс, который прежде уже пробовал мескалин, был поражен, узнав, что «группа уважаемых интеллектуалов принимает псилоцибин и ЛСД и, похоже, находит им эффективное практическое применение и в то же время активно организует великие путешествия, причем все это происходит в особняке округа Да-чес».

Клепс послал Тиму письмо, где выражал интерес к изучению психоделиков, и получил приглашение приехать. Он прибыл в Миллбрук через несколько дней после Рождества 1963 года вместе с несколькими психологами и одним художником, который хотел провести свое первое онтологическое путешествие в башне.

Хотя они испытывали некоторые неудобства в связи с устройством в доме: «Самим стелить постель и готовить еду? — ворчал один из психологов. — Я всегда предпочитал платить деньги за эти услуги» — тем не менее общая атмосфера Миллбрука полностью компенсировала все проблемы. Клепсу показалось, что жизнь в Миллбруке «лучше, более живая, более осмысленная, веселая, счастливая… Тимоти Лири, я думаю, был просто волшебник, он, казалось, умел преобразовывать жизнь просто тем, как он жил».

Клепс пил кофе на кухне, когда из башни спустился художник после своего первого сеанса. Он двигался «как привидение, расширившиеся черные глаза сверкали». Он бормотал: «прекрасно, прекрасно… но у меня, кажется, поменялись стороны. Моя левая половина стала правой половиной и моя правая половина — левой. На самом деле, я думаю, моя левая половина осталась в башне. Надо бы мне пойти и отыскать ее».

Наблюдая, как он удаляется, Клепс подумал, что за всеми этими разговорами об изменении поведения стоит нечто глубоко серьезное. Идея попробовать ЛСД поначалу порядочно пугала его. Достаточно тривиальная реакция. В Касталии было принято, что новичок, чтобы достичь некоторой опытности, должен пройти по крайней мере

пятнадцать аккуратно проведенных сеансов.

Месяцы шли, и население Большого дома заметно увеличилось. Приехали Мэйнард и Фло Фергюсон с их пятерыми детьми. Они поселились на втором этаже, заняв ряд смежных комнат. Через несколько дверей от них жили друг Альперта, который имел проблемы с ориентацией, и молодая девушка, что была их ассистенткой в Гарварде. Вновь объявился Майкл Холлингсхед, а также многие из старых друзей по Гарварду и по IFIF — Фрэнк Бэррон, Уолтер Хьюстон Кларк, Алан Уоттс.

На выходные собирались знаменитости. В тот период провести уикенд в Миллбруке, у кастальцев, считалось для представителей богатой нью-йоркской молодежи просто обязательным, если они были знакомы с кем-нибудь из отпрысков семейства Хичкок. Хичкоки сами не жили в Большом доме — у них всех были собственные дома. Наиболее впечатляющим было бунгало Билли — под медной крышей, с комнатами для прислуги, плавательным бассейном, теннисным кортом, бильярдной и библиотекой. Билли Хичкок был новичком в психоделическом движении, он работал в Лондоне на братьев Лазар[92] в те годы, когда разворачивалась IFIF. Высокий блондин, с простыми и довольно приятными манерами, он напоминал Клепсу типаж из тех, «что купаются в золотых бассейнах и ходят, благоухая марихуаной» из книг Фрэнка Мерривезера. Перед тем как проводить ЛСД-сеансы, Тим обычно расспрашивал людей, что именно хотели бы они получить от путешествия в Иной Мир. Большинство говорили об отрыве от эго и достижении космического сознания. Но не Билли Его ответ был: «Узнать, как половчее сыграть на бирже».

Если бы Олдос Хаксли дожил до уикендов в Миллбруке, они, возможно, напомнили бы ему памятные вечера в Гэрсингтоне. Конечно, в те дни самым главным на этих вечерах была умная, остроумная и всегда изящная беседа. В Миллбруке вечера проходили

Лири в Миллбруке

в обсуждениях того, кто что предпочитает — гашиш, грибы, ДМТ, ЛСД, псилоцибин, мескалин, пейотль, марихуану (Тим

[92] Одна из крупнейших инвестиционных групп лондонского Сити

избавился от предубеждения по отношению к ней) или спирт. Лири продолжал отстаивать свой любимый «Джемисон»,[93] хотя это и не очень подходило к его статусу первосвященника психоделического движения.

Иногда в выходные Мецнер насчитывал более сотни новых гостей: «джазовые музыканты, художники-авангардисты, андеграундовые кинорежиссеры, сводники высокого уровня, загадочные люди с Востока, ночные бабочки с густо накрашенными глазами в разноцветных шифоновых одеяниях порхали по дому, разнося большие сосуды с гашишем… иногда Мил-лбрук выглядел как орбитальная космическая станция, где существа различных уровней сознания обмениваются информацией».

Как-то раз один из новичков, который проходил первый сеанс в башне, почему-то спустился вниз и попал в разгар такой вечеринки. «Господи Иисусе! — воскликнул он. — Там наверху с ума сойти можно. Но внизу — просто сумасшедший дом!»

Как описать основное ощущение, доминировавшее в ту зиму? Оно напоминало мелодию, которая скорее чувствуется, чем слышится. Время шло, и мелодия становилась все более ощутимой, пока не перечеркнула все теории импринтинга и разрыва установок.

Будда после шести лет медитаций и аскезы сел под священным деревом и после сорока девяти дней ментальной сосредоточенности достиг своей цели — окончательного Просветления. И мелодия, что звучала у них внутри, требовала того же. Пришло время сесть под священное дерево и вырваться за пределы земной оболочки. Пришло время штурмовать небеса.

Вообразите себе альпинистов, что задались целью взойти на Эверест. Такое восхождение требует участия множества людей: проводники-шерпы, носильщики, снаряжающие их специалисты, но все они останутся в стороне, когда цель будет близка, когда лишь один или двое из команды смогут наконец взойти на вершину.

Тим был первым. 21 марта в день весеннего равноденствия они устроили торжественные проводы в честь начала его недельного странствия. Алан Уоттс прочел по этому случаю соответствующие наставления из «И цзин», затем все ушли, оставив Тима в одиночестве. Проглотив первую порцию ЛСД, Тим закутался в

---

93 Сорт ирландского виски.

теплый зимний полушубок и сделал шаг вперед в морозную зимнюю ночь. На небе сияла полная луна. Он завыл на нее. Большой дом, молчаливый и темный, казался далеким и отстраненным. Он лег в сугроб и стал смотреть на звезды, слушая, как ветер шуршит в вершинах сосен, как гудят провода, передавая миллионы битов информации.

Шли дни. Оболочка не поддавалась.

Однако на Тима снизошло видение, или просто интуитивное озарение, что мужская сторона должна объединиться с женской — только тогда они вместе смогут достигнуть новой ступени развития.

Эта попытка вырваться за пределы еще сильнее продвинула Тима в исполнении древней роли наставника, или говоря другими словами, сожгла множество его старых импринтингов. Тим все больше говорил не прямо, а давая косвенные намеки, например:

«Тим, есть ли на свете что-то более важное, чем все остальное?»

«Посмотри, как сверкает снег в лунных лучах. Красиво, правда?»

Однажды местный садовник-энтузиаст хотел заменить старые покосившиеся яблоневые деревья новыми, купленными на рынке гибридами. «Вы понимаете, что очень безрассудно говорить об этом в их присутствии?» — спросил Тим. Садовник, не уверенный, не разыгрывает ли его Тим, спросил: «Вы имеете в виду, что они могут слышать?» «Заметьте, что я всегда выражаю дружелюбие и стараюсь быть на их стороне, защищать их, — сказал Тим. — Но утверждать я ничего не могу».

Говорил ли он всерьез? Было невозможно устоять перед его широкой дружелюбной улыбкой. Это был человек, которого выгнали из Гарварда и высмеивали в большинстве газет и журналах. Он мог быть унылым, мрачным и подавленным, и тем не менее он широко улыбался навстречу людям и как никогда пользовался огромным успехом у женщин. Но подходила ли хоть одна из них на роль необходимой ему второй половины?

Как только потеплело, купили газонокосилку и тут же выкосили огромную лужайку. Восстановили цветочные клумбы, одна из которых имела форму луны, а другая солнца. Подрезали разросшиеся ветви кленов и выкрасили в белый цвет камни вдоль дороги, по

поводу чего Альперт заметил, что это начинает напоминать еврейский сельский клуб. Засадили огород, и в «Круглом столе» в Миллбруке появилось фото, где запечатлен Тим, толкающий газонокосилку.

Все эти преобразования были замечены жителями Миллб-рука, которые состояли в основном из ремесленников, которых Дитрих завез сюда, когда строил свой Большой дом, и их потомков. Арт Клепс заметил, что «в городе Тима тепло приветствуют хозяева магазинов и местные жители, а он, по-видимому, с удовольствием играет роль своего мужика, сельского жителя и доброго соседа, всегда легко находя пару слов для всех и каждого».

К счастью, местные жители не могли видеть внутренних перестроек, проводимых в Большом доме. Почти вся мебель была выброшена, у столов подрезаны ножки, чтобы они стояли почти на полу. Потолки перекрашены в золотой цвет, а стены расписаны мандалами. В углах разместились самодельные алтари и маленькие ковчеги, где стояли индуистские или тантрические божества, а также необходимые предметы для проведения ритуалов, назначенных на текущую неделю. Их новым увлечением стал Георгий Гурджиев, и в течение нескольких недель они летали в Нью-Йорк, чтобы присутствовать на лекциях по «работе» — так называли последователи Гурджиева свои занятия.

Альперт полетел на «Сессне» в Канаду, чтобы встретить корабль, доставивший ЛСД из Чехословакии. Большая часть ЛСД попала в Миллбрук, и небольшие количества были отосланы в научно-исследовательские центры, которые подверглись конфискации со стороны ФДА. Кроме того, Альперту предстояло встретиться там с богатой вдовой, которую интересовало, нельзя ли использовать ЛСД для подготовки к смерти — к тому времени самые интересные исследования в этом направлении вел Эрик Каст из Чикагского университета. Касталия была счастлива удовлетворить интерес богатой леди. Богатые старые вдовушки часто вставляют потом в свои завещания приятные пункты, а как раз сейчас кастальцы очень нуждались в чем-то в этом роде.

Нехватка денег — вечный враг любых утопий — снова показала свое голодное лицо.

Одним из очевидных решений было взимать плату за посещение Касталии — это предложение было вполне своевременным, если учесть, какой обвал посетителей прибывал теперь на уикенды.

большая часть людей не помещалась в доме и ставила палатки под деревьями, приходя в дом только на обед. Они могли бы вновь вернуться к плану старого Дома Свободы и превратить Большой дом в летнюю академию, где проводились бы семинары по способам ненаркотического расширения сознания и отказа от сложившихся привычек. Репортер из «Ньюсуик» поспешил высмеять идею создания академии. Тон сообщения был издевательский, в газете сообщалось: «Теперь, выиграв тяжелую схватку, двое великих и могучих обозревают опустевшее поле брани». Однако это показывало возросшую осторожность со стороны масс-медиа в отношении Лири. Осенью, когда «Тайм» поместил статью о роспуске IFIF, они проиллюстрировали свое сообщение фотографией Алана Уоттса и Тима. Хотя текст статьи был негативным, но у читателя в итоге складывалось впечатление, что психоделики и красотки идут рука об руку. В «Ньюсуике» было тоже напечатано нечто подобное, так как репортер не мог удержаться от замечания о «девочках в бикини», гуляющих по Большому дому.

Летние сессии поставили ряд интересных проблем. Как можно за тридцать шесть часов работы измененить сознание людей, сбежавших на время от обычной жизни? Как можно привлечь их к ментальным экспериментам, когда они в своей обычной жизни привыкли следовать правилам и «работать от звонка и до звонка»?

Сначала решили, что новичкам, чтобы освоиться, надо присутствовать на вечеринке в Большом доме. Это оказалось ошибкой. Попав в привычный для них мир вечеринки, гости тут же начинали навязывать свои шаблоны и правила. «Эй, привет, я Джек Смит из Денвера, а вы кто? — вспоминает Холлингсхед. — Ну и так далее. Поскольку мы были менее опытны в играх в «вечеринку», то ничего не могли с ними сделать».

Тогда решили поступить наоборот. Всем прибывшим говорилось, что их имена, социальное положение, привычки остаются за порогом Большого дома. Никаких разговоров в первый вечер. Все одеваются в одинаковые белые одежды. Вот как Арт Клепс описывает одну из таких трансформаций, происходивших в пятницу вечером: «Двадцать человек, среднего возраста, в основном одетых вполне консервативно, входили через главный вход Большого дома вслед за Альпертом. На лицах кривые усмешки, глаза тревожные. Однако, когда они же спустились вниз примерно час спустя… я едва поверил своим глазам. Все они были одеты в белые одеяния, сооруженные из

простыней, — такая одежда должна была скрыть социальные различия. Это напоминало встречу куклуксклановцев».

Холлингсхед был неистощим на различные способы, какими можно «вышибать привычки». Наиболее известной его выдумкой была история с цветной едой. «Мы все очень привыкли к тем схемам, на которых росли, в частности к прочным ассоциативным цветовым привязкам». Когда гости садились за завтрак и начинали есть зеленые яйца и пить черное молоко, Мецнер объяснял: «Когда кто-то говорит о небе, у нас в мозгу всплывает «синее», когда говорят о лужайке, мы думаем «зеленая», когда речь идет о вареных яйцах, мы думаем «белые». Но это ментальные привычки. На самом деле не важно, являются ли вареные яйца белыми, зелеными, как сегодня, или, скажем, желтыми».

Несмотря на старательные объяснения, все же было похоже, что еда поглощается с меньшим аппетитом, чем обычно. По этому поводу кое-кто острил, что хотя неизвестно, насколько этот способ полезен для «преодоления установок», зато он безусловно выгоден, так как сильно сокращает потребление пищевых продуктов.

Посетители приезжали ежедневно. Репортер Роберт Антон Уилсон прибыл, чтобы сделать статью о Касталии для сатирического журнала «Реалист», издаваемого Полем Красснером. Он обнаружил всех играющими в бейсбол на лужайке, а Мэй-нарда Фергюсона — исполняющим на крыше джаз на трубе. Уилсон был единственным из журналистов, который прочел хотя бы одну книгу Тима, поэтому Тим ответил на его жадные вопросы.

«ЛСД уводит вас из обычного эго, из этого «пространства-времени», — сказал он. — Я всегда прохожу этот путь — когда все стандартные ролевые игры заканчиваются, а с ними заканчивается и Тимоти Лири. Когда всходишь на эту вершину, то здесь можно уже вводить новые импринтинги, потому что старые на время уходят в сторону».

Воодушевленный этой темой, Тим высказал то, о чем он в то время мечтал — о создании целой сети государственных клиник, где занимались бы вопросами импринтинга. Будущие пациенты этих клиник имели бы дело с обученными опытными специалистами по изменению моделей поведения, такими, что могли бы объяснить все «за» и «против» этого метода. Получив соответствующую литературу, пациент имел бы неделю на размышления и обдумывание, подходит ли ему этот способ, а затем в следующую

свою встречу со специалистом решал, какие программы ему бы подошли и какие цели он перед собой ставит. «Наиболее важным правилом, — подчеркнул Лири, — является то, что тот, кто начинает путешествие, должен решить сам, каких именно изменений он добивается. Никто иной не имеет право решать за него этот вопрос».

Однажды их посетили двое агентов ФДА. «Мы шокированы тем, что вы делаете, — так говорил один из них, если верить рассказу Лири. — На протяжении веков употребление наркотиков считалось пороком. А теперь вы не только защищаете это, но считаете даже нравственным и предлагаете воспитывать людей с помощью наркотиков. Возможно, Кеннеди и согласился бы с этой точкой зрения, но Джонсон — совсем другое дело».

«Люди, что следят за законностью — и поверьте мне, они обладают достаточной властью, — ждут не дождутся, пока эти новые наркотики не запретят, вот тогда они до вас доберутся!»

Один знакомый Майрона Столяроффа в письме на западное побережье описывал, как обычно проходит день в Большом доме: «Наши дни проходят как и во всех обычных семьях: кто-то сидит на диете, а после ужина все семейство собирается у камина (ужин здесь ровно в 10.30 вечера). Потом гадают по ладони, читают Юнга, Гурджиева и Успенского, слушают тантрические мелодии, беспрерывно звонят в колокольчики, занимаются армреслингом; бегают дети, жуют попкорн, катаются на мотоциклах.

Здесь приятная эмоциональная атмосфера. Баронесса средних лет из Швеции обучает меня готовить, и мы проводим с ней время вместе она — Мать. Тим — Отец, и, когда я спросил его, что, как он предполагает, я должен делать, он ответил: «Будь счастлив, хотя бы раз в своей жизни». Здесь есть также множество братьев и сестер и, как я уже сказал, — эмоционально наполненная жизнь. Они сами этого не замечают, но Миллбрук — это по-настоящему продвинутое лечебное учреждение».

Баронесса средних лет была на самом деле будущей тещей Тима. Ее дочь, Нена, местная кинозвезда, блондинка, была известна тем, что плавала по Гудзонову заливу на судах викингов времен Эрика Рыжего, снимаясь для рекламы сигар. Согласно «Харпер базар», она «любила концерты и балет… родилась в Мехико, выросла в Пекине, с ранних лет привыкла путешествовать по всему миру. Так что ничего удивительного, что сегодня она проводит большую часть времени вне своего дома в Нью-Йорке, летая по различным городам Европы и

Азии».

Тим встретил ее в Миллбруке на праздновании 4 июля и внезапно понял, что именно она является его второй половиной. Их занятия любовью тем вечером были столь шумными, что Альперт, который жил в комнате под Лири, не смог нормально медитировать. Но на самом деле Дика волновали не занятия любовью, а сама любовь. «Во многих отношениях я был Дику вроде отца, — писал позже Лири. — В нашем домашнем хозяйстве он, выросший под сильным влиянием матери, играл то, что сам называл материнско-женской ролью. Он, безусловно, был намного ближе к моим детям — Сьюзен и Джеку, чем я сам».

Какое-то время казалось, что Альперт объявит бойкот планировавшейся свадьбе, назначенной на 12 декабря 1964 года. Но потом он все-таки решил вести себя в лучших традициях высшего света и присутствовать на церемонии. Лири планировал провести медовый месяц в Индии, так что на Альперта сваливались все заботы, связанные с Касталией.

Ральф Мецнер к тому времени уже был в Индии. Он уехал туда еще ранней осенью вместе с членами ведантистского ашрама, которым Лири в свое время давал ЛСД. В его письмах жизнь в ашраме выглядела идиллией: «Этим утром я сидел в лесу, читая немецкую книгу по тибетской медицине, написанную бенедиктинским монахом. Мне ее дал лама Говинда. Собачка хозяйки загнала на дерево обезьяну…»

Алан Уоттс

Тим с нетерпением ждал отъезда. В письме Мецнеру он признавался, что мечтает сбросить с себя на время груз ответственности и поселиться где-нибудь в блаженной тиши у подножия Гималаев, исследуя «невероятно сложный процесс, во время которого двое людей начинают сливать воедино свои

возможности». Единственное, что его беспокоило, — в Большом доме не остается почти никого из старших, кто следил бы за тем, чтобы Касталия продолжала нормально функционировать. Однако «Ричард сильно изменился. Он принял на себя «роль Тима» и лучится гостеприимством, строит планы и приглашает новых людей. Он заполнил дом красивыми и творческими представительницами прекрасного пола».

В том же письме он описывал две лекции, которые читал в Пало-Альто и в Сан-Франциско. Народу было не протолкнуться, сообщал он. А в циничном Нью-Йорке на его лекции в зал на тысячу триста человек пришло столько народу, что сотням людей пришлось стоять. «Это было похоже на то, будто нашептываешь на ухо любимому… политическая и моральная битва за психоделики уже выиграна. С нынешнего момента это только вопрос времени».

А вот официальная фотография, сделанная на свадьбе Тима и Нены, — совершенно сюрреалистическая картинка, где вместо привычного стола с блюдами из фарфора и столового серебра видны блюда с наркотиками. Они не собирались становиться стандартной американской парой. Там было и еще несколько снимков, которые остались валяться в ящиках стола, потому что тогда никто не понимал их важности. Наиболее интересное фото снято в августе. Это жаркий спокойный день. Люди загорают на лужайке. Лири тогда находился наверху — он был в трехдневном путешествии. Раздался шум колес. Потом из окон машины посыпались маленькие дымовые шашки. Машина оказалась школьным автобусом, правда таким, который мог привидеться разве что Иерониму Босху, если бы он заведовал оформлением автобусов для школ. Когда автобус затормозил и остановился, изнутри послышался громкий шум и подозрительное кудахтанье.

Загоравшие на лужайке на всякий случай, в целях безопасности, удалились.

В Касталию прибыл Кен Кизи и его Веселые Проказники.

Глава 18. МНОГООБЕЩАЮЩИЙ ПАРЕНЕК

Ричард Тодд в гарвардской «Илэмни Баллетин» писал, что «одной из интересных черт Тима Лири, которая порой сильно смущала и ставила в тупик окружающих, было то, что он постоянно менялся и был практически непредсказуем. Еще вчера он был почтенным и уважаемым психологом и вдруг — о волшебные грибы! — превратился чуть ли не в один момент в перекати-поле, гонимого всеми наркомана. С некоторыми поправками примерно то же можно сказать и о Кене Элтоне Кизи. Ему еще не стукнуло тридцати, а он уже был отличным спортсменом, примерным гражданином (одноклассники сошлись на том, что именно он

добьется наибольших успехов в жизни), перспективным романистом, автором двух высоко оцененных книги, наконец, скромным, заботливым и непьющим семьянином, женившимся на девушке, которую любил со школы… А затем, познакомившись с ЛСД, он стал… Впрочем, вопрос о том, как его называть (как и в случае Лири), зависит от точки зрения. Для друзей, Веселых Проказников, Кизи стал Вождем, исследовавшим

Иной Мир гораздо глубже, чем любой из них. Для девушки, встретившей его на собрании унитариев, он был «пророком Кизи». Для властей он стал опасным оригиналом, злоупотребляющим доставшимся ему от Бога талантом верховодить.

Хотя изначально Лири и Кизи добились примерно одинакового социального статуса, вызывающего уважение и одобрение, но пути, которыми они пришли к этому, сильно разнились.

Начать с того, что в то время как ирландские предки Лири мечтали выгнать англосаксов из их громадных продуваемых всеми ветрами замков, предки Кизи — «твердолобые баптисты» и чтущие традиции «исполнители народных песен» — медленно перебирались из Теннесси и Арканзаса в Техас и Нью-Мексико и дальше в Ла Хунту, Колорадо, где, наконец, 17 сентября 1935 года на свет появился Кизи — первый ребенок в семье Фреда и Дженивы Кизи.

Когда мальчик учился в третьем классе, Фред Кизи переехал с семьей в городок Спрингфилд в Орегоне, в долине Вилламет. Там Фред работал сначала мастером, а потом управляющим молочным кооперативом «Золото Дария». Хотя Кизи прилично зарабатывали, и у них было даже свое загородное ранчо в Дебра Лэйн, они всегда держались немного отчужденно от общества — словно все еще ощущали себя первопроходцами этих земель. «Большой упрямый ковбой, который так никогда и не привык к обществу», — так вспоминал Кизи папу. В этом стиле Фред Кизи воспитывал и детей — самостоятельными и крепкими. Он научил их охотиться, рыбачить, плавать, драться и бороться. «В какой-то момент мальчик должен понять, что он лучше отца. И задача отца — предоставить ему такую возможность, — сказал Кен в интервью. — Это нужно сделать правильно и вовремя, когда парню действительно понадобится. Он должен понять, что может перегнать и перебороть своего старика, оказаться сильнее его в любви, сильнее во всем. Мой отец был умным мужиком, и он дал мне этот шанс. Возможно, это самое важное, что он для меня сделал».

Кизи рос типичным подростком пятидесятых. Он был светловолос, голубоглаз, спортивен и интеллигентен. Зимой он играл вратарем в школьной команде, летом — подрабатывал в «Золоте Дария», делая мороженое. Он был склонен к мистификациям, интересовался магией и чревовещанием, часто выступал с подобными оригинальными номерами на вечеринках и в клубах. Еще он любил рассказывать истории, странные и таинственные, что только укрепило его репутацию как ладного и умного молодого человека. Когда он заканчивал школу, одноклассники признали его «наиболее многообещающим» парнем, который добьется самых больших успехов в жизни. И он добивался. В Орегонском университете, в близлежащем Юджине, он стал чемпионом университета по борьбе и вторым — в соревнованиях Ассоциации американских университетов. Он активно участвовал в студенческой жизни, где его таланты рассказчика пригодились для различных конкурсов песен и пародий, скрашивающих студенческую жизнь. В конце концов, он женился на своей давней школьной любви, Фэй Хэксби. «Самая милая, самая прелестная и красивая девушка из всех, что я видел в жизни», — сказал позднее про нее Том Вульф. В вечер перед свадьбой Кизи впервые в жизни напился и даже «не столько напился, сколько просто выпил немного, за здоровье брата».

Но эта была только одна сторона его жизни. Позднее, размышляя над тем, что заставило его бросить расслабленный ограниченный мирок Спрингфилда, Кизи отмечал, что «в любой школе всегда есть парень, который интересуется тем, чем не интересуются другие, — занимается фокусами, изучает звезды, читает фантастику или проводит странные химические опыты. Обычно он бледен, не особо хорош собой и девчонки из-за его странностей не обращают на него внимания». Если не считать внешности и подразумеваемой здесь отгороженности от мира, это было точным отображением внутреннего мира Кизи. Он и был странным ребенком с большими мечтами и богатым воображением, выросшим на комиксах и детективах.

Он жадно поглощал произведения Зейна Грэя[94] и Эдгара Раиса Берроуза.[95] Ежемесячно следил за новыми приключениями

---

[94] Грэй, Пирл-Зейн (1872–1939) — популярный американский автор приключенческих романов.

[95] Берроуз, Эдгар Райе (1875–1950) — известнейший американский автор

Пластикмена и Капитана Марвела.

Позже в Стенфорде он удивлял начитанных сверстников остроумными и язвительными доводами в пользу того, что комиксы — на самом деле, национальный американский миф, выражение духа нации, утверждая, что «одна книга комиксов про Бэтмэна заслуживает больше внимания, чем подшивка «Тайме» за год». Эти обаятельные современные манускрипты были гораздо глубже, чем просто образовательное развлечение. Все считали их дешевым чтивом для низших слоев, но Кизи разглядел в них притчу Ницше о сверхчеловеке. Интуитивно он связывал их содержание с идеей супермена. По сути им владела та же жажда преобразования человека, которой был увлечен Хаксли. Различалось только внешнее представление об этом. Там, где Хаксли, закрывая глаза, видел Будду. Кизи представлял себе Билли Бэтсона, сироту, торгующего газетами, который глубоко в недрах подземки повстречал древнего египетского волшебника и — произнеся магическое слово «Сезам!» — превратился в капитана Марвела, Чудо-Капитана. Под маской классического американского мальчика в Кизи скрывался независимый индивидуалист, именно такой, каких терпеть не могло корпоративное общество.

Кен Кизи и знаменитый автобус в девяностые

* * *

Это было довольно странно — совмещать в себе спортсмена-атлета, члена студенческой команды и эстета (причем другие спортсмены удивлялись, чего он водится с этими занудными интеллектуалами, а занудные интеллектуалы не могли понять, что он нашел в этих тупых, невежественных спортсменах). Однако Кизи прекрасно справлялся с этой двойственностью, подтверждая, что его не зря считали многообещающим и талантливым. Хотя с годами раздвоение все обострялось. Внутри самого Кизи всегда существовал конфликт между двумя людьми — простым человеком, воспитанным на лоне природы, и изощренным интеллектуалом. Это находило выход в его творчестве, например в раннем рассказе «Благородный

научно-фантастических и псевдоисторических романов.

спортсмен», и, что гораздо более важно, стало темой его второго романа «Порою нестерпимо хочется». Двое братьев Стамперов — один лесоруб, другой — интеллигент-невротик, стали зеркальным отражением его собственной личности. «Хотел бы я знать, кто из них более реален, — говорил Кизи в интервью, — грубоватый свободный лесоруб, прямолинейный и простодушный, полный примитивных суждений, приземленная часть меня, — или же его полная противоположность». Хотя здесь он пренебрежительно говорит о «противоположности», в действительности он обнаружил, как сложно ему зачастую бывает избавиться от аналитического склада ума, который он когда-то с таким усердием развивал.

Когда в 1957 году Кизи закончил учебу в Орегонском университете, дальнейшие планы на жизнь у него были еще достаточно неопределенными. Он вернулся в Спрингфилд. Днем работал у отца, ночью — писал роман о футболе в колледже. Весной 1958 года случилось два важных события. Первым было то, что из-за травм, полученных на занятиях борьбой, его освободили от армии по статье 4F. А второе — победа на соревнованиях, за которую его наградили стипендией Вудро Вильсона, позволяющей продолжать дальнейшее обучение. Кизи решил потратить деньги на то, чтобы научиться писать. И осенью 1958 года, двадцатичетырехлетний Кен прибыл в Пало-Альто — участвовать в Стен-фордском писательском семинаре.

Здесь царил дух соперничества, каждый пытался доказать, что его произведения сравнимы с гением Нормана Мейлера, Элри-на или молодого Апдайка. Здесь обычным было делить всех на хороших, лучших и самых лучших, и среди этих молодых дарований, стремящихся стать новыми Хемингуэями (среди них были Ларри Макмёрфи, Роберт Стоун, Эд Маккланахан и Уэнделл Берри), Кизи был быстро признан серьезным соперником.

> *Он напоминал провинциального парня из «Мартина Идена» Джека Лондона. Сельский парень, жаждущий знаний и пишущий об окружающей его жизни. У него был орегонский говор — он растягивал слова. Руки — сплошь мозоли и мускулы, а когда он над чем-то сильно задумывался, то морщил брови, и это выглядело просто восхитительно.*

Он поселился на Перри-Лейн, рядом с площадкой для гольфа.

Здесь обитала местная богема. По причине своих скромных размеров — едва ли дюжина видавших виды домишек, за шестьдесят долларов в месяц — Перри-Лейн немного напоминал закрытый частный клуб. Многие хотели сюда попасть, попадали — немногие. Кизи появился там по протекции Робина Уайта, признанного литературного лидера Перри-Лейн, автора получившей премию книги «Слоновий холм». Как и Норт-Бич в Сан-Франциско, обитатели которого стремились превзойти друг друга в приверженности «романтичной простоте Зорбы-грека и верности основным идеалам», Перри-Лейн был также пронизан мятежным духом — но не политики, а культуры. Кизи отрастил бороду и начал поигрывать на гитаре народные песни. Напился во второй и третий раз, и даже как-то попробовал марихуаны. Но это вовсе не умерило его сентиментальных взглядов и любви к спортивным состязаниям. Весной 1960 года Кизи принял участие в соревнованиях AAU между старшекурсниками, проходивших в «Сан-Франциско Олимпик Клаб», и был очень близок к тому, чтобы попасть в олимпийскую команду. Но не попал.

Несмотря на то, что перед ним открывались широкие литературные перспективы, Кизи как писатель созревал медленно. Первый роман о футболе, ради которого и поехал в Стенфорд, он бросил, чувствуя, что сама тема слишком поверхностна. Он начал писать роман о Перри-Лейн и мире литературной богемы, но затем открыл для себя Норт-Бич в Сан-Франциско, который тогда только начинал переживать свой расцвет в качестве места встреч битников. Это была страна Керуака, страна отвергающих все джазовых музыкантов, страна чудаков и безумцев. Здесь были мистики, помешанные на дзене, безумцы, сидящие на героине, и даже чудаки, свихнувшиеся на скорости и постоянном движении в стиле Нила Кэссиди. Отношение Кизи к писателям-битникам было двойственным. Керуак показался ему скорее репортером, чем романистом. («Если через тысячу лет захотят узнать, что творилось в наши дни, им будет достаточно прочитать Керуака».) Часть книг писателей-битников казалась ему литературными экспериментами — интересными и даже нужными, но недоработанными. «Ты читал "Книгу Каина"? — писал Кизи другу. — Прекрасная проза. Почти так же здорово, как "Голый завтрак". И там и там много силы и прелести. Не достает одного, я бы добавил туда немного сдержанности».

Его собственная книга получила рабочее название «Зоопарк». В ней уже чувствовался характерный стиль Кизи. Сюжет строится на том, что сын бывшего наездника родео, а теперь фермера, разводящего кур, приезжает в Норт-Бич. Он самостоятелен и полон идей вроде «не-зависеть-ни-от-кого-кроме-себя» и других подобного рода ценностей, завещанных Фредом Кизи сыну. Напряжение в сюжете достигается противоречиями между этим наследием и примитивными общественными устоями Норт-Бич.

Хотя в 1959 году «Зоопарк» получил двухтысячедолларовую премию Сакстона, нью-йоркские издательства ее отвергли. Однако растущей известности Кизи это ничуть не повредило. Как Керуак или ранее Хемингуэй, он понимал, что добьется успеха, но это ничуть не заглушало в нем неутомимой жажды достичь вершин мастерства. Общество Перри-Лейн, казавшееся ему таким необычным и привлекательным еще пару лет назад, теперь уже не вполне удовлетворяло его. «Я уютно устроился здесь, нашел себе удобную нишу, и здесь есть почти все, чего я хочу, и бросать все это неохота, — писал Кизи другу. — Но доходы мои уплывают с такой же скоростью, с какой я узнаю что-то новое».

Лучшего друга Кизи по писательскому семинару, Кена Бэб-бса, прямо с семинара забрали во флот. Если бы не борцовские травмы, та же участь могла бы грозить и Кизи. «Боюсь, что мне приходится на службе учиться многим вещам, — писал Бэббс. — И очень неприятным. Например, бриться каждый день. Или величать «сэрами» всяких козлов, которым обычно я бы просто дал по яйцам. И ежедневно работать». Кизи в ответ писал: «Сбегай оттуда, и, даю слово, мы сразу уедем в Мексику и всех надуем. Через неделю! Завтра! Не связывайся с этими идиотами!»

Кизи жаждал перемен, возможности сменить атмосферу. И вскоре это его желание было вознаграждено.

Том Вулф писал, что Лауэлл был похож на «венского аналитика или, по крайней мере, на современного калифорнийского парня, занимающегося тем же». Именно Лауэлл впервые познакомил с марихуаной Дика Альперта, когда тот работал в Стенфорде. Лауэлл всегда интересовался новейшими исследованиями психологии, так что когда он узнал, что в больницу для ветеранов в Менло-Парк требуются добровольцы для испытания психомиметиков, он сразу же предложил Кизи устроиться туда. Платили по двести долларов за сеанс.

Экспериментами в Менло-Парк руководил доктор Лео Холлистер — человек, представляющий из себя более современный вариант исследователей «лабораторного сумасшествия». Холли-стер с презрением относился к большей части психоделических и психолитических программ и был, вероятно, одним из самых ярых местных критиков Фонда Столяроффа. Он также участвовал в программе ЦРУ «МК-УЛЬТРА».

Первым наркотиком, который дал Кизи доктор Холлистер, был псилоцибин. Сначала тот ничего не чувствовал. Затем произошло следующее: за окном больницы стоял клен и на него забралась белка. И он не просто услышал топот маленьких ножек — этот звук молотом отдавался у него в ушах. Словно кто-то взялся за регулятор громкости ощущений и включил его на полную мощность. Это было, безусловно, необычно, но приятно. Это было бы просто замечательно, если бы доктор не подсовывал ему разные тесты и не задавал странных вопросов, вроде: «Вы можете сложить в столбик эти цифры? Как у вас с ощущением времени? Можете сказать, когда, по вашему мнению, пройдет минута?»

Отвечать было сложно — Кизи, смотря на собеседника, осознавал, что смотрит прямо внутрь него, — он видел, как бешено работает нервная система, как возбужденно подергиваются синапсы, когда по нервам передается новая информация. Галлюцинации? Возможно. Но сконцентрироваться все равно чертовски трудно.

Кизи попробовал ЛСД, суперамфетамин ИТ-290 и дитран — синтезированную белладонну. Кизи догадался, что это был дитран, потому что сначала волоски на одеяле превратились в поле непроходимых колючек, а затем его просто вырвало. Как он позже говорил Гордону Лишу, дитран оказался «мерзким веществом», с помощью которого можно было «показать хнычущим невротикам, что бывает и гораздо хуже».

Но другие наркотики, в частности псилоцибин и ЛСД, вызывали прекрасные ощущения. «Я неожиданно менялся и оказывался наедине со всем миром. И при этом, изменяясь, я смотрел на мир абсолютно под другими углами зрения. Словно очутился в ином измерении». Такое множество различных восприятий для начинающего писателя казалось очень полезным делом.

С середины лета Кизи устроился в больницу для ветеранов ассистентом. Он работал в ночную смену, с полуночи до восьми.

В это время больница пустела, а кабинет, в котором хранились

наркотики-психомиметики, оставался открытым. Каждый, кто хотел поэкспериментировать, — пожалуйста. Однажды он перебрал мескалина и «провел ночь, усиленно драя шваброй пол, чтобы, если случайно зайдет сестра, она не увидела моих расширенных, раз в двенадцать больше обычного, зрачков. Остаток ночи я горячо беседовал с большой сучковатой сосновой дверью соседнего кабинета. Под конец я провел мелом между нами на полу широкую линию. «Ты, пучеглазая суья дочка, останешься с той стороны, а я — с этой!»

Повседневная работа была приятной — мести полы, болтать с сиделками, трепаться с сумасшедшими маньяками-пациентами, экспериментировать с наркотиками. Администрация разрешила ему принести в палату печатную машинку. Сначала он думал, что будет редактировать здесь «Зоопарк», но получилось так, что он в основном печатал различные истории из жизни больницы, длинные прозаические отрывки, которые выходили из-под его пера «легче, чем все, что он писал в жизни».

Автобус «Веселых проказников»

После двух лет интенсивных литературных занятий Кизи случайно обнаружил, что психушка является чудесным метафорическим образом Америки пятидесятых годов. Здесь стандартные правила социальных игр упрощались и становились явными: либо подчиняйся правилам, либо тебя это заставят сделать — с помощью наркотиков или электрошоковой терапии. Здесь не оставалось места для уверенности в себе или оригинальности. Даже если кто взбунтуется, это ничего не могло изменить, потому что Комбинат (так Кизи называл политику приспособленчества и подчинения правилам, которая пронизывала весь окружающий мир) был невидимым и безличным, творящим свои дела через множество усердных, но ничего на самом деле не понимающих исполнителей, таких, например, как Старшая сестра.

Развязный мужик Рэндл П. Макмерфи попадает в психушку единственно ради того, чтобы избежать тюрьмы. Он бродячий лесоруб, часто подрабатывающий разнорабочим, и у него прекрасно подвешен язык. Он классический лидер-агитатор, и его энергия быстро разгоняет наркотический ступор остальных больных. Но в конце концов Комбинат побеждает Макмерфи — ему делают

лоботомию. Тем не менее его поражение пробуждает его последователей, в частности Вождя Швабру, огромного индейца-шизофреника, от лица которого ведется повествование. На последних страницах Вождь бежит из больницы на волю. Кизи решил назвать книгу «Пролетая над гнездом кукушки».

Если Рэндл П. Макмерфи — довольно типичный для произведений Кизи характер, то Вождь Швабра уникален. Для Кизи фигура Вождя оказалась недостающим кусочком мозаики, позволившим связать реалистичный рассказ с причудливыми фантазиями, являвшимися ему ночами экспериментов. Вождь Швабра стал его музой, он явился Кизи в разгаре очередного мескалинового бреда.

* * *

Наркотики пришли на Перри-Лейн. Люди постарше, поколение, к которому принадлежал Роберт Уайт, отвергали их напрочь. Но молодежь с жадностью экспериментировала. В общем, на Перри-Лейн примерно повторилась та же история, что и у доктора Оскара Дженигера, — разнесся слух о том, что Кизи ошеломлен эффектом, который оказывают на творчество какие-то таблетки, и теперь как сумасшедший работает над новой книгой.

Конечно, такая точка зрения была сильно ограниченной. «Дурачась с наркотиками, — как-то заметил Кизи, — больше всего хочется увидеть будущие собственные книги. Первые несколько раз вы действительно можете что-то увидеть. Но затем тебя словно берет за шиворот невидимая рука и тебя спрашивают: «Ха! Хочешь посмотреть на свои книжки?» — и следующие восемь часов ты вынужден смотреть, как перед тобой проносится история собственных грехов и всего зла, что ты причинил людям. И ты вынужден осознавать, что в один прекрасный день твое тело будут глодать черви. Что твое физическое тело обратится в прах. А душа останется. И важнее всего понять — все это скорее похоже на путь души в вечности, а не на жизненный путь человека на земле».

Те, кто не решался отправиться в Иной Мир поглядеть на собственные произведения, удовлетворялись вином и дзеном.

Это вообще было характерно для всех небольших психоделических кружков, и Перри-Лейн не стал исключением.

К Кизи стали приходить желающие отправиться в путешествие.

Они с жадностью пожирали оленину под соусом чили, обильно приправленную ЛСД, и не менее жадно слушали, как Кизи, растягивая слова, рассказывает разные истории. Мягкий орегонский выговор — это, пожалуй, все, что осталось от прежнего Кизи, приехавшего в Стэнфорд учиться писать. За последние месяцы он сильно изменился, располнел и был полон живости и энергии. Зимой 1961 года он создал на Перри-Лейн собственный литературный салон. Малькольм Коули, преподававший на семинаре в тот семестр, заметил, что его отличает слава, какая окружала молодого Хемингуэя в Париже двадцатых годов. Кизи стал «молодым человеком, которому пыталась подражать вся молодежь».

В июне 1961 года, через десять месяцев работы, «Полет над гнездом кукушки» был готов предстать пред очами издателей. Его немедленно купило издательство «Викинг», заплатив полторы тысячи долларов — высшую ставку для впервые публикующихся авторов. Книга увидела свет в феврале 1962 года, и ее везде хвалили. В «Сатэрдэй ревью» Кизи назвали «крупным сильным талантом», написавшим «крупное сильное произведение».

Кизи было всего двадцать шесть, но он уже стал знаменит, а двад-цать тысяч долларов, за которые он продал права на экранизацию книги, указывали на то, что, возможно, он еще скоро и разбогатеет.

Первый роман, особенно удачный, всегда подразумевает, что за ним последует второй. Сразу же после издания «Пролетая над гнездом кукушки» Кизи начал работать над второй книгой, романе о лесорубах и профсоюзных деятелях северо-запада страны.

Главный герой, вольный лесоруб Хэнк Стампер, жаждет просто работать, так, чтобы его не трогали, и тем самым вступает в конфликт с организаторами профсоюзной забастовки. Но не менее важна и орегонская погода, орегонские дожди и почти физически ощутимые орегонские горы. Несмотря на то, что и агенту, и издателю книга понравилась, Кизи очень нервничал, беспокоясь, как ее примут. Часто он чувствовал, словно стреляет в мишень, а окружающие благодарят его за прекрасный выстрел, и при этом ни один не обмолвится и словом о том, близко ли к десятке он попал.

Закончив роман весной 1963 года, он решил самолично отвезти рукопись в Нью-Йорк, а заодно и посмотреть на город, в котором никогда еще не был. На обратном пути он задумался о том, чтобы собрать вместе всех своих друзей и поселиться с ними где-нибудь на

отшибе, в теплом, уединенном местечке, и чтобы рядом был лес. Кизи долго откладывал отъезд с Перри-Лейн, но теперь у него уже не было выбора. Купивший землю застройщик собирался сровнять с землей ветхие строения, чтобы построить здесь новые современные дома. В последнюю субботу, до того как пришли бульдозеры, сотня обитателей Перри-Лейн собралась на прощальную вечеринку, подкрепляясь одной кастрюлей психоделической оленины под соусом чили за другой. В разгар праздника они выволокли из глубин дома Кизи древнее пианино и начали молотить по нему топорами. «Пианино — старейший предметна Перри-Лейн, и его уничтожение символично» — сказал Кизи репортеру, который пришел понаблюдать за последними днями жизни «остатков сельской богемы из Менло-Парк», цитируя определение Перри-Лейн, данное «Кроникл» из Сан-Франциско.

Самые лучшие воспоминания об этом появились спустя шесть лет, когда Вик Лауэлл опубликовал ряд автобиографических рассказов в местной неформальной газете. Теперь он стал терапевтом и радикалом, но произошедшие с ним изменения он приписывал вольным годам, проведенным на Перри-Лейн. «Там я впервые узнал любовь, чувства, творчество, спонтанность и ощущение общности с другими людьми. И именно там я впервые пережил ощущение того, что если каждый из нас что-нибудь не предпримет — каждый по-своему, на своем собственном пути, — то на мир может обрушиться глобальная катастрофа. Когда я начинаю думать, что оказался в тупике, я вспоминаю это свое старое ощущение».

И хотя они не подозревали об этом, но тем вечером, когда рубили старое пианино, они уже нашли свой путь.

Кизи отыскал то, что хотел, в городке Ла Хонда, в пятидесяти милях восточнее Пало-Альто. Новый бревенчатый домик, шесть больших комнат, огромный камин и несколько изящнейших французских дверей, открыв которые можно было обозревать шесть акров поросшего соснами участка. Дорога к дому вела через деревянный мостик, перекинутый над небольшим ручьем. До ближайших соседей идти с милю, а до ближайшего оплота цивилизации — универсального магазина в Боу — еще несколько.

Первоначально замысливалось, что все, кто жил на Перри-Лейн, переедут в Ла Хонду и поселятся в лесу в палатках. Кизи мечтал именно о такой коммуне психоделических путешественников — вроде Миллбрука, но с художественным уклоном. Но

увеличивающаяся властность Кизи («только откидываешься на спину и начинаешь погружаться в свой внутренний мир, как он приходит и — Хоп! Хоп! Подъем! — заставляет всех отправляться с ним гулять по лесу») отпугнула часть его старых друзей. Они предпочли остаться в Пало-Альто, заезжая при желании в гости, но оставаясь независимыми от различных идей, роящихся в голове у их старого друга.

Кизи и Проказники

Кизи даже не мог толком сказать, что это за идеи, но его не оставляло ощущение, что во время путешествий в Иной Мир он словно бы находился на пути куда-то. И ему требовались спутники, которым это будет интересно. Он начал собирать единомышленников. Кто-то нашелся через друзей, но с некоторыми он встречался самым мистическим образом. Как-то летом 1962 года Кизи свернул к своему дому на Перри-Лейн — и обнаружил подпрыгивающего и размахивающего руками, ни на секунду не прекращающего говорить Нила Кэссиди, прекрасный образчик «нового видения мира».

Фортуна благоволила Нилу Кэссиди гораздо меньше, чем к Гинсбергу или Керуаку. Всего год спустя после того, как «В дороге» сделала его знаменитым человеком, в апреле 1958 года он был арестован полицией в Сан-Франциско по обвинению в причастности к контрабанде марихуаны. Повод был нелепейшим — Нил расплатился за проезд с водителем, который оказался переодетым полицейским, двумя сигаретами с марихуаной, — но его приговорили к пяти годам пребывания в Сан-Квентине. Можно было ожидать, в тюрьме Кэссиди с его неугомонным характером придется туго, но не тут-то было. Он использовал неожиданно появившееся свободное время для усиленных медитаций. «Кэссиди всегда очень творчески подходил к несправедливостям мира», — писал Уильям Пламмер в биографии Кэссиди, «Святом дурачке»:

> *Гэвин Артур, внук двадцать первого президента и по совместительству священник в Сан-Квентине, говорил, что Нил в тюрьме ярко выделялся на фоне остальных. Здесь он мог спокойно пользоваться своим величайшим умом, говорил Артур и добавлял, что это*

стало возможным, потому что здесь Нилу не мешали «телесные желания». В первый же день Артур выделил Нила из других заключенных. Кэссиди просто сиял и лучился светом.

В 1960 году его досрочно освободили, и он вернулся к старому образу жизни, работе на железной дороге и фирменным длинным монологам. Затем однажды ему попалась в руки «Пролетая над гнездом кукушки». И он понял, что Рэндла П. Макмерфи писали как будто с него самого. Этот парень, Кизи, будто бы заглянул Нилу в душу. Он почувствовал, что ему необходимо с ним встретиться, и отправился на Перри-Лейн, где и встретил Кизи, возвращавшегося из отпуска, проведенного в Орегоне. Кэссиди подпрыгивал и махал руками — наконец-то он нашел человека, которого сможет назвать Вождем.

Обитатели Перри-Лейн оценили Кэссиди. Они отнеслись к нему, как к забавному музейному экспонату, словно душа естественного человека Руссо неожиданно попала в тело современного лихача-водителя. Он казался им необычным и привлекательным, но немного утомительным, особенно если учитывать его привычку беспрестанно размахивать руками, молотя воздух, словно схватывая нечто невидимое и тут же отпуская опять, при этом ни на секунду не прекращая быстро говорить. Но Кизи, слушая Кэссиди, понимал — тот живет здесь и сейчас. Как он считал, Нил достиг того состояния, которое напоминало то, что в дзен-буддизме называют «Дзадзен» — состояние полной сосредоточенности, при этом лишенной всякой привязанности. Этот талант был присущ Кэссиди еще во времена его первых встреч с Гинсбергом и Керуаком, но с тех пор эти способности развились и теперь он мог вести три или даже четыре различных разговора одновременно. Гордон Лиш (в то время редактор небольшого арт-журнала «Генезис Уэст») встретил Нила на одном из вечеров у Кизи и был ошеломлен, когда Кэссиди «начал мимоходом обсуждать все текущие вокруг разговоры, не прекращая поддерживать нашу собственную беседу. Это было бесподобно». Лиш не вполне понимал, что Кизи нашел в Ниле, хотя и уважал Кэссиди как одного «из величайших умов нашего времени, и уж наверняка — одного из быстрейших».

Уникальные способности Кэссиди достигали пика, когда он занимался любимым медитативным занятием — крутил баранку.

«Страшнее не бывает. Боишься за свою жизнь, — так описывал езду с Нилом Джерри Гарсия. — Едешь в каком-нибудь любимом Ниловом «понтиаке» или «бьюике», которые ему так нравится утонять, — и едешь абсолютно без тормозов. Мчишься по Сан-Франциско со скоростью пятьдесят — семьдесят миль в час, вслепую срезая углы, по встречной полосе, совершая безумные маневры даже в самых сложных дорожных ситуациях. Ежеминутно ждешь, что он кого-нибудь собьет. Но создавалось впечатление, будто он заранее знает, что ждет его за следующим поворотом. И в процессе этой бешеной гонки он не перестает разговаривать со всеми присутствующими, крутить настройку радио и теребить волосы». Кизи называл это «летящим, срезая углы, радиорепортажем о вселенной». Он начинал верить, что, возможно, это и в самом деле — архетип человека постпсиходелической эпохи.

Что происходит, когда человек возвращается обратно из «путешествия»? Как сохранить это новое состояние сознания, чтобы вы могли наслаждаться тем, что Хаксли называл обычно «лучшим из двух возможных миров».

Эти вопросы вставали перед каждым, кто задумывался об общественной пользе психоделиков. В Миллбруке разрабатывали способы «преодоления установок», посылали своих наблюдателей и исследователей в ЛСД-путешествия в надежде, что хотя бы один из них найдет четкий конкретный путь, рисовали карты, говорили о мозге и бардо. Эту работу можно описать как смесь научных исследований и религиозного послушничества. Они были монахами-учеными, или учеными монахами, и они отличались от Кизи и его друзей как небо от земли. Веселые Проказники (имя нашлось довольно быстро) никогда не говорили об Ином Мире. Об этом же нельзя рассказать! Говоря об этом, они использовали метафору, взятую из комиксов. Их идеал превратился в место, названное Пограничьем, которое было той частью воображаемой реальности, что лежала между эго, с его ограничениями и условностями, и разрушительной энергией пустоты. Жить в Пограничье означало быть полностью здесь и сейчас. «Мы добились того, что можем находиться там, в настоящем, в течение долгих периодов времени», — говорил Кизи в интервью. Это во многом напоминало дрейф в лодке по открытому морю, за исключением того, что в вас пробуждаются «силы, которых вы не найдете ни в прошлом, ни в будущем».

Единственным, что внешне подтверждало их ощущение личностных изменений, был обычай давать каждому новоприбывшему новое имя: Сногсшибательная Гретхен, Неисправно работающий, Надоеда, Бледный труп ковбоя, Девушка с гор. Кизи стал Вождем, Кэссиди — Предельной скоростью, а Бэббс, только вернувшийся из Вьетнама, получил имя Отважного путешественника. Если обобщать образ тех немногих хороших молодых людей (и девушек), которых искал Кизи, то ему были нужны «супергерои, жаждущие настоящей жизни и настоящего кино»

Многое в стиль Проказников добавил вернувшийся из Вьетнама осенью 1963 года «похожий на огромного сердечного гризли, смеющегося взрывами раскатистого космического смеха» Кен Бэббс. Именно Бэббс придумал концепцию «Проказ», такой величайшей космической шутки, когда человек оказывался пузырем, всплывающим в некой очень неприличной сфере Иного Мира.

Все это в результате и привело их к Автобусу.

Автобус появился в результате стечения нескольких случайных обстоятельств. Сначала у Кизи родилась идея съездить в Нью-Йорк летом 1964 года — к выходу в свет книги «Порою нестерпимо хочется» и к открытию Всемирной ярмарки (администрация, кстати, отвергла идею Майкла Холлингсхеда об устройстве павильона, посвященного расширению сознания). Затем пошли разговоры о том, как бы использовать снаряжение для киносъемок, которое Кизи купил с гонорара за фильм «Пролетая над гнездом кукушки». Была идея сделать фильм об их путешествии, нечто вроде «В дороге» пятнадцать лет спустя. Затем кто-то нашел в газете объявление о продаже довоенного школьного автобуса «Интернэшнл хэвистэр», оборудованного всеми удобствами, в частности холодильником и двухъярусными кроватями. Кизи купил автобус, оснастил его аудиосистемой, позволявшей им общаться с внешним миром, и затем идея съемок плавно переросла в нечто большее: они могли снять оригинальную высококачественную дорожную эпопею и затем продать ее Голливуду: «Отважный путешественник и его Веселые Проказники в поисках классных мест».

Они собирались отправиться в путешествие в поисках открытий (ну разве лишь немногим менее глобальных, чем открытие Америки), а это было высочайшей миссией, требующей достойного транспортного средства. Когда средневековые рыцари собирались в Крестовые походы, они же, спеша на корабли, не прыгали на первую

попавшуюся старую клячу. Они отплывали с достоинством, а их лошади были наряжены и украшены. Проказники тоже решили украсить свою машину. «Словно кто-то вручил Иерониму Босху пятьдесят ведер ярких красок и наш автобус 1939 года выпуска — и предложил расписать его», — писал хронист Проказников Том Вулф. Спустя некоторое время они добились именно того, что хотели Казалось, вся машина пульсирует или вибрирует, подобно фантастическому космическому кораблю. Спереди, где было место для вывески с обозначением маршрута, они написали *«дальше».* А на боку — *«Осторожно: странный груз».*

Они пустились в путь в июле 1964 года, рассчитывая прокатиться по югу, а затем отправиться на север вдоль восточного побережья.

Снимали они все и постоянно. Их кинофильмом был весь окружающий мир. Люди всегда пытаются заманить вас в ловушку в своем кино (Лири бы сказал — в игре), и единственный путь избежать этого — создавать собственное альтернативное кино. Например, когда они привлекали взоры местной полиции (что случалось довольно часто), то сразу же выпрыгивали наружу, с камерами и микрофонами, и тем самым своим сценарием полностью разрушали сценарий полицейского кино.

> *Весь Нью-Орлеан (пишет Том Вулф[96]) вздохнул с облегчением, когда они направились в своих красно-белых ярких нарядах в сторону французского квартала. Когда стало ясно, что они направляются к докам, полицейские испытали почти комическое облегчение. Они наслаждались тем, что больше от них не потребуется никаких усилий. Городские копы оказались столь же не способны навязать свое полицейское кино, как и сельские полицейские до них. А как Надоеда говорил с ними! Словно студент-выпускник, произносящий прощальную речь. И Кизи говорил с ними — вежливо и любезно, а Хаген снимал это все, словно это был какой-то безумный поворот в абсолютно документальном кино, и*

---

96 Вулф, Том (1931) — американский журналист и писатель, автор классического отчета о путешествии автобуса Проказников «Электропрохладительный Кислотный тест».

полицейские стремительно улепетывали от нас в патрульных «фордах», с включенными мигалками…

Спускаясь с Голубого Хребта, Кэссиди выключил зажигание и так ехал всю дорогу с гор, ни разу не прикоснувшись рукой к тормозу. Кизи ехал наверху, на крыше, и, когда автобус проходил «шпильки», резкие повороты дороги, его внезапно озарило — если он сейчас испугается, его страх сразу же передастся всем сидящим внутри автобуса, и последствия будут непредсказуемы. Для Кизи это было первым случаем, когда он почувствовал групповое сознание: мы все составляем единый мозг, связанный с… чем? С каким-то универсальным источником энергии? Надсознанием? Тем, что в буддизме Махаяны называется «единым сознанием», а в дзен-буддизме — «единственным сознанием»? Но Проказники не любили заимствовать имена. «Они все просто чувствовали, что увязли в каком-то странном дерьме, — писал Том Вулф, — и единственное, что они могли, так это изрыгать проклятия… по поводу Непроизносимых вещей».

В середине июля, как раз когда вышел роман «Порою нестерпимо хочется», они приехали в Нью-Йорк. Книга вызвала противоречивую реакцию в прессе. Критик из «Геральдтрибьюн» сравнил ее с «вздымающейся сосной» посреди бесплодной пустыни современной литературы, тогда как Орвилл Прескотт в «Тайме» осудил как «утомительную литературную неудачу, самый невыносимо претенциозный и скучный роман из того, что я читал за многие… годы». Ядовитые высказывания Прескотта частично объясняются его странным убеждением в том, что Кизи был прототипом Дина Мориарти из «В дороге» Керуака. Другими словами — «типичным битником», который не имел никакого права врываться со своими страстями и невоспитанными манерами в царившую в литературе пятидесятых уютную домашнюю атмосферу. Ошибка Прескотта была вдвойне забавна, поскольку как раз за несколько дней до выхода его статьи Кизи и Керуак впервые встретились, и нельзя сказать, чтобы очень по-дружески.

Первое издание романа Джека Керуака «В дороге»

Керуак жил у матери в уединенном одноквартирном домике в Нортпорте на Лонг-Айленде и беспрестанно пил. Ему было сорок, он

отрастил живот и устал от жизни. Сталкиваясь с полными энтузиазма Кэссиди и Гинсбергом, он испытывал приступы горечи. Он становился все более консервативен, обратился в католичество, обвинял старых друзей вроде Гинсберга в коммунистическом атеизме. О психоделиках он тоже был невысокого мнения. Однако все-таки Кэссиди удалось уговорить его зайти на вечеринку к Проказникам, достаточно типичную, со странными костюмами, съемками, пронзительно орущими магнитофонами и коктейлями с ЛСД. Керуак несколько минут поглядел на все это и ушел. Но на прощание он сделал символический жест: заметив небрежно валявшийся на диване американский флаг, он аккуратно разгладил и свернул его. Он не хотел участвовать в кинофильме Проказников. Времена, когда его интересовали безумцы, которые горят, горят, горят и никогда не говорят скучных вещей, по-видимому, прошли.

Кизи было грустно, что встреча с Керуаком вышла такой. Удачная возможность была упущена в основном из-за того, что они даже не успели быстро среагировать на происшедшее. Для Проказников Керуак был символическим старшим братом, который помог им обрести уверенность в себе, когда они больше всего в ней нуждались, однако сам он оказался не способен следовать собственным идеалам Он был королем битников, отвергшим корону

Решив, что пора двигаться дальше, Проказники собрали вещи и поехали вверх по Гудзону. Где-то среди долин холмов Такони обитал другой символический старший брат, Тим Лири. И уж если кто понимал Непроизносимые вещи, так это он. Подъезжая к имению, они даже бросили из окон автобуса несколько дымовых шашек — в честь приезда, собираясь отметить свое прибытие если не торжественно, то хотя бы максимально по-дружески.

Возможно, Кизи ожидал, что встретит здесь восточный вариант Ла Хонды и Проказников. А обнаружил только кучу яйцего-ловых ученых. Они расхаживали по дому в халатах и говорили языком религиозных деятелей. Кастальцы, со своей стороны, восприняли Проказников с их раскрашенными костюмами как людей, способных ради смеха подмешать вам в коктейль ЛСД. Кастальцы были римлянами, а Проказники — готами или вандалами И когда эти варвары попросили у них немного ЛСД — на обратную дорогу для просветления, им предложили несколько пакетов семян вьюнка пурпурного, оставшихся еще со времен IFIF.

Проказники один раз их попробовали и, поняв, что их явно

оскорбляют, вежливо отказались от вьюнка, забрались в автобус и, выехав за каменные ворота, повернули на запад.

Глава 19. ПОВЕРНИСЬ ЛИЦОМ К НЕИЗВЕСТНОМУ

Не очень гостеприимный прием в Миллбруке заставил Проказников оценить собственное психоделическое восприятие, которое было гораздо более грубым, земным и гораздо менее интеллектуальным, чем у Лири. За исключением «И цзин», Проказники избегали религиозных учений Востока, полагая тибетские священные книги (которые кастальцы считали столь глубоко духовными) бессмысленной абракадаброй. Они считали, что психоделические опыты не требуют подготовки или специально обученных проводников, так как полагали, что любые ограничения — каковы бы они ни были — только вредят опыту. Их принципом было отдаться течению, их девизом — дурачиться вволю. Для Проказников настоящей проверкой их психоделических возможностей было умение каждого нырнуть в глубокий чистый омут нового опыта и, полагаясь лишь на собственный ум, достичь спокойных мистических глубин.

В этом была определенная опасность: а что будет, если доктрина Лири о том, что любой может пользоваться ЛСД, если за путешествием наблюдает опытный проводник, проиграет доктрине Проказников, утверждавших, что не нужен никакой контроль за путешествиями вообще? Что, если вся страна начнет дурачиться вволю?

В общем, Кизи занимал по отношению к Лири ту же позицию, которую Лири занимал к Хаксли (то есть его взгляды были более радикальными).

После возвращения в Ла Хонду они еще сильнее увлеклись изучением новых, открывшихся им возможностей. Большинство восточных мистиков, писавших об Ином Мире, считают это пробуждение сил лишь сопутствующим опыту и советуют начинающим адептам не обращать на него внимания и поскорее идти дальше, дабы эти загадочные силы не уводили их с трудного пути, ведущего к истинному и полному пробуждению сознания. Но для Проказников с их любовью к метафизике комиксов эти силы стали

признаком успеха, и они решили двигаться дальше, базируясь именно на них.

Наглядным образцом проявления этих сил мог служить Кэс-сиди, который, сидя за рулем машины, был способен воспринимать сразу множество вещей одновременно. Однажды Кэссиди вез Нормана Хартвега в Ла Хонду. Он гнал машину по длинной горной трассе и с жадным упоением расхваливал свой новый автомобиль, не обращая никакого внимания на дорогу, в отличие от Хартвега, который, сидя справа от него, с ужасом наблюдал, как прямо на них несется большой грузовик. За секунду до столкновения Кэссиди замолк, крутанул руль, каким-то чудом вывернул машину в сторону и продолжил беседу с того же места, где остановился мгновение назад. «Кэссиди уже думать ни к чему», — объяснил Кизи Хартвегу, когда тот, потрясенный, приехал в Ла Хонду. Кэссиди был постоянным обитателем Пограни-чья. И Хартвег понял это — когда внезапно осознал, что никому не рассказывал о том, что случилось с ними по дороге. Откуда же Кизи узнал? Что ж, в этом-то и была сила Кизи. Если Кэссиди мог заниматься одновременно множеством вещей, то Кизи имел сбивающую с толку привычку неожиданно отвечать на ваши вопросы прежде, чем они появились у вас в голове.

Хотя здесь существовала определенная иерархия власти — с Кизи, Кэссиди и Бэббсом во главе, — каждый был талантлив и неповторим по-своему. Именно поэтому в Ла Хонде часто случались моменты, когда все понимали друг друга без слов: только подумаешь, что нужно закрыть окно, — как кто-то идет и закрывает его. Кизи этот феномен не интересовал, он был выше этого, его больше волновало, как свести все эти разнородные личностные потенциалы в одно единое мощное целое. Как описывал один из участников: «нас дразнила мысль, что если мы могли бы найти нужное связующее звено, то достигли бы полного группового единства. И этой групповой сущности будут доступны действительно фантастические возможности». Для определения этого состояния они использовали термин «покинуть эту планету».

Одним из последствий всего этого было то, что Кизи бросил писать. Хотя один из немногих старых однокурсников по Стен-форду отговаривал Кизи, тот был непреклонен. ЛСД ясно показывал недостатки языка и, соответственно, литературы вообще. Как он говорил друзьям, стоило ему подумать о писательстве, он видел огромные провалы, которые не знал, как заполнить, и не мог с этим

ничего поделать. Хотя в душе он конечно оставался человеком искусства. В своем дневнике он признавался:

> *После двух удачных романов, имея в голове множество еще более удачных замыслов, я вдруг обнаружил, что спрашиваю себя: «И что же мне доказывать дальше? Я уже доказал этим педри-лам, что умею писать, затем доказал им, что могу написать вторую вещь — не хуже первой. Что мне еще им доказывать?» Казалось бы, правильный ответ — «ничего не доказывать».*
>
> *Умная мысль, парни, и все же, признаюсь, в душе моей зашевелились сомнения Сейчас лю-бой может настрочить коммерческую книжонку, одеть ее в красивую обложку и продать как литературу. Но многие ли способны на совершенное доказательство ничегонеделания [подчеркнуто]?.*
>
> *«Не так уж много, нет, почти никто». «Что ж, черт побери, — яростно хлопая себя по бедру, — давайте сделаем это». Тогда возникает вопрос: «Как?»*

Совершенство через недеяние — девиз любого даоса. Надо просто позволить вещам происходить.

Но прежде чем Кизи смог сконцентрироваться на этих парадоксах, ему предстояло реализовать одну из его самых замысловатых идей: «Отважный путешественник и его Веселые Проказники в поисках классных мест». Кизи хотел закончить и продать права на «Отважного путешественника» — хотя бы просто потому, что съемка тридцатичасового материала уже обошлась ему в семьдесят тысяч долларов. Но кроме того, он не терял надежды (и ее подкрепляли воспоминания о чудесных летних месяцах, проведенных им в молодости в Голливуде), что его истинным творческим призванием является кино. Когда Кёрк Дуглас купил сценарий и права на постановку «Над гнездом кукушки», Кизи предложил свои услуги в качестве сценариста и режиссера, заверив Дугласа, что он гораздо больше просмотрел в своей жизни фильмов, чем прочел книг. Но занятия производством фильмов быстро закончились. Кизи чуть не умер от скуки, пытаясь придать хоть какую-то коммерческую ценность тридцати часам отснятого при плохом освещении, в

полевых услових материала. Решив, что ему необходим профессиональный сценарист, Кизи связался с драматургом Норманом Хартвегом, который жил в Лос-Анджелесе и вел колонку в первой альтернативной газете «Фри пресс», и пригласил его в Ла Хонду, где предоставил ему отдельную комнату в качестве кабинета.

«Проказники» в Ла Хонде

Когда Хартвег прибыл в Ла Хонду, атмосфера в доме напомнила ему общение участников марафона, которые бегут вместе уже не один месяц. Или — съемки фильма, где только несколько человек читали сценарий вообще (или, по крайней мере, утверждают, что читали), но вообще об этом даже разговора не заходит — разве можно говорить о Невыразимых вещах. Некоторые новички без особых проблем настраивались на высшие идеалы Проказников, но многие, в частности Хартвег, поначалу приходили замешательство. Хартвег, например, очень удивился, обнаружив, что, его критикуют за курение и чтение, объясняя это тем, «что личные удовольствия не приносят пользы групповому сознанию.

Ла Хонда

«Не существовало никаких официальных правил, писал Том Вулф о том, как пополнялись ряды Проказников. — Никакого официального испытательного периода и никаких голосований — принимать этого парня или нет, никакого блата. И все же был определенный испытательный период, чтоб человек показал себя, и все это понимали, но вслух не говорили. Проказники испытывали всех, предоставляя им возможность побыть самими собой, пожить сегодняшним днем — здесь и сейчас».

Новичкам в Миллбруке обычно давали прочесть что-то, написанное Лири или романы Гессе, чтобы подготовить его к тому, что последует. Эти книги были в Ла Хонде, но гораздо больше там было научной фантастики. Например, роман «Чужой в чужой Земле» Роберта Хайнлайна, в котором рассказывалось о Валентине Майкле Смите, американце, выросшем на Марсе, где он получил своего рода духовное и мистическое воспитание. Очутившись на Земле, он стал создавать «гнездо» последователей, которых научил технике «деления водой». Хайнлайн не останавливается подробнее на

процессе, но упоминает, что в результате происходило объединение разных членов гнезда в гединое целое. «Деление водой» позволяло им «грокать» друг друга (гроканье было чем-то вроде телепатии). На протяжении романа внутренние изменения участников гнезда плавно ведут их сначала к жизни в общине, а затем, постепенно расширяясь, чуть ли Вне к религиозному перевороту — когда все больше и больше молодых людей начинают осознавать, что культура, в которой они живут, серьезно больна. Хайнлайн опубликовал «Чужого» в 1961 году. Проказники, прочитав роман, почувствовали такую свою общность с книгой, словно автор действительно знал, что происходит в их душах. Точно так же, как Кэссиди, прочитав «Над гнездом кукушки», обнаружил, что под именем Рэндла П. Макмёрфи он уже существовал в закоулках чьего-то (в данном случае Кизи) воображения.

Другая книга, которую они восприняли как пророчество, был роман «Конец детства» Артура Кларка, английского фантаста, позднее написавшего знаменитую «2001: Космическая Одиссея». В основе романа Кларка лежала идея появления поколения сверхдетей, способности которых чувствовать и мыслить во много раз превосходили то, что их родители не могли себе представить даже в сказках. С рождением этих детей эволюционная линия Homo sapiens подошла к концу. В конце книги дети превращаются в Сверхбогов (читай богов) и покидают планету.

И, наконец, там был не очень понятный роман Теодора Стар-джена «Более, чем человек», в котором рассказывалась история группы социальных изгоев, которые вдруг обнаружили в себе телепатическую силу, способную создавать мощный сложный организм: Homo gestalt.

В этих книгах были идеи, которые давали Проказникам нужное направление. Используя ЛСД, они были способны «грокать» друг друга, проникать в ментальные сферы, что обещало неограниченную энергию и неограниченную мощь. Как дети в романе Кларка, они верили в свое особое предназначение. И подобно героям Стар-джена, они чувствовали себя на краю эволюционного шага к Homo gestalt. Каждую пятницу они собирались на инструктаж — это было словечко Бэббса, привезенное им из Вьетнама. Кизи подхватил этот термин. Начинался инструктаж с того, что Кен предлагал тему, забавную историю или какое-нибудь необычное переживание, потом присоединялись остальные, предлагая свои интерпретации ситуации,

выделывая поэтические пируэты, в которых метафизика достигала заоблачных высот, пока, наконец, группа не синхронизировалась, и тезисы уже не имели значения — они пускались в свободное плавание… пока не покидали эту планету.

* * *

Соседи, озадаченные тем, что происходило по пятницам у Кизи, предполагали самое худшее, поскольку жилье Кизи воспринимали как раз как чужую планету. Проказники облюбовали себе местечко в лесу на одном из холмов. Люди, проезжая мимо, кричали им: «Эй, грязные битники» (слова, которые Кизи на дух не переносил), кто-то выстрелил в почтовый ящик Кизи и даже выбил пулей стекло одной из машин. Ходили так же слухи, что полиция взяла это место под наблюдение, и однажды, когда Проказники приехали на холм, они действительно обнаружили там кучу сигаретных окурков.

Проказники сносили эту растущую враждебность с обычной для них силой духа. Когда до них дошли слухи, что Уильям Вонг, офицер, всем хорошо известный непримиримой борьбой с наркотиками, планирует рейд на ранчо, они написали на стене дома огромное объявление: МЫ ЧИСТЫ, ВИЛЛИ. Но судя по всему, Вонг не удостоил эту надпись вниманием и 23 апреля 1965 года осуществил налет. Он обнаружил Кизи в ванной комнате, где (по версии Кизи) тот расписывал туалетный бачок цветами, а по версии Вонга, поспешно смывал в унитаз запасы нелегальной марихуаны.

В то время арест представлялся им не самой большой неприятностью в жизни. Исследуя действие группового сознания, Проказники интересовались, что они смогут сделать со своими новыми возможностями. Смогут ли завлечь людей в свое кино? И обучить отдаваться потоку? Через несколько недель после полицейской облавы Кизи получил приглашение на проходящую в Калифорнии ежегодную конференцию унитарианской церкви,[97] посвященную социальным изменениям в шестидесятых. Внешне это выглядело как неделя песен, лекций, прогулок на берегу океана, но у

---

97 Протестантская деноминация, возникшая в Польше, но особенно распространенная в США, отрицающая догмат троичности и одобряющая понимание и изучение Писания «при помощи разума».

конференции была и скрытая цель. Разногласия между молодыми унитариями-радикалами и либерально настроенными пожилыми членами церкви беспокоили столпы общества. Возможно, приглашая Кизи и его друзей, кто-то надеялся, что это поможет найти общий язык с молодым поколением.

Кизи и его друзья действительно нашли общий язык с молодежью, но вовсе не со старыми либералами. Ситуация вышла из-под контроля сразу же — с того момента, как Проказники в своих пестрых одеяниях выпрыгнули из автобуса, они оказались в центре всеобщего внимания. В середине первого публичного обсуждения Кизи сорвал американский флаг и стал его топтать, иллюстрируя собственную точку зрения, что символы чьих-то эмоций не являются самой эмоцией. Унитарии в зале пораженно ахнули, но прежде чем кто-нибудь успел возмутиться, флаг был поднят и все запели «Америка Прекрасная».

Конференция продолжалась в головокружительном ритме, а для многих старых унитариев просто превратилась в ад. Половину времени молодежь проводила на пляже, обступив со всех сторон автобус и играя в игру «Власть». Смысл этой игры заключался в том, чтобы предоставить лидеру на полчаса безоговорочную власть над остальными игроками. В Ла Хонде, например, это приводило к тому, что Бэббс заставлял всех выставлять на аукцион свое имущество, здесь это привело к тому, что все сидели на досках для серфинга, моя друг другу ноги.

Не говорите ни о чем, просто делайте — вот что в основном хотел передать им Кизи. В качестве примера он провел целый день с заклеенным пластырем ртом — поступок, после которого все признали в нем учителя.

В подтверждение того, какое воздействие оказали Проказники на юных унитариев, полезно процитировать Тома Вулфа, который описывал эти события всего несколько месяцев спустя. Щеголеватый и циничный ньюйоркец Вулф, получивший степень доктора философии в Йеле, столкнулся с неожиданной вещью — у него в голове начало что-то клубиться: «Я словно слышал, как у меня голове открылся клапан и оттуда выходит какой-то пар, с таким громким шипением — «ссссс». Подобные ощущения испытываешь, если принять слишком много хинина. Не знаю, ощущал ли это еще кто-нибудь, кроме меня. Но во всем этом было нечто путающее и внушающее страх, нечто странное и похожее на колдовство, и я

чувствовал, что не могу с этим справиться. Как будто прозвучал сигнал тревоги, и все вокруг скрылось в клубящемся облаке пара…»

Самое интересное, что к последнему дню конференции это мистическое «сссссс» уже слышали десятки людей.

По десятибалльной шкале унитарии в фильме Проказников играли примерно на пятерку — адекватно, но тяжеловесно и вряд ли надолго. В августе 1965 года Проказники выбрали объект, гораздо более подходящий для выяснения того, насколько работоспособно их групповое сознание: они решили проверить его на Ангелах Ада

Повивальной бабкой эксперимента выступил «свободный художник», писатель Хантер Томпсон, писавший неформальную историю движения Ангелов — вероятно, самых знаменитых (не считая мафии) головорезов в Америке.

Репутация Ангелов в этот момент была сильно подмочена предыдущим Днем Труда, когда они привели в ужас жителей берегового калифорнийского городка Монтеррея, проносясь по улицам, словно рой немытых шершней. Они олицетворяли собой темные стороны американского духа: типаж здорового, грубого, любящего выпить и поторчать психопата нон-конформиста. Как принято в любом настоящем братстве, Ангелом нельзя было стать, не пройдя особенного ритуального посвящения, включавшего в себя длительное ношение джинсов, предварительно замоченных в моче собратьев.

Единственное, чем Ангелы вот уже точно не были, так это либералами. Задолго до того, как они завоевали уважение традиционалистов, избив антивоенных демонстрантов, они никогда не отказывали себе в удовольствии отдубасить коммунистов. В свое время прошел даже слух, что правительство наберет из Ангелов отдельную военную бригаду, чтобы поправить дела во Вьетнаме. Но дело застопорилось, и Ангелы так и не встали на защиту американского флага за границей. Периодически они развлекались тем, что наезжали на интеллектуальные круги как на экзистенциальное воплощение всего чуждого и заграничного. Согласно Томпсону, летом 1965 года официантки «спиртного» бара внезапно стали свидетелями того, как парочка Ангелов заглянув к ним, уселась обсуждать, как правильно смотреть в хрустальный шар, после чего унеслась по автостраде на скорости 100 миль в час. Томпсон, который считался неформальным летописцем этой криминальной субкультуры, внезапно обнаружил себя в необычной

роли социального руководителя: «Почему-то у всех возникло чувство, что я могу ими управлять. Это неправда, хотя иногда я действительно (если это было целесообразно) пытался удерживать их от чрезмерного потребления спиртного и определенных действий. Но в то же время я вовсе не хотел отвечать за их поведение. Их почетное место в списках неблагонадежности настолько очевидно, что стоит им этакой сверкающей вереницей ввалиться в чью-то жизнь, как на них сразу сваливают все мародерства, изнасилования и грабежи в округе».

Томпсон встретился с Кизи в начале августа 1965 года на образовательной телевизионной станции Сан-Франциско. После посещения бара, где они хорошенько выпили, он пригласил Кизи в близлежащий магазин, где продавались мотоциклы, чтобы познакомить его с «объектами исследования». Кизи откликнулся с энтузиазмом и «после нескольких часов еды, питья и символического преломления травки» он предложил главе Ангелов Сан-Франциско приехать в Ла Хонду на уикенд.

В день прибытия над воротами Ла Хонды появился огромный (пять метров на метр) транспарант с дружелюбной надписью: *«Веселые проказники приветствуют Ангелов Ада».* Это дружелюбие, как заметил Томпсон, со стороны наблюдавший за происходящим, произвело «плохое впечатление на соседей». Зайдя в местный магазин, он подслушал следующую беседу:

> *«Эти чертовы наркоманы, — проворчал какой-то фермер. — Сначала — мариванна, теперь — Ангелы Ада. Иисусе, они просто втаптывают нас в грязь!»*
>
> *«Битники! — сказал другой. — Чего от них ждать, одно дерьмо». Затем началось обсуждение того, не стоит ли взяться за топорища (топоры продавались здесь же), «подняться всем да и очистить местечко». Но тут кто-то сказал, что ими уже занялась полиция: «Упекут их в тюрьму всех как миленьких!» Так что топоры так и остались на стойке.*

Полиция Сан-Матео на четырех автомобилях появилась на дороге, фары их машин разрезали надвигавшиеся сумерки. Каждого вновь прибывшего ждала придирчивая проверка документов — лицензии и регистрации тщательно просматривались в поисках, к

чему можно придраться. По крайней мере на одного прибывшего им удалось надеть наручники и отправить в тюрьму. Но в остальном полиция была бессильна вмешаться в сверхъестественное действо, что разворачивалось по ту сторону моста. Это была сцена, которая, как писал Томпсон, «должно быть, терзала их до глубины души. Там все эти люди, наполовину голые, бегали, вопили и танцевали рок-н-ролл. Массивные усилители были укреплены между деревьями, вокруг сверкала иллюминация, освещавшая психоделическое шоу. И, о Боже! Не существовало ни единого подходящего закона, по которому их можно было арестовать». Девушки в облегающих алых одеяниях с длинными пышными волосами двигались в большом «потоке людей, среди которых были профессора, бродяги, адвокаты, студенты, физиологи, хиппи». Кизи был одет в белые одежды жреца-друида. Кэссиди тихо выстукивал ритм в сторонке. Аллен Гинсберг сидел на полу в одной из комнат, играл на цимбалах и пел. У Ангелов не было никаких шансов. С того момента, как они пересекли мост, рычание «Харлеев» было моментально заглушено гремящим из усилителей рок-н-роллом — они попали в кино Проказников. Ни перед кем не заискивающие Проказники встретили Ангелов с той точно рассчитанной грубоватостью, с какой встречали и остальных своих гостей.

Звезда Кена Кизи

Не успели те выключить моторы, как один из Проказников начал петь серенаду в их честь (через динамики), заканчивая каждый куплет припевом —

Ох, как здорово быть Ангелом
и никогда не мыться!

Байкеры тут же накачались пивом — Проказники запаслись огромным количеством — и ЛСД, который большинство из них заглотило, считая, что это своего рода суперамфетамин. Конечно, это было не совсем так, и уже через час с Ангелами стали происходить странные вещи. Ангел по имени Вольный Фрэнк, например, внезапно обнаружил, что может читать мысли одного из своих братьев Ангелов. Наблюдая за движением рук Гинсберга, который играл на цимбалах, Фрэнк испытывал ощущение, будто попал в волшебную страну Оз. Кто-то сказал: «Этот Гинсберг — тот еще фрукт», но

свойственная ранее Фрэнку мощная ненависть к незнакомцам вдруг куда-то испарилась. Подобно Альберту Хоф-манну, испытавшему то же самое за двадцать лет до того, Вольный .Фрэнк чувствовал, что он словно бы заново родился.

«Настоящие Ангелы Ада — это те, кто принял ЛСД и позволил выдернуть ковер из под ног, — позже объяснял он. — Я по-настоящему почувствовал себя Ангелом Ада, только когда принял ЛСД. Не говоря уже о том, что ощутил себя человеком и нашел себя… ЛСД — это лекарство, а не наркотик. Я только хотел бы, чтобы оно попало в добрые руки и использовалось для возрастания Любови в мире, а не Славы или Богатства».

Как сказал Хантер Томпсон: «Вопреки всеобщим ожиданиям Ангелы Ада после приема кислоты стали удивительно миролюбивыми, и многие из них с легкостью смогли признать, что кислота рассеяла множество их старых, обычно рефлекторных реакций. Вообще им обычно свойственна некая угрюмость, готовность подраться, которая часто оборачивалась против окружающих. Но в тот вечер агрессивность как будто бы испарилась: они перестали щетиниться, смотреть вокруг с подозрительностью, как дикие звери, попавшие в ловушку. Это было очень странно, и я все еще не до конца понимаю это». Но в конечном счете Ангелы миновали пик воздействия ЛСД и соскользнули обратно в свое обычное состояние. В октябре они завоевали сердца консервативно настроенных редакторов журналов, избив антивоенных демонстрантов в Беркли. Угрожая повторить это вновь, они требовали, чтобы больше никто не устраивал антивоенных маршей. Кизи, сопровождаемый Алленом Гинсбергом, потратил целый день, пробуя убедить их лидеров, что по логике их роль — помогать антивоенным активистам, а не поддерживать государство. Но Ангелы считали демонстрантов предателями и сторонниками коммунистов, и это их убеждение не могло рассеять никакое количество ЛСД. Встреча закончилась тем, что Гинсбергу удалось заставить всех присутствующих петь буддийские гимны. «Этот чертов Гинсберг собирается нас всех затрахать, — мрачно сообщил Томпсону один из Ангелов. — Из всех ненатуралов это самый натуральный сукин сын, каких я только видел! Жаль, тебя не было, когда он объяснялся Сонни в любви!» За несколько последующих недель Ангелы из любимцев левых превратились в любимцев правых, и их самомнение выросло до небес. Они созывали пресс-конференции, выпустили политическое

заявление их президента, Сонни Баргера, пославшего президенту Линдону Джонсону телеграмму следующего содержания:

> *От своего собственного имени и от имени моих партнеров я, добровольный представитель группы американцев, считаю себя обязанным защищать нашу политику во Вьетнаме. Мы чувствуем, что группа безбашенных горилл деморализовала бы Вьетконг и добилась победы свободного мира. Мы согласны взяться за дело немедленно.*

Почему никакого отклика со стороны властей на это предложение не последовало — это и по сию пору остается одной из загадок истории.

Хотя Ангелы Ада были главными звездами в тот уикенд у Кизи, заслуживают упоминания и два других завсегдатая этих вечеринок у Кизи. Первым был Аллен Гинсберг. За пять лет, минувших с тех пор, как он пил у Лири в Ньютоне горячее молоко, Гинсберг в духовных странствиях проехал тысячи миль по Индии и Японии. Истинной целью его путешествия было достигнуть святости, стать бодхисатвой. Но вместо этого в Индии его охватила глубокая депрессия. В записной книжке он сравнивал свою жизнь с цепью «неопределенных смутных случайностей, медленного движения к смерти». Депрессия не оставляла его и в Японии, когда он заехал к Гэри Снайдеру, который учился в Киото дзену. И вот это все же произошло: возвращаясь в Токио на поезде, он внезапно заплакал и почувствовал, как огромная тяжесть, обусловленная, в частности, желанием раствориться в космическом сознании, спала с его души. Это было сатори. «Больше никаких интеллектуальных споров!» — писал он Керуаку. Никаких путешествий. Он возвращается в Америку.

Первые догадки, что вернулся он в немного другой мир, в мир, где понемногу начинают закручивать гайки, пришли к нему еще, когда он в середине февраля 1965 года оказался в Чехословакии. Он разгуливал по заснеженным улочкам Праги в потрепанном пальто и белых теннисных туфлях. В журнале чешского союза писателей его шутливо описывали как «большого черного дрозда, замершего, поджав одну ногу, в ожидании, пока музыка жизни откроется ему». Но чешские студенты избрали его Королем первомайского праздничного парада и возили по бульварам в украшенном розами

фаэтоне. Вероятно, для коммунистических начальников это показалось слишком, и буквально несколько дней спустя Гинсберг был арестован по обвинению в нарушении общественного порядка и вскоре выдворен из страны. Несмотря на известность, он не утратил таланта входить в конфликт с властями.

Детали же изгнания Гинсберга были таковы: он потерял одну из своих записных книжек, и ее нашел местный товарищ. Внутри, между небрежными заметками типа «кажется, в Чехии одни сплошные пьяницы», были описания его любовных похождений с молодыми представителями чешского народа. Так что «на самом деле он не веселый черный дрозд, — как бранились в одном из партийных журналов, — но опасный враг, склонный к таким заслуживающим всеобщего порицания вещам, как бисексуальность, гомосексуализм, наркомания, алкоголизм, позерство и граничащий с разгулом социальный экстремизм». Копия этой статьи была аккуратно переведена на английский и вклеена в досье на Гинс-берга, хранящееся в Федеральном управлении по наркотикам.

Спустя полтора месяца Гинсберг уже читал стихи в лондонском Альберт-Холле. Вместе с ним выступали Грегори Корсо, Лоренс Ферлингетти и русский поэт Андрей Вознесенский. Послушать и поаплодировать им пришли почти семь тысяч человек. Гинсберг вдруг чуть не за один вечер стал знаменитостью. Это повышение социального статуса обрушилось на него нежданными дивидендами — сотни тысяч экземпляров «Вопля» были раскуплены, Гинсберг стал получать много денег, что для него оказалось делом хлопотным. Не желая отказываться от того образа жизни, что он вел с ранней юности, Гинсберг нанял менеджера, работавшего прежде на Боба Дилана, чтобы тот занимался всеми вопросами, связанными с изданием его книг и получением денег. Сам же он организовал бесприбыльное акционерное общество и начал раздавать друзьям гранты.

Хотя газеты все еще принимали его за все того же знаменитого старого битника — ну, того, который разделся, — Гинсберг за время своих восточных странствий сильно изменился, он стал более вдумчивым и мудрым. Джейн Крамер из «Нью-Йоркер», освещавшая в этом издании психоделическое движение, говорила, что со своей знаменитой записной книжкой и неисчерпаемым энтузиазмом он стал «справочной службой и координационным центром андеграунда». Он знал всех и вся — юристов, гуру, поэтов, мистиков, бизнесменов,

профессоров и даже сенаторов В отличие от своих юных почитателей он не презирал всех на свете, предпочитая методы мягкого убеждения, а не резкого отрицания. Однако налаживание отношений между молодежью шестидесятых и их отсталыми родителями было не самой главной его задачей В гораздо большей степени он стремился уничтожить пропасть между движением хиппи, которое было ему родным, и движением политических активистов, в которых он видел большие возможности (они умели организовываться), — с тем чтобы контркультура в целом не распалась на отдельные потоки.

Вдохновленный своей дипломатической миссией, Гинсберг попытался внушить активистам новый образ действий. «Старые методы организации народного недовольства с демонстрациями и маршами по улицам, с выкрикиванием лозунгов — все это только укрепляет существующие стереотипы истеблишмента, — говорил он в длинной статье, напечатанной в Беркли в газете «Барб». — Нужно использовать более гибкую тактику, особенно если не желаешь подвергаться риску быть атакованным властями или Ангелами Ада «Демонстранты должны нести кресты, — писал он, — которые они будут выставлять вперед в случае нападения, как это бывает в фильмах про Дракулу». Они должны петь либо молитвы, либо песенку «У Мэри был ягненок». Если это не сработает, следует включать динамики с битловской песней «I wanna hold your hand» и всем разом начинать танцевать».

Что касается отношения к ЛСД, то в середине шестидесятых годов Гинсберг считал, что ЛСД смывает условные рефлексы (впервые такое предположение было высказано в конце пятидесятых чехословацким исследователем Иржи Рубичеком). ЛСД позволяет вам объективно оценить собственную обусловленность, все те понятия, которым вы научились путем жизненного опыта, сначала в детстве, а потом приспосабливаясь к сложному, высокоорганизованному современному обществу Это было более-менее похоже на взгляды Лири относительно психоделиков, но ставило вопрос в более резкой форме, в стиле воззвания: прими ЛСД и смой с себя все, что идет от бизнесменов с Мэдисон-авеню

Но что происходило потом? Об этом никто не знал. Получив премию Гугенхайма в шесть тысяч долларов, Гинсберг решил купить «фольксваген» и провести зиму 1966 года, объезжая вместе с Питером Орловски студенческие кампусы Среднего Запада, чтобы выяснить из первых рук, насколько велико брожение в умах. Но еще

до этого он отправился к Проказникам, где вновь с радостью пообщался с Кэссиди и написал, по крайней мере, одно стихотворение, посвященное Ла Хонде:

В огромном
Деревянном доме, желтая люстра,
Три часа утра, громкое радио,
«Роллинг Стоунз», Рэй Чарлз, «Битлз»
Подпрыгивающий Джо Джексон и
Двадцать молодых людей танцуют в комнате
Маленький косяк в ванной, девушки в
облегающем
Красном, смуглый мускулистый парень,
Готовый танцевать часами,
Пивные банки, разбросанные по двору,
Скульптура повесившегося свисает с
Ветвей над ручьем.
Дети, тихо спящие в двухэтажной кровати,
И четыре полицейские машины,
припаркованные за расписными воротами,
Красными фарами шарят по листьям.

Другим знаменитым участником того вечера был Ричард Альперт, который по объясненным выше причинам покинул Миллбрук и жил теперь в районе пляжа в Сан-Франциско. Он работал консультирующим психологом в одной из Стенфордских программ по новой математике. Кроме того, он читал лекции по психоделикам, которые имели большой успех у публики. Журналист «Фри пресс», посетив одну из его первых лекций, делился с читателями бившими через край эмоциями. «Его чудесный характер и неподдельная искренность, несомненно, доказывают, что перед нами — великий ученый; практически можно сказать, что перед нами — архетип психоделической знаменитости». Альперт старался по возможности избегать слова «ученый» и обычно называл себя исследователем, делящимся с коллегами последними достижениями в области изучения Иного Мира. «Я — типичный представитель восточного побережья, — говорил он на лекции в Лос-Анджелесе, — и просто рассказываю вам о том, как движется прогресс».

Так как Лос-Анджелес был во многом колыбелью

психоделического движения, будет нелишним процитировать небольшой отрывок из «Фри пресс», очевидно, написанный кем-то, кто был не понаслышке знаком с Иным Миром. Для начала автор отмечает, что пять сотен слушателей вовсе не были изначально ревностными поклонниками Альперта:

> *Это были обычные мирные красивые люди разных возрастов и национальностей Они уважали закон и были добропорядочными гражданами, им нравилось жить и радоваться жизни И тем не менее они задавали такие вопросы (и конечно получали на них ответы), которые ясно показывали, что их не просто одолевало праздное любопытство, но они действительно конкретно и целенаправленно интересовались именно психоделиками То, что они говорили гам об ЛСД, в книгах прочитать было нельзя Становилось очевидным, что более 90 % присутствующих так или иначе пробовали или употребляли психоделики*
>
> *Эти люди не были теоретиками Очевидно, все они сознательно обходили закон ради исследования психоделического опыта и, полагаю, это сильно их огорчало Но в уикенд они находили в этом занятии столько пользы для себя, что им приходилось мириться с приобретением вещества на черном рынке Пока что этих людей никто не притеснял, и им не грозили особые неприятности Но в то же время не стоило ожидать, что все и дальше пойдет так же безоблачно. Существовали проблемы, возможно, даже целый комплекс проблем.*

Проблемы возникли раньше, чем ожидалось, и исходили они в основном именно от Проказников. Альперт, возможно, в тот вечер в Ла Хонде уже предвидевший, что их ожидает, писал: «Мы думали, что еще несколько лет нам удастся играть в прятки с законом, прежде чем все запретят. Но Кен вынудил их сделать это быстрее. Я имею в виду огромные заголовки в газетах на следующий день после Сан-Хосе, которые кричали о «наркотической оргии». А потом уже власти приняли этот акт. Фактически они были вынуждены это сделать».

Кислотный тест Кизи был экспериментом по природе группового сознания и, возможно, новой формой искусства. Это был суммарный опыт, совокупность переживаний — широчайшей открытости, слов, музыки, игры света, звуков, прикосновений — просветления.

Первый Кислотный тест формально проходил у Бэббса, в Сокуэле под Санта-Крусом. За исключением таинственного плаката, появившегося в местной книжной лавке («Пройдешь ли ты Кислотный тест?»), это событие не освещалось, а круг участников ограничивался Проказниками и их друзьями и небольшим количеством представителей богемы, привезенных из Сан-Франциско Алленом Гинсбергом. Второй тест, в Сан-Хосе, в ночь концерта «Роллинг Стоунз», был гораздо ближе к Великому Замыслу. Хотя Проказникам не удалось найти зал, они нашли старый дом, принадлежавший доверчивому представителю богемы по имени Биг Ниг. Когда концерт «Роллинг Стоунз» закончился и из дверей повалили удовлетворенные поклонники рока, их встретили Проказники — как всегда во всем великолепии своих пестрых одеяний, и начали совать в жадно протянутые руки рекламные листки, на которых значилось таинственное… «Пройдешь лит ы…» — и адрес Биг Нига…

Для Кислотного теста Кизи нанял группу рок-музыкантов из Пало-Альто. Они назывались «Warlocks», но вскоре после этого поменяли название на «Grateful Dead» («Благодарный мертвец»). Неожиданной удачей было то, что в комнате, где жил Биг Ниг, они обнаружили кучу электроники — усилителей и других разных примочек, микрофонов и магнитофонов, разносивших голос Кэс-сиди или Бэббса — «Вы уже вышли из сознания?» — по всему пригородному району. Обычно это в первую очередь пробуждало сознательность в соседях, которые мгновенно вызвали полицию. Полиция обнаружила сотню людей, бродящих по двору Биг Нига, может, несколько из них и были несколько чрезмерно возбуждены, но большинство были просто полностью поглощены волшебной атмосферой, которую создавали Проказники и ЛСД.

Хантер Томпсон

«Они снимали фильм, и у них была куча странных микрофонов и громкоговорителей, — вспоминал лидер-гитарист «warlocks» Джерри Гарсия, — и все время казалось, что все это оборудование живет

собственной жизнью и говорит само по себе. По крайней мере, мне кажется… что там не обходилось без волшебства. Например, голос шел из динамика, который был никуда не подключен. Казалось, просто чье-то сознание заблудилось в этих штуках и бесконечных проводах, которые иногда сами по себе начинали извиваться и дергаться. Действительно потрясающе».

В общем, электронный шепот, боповые ритмы Кэссиди и запредельное пение Бэббса — все это было вполне сопоставимо с огромными восьмичасовыми записями, которые делал Мецнер в Миллбруке. И те и другие добивались сходства с психоделическим состоянием, пытаясь открыть новые, неизвестные возможности. Разница заключалась в том, что Кислотный тест доводил эту тенденцию до апогея, немного перегибая с ревом гитар, светомузыкой и сотнями впавших в экстаз участников, «отдающихся течению». В идеале каждый должен был почувствовать себя частью огромного общего сознания, Homo gestalt. Позволить сотням и даже тысячам синхронизироваться так… чтобы покинуть эту планету!

Воспламененные успехом Сан-Хосе, Проказники решили попробовать превратить Кислотные тесты в нечто вроде бродячего цирка, волшебное представление. В следующий раз они появились уже в Пало-Альто, где сняли небольшой, но шикарный клуб «Биг Бит», принадлежавший двум милым дамам средних лет. В итоге вышло все то же Сан-Хосе (в чуть более приличном варианте), за исключением того, что Проказники щеголяли в своей почти официальной униформе, представлявшей собой яркие, пестро раскрашенные костюмы, с чередованием зеленых, белых и оранжевых полос. Некоторые из старых друзей Кизи тоже пришли посмотреть на его новое детище. Большинство из них с определенными натяжками сошлись на том, что Кислотный тест для непосвященных слишком сильное и утомительное впечатление. Здесь можно вести себя необычно, предупреждали всех. И судя по огромному количеству молодежи, которая постоянно приходила на тесты, многим это нравилось.

Кто обычно посещал тесты? «Тысячи людей, — вспоминал Гарсия, — все под кайфом, они обретали себя среди тысяч других таких же, как они, и никто никого ничуть не боялся. Это было волшебством, запредельным и красивым волшебством». Одним из посетителей был и студент из Беркли Йен Веннер, который написал о тесте в студенческую газету «Дейли Гэл». Под псевдонимом мистер

Джонс он кочевал из кабачка в кабачок в районе Залива и, как это и должно было рано или поздно случиться, в конце концов, познакомился с Проказниками. Веннера к Кислотным тестам привлекали не наркотики и высшие цели, а музыка и танцы. «Как только музыка замолкала, становилось очень скучно», — писал он.

В 1965 году самым старшим представителям поколения демографического взрыва было около двадцати. В Сан-Хосе и в Пало-Альто можно было видеть, как их неуемная жажда нового приближалась к своему пику.

Одним из наиболее очевидных доказательств этого процесса являлось то, что Кизи и Проказники начали привлекать антрепренеров и организаторов, которые видели в Кислотном тесте определенную форму, посещаемость которой можно было бы увеличить — до такого размаха, что они могли бы конкурировать с акциями «Битлз» или, если использовать религиозную аналогию, с действами Билли Грэма. Среди этих новопривлеченных организаторов был молодой человек по имени Стюарт Брэнд, который был создателем мультимедийного представления «Америке нужны индейские чувства». Он родился на Среднем Западе и получил образование в элитной школе в Новой Англии. Брэнд был обычным молодым человеком того времени, одним из многих, что стекались толпой в Калифорнию, а в особенности — в Сан-Франциско. Сначала он влюбился в Калифорнию заочно, прочитав роман Стейнбека. Последствием этого увлечения стало то, что он почти случайно поступил в Стенфордский университет, где «потерял четыре года», изучая биологию. Стенфорд, как быстро уяснил себе Брэнд, это вовсе не то место, которое описывал Стейнбек. Но затем он открыл Норт-Бич и культуру битников, которая хотя была уже на спаде, однако все еще достаточно сильна и необычна, чтобы привлечь юного романтика.

Из старых битников разве что Гэри Снайдер понимал, что индейцы, коренные племена Америки, особенно в том, что касалось их связи с землей, могут дать детям пятидесятых не меньше, чем восточные учителя. Интересы Снайдера базировались на антропологии. Брэнд же занимался той новейшей отраслью биологии, которая получила название «экология». В процессе своих исследований Брэнд пожил в двух индейских племенах, — среди

орегонских сикотов и у навахо[98] юго-западных пустынь. «Все, что я знаю об организации и управлении, — заметил он позднее, — я выучил как-то ночью, когда жил у навахо, — попробовав пейотль».

Однако эти организационные таланты очень важны для нашего рассказа. Брэнд попал к Проказниками незадолго до Кислотного теста в Пало-Альто, и его собственное представление органично вписалось в общие действия Проказников. Вскоре он задумал громадное действо, получившее название «Фестиваль путешествий» (Trip Festival). Если информация о предыдущих тестах распространялась в основном при помощи афиш и изустно, то на этот раз Брэнд нанял собственного специалиста, сотрудника рекламного агентства Джерри Мендера, и сумел арендовать Лонгсхормэнс-Холл, излюбленное место собраний в Сан-Франциско. Вниманию прессы предлагалось несколько рекламных трюков. Одним из них были три воздушных шара, которые поднялись над Юнион-Сквер, неся транспарант, на котором было написано всего одно слово: СЕЙЧАС. Когда шары поднялись в воздух, Брэнд через громкоговоритель сказал: «Смотрите, они летят прямо к солнцу. Они попробуют подлететь к нему как можно ближе, прежде чем сгорят от его жара. Молитесь за эти шары».

«Пойдемте-ка отсюда, пока мы не лишились кошельков», — пролетел в ответ на это шепоток по толпе.

Фестиваль путешествий был назначен на третий уикенд января 1966 года. Кроме Проказников и собственного шоу Брэнд пригласил участвовать в программе также и местные театры и даже местный бизнес. По всему фойе стояли палатки, в которых продавались футболки с символикой фестиваля, палатки с восточной и психоделической литературой, палатки с политической продукцией и даже палатки, в которых продавались книги по насекомым. Кроме того, пять отдельных киноэкранов, каждый смонтированный по особому сюрреалистичному замыслу. Сверху лился свет прожекторов.

Но несмотря на все это, в пятницу, отданную на откуп местным театрам, было довольно скучно. «Неудачное, занудное, фальшивое, приторное, недостойное зрелище», — горевал Ральф Глизон, который

---

98 Крупнейшее племя американских индейцев (170 тысяч), проживающх на стыке штатов Аризона, Нью-Мексико и Юта

вел раздел «В городе» в газете «Кроникл». Ожидавший обещанных рекламой Джерри Мендера «несказанных удовольствий» Глизон был расстроен и писал, как «в середине вечера на сцену внезапно выбрался один из разочарованных зрителей и, едва шевеля языком, заявил: "Знаете, здесь скучно даже под кислотой". Чуть позже парень, сидевший за мной, шепнул своему другу: "пошли на улицу, в машину, хоть радио послушаем". Великолепная идея». Однако суббота, отданная Проказникам, искупила грехи пятницы и оправдала ожидания Глизона. Ему это напомнило книгу «Цирк доктора Лао».[99] «На сцене происходило столь много различной экзотики, что составило бы честь и самому доктору Лао, — писал он. — Например, полностью забинтованный человек, в темных очках поверх глаз, опираясь на костыль, проходит по сцене. Он несет табличку: "Вы — поколение «Пепси», а я — прыщавый урод"».

Фестиваль путешествий посетило около десяти тысяч человек. Приходили, таращились на все это с глупым видом, но потом некоторые из них грокали, что, возможно, это и есть истинное видение мира. Как сказал один из зрителей: «В каком-то отношении это выглядело так, словно мы все родились в одно и тоже время. Талантливые способные дети. И нам нравилось находиться в окружении таких же талантливых, как и мы».

Это был звездный час Кизи. Несколько дней спустя по окончании фестиваля Джерри Мендер рассказывал журналисту Гербу Казну, что нью-йоркский промоутер хотел бы пригласить Кислотный тест в Мэдисон-Сквер-Гарден и готов заплатить за это в общей сложности шестьдесят тысяч. «Мы дадим на это свое согласие, если он сможет переименовать Мэдисон-Сквер-Гарден в Мэдисон-Хип-Гарден», — насмешливо заметил Мендер.

Все это казалось блестящим началом, но на самом деле было началом конца. За три дня до открытия Фестиваля путешествий Кизи снова арестовали за хранение марихуаны. И что гораздо хуже, этот новый арест случился буквально спустя сорок восемь часов, после того как ему был вынесен приговор за предыдущий апрельский рейд Вилли Вонга в Ла Хонду. И что самое смешное, он вновь оказался

---

99 Сатирический роман (1935) американского писателя Чарлза Финни (1905–1984), в котором показано столкновение между полуфантастическими персонажами бродячего цирка и жителями сонного городка в Аризоне.

абсолютно ни при чем. Во вторник, 18 января, Кизи предстал перед судом в Сан-Матео. Его обвиняли во всех

смертных грехах, и мера наказания колебалась от шести месяцев в окружной тюрьме до трех лет испытательного срока и полутора тысяч долларов штрафа. Однако Кизи устроили то, что пресса назвала «бичевание языком», истинный смысл которого состоял в том, что он растрачивает свой прирожденный дар к лидерству на непозволительные в обществе вещи и негативно влияет на молодежь. «Если бы ваша уголовная биография не была чиста, — предупредил его судья, — вы бы сразу отправились в тюрьму штата». Ему дали условный срок, но потребовали разорвать все связи с Проказниками и Кислотным тестом.

«Кислотный тест» в Ла Хонде

Спустя два дня Кизи ночевал на Телеграф-Хилл у Стюарта Брэнда, отрабатывая последние детали субботнего действия. По окончании фестиваля, как ему и предписывалось судебным ордером, он собирался сказать Проказникам «до свиданья» и уехать, вероятно, в Орегон, пока его апелляция в суд проходит по инстанциям. Кто-то заметил, что на крыше сейчас одна из Проказниц, Девушка с Гор. Кизи отправился ее проведать. А как раз незадолго перед этим на крыше шалила куча Проказников и Ангелов Ада: они курили там марихуану и бросали камешки в прохожих, один из которых и вызвал полицию. Но теперь здесь остались только Кизи и Девушка с Гор, они лежали на грубых матрасах и разглядывали улицу внизу. Они видели, как к дому подъезжает патрульная машина и как из нее выходят двое полицейских офицеров. Им и в голову не приходило, что те направляются именно на крышу, — до тех пор пока полицейские не возникли в дверях. И даже тогда они не испугались, но тут один из полицейских поднял полуспрятанный мешочек, в котором лежало немного травы, косяка на три. Осознав, что история повторяется, Кизи выхватил у полицейского мешочек и вышвырнул его за край крыши.

Он был обвинен в хранении марихуаны, нападении на полицейского офицера, сопротивлении аресту и нарушении прав частного владения.

Поняв, что тюрьма ему грозит уже серьезно, Кизи решил залечь на дно. 2 февраля он не явился на слушание дела о возможности

выпуска его под залог. Спустя четыре дня его автобус нашли рядом с океаном, недалеко от Юрики, в Северной Калифорнии. На переднем сиденье лежала предсмертная записка, в которой Кен запоздало отдавал голоса в пользу президентской кампании Барри Голдуотера 1964 года. «Последние слова, — говорилось в записке, — голосую за Барри, потому что с ним будет веселее». А затем:

> *Эх, вот дорожный указатель на Форт Брэгг, а это значит — океан, значит, пора закинуться (но это не то, что вы подумали, — у меня хватит храбрости сделать это без помощи всяких препаратов. Просто я чувствую, что уже ранен…). Еду один вдоль берега и подыскиваю себе подходящий обрыв, словно человек, выбирающий себе земельный участок. Океан, океан, океан… Я еще с тобой поборюсь. Еще постучу пятками о твои голодные ребра.*
>
> *И снова океан исчез из виду. Красиво. Я проехал сотни миль, ища свой собственный обрыв, который позволит мне уйти дальше, чем позволя-ет кислота. Я никак не могу найти то место на берегу, где ноге захочется резко нажать на тормоз, словно у порога дома. Красиво. Так что я, Кен Кизи, будучи (гм!) в здравом уме и твердой памяти, оставляю все Фэй — корпорацию, деньги, книги. А Бэббс пусть управляет всем этим (но только мне кажется, что этот номер не пройдет, и еще мне приходит на ум, что может так будет даже лучше).*

И номер действительно не прошел. Полиция ни на минуту не поверила, что Кизи действительно покончил жизнь самоубийством. Словесные портреты Кизи передавались по всем полицейским участкам северо-запада, хотя, судя по слухам, Кизи скорее всего ускользнул на юг и скрылся за мексиканской границей.

Глава 20. В ЗОНЕ РИСКА

В субботу, 16 апреля 1966 года в Миллбруке появился рослый молодой человек слепой на один глаз, в свободном коричневом

одеянии буддийского монаха, и попросил аудиенцию у Лири. Он сообщил, что в свое время учился в Гарварде, а сейчас живет в ламаистском монастыре в Нью-Джерси, откуда и приехал сегодня, чтобы передать важное неотложное сообщение. Общий смысл послания был в том, что Лири лучше отойти от движения ЛСД, чтобы не дразнить власти.

«Когда пара собак грызутся за кость, — сказал он, — и одна из них выпускает кость, другая тоже бросает ее и убегает прочь», — сказал он и почти сразу ушел, сославшись на то, что окружающая Большой дом атмосфера насыщена опасностью и негативной энергией.

Хотя одноглазые гарвардские выпускники в буддистских одеяниях, рекомендующие недеяние, были редким зрелищем даже для Миллбрука, но вовсе не настолько уже странным — в Миллбруке всегда творились необычные вещи и появление монаха не было должным образом оценено, а вскоре и вовсе предано забвению. На дворе стояла середина апреля. Оставалось не так уж много времени, чтобы полностью подготовиться к летнему наплыву гостей. Вооружившись пилами и топорами, Лири с другими обитателями Миллбрука проводили дни, прорежая небольшой лесок, известный как «священная роща».

Притча монаха была верна. В прошлом месяце Лири участвовал во множестве публичных дискуссий, особенно со своим новым ярым противником — доктором Дональдом Лурия, председателем подкомитета по борьбе с наркотиками Медицинского общества округа Нью-Йорк. Предыдущим вечером они, например, встретились на нью-йоркском радио, излагая новыми словами старые аргументы, представленные Лири медицинскому сообществу четыре года назад, одним из которых была проблема разграничения общественной безопасности и личных прерогатив.

В то время как у Лири не было твердого ответа на эту проблему, доктор Лурия был неколебим в убеждении, что только медики обладают достаточно широким кругозором и знаниями, чтобы пользоваться психоделиками, да и то — исключительно в целях эксперимента. И хотя Лири не соглашался с этим, в принципе он был вынужден признать, что какой-то минимум подготовки и тренировки перед тем, как отправиться в ЛСД-путешествие, необходим. Несмотря на то, что он крепко стоял на том, что государство не властно ограничивать права личности на исследование собственного

сознания, он понимал — определенное обучение тоже необходимо. Но когда он сказал об этом, на него набросились. Итак, доктор Лири, даже вы признаете необходимость контроля! Ответом Лири было: «Да, но не для всех». И чем больше Лири спорил с представителями своей собственной профессии, тем больше он убеждался, что его решение ориентироваться в основном на молодежь было правильным. В пятьдесят лет люди уже теряют любопытство, теряют способность любить, у них притупляется восприятие и они могут использовать любые новые возможности лишь для власти, контроля или ведения войны», — сказал он репортеру.

Когда монах приехал в Миллбрук, там находилось двадцать шесть человек. Большинство жили там постоянно, хотя было и несколько гостей — молодой секретарь из Вашингтона, психолог-исследователь, режиссер, снимающий документальные фильмы, промышленник, занимающийся галантереей, редактор модного журнала и одна журналистка — Мария Манне, которая писала краткий биографический очерк о Сьюзен Лири для дамского журнала. Первое впечатление Манне о Миллбруке было таково: «На полу — матрасы, на одном лежит молодой парень, на другом — огромный датский дог. Дальше влево — другая жилая комната, сейчас пустая, без матрасов, но с викторианской софой, по которой разбросаны два больших бумажных воздушных змея и тропический шлем, украшенный желтыми страусиными перьями. Столбики перил на концах лестничных маршей украшены тигриными головами с большими розовыми цветками во рту».

Кроме того, Манне обнаружила, что в комнатах пыльно, раковина завалена грязной посудой, полы покрыты грязью, туалеты оккупированы наркоманами, а собаки. собаки здесь обитали, похоже, везде. В спальне, где ей предложили устроиться на ночлег, со стены за ней наблюдало огромное узкоглазое божество. Возразив, что «спать или просыпаться рядом с ним было бы не очень приятно», она перебралась в библиотеку.

Что ей показалось приятным, так это еда. На обед была подана отменно приготовленная рыба со специями. Но потом снова начались странности: все отправились в священную рощу — петь и медитировать. Потом вернулись — для предварительного обсуждения нового аудиовизуального экстравагантного проекта, который, как планировал Лири, будет готов к лету.

Проект состоял в воссоздании психоделического путешествия с

помощью синхронизации множества кинопроекторов, громкоговорителей и микрофонов. Один из фильмов, предназначавшихся для медитаций, повествовал о жизни водяных жуков.

После полуночи, когда все разошлись и Лири вместе со своей новой девушкой Розмари Вудруфф отправился на третий этаж, начались неприятности.

Представьте себе, как топочут несколько дюжин полицейских, взбегая по широкой викторианской лестнице. Именно этот шум и услышал Лири. А впереди всех несся жилистый, как питбуль, помощник окружного прокурора с забавным именем Г. Гордон Лидди.[100]

Второй раз за четыре месяца Лири арестовали за хранение марихуаны — и опять не его собственной. Сидя в наручниках внутри полицейской патрульной машины, он мечтал перемотать время назад и вновь очутиться в безопасном уединении хижины в предгорьях Гималаев, возвратиться в те месяцы осени 1964 года, когда казалось, что его путь идеально верен, в то время, когда будущее еще казалось ярким, прозрачным и безоблачно ясным.

Когда они с Неной прибыли в Калькутту, Лири последовал совету Гинсберга и поехал на реку Ганг, чтобы посмотреть на погребальный обряд. Мертвых клали на самодельные суденышки, которые затем поджигали и пускали в священные воды Ганга. Наблюдая, как погребальные судна плывут по течению, Лири заодно отмечал про себя, что небо черно от канюков, а в воздухе чувствуется стойкий аромат марихуаны. Он глубоко вздохнул, внезапно почувствовав прилив сильного одиночества, и ему в голову пришла мысль. «Смерть — это просто когда перестаешь дышать».

В Бенаресе, пока Нена спала, он нанял лодочника, чтобы тот перевез его на другой берег Ганга, предположительно населенный демонами. Когда он, так и не понимая до конца, чего здесь ищет, выбрался на другой берег, внезапно перед ним возник старик в оборванном дхоти, который, сверкая глазами, забормотал что-то на таинственном языке. Лири охватил страх и он быстро бросился назад.

---

100 Забавной его фамилия кажется автору потому, что liddy — уменьшительное от слова lid, одно из значений которого — пакетик или унция марихуаны. По-русски его смело можно было бы назвать прокурором Кораблевым или Коробковым

Внезапно я осознал передо мной — древний учитель, который ждал меня здесь всю жизнь Я хотел вернуться и броситься перед ним на колени Но меня сковал страх, и одновременно я думал а вдруг это какой-нибудь обезумевший фанатик? Тогда он нападет на меня за то, что я осквернил святое место

Лири вернулся к лодке, надеясь, что лодочник растолкует ему это странное происшествие. Но лодочник был испуган не меньше его и немедленно отчалил.

Лири, не задумываясь, вскарабкался в лодку. На полпути безмерность того, что он сделал, накрыла его. И он зарыдал: он встретил Будду — и убежал от него.

В Дели он встретился с Ральфом Мецнером. Тот отвез его в залитый лунным светом Тадж-Махал, где они провели прекрасное ЛСД-путешествие. Затем они отправились в Алмору, у подножия Гималаев, где Мецнер учился у Ламы Говинды, австрийца по происхождению, одного из виднейших деятелей тибетского буддизма. А впервые Лири и Мецнер наткнулись на его статьи, еще занимаясь восточными учениями в Гарварде. В благодарность они послали ему «Психоделический опыт», а он ответил им приглашением посетить его в Алморе, если им случится быть в Индии

Хотя Лама Говинда всегда отрицал, что он гуру, он все же согласился ежедневно по часу в день наставлять Нену и Тима в восточном мистицизме. Во время одного из этих уроков, проходящих вполне по-европейски, за чаем и печеньем, Лама Говинда сообщил Тиму, что он — не больше чем пешка в гигантском замысле.

В прошлом, — сказал Лама Говинда, — многие из тех, что хранили древние традиции, осознали, что развитие человечества обусловлено союзом между наукой внешнего мира, развивающейся на Западе, и внутренней йогой, практикуемой на Востоке. Становилось необходимым нарушить вековые традиция молчания и позаботиться о просветлении Запада. Восточная философия должна прийти в Америку и Европу через книги и мудрых учителей. Перевод

Эвансом-Венце «Тибетской книги мертвых» был только частью этого великого плана. Когда же стало известно, что группа гарвардских психологов использует древний буддийский текст как руководство для вхождения в вызванное наркотиками сатори, это конечно вызвало величайший интерес.

«Ты, — сказал Лама Тиму, — и есть предсказуемый результат этой стратегии, развертывающейся уже на протяжении пятидесяти лет. Ты просто невольный исполнитель величайших преобразований нашего века».

Конечно, это было подтекстом многих разговоров Тима с Хаксли, Хедом и даже Уоттсом, но услышать об этом замысле за чаем в хижине в заснеженных Гималаях, да еще в таких уверенных выражениях, — это было серьезным потрясением. И внезапно Тим понял — значит, все легенды о восточных учителях в итоге оказались правдой.

Лама Говинда был не единственным бывшим европейцем, живущим в Алморе у подножия Гималаев. Через несколько долин от него обитал Шри Кришна Прем, в миру Рональд Никсон, младший современник Хаксли. Заинтересовавшись восточной философией в Кембридже, Никсон поехал учиться на восток, пленился восточной мистикой (как и многие представители его поколения) и стал ярым последователем Кришны. Когда он встретился с Лири, ему было шестьдесят семь. Рослый, полный энергии седовласый мужчина. Однако под шафрановым монашеским одеянием все еще билось сердце английского джентльмена. Он слышал о программе изучения псилоцибина в Гарварде и решил нарушить свое правило не принимать посетителей, пригласив Мецнера и Лири на ланч. Мецнер потом говорил, что тот день наполнил ценностью все его путешествие в Индию.

За шерри Шри Кришна Прем рассказывал им о существующем на востоке понятии гуру — учителя. Истинный гуру, объяснял он им, это внутренний голос высшего внутри каждого человека. Но очень немногие люди достаточно внимательны, чтобы прислушаться и расслышать этот невнятный шепчущий голос. И тогда нужен внешний гуру, учитель, который будет действовать как своего рода усилитель гуру внутреннего. Но учась у учителя, человек никогда не теряет из вида внутреннего гуру, потому что однажды он пойдет

дальше туда, где учитель уже не сможет ему помочь, и вернется к внутреннему пути.

По впечатлению Мецнера, если уж кто и был учителем Тима, так это именно Шри Кришна Прем. Если даже это и так, то в его коротком наставлении содержалось явное предупреждение. В одну из их последних встреч Шри Кришна Прем внезапно посерьезнел и обратился к Тиму: «Пришло время сказать одну важную вещь, которую тебе необходимо осознать. В течение веков наши индийские философы наблюдали, как все вокруг приходит и проходит. Империи, религии, голод, счастливые времена, нашествия, реформы, освободительные движения и репрессии. И наркотики. Наркотики обладают силой и опаснейшей властью над людьми, превосходящей все остальное. Они открывают тайники сознания и приносят радость и удовольствие. Они дают величайшие возможности. Но в то же время они могут сбить человека с истинного Пути».

Групповое фото участников Касталии: на переднем плане Тимоти Лири и Нена Шлегругге

Затем он рассказал длинную притчу о йоге, которого обвинили в изнасиловании. Все стали его поносить и относиться к нему с презрением, хотя еще вчера считали мудрым человеком. Но йог не обратил внимания на свою пошатнувшуюся репутацию и продолжал следовать внутреннему пути. Годы шли, и наконец девушка, обвинявшая его, раскаялась и назвала имя истинного насильника. Жители деревни вновь изменили свое мнение и опять начали называть йога добрым и мудрым человеком. Но йог не обратил на это внимания и продолжал следовать своему внутреннему пути.

Спустя долгие месяцы Лири почувствует на себе всю тяжесть этой притчи, но в то время это был не более чем еще один разговор, из числа многих, состоявшихся в Алморе. Позднее он будет рассказывать всем, что тут, в Гималаях, люди достигли таких уровней зрения, что проникновение в королевство подсознательного, постоянная телепатия и странствия души отдельно от тела стали для них привычным делом.

В Алморе Тим и Нена сняли домик, сдававшийся местной методистской миссией. Они наняли повара Муслима. Однажды Тим послал его на деревенский рынок, и тот вернулся с таким гашишем, которого Лири отродясь не пробовал. Гашиш обеспечил ему

необходимый настрой для единственного практического дела, которым он занимался в Индии, — перевода «Дао дэ цзин» на «универсальный психоделический язык». Делал он это так: взял семь или восемь переводов гностических строф «Лао-цзы». Прочитав первый и впитав его в себя, пропуская сквозь все, что он знал о психоделии, он брался за второй. А все ненужное он опускал — его интересовала лишь неприкрытая психоделическая суть «Дао…».

Алмора казалась идеальнейшим местом для медового месяца Тима и Нены. Но тем не менее все пошло наперекосяк. Между супругами росло непонятное напряжение. Мецнера, жившего в одной из гостевых комнат их домика, это побудило к более скорому (чем он планировал) отъезду обратно в Миллбрук. Самым печальным в распаде третьего брака Тима было то, что в Ламе Говинде и его жене Ли Готаме Тим обнаружил именно ту совершенную любовь, то взаимопроникновение сознаний, которое и было «ключом к личностному развитию». Он пытался как мог, но ему никак не удавалось наладить подобной связи с Неной. ЛСД, который был обычно для Лири сильным возбуждающим средством, только увеличивал стену между ними.

Брак развалился еще до окончания медового месяца. И им пришлось «медленно похромать назад в Миллбрук», — написал Лири в «Воспоминаниях».

Вернувшись, они обнаружили хаос. Касталия под управлением Альперта самоликвидировалась. Исчезла атмосфера серьезного и вдумчивого монашества. Большой дом превратился в вуль-гарнейший приют «всевозможных видов секса». Не зная, что его друг проводит медовый месяц в Индии, в одну из суббот в Миллбрук заехал Чарлз Слэк — и обнаружил, что дом полон «возбужденных и обнаженных» бездельников.

«Я пошел на кухню, надеясь отыскать Джека или Сьюзен, но вместо этого у раковины, в которой громоздилась гора (по плечо) грязной посуды, наткнулся на очаровательную светловолосую леди, которая напоминала телевизионный образ прекрасной шведки. Это была Бригита, баронесса Шлегругге, мать Нены».

Мецнер, вернувшийся на месяц раньше Тима, ощущал, что он попал в некое мрачное преддверие ада. На стенах появились умопомрачительные фрески, блестящие зеркала и гротескные изображения лиц. Кроме того, Мецнер обнаружил, что дом разделился на два враждующих лагеря. С одной стороны — мать

Нены и ее родственники, которые стояли на том, чтобы держать дом в чистоте и порядке. С другой — приверженцы идеи «принимать ЛСД все дни напролет», объединившиеся вокруг Майкла Холлингсхе-да, щеголявшего теперь в шотландском килте и алой накидке (который, дурачась и паясничая, рассказывал всем о «теории относительности мозгов»), и обаятельного художника Эрни. Эрни был необычным человеком. После отъезда Тима он как бы заменил его на месте ведущего философа Миллбрука и проповедовал психоделический экстремизм, который называл «перманентным путешествием». «Перманентно путешествующие» брали майонезную банку с ЛСД и отправлялись в одну из спален. Дважды или трижды в день они опускали туда палец и облизывали его, получая эффект, равный двадцати или тридцати стандартным дозам. Мецнеру это казалось «позорной и бессмысленной тратой ЛСД».

Антагонизм между враждующими группировками был настолько силен, что у Мецнера не оставалось сомнений — конфликт неизбежен. И несмотря на то, что Дик и претендует на роль человека вне группировок, все-таки он больше покровительствует родичам Нены.

Дику, конечно, было сложно. С одной стороны, Альперт чувствовал, что его эксплуатируют. Ему казалось, что чем больше он работает над созданием атмосферы мира и порядка, тем больше выигрывает от этого бессердечный Тим. Старина Дик, вечная верная палочка-выручалочка Тима. Именно он обычно платил по счетам, собирал деньги за жилье и обхаживал кредиторов, чтобы они подождали еще пару недель. Он переживал и из-за того, что деньги всегда находились только в самый последний момент: он воспитывался в еврейской семье и с детства был твердо уверен, что долги необходимо отдавать. А Сьюзен и Джек? Альперт был для них и папой, и мамой, всегда следил, чтобы они были сыты, и пытался, в меру своих возможностей, сопереживать чудовищному взрослению подростков в странном доме, где дурачатся взрослые (каковым становился Миллбрук).

Однажды Альперт принял немного ЛСД и, отправившись полетать на «Сессне», вошел в штопор. Это был на удивление дурацкий поступок — переигровка той ночи в Чихуатанейо, когда он бродил в грохочущих волнах прибоя. Он мечтал вернуться к своей старой жизни профессора, который ездит в Кембридж на «мерседесе» и принимает даровитых студентов у себя в обставленной

антикварными вещами роскошной квартире, в те дни, когда он крутился в бесконечной рутине лекций и собраний и легких мимолетных бесед с Дэйвом Макклелландом. Хотя иногда он и видел ясно цели и потенциалы Касталии в Миллбруке, случались и другие дни, когда он ощущал себя полностью потерянным и одиноким, оторванным от того, чем занимаются Тим и Ральф. Например, он абсолютно не видел смысла в переработке «Тибетской книги мертвых» в руководство по путешествиям в психоделическом мире. Да, имеются некоторые параллели, да, это принесет деньги. Но это же побочные эффекты, побочные цели. А им нужно сосредоточиться на том, чтобы сделать состояние кайфа постоянным!

После сотни путешествий в Иной Мир им овладела определенная депрессия. Альперт обнаружил теперь, что он играет в новую игру, которую условно можно назвать «Ты понимаешь?»

> *Люди постоянно заглядывают мне в глаза, словно хотят спросить: «Ты понимаешь?». Но конечно вслух это не произносится — только этот неуловимый взгляд. И я тоже отвечаю, гляжу им в глаза таким же взглядом. — «А ты понимаешь?» И все время мы занимаемся одним и тем же: «Ты?.. А ты? А он? Ты понимаешь, что…» И возникает чувство близости со всеми окружающими, ощущение, что мы все всё знаем и понимаем, — но на самом деле никто и ничего сам не понимает.*

Альперт хотел вырваться за пределы, разрушить последние преграды, стоящие между ним и просветлением, намного больше, чем Лири. Однажды он заперся вместе с еще несколькими любителями «перманентных путешествий» в каретном сарае с кегельбаном. Несколько недель они провели там, постоянно увеличивая дозировку, пока, наконец, не достигли тысячи микрограммов.

Но пределы не давались. Они постоянно возвращались в реальность. Ничего не изменилось, за исключением того, что у Альперта изчезло почти невротическое стремление держать все под контролем. Две недели под ЛСД излечили от кошмаров, преследовавших его с тех пор, как они увязли в головокружительных долгах. По приблизительным подсчетам Мецнера, Касталия съедала денег примерно в пять или шесть раз больше, чем приносила. Чтобы

немного поправить финансовые дела, Альперт решил давать публичные лекции. Первый совместный успех ожидал их пятого апреля в здании театра «Вангуард», в Гринвич-Виллидж. Успех был совместным, потому что Холлингсхед опробовал там новое действо, окрещенное им «трансартом», трансцендентальным искусством, — смесь кинокадров, музыки и театра, которая настолько перегружала восприятие, что в результате возникал своего рода психоделический шок. Проказники бы чувствовали себя там как дома.

Публика делилась на две категории — пожилых людей из Верхнего Ист-Сайда и молодежи студенческого возраста, которые имели (по мнению репортера «Тайме») довольно смутное представление о том, что такое космическое сознание, «повторное проявление» и «окружение и обстановка». Однако значение кадров горы Рашмор и Будды, перемежаемых чем-то похожим на фильмы, которые показывают в колледже на занятиях по биологии, не ускользнуло от них. Они жадно поедали консервированную фасоль в томате, раздаваемую в антракте (некоторые представители старшего поколения, правда, опасались, что вдруг в этой консервированной фасоли содержится что-нибудь… ведь никогда не знаешь, чего ждать от этих наркоманов), и радостно махали воздушными шариками.

Психоделическое световое шоу начинается

После того как психоделическое шоу закончилось, остался гореть лишь один прожектор — и в его свете на сцену взошел Альперт, волоча за собой небольшое кресло. Он уютно устроился в нем и начал рассказывать веселые истории — о своем эксцентричном папе, Гарварде, Тиме, его поисках просветления. В зале все лежали от смеха.

«Вы прирожденный комедиант, — сказал Альперту владелец, после того как тот отвесил последний поклон. — Не хотите ли поработать у меня неделю, занимаясь тем же самым, что вы делали сегодня?»

Альперт согласился и несколько дней спустя вернулся с новым представлением, на этот раз для обычной театральной публики. И провалился. Как быстро догадался Холлингсхед, проблема заключалась в точке зрения. Кому-то было смешны рассказы Дика, кому-то нет. Консервативная публика, приходящая в театр, чтобы развеять свою вечную, молчаливую безысходность, не нашла ничего

забавного в том, чтобы «рисковать завидным семейным положением и великолепной академической карьерой ради такой жизни, которой жил сейчас Дик».

Тим, если бы он был в зале, наверняка согласился бы с ним. Изумительно, когда жизнь внезапно поворачивается резко на сто восемьдесят градусов. Перед свадьбой Лири был настроен радужно — его уволили из Гарварда, выгнали с островов Карибского моря, но зато теперь он наконец чувствовал почву под ногами. Касталия, на его взгляд, являлась наибольшим приближением к тому, о чем Хаксли писал в «Острове», — крепкое, духовно богатое общество, свободное от стандартных проблем современной культуры. Вдобавок после почти что десятилетия разгульной жизни он наконец нашел Нену — девушку, с которой мог связать себя определенными обязательствами. Ту, о которой он давным-давно мечтал. Теперь спустя четыре месяца развалилось все.

По совету Альперта Лири согласился провести тройной сеанс ЛСД, в котором участвовали бы он, Дик и Нена. Позднее он признавался, что это было «верхом глупости, — мы втроем были тремя упрямыми, враждебно настроенными душами и уже начали чувствовать отчуждение друг от друга». Когда они приняли ЛСД, Альперт внезапно начал обвинять Лири в ханжестве, в том, что тот постоянно делает тонкие намеки, не одобряя гомосексуализм Дика, который на самом деле — следствие озарения. Лири слегка растерялся. «Моя реакция в первый момент оказалась решающей. Ответ А: смеюсь и добродушно говорю, что любовь и юмор побеждают все. Результаты: слияние, синтез. Мы втроем превращаемся в божественную троицу Но я не смог придумать ничего лучшего, чем Ответ Б: виноватое молчание. Результат: расщепление, разъединение. Если бы мы с Диком оказались чуть более осторожны, любой из нас смог бы вывести другого из печального расположения духа просто доброй шуткой. Но нет. Во время этого сеанса мы, наоборот, отдалились друг от друга. Наши пути четко разошлись. В тот день мы в последний раз принимали кислоту вместе».

Вскоре Альперт надолго улетел отдыхать на юг Франции. А когда он вернулся, в Миллбруке ему дали от ворот поворот.

Но оставалась еще одна проблема, гораздо более трудноразрешимая. Перформансы трансцендентального искусства вместо того, чтобы решить финансовые проблемы, только обострили

их, привлекая в Миллбрук все больше и больше гостей. Чтобы спастись от банкротства, Лири решил возродить забытые с прошлого лета «экспериментальные выходные» без наркотиков.

Каждую пятницу в полвосьмого вечера гости приезжали в Миллбрук. Их было пятнадцать — двадцать человек, хотя, конечно, и численность, и внешний вид часто менялись. Большинство были обычными горожанами, которые прочитали о Миллбруке в газетах или случайно купили в книжном магазине «Психоделический журнал» и, повинуясь внутреннему импульсу, решили съездить туда на «экспериментальные выходные». Цена — шестьдесят долларов казалась невысокой, особенно учитывая обещанные перспективы:

> *Первый рубеж — это осознать, как много в нас заложено человеческий мозг — компьютер с тринадцатью миллиардами клеток, является ключом к бесконечному знанию и новым измерениям. Короче говоря, человек практически просто не использует свои возможности. Второй рубеж — это осознание того, что пользоваться этими возможностями можно только, если отойти от привычных концепций разума. Чтобы проникнуть в новые области сознания, необходимо отключиться от всего, что вы уже знаете. Именно несогласие с этим, неспособность выйти за узкие границы привычной «действительности» мешает человеку познавать дальше свою истинную природу. Третий рубеж (если конечно первые два преодолены) — это замена теории практикой. Как можно расширить сознание? Что можно обнаружить за пределами наших привычных вербальных концепций познания? Как управлять новыми уровнями, которые станут вам доступны?*

Обдумывая эти вопросы, гости подъезжали по извилистой дорожке, мимо сверкающей белым цветом ограды и деревьев, прямо к крыльцу Большого дома, в котором сегодня царила странная волнующая тишина — словно в церкви. У парадного входа их встречала девушка в сари и вручала листок, на котором было напечатано:

Добро пожаловать на «экспериментальные выходные». Здесь в Миллбруке вы станете участниками ряда опытов по расширению сознания. Первыми шагами к преодолению вашего принятого порядка поведения и привычных стратегий поведения будут абсолютная тишина и молчание.

Ни тебе здравствуйте, ни до свиданья. Пока они распаковывали чемоданы и беспокойно оглядывали причудливо раскрашенные стены, другая девушка в сари приносила им две следующие записки. В первой было:

Пожалуйста, не разговаривайте между собой о чем бы то ни было, пока не будет объявлено, что период тишины заканчивается. А теперь — обратитесь во внимание. Почувствуйте невербальную энергию, окружающую вас. Попробуйте жить непосредственно.

Доктор Лири на «Общечеловеческом Собрании Друзей»

А в последнем листке содержалась длинная инструкция о том, как следует «играть» в игру «экспериментальных выходных». Обычно именно в этот момент у кого-нибудь не выдерживали нервы. В каждые выходные двое или трое гостей быстро разворачивались и уходили — сразу, не говоря никому ни слова. «Думают небось, что попали в лапы сумасшедшему ученому, — смеялся Тим. — Думают, нам не слышно, как они крадутся к выходу и, спешно ретировавшись к машинам, спешат побыстрее уехать!»

За ужином тишина продолжалась. Меню было разным: иногда спагетти, иногда — рыба, случалось, что и щедро приправленный специями коричневый рис, овощи и домашний жестковатый хлеб. Столик был невысокий, всего в тридцати сантиметрах над полом, а вместо стульев лежали подушки. Лишенные возможности сразу выяснить социальное положение окружающих, все прислушивались к коллективному чавканью, размышляя над тем, кто его соседи, где они работают и как много зарабатывают. Где-то в середине ужина из скрытого динамика раздавался мягкий голос: «Сосредоточьтесь на чудесах, сокрытых в вашем теле… думайте о том, как еда попадает в

вас… о том, как она усваивается… как превращается в энергию… в вас… думайте об этом, когда прожевываете пищу…»

Потом их вели в комнату, специально оборудованную для сеансов, — красивую, с обшитыми деревом стенами, гостиную, про которую Холлингсхед выразился, что здесь он себя чувствует, словно в коробке для сигар. Гости садились на лежащие на полу тюфяки. У одной стены стояли несколько проекторов и кинопроекторов, оборудованных так, чтобы работать одновременно, транслируя на стены изображение Будды и так далее, в то время как голос, перепрыгивая из одного динамика в другой, мягко говорил:

Скоро вы ощутите то, что можно назвать распадом это.
Запомните:
Пришел час смерти и перерождения.
С пользой используйте эту временную смерть, чтобы достичь
Совершенного
Состояния
Просветления.

И так далее.

На следующее утро поднявшихся достаточно рано ожидал сеанс йоги с Мецнером. Затем — серия лекций по вопросам неврологии, тантры и преодоления установок. Затем — опять в комнату для сеансов. В воскресный полдень гости разъезжались, и Миллбрук вновь возвращался к привычной, странной и очаровательной жизни. Иногда вечерами сотни людей усаживались за изысканный обед, приготовленный немцем в поварском колпаке. Спустя несколько дней обнаруживалось, что в доме — ни крупицы еды. Кухня всегда в Миллбруке была местом наибольшей активности. Здесь и в три часа утра кто-нибудь непременно готовил салат, или жарил бекон, или варил кофе. Случались неожиданности. Например, внезапно к вам подходила девушка в черном саронге и, достав колоду карт Таро, предсказывала вам все настолько точно, что волосы вставали дыбом.

Как средневековые монахи занимались поисками благодати, практикуясь в различного рода епитимьях, некоторые из обитателей Миллбрука всегда находились в постоянных поисках новых путей преодбления установок и снятия имприн-тинга. Иногда они

использовали методы Гурджиева: звонили в колокольчик, и каждый останавливался и отмечал для себя, смог ли он сконцентрироваться на «здесь и сейчас» или опять ушел куда-то в мечты или воспоминания. Если у них появлялись деньги, они часто тратились на покупку новых колокольчиков или дрессировку стаи попугаев, которым надлежало кричать «внимание! внимание!» — как в «Острове». Хотя поиск преодоления оков разума был достаточно серьезным делом, часто это незаметно переходило в веселые хеппенинги, так называемые «переодевания». В Миллбруке были неравнодушны к этому аспекту психоделического опыта: периодически можно было увидеть кого-нибудь одетым в форму английского коммодора или одежду аравийского пустынника. «Как-то раз я видел Тима, переодетого ковбоем, он вел закрытый фургон. Одна из лошадей была выкрашена в ярко-розовый, другая в зеленый цвет, — вспоминал один из гостей. — Я только вздохнул… «Ага, ну вот, приехали». Однажды несколько психологов из Йельского университета собрались посетить Миллбрук. Лири велел каждому вести себя, насколько это возможно, профессионально. В особенности он предупредил об этом одного практически постоянно пребывавшего в доме художника (тот воспринимал Большой дом как один огромный холст — к 1968 году все доступные места на стенах были покрыты психоделическими росписями), человека, склонного к эксцентричным шуткам. Но вот гости прибыли и сели за стол. Все шло хорошо, пока где-то в середине завтрака не появился тот самый художник, одетый в костюм-тройку, под мышкой у него была зажата «Нью-Йорк тайме». Кивнув присутствовавшим, он открыл газету и начал читать. Все казалось нормальным до того момента, когда у него изо рта не потекла некая ядовито-зеленая субстанция Никто не сказал ни слова, но внимание всех было приковано к зеленой слизи, которая лилась вниз ему на подбородок и далее на новенький костюм. Потом он спокойно свернул «Тайме» и покинул гостиную. Это был первый случай хеппенинга, на котором присутствовал Холлингсхед: «Тим не сказал ничего относительно происходящего. Никто другой из нас также не произнес ни слова. Это казалось самым мудрым — просто промолчать. Все происходило в мертвой тишине».

Стремясь восстановить разрушенную мирную атмосферу, Лири предложил гостям посмотреть забавное домашнее животное, тибетскую обезьянку, что жила у них в доме. Обычно обезьяна имела полную свободу действий, но на время приема пищи ее запирали,

поскольку она имела дурную привычку занимать стратегическую позицию вверху кухни и швырять оттуда в едоков яйцами. Лири отвел психологов на второй этаж, открыл дверь и, зайдя в клетку обезьяны, обнаружил там художника, читающего газету и поедающего банан.

Этот вид шутовства начинал доставать Мецнера, который все-таки считал, что основным их делом должна быть картография сознания. Такова была первоначальная цель, которую теперь заслоняли побочные линии, такие, как экспериментальные уикен-ды и психоделический театр. Они отнимали все больше времени и энергии. Однажды вечером, вернувшись с вечеринки с переодеваниями, они столкнулись с Мэйнардом Фергюсоном, который теперь жил в сторожке со своим джаз-бандом. После радостного удивления от неожиданной встречи Мецнер вдруг осознал, что он, как и Мэйнард Фергюсон, теперь превратился в исполнителя. Ему припомнился сон, который он видел вскоре после прибытия в Миллбрук: «В этом сне три человека — Тим, Дик и он сам — были артистами, играющими что-то на сцене, исполняли танцевальные па под захватывающую музыку и хоровое пение. Это представление, несмотря на его водевильный характер, было попыткой представить нечто глубоко серьезное, даже священное». Однако это было совсем не то будущее, о котором мечтал Мецнер.

Но Миллбрук не собирался возвращаться к состоянию тихого научно-исследовательского центра, каким он был поначалу. Тим был настроен переключиться с исследования на политику. Теперь они располагали частичными картами Иного Мира и уже могли учить других. Они обучали проводников и издавали путеводители. Теперь проблемой было отстоять свои достижения — они были поставлены перед необходимостью сражаться с медицинским и политическим бюрократизмом, стремившимся окрасить все, что связано с психоделией, в черный цвет, представить психоделики как яд, худший, чем героин.

«Три тысячи американцев умирают каждый год от барбитуратов, — жаловался Лири. — И это никого не поражает и абсолютно не волнует прессу. Еще больше гибнут в автомобильных авариях и от рака легких, вызванного курением. Это тоже не попадает в новости. Но стоит одному мальчишке, принявшему ЛСД, раздеться на улице — это сразу же оказывается на первых страницах с крупными заголовками в нью-йоркской "Дейли ньюс"».

Одной из любимых идей Лири было предложение созвать и учредить Комиссию по психохимическому образованию, в которую вошли бы «невропатологи, фармакологи, педагоги и религиозные деятели», которые рассматривали бы имевшиеся препараты и предлагали основополагающие принципы их исследования как правительством, так и частными лицами. Хотя Лири не собирался входить сам в эту Комиссию, он считал правильным, если она будет исповедовать две психоделические заповеди:

> *1. Да не изменишь ты сознание товарищей твоих психохимическими средствами.*
>
> *2. Да не воспрепятствуешь ты применению товарищами твоими психохимических средств для изменения их сознания. Если имеется ясное свидетельство, что чье-то изменение сознания вредит обществу, тогда и только тогда ты можешь прибегнуть к профилактическим мерам. Но в таком случае на общество ложится все бремя доказательства того, что применение психохимических средств действительно нанесло какой-то вред.*

В частном кружке тем не менее Тим признавал, что его возможностей не хватает, чтобы предотвратить худшее. Когда Фрэнк Бэррон посетил тем летом Миллбрук, одним из моментов, которые Тим подчеркнул в разговоре с ним, было его интуитивное ощущение, что если он и дальше будет заниматься обращением людей в психоделическую веру, то окончит свои дни за решеткой. «Меня ждет тюрьма», — сказал Тим. Бэррон не стал возражать. Лири был отпрыском той древней нации, где всегда ценились парни, бросавшие вызов властям; когда (и если) они выбирались из тюрьмы, их ждали почести и слава. Чертовски трудная вещь — пытаться остановить ирландского мятежника на пути к тюрьме, если он собирался туда попасть, думал про себя Бэррон.

Любопытно, что ирландские корни Лири проявились тем же летом и в другом контексте. Во время одного из сеансов Тим наткнулся на неврологический вихрь, который, как ему показалось, содержал наследственные воспоминания. «Я открыл свое собственное генеалогическое дерево, восходящее к Ирландии и Франции, которое плавало в генном резервуаре, — сказал Тим

репортеру. — Я просто нырял туда с открытыми глазами и задержался там. Во многих путешествиях, действие которых происходило примерно три сотни лет назад, я часто натыкался на одного черноусого человека с запоминающейся внешностью. Он походил на француза и производил впечатление довольно опасного парня. Еще было много моментов, фиксировавших процесс продолжения рода, — где-то в Ирландии или Англии… Как предки мои занимались сексом — в ирландских пабах, в стогах сена, в кроватях под пологом, в фургонах, на берегу, в сыром лесу, на полу. Конечно, все это могло быть и аляповатым мелодраматическим воспроизведением субботних телесериалов. Но независимо от того, чем они были вызваны — памятью или воображением, — это были наиболее захватывающие приключения, когда-либо мной испытанные».

Однако самым близким ему приключением оказалась Розмари Вудруфф, потрясающе красивая тридцатилетняя женщина, которая появилась в Миллбруке в один из уикендов, словно воплощение подсознательных грез Лири. Первый раз, когда он ее увидел, она была обута в теннисные туфли (его любимая обувь) и несла в руках бутылку вина. Она была настолько привлекательна, что на мгновение Лири подумал, что если она была агентом разведки, то им действительно занялись всерьез.

В честь первой ночи, проведенной вместе с Розмари, Лири нарисовал два переплетенных высоких треугольника на дымоходе. Это сообщение для тех, кто знал восточную символику, означало, что Тим наконец-то нашел совершенную пару.

Влияние Розмари сказалось немедленно и во многих направлениях. Она сочла концепцию обретения святости «слишком забавной» и всякий раз, когда Тим начинал проявлять увлеченность индуизмом, старалась обратить все в шутку. Более важным моментом было то, что она ввела его в мир научной фантастики. Подобно Веселым Проказникам, Лири нашел жанр богатым источником психоделических моделей и понял, что со временем он мог бы заменить восточную мистику как источник образов и словаря. Но самое большое воздействие Розмари оказала на Тима в семейной жизни. В течение многих лет Сьюзен и Джек болтались без присмотра, в то время как их отец постигал тайны древних учений. Дети находились на попечении то Альперта, то Мецнера, то множества других людей, проходивших сквозь мир Большого дома.

Розмари все изменила, пробудив в Тиме счастливые мечты о жизни в доме с одной семьей, с одной женщиной и со своими детьми, с книгами и работой. Достаточно лишь выбрать преемника и удалиться на заслуженный покой. «Новая Американская Библиотека» предложила ему аванс в десять тысяч долларов за его автобиографию. Если книга будет иметь успех, то Розмари хотела бы, чтобы он попробовал себя в научной фантастике. Если же нет… Ну, так что ж, он всегда мог получить профессорство в каком-либо небольшом колледже. В любом случае, они «купили бы домик с белой изгородью, и у них были бы еще дети».

Эти фантазии Тима были символичными, учитывая общий упадок духа в Миллбруке осенью 1965 года. Слишком много возникало вокруг отвлекающих моментов, которые отрывали от чисто научной деятельности. Начинались центробежные процессы. Мецнер собирался уезжать в Нью-Йорк, хотел продолжать издание «Психоделического журнала» и писать свою книгу по психоделикам. Холлингсхед уже отправился в Англию, где собирался заняться распространением «Нового Видения Мира» в кругах Старого Света. Он увез с собой сотни экземпляров «Психоделического журнала» и «Опыта использования психоделиков», которые заложили основу «Мирового психоделического центра», который он открыл в Белерфлэт. Тим грезил о том, чтобы в ближайшие месяцы провести огромную сессию в Альберт-Холле.

Пока же вместе с семьей Лири решил отправиться на Рождество в Мексику и засесть там за написание своей очередной биографии. С Тимом и Розмари на переднем сиденье фургона и Джеком и Сьюзен в задней части, они походили на типичное пригородное семейство, если бы не марихуана, которая была спрятана между сиденьями.

Хотя только два года назад Лири был выслан из Мексики, он считал, что имеет право въехать туда как турист. Но когда он достиг границы в Ларедо, штат Техас, его отказались пропустить: оказалось, что дежурил тот самый чиновник, что способствовал его высылке. После проверки документов он предложил Лири снова попробовать счастье на следующий день. Ожидая возможного обыска, Лири, прежде чем вернуться назад на таможню удостоверился, что в автомобиле нет марихуаны. Но Сьюзен решила спрятать маленький пузырек в нижнем белье, где его и обнаружили. И Лири, в замешательстве, произнес слова, которые «изменили его юридический статус на всю оставшуюся жизнь: «Я беру на себя

ответственность за марихуану».

Ожидая внесения залога в десять тысяч долларов, Лири встречал Рождество Христово в тюрьме Ларедо. И только там, во время его первой встречи с адвокатом, ему стала ясна серьезность ситуации: в штате Техас хранение марихуаны каралось пожизненным тюремным заключением. Его адвокат предложил ему положиться на милосердие суда, но, во-первых, вряд ли милосердие техасского суда распространялось на янки-интеллектуала, каковым был Лири, а во-вторых, не в натуре Тима было сдаваться без боя. Преодолев первый приступ растерянности, Лири наметил новую юридическую стратегию, основанную на двух взаимно противоречивых аргументах. С одной стороны, он отстаивал свое право как ученого, чьей специальностью было исследование сознания, использовать марихуану как инструмент исследования; одновременно он утверждал, что в течение его медового месяца в Индии он обратился в индуизм и считает марихуану религиозной святыней. Следовательно, закон штата Техас нарушает право на свободу вероисповедания.

В результате перед присяжными прошли парадом ряд ученых экспертов и индусов, что произвело на них некоторое впечатление, но не поколебало основного аргумента обвинения: марихуана была найдена у Сьюзен Лири, а Тим принял ответственность за это на себя. Таким образом, 11 марта 1966 года суд приговорил Тима Лири к тридцати годам лишения свободы и оштрафовал его на тридцать тысяч долларов. Сьюзен была отправлена в государственное исправительное заведение.

Лири, конечно, подал апелляцию. Билли Хичкок, который внес первоначальный залог, учредил специальный «Фонд защиты Тима Лири» с офисом рядом со зданием ООН. Целая страница ходатайств появилась в «Нью-Йорк тайме» наряду с ходатайством, подписанным многочисленными представителями нью-йоркской интеллигенции, среди них два Нормана — Мейлер и Подорец. Альперт выступил с благородным открытым письмом, в котором говорил о Тимоти как о наиболее творческом человеке, какого он когда-либо знал. «Тим неустанно преодолевал привычные установки, что вызывало трепет и восхищение». Альперт предложил вкладчикам считать их взнос «налогом», который пойдет на то, чтобы обеспечить образование в сфере психоделии и наркотиков.

Лири в тот период часто обедал с Маршаллом Маклюэном и этот

мастер технологических парадоксов посоветовал ему перенести борьбу за психоделики на подлинное поле битвы, а имен-но — в прессу.

«Лизергиновая кислота — это возбуждает! — пел он очарованному Лири. — Сорок миллиардов нейронов, это очень много!». Следуя совету Маклюэна, Лири начал общаться с прессой, давая столько интервью, сколько было возможно. Четыре дня после вынесения вердикта техасского суда он провел пресс-конференцию в нью-йоркском пресс-клубе для иностранной прессы. Он появился там в профессорском твидовом пиджаке и бодро сообщил писакам, что они вполне могут определять род его занятий как «пророк-провидец».

Тим, конечно, оказался на первых полосах газет, но в результате обретенной популярности слава его докатилась и до местных газет, где сообщения о нем печатались рядом с проникновенными историями ясновидящих домохозяек. Если же его воспринимали всерьез, реакция прессы была обычно отрицательной. «Нью-Йорк тайме», например, пришла в страшное негодование по поводу линии защиты Тима, предпринятой им в техасском суде. Редактор написал осуждающую Лири передовицу: «Хотя Первая Поправка имеет широкую сферу применения, но это не значит, что она оправдывает антиобщественные или самоубийственные методы, поданные под соусом религии. Это не оправдывает и не должно, по нашему представлению, оправдать использование марихуаны и других наркотиков… Заслуживает ли доктор Лири серьезного осуждения, решать не нам, а суду. Но вводящая в обман и шарлатанская защита, построенная на «религиозных» основаниях, столь же опасна, как и употребление марихуаны».

В конечном счете в дело были вовлечены и деньги. Некоторые из интервью, подобно интервью, данному «Плейбою», оплачивались чрезвычайно хорошо. И (с учетом судебных издержек) деньги конечно были нужны. Но ценой, которую Тим платил, являлось его собственное самочувствие. Как считал Мецнер, Тим барахтался и все больше запутывался. Но хотя «внешне он все еще старался выглядеть веселым и пытался утверждать, что все идет по плану», это казалось «все более бессмысленным». Мартин Гарбус, один из адвокатов, старавшийся в защите использовать обаяние Тима, выразился даже более прямо: «творческая энергия [Тима], обрушившись в прессу и получив огласку, привела к тому, что возникла пугающая перспектива того, что он будет арестован в случае любой, самой

малейшей провокации. Он смог бы выиграть суд один раз, другой, но в конечном счете он рискует потерять все, попасть в тюрьму и пропасть». Да, путь самоубийства — путь Сократа, которого тоже терзали каверзными вопросами о развращении молодого поколения. Это, как тонко заметил Лири, традиционная участь провидцев и пророков.

Сбор подписей для кампании «Спасите Тимоти Лири» 1971 год

Даже прежде чем суд штата Техас определил его судьбу, соседи в Миллбруке уже потребовали, чтобы он убрался оттуда. В колледже Беннет студентам показывали слайды с Лири и другими кастальцами, предупреждая, что общение с любым из них грозит исключением из учебного заведения. Говорили, что шериф округа Джон Квинлан заявил: «Я сделаю все, чтобы выдворить Лири из города».

Поместье Хичкоков находилось под постоянным наблюдением, иногда даже с воздуха. Было созвано Большое жюри, чтобы выяснить, существует ли возможность состряпать какой-нибудь обвинительный акт. Часто вопрос вертелся вокруг того, насколько Тим хорошо исполнял свои отцовские обязанности. Не поощряет ли он своих детей к принятию наркотиков? Кто за ними смотрит? Не слишком ли много у Лири подружек? Спал ли он с ними открыто?

Подливая масла в огонь, Лири именно в этот момент решил повторно открыть летнюю школу проводников в Миллбруке. Он выпустил брошюру на восьми страницах, которая стала праматерью всех будущих «нью-эйджевских» рекламных брошюрок, где описывал прекрасное место «с природными и рукотворными святынями», с комнатами, которые были предназначены для «экстатических переживаний, связанных с психоделической тематикой». Участники должны были провести две недели в Миллбруке, обучаясь умению проводить психоделический сеанс («Пока путешественник не получит нужные навыки для того, чтобы суметь подготовить детальный маршрут, знать ориентиры, уметь использовать внутренние компасы, психоделические сеансы могут оказаться обескураживающими и даже неудачными. Учащиеся познакомятся с комплексной серией навигационных пособий и научатся обучать других».) и рассказывать о своем опыте. Стоило все это четыре сотни долларов для каждого стажера, сотня долларов

сбрасывалась для женатых пар, что свидетельствовало в пользу новой веры Лири в психоделическое единобрачие.

Брошюра, несомненно, заставила насупиться ряд официальных лиц. В прокуратуре округа Датчес строки вроде таких, например, как «нашей целью является превратить Миллбрук на время этих недолгих теплых, летних, солнечных дней в самое прекрасное и продвинутое место на этой планете», вызывали неадекватную реакцию. Окружной прокурор однозначно воспринимал это как новый коварный замысел Лири: секс нон-стопом все лето и наркотические оргии.

По Миллбруку поползли слухи о том, что «там тебе залезут под юбку быстрее, чем угостят ЛСД». В окружной прокуратуре в особенности рвался остановить Лири помощник прокурора, боевой экс-агент ФБР по имени Г. Гордон Лидди. Лири, укрывшийся за каменными стенами особняка Хичкоков, напоминал Лидди доктора Франкенштейна, и в мечтах он воображал, как ведет толпу разгневанных граждан по ступеням вверх к Большому дому — далее следует соответствующая мизансцена… Ведь и д-р Лири и д-р Франкенштейн были убеждены, что они заняты созданием Нового Человека.

* * *

Настал роковой день, 16 апреля. Лидди вместе с двумя десятками помощников шерифа подкрались к Большому дому и затаились среди деревьев в ожидании, пока все не уйдут в дом (Мария Манне и другие гости в этот момент пели мантры в священной роще). По наблюдениям оказывалось, что в Миллбруке находится примерно от тридцати до пятидесяти человек, и это вызывало определенные сложности. Чтобы получить веские доказательства (хранение наркотиков, пересечение границы штата с безнравственными целями и т. д.), следовало ворваться неожиданно и застать всех в своих комнатах. Лидди планировал «войти без стука» — когда погаснет свет и все заснут, тихо проникнуть в дом через входную дверь.

Но свет не гас. После священной рощи Лири повел гостей домой — показывать последний фильм. Учитывая строение мозгов помощников шерифа и иже с ними, голубое мелькание проектора могло означать только одно: там смотрят порнографию. Возник недолгий спор, кто пойдет это проверять (хотели все).

Несколько минут спустя счастливчик вернулся из разведки, сопя

от отвращения.

«Это не порнуха. Никогда не догадаетесь, чего смотрят эти хипы. Водопад».

«Что???»

«Водопад, черт подери! Это просто фильм про долбаный водопад! Он течет и течет, и ничего не происходит — одна вода. Я долго смотрел, веришь? Думал, может, там из воды покажутся голые красотки, — ничего!»

Когда, наконец, погасли последние огни, Лидди во главе своих соратников подкрался к входной двери, распахнул ее ударом ноги и быстро взбежал по широкой лестнице. Полицейские рассыпались по коридору, став на страже у каждой комнаты. Появился Лири — в рубашке, но без штанов. Гости, не обращая внимания на приказ оставаться на своих местах, бросились в коридор. Мария Манне схватила записную книжку и начала поспешно записывать все происходящее. Кто-то схватил гитару и запел, импровизируя на ходу:

Они устроили налет на доктора Лири —
Такое занудство, но полиции
Не пришло в голову ничего интереснее.
Но мы знаем секрет шерифа,
Эта задница пришла сюда
В поисках нашей травы.
Они надеются найти
У нас тонну кислоты.

До того как его заковали в наручники, Лири успел обменяться с Лидди несколькими фразами.

«Этот налет, — сказал он, — порожден неведением и страхом». «Этот налет — ответствовал Лидди, — сделан по ордеру, вы-данному штатом Нью-Йорк».

«Придет время, — сказал Лири, — и в Миллбруке мне поставят памятник».

«Боюсь, что скорее ваш портрет торжественно сожгут на деревенской площади», — улыбнулся Лидди.

Глава 21. БОЛЕЗНЕННАЯ РЕАКЦИЯ

Если бы в 1962 году, когда в Белом доме проходила конференция по наркотикам, вы предположили, что буквально через четыре года в Америке будет накрыт «шведский стол психоделиков» (по выражению «Тайм»), вас бы просто высмеяли. В то время умы всех занимали марихуана и героин: ЛСД едва заслуживал упоминания в сносках. По общему убеждению, «несмотря на пылкие заявления некоторых писателей», психоделики были некой экзотикой, связанной с «длинными волосами и культурой битников». Кто же еще, кроме них, мог всерьез верить в то, что наркотики могут расширять сознание или продвигать человека по эволюционной стезе, — нормальным людям это казалось просто нелепицей.

Но это длилось недолго. Уже в 1966 году Америка очнулась, осознала серьезность проблемы психоделиков и последовала реакция. Государство обрушилось на психоделическое движение со всей мощью, какую можно себе вообразить. Уже в середине года губернаторы Калифорнии и Невады соревновались, кто из них первым примет законы против ЛСД. Их начальники в Вашингтоне с не меньшей пылкостью создавали и созывали множество комиссий и подкомиссий, комитетов и подкомитетов, чтобы как можно быстрей разобраться с ЛСД. Подкомиссия по преступности среди несовершеннолетних при сенатском судебном комитете, подкомитет по межправительственным связям парламентского комитета по правительственной деятельности, а также подкомиссия по исполнительной реорганизации сенатского подкомитета по правительственной деятельности. Эта последняя первоначально была создана для решения проблем инвалидов, но по настоянию Роберта Кеннеди переключилась на вопросы, связанные с ЛСД.

К июлю открытые исследования по ЛСД уже остались в прошлом, поскольку ФДА и Национальный институт психического здоровья резко остановили все текущие проекты исследований. К августу первые агенты только что созданного Бюро контроля за злоупотреблениями наркотиками[101] (BDAC) вышли на охоту в поисках подпольных источников и поставщиков. К октябрю ЛСД был запрещен во всех американских штатах.

Хотя негативная политическая реакция на ЛСД наблюдалась уже в начале шестидесятых годов, но вплоть до 1965 года кислота не

[101] BDAC — Bureau of Drug Abuse Control

казалась чем-то опасным или очень угрожающим. Все началось с того, что Уильям Фрош, психиатр, работающий в Нью-Йорке в психиатрической больнице Белльвю, неожиданно заметил, что к нему стало больше поступать больных на почве ЛСД. Обычно их было двое-трое в месяц, а тут — цифра подскочила до пяти-шести. В подавляющем большинстве это были молодые люди (в среднем двадцати двух лет), принадлежащие к среднему классу (обычно же наркотиками балуются другие слои населения). У нескольких отцы были физиками. У одного — судьей. Все они были прекрасно воспитаны и образованы. Их истории были похожи друг на друга: они принимали ЛСД в надежде пережить внутреннее озарение, а вместо этого получили расстройство психики.

То, чего так боялись, критиковавшие Лири, произошло: пострадали люди неподготовленные, приняв ЛСД без надлежащей обстановки и окружения.

За период с марта по декабрь 1965 года через больницу, где работал Фрош, прошло около шестидесяти пяти пациентов с подобными диагнозами. Он условно делил их на три группы. Самой большой группой были те, кто пребывал в тяжелом состоянии, которое Проказники называли «фриканутым». Им вводили торазин и оставляли на несколько часов в покое. Этим еще везло. Другая треть пациентов Фроша страдала классической истерией, и с ними уже ничего сделать было нельзя — только надеяться, что лечение каким-либо образом поможет. И наконец, самой любопытной с научной точки зрения была третья группа. Это были те, кто принимал ЛСД, опыт проходил без проблем, но потом, несколько месяцев спустя, когда они сидели в ресторане или шли по улице, у них внезапно это состояние возникало повторно. Впоследствии это стали называть «флэшбеком». Вокруг него разворачивались горячие споры: некоторые никогда с ним не сталкивались, а другие переживали постоянно. Третьи же вообще не придавали этому особенного значения: галлюцинации и потеря личности случаются и с людьми, никогда в жизни не пробовавшими наркотиков. В течение уже шести лет в прессе муссировались различные точки зрения на психоделики. Однако в начале 1966 года, когда данные, полученные Фрошем, стали подтверждаться и в других городах, в газетах поднялась суматоха. «Тайм» писал, что Америка — под угрозой эпидемии вызванных ЛСД психических заболеваний.

Болезнь поражает как битников, так и студентов. Она уже стала тревожной проблемой как в Калифорнийском университете, так и в Беркли. И диагноз везде один и тот же — психическое расстройство, истерия, связанная с неправомочным, немедицинским употреблением ЛСД-25.

Если верить «Тайм», больные толпами стекались в пункты первой помощи.

«Тайм» конечно слегка преувеличивал. Твердых данных о том, сколько людей пострадало от ЛСД, не было. В исследовательских кругах обычно называли цифру в два процента: то есть только два процента из принявших ЛСД испытывали проблемы, с которыми столкнулся Фрош. И только треть из них действительно становилась невротиками Из каждой тысячи принимавших ЛСД у семерых возникали проблемы. Семь из тысячи — это не так уж и мало, но вряд ли тут можно говорить об эпидемии. Вероятно, эта идея возникла из-за того, что некоторые ошибочно приняли треть от двух процентов за треть от ста процентов.

Фрош в своих данных осторожно говорил, что лишь два процента от использующих психоделики сталкиваются с определенными психическими проблемами. Это было еще до того, как один из трех подкомитетов Сената решил обсудить «проблему ЛСД». И вот во что это превратилось в Сенате:

Одной из наиболее частых реакций на ЛСД — психическое расстройство, продолжающееся длительное, но точно не известное время. То есть большинство из тех, кто употребляет ЛСД, становятся сумасшедшими уже через несколько часов после приема наркотика.

Другая фраза Фроша о том, что тенденция к психическим расстройствам наблюдается в основном у тех людей, кто испытывает определенные психологические проблемы в жизни, превратилась в утверждение, что любой, кто принимает наркотик, «уже психически ненормален или по крайней мере скоро станет таковым, во всяком случае, такая тенденция преобладает».

Но, несмотря на то, что статистические данные не подтверждают,

что ЛСД сводит с ума, эта идея завладела общественным сознанием и держалась в нем до конца десятилетия. Не проходило и недели, чтобы в газетах не появилось новой любопытной статьи об изнасиловании, убийстве или суициде. Все статьи были анонимные, данные в них были непроверенные и достаточно странные. Сложно определить, когда именно сформировалось такое общественное мнение. Но можно начать отсчет с апреля 1966 года, когда в ФДА пригласили репортеров и предложили ознакомиться с их досье по ЛСД. Там, например, был рассказ психиатра, который трижды пробовал ЛСД и после этого начал страдать манией величия. Среди прочих его фантастических замыслов числился план проникнуть в «Сандоз» и захватить весь имеющийся запас ЛСД. В другом, более позднем варианте этой истории кто-то действительно засек его взламывающим лабораторию. Еще в одном рассказе говорилось о пятнадцатилетней девушке, которую профессор пригласил в выходные на ЛСД-вечеринку. После этого девушка стала вести себя очень странно, и родные упрятали ее в больницу. Она сбежала оттуда и попыталась заколоть мать ножом.

Лири на слушаниях в сенатской комиссии

Вслед за ФДА свои досье открыла перед репортерами и полиция. Результатом стало растущее в геометрической прогрессии негативное отношение к ЛСД. Здесь были и случаи «плохих путешествий», когда человек искренне верил, что под ЛСД превратился в апельсин и отказывался общаться с людьми, боясь, что его пустят на апельсиновый сок. Читая прессу Лос-Анджелеса, можно легко вообразить, что редкий день проходил без того, чтобы ЛСД не принес очередного несчастья, особенно Подросткам.

Однако за первые месяцы 1966 года в полицейских досье отмечено 543 случая задержания молодежи за наркотики. И только 4 из них связано с ЛСД.

Так откуда взялись все эти ужасные истории? Частично из-за полной невежественности прессы в проблемах психики.

Не счесть, сколько раз Сидней Коэн и его коллеги повторяли, что ненависть, толкающая на убийство, — редчайшее чувство в процессе психоделического опыта, скорее уж может возникнуть ненависть к себе, ведущая к суициду. Журналисты все равно упрямо ассоциировали ЛСД с ненавистью и диким бешенством. Вероятно,

лающие и щиплющие траву подростки не годились в качестве стереотипного описания опасных психопатов.

Но и кроме невежественности здесь был еще один момент, частично связанный с журналистской этикой вообще, частично-с базовыми ценностями американской культуры.

Во время одного из слушаний в Конгрессе сенатор Абрахам Рибихофф заметил, что «только когда нечто превращается в сенсацию, приходится приступать к реформам. Иначе никак. Возьмем какую-нибудь серьезную проблему. О ней могут знать ученые, могут знать сенаторы. Но только когда пресса и телевидение обращают на нее внимание, следует предпринимать какие-то серьезные действия, потому что в таком случае возникает ощущение, что речь идет о проблеме, уже признанной всей странной, о чем-то общеизвестном».

На этот раз на повестке дня у страны оказался ЛСД. Пресса оседлала свой любимый конек опасных наркотиков. Стиль оставался таким же, какой использовал еще Гарри Эйнслинджер в тридцатых, в процессе кампании о «марихуановом безумии».

Эйнслинджер собирал множество страшных историй, которые периодически подбрасывал прессе. Одна из них начиналась так:

> *распростертое тело молодой девушки в неуклюжей позе лежало на тротуаре. Она выпрыгнула с пятого этажа своей чикагской квартиры. Все говорили, что это самоубийство, но на самом деле это было убийством. Убийцей был наркотик, который называют марихуаной.*

Или другая статья:

> *Несколько лет назад все тот же наркотик вновь явился причиной очередного преступления. Молодой наркоман вырезал целую семью во Флориде. Он сказал, что любил покурить то, что его друзья называли «косячками».*

Любопытно, но если вы замените некоторые слова и имена в историях антимарихуановой кампании тридцатых годов, вы получите точную копию тех рассказов весны 1966 года, в которых утверждалось, что «ЛСД сводит с ума».

Однако подтвержденных примеров того, что ЛСД провоцирует насилие, не имелось. Была только нашумевшая история, когда в конце апреля житель Нью-Йорка Стефен Кесслер нанес теще десяток ударов кухонным ножом. Когда его пришла арестовывать полиция, Кесслер сказал: «Ребята, я принял ЛСД и на три дня улетел. Я что, убил жену? Изнасиловал кого-нибудь? Что вообще было?»

Кесслер закончил Гарвард в пятьдесят седьмом году У него и прежде были определенные проблемы с психикой. За несколько недель до убийства он лечился в Беллвью. Тем временем его жена собрала вещи и переехала обратно к своим родителям в Бруклин. Вероятно, именно расставание с женой, эффект от которого усилил ЛСД, могло спровоцировать убийство. Но хотя пресса и назвала данный случай «убийством под ЛСД», специалисты и эксперты вовсе не были в этом уверены. Их беспокоили две вещи. Первым было то, что ЛСД обычно не вызывал склонности к насилию: «Тайм» взял интервью у Сиднея Коэна, и выяснилось, что человек под ЛСД способен убить скорее себя, чем кого-то другого. Но самым странным было заявление, что Кесслер «улетел» на три дня и не помнил ничего из происходившего. Независимо от дозы и физического сложения время действия наркотика не превышает двенадцати часов. Самое уникальное свойство ЛСД заключается в том, что человек всегда прекрасно помнит, что с ним происходило в отличие от алкогольного затуманивания сознания или амнезии. Так что заявления Кесслера вызывали большие сомнения. Учитывая особенности психики, Кесслер был классическим представителем той категории лиц, у которых ЛСД обостряет психические отклонения. Но, если принять во внимание его образование, он легко мог сообразить, что ЛСД весной 1966 года давал полное алиби в случаях, где наблюдалось насилие.

Учитывая долгие годы положительных сенсаций, которыми потрясал мир Лири, неизбежно должна была последовать и ответная негативная реакция. В ответ на термин «перманентная нирвана» его противники называли ЛСД «химической русской рулеткой». Расширение сознания? На самом деле — искажение сознания! Или даже — как выражался новый спецуполномоченный Управления по контролю за продуктами и лекарствами (ФДА) Джеймс Годдард — полная ахинея.

Годдард в силу своего важного места в медицинской бюрократии сыграл важнейшую роль в кампании против ЛСД.

В апреле он разослал более двух тысяч писем в канцелярии институтов с предупреждениями, что

> *Студенты и преподаватели часто в тайне предпринимают галлюциногенные «опыты». Это является прямым следствием широкого распространения наркотиков, воздействующих на сознание. Я хотел бы предупредить всех кураторов образовательного процесса о серьезности положения и заручиться их поддержкой в борьбе с этой коварной и опасной деятельностью.*

Он неизменно присутствовал на слушаниях Конгресса всех трех судебных округов. Когда судья спросил его о размахе распространения ЛСД, он назвал цифру в 3,6 миллиона потребителей: даже Лири считал, что их не больше ста тысяч. Но Годдард использовал для подсчета забавную арифметику: он полагал, что на каждый известный случай нелегального употребления наркотиков приходится около десяти тысяч незарегистрированных. А с ЛСД люди его агентства сталкивались 360 раз.

И что за люди предположительно входили в эти три с половиной миллиона? Вовсе не авангард эволюционного развития, как предполагал Лири, а «неудачники, разочаровавшиеся во всем люди искусства и просто молодежь старше двадцати». «У всех у них не удалась жизнь, — говорил Сидней Коэн, — это неудовлетворенные и беспокойные люди, сталкивающиеся с проблемами, с которыми сами справиться не могут. Многие страдают от жалости к себе и считают, что незаслуженно страдают в «правильном» нормальном мире». «Не приспособившиеся неудачники. Нонконформисты.

Во время своих свидетельских показаний перед Конгрессом капитан Трембли из лос-анджелесской полиции достал фотографию, сделанную на одном из Кислотных тестов и протянул ее конгрессменам. «Уверен, вы согласитесь со мной, что парень на этой фотографии — нонконформист. Когда эта фотография, эта цветная фотография была сделана, он явно находился под ЛСД. Вы видите — у него разрисовано и лицо и куртка. Знаки нонконформизма у него и на лице и на куртке определенно означают, что этот молодой парень — нонконформист, как принято говорить сегодня».

В конце концов, конгрессменов беспокоили вовсе не ужасные

истории и не выдуманные случаи сумасшествия, вызванного наркотиком. Это, как заметил сенатор Рибихофф, все пустая болтовня: для заголовков годится, но слишком уж далеко от правды. Истинной причиной того, почему ЛСД следовало устранить, было вовсе не то, что он сводил с ума небольшой процент тех, кто его потреблял, а то, что он делал с остальным большинством. Несмотря на уверенность капитана Трембли, ЛСД не столько привлекал нонконформистов, сколько создавал их.

Вспомним, в 1963 году Гринкер писал, что ЛСД может стать причиной психопатологии. В 1966 году контуры этой патологии были достаточно ясно очерчены.

> *Те, кто принимают его (ЛСД) — иногда или постоянно, — неизбежно отходят от современного общества и ведут солипсическое нигилистическое существование, в котором ЛСД — уже не просто часть жизненного опыта, но синоним жизни вообще. Эти индивидуумы — люди, которые красочно зовутся «кислотниками», — участвуют в постоянных наркотических оргиях, сосредоточившись на самонаблюдении и самоанализе, и больше не являются активными членами социума, они разрывают не только связи с социумом, но и семейные связи. Если количество таких личностей у нас возрастет, то они будут представлять реальную угрозу для всего нашего общества.*

Это — цитата из представленной на рассмотрение Конгресса записки оппонентов психоделического движения. ЛСД разрушал рабочую этику, засорял головы молодежи религиозными миражами, лишал их обычной системы ценностей. «Мы столкнулись с очень опасной вещью, возможно более опасной, чем смерть — торжественно свидетельствовал Сидней Коэн. — Я имею в виду утрату культурных ценностей, потерю различий между правильным и неправильным, между хорошим и плохим. Это приводит к бессмысленному существованию — без ценностей, без побуждений и внутренних целей, без мотиваций и честолюбия».

Если психоделики будут распространяться и дальше, Америке грозит риск превратиться в общество одурманенных наркотиками

мистиков. Коммунистическое общество к тому же, потому что наркотики наверняка ослабят волю народа и он не сможет противостоять Советскому Союзу.

Странная дискуссия: противники ЛСД утверждали, что кислота разрушит Америку, защитники — прямо противоположное. Для них ЛСД являлся лечебным средством. Он помогал корректировать неврозы, вызванные потребительской культурой. Позволял докопаться до корней проблем, взглянуть на некоторые вещи под новым углом. Давал дополнительную информацию, часть которой была по своей природе духовной. Если Америка хочет остаться мировой державой, нельзя поворачиваться спиной к такой полезной вещи.

Забавно, но обе стороны сходились на том, что ЛСД может коренным образом изменить человека. Но правда ли это? Летом 1966 года психолог Билл Макглофлин, участвовавший в ранних опытах Оскара Дженигера, опубликовал интересное исследование, дающее ответы на некоторые вопросы. Проводя эксперимент, Билл Макглофлин собрал двадцать семь человек с высшим образованием — вслепую, через объявление в газете. Выяснив их проблемы, он разделил их на три группы и дал им личностные тесты, в которых акцент ставился на творчестве, страхах, личных ценностях и т. д. Первая группа получала полную дозу ЛСД, вторая — очень маленькую, третьей дали амфетамины. После принятия наркотиков все они прошли личностные тесты повторно.

И еще раз — спустя шесть месяцев. В результате Мак-глофлин выяснил, что изменения в личности происходят минимальные, несмотря на субъективные впечатления. Только в одной области наблюдались действительно значительные изменения — в тесте «как жить».

После трех доз ЛСД пациенты Макглофлина переставали интересоваться выгодной работой в корпорации и склонялись к чему-нибудь более созерцательному.

Но даже эти изменения были не вечны: они зависели от времени и количества ЛСД. Через шесть месяцев различия по этому тесту уменьшались, и единственные фактические изменения оставались в двух категориях: «самовосприятие» и «самоуважение».

Въезд на территорию Эсаленского института

Статья Макглофлина была опубликована в числе многих других статей по ЛСД, появившихся в специальных журналах в 1966 году. В научных журналах публиковалось много подобных исследований. Однако популярные издания избегали говорить о научном аспекте ЛСД. Это было слишком сложно, слишком специально, как и большинство тем, связанных с фундаментальными исследованиями.

Исследователь из Психоневрологического института при Калифорнийском университете отмечал, что ЛСД, похоже, помогает детям, больным аутизмом.

По исследованиям Национального института психического здоровья, из сорока трех алкоголиков, принимавших ЛСД, двадцать три бросили пить, семеро изредка выпивали, но уже способны были нормально работать и двое опять запили. Другой ученый, изучавший проблемы удачных и неудачных сеансов, выдвинул предположение, что экстраверты быстро и легко осваиваются в Ином Мире, в то время как для интровертов характерны плохие переживания. Интересный материал, конечно, но нисколько не согласующийся с навешенным на ЛСД ярлыком «наркотика-убийцы» или сложившимся образом сумасшедших ученых, вздумавших образовать межнациональную наркотическую компанию.

Даже среди медиков, где с радостью приветствовали иные наркотики, транквилизаторы и антипсихотические средства, ЛСД был на дурном счету. В основном — из-за отголосков старых слухов о том, что все результаты исследований (хотя это никем не было доказано) сфальсифицированы. Исследования с алкоголиками частично развеяли недоверие. Некоторые исследователи, о которых я уже упоминал выше, получали изумительные результаты. Другие же были не способны вылечить и одного алкоголика. Многие понимали, что в их руки попало новое изумительное лекарство, впоследствии опороченное злыми языками. Однако даже исследователи, понимавшие ценность ЛСД, понимавшие, как с ним нужно работать и как подходить к личностной терапии, в итоге часто попадали в ситуацию, подобную той, в которой оказался Майрон Столярофф и его Фонд. «Как, например, оценить такие изменения, когда человек разводится с женой и уходит с работы, а потом устраивается на другую, где ему платят меньше, но где ему больше нравится? — спрашивает один критик. — Если человек меньше устает, чувствует

себя счастливым, читает поэзию и слушает музыку, но гораздо меньше обращает внимания на карьеру и успешную конкуренцию, разве это хорошо?» Измениться и быть счастливым — это был прямой вызов общепринятой этике «приспосабливайся, а не то…», безраздельно царившей в стране в пятидесятые годы, и в этом смысле споры вокруг ЛСД были отголосками гораздо более важного вопроса, чем то, сможет ли лечение восстановить в человеке тягу к социуму.

Но у большинства медиков не было времени и не хватало терпения разбираться в нюансах, связанных с ЛСД. Самым распространенным понятием, связанным с ЛСД, было определение «непредсказуемый». И эта «непредсказуемость» ярко была видна на примере таких личностей, как те же профессора Тим Лири и Дик Альперт, которые служили всем предупреждением, что из-за ЛСД можно погубить профессиональную карьеру. Медики отмечали, что везде, где исследуют ЛСД, имеют место странные происшествия, терапевты сходят с ума, организовывают собственные культы или начинают заниматься эзотерикой, как, например в Исалене. Или групповой терапией. Или терапией нудизмом. Или водяной терапией. Не случайно, что на первом публичном семинаре в Исалене почти все сплошь были ветеранами психоделического движения.

И разумеется, все медики читали в «Тайм» статью, о том, что люди теряют разум после приема ЛСД и толпами стекаются в пункты первой помощи. В результате возникла легкая паника. «Медицинский журнал Новой Англии» объявлял, что «нет никаких подтверждений того, что дальнейшие исследования принесут пользу», и призывал свернуть все программы, связанные с ЛСД, что было бы катастрофой, допустим, для Национального института психического здоровья, финансировавшего тридцать восемь проектов общей стоимостью в 1,7 миллиона долларов. Очевидно, издатели в данном случае решили, что перед ними новый талидо-мид. Возможно, эта паника повлияла и на решение «Сандоз», с которой были связаны поставки ЛСД и псилоцибина. В начале апреле 1966 года представители «Сандоз» позвонили в ФДА и сообщили, что они разрывают все исследовательские контракты и хотят полностью передать поставки этих двух наркотиков в руки федерального правительства. Для исследований ЛСД это обернулось настоящей бедой. В «Сандоз» постоянно звонили все новые ученые и журналисты, для каждого это было новостью, и все просили скопировать библиографию по ЛСД, которая уже выросла до папки тридцати сантиметров толщиной.

Исследователям было предложено возвратить все оставшиеся у них запасы обратно в «Сандоз», а затем представить свои программы в Национальный институт психического здоровья для повторного одобрения и перезаключения контрактов. Это вызвало общее недоумение. В «Вестнике науки» сетовали на «социальную истерию», заставившую «Сандоз» отказаться от прав на собственное открытие. «"Сандоз" оказался робким, как трусливый Лев из Страны Оз, — писал один из ученых, — И кто будет нашей Элли? ФДА? Национальный институт психического здоровья? Совет государственных исследований? Кто возьмет на себя ответственность за необходимость продолжения научного исследования ЛСД?»

Но бюрократы от науки не пожелали взвалить на себя ответственность, которую взяла на себя канзасская девочка в сказке Фрэнка Баума. Пытавшиеся воскресить свои программы ученые наталкивались на волокиту и задержки. Как типичный случай приведем то, что произошло с Джоном Поллардом, ученым из университета штата Мичиган. Он только что начал изучать, как влияет ЛСД на поведение и поступки, когда получил от «Сандоз» письмо с просьбой вернуть все запасы препарата. Ему предлагалось уточнить свою исследовательскую программу с Национальным институтом психического здоровья. Так как ему совсем недавно предоставили именно там грант на исследования в области ЛСД, он не думал, что возникнут какие-нибудь трудности, и с готовностью повиновался. Но времена изменились. После «целого лета переписки и междугородных телефонных звонков» он выяснил, что, кроме регистрации в Национальном институте психического здоровья, ему теперь нужно получить добро от ФДА. «В Институте психического здоровья я переговорил с четырьмя людьми, — писал он в «Сайенс». — Но, поговорив с пятью в ФДА, я пришел в отчаяние и решил надеяться, что мои письма дойдут до подходящих людей. Однако лето проходит, вестей нет, а я пока что с трудом оплачиваю счета за переговоры».

В разгар всех этих неприятных происшествий в середине июня открылась последняя конференция по ЛСД. Все разнообразные фракции психоделического движения в последний раз обсуждали его под одной крышей. Председателем был Фрэнк Бэррон. Последние политические и общественные страсти делали просто опасным ставить на повестку дня вопросы о пользе и опасности ЛСД. И правда, публичное осуждение ЛСД было таким сильным, что друзья

Бэррона советовали ему отказаться от участия в этой конференции, предупреждая, что иначе он рискует погубить карьеру. В последний момент в Беркли отказались предоставить психиатрам место в студенческом кампусе, и им пришлось срочно перебираться за пределы кампуса, в здание, где размещался отдел пропаганды знаний и опыта Калифорнийского университета.

Во вступительном слове Бэррон отметил, что нет никаких твердых доказательств того, что ЛСД расширяет сознание. Необходимы дальнейшие исследования, сказал он. Необходимо не только найти ответы на основные вопросы, с ним связанные, но и выяснить, почему так много студентов заинтересовались им «в надежде узнать о себе что-то большее». Бэррона сменил Сидней Коэн. Он предупредил, что в «гипноз тоже пятьдесят лет никто не верил. И он имел популярность только в водевилях да в салонах». Примерно то же самое может произойти и с ЛСД. «Мы теряем контроль за исследованиями», — сказал он. И хотя он считал, что в сегодняшней ситуации виноваты горячие головы вроде Лири и Кизи, он предложил частично изменить общую медицинскую схему исследований, включив в нее и привлекая к анализу психоделического опыта, кроме медиков, еще и профессиональных теологов, философов и антропологов.

Когда один из этих «горячих голов», Аллен Гинсберг, прибыл на конференцию, он был встречен овациями. Это, по правде сказать, возбудило неудовольствие непосредственного начальства Бэррона, которое перед этим вычеркнуло Гинсберга из списка приглашенных под тем предлогом, что он не ученый. Однако за исключением этого недоразумения на конференции в основном присутствовали профессионалы. Коллега Хамфри Осмонда Абрам Хоффер сделал доклад, в котором, в частности, говорилось, что процент излеченных алкоголиков у них достигает двух третей. Другой исследователь ЛСД Эрик Каст из Чикагского медицинского университета прислал отчет, где сообщал, что из восьмидесяти людей, которым он давал ЛСД, семьдесят два преисполнились желания продолжать опыт.

Такие новые подтверждения пользы ЛСД, казалось бы, должны были привлечь внимание прессы. Возможно, журналистов сбило с толку разнообразие различных мнений. «Все, что вы слышали об ЛСД, — абсурд, включая и то, что я вам сейчас скажу», — так начал выступление один из фармакологов. Кроме того, всеобщее внимание привлекли вечная пара — Лири и Альперт.

Они оба выступили на конференции. Альперт, которого «Ньюсуик» назвал «Первосвященником ЛСД» (в отличие от Лири, который получил титул «мессии ЛСД»), предложил правительству вариант решения проблемы незаконного использования ЛСД с помощью Агентства Внутренних Полетов, которое будет выдавать лицензии перспективным исследователям, а заодно и снабжать их последними сведениями и методиками, касавшимися Иного Мира.

Лучащийся светом Лири, приехавший на конференцию в сопровождении ослепительной блондинки, большую часть времени пытался раздобыть средства, чтобы внести свой залог. А в своем выступлении, по мнению Майрона Столяроффа, он был «осторожней и дипломатичней, чем когда-либо».

К несчастью, как писал Столярофф Хамфри Осмонду, Тим быстро вернулся к своему «обычному нелогичному поведению. После того как он выступил на телевидении в программе обсуждения запрета на год всех психоделиков, он закончил свое выступление, порекомендовав телезрителям продолжать свои исследования самим и не позволять никому в них вмешиваться».

*** * ***

Для Лири наступили тяжелые времена. Вслед за налетом Лидди последовал приговор техасского суда, осудившего его за хранение марихуаны. И хотя он часто подшучивал, что такова обычная судьба пророков, на самом деле он был подавлен и угнетен. Вместо поисков новых ступеней сознания ему приходилось искать деньги, в то время как адвокаты боролись, пытаясь избавить его от тюрьмы.

При таком-то печальном положении дел Лири согласился дать показания одному из подкомитетов Конгресса. Присоединившись к другим защитникам ЛСД, среди которых были и Арт Клепс, и Аллен Гинсберг. Клепс, если вы еще помните, был одним из миллбрукских проводников. С того времени многое изменилось, и он обратился к базирующейся на ЛСД религии, названной «неоамериканской церковью», в которой был известен под именем Бу Ху («И вас действительно зовут там Бу Ху?» — спросил один из сенаторов. «Боюсь, что да», — ответил Клепс). Хотя Лири не принимал в делах Церкви значительного участия, для них он был святым, кем-то вроде Иисуса Христа или пророка Мухаммеда. «В тот день, когда за спиной Тима Лири захлопнутся двери тюрьмы, — предупредил бородатый

Вождь Бу Ху, — Америка рискует оказаться втянутой в пучину гражданских войн на религиозной почве. Это же касается ограничения на распространение психоделиков».

После такого драматичного вступления сенаторы, вероятно, были уже довольно враждебно настроены, и тут перед ними предстал Лири в своем обычном профессорском твидовом костюме. Начал он со статистики: он совершил 311 путешествий, вел же около 3 тысяч. ЛСД, сказал он, является своего рода энергией, которую необходимо частично контролировать. «Я полагаю, что критерии, по которым следует допускать людей к марихуане, слабейшему из психоделиков, должны быть примерно такие, как для водителей автомобилей, а критерии, с которыми следует подходить к ЛСД, должны быть несколько более строгими, скажем, их можно сравнить с теми, что применяются к летчикам.

Нужно по всей стране организовать учебные центры по образу Касталии, ЛСД может стать частью общеобразовательной программы. «А что вы собираетесь делать с теми, кто не пойдет в колледж?» — не выдержав, язвительно спросил сенатор Тэд Кеннеди.

«Для них будут организованы отдельные обучающие программы», — невозмутимо ответил Лири.

«И в высших учебных заведениях и научных институтах тоже будут организованы подобные курсы?»

«С научной точки зрения возраст нервной системы не имеет значения при использовании этого нового инструмента познания».

Он вел себя слишком сдержанно, особенно для ярых приверженцев вроде Арта Клепса, которому даже показалось, что проблемы Тима с законом плохо сказались на его нервной системе. Вдобавок к этому несколько дней спустя Тим публично предложил ввести годовой мораторий на употребление ЛСД.

«Я вовсе не говорю, что мы должны прекратить исследование возможностей расширения сознания, — заявил он перед восьмью сотнями своих поклонников, собравшихся в нью-йоркском Таун-Холле. — Но нам нужно попробовать научиться достигать психоделического опыта без помощи наркотиков».

Но уже в июне он частично вернулся к своим старым идеям.

После выступления у Бэррона Лири дал пресс-конференцию, где объявил, что в Калифорнии циркулирует около двух миллионов доз подпольного ЛСД. Неудивительно, что информация о том, что алкоголя ходит не меньше, испарилась у репортера из головы, когда

он услышал следующую фразу Лири: «Наш общественный долг в настоящий момент — публиковать пособия, проводить тренировочные занятия и подготавливать молодежь к использованию этого мощнейшего расширяющего сознания препарата».

Понимал он это или нет, но, давая это интервью, он таким образом сильно навредил всей предыдущей работе конференции.

Майрон Столярофф приехал в Сан-Франциско в основном потому, что его интересовали результаты опытов Хоффера. Сам он уже почти не принимал участие в исследованиях. Его Фонд лишили лицензии на исследования, связанные с новыми наркотиками, — и в этом трудно было не обвинить мистера Лири.

Полтора года назад, когда Тим постигал древнюю мудрость в Индии, Майрону вроде бы улыбнулась удача. Съездив в Вашингтон, директор Фонда Билл Харманн представил основные положения проекта федералам в Пало-Альто для дальнейшего рассмотрения перспектив развития исследований психоделических веществ. «Не знаю, чего еще больше хотеть», — писал Столярофф Осмонду:

> *Сейчас, я думаю, ничто нам так не поможет, как если некоторые высокопоставленные люди, занимающие в правительстве важные посты, получат информацию об ЛСД из первых рук. Эл [Хаббард] уверил нас, что он гарантирует, что они действительно подойдут к этому вопросу со всей серьезностью и не отмахнутся от него, не изучив его основательно.*

Но пока проект находился на стадии планирования, политическое отношение к ЛСД изменилось. Черный рынок ЛСД, вначале сочившийся тонкой струйкой, превратился в мощный поток. А восприимчивые подростки, вдохновленные заявлениями Кизи и Лири, начали пробовать ЛСД где и когда только могли, в результате чего и происходили те случаи, которые Фрош наблюдал в клинике Беллвью. И вместо того чтобы знакомить с ЛСД избранных членов правительства, Столярофф обнаружил, что ему грозят серьезные финансовые проблемы, так как выданные ему гранты были аннулированы.

Когда в начале 1965 года стало очевидно, что ЛСД-терапия экономически уже не выгодна, Столярофф и Харманн перенаправили силы фонда на частный сектор: если уж государство больше не хочет

финансировать личностную терапию, возможно, это удастся сделать через бизнес. В некотором роде это было возвратом к первоначальным идеям Столяроффа, когда они с Хаббардом мечтали, как с помощью ЛСД «Ампекс» превратится в самую просветленную суперкорпорацию в мире. Но с одной значительной разницей. Майрону пришлось временно переключиться на софистику. Вы же не можете войти к президенту фирмы и небрежно предложить ему попробовать один интересный наркотик. Необходима документация, графики, твердо установленные факты. Нужны первые исследования в этой новой области — чем и занимался фонд, собрав около тридцати разных специалистов — физиков, дизайнеров интерьера, архитекторов, математиков, инженеров, — притом так, чтобы у каждого из них существовала проблема, над решением которой он бился в последнее время.

Архитектор, например, работал над проектом центра искусств и ремесел. Он пришел в контору Столяроффа, принял ЛСД и дальше описывал произошедшее так:

> *Посмотрев на лист бумаги, лежащий передо мной, я осознал, что у меня нет абсолютно никаких идей. Я помнил только, что мне нужно охватить площадь в три тысячи квадратных метров. Я нарисовал контуры, потом смотрел на них. Внутри меня царила пустота.*
>
> *И внезапно я увидел проект уже законченным. Сделав несколько быстрых подсчетов, я понял, что он полностью подходит… и отвечает всем требованиям цен и затрат…*
>
> *Я начал чертить… Мое воображение не поспевало за восприятием… рука не успевала за мыслями… Меня охватило нетерпение, я должен был как можно быстрее зарисовать то, что мне представилось в воображении (и не упустить ни одной мельчайшей детали). Я работал с такой скоростью, на которую и не думал, что способен. Я сделал четыре чертежа — полных и всеобъемлющих. Нельзя сказать, что я устал, скорее напротив, был полон удовлетворения от того, что сумел ухватить и зарисовать возникший передо мной образ. Наконец я закончил работать. Поел фруктов… выпил кофе… покурил… глотнул вина… я был счастлив.*

Это был великий день.

Но вся эта работа сошла на нет, когда «Сандоз» решил прекратить поставки ЛСД и псилоцибина, отдав их полностью под контроль и на усмотрение ФДА Вследствие этого использование и изучение ЛСД практически приравнивалось к правонарушению.

Эл Хаббард даже летал в Вашингтон, пытаясь изменить это решение. При себе у него было письмо, подписанное множеством влиятельных фирм, промышленников, даже NASA, о том, что психоделики помогают решать множество проблем. Но все без толку.

Приоритеты изменились. Политики охладели к ЛСД.

Исследования, отвечавшие политическим целям государства, финансировались. Остальные — закрывались. Столяроффу, Хаббарду, дюжине других исследователей — всем был отказано в возобновлении контракта поставок и финансирования. Даже Джин Хьюстон и Роберт Мастере, опубликовавшие книгу «Многообразие психоделического опыта», которая без всяких сомнений была лучшим научным исследованием того, что происходит по ту сторону сознания, — даже они потеряли право вести исследования.

Типичнейшую дилемму ЛСД-исследований иллюстрирует то, что случилось с Сиднеем Коэном. После публикации «За тем, что внутри» в 1964 года Коэн был негласно признан самым известным «специалистом по ЛСД», способным четко опровергнуть утверждения Лири. Именно его, а не Хамфри Осмонда пригласили как эксперта на слушания Конгресса, посвященного ЛСД. Врач, придумавший термин «психоделики», — вряд ли его можно призвать в качестве эксперта. Коэн же, предпочитавший всегда определение «ненормальность», подходил на эту роль гораздо больше.

Коэн был популярным лектором. Часто он выступал вместе с Ричардом Альпертом. Это создавало контраст: этакий радикально-психоделический подход Альперта (328 совершенных путешествий) и сугубо академический подход Коэна (7 тщательно контролируемых сеансов). То, что он появлялся на сцене вместе с Альпертом, часто вызывало раздражение коллег, которые были недовольны тем, что это, как им казалось, придает лекциям Альперта — а следовательно, в более широком смысле и утверждениям Лири — оттенок законных научных исследований. «Верно, он излагает точку зрения, с которой ни вы, ни я не согласны, — отвечал Коэн. — И что нам делать? Не обращать на него внимания, игнорировать, ругать? Нет, нам стоит

вступить в бой и найти эффективные ответы и контраргументы на все, что он говорит».

Дерево в парке «Золотые ворота», Сан-Франциско

Альперт же все больше склонялся к мысли, что Коэн — ханжа. Да, он мог провести персональный сеанс для Генри и Клэр Бут Лусов и все прошло бы как нельзя лучше, но окажись на их месте кто-нибудь другой, и он тотчас же закатил бы лекцию о строгом медицинском подходе и правилах. Однако Альперту все-таки нравился Коэн. На его взгляд, он был приятным парнем, «игравшим с теми картами, что ему достались по раскладу. И игравшим сдержанно, и никогда не изменявшим этой привычке».

Альперт недооценивал, как сложно оставаться сдержанным.

Опровергая публичные заявления «горячих голов» (например, Лири), стоявшие на умеренных позициях психологи (такие, как Коэн) были вынуждены рисовать гнетущие картины того, что случится при всеобщем бесконтрольном распространении психоделиков. К несчастью, самые негативные моменты их выступлений создавали атмосферу, в которой было сложно отстоять даже фундаментальные исследования: если уж ЛСД настолько непредсказуем, то как тут можно говорить о какой бы то ни было безопасности?..

На смену разумному обсуждению пришли сенсационные штампы. Осенью 1966 года противники ЛСД категорично утверждали, что ЛСД ведет к органическому поражению головного мозга. Аргументы? Тот факт, что множество молодых людей, принимавших ЛСД, отвергали корпоративно-пригородный стиль жизни, столь ценимый и любимый их родителями. А это политика приспособленчества не моргнув глазом приписывала органическим поражениям мозга.

Все еще не побежденный Лири отвечал на это не менее скандальным ходом. В интервью «Плейбою» он заметил, что ЛСД — сильнейший афродизиак. «Секс под ЛСД, — объяснял он, — независимо от того, каковы ваши привычки, заставит отнестись ко всему вашему предыдущему опыту, как к занятиям любовью с манекенами, стоящими в витринах универмагов». И в качестве завершающего смертельного удара добавил: «Пока что известны три основные цели использования ЛСД: познать и возлюбить Господа,

познать и возлюбить себя и познать и возлюбить женщину».

Разве после этого кажется удивительным, что люди, придерживающиеся умеренных взглядов, такие, как Коэн, решили, что ситуация выходит из-под контроля?

Размышляя над странной историей ЛСД, Коэн выделил в ней три основные фазы. Первая фаза — научная. Ученые видели в ЛСД новый ключик, способный помочь им проникнуть в темные утолки подсознательного. Но затем, когда они начали обдумывать и обсуждать чудесные изменения, случающиеся под ЛСД, возникло параллельное направление, в котором наука плавно перетекала в религию. Согласно Олдосу Хаксли и Джеральду Хёду, ЛСД давал возможность ускорить эволюцию и впервые за историю давал Человеку возможность действительно заслужить название Homo Sapiens (человека разумного). Однако вслед за тем религиозные исследования переросли в культурную революцию самого что ни на есть низкого пошиба — «бессмысленный эмоциональный выплеск чувств», как определял это Коэн.

И вместо Homo Sapiens ЛСД сотворил Homo hippie!

3. СИЯЮЩАЯ ПУСТОТА

> «ЭТИ ПОРОШКИ И ТАБЛЕТКИ УГРОЖАЮТ ЗДОРОВЬЮ НАШЕГО ОБЩЕСТВА, ЕГО ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ И ЧУВСТВУ СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА».
>
> ***Президент Линдон Б. Джонсон, из доклада президента перед Конгрессом о положении дел в США. Январь 1968 г.***

Глава 22. КОНТРКУЛЬТУРА

7 октября 1966 года, на следующий день после того, как закон о запрете ЛСД в штате Калифорния вошел в силу, в муниципалитет

Сан-Франциско явилась делегация хиппи. Она принесла с собой скромный гостинец — семена вьюнка пурпурного и купленные в магазине грибы. Как сообщили делегаты пораженным журналистам, этим угощением они собирались попотчевать мэра Шелли, чтобы расширить его сознание. В середине встречи, которая вылилась в жаркую полемическую схватку, временами напоминая театр абсурда, на пресс-конференцию в мэрию прибыла еще одна делегация — активисты антивоенного движения под предводительством Джерри Рубина.[102]

Сцена получилась символическая — своего рода тест Роршаха в стиле шестидесятых годов: у одной стены зала собрались активисты в джинсах и тяжелых ботинках, у другой — хиппи в живописных золотистых нарядах. А между ними… между ними сгущенная почти до физической плотности атмосфера вражды.

Нелегко подыскать объяснение тому, что творилось в шестидесятых годах; трудно указать и какую-нибудь определенную точку отсчета, событие, о котором можно было бы сказать, как о сараевском выстреле: «Напряжение копилось десятилетиями, но вот она — искра, вызвавшая взрыв». Чем больше вы изучаете шестидесятые годы, тем более убедительной выглядит ссылка на дух времени как на единственную категорию, способную дать объяснение этому удивительному десятилетию. В самом деле, соскоблите толстый слой секса, наркотиков, бунта, политики, музыки и искусства, покрывающий это время, и все, что останется — это требование непрестанно изменяться, отчаянная жажда перемен, своего рода «воля к переменам», и это, быть может, единственный мотив, объясняющий вторую половину двадцатого столетия, как ницшеанская «воля к власти» объясняла первую.

Дух времени требовал: меняйте все — порядки на работе и в семье, одежду и прическу; меняйте религиозные, политические и моральные устои общества, даже самые основы человеческой личности; постоянно экспериментируйте, все переделывайте заново, ничего не оставляйте, как есть. Казалось, не одно только 20-миллионное поколение, родившееся после войны, которому в 1964 году как раз начало исполняться 18 лет, но и вся страна переживала

---

[102] Рубин, Джерри (1938 — 1994) — один из лидеров американского движения «новых левых», основатель партии йиппи

бурный период запоздалого взросления. Потому что иначе пришлось бы признать, что эта молодежь — самое многочисленное поколение в истории — могла, одной только своей массой, переломить обычный ход событий.

Но в каком направлении надо было меняться? Вот впечатления тех лет: сатира журнала «Мэд»[103] и зажигательные песни Элвиса; сюрреалистическая обыденность Бивера Кливера[104] и страх перед атомной бомбой; беспросветно скучное существование Отца Семейтсва, покорно носящего ливрею своей корпорации — серый фланелевый костюм, и беспросветное однообразие жизни пригородов, образцовых оазисов уюта и безопасности, все это, непонятно каким образом, спеклось в горючую смесь и привело к массовому взрыву. Это звучит как скверная шутка, но именно самое избалованное, самое обеспеченное поколение в истории отшвырнуло все, что ему было дано судьбой, как кучу негодного хлама. «Мы столько получили всего, что нас с души воротит, — говорила молодежь, — нашим обществом манипулируют, как нигде и никогда в мире».

С колыбели (так казалось молодежи) их убеждения и взгляды измеряли и взвешивали, души отливали в одну и ту же форму, чувства одевали в смирительную рубашку, и ради чего это все? Да просто чтобы сохранить старый добрый Американский Образ Жизни — господство Корпораций!

Корпорациям, всемогущим в пятидесятых годах, тогда сильно доставалось — их поносили как источник почти всего плохого в Америке, будь то империализм, втянувший страну в войну во Вьетнаме, или изощренное безумие, побуждавшее людей измерять свое достоинство количеством и качеством потребительских товаров, которые были им по карману. Ту самую культуру массового потребления, которая принесла их родителям столько удобств и выгод, дети отбросили как безобразную дешевку. По их мнению, эта культура лишала жизнь всякого смысла, особенно если принять во внимание те экологические бедствия, которыми за нее было

---

[103] Популярнейший американский журнал комиксов для подростков.

[104] Главный герой популярного телесериала (премьера — осень 1957 года) «Оставьте это Биверу» — семилетний мальчик, глазами которого показана американская реальность «эры Эйзенхауэра».

заплачено.

Молодежь, однако, понимала, что корпорации это лишь верхушка айсберга. Подыскать определение своему настоящему противнику — всему установленному порядку — стоило немалого труда, настолько он был неосязаем, хотя уже в конце пятидесятых получил множество хлестких названий: Военно-промышленный Комплекс, Властная Элита, Гарнизонное Общество и, наконец — Система — слово, которое выиграло конкурс и прижилось.

Этим термином пытались описать всеобъемлющий заговор денег и власти, некоего чудовищного спрута, чьи щупальца захватывали не только политику и экономику, но и повседневную жизнь. Корпорации были частью Системы. Но то же можно было сказать и о профсоюзах. Разумеется, политики, делающие карьеру, были опорой Системы, но ей служили и учителя, и репортеры, и генералы. Республиканцы и демократы просто занимали разные частоты в спектре Системы, а либерализм отводил глаза обществу лицемерной игрой в реформы при сохранении всех привилегий за власть имущими. Все эти разнохарактерные элементы объединял общий политический курс: во внешней политике — антикоммунистический и проамериканский, во внутренней — на демократию особого типа, более походившую на хорошо отлаженное управление корпорацией, чем на благородный эксперимент отцов-основателей. Вместо «народа» идеологи Системы предпочитали говорить об управляемых и управляющих, и эта формула как-то сближала Систему с ее заклятым врагом — СССР, следовавшим тем же принципам.

Размышляя об этом прискорбном положении дел, молодые люди решили для себя, что они, правда, не хотят, чтобы ими управляли, но перспектива оказаться на месте управляющих их тоже не прельщает. Норман Мейлер точно поймал это настроение: «Власти обрабатывали их рекламой и полоскали им мозги штампованным образованием и штампованной политикой. Власти претендовали на благородство, но на самом деле оказались такими же растленными и продажными, как телевидение с его подкупами и авиационные компании с их скандальными контрактами. Все начинали понимать, что эти шумные скандалы всего лишь симптом какой-то глубокой болезни, поразившей Америку, — ведь то же самое можно было наблюдать в каждом пригородном доме на бытовых изделиях, которые работали хуже, чем им полагалось, и слишком быстро выходили из строя по каким-то непостижимым причинам. Упаковка красивая, а внутри

гниль…»

Конечно, далеко не вся молодежь шестидесятых была настроена настолько критически. На каждого, кто хотел захватить власть, разделаться с Системой и перераспределить блага в пользу бедных, находилось по крайней мере десять его сверстников, которые попросту хотели окончить школу, подцепить девчонку, поступить на работу и избежать Вьетнама; на каждого, кто носил длинные волосы, баловался травкой, увлекался рок-музыкой и заявлял, что намерен полностью порвать с американским обществом, приходился его ровесник, который пил пиво, болел за местную футбольную команду и хвастался маркой своей машины. Пропорция между молчаливым большинством и шумным меньшинством, может быть, и не так уж сильно изменилась для молодежи шестидесятых по сравнению с поколением их родителей. Но внешне все выглядело иначе, хотя бы потому, что молчаливое большинство существовало всегда и всегда не принималось в расчет. И тем более в эпохи, когда дух времени так стремительно менял всю жизнь.

Обложка журнала «Мэд»

По сравнению с более уравновешенной молодежью пятидесятых поколение, родившееся после войны, выглядело зазнавшейся чернью, бандой неистовых радикалов, угрожавших если не государственному строю, то уж, во всяком случае, душевному спокойствию обывателя.

Первая трудность, с которой сталкиваешься, приступая к истории шестидесятых — это определить дату, с которой эта история начинается. Был ли то день убийства президента Кеннеди в Далласе, день, ставший для тогдашней молодежи навеки памятным, так же как для их родителей — Пёрл-Харбор?

Кеннеди был лучшим представителем Системы; такими программами, как «Корпус Мира», ему почти удалось примирить молодое поколение с либерализмом. Смерть его оставила пустоту, которую вскоре заполнили злоба и цинизм.

Или это были первые Марши свободы в Миссисипи, когда молодежь впервые поняла, что Система не желает распространять на черных основные права американского гражданина? Размышляя о том, что творилось в сознании молодежи, двинувшей на юг летом 1964 года, Майкл Новак позднее писал: «Множество молодых людей было избито, арестовано и даже убито только за то, что они пытались

помочь американским неграм воспользоваться своими конституционными правами. Этого было достаточно, чтобы изменить внутреннюю жизнь поколения. Правовое принуждение эта молодежь не считала справедливым; она на себе испытала его несправедливость».

Или все началось осенью 1964 года, когда группа студентов в Беркли поднялась на стихийную демонстрацию протеста, быстро развернувшуюся в Движение за свободу слова?

Семена ДСС были посеяны в начале сентября, когда ректор Беркли Кларк Керр, руководствуясь, по-видимому, либеральной предпосылкой, что «политика в старом смысле слова умерла», запретил всякую политическую деятельность на территории университета. Под запрет попала и площадка перед главными воротами Беркли, выходившими на Банкрофт Уэй, давно уже служившая своего рода идеологическим блошиным рынком; политические группировки самого разнообразного направления занимались здесь сбором пожертвований и распространением литературы. Невзирая на протесты почти всех студенческих групп, начиная от самых юных Студентов за Демократическое Общество и кончая Молодежью за Голдуотера, Керр отказался пересмотреть свое решение, а в конце сентября даже временно исключил из университета восемь студентов за политическую активность.

Наконец, последовал взрыв. Джек Вайнберг, молодой аспирант математического факультета отказался прекратить свою работу в университете в качестве уполномоченного КРР — Комитета расового равенства. 1 октября он был арестован. Когда за ним приехала полицейская машина университета, Вайнберг прибегнул к трюку, который он освоил прошлым летом на Маршах свободы в Миссисипи, — он обмяк и свалился мешком. Охранники втащили его в машину, но вокруг них стала собираться возмущенная толпа, не позволяя увезти арестованного. Начался митинг, который шел не прерываясь 32 часа подряд. Один за другим ораторы поднимались на крышу машины как на трибуну, призывая не упускать момента и немедленно объявить забастовку. Словно спичку поднесли к складу горючего — чувствовалось, что прорвалось возмущение, копившееся не месяц, а многие годы.

«У меня внутри все кипело, мне казалось, что меня сейчас разнесет на куски», — пишет Майкл Россман в своих воспоминаниях о шестидесятых «Свадьба во время войны». Результаты этого эпизода

с осадой полицейского автомобиля Россман — коллега Вайнберга по математическому факультету, и такой же радикал по убеждениям — описывает так: «Я вырвался на свободу. С зависимостью от старых порядков было покончено. Начиналась новая жизнь».

2 декабря 1964 года 400 активистов Движения за свободу слова захватили одно из зданий университета — Спроул-Холл и удерживали его целые сутки, пока не прибыли полицейские подразделения по борьбе с беспорядками. Громко распевающих мятежников силой выволакивали наружу сотни одетых в каски полицейских. Через пять дней состоялось выступление Кларка Керра перед студентами. 18 тысяч человек собралось в зале «Греческого театра» послушать, как ректор развивает свои идеи о задачах академического сообщества. По его мнению, университет должен был стать «фабрикой знаний», и назначением его было выпускать в свет как можно больше общественно полезных индивидуумов. Говорить все это студентам, которым такого рода уподобления казались крайне оскорбительными, было, конечно, неблагоразумно, но главная ошибка была совершена в самом конце встречи. Когда собрание окончилось, на трибуну поднялся Марио Савио, молодой студент-философ, с недавнего времени один из лидеров ДСС. Он собирался пригласить аудиторию на митинг, чтобы обсудить речь Керра, но не успел даже открыть рта, как два полисмена схватили его и повалили на пол. Толпу захлестнула волна гнева. Как написал позже Годфри Ходжсон, «сегодня Кларк Керр высказывается как либерал, поборник убеждения и противник насилия, а завтра его вооруженные агенты силой затыкают рот его идейному противнику, символически представлявшему свободу слова».

На следующий день общее собрание профессорско-преподавательского состава университета соотношением голосов 824 против 115 проголосовало за то, чтобы согласиться с требованиями ДСС. Поколение шестидесятых впервые на деле испробовало свою политическую силу.

Рождение ДСС вызвало шумную дискуссию в прессе, поскольку журналисты и политологи наперебой кинулись объяснять это временное помрачение умов у молодежи. Неудивительно, что в результате этого обсуждения фактическая сторона дела была утоплена в океане высоконаучных соображений. Несмотря на то, что почти никто из комментаторов не избежал соблазна рассматривать это явление через призму собственных идеологических пристрастий

— например, Льюис Фуэр, известный специалист по левым политическим движениям, заклеймил активистов ДСС как «интеллектуальных люмпен-пролетариев, люмпен-битников и люмпен-агитаторов», а их идеологию как «помесь наркотиков, сексуальных извращений, студенческого фиделизма и университетского маоизма», — большинство все же уловило основной нерв молодежного протеста, которым двигало глубочайшее отвращение к либеральному идеалу рационально управляемого общества. Это был мятеж против подавления личности, подразумеваемого тем самым сравнением с фабрикой, которое так понравилось ректору Керру; вот почему перфокарта IBM со стереотипным предупреждением «не гнуть, не мять, не скручивать» стала для этого поколения символом всего, что было им ненавистно. Россман утверждает, что главным врагом ДСС был Комплекс Большого Папочки — так он окрестил либеральный патернализм, изгонявший всякое политическое разнообразие не только с Банкрофт Уэй, но и из университетских программ. Основным заклинанием Большого Папочки была фраза «для вашей же пользы», и предназначалась она для того, чтобы «помешать любой попытке самостоятельно отыскать дорогу и самому сформировать свою личность».

В этом и крылся корень всех разногласий: поколение шестидесятых отвергло концепцию психологической зрелости, предложенную в пятидесятых годах движением за душевное здоровье, с ее упором на ответственность личности перед обществом и согласование своих идеалов с общественными — оно двигалось как раз в обратном направлении. Освободиться от всех внешних ограничений, познать глубины собственной психики, следовать индивидуальным, а не социальным требованиям — вот были, по его мнению, критерии психологической зрелости.

Еще одним фактором, на который комментаторы не обратили внимания, было радостное опьянение групповой солидарностью. Те 24 часа, которые члены ДСС провели в Спроул-Холле, они жили с такой полнотой и интенсивностью, которой никогда раньше не знали. То было, выражаясь термином Маслоу, массовое пиковое переживание, и суть его состояла не в требованиях, которые собрали их вместе, а в самом факте того, что они были вместе. Мятежники устроили в захваченном здании настоящий карнавал: на стенах крутили фильмы Чаплина, на лестничных площадках исполняли

народные песни. «Мы перекусили ужасными сандвичами с колбасой, а потом решили открыть первый свободный университет. Мы расселись, скрестив ноги, на сигнальных барабанах Гражданской Обороны, которые нашли в подвале, и провели с десяток классных занятий, — вспоминает Россман. — По углам устроились любители травки… и по крайней мере, две девушки впервые в жизни получили настоящий сексуальный опыт под одеялами на крыше, рядом с портативными рациями, передававшими наружу наши новости».

В последующие несколько месяцев Движение за свободу слова развернуло бурную деятельность, предприняв целый ряд Великих Починов, начиная с Движения за свободу непристойности (свобода слова, очевидно, подразумевала право говорить «поди ты на..») и кончая первыми протестами против вьетнамской войны. Беркли стал приманкой для молодых честолюбивых политиков; они стекались сюда десятками, чтобы принять участие в революции. Среди новоприбывших был и усатый молодой марксист по имени Джерри Рубин. Рубин одним из первых осознал, какие богатые и разнообразные возможности политической карьеры кроются в политической организации массового движения — в том, что идеологи правящего класса называли «внесистемной агитацией».

Так же как и Кизи, Джерри Рубин принадлежал к той части поколения пятидесятых, которая не довольствовалась малым. «Молодежи нужны героические деяния, — сказал он однажды репортеру «Нью-Йорк тайме» Энтони Лукасу. — У нее неимоверные запасы нерастраченной энергии, она хочет жить творческой, яркой, увлекательной жизнью. Вы знаете, каковы американские заветы. История, которой нас учат, настраивает на героизм — Колумб, Джордж Вашингтон, Поль Ревир, пионеры, ковбои. Заветом Америки всегда было «Будьте героями». Но когда наступает время сдержать слово, она оказывается несостоятельной. Она пятится и говорит: «Учитесь, как следует, добивайтесь хороших оценок — и вы получите степень, а потом поступите на работу в корпорацию, купите собственный дом и станете хорошими потребителями». Но молодежи этого недостаточно. Молодые люди жаждут героизма. И если Америка отказывает им в возможностях стать героями, они попытаются создать их сами».

Рубину было 26, когда ДСС впервые дало ему отведать вкус героизма. Лето 1964 года Рубин провел на Кубе. И когда той же осенью развернулись события в Беркли, он был заранее расположен

смотреть на Марио Савио как на второго Фиделя. «Я словно вернулся на Кубу, — восхищался он, — только сейчас все это происходило у нас». Начиная с весны 1965 года вместе со своими товарищами он упорно работал над созданием левого политического движения классического типа. И к осени 1965 года их усилия начали приносить плоды. В октябре того же года во время похода на армейский портовый терминал в Окленде, где они собирались помешать отправке во Вьетнам партии военных грузов, им удалось привлечь тысячи участников.

Движение политического протеста составило большую силу, но тут же появились и признаки раскола. На демонстрациях вместо плакатов и революционных лозунгов появлялось все больше и больше цветов и воздушных шариков, а песни «The Beatles» вытесняли гимн «Мы все преодолеем». Растущие настроения гедонизма плохо сочетались с военной дисциплиной, которая обычно требуется для руководства политическими движениями. Как заметил Льюис Фуэр, слишком много было сексуальных извращений и слишком много наркотиков. По свидетельству Россма-на, становилось все яснее, что энергия, которую развязали события в Беркли, сворачивает куда-то в сторону — не вправо и не влево, «но в… какое-то новое русло, еще не имеющее названия».

Силы, которые раскололи молодое поколение, обнаружились уже в ходе большого октябрьского протеста. Тогда перед участниками запланированного похода в Оклендскую бухту выступило множество известных ораторов, в том числе Кен Кизи. Приглашая его выступить, организаторы митинга конечно предполагали, что автор «Пролетая над гнездом кукушки» не мог не считать вьетнамскую войну безумием. Чего, однако, они не предвидели, это то, что Кизи к маршам и речам о захвате власти отнесется так же отрицательно, как и к войне.

За несколько недель до похода в Окленд Кизи совершенно случайно получил сильное впечатление, открывшее ему глаза на негативные стороны природы Homo Sapiens. Это случилось во время концерта «The Beatles» в Сан-Франциско, в Коу-Пэлис. На концерте присутствовавшие там Проказники распустили слух, что после концерта битлы отправятся в Ла Хонду, чтобы там «хорошенько заторчать». Это конечно была неправда, но, принимая во внимание способность Проказников оборачивать все в свою пользу, не исключено было, что это в конце концов окажется и правдой. Трудно

сказать наверняка, удалось бы рыцарям психоделиков затянуть в свои игры Славную Четверку или нет; во всяком случае Проказникам конечно стоило попытаться, чтобы испытать свои силы.

Затем произошло нечто странное и ужасное. Еще до того, как на эстраде появились битлы, тысячи девчонок-фанаток, широко открыв рот, завопили во весь голос, до основания потрясая зал какой-то дикой животной энергией. В этом коллективном психозе Кизи не усмотрел ничего, «расширяющего сознание» — напротив, его поразила страшная мысль: это раковая опухоль! Ему был воочию явлен жуткий образ Homo — существа, пожирающего самого себя. Напуганный до дрожи, как от встречи с привидением, он созвал своих Проказников и спасся бегством в Ла Хонду.

Теперь на митинге, стоя рядом с трибуной, прислушиваясь к шуму толпы и раскатам ораторского красноречия, Кизи вспомнил свое тогдашнее прозрение. Когда подошла его очередь выступать, он вскочил на сцену в сопровождении одетых в яркие цвета Проказников с гитарами. Неожиданно выхватив гармонику, он стал наигрывать знакомый мотив «Дома в горах».

«Вы играете в их игру, — наконец заговорил он в микрофон, растягивая слова. — Мы все это уже слышали и все это уже видели раньше, но снова и снова попадаемся в ту же ловушку… Месяц назад я ходил на битлов… И я слышал, как двадцать тысяч девчонок вопят вместе с битлами… я не мог расслышать даже, что они там вопили… Но вы не должны… Они кричали Я! Я! Я! Я!.. Я, Мое, Меня, Мне! Вот что кричит эго, и то же самое кричит этот митинг! Я! Я! Я! И вот почему происходят войны… из-заэго… потому что всегда находятся люди, которые хотят вопить. Прислушайтесь к этому Я… Да, вы играете в их игру».

И он дал участникам митинга такой совет: «Есть только одно дело, которое надо сделать, — сказал он, растягивая меха гармоники, — одно-единственное, если вы вообще хотите сделать хоть что-нибудь хорошее И это вот что. пусть каждый просто поглядит на все это, поглядит на войну, повернется к ней спиной и скажет: На хер!»

Множество молодых людей в точности последовало этому совету. Они стали массами отворачиваться не только от войны и военщины, но и от бесчисленных всплывавших в эти годы политических программ, политических активистов вроде Рубина, и молодежных политических организаций вроде Студентов за

демократическое общество (СДО), какими бы боевыми ни были эти организации, и как бы умело ни вербовали сторонников.

Этих новых мятежников нужно было как-то обозначить. Конкурировало несколько названий. Сами они предпочитали называть себя «хэдами» или «фриками», подчеркивая свою веру в то, что они являются новой ступенью эволюции Homo Sapiens.

Кларк Керр, ректор университета Беркли в эпоху зарождения движения за свободу слова.

Литературный критик Лесли Филдер предлагал именовать их новые мутанты. Но ярлыком, который пристал к ним накрепко, стало слово хиппи.

К концу 1965 года молодежное движение протеста имело две символические столицы: одна была в Беркли, в кофейнях, длинной полосой протянувшихся вдоль Телеграф-авеню; другая располагалась по ту сторону залива, в Хэйт-Эшбери. Это было место рождения хиппи. Впервые слово хиппи, а вместе с ним и весь феномен стали известны в сентябре 1965 года, когда в сан-францисском «Игзэминер» появилась статья о кофейне «Голубой Единорог».

«Единорог», который славился самой дешевой в городе кухней, ютился в стенном проломе на задворках Хэйес-стрит, недалеко от парка «Золотые Ворота», посреди района из 25 кварталов, получившего свое название от двух пересекающихся улиц — длинной Хэйт-стрит, которая вела прямо к Тихому океану, и более короткой и шумной Эшбери, взбегавшей на гору Сутро и там кончавшейся. Сам район Хэйт-Эшбери был задворками города. Застройка его восходила к десятым годам XX века, когда столько политических функционеров обзавелось особняками в верхней части Хэйт-стрит, что это место стали называть «переулки политиков». С тех пор витиевато разукрашенные помпезные дома викторианского стиля пришли в упадок и сейчас выглядели жалкими и потрепанными.

За истекшие десятилетия престиж этого района так упал, что во время Второй мировой войны здесь было решено строить дешевое жилье для рабочих. После войны его былой блеск пытались воскресить беженцы из Восточной Европы и маленькая колония азиатов, но потом здесь появились черные, которых реконструкция города вытеснила из их традиционных гетто на западе, теперь

подлежавших сносу, и почти все прежние жители ушли. В результате в Хэйте сложилась оригинальная ситуация — роскошную обстановку тут можно было получить по смехотворно низкой цене. Арендовать целый дом с танцевальным залом, украшенным витражами, стоило несколько сот долларов.

Так случилось, что примерно в это же время пришла в упадок прежняя родина битников — Норт-Бич. Тут сошлось несколько факторов: рост цен на жилье, полицейские придирки и надоедливые туристы, толпами стекавшиеся поглазеть на битников в их собственной среде. Напрашивался очевидный выход из положения — перебраться в Хэйт; и к тому времени, как «Игзэминер» случилось наткнуться на это явление и сочувственно откликнуться на него своей статьей, здесь уже процветала богемная община, сердцем и душой которой оставался «Голубой Единорог».

Вот в чем была суть того, что журналист Майкл Фаллон поведал своим читателям: движение битников вовсе не умерло, оно здравствовало и процветало, обретаясь в районе, который некогда был одним из самых фешенебельных в Сан-Франциско. Но если Хэйт — это было место, где ныне следовало искать битников, значит, с ними что-то случилось по дороге. Куда девались прежние угрюмые битники, эти желчные отрицатели, эти троглодиты в одинаковых черных водолазках? По сравнению с ними завсегдатаи «Единорога» поражали своей пестрой раскраской. Они щеголяли в умопомрачительных штанах в розовую полоску и модных приталенных пиджаках и напоминали ярких бабочек. Их обычным настроением было радостное оживление, а в разговорах с устрашающей частотой мелькало слово «любовь»: любовь во всех ее проявлениях, начиная от возвышенной, неземной, и кончая самой обыкновенной, плотской. А по ночам в «Единороге» либо заседало ДВИЛЕМ — Движение за легализацию марихуаны, либо устраивала собрания Лига сексуального освобождения.

Как любой натуралист, которому посчастливилось открыть новый, неизвестный науке вид, Фаллон сразу же стал искать для него название. Он взял у Нормана Мейлера слово «хипстер» и сократил его до хиппи. Слово это точно соответствовало жизнерадостности завсегдатаев «Единорога», но самим хиппи оно никогда не нравилось. С их точки зрения, это название было просто еще одним примером тонкого унижения, которому господствующая пресса подвергала все, что выходило за пределы ее понимания. Разве не так поступил

коллега Фаллона по журналистскому цеху Герб Шан, наклеив на Аллена Гинсберга с компанией пренебрежительный ярлык «битников»?

Но нравилось это им или нет — слово «хиппи» прижилось и ему суждено было остаться.

Однако следующему поколению остроумная выдумка Фаллона помешала отчетливо осознать тот факт, что во многих отношениях хиппи были просто вторым поколением битников. Это было яснее всего в самом начале, когда еще легко было проследить связь между старой мечтой битников об альтернативной культуре — слову «контркультура» предстояло появиться еще нескоро — и тем, что зарождалось в Хэйте. «Настало время личностной революции, — писал Боб Стаббс, владелец «Единорога», в одном из программных заявлений, которые он распространял среди своих клиентов. — Революция индивидуальности может быть только глубоко личной. Многообразие путей ее развития достигается лишь частными усилиями. Становясь коллективным движением, такая революция сходит на нет, так как истинных революционеров сменяют имитаторы».

Действительно, революция была глубоко личной: к моменту появления статьи Фаллона в ней участвовали лишь полтора десятка разбросанных по Хэйту домов, где встречались хиппи. Однако эти полтора десятка домов стали мощным источником энергии. «Даже если ты не жил в Хэйте, а просто наведывался туда время от времени, это оказывало на тебя огромное влияние, — писал один завсегдатай Хэйта. — В Хэйт-Эшбери всегда бурно обсуждались четыре-пять свежих сенсаций, которые постоянно обновлялись… и два слова повторялись в те дни чаще всего: «дурь» и «революция». Нашим тайным паролем стала формула: травка, ЛСД, медитация, зажигательная музыка, солидарность и радостная чувственность».

Если бы вы попали в один из этих домов осенью 1965 года, вам сразу же стало бы ясно, что главный ингредиент в этой формуле и главное различие между сегодняшним Хэйтом и Норт-Бич шестилетней давности — это ЛСД. ЛСД был секретным оружием Хэйта (с ударением на секретности). «Принимать ЛСД было все равно что состоять в тайном обществе, — вспоминает один из зачинателей движения. — Об этом не говорилось вслух… [хотя] этот наркотик не был под запретом, люди вели себя так, словно он запрещен; он казался запретным».

К приему ЛСД относились с глубочайшей серьезностью. По замечательному выражению одного хиппи, ЛСД был «мощный приход»: «Мощный приход — это способ заглянуть в глубь своего существа, не истязая при этом свое тело и не выбрасывая свой ум на помойку. Он расширяет твое сознание, [так что] тебе открываются миры невообразимой красоты и яркости».

С самого начала никто не сомневался, что «мощный приход» связан с опасностью. Робким и нерешительным эти игры были противопоказаны. Но хиппи готовы были рисковать, так как кислота сулила желанное избавление от удушающего мира благополучных пригородов, в котором большинство из них выросло и который им так опостылел.

Сперва хиппи применяли ЛСД как средство, разрушающее жесткие стереотипы, заданные воспитанием. Это, как упоминалось выше, был великий замысел Уильяма Берроуза, который он завещал Гинсбергу и Керуаку. В середине шестидесятых этот замысел стал неотъемлемой частью умственного багажа молодого поколения. Одним из основных убеждений Хэйта было то, что американское общество манипулирует людьми. ЛСД показывал это наглядно и тем самым (как неустанно указывал Лири) открывал возможности перепрограммировать себя; при помощи ЛСД можно было как следует разобраться во всей этой игре и выработать самые лучшие меры защиты.

На Хэйт-стрит любили говорить, что испытать несколько раз хороший приход от кислоты это все равно, что пройти трехлетний курс психоанализа. Но прибавить еще несколько хороших приходов вовсе не означало удвоить этот результат и пройти шестилетний курс. Посетив Иной Мир несколько раз, вы достигали определенного уровня и на нем останавливались. Для дальнейшего продвижения и перехода на высшие планы сознания необходимо было пройти через плохие приходы (кошмары), но тут обязательно нужна была хорошая предварительная наработка.

Хиппи считали прием ЛСД «одним из лучших и самых здоровых методов» изучения сознания. «Кислота открывает вам двери, распахивает окна, раскрывает вам каналы восприятия. Она демонстрирует вам необъятные возможности жизни, ее великолепие и неописуемую красоту». При помощи кислоты вы можете «нырнуть на дно своего сознания и увидеть ваши несущие опоры и корни дерева, которое есть ваша личность… Вы увидите свои

психологические зажимы, пункты, на которых вы зациклились; даже если вам не удастся их вполне устранить, вы все же научитесь с ними справляться, и это уже замечательное достижение».

В этом своем раннем воплощении Хэйт был своеобразным санаторием, местным Баден-Баденом, только вместо горного воздуха и минеральных источников здесь больным прописывали лечебный курс наркотиков и благоприятных энергетических вибраций.

Все это привело к взрывному росту населения района в начале 1966 года. Катализатором этого процесса, насколько им мог быть один человек, стал Кизи со своими Кислотными тестами, и особенно важную роль сыграл его Фестиваль путешествий. Он словно включил рубильник, посылавший волну энергии через отдельные вкрапления хиппи, разбросанные по всему побережью Залива. Развив бешеную энергию, Кизи и его Веселые Проказники всего за несколько месяцев сумели приобщить к ЛСД больше людей, чем все исследователи, ЦРУ, «Сандоз» и Тим Лири, вместе взятые. Большинство новобранцев были студенты или бывшие студенты, только что окончившие колледж, еще не устроившиеся на работу и не выбравшие определенной профессии. Они приходили на Фестиваль путешествий наивные, с нетронутым сознанием, а уносили оттуда лишь неотступно преследующий их проблеск чего-то невыразимого — то, ради чего Лири бросил Гарвард, а Кизи — литературу. И поскольку у этой молодежи не было ни Миллбрука, ни Ла Хонды, им оставалось бежать только в Хэйт.

В июне 1966 года в Хэйте жило уже примерно 15 тысяч хиппи, и сами хиппи удивлялись этому не меньше других. «Бог отметил перстом эти несколько кварталов между Бэйкер и Стэньон-стрит, — так своеобразно они комментировали происходящее. — И мы неустанно и словами и молчанием вопрошаем — почему?» Элен Перри, одна из первых социологов, приступивших к изучению этого явления, сравнила Хэйт с «дельтой реки», где прибивает к берегу все, чему не нашлось места в Америке. Но и Перри не могла ответить на вопрос, почему именно в эту странную заводь вливаются всевозможные скрытые течения американской жизни… Когда она спрашивала какого-нибудь хиппи, что привело его в Хэйт, то получала невнятные ответы, вроде такого, например: «Я попал в поток энергетических вибраций, и они при-вели меня сюда».

Вслед за хиппи на Хэйт-стрит появились предприниматели, которые стали ремонтировать брошенные дома и обновлять фасады.

Возникло множество новых магазинов с характерными названиями: «Кофейный магазин Я-Ты», «Добавки для травки», «Психоделический магазин». Этот последний был основан двумя братьями — Роном и Джеем Телинами, которые задумали сделать из него информационный центр личностной революции. В «Психоделическом магазине» торговали главным образом книгами — среди авторов фигурировали Лири, Альперт, Уоттс, Хаксли, Гессе и, кроме того, солидная подборка восточной эзотерической литературы. «Мы пошли к друзьям и попросили их составить список книг, которые нам следовало приобрести, — вспоминают Телины. — И они просили побольше книг о наркотиках. Главным образом об ЛСД».

Телины были уроженцами Сан-Франциско, что было нетипично для населения Хэйта, но в остальном их биография была очень характерна для ранних хиппи: это были выходцы из среднего класса, пресвитериане, в детстве они продавали газеты на улицах и были ярыми патриотами. «Когда я был в армии, я читал журнал «Тайм» и голосовал за Ричарда Никсона. Я любил смотреть ТВ и верил, что мы хотим установить всеобщее равенство». Для Рона решающим событием было открытие Гинсберга и Ке-руака, за которыми настала очередь Торо и Алана Уоттса, и, наконец, ЛСД. Для Джея Телина поворотным пунктом в жизни стала лекция Ричарда Альперта, в которой тот подчеркивал необходимость солидной информационной базы, чтобы обеспечить необходимыми сведениями растущее число отважных первопроходцев, исследующих Иной Мир. После этой лекции Джей убедил своего брата расстаться с торговлей лодками и зонтиками, которой они занимались на озере Тахо, и вложить деньги в Хэйт.

Не прошло и недели после открытия магазина, как кто-то подсунул им под дверь записку: «Вы распродаете революцию. Вы ее коммерциализируете. Вы выволокли ее на рынок». Однако предприятие имело несомненный и быстрый успех как коммерческий, так и общественный. В качестве места сбора для населения Хэйта оно соперничало с «Единорогом» и приносило столько прибыли, что Телины вскоре расширили свое заведение, пристроив к нему темную комнату для медитаций, ставшую обычным местом любовных свиданий.

Проведя здесь несколько часов, послушав разговоры завсегдатаев, поварившись в атмосфере того, что социологи скоро назовут «модальностью хиппи», можно было глубоко проникнуть в

самую суть этой странной общины. При условии, однако, что вы изучите их язык.

Часто забывают, что психоделическое движение ознаменовало одну из величайших эпох американского сленга. В считанные месяцы развилось сложное арго, большая часть которого описывала наркотики и прием наркотиков — то, что для этого требовался особый язык, выглядело довольно естественно. ЛСД называлось «кислотой», постоянный потребитель ЛСД был «кислотник», разовая доза именовалась вершок или петелька. Марихуана была известна под разными названиями: «варево», «конопля», «сено», «трава», «шмаль» или просто «знатное дерьмо» — во всяком случае цель была одна — «словить кайф». «Кайф» в Филлморе мог оказаться «клевым» (желательным) — это, правда, зависело от множества второстепенных обстоятельств, — а мог обернуться «тяжелым» (чреватым нервным срывом) переживанием или, возможно, даже «полным улетом». «Полный улет» и его семантический аналог «отключка» — это были слова Пограничья: в тех краях тебя либо швыряло к небесам (что было очень хорошо), либо, наоборот, ввергало в ад, на самое дно (это было хуже всего). В любом случае все зависело от кармы (судьбы), а препираться с судьбой было бессмысленно. Пусть этим занимаются «цивилы», «правильные» (так именовали всякого, кто не хиппи), все эти клерки, зажатые в тиски ежедневного распорядка, не способные пребывать в Здесь и Сейчас — так безнадежно погрязли они в скуке материализма. По иронии судьбы жаргон был единственным, что «правильный» мир перенял у хиппи. Довольно скоро Мэдисон-авеню украсилась рекламой автомобилей и прохладительных напитков, пестревшей словечками вроде «клевый» или «полный улет».

Еще одно поразило бы посетителя «Психоделического магазина» в начале 1966 года — какое большое место в их чтении занимала эзотерическая тематика. Неоспоримым бестселлером был Герман Гессе — его «Паломничество в страну Востока», «Степной волк» и «Сиддхаратха» издавались огромными тиражами и к концу шестидесятых Гессе превратился в самого читаемого немецкого автора в Америке. От Гессе лишь ненамного отставала научная фантастика («Чужак в чужой стране», «Конец детства» и пр.), к которой Проказники относились почти как к откровению, раскрывающему истинный смысл мироздания. С другой стороны, особый отдел был посвящен серьезным научным работам по

экспериментам с психоделиками — здесь были такие авторы, как Лири, Хаксли, Уоттс и, кроме того, разные восточные и оккультные тексты от «Тибетской» «книги мертвых» до «Зогара».[105]

Олдос Хаксли с радостью приветствовал бы такое переплетение традиций Востока и Запада. Но ему, пожалуй, стало бы не по себе, если б он увидел, сколько оккультной мякины безнадежно перемешалось с зернами вечной философии. Хаксли предсказывал, что ЛСД пробудит духовную жажду, дремлющую в молодом поколении, но он и представить себе не мог, что получится, когда оно кинется утолять эту жажду… В Хэйт вечная философия явилась под густым и пряным соусом из астрологии, нумерологии, алхимии, черной магии, культа вуду… — какая-то дикая смесь тайных мистерий и современного жаргона, оскорбительная для западного ума, приученного раскладывать все по полочкам и загонять неподатливую реальность в четкие схемы, которыми так удобно оперировать.

Но хиппи, с их установкой на непосредственный опыт, это вполне устраивало. «Плыви по течению, — говорили они, — и делай свое дело». То, что было в высшей степени свойственно Нилу Кэссиди — способность полностью отдаваться настоящему, настраиваться в тон мгновению, — было одним из самых высоких состояний благодати, которое мог обрести хиппи. Кэссиди не писал великих романов и поэм, он не был профессором и ученым; по обычным меркам он был неудачником; но в Хэйте его почитали как символ совершенной гармонии, доступной человеку. Он прокладывал свою внутреннюю тропу с присущим ему мастерством и изяществом, и это было все, к чему следовало стремиться.

Не то чтобы хиппи много общались с Кэссиди; соседство Гинсберга чувствовалось гораздо больше. Скорее они усвоили самую суть его стиля через Проказников и Фестиваль путешествий.

Психоделическая лавка на Хэйт-стрит

Совершенно так же они воспринимали Лири, Хаксли и Алана Уоттса, усваивая из них то, что их как-то затрагивало, и отбрасывая

---

105 «Зогар» — собрание средневековых еврейских каббалистических текстов.

остальное. К примеру, когда какой-нибудь хиппи провозглашал: «я принадлежу к особой расе, не черной и не белой, к безымянной расе, которой еще, может быть, не существует» — это был отзвук романтического эволюционизма Хаксли, пропущенного через врезавшиеся в память отрывки из научно-фантастических саг, благоговейно хранившихся в каждой хипповской «хате». Когда они говорили, что жизнь это серия игр, а индивид — коллекция масок, защитных приемов и нередко стратегий самообмана, — вдумчивый наблюдатель не мог не вспомнить транзактную психологию Тима Лири; а залихватские выражения типа «мощный приход», бесспорно, восходили к удалой манере Кизи «Пройдешь ли ты Кислотный тест?».

Тщательный анализ мог бы проследить обрывки всех этих влияний и в обычае хиппи отказываться от старых имен, заменяя их особыми психоделическими кличками: Фродо, Шоколадный Джордж, Варвар, Койот. Один хиппи так объяснял, почему он поменял свое имя: «Тот Плюшевый Мишка, которого ты видишь, это только фасад. Другое мое «я» зовут Гарольд. И сейчас внутри меня существует этот Гарольд. Он совсем крошечный, но он еще здесь. Когда ты поселяешься в Хэйте, ты выбираешь себе имя и строишь свою личность так, чтобы ему соответствовать. Я выстроил Плюшевого Мишку, но сейчас я расстаюсь с ним — слава Богу! — и скоро он исчезнет. Ты приходишь сюда, чтобы измениться, и окончательное, самое важное изменение наступает тогда, когда «ты» воображаемый и «ты» реальный сливаетесь воедино».

Если бы активистам из Беркли по какой-то причине пришлось выбирать один-единственный символ своей борьбы, они, скорее всего, остановились бы на изображении сжатого кулака — этом общепонятном символе гневного сопротивления.

А вот хиппи мечтали воздвигнуть на окраине Хэйта статую святого Франциска, чтобы эта огромная фигура, вырезанная из гигантской секвойи, с распростертыми руками встречала бы пилигримов, вступающих в столицу Новой Эры.

Эта мечта отдавала чем-то средневековым — и действительно, паломничество в Хэйт-Эшбери тем Летом Любви чем-то походило на паломничество в средневековый Париж XII века. Такая же ошеломляющая экзотика и пестрая суматоха. «Всего одна длинная улица, Хэйт-стрит, битком набита «фриками», одетыми в самые немыслимые костюмы… одни пострижены под могавков, другие

прогуливаются в адмиральской форме». И за всем этим тот же самый всепоглощающий интерес к мистике. «В Хэйте, по крайней мере, полторы тысячи святых, — утверждал один хиппи. — Святых, блаженных, то есть, я хочу сказать — всяких, разного возраста и пола. Кому-то из них 70 лет, кому-то 15, а кого-то катают в колясочках». На местном жаргоне эти святые назывались «основными».

Повседневной жизни Хэйта свойственна была особая лихорадочная тревога, которую нелегко описать, хотя Леонард Вольф — преподаватель английского языка в Калифорнийском университете в Сан-Франциско и один из самых ранних наблюдателей хиппи — довольно точно ухватил суть дела, когда сравнил Хэйт с муравейником, «где все муравьи пьяны, но чрезвычайно заняты, и когда суматоха уляжется, каким-то образом оказывается, что все уладилось». Неофит не сразу понимал причину этого всеобщего напряжения, но в конце концов до него доходило: добрая половина жителей Хэйта каждый божий день была либо под кайфом, либо только что из-под кайфа, либо накануне кайфа.

Другими словами, все они жили в космическом времени, и это было бы просто замечательно, если бы все они обитали в ашраме или в монастыре. Но поскольку это было не так, то при таком образе жизни, когда несколько дней в неделю отданы распространению пакетиков с ЛСД, возникали всякие практические осложнения. Сущие мелочи — например, проблема, как удержаться на работе, чтобы заработать достаточно денег на еду и жилье. После вечера с кислотой не так-то просто заставить себя встать на рассвете и бежать в местный продуктовый магазин распаковывать ящики и наклеивать ценники на консервных банках, поэтому хиппи предпочитали наниматься разносчиками или курьерами и работать неполную неделю. В результате им приходилось за два дня в неделю успевать столько, сколько большинство людей успевает за пять.

Лихорадочные приступы активности, перемежаемые долгими периодами наркотической отрешенности, — вот был идеал хиппи. Упреки в лени и разболтанности казались им смехотворными; они заявляли, что их сообщество — лаборатория, где вырабатывается новый образ жизни для будущего, когда компьютеры и роботы устранят необходимость трудиться.

Все необходимое складывалось в общий котел — деньги, продукты, наркотики, жилье. Этикой хиппи подразумевалось, что все

они — члены одной большой семьи, хотя сами хиппи предпочитали называть эту семью племенем, в знак глубокого восхищения коренными американцами — индейцами, которые служили для них примером и образцом истинной свободы.

Первую свою ночь в Хэйте новички проводили обычно в одной из многочисленных коммунальных развалюх, втиснувшись среди десятка дружелюбных незнакомцев; сначала они избавлялись от внутренних тормозов и довольно часто — от девственности; затем наступала очередь одежды и старой системы ценностей — так последовательно отбрасывалось все старое, и этот процесс ускорялся первой же дозой кислоты. Через несколько дней прежняя жизнь в Де Мойне, в Далласе или где бы там ни было еще представлялась новичку такой же далекой, как школьные экскурсии.

Если хиппи не работали и не «путешествовали» (что для них тоже было своего рода работой), значит, они загорали в парке «Золотые Ворота» или гуляли по Хэйт-стрит, забегая то в аптеку выпить кофе, то в «Психоделический магазин» потолковать о последних новостях. Недели не проходило, чтобы в Хэйте не возникло парочки новых заведений, с которыми стоило познакомиться. Один за другим появлялись магазины: «Добавки для травки» (наркотические аксессуары), Галерея «Хохочущий енот» (сувениры), «Зардевшийся пион» (стильная одежда), «Печатный двор» (психоделические плакаты), «Звездное мороженое» (продукты). А еще можно было пойти в танцевальные залы «Филлмор» и «Авалон», где всегда играл какой-нибудь новый оркестр. «Филлмор» основал Билли Грэм, тот самый, который был распорядителем на Фестивале путешествий, организованном Кизи. Под впечатлением огромных сумм, которые Кизи загребал с помощью одной-единственной рок-группы, нескольких слайдов и наркотиков, Грэм снял заброшенный концертный зал в черном районе Филлмор и стал задавать здесь танцевальные вечера под рок-музыку местных ансамблей, многие из которых жили в Хэйте.

Группа «Charlatans», знаменитая тем, что ей удалось получить ангажемент на целое лето, занимала дом 1090 по Пейдж-стрит, а за несколько улиц до них жили «Grateful Dead» — рок-группа, игравшая на Кислотных тестах Кизи. По временам к ним добавлялись разные другие группы — «Big Brother and the Holding Company» («Большой Брат и компания держателей акций»), «Jefferson Airplane» («Аэроплан Джефферсона»), «Quicksilver Messenger Service» («Быстроногий

Курьер») и прочие, чей период музыкального полураспада оказался слишком короток, чтобы оставить по себе память в истории, но чья финансовая поддержка в свое время была бесценной для Хэйта. Со своей свитой поклонников и способностью добывать изрядные суммы наличными эти рок-группы были одной из опор экономики Хэйт-Эшбери.

Даже учителя средних школ были в ту эпоху поборниками свободного секса

Но роль рок-групп не сводилась к добыванию денег. Они заняли свое место в формировании философии хиппи. С ними была связана идея о рок-музыке как совершенном дополнении психоделического опыта. «Она занимает все поле чувственного восприятия, взывая к пониманию без всякого вмешательства интеллекта, — писал романист Честер Андерсон, бывший битник, ставший идеологом хиппизма. — Рок — это племенное явление, он свободен от всяких определений и прочих умствований; его можно назвать магией XX столетия».

Танцы под рок-музыку лучше всего демонстрировали, как два человека могут гармонично сотрудничать, делая одно общее дело.

*** * ***

Окружающий мир редко вмешивался в жизнь хиппи. А когда это происходило, это лишь сильнее укрепляло у правящего класса комплекс Большого Папочки. Классическим примером может служить крестовый поход против ЛСД. Судя по тому, что в 1965 году было выписано 123 миллиона рецептов на транквилизаторы и седативные препараты и 24 миллиона — на амфетамины, Америка любила эти психотропные снадобья. Она не могла без них жить. И зачастую оказывалось (3 тысячи передозировок в год), что она не могла жить и с ними. Но транквилизаторы и седативы не попали под запрет, потому что они гасили пламя жизни; они притупляли ум, не раскрывали его экстатические глубины (притягательные, а иногда и опасные).

Характерно, что когда группа предпринимателей-хиппи захотела присоединиться к местной Ассоциации коммерсантов Хэйт-стрит, им указали на дверь. Видимо, в рамках капиталистической системы

обычного типа не было места ни «Психоделическому магазину», ни «Добавкам для травки». Не смущаясь этим, хиппи сразу же сформировали свою собственную бизнес-группу, Независимые Собственники Хэйта — название специально было подобрано так, чтобы его аббревиатура читалась как ХИП.[106]

Но таким образом и пополнялся чудовищный счет непонимания и подозрительности. Молодежи казалось, что их родители только и говорят: «НЕТ!» Все, свойственное молодежи — ее прическа, музыка, одежда, манеры, речь, ее герои, ее мечты, — все решительно осуждалось и отвергалось тем самым поколением, которое непрерывно хвасталось своим либерализмом и терпимостью.

С другой стороны, родителям казалось, что эти ребята только и говорят: «на хер!». Всем своим видом и поведением, прической, связями, одеждой, которую носят, машинами, в которых ездят и т. д.

Эта междоусобная склока скоро удостоилась названия «Разрыв поколений», и социологи и психологи потратили немало усилий, пытаясь объяснить ее истоки, в то же время молодежи было на это совершенно наплевать: пусть себе этот разрыв углубляется, пока есть достаточно места творить свою собственную альтернативную культуру. Эта новая культура должна была стать царством раскрепощенной фантазии, как определили бы это Проказники; оставался лишь спор о том, в каком направлении пойдет освобождение. Кому благоприятствовало течение: активистам или хиппи? И существовал ли третий путь?

То, что это вообще стало предметом обсуждения, показывает, как быстро распространялось движение хиппи. В марте 1966 года в медицинском разделе журнала «Тайм» обсуждалось повальное увлечение ЛСД, а на страницах, посвященных культуре, тот же журнал рассказывал о быстром размножении «эксцентричных религиозных групп» — слово «хиппи» еще не вошло в общее употребление. Почти мгновенно в каждом крупном городе появилась маленькая община «кислотников «(выражение «Тайм»). И хотя ни одна из этих общин не могла потягаться с Хэйтом в размерах и сплоченности, все они были чрезвычайно похожи, все кишели красочно одетыми созерцателями с высшим образованием, которые преклонялись перед ЛСД и говорили о нем с религиозным пылом,

---

106 Height Independent Propietanes

неслыханным на Западе со времен Высокого Средневековья.

Активисты сперва высокомерно пренебрегали этим течением. Но по мере того, как личностная революция набирала силу, они встревожились и увидели в хиппи опасных соперников, больше озабоченных своими «вибрациями», чем Вьетнамом. «Необходимо сперва привести в порядок собственную голову» — гласила знаменитая передовица в самом первом печатном органе хиппи, «Оракль»: «Мы не достигнем блаженного, счастливого общества, пока каждый не обретет своей нирваны». Эта позиция заслуживала внимания, но она приводила к одному из тех вопросов о курице и яйце, которые можно обсуждать бесконечно. Может ли общество, состоящее из личностей, излечить социальные недуги, не пытаясь исправить свои внутренние пороки? Столетняя история психологически ориентированного мышления подсказывала отрицательный ответ на этот вопрос. Лири сформулировал это так: «Если все негры и все левые студенты в мире *за* втра получат «кадиллаки» и полный контроль над обществом, они все равно останутся повязаны законами социального муравейника до тех пор, пока не раскроют себя для новой жизни».

«Грейтфул дома и их «семья» на крыльце

Активистов такие аргументы не убеждали. Они казались им проявлением обывательского индивидуализма и отдавали чудачеством и мистикой. «А как насчет Индии?»- гласил стандартный ответ, и это было единственное возражение, которое обычно заставляло умолкнуть проповедников кармического пути к социальному оздоровлению. По существу, спор шел о материализме. Активисты хотели такого перераспределения жизненных благ, чтобы все могли жить на уровне среднего класса; они собирались поджаривать пятки либерализму, пока тот не выполнит свои обещания и не расплатится. Но хиппи ничего этого не хотели. Оголтелый материализм среднего класса внушал им отвращение. И хотя их собственный идеал был им не совсем ясен, он определенно ничего общего не имел с подъемом ВНП.

Таков был выбор — хиппи или активисты; созерцательная жизнь, основанная на смутных чаяниях просветления, или достойная борьба за то, чтобы очистить Америку от расизма и империализма и повести ее к тому, что выглядело (в тех немногих случаях, когда этот идеал

был теоретически сформулирован) гуманным социализмом. Казалось невероятным (по крайней мере, активистам), чтобы нашлись образованные люди, которые предпочли бы первый путь. Однако такие находились. И их число все возрастало.

То, что просмотрели активисты, причина, почему их ожидания не оправдались, было непонимание роли, какую сыграл ЛСД в переориентации контркультуры. «Наконец-то, — восторгался Гинсберг, — технология произвела химический препарат, катализирующий осознание того, что вся цивилизация была лишь путем, ведущим к этому наркотическому абсурду». Если это была правда, то внушаемость, свойственная психоделическому состоянию, столь дотошно исследованная Лири, превращала психоделики в одно из самых могучих орудий революции, известных истории, — намного более могучее, чем манифесты и лозунги политических радикалов.

К тому же вопреки всем ожиданиям ЛСД было все больше, и он становился все доступнее. Времена, когда достать ЛСД можно было только через связи в медицинских кругах, давно прошли благодаря горсти предприимчивых химиков, которые из своих подпольных лабораторий наводнили рынок чрезвычайно действенным препаратом. Эти химики по большей части скрывались, но один из них был примечательным исключением — Август Оусли Стенли третий.

Глава 23. АЛХИМИК

Оусли появляется в нашей истории в тот достопамятный вечер, когда Кизи сбежал с концерта битлов и, вернувшись домой, обнаружил, что его резиденцию осаждают сотни падких на знаменитости девчонок-фанаток Их привлек туда слух, распущенный Проказниками, что после концерта битлы поедут в Ла Хонду, чтобы «хорошенько за-торчать» Проказники как раз выпроваживали это ропщущее недовольное стадо через мост, когда перед Кизи внезапно вынырнул какой-то парень и гордо объявил ему тоном важной персоны «Я — Оусли»

Проказники смерили его взглядом — «этакий маленький нахал, небольшого роста, темноволосый, одет, как «кислотник», обычный богемистый прикид» — и с трудом сдержались, чтобы не расхохотаться. Кому могло тогда прийти в голову что всего через

несколько месяцев этот маленький нахал прославится чуть ли не больше самого Вождя? Или что, слушая его странный выговор, гнусавый и срывающийся Тим Лири скажет о нем «Я внимательно изучал труды величайших мудрецов нашего времени Хаксли, Хеда, Ламы Говинды, Шри Кришны Према, Алана Уоттса — и я ответственно заявляю, что на сегодня именно АОС-третий, этот студент-недоучка, выгнанный из колледжа, никогда не написавший ничего лучше (или хуже), чем несколько поддельных чеков, — больше знает о замыслах Всевышнего, чем любой из тех, кому я когда-то внимал».

Или что «Ньюсуик» сравнит его с Генри Фордом. Или что скоро придет время, когда все подпольные химики станут сбывать свою продукцию, выдавая ее за кислоту Оусли, которая на много месяцев станет настоящей валютой этого королевства.

Изо всех чудесных превращений, описанных в этой книге, превращение, которое произошло с Августом Оусли Стенли Третьим, несомненно, было самым чудесным.

*** * ***

Доведись ему родиться столетием раньше, Оусли стал бы классическим типом порочного негодяя, позорящего свою благородную семью. Такие персонажи сдабривают щепотью перца и толикой морали пресный викторианский роман. Но Оусли родился в 1935 году и был ровесником Кизи, хотя и совершенно другого происхождения: в его роду не было ни грязных фермеров-баптистов, ни переселенцев на Запад. Оусли был чистокровным южным джентльменом. Его дед, Август Оусли Стенли Первый, был сенатором США от штата Кентукки, отец — адвокатом в Вашингтоне. Оусли родился в штате Виргиния, в городе Александрия напротив Вашингтона, на другой стороне реки Потомак и уже с раннего возраста обнаруживал симптомы того, что у семейных психологов именуется «задержкой социализации». Его умственные способности, несомненно, были незаурядными — директор александрийской школы Шарлотт-Холл считал мальчика «чрезвычайно даровитым ребенком, вундеркиндом, страстно увлеченным наукой», — но он был на дурном счету из-за своеволия и необузданности. В девятом классе его исключили из Шарлотт-Холла за участие в попойке. В возрасте восемнадцати лет он совсем бросил

учебу и порвал все связи с семьей.

Благодаря своим выдающимся научным способностям Оусли удалось поступить в Технологическую школу в университете штата Виргиния, но он продержался там всего год. В 1956 году он поступил в армию и восемнадцать месяцев провел на авиационной базе Эдварде, на пустынном горном плато к востоку от Лос-Анджелеса, занимаясь электронной аппаратурой и радарами. Уволившись из армии, он перебрался в Лос-Анджелес, где как раз начинался электронный бум, и следующие несколько лет плыл по течению, меняя одну работу за другой и никогда не зарабатывая больше восьми тысяч долларов в год. Он сознавал за собой выдающийся интеллект, но его незаурядные таланты оставались без применения.

За последующие несколько лет Оусли успел жениться, развестись и снова жениться. Второй брак был заключен по экзотическому суфийскому обряду и позже был признан недействительным. Он стал отцом ребенка, затем вернулся к своей первой жене и снова ушел от нее — вел себя «словно маленький мальчик, который не хочет становиться взрослым, как Питер Пэн», так позднее рассказывала репортеру одна из его жен. В 1963 году он был арестован за подделку чеков на 645 долларов и получил три года условно.

После суда Оусли предпринял еще одну попытку получить высшее образование и снова поступил в колледж, на этот раз в Беркли. Он поселился в дешевом пансионе, где сдавали комнаты студентам и бывшим студентам, и «набил свою комнату коробками, полными всякой всячины, вроде балетных туфель, полного снаряжения пчеловода и незавершенной картины, изображающей руку распятого Христа, созерцаемую как бы с точки зрения самого Христа». Он оказался большим оригиналом и в качестве «домашнего чудака» не имел себе равных.

Оусли сочинял стихи, изучал русский язык, писал странные, но вполне сносные по исполнению картины, увлекался балетом и был помешан на электронной технике. Он одевался шикарно, несколько эксцентрично, был щеголеват и предпочитал, чтобы его звали не по имени, а по прозвищу — Медведь. Своему соседу Чарлзу Перри он напоминал того персонажа из романа Уильяма Берроуза «Голый завтрак», у которого «на все была своя теория, даже на то, какое белье полезнее для здоровья». Некоторые его теории были прямо-таки блестящими, другие просто дикими, но он защищал их все с остервенением, которое отталкивало тех, кто полагал, что ему пора

уже становиться мягче и умудрен-нее, больше общаться с людьми, воспринимать чужие мнения, впитывать и обдумывать информацию. Но хотя Оусли и был самоуверенным и слишком упрямым, он никому не навязывал своих идей насильно. «В его постоянном энтузиазме чувствовалось бескорыстие, его воодушевляли благородные побуждения. И его идеи никогда не были скучными», — вспоминал Перри.

> *Оусли никогда не обедал с нами, потому что он был «вегетарианец наоборот». Он считал, что поскольку человечество ведет свой род от плотоядных приматов, наша пищеварительная система может переваривать только мясо, и овощи на нее действуют как медленный яд. Однажды, когда мы курили вместе гашиш и из-за этого нас «пробило на хавку», он заявил, что я хочу его отравить яблочным пирогом. «Я уже много лет не принимал растительной пищи, — ворчал он с набитым ртом — Это расстроит мне желудок на целый месяц».*

Он проучился в Беркли всего один семестр, а затем бросил университет и пошел работать техником в телевизионную компанию КГО. На первый взгляд, казалось, что он вернулся в привычную колею, однако на самом деле в его жизни произошло два существенных изменения. Первым было его знакомство с ЛСД. О том, что испытал Оусли в Ином Мире, мы можем только догадываться, опираясь на свидетельства других людей. Тим Лири в свойственном ему неподражаемом стиле живописует, как Оусли, «полностью отключившись под влиянием ЛСД, вихрем прорвался через свои клеточные перевоплощения, распылился по ту сторону жизни на пульсирующие кристаллические решетки и уже за пределами материальной вселенной протуберанцем дотянулся до того мирового центра, который представляет собой лишь единственную сияющую и рокочущую вибрацию». И когда тем же вихрем его швырнуло назад, это был уже не просто художник-дилетант и блестящий неудачник. Оусли вернулся с миссией: ему было предназначено спасти мир, наладив производство самого чистого и самого дешевого ЛСД в таком изобилии, чтобы оно стало доступно для всех.

И вот тут сыграл свою роль второй фактор, вошедший в жизнь

Оусли. По случайному совпадению как раз в это время у него завязался роман с одной студенткой в Беркли по имени Мелисса, которая специализировалась по химии.

Первую свою лабораторию Оусли устроил в ванной комнате жилого дома в Беркли, недалеко от университета. Есть основания считать, что в этой лаборатории он занимался производством не только ЛСД, но и мефедрина.[107] По крайней мере, так предполагала полиция, когда она нагрянула в этот дом в феврале 1965 года и конфисковала некие химикалии, которые, возможно, были (а возможно, и не были) промежуточным звеном в производстве ЛСД. Во всяком случае, мефедрин не нашли, хотя именно такое обвинение полиция предъявила Оусли.

То, как Оусли реагировал на эту полицейскую облаву, заложило основы легенды, которая впоследствии создалась вокруг его личности. Не растерявшись, он нанял адвоката и на эту роль пригласил Артура Харриса, заместителя вице-мэра Беркли. Хар-рис не оставил от обвинения камня на камне, доказав, что никакого мефедрина полиция не нашла. Но Оусли не удовольствовался простым оправданием. Поскольку обвинение развалилось, он предпринял контратаку, подал на полицию иск с требованием вернуть ему конфискованное лабораторное оборудование и выиграл дело. После этого он скрылся.

Затем он внезапно появился в своем родном городе Александрия в штате Виргиния и связался со своей семьей. Позднее его отец рассказывал репортеру: «Он был всего в четырех милях от нас, но мы разговаривали только по телефону. Он взбеленился на меня, пытался доказать, что выпивка хуже [наркотиков]. Я сказал ему, чтобы он все это бросил и вернулся домой и тогда мы с ним об этом потолкуем… Мы не очень-то ладили. Нам не нравится, как он себя ведет. У него своя жизнь, у нас своя. Он два раза женился, от каждой жены у него ребенок, и при этом он живет еще с одной женщиной. Когда он привел сюда эту потаскушку, я его не впустил». На прощание АОС-второй еще раз прошелся по адресу своего сына, заявив, что «при всем своем блестящем уме тип он крайне неуравновешенный».

---

[107] Он же d-дезоксиэфедрин, он же «спид» или «скорость» — сильный стимулятор ЦНС амфетаминовой группы Поступил в продажу впервые в 1944 году

Новой оперативной базой для Оусли стал Лос-Анджелес. Он основал компанию, назвал ее «Научно-исследовательская группа по изучению физиологии медведей» и стал заказывать химические реактивы, необходимые для синтеза лизергиновой кислоты. Прикрываясь «изучением медведей», он приобрел солидный запас лизергинового моногидрата — основного компонента ЛСД. В общей сложности он накопил 800 граммов, 500 граммов были получены от «Цикло Кемикал» и 300 — от «Интернэшнл Кемикал энд Нуклеар Корпорейшн». И той и другой компании он оставлял аффидевиты — письменно заверенные и скрепленные заявлением под присягой обязательства использовать реактивы только для исследовательских целей. Оусли расплачивался наличными — одному только «Цикло Кемикал» он заплатил двадцать тысяч долларов сто долларовыми банкнотами, и это показывает, что фабрика в Беркли хоть и работала недолго, оказалась неожиданно прибыльной.

Первую партию лизергинового моногидрата Оусли получил 30 марта 1965 года и уже в мае превратил ее в ЛСД. Сведения о своей продукции он, как правило, распространял устно, от человека к человеку; возможно, поэтому полиция снова заинтересовалась его подпольной лабораторией. Капитан Альфред Трембли, глава лос-анджелесского подразделения по борьбе с наркотиками, втайне от Оусли стал регулярно опорожнять его мусорные ящики. Таким путем ему в руки попало несколько бланков с заказами на кислоту. Один из них пришел из Портленда в штате Орегон, в нем был запрос на 40 капсул и приписка: «Привет Мелиссе».

Сценка из жизни Хэйт-Эшбери

Через год, когда Трембли будет выступать со свидетельскими показаниями на слушаниях в Конгрессе, мусор Оусли будет наглядно продемонстрирован и предъявлен как вещественное доказательство. Но пока что Оусли исчез с горизонта капитана Трембли. Закончив работу над первой партией кислоты, он вернулся в Сан-Франциско и совершенно потряс своих старых соседей, предъявив им собственный, им самим изготовленный препарат ЛСД. По словам Чарлза Перри, первая кислота, синтезированная Оусли, «отличалась убойной силой и действовала подавляюще. Этим она несколько напоминала самого Оусли, который всегда был чрезвычайно напорист». Оусли роднила с Проказниками крайняя бесшабашность и

решительность в отношении психоделиков; он всегда подначивал своих друзей: «прими двойную дозу и ты вылетишь прямо в космос».

Летом 1965 года Оусли впервые услышал о Кизи, и так была подготовлена почва для их встречи наутро после несостоявшейся вечеринки с битлами. Встречу эту смело можно назвать судьбоносной, ибо вполне возможно, что без Оусли не было бы никаких Кислотных тестов, по той простой причине, что ЛСД было слишком трудно достать. Мечта о кислоте, тысячами доз распределяемой среди всех желающих, так и осталась бы просто мечтой, если бы в то летнее утро из толпы девчонок-фанаток не вынырнул бы внезапно этот маленький нахал и не заявил бы: «Я — Оусли».

Так был сделан второй шаг к сотворению легенды об Оусли — он стал присяжным химиком Проказников.

Разбогатев, Оусли стал щедро раздавать деньги и сделался настоящим патроном-покровителем контркультуры. Он закупал звуковую аппаратуру для рок-групп, нуждавшихся в деньгах, как, например, «Grateful Dead», и субсидировал издание первой газеты в Хэйте, «Оракль». По свидетельству того же Чарлза Пер->ри, старого соседа Оусли, его убежище в Беркли «нередко напоминало средневековый королевский двор, постоянно осаждаемый толпами просителей… вымаливающих у монарха какую-нибудь милость. Я словно вижу перед собой тогдашнего Оусли — как он голый восседает в огромном кресле, выстланном мехом, и высушивает волосы феном, сдержанно, но благосклонно внимая их просьбам». Личные вкусы Оусли всегда отличались экстравагантностью, и теперь он мог удовлетворять свои прихоти с большим размахом. Он коллекционировал восточные ковры и электронные приборы высочайшего класса. Он держал дома ручную сову и кормил ее живыми мышами. Он готовил духи по индивидуальным заказам, смешивая разные эссенции, чтобы получить аромат, точно отражающий его представление о личности клиента. Хотя не Оусли разработал, как должен выглядеть и одеваться наркодилер эпохи хиппи, он определенно довел его внешний облик до совершенства. От бирюзового пояса до обуви ручной работы его костюм был всегда тщательно продуман и отличался изысканностью. Он страстно любил хорошую кухню и сам наслаждался, угощая свою свиту разнообразными обедами в первоклассных ресторанах. Цены на мясо были излюбленной темой его монологов, о чем бы ни заходила речь

— о вреде вегетарианства или о его знаменитом «кислотном рэпе». И предпринимал ли он марафонский пробег по теории относительности или по буддийской философии — все сводилось к одному итогу ЛСД дарован человечеству Провидением, чтобы спасти его от последствий открытия ядерной реакции.

Оусли не был одинок в этом мнении И Олдоса Хаксли, и Джеральда Хеда также поражало совпадение во времени двух событий — знаменитые предчувствия, подтолкнувшие Альберта Хоф-манна снова заняться двадцать пятым препаратом, посетили его всего через несколько недель после того, как Энрико Ферми впервые удалось расщепить атомное ядро на чикагском теннисном корте. Хед не раз говорил, что ЛСД это просто способ, которым Бог спасает человечество от ядерной угрозы. Ральф Мец-нер считает, что «теория Оусли состояла в том, что высшие существа, наблюдающие за развитием Земли, не могли допустить, чтобы эксперименты по расщеплению атома зашли слишком далеко; ядерная радиация была смертельно опасна для всех форм жизни на этой планете. Поэтому они решили произвести в молекуле ЛСД небольшое изменение, может быть, слегка сместив одно из второстепенных звеньев цепочки, чтобы превратить ее в наркотик, раскрывающий человеческое сознание…»

Таким образом, по мнению Оусли, его деятельность в качестве подпольного химика была санкционирована высшими силами.

Было бы неправильно, однако, представлять себе, что пристрастие Оусли к пышности и размаху исчерпывало его натуру; в нем жил и совершенно другой человек — замкнутый, подозрительный и маниакально захваченный одной идеей И по мере того, как росла его скандальная слава, эта сторона его характера становилась все заметнее. Он любил обдумывать военные хитрости в духе Джеймса Бонда, которые одурачили бы всех капитанов Трембли в мире. Как всякий уважающий себя шпион, он менял свои привычки и никогда не являлся на встречу в назначенное им самим время. На последнем Кислотном тесте, который состоялся через несколько недель после мнимого самоубийства Кизи, он стал техническим консультантом «Благодарных Мертвецов»

Это было в Лос-Анджелесе. Проказники сняли склад на окраине гетто Уоттс и через лос-анджелесский андеграунд распустили слух, что вскоре должен состояться Кислотный тест. Оусли был там с новым помощником, молодым электронным гением по имени Тим

Скалли Последние несколько месяцев Скалли работал под руководством Оусли, конструируя звуковую аппаратуру по его подробным инструкциям. Выражаясь жаргоном Проказников, Оусли здорово врубался в ту новаторскую музыку, которую играли «Мертвецы». Он чувствовал, хотя и не мог этого отчетливо выразить, — по крайней мере, ему так и не удалось объяснить Скалли, что именно он имеет в виду, — что в космическом сценарии року отведена важная роль, которую можно сравнить только с ролью ЛСД.

Новоявленный интерес Оусли к «Благодарным Мертвецам» не заставил его отказаться от своей прежней роли главного алхимика Проказников Теперь в центре склада, служившего им штаб-квартирой, красовалась пара мусорных бачков, доверху набитых упаковками сухого прохладительного напитка «Кул-эйд» — и Оусли смог, наконец, не скупясь и не оглядываясь, щедрой рукой отмеривать свою продукцию

И все же что-то было не так, как прежде Отсутствие Кизи пробило брешь в Невыразимом. Позднее ответственность за это возложили на Бэббса, унаследовавшего мантию Кизи. Считалось, что Бэббс отдает слишком много приказаний, что он пытается навязывать Проказникам военную дисциплину Безусловно, ему не хватало таланта Кизи управлять, оставаясь в тени, «руководить не руководя». Но был ли он действительно виноват в том, что произошло в Уоттсе? Это крайне сомнительно. То, что там случилось, мог бы предвидеть Кизи, если бы внял предостережению, полученному на том самом концерте. Десять человек могли экспериментировать с групповым сознанием и образом Homo и получать замечательные результаты. Сто или даже тысяча людей могли бы просто приятно провести время за этим занятием, при условии, чтобы за ними был толковый присмотр. Но существовал некоторый предел. И когда численность толпы переходила эту границу, в ней просыпался зверь — взбесившееся чудовище, пожирающее себя самого. По мере того как росло число людей, вовлеченных в Кислотные тесты, к мечте о раскрытии новых горизонтов сознания стали примешиваться иные побуждения — разрушительные и даже демонические.

В Уоттсе это стало до боли очевидно. Стоило кому-то начать бредить, как Проказники бросались к нему с камерой и микрофоном, чтобы запечатлеть этот момент. Микрофон был подсоединен к воспроизводящей системе, которая создавала тревожный эхо-эффект,

особенно если жертва невнятно бормотала или рыдала, как оно обычно и бывало. Когда «Благодарные Мертвецы» стали протестовать против такой вопиющей жестокости и даже назвали это фашизмом, между ними и Проказниками вспыхнула яростная ссора. Наутро настроение у всех было испорчено.

У всех, кроме, пожалуй, Тима Скалли. Для Скалли приехать в Лос-Анджелес с Проказниками было то же самое, что для предыдущего поколения удрать из дому и устроиться в бродячий цирк.

С самого детства Тим Скалли проявлял склонность к науке. Еще восьмиклассником он участвовал в научной выставке района Залива, занял там второе место и привлек внимание ученых из лаборатории им. Лоуренса Ливермора в университете Беркли. Он вырос в пригороде Плэзэнт-Хиллз, напротив Сан-Франциско, на другом берегу залива и являл собой законченный тип «очкарика», развитого не по годам подростка: блестяще одаренный, диковатый, застенчивый, одинокий, он чувствовал себя потерянным среди молодежи, тогда еще беспечно веселившейся и занятой только спортом. Пока его сверстники проводили летние каникулы на пляже или на теннисных кортах, Скалли не вылезал из лаборатории им. Лоуренса Ливермора, работая над запутанными физическими проблемами. В предпоследнем классе он решил проверить, нельзя ли превратить ртуть в золото, бомбардируя ее потоком нейтронов, и начал строить линейный ускоритель в школьной лаборатории. Страх перед последствиями случайного облучения со стороны юного гения подсказал директору школы мысль, что колледж будет наилучшим поприщем для его талантов; и в том же году Скалли, так и не окончив школы, досрочно поступил в Беркли, избрав своей специальностью математическую физику. Это в точности соответствовало планам его родителей, рассчитывавших, что он получит степень доктора философии по какой-нибудь достаточно трудной научной специальности и станет высокооплачиваемым ученым на службе у государства. К этому все и шло. Но тут он познакомился с ЛСД.

Первый прием ЛСД состоялся 15 апреля 1965 года, через несколько часов после сдачи налоговой декларации. Для Тима Скалли, которому исполнилось уже 24 года, тот год был в финансовом отношении удачным. Его работа инженера-конструктора моделей электронных приборов пользовалась таким спросом, что он был вынужден взять в Беркли академический отпуск; зато он

заработал столько, что смог купить дом.

И вот теперь он испытал классическое психоделическое прозрение: этот наркотик может спасти мир! Но ему было очевидно, что «правительство, должно быть, ужасно напугано этим препаратом» и его наверняка скоро запретят. Поэтому следовало сделать хороший запас сырья. Покопавшись в университетской библиотеке и досконально изучив техническую литературу, Скалли понял, что ключевым ингредиентом в синтезе ЛСД было соединение, именуемое моногидратом лизергиновой кислоты. Значит, его и следовало запасать. Это оказалось труднее, чем он ожидал. Моногидрат лизергиновой кислоты редко бывал в продаже и стоил очень дорого — по крайней мере, так заявил продавец местной фирмы, торгующей химикалиями; маловероятно было, что ему удастся раздобыть хоть сколько-нибудь этого вещества. Скалли как раз ломал себе голову над тем, что же теперь предпринять. И тут он узнал, что большая часть лизергинового моногидрата в районе Залива принадлежит некоему парню по имени Оусли.

Осенью 1965 года, примерно в то же время, когда установился ритуал Праздников Кайфа, эти двое наконец встретились. Оусли доверился ему не сразу. Несколько недель он испытывал Скалли, часами обсуждая с ним философские вопросы и электронную аппаратуру и рассказывая разные истории о Кислотных тестах и диких выходках Проказников. Чтобы разъяснить Скалли, что он имеет в виду, когда говорит о роли, которую музыке суждено сыграть в грядущей революции, Оусли сводил Тима послушать «Благодарных Мертвецов». Скалли провалился на этом своеобразном экзамене, но в целом он произвел на Оусли благоприятное впечатление. В результате Оусли сделал ему предложение: зимой они вместе сконструируют электронную аппаратуру для «Благодарных Мертвецов», а весной, если все пойдет хорошо, займутся синтезом ЛСД.

Скалли проработал с «Благодарными Мертвецами» до поздней весны 1966 года, а затем Оусли решил, что пора обратиться к производству кислоты. Он снял дом на берегу Залива, в Пойнт-Ричмонде, подальше от Сан-Франциско и оборудовал в подвальном этаже химическую лабораторию.

Одно из многих заблуждений, завоевавших себе широкое признание в спорах об ЛСД, состояло в том, что синтезировать ЛСД очень легко — считалось, что любой способный подросток может

запросто состряпать партию кислоты в лаборатории своего колледжа. Это совершенно неверно. Изготовить ЛСД очень сложно, и на этом пути подстерегает множество подводных камней, особенно если все, чем вы располагаете, — это кустарная лаборатория в подвальном этаже пригородного дома. Первый же опыт производства кислоты, в котором Скалли принял участие, чуть не потерпел крах с самого начала. Дело в том, что Оусли обычно применял для синтеза ЛСД трехокись серы, а этот реагент чрезвычайно опасен. Стоило хоть капле этой жидкости попасть на кожу, и она моментально выжигала в ней красивую аккуратную дырку. Если просачивалось в воздух несколько капель, то вся влага вокруг превращалась в серную кислоту.

Беда случилась, когда трое участников процесса — Скалли, Оусли и Мелисса, — стоя на коленях на бетонном полу, колдовали над ампулой, помещенной в чистый пластиковый пакет для белья, который Оусли предварительно наполнил сухим азотом. По методу, усовершенствованному Оусли, нужно было осторожно засунуть пилку в пакет, отпилить горлышко ампулы так, чтобы получилось воронкообразное отверстие, залить туда точно определенное количество трехокиси серы и затем запаять ампулу сварочной горелкой. Но на этот раз, только они отпилили горлышко ампулы, как в воздух попала капелька серной трехокиси и пуфф — воздух моментально насытился парами серной кислоты. Задыхаясь и кашляя, они все же довели дело до конца — залили трехокись серы в воронку и запаяли ампулу; только после этого они распахнули двери гаража и выбежали наружу в сопровождении облаков ядовитого газа, который клубами раскатывался вдоль шоссе, заползая и на газоны перед домами Пойнт-Ричмонда. К счастью, проблема наркотиков еще не настолько завладела общественным вниманием, чтобы вид троих эксцентрично одетых молодых людей, явно богемного вида, выбегающих из гаража в облаке газа, возбудил подозрение.

В общем, однако, дело продвигалось и трое исследователей работали неутомимо, круглыми сутками не покидая подвала, в постоянной спешке, при желтом искусственном свете, под непрестанное шипение вакуумного насоса. По словам Скалли, «Оусли был убежден, что его душевное состояние в тот момент, когда идет химическая реакция, оказывает решающее влияние на ощущения тех людей, которые будут принимать ЛСД. У него был друг — ведущий музыкальной программы на одной из местных

радиостанций, — и Оусли, бывало, звонил ему и говорил: «Ну вот, у меня на подходе очередная партия, так что прокручивай следующую запись» — это чтобы настроиться на нужный лад. Он даже пробовал заклинать реакцию: бывало, сидит над колбой с реактивами и, сосредоточившись, делает над ней руками какие-то таинственные пассы».

По свидетельству Скалли, работа в качестве подпольного химика необычайно вдохновляла и опьяняла. «Этот процесс поглощал тебя целиком. Определенно это одно из самых захватывающих переживаний в жизни. Вот вы тут работаете и понимаете, что трудитесь над чем-то, что может стать величайшим событием в мировой истории. Что вы, может быть, спасаете мир от разрушения. И конечно, это по-настоящему здорово — оказаться в роли культурного героя».

Первые партии были небольшими. Они редко превышали 10–20 граммов, притом что в одном грамме содержалось примерно три или четыре тысячи единичных доз. Распределить готовую ЛСД по этим дозам само по себе было интересной технической задачей. В первое время жидкую кислоту титровали прямо на кубик рафинада или таблетку витамина С, а иногда запаивали в ампулу. Затем были приобретены очень несовершенные, грубые машины для изготовления таблеток. Они требовали ручной работы и наполняли воздух пылью. В этом пыльном полумраке каждый, кто занимался таблетированием, довольно быстро отваливался в угол под сильным кайфом. Обзавестись первоклассной таблетировочной машиной стало заветной мечтой подпольных химиков, и много времени было потрачено на обсуждение способов, как ее приобрести, не возбудив тревоги у сторожевых псов из Бюро контроля за лекарственными злоупотреблениями и FDA.

Проблеме, как вывести психоделики на рынок товаров массового потребления, также уделялось большое внимание. Скал-ли полагал, что время не терпит, потому что разгром со стороны правительства близок и неминуем. «Почти все, кого я знал, считали эти прогнозы слишком пессимистическими, — говорит он. — Я сильно переживал из-за этого и подталкивал всех остальных. Потому что другие считали примерно так: пусть все развивается своим путем, в ходе естественной эволюции. Зачем спешить? А Оусли часто говорил, и это было в общем-то правильно, что ЛСД очень похож на вирус. Вирусы не могут размножаться сами. Они поступают иначе —

внедряются в здоровую клетку и заставляют ее производить новые поколения вирусов».

Оусли часто строил фантастические планы, как ускорить этот процесс. Одной из самых смелых его фантазий было вовлечь в это дело журнал «Лайф», который предоставлял предпринимателям возможность рассылать вместе с экземплярами журнала маленькие почтовые карточки с рекламой любой продукции, вставленные в специальный кармашек. «Почему бы не напечатать большую серию карточек и не нанести на каждую пятнышко кислоты, — говорил он Скалли. — Когда весь тираж будет разослан, мы объявим, что все, кому нужен ЛСД, могут его получить, отрезав правый нижний уголок карточки. Таким образом наши клиенты могли бы получить 10–11 миллионов доз. Эта эффективная система доставки может распространить ЛСД по всему миру». В действительности эффективная система доставки была уже создана. Благодаря Оусли и некоторым другим химикам, которые работали в районе Залива, Хэйт-Эшбери быстро становился мировой столицей ЛСД. Люди ежедневно приезжали сюда закупать ЛСД, а затем улетали обратно в Бостон, Кливленд или какой-нибудь другой крупный пункт сбыта, которых было больше десятка.

Кислота «от Оусли» ценилась так высоко, что некоторые химики стали сбывать свою продукцию под его именем. Чтобы оставить их в дураках, Оусли стал окрашивать свои таблетки разными красителями — решение довольно простое, но оно возымело удивительные и неожиданные последствия. Препаратам, окрашенным в разные цвета, стали приписывать всевозможные дополнительные свойства: один из них якобы действовал очень мягко, другой вызывал интенсивные видения. Пораженные и даже несколько встревоженные этим непредвиденным результатом, Скалли и Оусли провели небольшой эксперимент. Взяв 50 граммов недавно приготовленного ЛСД, они разделили его на пять кучек и окрасили каждую своим цветом. И стали ждать замечаний от потребителей. Отзывы гласили, что красный ЛСД и в самом деле был очень мягким, а зеленый — чрезвычайно сильным. Кроме того, пошли слухи, что к одному из красителей был примешан стрихнин.

Закон о запрете ЛСД в штате Калифорния застал Оусли и Скалли в Пойнт-Ричмонде, за работой. Теперь, когда перед ними встала реальная угроза тюрьмы, правила игры резко изменились. Особенно для Оусли — самого выдающегося из подпольных химиков.

Нетрудно было догадаться, что из примерно сотни агентов Бюро контроля за лекарственными злоупотреблениями, «обучавшихся» в Беркли, заметная часть вела охоту за Оусли. Так что он решил изготовить еще 200 граммов кислоты и затем прикрыть лавочку. Он хотел некоторое время просто поболтаться среди людей, пообщаться, поездить по свету с «Мертвецами», напитаться впечатлениями от бурно развивающегося мира хиппи.

Танцуя под музыку «Грейтфул Дэд» в парке «Золотые ворота».

Но Скалли уже не мог остановиться. Целиком охваченный страстью, он отказывался прекратить работу и требовал от Оусли, чтобы тот разрешил ему вложить часть прибыли в новую лабораторию, предпочтительно вне Калифорнии. Оусли согласился. И в качестве прощальной услуги познакомил Тима с руководством местных химических компаний, представив как своего близкого друга, и попросил обслуживать его как можно лучше. Тогда, в конце 1966 года местные фирмы, торгующие химическими товарами, оказались в трудном положении. Бюро контроля за лекарственными злоупотреблениями потребовало от них, чтобы они докладывали о любом необычном покупателе, готовом с ходу выложить пятнадцать тысяч долларов за лабораторное оборудование высочайшего класса. Но пятнадцать тысяч долларов есть пятнадцать тысяч долларов, и компаниям не хотелось сдавать полиции своего постоянного клиента и выгодного заказчика Оусли. Но у них не было никаких причин щадить Скалли. Так что они его выдали.

Скалли не понимал, что происходит, до тех пор, пока не загрузил все оборудование в подержанный грузовик для печенья «Саншайн», который он приобрел специально для этой поездки. «Там на складе был один новый служащий, очень услужливый. Он помогал мне грузиться и все порывался со мной поболтать, а потом сел в машину и стал меня преследовать. В этом деле он был такой же недотепа, как и я, так что я почти сразу же догадался, что это полицейский. Хотя до меня это не доходило, пока он не влез в свою машину. Я был не очень-то сообразителен, но и он не проявил особенной хитрости, когда гнался за мной».

Скалли был тогда не один, с ним в машине был друг — студент, изучавший восточную философию. Это он впервые познакомил Тима

с марихуаной в те золотые времена, когда уходить от погони федеральных агентов казалось чем-то таким, что случается не в жизни, а только на экране. Оба были в ужасе, пока их вдруг не осенило: мы не сделали ничего незаконного. Пока. Не существовало никакого закона, запрещающего разъезжать на грузовике из-под печенья «Саншайн», набитом вполне легальными химическими реактивами. Но если они не стряхнут с себя преследователей — что было нелегко, так как их большой желтый грузовик привлекал внимание, — они могут попрощаться со своими пятнадцатью тысячами долларов.

Скалли свернул с дороги и стал изучать дорожные карты района Залива. «Мы решили, что попытаемся избавиться от них в Сан-Хосе, потому что там пересекается много дорог. Мы полагались на то, что у них не хватает машин, так что если бы нам удалось оторваться от них хоть на несколько минут, мы бы свернули на какое-нибудь шоссе, ведущее из города, и улизнули». Они прикатили в Сан-Хосе точно в часы пик, проскочили под светофором на красный свет, быстро сделали несколько поворотов и без всяких приключений добрались до Денвера, где Скалли снял дом с подвалом и прилегающим гаражом, рядом с парком, напротив зоологического сада.

Когда лаборатория была готова, он явился к Оусли за обещанным лизергиновым моногидратом. Но Оусли попросил отсрочку, сославшись на то, что сейчас не время. На самом деле причина была в другом: на случай ареста и обыска Мелисса поместила драгоценный лизергиновый моногидрат в стальном сейфе одного банка в Аризоне под вымышленным именем. Теперь она не могла вспомнить, что это было за имя. Они испробовали все, в том числе и гипноз, но безрезультатно.

Но об этом Оусли ничего не рассказал Скалли. Вместо этого он протянул ему карточку размером 3 на 5 дюймов с набросанными на ней несколькими строчками заметок. Это следующая ступень, объяснил он Скалли, супернаркотик, которого все давно уже ждали. Все, что требовалось от Тима, — рассчитать, как его синтезировать.

Со временем следующей ступени суждено было получить имя: СТП[108] и репутацию: «Как будто в тебя выстрелили из пистолета.

---

108 4-метил 2,5-диметоксиамфетамин — сильный психоделик, часто вызывающий тяжелые стойкие психозы.

Невозможно ни снизить скорость, ни дать задний ход. Словно отказали тормоза…»

Но появление СТП, собственно, принадлежит к другой части нашей истории, которая касается так называемого Лета Любви — так прозвали туманное лето 1967 года, когда сто тысяч юношей и девушек со всех концов страны нахлынули в Хэйт. На минуту показалось, что весь континент — от моря до сияющего моря — накрыла психоделическая волна. А затем воды схлынули, оставив за собой лишь кучи обыкновенного мусора, груду обломков и горький осадок разочарования от того, что казалось таким близким и все-таки не сбылось. Закончившись, Лето Любви похоронило под собой и многие психоделические мечты.

Глава 24. СЛЕДУЮЩИЙ РУБЕЖ

Хотя официально Лето Любви открылось 21 июня, в день летнего солнцестояния, в действительности оно началось гораздо раньше — предыдущей осенью, а именно 6 октября 1966 года — в день, когда в штате Калифорния вошел в силу закон о запрете ЛСД.

Хиппи по своему протестовали против «посягательства государства на их душу». Они приветствовали новый закон чем-то вроде бостонского чаепития — народным гуляньем с изобилием наркотиков, даровой еды и музыки. Празднество, поименованное «Парадом Любви», происходило в парке, узкой полосой протянувшемся параллельно Хэйт-стрит и прозванном «Пэнхэндл» («Сковородная ручка»). К всеобщему изумлению и удовольствию, по случаю праздника на улицы высыпало несколько тысяч экстравагантно разодетых хиппи, что дало повод одному пожилому туристу заметить в разговоре с местным журналистом: «Ну, в Филадельфии вы ничего подобного не увидите».

«Лето любви»

На самом деле, ничего подобного не видано было раньше и в Сан-Франциско (если не считать Фестиваля путешествий, уже успевшего стать легендой). Собравшись все вместе, в кругу сво-их товарищей-фанатов, хиппи впервые почувствовали, что их заветная мечта может осуществиться, что течение эволюции действительно

работает на них. Может быть, это было всего лишь последствие усиленного приема ЛСД, но со времени Парада Любви Хэйт проникся наивным оптимизмом, сочетавшимся с мистической верой, что все необходимое для психоделической революции совершится само собой. И в самом деле, едва ли не в одну ночь Хэйт обрел собственную газету — сан-фран-цисский «Оракль», собственную полицию — Ангелов Ада, собственную радиостанцию — КМРХ, в прихожей которой всегда можно было встретить одно-го-двух хиппи в позе лотоса, собственную Торговую палату — ассоциацию Независимых торговцев Хэйта (ХИП) и собственную службу социального обеспечения в лице диггеров. И это было не все. Строились все новые и новые планы: создать собственное агентство по найму, собственную гостиницу, собственную столовую, которая будет кормить хиппи продуктами, выращенными на общинных фермах, заведенных теми же хиппи, сбежавшими от городской лямки.

Все жили в атмосфере ожидания чудес и знамений. Однажды Аллену Коэну, человеку влиятельному, благодаря тому что он работал агентом по распространению кислоты Оусли, случилось увидеть во сне газету, всю покрытую изображениями радуги. Коэн описал свое видение братьям Телин и они согласились, что было бы очень здорово завести такую газету, переливающуюся всеми цветами радуги, которая вместо обычного изложения фактов, то есть газетных репортажей о том, что, где и когда произошло, поставила бы себе целью освещать истинную внутреннюю реальность, сокровенную историю души. На ее создание они внесли несколько тысяч долларов. Так родился «Оракль» («Оракул»).

В пору своего расцвета «Оракль» выходил тиражом в 100 тысяч экземпляров. Его номера, пахнущие жасмином, доходили даже до таких отдаленных столиц, как Москва, где на него подписалась «Литературная газета». Постоянные колонки, озаглавленные довольно затейливо (например, «Великосветский Гуру» или «Сплетни от Бодхисатвы»), вели талантливые обозреватели. «Газетный текст весь кипит и пенится игривой болтовней. Или бьет фонтанами, — писал обозреватель «Эдитор энд Паблишер». — Все сверкает яркими красками и переливается, как мыльный пузырь». И эти мыльные пузыри были вовсе не того сорта, что обычно связывают с журналистикой. Под редакцией Коэна «Оракль» выработал свой особый жанр философского комментария. К примеру, по случаю убийства одного из местных распространителей наркотиков Коэн,

вместо того чтобы изложить это происшествие в отделе полицейской хроники, предложил читателю «поэтическое изображение в лицах различных сил, замешанных в этом преступлении».

Если бы Коэну захотелось дать столь же поэтическое изображение в лицах жизни Хэйта, ему, наверное, пришлось бы разбить это действо на различные сцены, соответственно обстановке, в которой они происходили: здесь были бы сцены музыкальные — с рок-группами; сцены сакральные, где были бы выведены кислотные химики вроде Оусли; сцены коммерческие — с участием торговцев из ассоциации ХИП; педагогические сцены, происходившие всякий раз, как встречались где-нибудь двое хиппи, хотя бы это было вполне официальное место вроде Свободного Университета или «Хеппенинг-Хауса»; сцены частной жизни (в любой погожий денек на Холме Хиппи возле теннисных кортов у Золотых Ворот). И венчала бы все это действо своего рода мета-сцена — сцена ритуальная, соединяющая в себе все остальные. Парад Любви преподал хиппи урок: чтобы личностная революция жила и развивалась дальше, ей необходимо выработать свои ритуалы — твердые постоянные формы общения, сплачивающие сообщество воедино. Формы, которые принимали эти ритуалы, зависели от того, какая группа их устраивала. Например, для групп «Chet Helms and the Family Dog» излюбленной формой были грандиозные танцевальные представления. Коммуна «Заговор Любви» предпочитала фестивали — за основу был взят местный земляничный фестиваль, но обработанный в духе хиппи. И были еще диггеры, которые использовали самые разные формы, ни на одной из них не останавливаясь окончательно. При этом целью этих ритуалов всегда было сохранять живую душу революции, не допустить, чтобы ее поглотила окружающая среда. Диггеры были, можно сказать, совестью Хэйта.

Первоначально название диггеров («землекопов») появилось в Англии XVII века, во времена Кромвеля. Так прозвали религиозные общины — коммуны, требовавшие передать им для обработки невозделанные земли (за это их и уничтожили). На Западном побережье первыми диггерами стали актеры труппы, называвшейся «Сан-францисский мимический ансамбль». Они разыгрывали своего рода комедии дель'арте на политические темы и ставили их всюду, где только находилось место для подмостков и зрителей. Труппа привыкла играть на улице, и это, может быть, натолкнуло некоторых

актеров на мысль, что для постоянного театра абсурда не найти лучшего места, чем Хэйт.

Прежде всего диггеры заявили о себе серией анонимных плакатов, высмеивающих ароматно-цветочную манию, характерную для многих хиппи. ЛСД и полеты в космос — это прекрасно, говорили они, но при возвращении на землю нам нужно как-то справляться с бытовыми проблемами — растущей арендной платой, скверным питанием и всеми искушениями нынешнего общественного строя, особенно же денежными. «Страсть к деньгам — это болезнь, — проповедовали плакаты диггеров. — Она убивает способность к постижению… Почти все мы с детства подвержены этому заболеванию, но наркотики и любовь могут нас исцелить». Неудивительно, что излюбленной мишенью для диггеров стали коммерсанты из ХИП. «Доколе нам терпеть людей (будь то обыватели или хиппи), перегоняющих свой наркотический транс в наличные?» Они так далеко зашли в своей критике, что даже пикетировали один фестиваль, Первый Ежегодный Театр Любви, только потому, что за вход там взимали плату в 3,5 доллара.

От плакатов диггеры перешли к уличным представлениям: ритуал «Рождение и Смерть», «Новогодний Вопль», «Невидимый Цирк», парад «Смерть Деньгам». Этот последний спектакль изображал траурную процессию: шесть человек с огромными звериными головами из папье-маше несли по Хэйт-стрит гроб, задрапированный черной материей. Зрелище было воистину сюрреалистическое. Со временем, однако, диггеры стали меньше говорить и больше делать. Они устроили в старом гараже некое заведение, которое назвали «Дверь к Свободе» и рекламировали его, таская повсюду огромную желтую дверную раму и приглашая всех желающих «прямо сейчас пройти через эту дверь к свободе». Они открыли «Бесплатный магазин», где «торговали», а вернее, бесплатно распределяли подержанную одежду и хозяйственные товары, запасы которых пополнялись ежедневными набегами на другие кварталы и выклянчиванием по всему Сан-Франциско. И эти товары действительно раздавались бесплатно. Не раз бывало, что какой-нибудь щедрый благотворитель видел с изумлением, как диггеры, торжественно и церемонно приняв от него чек, затем раскуривали им сигареты. А если кто-нибудь хотел «поговорить с вашим руководителем», диггеры неизменно отвечали: «руководитель — это вы!»

Однако самым существенным вкладом диггеров в жизнь Хэйта стала ежедневная кормежка. Каждый день в 4 часа пополудни они привозили в Пэнхэндл на своем грузовичке фирмы «Додж» большие алюминиевые баки из-под мусора с бесплатной похлебкой — результат искусного попрошайничества, доведенного до совершенства еще битниками в пятидесятых годах.

Теперь хиппи, обеспечив себе полноценную еду, по крайней мере раз в день, одежду на плечах и наркотики в карманах, готовы были выйти… на следующий рубеж.

Все, что происходило, неизменно воспринималось, как скрытое указание на этот следующий рубеж. Вспомните ту лихорадку напряженного ожидания, в которой жила община в Миллбруке, когда кастальцам показалось, что вот-вот будет найдена формула для просветления, или то трепетное предвкушение близкого прорыва, которое охватило Ла Хонду непосредственно перед тем, как начались Кислотные тесты — такое же настроение теперь царило и в Хэйте.

И как раз в этот момент снова появился Кизи, воскреснув из мертвых, или, по крайней мере, вернувшись из Мексики, где он провел последние семь месяцев, скрываясь от ФБР в разных курортных городах побережья. Одетый ковбоем, он тайно пробрался через границу в Техас, а затем прямиком направился в Сан-Франциско, где несколько раз появился на публике, чтобы, как он выразился, «посыпать солью раны Эдгара Гувера». Однажды он внезапно навестил свою альма-матер, Стенфордский писательский семинар, и экспромтом прочитал лекцию перед аудиторией будущих писателей, весьма изумленных его появлением, а затем незаметно ускользнул, опередив полицию на несколько минут. Другой раз он пригласил репортера на стратегическое совещание Проказников и объявил на импровизированной пресс-конференции, что он вернулся затем, чтобы передать наказ психоделическому движению И вот в чем состоит этот наказ: кончилось время ЛСД, пора идти дальше, штурмовать следующий рубеж.

Как рассказывал Кизи, ему было некое откровение. Однажды ночью в Мансанилле, курортном городе к северу от Гвадалахары, он гадал по «И цзин», когда внезапно разразилась гроза, пришедшая с Тихого океана. «Как быть дальше? — вот вопрос, которым задавался Кизи, и ответа на который он искал в «И цзин». — Невозможно

провести всю оставшуюся жизнь, питаясь фрихолес[109] и увертываясь от федеральных агентов. Что делать?» И не успел он найти подходящую гексаграмму, как «все осветилось блеском молний. Я взглянул на небо — сверкнула молния и внезапно я как бы оделся в новую кожу, молниевую, электрическую, вроде мантии из электричества, и я понял, что в нас заложена возможность стать героями, и мы станем супергероями или останемся ничем».

Из этого откровения, которое, как и все прозрения, даруемые ЛСД, с трудом поддавалось толкованию в рамках обыденного здравого смысла, родилась новая идея Кизи — провести Кислотное посвящение — церемонию присвоения степени кислотникам. Этот торжественный обряд должен был символически обозначить выход на следующий рубеж Проказникам поручалось арендовать помещение и подготовить всю церемонию вручения дипломов с напутственными речами Кэссиди и Бэббса, с подлинными дипломами на пергаменте, а по окончании ритуала «дипломники снимут свои шапочки и мантии и продемонстрируют супергеройский стиль одежды следующего года» Кизи надеялся, что в этом торжестве примут участие шесть или даже семь тысяч дипломников, с головы до ног одетых в «супергеройские» наряды. В этой толпе Кизи мог бы незаметно проникнуть в зал, получить свой диплом и затем ускользнуть, не привлекая внимания своих преследователей, которые наверняка будут во множестве сторожить снаружи Это была грандиозная мечта, и она могла бы сбыться, если бы только Кизи удалось избежать ареста в течение следующих двух недель Но 19 октября его выследили и после недолгой погони арестовали. Некоторое время даже казалось, что суд может отказаться выдать его на поруки; ходатайство рассматривалось целых пять дней, и судья вынес решение о поручительстве под залог тридцати тысяч долларов лишь после того, как адвокаты Кизи убедили его, что их клиент вернулся в Америку с намерением предостеречь своих юных последователей от ЛСД Только для этого якобы затеяно было вручение дипломов кислотникам Кизи хотел «предостеречь своих юных последователей против наркотиков, — говорили его адвокаты. — Он хотел убедить молодежь, что принимать наркотики бессмысленно и опасно, пока данный вопрос не будет досконально

[109] Мексиканское блюдо фасоль, тушеная в остром соусе

изучен наукой» О «супергеройских нарядах следующего года» речи вообще не заходило

Это поставило Кизи в щекотливое положение, которое стало еще более щекотливым из-за того, что им внезапно заинтересовалась пресса. Кизи осаждали толпы журналистов, жаждущих взять у него интервью. Операторы снимали его на фоне его знаменитого раскрашенного автобуса; он участвовал в ток-шоу на радио и ТВ и встречался с репортерами и писателями. Одним из них оказался Том Вулф, нью-йоркский денди, который сперва рассматривал всю историю с Кизи просто как скандальный материал, пригодный для нравоучительного рассказа о некоем художнике, показавшем пример необычного решения классической проблемы Фицджеральда, почему в жизненной драме американского литератора за первым действием не следует второе? Но потом Вулф услышал то самое пресловутое мистическое шипение, и тут его осенило, у него на глазах разворачивалась не банальная история художника, заигрывающего с преступным миром, а религиозная притча Это «Дзонг-ишапа»[110] и община-сангха,[111] Мани[112] и тот изнуренный гонимый странник у ворот… Гаутама и его собратья в лесной глуши, отринувшие свой род и семью и отбросившие все старые привязанности, дабы обрести свою подлинную семью в тесном кругу сангхи — короче говоря, самое настоящее мистическое братство — вот что это такое. И все это в современном мире из полиэтилена и пластика — в нашей бедной Америке шестидесятых годов …»

Вулф по крайней мере ощущал мистическое шипение. Но большинство репортеров приходили в полное недоумение, слушая, как Кизи, неторопливо растягивая слова на деревенский лад, пророчествует об ожидаемых знамениях, об откровении грядущего и выходе к новым рубежам. «Я не могу точно объяснить вам, что именно должно произойти, я знаю только, что мы достигли определенной точки, но дальше не движемся, мы перестали творить, и вот почему нам нужен прорыв на следующий рубеж», — говорил он прессе в одном из наиболее откровенных интервью. Кое-что об этом

---

110 Укрепленный монастырь-город в Тибетском буддизме

111 Буддийская монашеская община

112 Мани (213 — 276) — реформатор зороастризма создатель манихейского вероучения

новом состоянии, видимо, знал Лири, кое-что Кизи, еще хиппи, быть может, некоторые рок-группы… ходили слухи, что битлы — самая знаменитая рок-группа всех времен — принимали ЛСД… каждый из них решил какую-то часть задачи… Когда настанет время, все эти несравненные игроки соберутся вместе и тогда все вместе они прорвутся… на следующий рубеж.

Хиппи позарез хотелось этому верить. Но почему же Кизи выступил в журнале «Кроникл» с осуждением ЛСД? И что он имел в виду, когда говорил, что кислоту надо преодолеть. Отказаться от нее совсем? Это было требование Системы, а Система держала Кизи, как говорится, за яйца, предъявив ему обвинение в тяжких уголовных преступлениях сразу по трем статьям. В Хэй-те нарастала паника, все гудело от слухов и догадок, и многие из них были прямо-таки бредовыми. Одно из самых диких и самых популярных толкований гласило, что все публичные заявления Кизи — это просто дымовая завеса. На самом же деле он планирует устроить такие Кислотные тесты, каких еще не бывало — Супертесты гигантских масштабов, чтобы раскрутить коллективное сознание на полную мощность. И тогда либо государство разлетится вдребезги, либо… Затем обычно следовала многозначительная пауза, чтобы собеседник хорошенько оценил смысл и возможные последствия такого мероприятия. Все знали по слухам, что в Лос-Анджелесе Кислотные тесты опустились чуть ли не до фашизма. И разве не было заявления по ТВ, когда Кизи на вопрос, каким будет его прощальное напутствие кислотникам при выдаче дипломов, язвительно ответил: «Никогда не доверяйте Проказникам!» Как это следовало понимать?

Нарастало ощущение, что независимо от того, прав или нет Кизи, говоря о преодолении кислоты и выходе на новые рубежи, суть дела была в том, что Посвящение может привести к всеобщему краху. Под угрозой Хэйт, психоделическое движение, личностная революция — решительно все. И тут впервые Проказники начали терять контроль над своими сторонниками. Посвящение было назначено на 31 октября в канун Дня всех святых, в заведении Билла Грэма, бывшего распорядителя на Фестивале путешествий, но в последний момент Грэм взял назад свое обещание, заявив, что Кизи — это второй Элмер Гэнтри.[113]

---

[113] Главный герой одноименного романа Синклера Льюиса (1927), циничный и властолюбивый проповедник-евангелист.

Проказники сбились с ног в поисках подходящего помещения и в конце концов вынуждены были удовольствоваться заброшенным зданием кондитерской фабрики на Хэрриет-стрит. Очень немногие хиппи явились на торжество, и из этих немногих большая часть смылась, не дожидаясь окончания церемонии. Они и пришли больше для того, чтобы потом когда-нибудь сказать друзьям: ну да, мне случалось раз или два участвовать в этой постановке Проказников. Церемонией руководил сам Кизи, одетый в балетное трико. В конце он собрал вместе всех участников: Фэй, своих сыновей, Проказников, кое-кого из той старой компании с Перри-Лейн; в последний раз они настроились на одну волну и устремились… к Homo gestalt.

А затем под звуки победного марша из «Амфитриона» они получили дипломы. Но был ли то выход на следующий рубеж или нет — никто не знал.

Первая полоса сан-францисской газеты «Оракль»

Отвергая в последний момент Кизи и его идею супергероев, хиппи отчасти, конечно, действовали под влиянием законных опасений, которые внушали им Проказники с их жаждой распоряжаться во всем Но немалую роль в этом отказе сыграло и себялюбие. Несмотря на все риторические заявления о том, что «никаких лидеров у нас нет», на самом деле в Хэйте были свои «верхи» и «низы», своего рода иерархия, «иерархия авторитетов», как выразился один писатель, и как раз верхи были сильнее всего встревожены внезапным возвращением Проказников. Хотя они и были преданы идее «следующего рубежа» не меньше всякого другого, им все же, понятно, не хотелось подрывать обстановку и образ жизни, ставший для них таким удобным, а иногда и очень прибыльным.

Все это сделало Посвящение Проказников одним из тех ключевых поворотных моментов, которые встречаются только в мифах, когда герой не выдерживает решающего испытания, ибо ему не хватает веры. Выражая это в терминах психологии, в нем берут вверх старые установки, внушенные воспитанием, и он отказывается сделать то, что должен сделать. И весьма сомнительно, встретится ли

ему снова такая возможность.

Тим Лири, будь он в тот момент на Западном побережье, мог бы правильно понять и оценить эту ситуацию. Если бы ему случилось оказаться вовремя среди тех, кто решал этот вопрос, он мог бы рассказать, что случилось с ним самим однажды в Индии, когда на берегу Ганга он увидел святого и позорно ретировался. Только потом он понял, что в тот раз встретил Будду и сбежал от него. «Бывают случаи, — посоветовал бы им Лири, — когда нужно просто плыть по течению и довериться великому божеству случайностей, которое все устроит как надо».

Во всяком случае Лири выработал вполне определенную линию поведения. Вместо того чтобы проявить сдержанность и выждать, пока его апелляции рассматриваются судом, он стал проявлять еще больше активности. Он отбросил позу гонимого пророка — поскольку эта манера играть не давала больших преимуществ — и решил, раз уж тюрьмы все равно не миновать, доиграть последние акты драмы с огоньком и выдумкой.

Прошло время научных игр. Психоделическое движение играло теперь на юридическом и политическом поле, а это означало для умелого игрока, что у него есть возможность противостоять властям, затеяв новую игру в религию.

В конце сентября 1966 года Лири объявил, что он основывает психоделическую религию, отныне именуемую «Лига духовных открытий», аббревиатура которой звучала как ЛСД (LSD — League of Spiritual Discovery). Уж он-то знал, как выжать все возможное из прессы. Свое заявление он сделал на официальной пресс-конференции в Нью-йоркском рекламном клубе. «Как и все великие религии прошлого, мы пытаемся найти божественное откровение внутри человеческой души и выразить это откровение, посвятив свою жизнь восхвалению Господа и приумножению Его Славы, — вещал он журналистам, поспешно чиркающим в блокнотах. — Эти старые цели мы определяем в современной формуле — включиться, настроиться, выпадать».

Включись, настройся, выпадай. За несколько месяцев всем хиппи и большинству их родителей суждено было близко познакомиться с этим загадочным изречением, звучавшим как поговорка и осенившим Лири однажды под душем как этакий подарок подсознания. Но что она значила, особенно ее последняя часть — «выпадай»? Ральф Мецнер уговаривал Тима, что формула будет звучать лучше, если

дополнить ее еще одним членом: «закинься, вырубись, выпадай и возвращайся». Но Тим просто смеялся над ним. «Ну да, вот что такое транс в вашем понимании», — говорил он, насмехаясь над недавним сближением Мецнера с ортодоксальной психологией. Нет, тройная формула означала в точности то, что Лири изложил в интервью, данном в нью-йоркскому рекламному клубу: «включиться» — означает выйти за пределы мирского стадного сознания и войти в контакт со множеством уровней божественной энергии, заложенных в человеческом сознании; «настроиться» — означает выразить и передать другим полученное откровение, всеми своими действиями распространяя вовне божественные Славу, Добро и Красоту; «выпадать» — значит спокойно, изящно и мягко отойти от суетных мирских обязательств и посвятить свою жизнь целиком поклонению и духовному исканию.

Закрывая пресс-конференцию, Лири объявил, что первое «публичное богослужение Лиги» состоится в тот же вечер, в нью-йоркском Ист-Виллидже, в театре «Виллидж». То, что Тим именовал богослужением, не походило ни на молитвенное собрание, ни на проповедь, ни на Кислотные тесты. Это была психоделическая мистерия, основанная на вольном переложении «Степного волка» Германа Гессе. Озаглавлена она была «Смерть Разума», и в главной роли Гарри выступал Ральф Мецнер. Почти все время спектакля его герой, типичный нью-йоркский невротик, либо просто лежал, либо дергался от боли, либо танцевал где-то за сценой, затерявшись в метафорических глубинах наркотического транса. Рокочущий низким басом барабан символизировал биение его сердца, а на экране вверху вспыхивали и проносились мелькающие образы его видений. Лири, одетый в белое, сидел перед сценой, монотонным речитативом повторяя классические наставления психоделического проводника в Иной Мир: «Расслабьтесь, плывите по течению, доверяйте своей божественности, доверяйте своим энергетическим процессам».

Премьера собрала восемьсот человек и принесла Лиге за один только этот вечер 2 400 долларов. Такая прибыль обратила на себя внимание агентов Голливуда и поговаривали уже о контракте на экранизацию.

Отзывы об этой мистерии были самые разнообразные. Журнал «Тайм» в своем театральном обзоре, посвятив этому зрелищу несколько строк, коротко резюмировал: «Религиозные трюки, таинственно жуткая потусторонняя музыка, сексуальные фантазии,

но в целом все чересчур вычурно». Спектакль в «Виллидж» смотрел Эбби Хоффман, будущий основатель движения йиппи, а в те времена — нью-йоркский уличный политик марксистского направления. На него произвели сильное впечатление, как он выразился, «кармические способности Лири подавать товар лицом», но отнюдь не содержание мистерии. «Мы с Лири часто спорили, — позднее писал Хоффман. — Я убеждал его, что он создает группу блаженных, которым одна дорога — к самоуничтожению, а он в ответ только смеялся». Естественно, Хоффман пробовал ЛСД и, хотя он был не согласен с Тимом, что этот наркотик может покончить со всей несправедливостью на свете, был вынужден признать его ценность как средства сплотить людей: «Когда вы принимаете кислоту, это несколько отдаляет вас от тех, кто ее не принимает. Я и до сих пор не вполне доверяю людям, которые недостаточно открыты для того, чтобы испытать это переживание».

Роберт Антон Уилсон, тот самый репортер, что брал интервью у Тима в Миллбруке в его первые блаженные месяцы, посмотрев представление в Чикаго, был ошеломлен: «Это просто ужасно. Блестящий ученый стал второсортным мессией». Но потом Уилсон, который был тогда редактором «Плейбоя», позавтракал с Тимом и вынужден был изменить свое мнение: «Никогда еще он не был так полон жизни, счастлив, уверен в себе и не производил такого сильного впечатления. Чувство юмора у него проявлялось даже сильнее, чем прежде, и он нередко подшучивал над своей ролью гуру. Никто из нас не говорил об этом вслух, но и без слов было понятно, что во многом его нынешняя маска — это просто средство пропаганды той идеи, в которую он верил всей душой: широко и профессионально использовать ЛСД для перепрограммирования нервной системы с целью ускорить развитие интеллекта и расширить человеческое сознание, прежде чем мы успеем уничтожить себя самих и всю нашу планету».

По какому-то поводу Антон Уилсон в разговоре потревожил тень Вильгельма Рейха, некогда одного из самых блестящих учеников Фрейда и борца с предрассудками, окончившего свою жизнь в тюремной больнице штата Мэн после того, как навлек на себя гнев FDA. На Лири это сопоставление не произвело впечатления. «Ни на что, кроме массовой истерии и гонений, я и не рассчитываю, — сказал он Уилсону, — пока все, что я провозглашаю, не будет подтверждено и признано, пока это не станет затасканным трюизмом.

Но к тому времени, надеюсь, я буду отстаивать какую-нибудь новую ересь и опять окажусь в пекле».

Пожалуй, самым суровым критиком «Смерти Разума» оказалась Дайана Триллинг, посетившая этот спектакль вместе с мужем Лайонелом. Репортер из «Нью-Йорк тайме», у которого был нюх на знаменитости, заметил их среди театральной публики и сравнил с «атеистами, посещающими религиозный обряд из социологического интереса… по [их] виду можно было заметить, что зрелище внушает им скуку и даже отвращение». Несмотря на это отвращение, ее отзыв об этом спектакле вполне достоин ее таланта; она подметила множество оттенков, которые другие упустили. В частности, она угадала под развязной манерой Лири чувство постоянной усталости. Это был «утомленный импресарио, утомленный учитель, утомленный Мессия»; он носил на себе «тусклые, но неизгладимые знаки роковой судьбы».

У Дайаны Триллинг было ощущение, что он уже не контролирует ход событий, несмотря на наигранно-оптимистические заявления о том, что «у него разработан целый план реформы». Лири-интеллектуалисчез, его сменилЛири-актер. «Когда он беретв руки микрофон, чувствуется, что этот микрофон — естественное продолжение его ослепленного страстью эго и что этот микрофон все более и более становится его опорой и поддержкой, его ролью, его незаменимым лекарством, его суррогатной личностью».

Но самые серьезные опасения у Дайаны Триллинг вызывало даже не обманчивое благозвучие монологов Лири — «они создают иллюзию связности, последовательности; кажется, что все это звучит достаточно разумно; но стоит только внимательно вслушаться, как смысл ускользает», — а качество последователей, которых он завлекал в свои сети:

> *Молодежь Жители Виллиджа, все из среднего класса, хорошие современные люди, у них такие лица, которым хочется верить, лица людей, способных, думается, стать интеллектуальными лидерами, если бы не то, что они сделали другой выбор, и выбор этот можно было прочитать в их глазах. Мы — все четверо — задавали друг другу один и тот же вопрос. Неужели действительно этот соблазн привлекает самых лучших, самых одаренных? Неужели на эту удочку попался цвет*

современной молодежи?

Тревожная мысль. Правда ли, что Лири снял сливки с молодого поколения? Не в этом ли была причина уверенности, с которой он предсказывал, что через десять лет все американское общество станет полностью психоделическим; и не поэтому ли он так бесцеремонно отмахивался от очевидных указаний на то, что прием ЛСД иногда влечет за собой расстройства психики? Чем была эта молодежь, так восхитившая Дайану Триллинг, в глазах доктора Лири? Может быть, просто пушечным мясом, заранее хладнокровно принесенным в жертву новым Провидцем, «яйцами, которые следовало разбить, чтобы он мог приготовить себе омлет?»

Такова была драматическая теория происходящего. Циничная же теория заключалась в том, что Лири создал Лигу с непосредственной целью быстро разжиться наличными на свои юридические расходы. И в этом была некоторая доля правды. Но кроме того, Лига была ловким ходом со стороны Лири в ответ на запрещение ЛСД. В 1964 году Верховный Суд Калифорнии подтвердил право верующих, принадлежащих к Церкви Американских Аборигенов, использовать пейотль в своих религиозных церемониях, установив тем самым некий шаткий прецедент и для других конфессий, основанных на психоделиках.

Но была ли Лига духовных открытий следующим рубежом? Хиппи так не думали. Когда в январе 1967 года этот спектакль наконец был показан на гастролях в Сан-Франциско, хиппи нашли его крайне скучным. Плыть по течению? Выключить разум? Как-то скучно и слабовато. Кизи хотя бы понимал, что нужно… взрываться! Тим Лири просто ищет себе очередной рекламы и популярности. Обычный мужик средних лет, не вписавшийся в рамки своего класса. Гарвардский профессор, употребляющий ЛСД, и ничего больше. И вообще, он только тормозит дело. (На деле же он стал сейчас жертвой той же маниакальной подозрительности, которая уже потопила Кизи и его идею Кислотного посвящения.) Личностная революция не нуждается ни в каких самозваных гуру, поучающих, что делать. Спасибо, доктор Лири, но мы как-нибудь справимся сами и выйдем на следующий рубеж самостоятельно.

И, как это ни удивительно, им это удалось. Хиппи назвали это «Встреча племен на первом общечеловеческом собрании друзей», и чем бы они это действо не считали, в первую очередь это было

грандиозное гулянье. Ожидали, что явится три тысячи человек. В действительности на площадку в районе парка «Золотые Ворота», известную как поле для игры в поло, набилось более двухсот тысяч человек, из них всего тысяч пять — жители Большого Сан-Франциско. И кого там только не было! «Хиппи-по-выходным». Девчонки-фанатки в обтягивающих джинсах и мексиканских блузках. Радикалы из Беркли, по-видимому, несколько стеснявшиеся своих политически корректных рабочих рубашек и тяжелых башмаков. Было даже несколько настоящих битников, уже пожилых, с бонгами. Но большинство составляли хиппи, выглядевшие так, словно они разграбили реквизит дрянного летнего театра. Они разгуливали в серапах и бурнусах, викторианских юбках и узорчатых чулках телесного цвета; все были увешаны колокольчиками и цветами, маленькие мальчики потряхивали настурциями, заложенными за уши, и была даже одна седая бабушка, опиравшаяся на трость, к которой была прикреплена роза.

Элен Перри явилась на Встречу племен, украсив себя серебряным колокольчиком. Социолог средних лет, получившая известность своей книгой о жизни американского психиатра Хар-ри Стэка Салливана, Перри прожила в Хэйте несколько месяцев, изучая его своеобразные обычаи. Позднее, оглядываясь назад, она поняла, что именно в тот момент, на Встрече племен, она перестала быть посторонним наблюдателем и «полностью включилась в это новое общество, новую религию… Эти зрелища и звуки совершенно околдовали меня; я чувствовала себя словно во сне. Самый воздух, казалось, был пропитан таинственными силами, пьянил и дурманил. Собаки и дети носились повсюду в блаженном упоении, и тут я сделала одно любопытное наблюдение, которому и сейчас не нахожу объяснения: собаки не дрались, а дети не плакали».

Это был тот же Парад Любви, только многократно увенчанный, что и неудивительно — ведь Встречу племен, как и многое другое в Хэйте породило то же буйное веселье, охватившее хиппи после запрещения ЛСД. Аллен Коэн тоже присутствовал на этом сборище. Он стоял в толпе вместе с Майклом Бауэном, художником, который занимался охраной общественного порядка в составе своеобразной милиции, называемой «Психоделическая стража», и оба дивились количеству народа. «Скоро нам придется осадить кое-кого из этой толпы», — заметил Коэн. «Да, но в следующий раз, пари держу, народу будет в десять раз больше», — ответил Бауэн. Однако этому

празднику следовало придумать название получше. Парад Любви не выражал всей сути. Они как раз ломали голову над этой проблемой, и тут появился Ричард Альперт. Как бы вы это назвали? — спросил у него Коэн.

Ежедневно в четыре часа дня диггеры раздавали еду голодным

И Альперт глубоко задумался, а затем сказал, что это встреча людей, собравшихся, чтобы побыть вместе. На что Бауэн ответил: «значит, Встреча племен».

Это было в начале октября. А в конце декабря Встреча племен приобрела такой размах, что ее ничто уже не могло остановить. И значение ее стало другим. Это была уже не просто «встреча людей, собравшихся, чтобы побыть вместе», но собрание союзных племен (своего рода индейское пау-вау), которое по замыслу должно было раз и навсегда объединить активистов, хиппи и всех, кто хотел присоединиться к обществу будущего. По крайней мере, именно эту цель провозглашало официальное приглашение на Встречу племен, опубликованное в печати. «Прошла пора темных слухов, сеющих страх и недоверие к расправляющему крылья американскому орлу, — говорилось в этом приглашении. — Оставьте страх за дверью и займите свое место в будущем. Если не верите — откройте глаза и смотрите».

Хотя впоследствии Встречам суждено было стать поводом для глубокомысленного обсуждения в прессе — в ход пошли сравнения со средневековым карнавалом и молодежными встречами гитлерюгенда, — на ту первую октябрьскую Встречу откликов было немного. Обозреватель «Игзэминер» (вероятно, раздосадованный, что ему пришлось работать в субботу, когда у людей выходной) вылил свое раздражение, окрестив Встречу «настоящим горячечным бредом». «Все ведущие первосвященники этой религии красовались в своих парадных нарядах перед толпой, пялившей на них глаза, — писал он. — В том числе они привлекли живейшее внимание присутствующих собак». Однако этот язвительный репортер «Игзэминера» по крайней мере оценил по достоинству новизну Встречи племен, чего нельзя сказать о его коллеге из «Кроникл». «ХИППИ СОРВАЛИСЬ С ЦЕПИ» — гласил заголовок этой газеты на следующее утро.

И что же делали эти «сорвавшиеся с цепи» хиппи? Они сидели и слушали, как читают стихи, они танцевали под музыку «grateful dead», они вытягивали шею, чтобы посмотреть на Тимоти Лири, они свистом выражали свое возмущение, когда кто-то, чтобы заставить замолчать ораторов, перерезал магистральный шнур от главного генератора электропитания, и они аплодировали, когда ток был восстановлен и конферансье, носивший оптимистическое имя Будда, объявил, что этот генератор теперь находится под охраной Ангелов Ада. Может быть, именно травка и ЛСД придали этому дню особый таинственный колорит, но на несколько часов все споры прекратились и все успокоились, даже активисты; несколько часов последователи Джерри Рубина, Аллена Гинсберга, Тимоти Лири, «Grateful Dead», Дика Грегори и даже местного дзэнского *роши* чувствовали себя заодно. Облаченные в мантию служители Оусли пробирались сквозь толпу, раздавая бумажные пакетики с кислотой, а в стороне, у палатки под вывеской «*Спасательный пункт ЛСД»,* дежурила группа студентов из университета Сан-Франциско, готовая прийти на помощь каждому, кто страдает от «плохого прихода», и заботливо вывести его из кошмаров. Диггеры угощали собравшихся бутербродами с индейкой, а могучие Ангелы Ада мерно вышагивали через толпу, покачивая портативными радиопередатчиками, свисающими на цепочке с поясов, усеянных заклепками. Ангелы отвечали за безопасность праздника; на деле это означало главным образом, что они утешали испуганных детей, отбившихся от родителей. Какое зрелище: самые отпетые хулиганы из мотоциклетных банд, знаменитых по всему свободному миру, забавляют малышей. Сидят на земле, как профессиональные няньки из детского сада, а по всем громкоговорителям гремят такие объявления: «Маленькая кудрявая девочка по имени Мэри хочет видеть свою маму. Она находится здесь, рядом с трибуной, под присмотром Ангелов Ада».

Может быть, из-за того, что на каждое выступление было отведено всего только семь минут, никто особенно не злоупотреблял риторикой. Поэт по имени Роберт Бейкер сорвал аплодисменты, прочитав пародию на «Рождественскую ночь», где вместо Санта-Клауса в каждой строчке поминалась марихуана или ЛСД. Аллен Гинсберг внес свой вклад короткими стишками — «Мир в твоем сердце, Боже, Мир в этом парке тоже» — а Макклюр продекламировал длинное стихотворение, украшенное

аллитерациями, где каждая строчка перекликалась с рефреном: «Это именно оно, и оно чудесно». И даже Тим Лири, вопреки опасениям, не стал предаваться профессорскому многословию и был краток. «Мы хотим вывести людей Запада из городов и возвратить их в племена и деревни», — сказал он, пробуя микрофон. А затем он сделал паузу, чтобы впитать в себя это зрелище, эти двести тысяч человеческих существ в наркотическом трансе. Представители вида Homo gestalt, люди «Острова», апостолы нового общества, авангард грядущего, может быть, действительно уже закодированного в генах, записанного в ДНК. Что можно им сказать такого, чего бы они сами интуитивно не постигли уже в первых проблесках психоделического озарения? Так что он отказался от приготовленной речи и после призыва к толпе («включиться, настроиться, выпадать») сел и остаток дня провел, играя в ладушки с маленькой девчушкой. В какой-то момент Гинсберг, не вполне доверявший атмосфере полной уверенности в будущем, исходившей от поля для поло, повернулся к Ферлингетти и прошептал: «Ачто, если мы все ошибаемся?».

Но тогда так не казалось. Напротив, господствовало ощущение, что они мчались на «гребне могучей и прекрасной волны», несшей их к желанной цели. Как выразился один из журналистов «Оракль», они чувствовали себя евангельскими зверями, неуклюже плетущимися к Вифлеему. «Через семь-восемь лет, — самонадеянно предрекал Ричард Альперт репортеру лос-анджелесской «Фри пресс», — психоделическое население США возрастет настолько, что сможет выбрать, кого захочет, на любой пост. Аллена Гинсберга? Безусловно. Аллен очень способный парень и выдающийся политик… вообразите только, как это будет выглядеть, если на высоком политическом посту окажется человек, разделяющий наше мировоззрение. Я хочу сказать, давайте представим себе на минуту, что Бобби Кеннеди обрел в полной мере расширенное сознание. Вы только подумайте, сколько он мог бы сделать, в его положении».

Гэри Снайдер и Алан Гинсберг на «Общечеловеческом Собрании Друзей»

Встреча племен, заражая всех своим увлечением, однако, ставила перед интеллектуалами трудную задачу. Если Встреча и есть следующий рубеж, то в чем был ее смысл?

Чтобы разрешить эту проблему, «Оракль» созвал совет

старейшин — Тима Лири, Аллена Гинсберга, Гэри Снайдера, Алана Уоттса. Все они собрались на яхте Алана Уоттса в бухте Сосали-то. Вопрос, поставленный на обсуждение, состоял в том, должна ли контркультура «отпадать», как считал Лири, или «брать власть», как были убеждены Гинсберг и Снайдер. Гинсберг в особенности возлагал надежды на то, что удастся сблизить между собой хиппи и активистов. Он ссылался на опыт своего недавнего лекционного турне по Среднему Западу; студенты тамошних колледжей сбегались слушать его тысячами, и он почувствовал в них «исключительно богатый потенциал развития». Даже на Среднем Западе молодежь бурлила, была недовольна окружающей средой, рвалась к чему-то новому — к следующему рубежу? — к чему-то, что лидеры постижения путей к Невыразимому могли бы обратить в свою пользу с помощью ЛСД и правильной обстановки для его приема.

Гэри Снайдер согласился с Гинсбергом, при условии, что активистов удастся побудить «к более глубокому взгляду на себя и на общество». Но Лири отозвался об этом крайне пренебрежительно. Зачем терять время с активистами, доказывал он, они безнадежно отстали. «Они без конца повторяют все те же старые песни тридцатых и сороковых годов и ту же тяжбу за власть — профсоюзное движение, троцкизм и так далее. Я думаю, что им следует очиститься от грехов, отпасть, найти свой собственный центр и подключиться к нему, и, что важнее всего, покончить с массовостью — массовым движением, массовым ли-дерством, массовыми приверженцами».

Но что же все-таки означает «отстраниться», — спрашивал Гинсберг. Для активистов, например, «отстранившиеся» означало «толпу одурманенных хиппи, слоняющихся без дела и швыряющих, когда они хорошенько забалдеют от ЛСД, бутылками в окна». Но что имел в виду Тим, когда он призывал всех на Встрече «включиться, настроиться, выпадать»?

Что, по его мнению, было следующим рубежом?

Лири давно уже был готов к ответу на этот вопрос. Месяцами он лелеял мечту — тысячи маленьких племенных общин, по образцу Миллбрука, рассеянных по всему свету, отказавшихся быть роботами «пластиковых механизмов Системы… Представьте себе, что десять ученых из Массачусетского технологического института, с семьями, стали принимать ЛСД… Они увидели МТИ, как он есть, все это нездоровое роботизированное телешоу — и перед ними возникает

вопрос: а какой в этом смысл? И вот они выпадают. Они могут приобрести маленькую ферму в Лексингтоне, около Бостона. Они могут использовать свои творческие способности для того, чтобы создавать вместо бомб — машины нового типа, которые бы развивали человеческое сознание».

Для ученых из МТИ это, может быть, и хорошо, сказал Снайдер. Но как быть другим, ребятам, которые представления не имеют, как построить дом или вырастить огород? Они не могут взяться за это без всякой подготовки; сперва этому надо научиться. «Как и мы учились множеству вещей, которые уже успели забыть», — сказал Снайдер. Даже Тим был с этим согласен. Нужно создавать Академии. Или, может быть, они уже существуют? Разве Хэйт не походил некоторым образом на большую школу? Что, если развивать его в том же направлении дальше? Может быть, он стал бы чем-то вроде большого трамплина. Молодые люди будут отстраняться, приезжать в Хэйт на несколько месяцев, а затем рассыпаться по сельским коммунам, которые уже зарождаются…

Через несколько месяцев мы станем двумя разными биологическими разновидностями, утверждал Лири. Первая — это муравейник. «Она, как пчелиный улей, управляется королевами — или королями — и она будет становиться все более телевизионной… и секс будет становиться все более неразборчивым, почти автоматическим, безличным. Потому что в муравейнике все всегда этим заканчивается. Но мы собираемся образовать другую разновидность, которая неизбежно переживет первую, и это будут племена, у которых не возникнут проблемы с досугом, потому что когда вы отстраняетесь, работа и отдых сливаются воедино. Потому что тогда вам придется, как говорит Гэри, учиться, как позаботиться о себе».

На этот раз не согласился Снайдер. Смеясь, он возразил Тиму: человеческий род не раскалывается на два вида; напротив, он объединяется. «Все дети муравьев станут племенным народом, — сказал он. — И поэтому-то наши планы сработают. Мы будем вербовать детей, и это займет примерно три поколения». Психоделическое движение, по его мнению, просто ускоряло те изменения, которые уже шли и без него. Повсюду мы видим эти изменения: в автоматике и кибернетике, в наступлении эры изобилия и досуга, в широком распространении интереса к духовности и медитативным техникам Востока. Люди начнут упрощать жизнь,

предсказал Снайдер. Общество потребителей постепенно исчерпает себя и исчезнет. И когда это случится, вся энергия, которая шла на приобретение вещей, будет перенаправлена. Вместо игр во взрослые игрушки новый человек будет играть со своим умом, состояниями своего сознания, уровнями восприимчивости.

Какая прекрасная мечта! Эволюция, а не революция. Три поколения. И это все начинается как раз сейчас. По крайней мере, именно сейчас наступил решительный момент, поворотный пункт, от которого зависит судьба сообразительной обезьяны — то ли вперед в рай, то ли назад, в ядерную пропасть. Вот как это все воспринималось. Смесь решимости и легкой усталости. Справятся они или нет?

Дзенский *роши* Судзуки

«Лири, — спросил Гинсберг после того, как они несколько минут наслаждались приятным возбуждением Встречи племен, — что ты собираешься делать, когда все это кончится?» Лири засмеялся. «Поселиться где-нибудь на побережье, раз в неделю принимать ЛСД и растить детей», — сказал он. «А как насчет вас, Уоттс?» — «Я собираюсь строить мосты. Налаживать связи между двумя мирами: миром людей, которые обо всем заботятся и беспокоятся, честных людей, которые думают, что они могут исправить мир, приложив усердие и добрую волю… и миром отстранившихся. Я собираюсь оставаться точно посередине между двумя мирами, и я собираюсь учиться языку обоих племен». — «А вы, Гинсберг?» — «Приобрести кусок земли и жить там вместе с друзьями, близкими мне по духу — моим племенем. Просто возиться с рукописями и гулять по лесу, а потом как-нибудь взять и махнуть прямиком в Индию».

Для читателей этого номера «Оракль» следующий рубеж был ясен: пригласить весь мир в Хэйт-Эшбери на Лето Любви.

Глава 25. СИГНАЛЫ ИЗ ВНУТРЕННЕГО КОСМОСА

Идея Лета Любви быстро распространилась среди хиппи, разошлась по всем синапсам группового сознания, сделав атмосферу в Хэйт-Эшбери даже еще более космической, чем обычно.

Предзнаменования… видения… Пятьдесят тысяч истинных братьев (и сестер, конечно), которые будут грокать друг друга в летние дни. А затем возвращаться домой, в какие-нибудь свои Ошкоши и Покипси и нести туда слово о новом восприятии мира. Вот он — следующий рубеж, первый со времен Эмерсона!

Снайдер полагал, что это потребует смены трех поколений, хиппи решили, что им удастся сделать это за три месяца.

Был организован специальный Совет Лета Любви — организационный комитет, чтобы обеспечить снабжение. Если учитывать, что предполагалось около пятидесяти тысяч молодых участников, то определенная организация была просто необходима.

Первая группа начала работать над структурой будущей Встречи племен, другая — решала проблемы временной работы («Хип джоб кооп») и свободной легальной юридической консультации («Хэло» — союз адвокатов Хэйт-Эшбери). На диггеров, возможно в силу их репутации, была возложена задача обеспечить еду и жилье. Они дали знать, что на все лето к их услугам будет бесплатная еда в одном из ресторанов и, может быть, если им улыбнется карма и переговоры закончатся успехом, то даже отель «Рено» на пятьсот мест, расположенный в сан-францисском районе трущоб. Кроме того, они разведывали брошенные городки на границе восточных пустынных районов Калифорнии. И им требовались «инструменты, пиломатериалы, толь и цемент» для обустройства фермы, которую они на днях арендовали в Сономе, на ранчо «Утренняя звезда», принадлежавшем Лу Готлибу.

Хиппи сталкивались с определенными проблемами, о которых тактично умалчивалось в классических вариантах голливудских фильмов об американской мечте. И первейшей проблемой были деньги. Единственными людьми в Хэйте, у кого хватало денег, были рок-музыканты, химики, производящие кислоту, и торговцы из ХИПа. И в то время как первые две категории исправно платили десятину (и кроме того, они же делали две священнейшие вещи в Хэйте — рок-музыку и ЛСД), третьи, торговцы из ХИПа, не торопились поддерживать «следующий рубеж». И так становилось не по себе, от того что они занимались коммерциализацией личностной революции, продавая модные четки и заплатанные джинсы по ценам

Пятой Авеню, но теперь они уже ясно показали, что заражены культом денег. И диггеры начали кампанию за национализацию участвующих в ХИПе магазинов. В феврале они обрушились на них с градом упреков, призывая снизить цены и стать либо предприятиями с раздельной прибылью, либо бесприбыльными вообще. Но хозяев «Диких цветов» — магазина, продававшего изделия хиппи, нелегко было сбить с толку, и на следующий день на их витрине появилось объявление:

> *Дорогие диггеры!*
>
> *Выручка магазина в месяц составляет 2000 долларов. Из них 1500 идет примерно сотне местных художников и ремесленников, продающих здесь свои работы.*
>
> *Из оставшихся 500 долларов 250 уходит на аренду, коммунальные услуги и прочие издержки. По крайней мере, на 50 долларов из магазина крадут вещи. И наконец, на оставшиеся двести долларов мы с партнером и живем. То есть мы зарабатываем около 45 центов в час.*
>
> *Почему мы пошли на это? Потому что любовь для нас важнее денег.*

Но другие, особенно «Психоделический магазин», согласились с диггерами и объявили, что переходят на общественные начала — любой хиппи, который захочет вложить деньги, будет получать с этого свою долю. Теперь Телины искренне признали, что это именно тот, самый подходящий для хипповского капитализма путь.

Однако некоторые циники не могли удержаться и не отметить, что долги «Психоделического магазина» составляют около 6000 долларов — с тех пор как здесь открылся еще один центр продажи, они вынуждены были сократить часы работы, что в перспективе вело их к банкротству. И тем не менее их участие тепло приветствовалось. «Вместо того чтобы эксплуатировать общество хиппи, они, напротив, приносят ему пользу», — благодарно отзывался о них листок Информационной службы. Эти листки, вдохновителем идеи которых был бывший писатель-битник Честер Андерсон, были вроде еще одной газеты, появляясь в промежутке от одного выхода «Оракль» до другого.

Будьте благоразумны!»

Эти слова — «будьте благоразумны» — добавили в Хэйт новый элемент, своего рода «приспосабливайся, а не то», — когда ужесточившиеся условия личностной революции осознали рядовые хиппи, они утратили значительную толику отличавшей их прежде вежливой терпимости.

Возможно, одной из причин послужило то, что Хэйт-Эшбери рисковал в скором времени превратиться едва ли не в самый знаменитый перекресток в мире. Любой официальный журнал или газета посылали в Хэйт репортеров для написания стандартных статей вроде «Я побыл один день хиппи». Некоторым, как журналистам из «Кроникл», например, удавалось остаться нераскрытыми несколько недель, а репортер «Вашингтон пост» Николас фон Хоффман умудрялся внедряться в Хэйт аж три раза за лето. Но большинство просто надевали джинсы и разноцветные рубашки и болтались вокруг аптеки, пытаясь ненавязчиво (чтобы их не приняли за федеральных агентов), расспрашивать: «Почему ты носишь такие длинные волосы?» — «Потому что, по-моему, это красиво. А почему у тебя такая разноцветная одежда?» — «Потому что у меня есть чувство собственного достоинства. Скажи, ты никогда не задумывался, что писать «СТОП» на дорожном знаке — очень глупо? Тебе не кажется, что было бы намного лучше вместо этого рисовать на знаке Божье око? И тогда люди останавливались бы вглядеться в глаза Бога». И так далее, пока ты не спросишь, откуда он знает, на что похожи Божьи очи, а он подмигнет и обронит: «Потому что я видел их, беби».

Некоторые не могли устоять перед тем, чтобы не подойти к «цивилам». Те так нервничали, что достаточно было просто подарить им цветок и они уже в ужасе думали, что это какой-нибудь новый наркотик. Одним из величайших приколов-розыгрышей был Великий Банановый Заговор. Впервые об этом написали в «Барб» в марте 1967 года. Обнаружен новый психоделик, писали там, он общедоступен, так как основным ингредиентом является высушенная банановая кожура. Эффект, согласно источникам «Барб», сравним с опиумным, однако с некоторыми нюансами псилоцибина.

Диггеры «хоронят» деньги

Из «Барб» эта шутка с бананами разошлась по другим газетам,

затем о ней заговорили по всему штату. Студенты пробовали курить высушенную кожуру и на всякий случай делали запасы, как в свое время с семенами вьюнка пурпурного. А вдруг в Америке запретят бананы? Или людям, чтобы купить их, понадобятся лицензии. Один конгрессмен из Нью-Джерси в шутку представил перед Конгрессом два новых акта: «Акт маркирования бананов 1967 года» и «Акт о разоблачении и составлении отчетов по иным странным фруктам 1967 года».

Но смешно было далеко не всем. Корпорации по продаже фруктов были не на шутку встревожены. Сиднея Коэна попросили выяснить, действительно ли бананы могут вызывать галлюцинации? ФДА подошел к этому вопросу со всей серьезностью. После долгого и тщательного исследования были объявлены результаты: бананы являются прекрасным источником калия и волокон, но определенно не из галлюциногенов.

Когда весть об этом дошли до хиппи, реакция была разной: от «очень смешно» до «уже не смешно». По саркастическому замечанию нового губернатора Калифорнии Рональда Рейгана, хиппи «одеваются, как Тарзан, волосы у них, как у Джейн, а пахнет от них, как от обезьяны Читы». В другой речи он назвал район Залива пристанищем зла, которое он намерен искоренить.

«Лук» («Look») описывал типичное жилье хиппи как «свалку грязных разбросанных вперемешку с наркотиками вещей. Запахи и антисанитария хуже, чем в сточной яме». В «Тайм» писали, что все-таки они «ведут значительно более добродетельную жизнь, чем большинство сограждан. И это несмотря на вопиющее неуважение к большинству принятых обществом правил и обычаев — хотя бы в том, что касается запрета на наркотики». Но другие в их разговорах об ускорении эволюции и создании нового Человека видели налет фашизма. Хиппи были «школой резерва для фашистов», потому что они представляли из себя не имеющую корней общность, возводившую отсутствие лидеров в принцип, — и [именно поэтому] любой беспринципный лидер мог воспользоваться этим и встать у них во главе». Конечно противоречие тут было налицо, но это утверждение наводило на мысли об одном вопросе, которого личностная революция не решала. До сих пор в Хэйте не было лидеров, потому что люди вроде Гинсберга, Кизи и Снайдера не соглашались играть эту роль. Время же настоящего испытания настанет, когда действительно найдутся лидеры, которые захотят

встать во главе течения. Последуют ли за ними хиппи (чьи установки сильно расшатаны воздействием наркотиков) фанатичной толпой — или отвергнут?

Поэт Карл Шапиро писал в «Нэшн», что хиппи представляют из себя «идеальную культурную почву для фашизма. Битники были маргиналами, но у них было чувство общности. Их наркотиком была травка. Новому поколению не нужны ни политика, ни общность, ни поэзия. У них есть кислота».

Но как много у них кислоты, не знал никто. Спустя неделю после Встречи племен, в «Лос-Анджелес тайме» приблизительно подсчитали, что в Хэйте за неделю продается сотня тысяч доз, в основном — проживающим за городом и в других городах покупателям-оптовикам. Шеф ФДА Годдард, нажимая на Конгресс, чтобы пресечь нелегальное распространение кислоты, писал, что до сих пор полностью достоверной информации о размерах употребления ЛСД нет, но за год, с 1мая 1966 по 30 апреля 1967 года в руки Бюро контроля за злоупотреблениями наркотиками попало 1 миллион шестьсот тысяч доз, арестовано 94 человека и проведено 460 дополнительных расследований.

Чтобы обрисовать значение проблемы для страны, Годдард приводил следующий анекдотический пример: 31 марта на границе Юты колорадским дорожным патрулем был остановлен грузовик. Остановили его лишь потому, что он подходил под описание грузовика, который видели рядом с аптекой, ограбленной недавно в колорадском городке Крэйге. Обыскав кабину, полиция обнаружила пластиковый мешок с восьмьюстами миллиграммами ЛСД. В карманах у сидящих в кабине тоже нашлось несколько склянок с ЛСД и ДМТ. Но настоящее изумление их охватило, когда открыв задние двери грузовика, они заглянули внутрь: трейлер был заполнен химическим оборудованием.

Это была передвижная лаборатория по изготовлению ЛСД.

Тут уже над ЛСД собрались тучи. Специалисты на симпозиумах обсуждали, почему американская молодежь отвергает проверенные временем культурные установки родителей. Социолог Кеннет Кеннистон приписывал это «психологическому онемению». За жизнь в развитом индустриальном обществе, объяснял он, «приходится платить омертвением чувств». «Нашему опыту недостает живости, жизненности. Мы заперты в плену нашего личностного опыта». Хиппи же используют ЛСД «как химическую кувалду, чтобы разбить

связывающие их оковы концепций и вырваться на волю», — писал он, и хотя сам факт этот в целом его печалил, он не поддерживал прямо, но признавал необходг мость исследований.

Но власти Сан-Франциско это не утешало. Злоупотребление лекарственными препаратами обходилось городу в 35 тысяч долларов ежемесячно. С начала года в городских больницах регистрировали в среднем четверых пациентов в день, пострадавших от ЛСД. Большинство из них подростки. За два последних года уровень венерических заболеваний в городе возрос в 6 раз. Хэйт и так был больным местом города, а теперь эти ненормальные недоумки имеют наглость приглашать всю молодежь Америки для того, чтобы провести все лето за праздношатанием и потреблением наркотиков. В марте мэр Шелли выступил с заявлением, что не одобряет эту идею. «Я категорически против, чтобы летом к нам приехало такое количество молодежи, нельзя допускать в город бродяг», — сказал мэр.

Несколько дней спустя на Хэйт приехала группа инспекторов здравоохранения, сопровождаемая кучкой репортеров. Без сомнения, все ожидали подтверждения много раз упоминавшейся грязи и антисанитарии, особенно учитывая, что прилагательное «грязный» прилепилось к хиппи словно второе имя. Тем не менее шеф департамента здравоохранения доктор Эллис Д. («ЛСД») Соке был вынужден признать: «положение вовсе не такое уж плохое, как мы предполагали». Они прошли с инспекцией тысячу четыреста зданий, только в шестидесяти четырех из них и обнаружили нарушения, лишь в шестнадцати из которых жили хиппи.

Однако другим следствием рейда стало оживление активности полиции в районе. Полицейские ежедневно наезжали в Хэйт, шастали по улицам, требовали документы, ища несовершеннолетних, арестовывали беглецов, арестовывали неосторожных хиппи за хранение травы или ЛСД — в общем, всеми способами сеяли панику и мешали изменению личности.

Начала прогрессировать паранойя, которая в какой-то мере была обратной стороной ЛСД-опытов. Пошли слухи, что планируется фашистский путч и всех хиппи к июлю посадят в тюрьмы. «Всю весну Хэйт-Эшбери жил нехорошими предчувствиями, — вспоминает Майкл Россман. — Страшные слухи один за другим сменяли друг друга. Волна страха захлестнула Хэйт».

В ожидании премьеры Лета Любви весь Хэйт знобило.

В своей истории Хэйт-Эшбери Чарльз Перри описывает Хэйт весной 1967 года как похожий и на Калькутту, где нищие спят на тротуарах, и на футбольный стадион, где люди постоянно продают программки. «Программками» были «Оракль», «Барб» и две новые газеты «Трибьюн» и «Мэверик». Хэйт напоминала беспорядочный вихрь красок, и поначалу казалось, что ум отказывается постигать происходящее здесь. Для чужаков здешняя атмосфера казалась безумным бредом, но те, кто врубился, чувствовали себя здесь как дома.

Взять, к примеру, одежду. Насколько давно человек стал хиппи, можно было приблизительно определить даже по его внешнему виду. Самые старые в движении любили одеваться либо в ковбойском стиле, либо — щеголяли в викторианских облачениях, с котелками и тросточками. Вслед за тем вошли в моду разноцветные яркие одеяния — к этому, конечно, приложили руку Проказники. А затем уже следовала этническая одежда — серапы, бурнусы, крестьянские рубахи, буддийские монашеские одежды. Глаз внимательного наблюдателя мог сразу выделить старых хиппи, похожих на разноцветных попугаев, в общей серой людской массе: этим летом все остальные ходили в основном в грубых хлопчатобумажных рубашках — в такой одежде люди сливались с улицей, когда зловонный туман поднимался по Хэйт-стрит, усиливая чувство одиночества и отчаяния.

Бесплатный медицинский центр на Хэйт-Эшбери

Хэйт-стрит, как писал «Оракль», стал объектом неописуемого паломничества молодежи… босые, с неровно подстриженными волосами, в рукодельных рубашках и джинсах с полудня до двух они прогуливались по Хэйту. Беспомощно поднимались вверх по улице, до магазина Карла и Коля, затем шли обратно на Мэзоник, за мороженым, или в Пэнхэндл, где диггеры раздавали тушенку. Эти люди вовсе не были истинными братьями хиппи. Скорее они были теми самыми «подражателями», о которых предупреждал Боб Стаббс. Они не были красивы, у многих были испорчены зубы, и в общем они вовсе не производили впечатление людей, которые, вернувшись к себе в Ошкош или Билокси, или откуда они там, начнут нести людям слово о новом видении мира. Они пришли сюда, потому что по жизни были неудачниками, и это были вовсе не те, на кого рассчитывал

Совет Лета Любви. И среди этих овечек периодически встречались и матерые волчары, мошенники и уголовники. Впервые в Хэйте начались кражи — не съестного с прилавка, а действительно серьезные кражи. Однажды Джерри Гарсия прогуливался по Хэйту и купил последнюю сводку Информационной службы:

> *Молоденькая красивая шестнадцатилетняя девушка пришла на Хэйт посмотреть, что здесь и как, и познакомилась с семнадцатилетним дилером. Весь день он накачивал ее амфетаминами, а под конец использовал ее уже полубесчувственное тело для величайшей групповухи, какой еще никогда не было в Хэйте.*

Гарсия был ошеломлен. «В этот момент я подумал, — писал он, — что, наверное, здесь дела плохи. И с каждым днем становится все хуже и хуже».

К другим проблемам добавлялись туристы, которые ехали по Хэйт-стрит с закрытыми окнами и дверцами, осторожно, бампер в бампер, словно очутились в одном из заповедников, где хищные и опасные дикие звери разгуливают на свободе и не брезгуют человечиной.

В марте месяце «Грей Лайн», которая до этого устраивала автобусные экскурсии в район, где жили битники, организовала тур и на Хэйт: всего за шесть долларов обычный американец мог отправиться на экскурсию в «страну бородатых», в «единственное иностранное государство внутри границ Соединенных Штатов… Среди любимых способов времяпровождения для хиппи, кроме, конечно, приема наркотиков, являются различные выступления, демонстрации, семинары и общие обсуждения того, что плохо в существующем миропорядке. И кроме того, им свойственно постоянное внимание к проблемам души…»

Хиппи, для того чтобы прекратить эти грубые вмешательства в их жизнь, использовали различные статегии. Поначалу они подходили к туристам и вручали рукописные объявления, гласившие: «Братья обыватели! Освободитесь, дайте Богу войти в вас. Помните — и вас и нас ждет долина призраков смерти». Потом они придумали фокус с зеркалами. В следующий раз, когда на Хэйте остановился экскурсионный автобус «Грэй Лайн», хиппи быстро подбежали и, встав в два ряда по обеим сторонам автобуса, подняли зеркала.

Туристам пришлось рассматривать себя самих. А затем диггеры придумали «гуляние», когда сотни людей переходили улицы, построившись в геометрические фигуры. Это тормозило движение на мили вокруг, создавало большую неразбериху и заканчивалось обычно только с прибытием полиции.

В начале июля легкий беспорядок вспыхнул, когда группа хиппи, которых достали туристы, начала прыгать на бамперы и стучать по крышам автомобилей, до смерти перепугав непрошеных визитеров. Приехало двадцать полицейских машин, и последовала непродолжительная схватка, полная криков «фашистские ублюдки» с одной стороны и «полицейские свиньи» — с другой. Хотя костей переломано было много, единственной жертвой оказалась собака, забитая озверевшим полицейским до смерти.

Недостаток еды, перенаселенность, паранойя, плохие наркотики, излишние амбиции, отсутствие лидеров, которые хотели бы назваться и стать лидерами, постоянно действующие на нервы визиты полиции — вот вам список причин, из-за которых атмосфера становилось все хуже и хуже. Собирались собрания, пытались найти какое-то решение. Там были Телины, диггеры, Леонард Вулф из «Хеппенинг-Хауса» и Аллен Коэн из «Оракль». Но предложений на собраниях звучало немного. В основном что-нибудь вроде: «Нужно всем запеть *Ом*. И ежедневно устраивать процессии по Хэйт-стрит, чтобы вернуть хорошие вибрации и хороший резонанс». Или: «Думаю, неплохой идеей будет открыть бордель. А то меня на улице ежедневно спрашивают молодые люди, где бы им потрахаться. А так как этого им сделать негде, образуется избыток негативной энергии». Все ощущали, что сейчас атмосфера в Хэйте становится довольно тяжелой. И даже когда люди принимали ЛСД, им являлись видения апокалипсиса или распятого Христа, летящего на кресте сквозь необъятную пустоту небес.

Плохие приходы стали повседневностью (в Сан-Франциско регистрировали в месяц около 750 больных, пострадавших от наркотиков). Впервые случаи психических травм от ЛСД стали реальностью, а не фантазиями журналистов. Преподававший в Массачусетском технологическом историк Уильям Ирвин Томпсон однажды ночью в Исэлене столкнулся с одним таким случаем. «Парень был коротко подстрижен и, судя по его взгляду, было ясно, что ему здесь не нравится. Дзен и «И цзин» явно были для него пустым звуком, но недели под травой, амфетаминами и кислотой

зашвырнули его в такой ад, что теперь он мог только с презрением и возмущением смотреть на остальных хиппи, собравшихся вокруг него и пытающихся поговорить с ним о любви. Наконец, парень в ужасе начал напевать «Кровь, кровь, кровь, ненависть, ненависть, ненависть». Это было, на взгляд Томпсона, действительно похоже на «смерть разума», о которой говорил Лири. Но говорить одно, а совсем другое попытаться «невозмутимо выдержать неистовый взгляд человека, расставшегося со своим разумом».

Ральф Мецнер, работавший в то время на побережье Калифорнии, в городской больнице Мендосино, пережил нечто подобное, когда в городские больницы стали прибывать пациенты из Хэйт-Эшбери. Один из них сказал: «Все происходит так быстро, что я теперь уже не могу ничего разобрать». А другой: «Вы трое, с Лири и Альпертом, заварили эту чертову кашу. А теперь я завяз в этом и не могу остановиться».

Три дня спустя он вскрыл себе вены на запястьях и умер от потери крови.

Вместо того чтобы превращаться в прекрасное новое племя людей, Хэйт-Эшбери дичал. Те, кто мог уехать, уезжали из города, словно хозяева, покидающие собственных гостей на званом вечере. Другие, как диггеры, обзаводились оружием.

Возможно, роковой ошибкой оказалось принятое Лири решение, когда серым ноябрьским днем за чашкой горячего молока он отверг идею Хаксли об обращении к элите и предпочел идею Гинсберга — «ради общественного блага». Учитывая деятельность

Кизи и Проказников, все это возымело следующий эффект: молодежь пробовала ЛСД при любом удобном случае, полностью игнорируя обстановку и окружение и не проявляя ни малейшего интереса к Невыразимому. Как позднее отмечал Николас фон Хоффман, пожалуй, самый проницательный из журналистов, писавших тем летом о Хэйте: «Все испортила привычка воздействия на масс-медиа и потакания молодежной культуре. Спрос на кислоту и ее употребление растут по экспоненте. Программных же исследований становится все меньше. И теперь люди никак не подготовлены к тому, что произойдет, — они принимают наркотики не внутри маленьких, имеющих богатый опыт коммун Хэйта… они глотают таблетки просто потому что жаждут кайфа и галлюцинаций».

ЛСД для этих молодых людей не являлся средством для путешествия в Иной Мир. Скорее это было сносящее крышу веселье

— лучше, чем езда на автомобиле или многократный оргазм. Когда они не находили кислоты, то заменяли ее мефедрином (один из побочных эффектов которого — потеря аппетита) или героином. Ошибочное мнение, что тем, кто «грокал» мир с помощью ЛСД, никакого вреда не будет ни от амфетаминов, ни от героина, превратилось в общепринятое клише. Старые хиппи пытались с этим как-то бороться, объясняя, что «амфетамины убивают», но толку от этого было мало. Вместо того чтобы доводить себя до просветления, они улучшали при помощи кислоты восприятие любви. И многие из хиппи думали, что этим летом в Хэйт стечется множество молодежи, которая с помощью этого волшебного средства разрушит все сковывающие ее оковы.

Случилось несколько насильственных смертей, одна — на глазах у публики, самым страшным было убийство Суперспейда, одного из дилеров Оусли. Со своим значком «Суперспейд — быстрее, чем расторможенное сознание» Суперспейд был неотъемлемой частью Хэйта. Его убили выстрелом в затылок, запихнули в спальный мешок и сбросили с крутого обрыва в море.

По слухам, в психоделическую торговлю вмешалась мафия и распространяла среди народа плохую кислоту, поэтому многие хиппи обратились к более рентабельным амфетаминам и героину. Появились значки, гласившие: «Бойкот кислоте Синдиката». Но как узнать, какая кислота настоящая, а какая — нет?

Это был классический случай проекции. Проблема заключалась вовсе не в этом, она лежала в самом сердце Хэйта, а возможно, даже в самом психоделическом опыте. Настал тот самый момент, известный любому путешественнику в Иной Мир, когда он знакомится с негативным опытом. Для лечения это хорошо. Это значит, что пациент наконец-то столкнулся с подавляемыми эмоциями и неврозами, сковавшими его и мешавшими ему развиваться. И если врач, или проводник, был достаточно искусен, пациент легко проходил сквозь все преграды и благополучно продолжал путь. Но то, что случается с личностью, случается и с группами. Иначе говоря, возникают периоды, когда групповое сознание попадает в сходное состояние и сталкивается с призраками и страхами. Проказники выяснили это в процессе Кислотного теста в Уоттсе. Тогда стихийный порыв смести все ограничения, уничтожить все и вся оказался просто ошеломляющим.

Групповое сознание Хэйта достигло именно этой точки. И одной

из причин, почему оно никак не могло выбраться оттуда, стал СТП.

Приняв СТП, люди пребывали в отключке по три дня, зачастую переживая не очень приятные вещи. «Я понял, что горю, и внезапно ощутил дикую боль от огня… Судя по всему, я очутился в аду». Это было испытание для настоящих мужчин, проверка для самых крутых. Истории о том, что люди переживали под СТП, можно было записывать и издавать. Люди прорывались сквозь все пределы. СТП недолго оставался секретом. Власти узнали о новом суперпсиходелике («следующем рубеже», как говорили химики, первом среди многих) почти немедленно вслед за тем, как в пунктах первой помощи появились нервные дергающиеся молодые люди, периодически начинавшие кричать или рыдать, когда им вводили торазин (традиционный антидот против ЛСД). Вскоре выяснилось, что торазин только усиливает эффект СТП, повышая его сразу в несколько раз.

Но это было не все. То, что случалось с потребителями СТП, было тоньше и, возможно, даже глубже. Когда его попробовал Дик Альперт, ему, в общем, понравилось и он предсказывал СТП большое будущее. Но он также отметил одну любопытную деталь: «Я чувствовал, что теряю человечность». Альперта это, в общем, не беспокоило (по причинам, уже известным), но это сильно встревожило Кена Кизи. Приняв СТП, Кизи «что-то забыл. Потерял одну важную вещь, которая имеется у всех, — именно она заставляет человека медленно, но неуклонно двигаться вперед. Не знаю, сколько тысячелетий понадобилось на то, чтобы это чувство сформировалось в человеке. Когда все закончилось, я понял, что утратил это ощущение, а оно было важнейшим из всего, что я знал в жизни с самого детства». Кизи было нелегко точно сформулировать то, что он хотел сказать («можно сказать, что когда тебя покидает это чувство, ты остаешься абсолютно беззащитным»), но, в конце концов, он остановился на слове «стержень». СТП выжгло в нем стержень.

Гимн «Лета любви» на вершинах всемирного хит-парада

Кроме того, что психоделики выжигают в людях «стержень», обнаружилась возможность того, что они также изменяют строение хромосом.

В мартовском номере «Сайенс» появилась статья о том, что эксперимент с помещением ЛСД в пробирку с хромосомами

показывает значительные изменения в последних. Последующие исследования подтвердили, что у людей, часто употребляющих ЛСД, белые кровяные тельца несколько мутируют. «Медицинский журнал Новой Англии» предположил, что, возможно, ЛСД действует подобно радиации, и, с точки зрения хиппи, это звучало достаточно правдоподобно. С тех пор они стали еще чаще говорить, что Господь дал им ЛСД, чтобы противопоставить его атомной бомбе. Хотя у многих ученых быстро возникло множество вопросов по поводу теории изменения хромосом (кстати, аспирин, торазин да и обычная простуда оказывают на хромосомы не меньшее воздействие), и хотя в газетах андеграунда публиковались длинные (и по большей части веские и обоснованные) опровержения этой теории, у большинства хиппи не выходила из головы мысль: разве Лири не говорил всегда, что ЛСД высвобождает клеточную энергию? И что, если так? Станем ли мы и правда мутантами? Или это просто очередной виток критики в пропагандистской борьбе, очередная реакция на фразу Лири о «тысяче оргазмов»?

Здесь имелось одно тонкое психологическое различие, которое окончательно прояснилось только спустя довольно долгое время. В то время гораздо более простым делом было сваливать всю вину на правительство (слухи о фашистском путче к тому времени уже ослабли) и прессу. «Это не было Летом Любви, — сказал хиппи Плюшевый Мишка репортеру. — Это было лето полицейских и прессы. Так называемые «дети цветов» пришли сюда чего-то искать, потому что вы их сюда позвали, — и, конечно, они ничего не нашли».

Впервые следующий рубеж стал очевиден. Хэйт-Эшбери должен умереть, чтобы страна могла возродиться. «Думаю, сейчас как раз самое время запастись кислотой и отправиться, кто куда, кто в Топеку, кто в Канзас, — и начать понемногу настраивать людей, — сказал Аллен Коэн на одном из последних собраний в Хэйте. — И здесь, и в Нью-Йорке полно правильно настроенных людей, но вся остальная страна пока что представляет из себя непочатый край».

Почти год прошел с тех пор, как в штате Калифорния вошел в силу закон, запрещающий ЛСД, год с Лета Любви. Самое время сказать «гудбай» Хэйту, и вскоре были отпечатаны тысячи объявлений в траурной каемочке:

Хиппи района Хэйт-Эшбери!
Хиппи, обреченные сыны СМИ!

Друзья, приглашаем всех принять участие в службе, которая произойдет 6 октября, в первой половине дня в парке Буэна Виста!

Шестого в полдень пятиметровый гроб торжественно понесли вниз по Хэйт-стрит. Следом шли сотни две родственников в своих лучших костюмах. Гроб поддерживали десять человек. Процессия обошла весь Хэйт и остановилась в Пэнхэндл, где его торжественно подожгли. К несчастью, кто-то вызвал пожарных, и через несколько минут рядом зазвучали их сирены. «Это останки, — крикнул кто-то. — Не надо их тушить».

Но пожарные не послушались. Гигантские брандспойты за считанные минуты превратили пылавший гроб в обуглившуюся вязкую массу. Все, что оставалось хиппи, — шипящие облака пара, которые плавно уносило к центру города, где по радио Скотт Маккензи[114] все еще пел:

Если ты придешь в Сан-Франциско,
Ты украсишь волосы цветами
Если ты придешь в Сан-Франциско,
Ты встретишь там много хороших людей.

В мае эта песня вошла в хит-парады. В конце лета она уже добралась до четвертого места. Можно сказать, что она стала самой популярной рекламой Лета Любви.

Глава 26. СЛИШКОМ МНОГО ГУРУ

По иронии судьбы к тому моменту, когда наша история достигает кульминационной точки, все основные лидеры уже сошли со сцены.

Кен Кизи, в конце июня осужденный на шесть месяцев, сидел в пользовавшемся доброй славой лагере окружной тюрьмы Сан-Матео. Лагерь располагался на двадцать пять миль к юго-востоку от Хэйт-Эшбери, посреди густого леса калифорнийских секвой. За

---

114 Маккензи, Скотт (настоящее имя Филипп Блондхайм) (1944) — рок-музыкант, в соавторстве с Джоном Филлипсом из «Mamas and Papas» написал песню «Сан-Франциско», которая стала гимном Лета Любви

плавательным бассейном он установил стерео и демонстрировал собратьям-заключенным психоделический звук. Сначала его определили в портновскую мастерскую, но после того как он расписал ее стены психоделическими фресками, его перевели в группу дорожных рабочих. «Тюрьма гораздо больше напоминает сумасшедший дом, чем психушка», — записал он в записной книжке,

Никто этим летом почти ничего не слышал и об Августе Оусли Стенли Третьем, хотя его продукцию, особенно СТП Скалли, можно было найти везде. Хиппи шутили, что Оусли ушел настолько далеко в другие измерения, что агентам-федералам его не поймать.

«И еще он работает над следующим супермощным психоделиком, — шептали они, — и собирается назвать его ФДА, — в честь пресловутого агентства».

Лири, по слухам, был в Индии, хотя на самом деле он оставался в Миллбруке, жил в типи на Холме Восторга, ходил в штанах из оленьей кожи, носил вышитую бисером повязку на голове и проповедовал радости подобного жития. Впервые со времен Индии он проводил дни в праздности, и его это вполне устраивало. На портативном стерео он слушал новый альбом «Битлз», «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера».

«Сам-то я уже полностью выпал, — сказал он в интервью журналу «Look». — Я уже анахронизм в психоделическом движении. Мое место заняли битлы. Весь последний альбом как литургия, посвященная ЛСД. Битлов он, кстати, называл «четырьмя евангелистами».

При посетителях он напускал на себя беззаботный и расслабленный вид, словно имение Хичкоков было всем, чего он только мог желать в жизни. Но на самом деле ему было просто некуда идти.

Он полностью обанкротился и теперь покидал свою резервацию только для того, чтобы прочитать лекции (гонорары доходили до тысячи долларов) и «обеспечить себя хлебом насущным».

Тимоти Лири на «Общечеловеческом Собрании Друзей»

За несколько месяцев до этого он уверенно предсказывал, что праздники психоделических мистерий станут «в течение ближайшего

десятка лет самым популярным видом искусства в западном мире». Но теперь уже понятно, что он, как и многие импресарио до него, ошибся с определением настроений в обществе. Он издал две новые книги — «Смерть сознания» и «Озарение Будды». («Каждый из вас — Будда. Вы забыли об этом? Когда его называли принцем, под этим подразумевался просто подающий надежды парень, который учился в Калифорнийском университете. На танцах у него была куча девушек, адома — телевизор. Нооониудер-живали его от открытия, от возможности включиться в мир, проникнуться им и разрешить загадки болезней… старости… смерти. Так что Будда бросил университет, ушел с работы и занялся внутренними поисками».) Но и они только добавили еще десять тысяч долларов к его и так уже впечатляющим долгам.

Но Тим не позволял финансовым и юридическим проблемам восторжествовать над его природным оптимизмом. В интервью для Би-би-си он сказал, что в течение «пятнадцати лет Америка станет страной ЛСД. В нашем Верховном Суде будут курить марихуану. Это неизбежно, просто потому что этим сейчас занимаются студенты наших университетов». Насколько серьезно он это говорил? И что значит периодически мелькавшая у него на губах улыбка? «Все это прекрасно, — писал потом журналист из «Look», — но любой человек, не находящийся под кайфом, попав в Миллбрук, испытает ощущение, что его ставят в дурацкое положение, или, если выражаться попроще, решит, что над ним попросту подшучивают». В общем, точка зрения у «Look» на Тима была такая: нет, он вовсе не был злодеем, просто оказался не таким уж и умелым волшебником.

Но некоторые, а среди них были даже старые друзья и приверженцы, начинали беспокоиться. Алан Уоттс полагал, что Тим страдает от того, что Юнг называл чванливостью, — своего рода мессианский невроз, возникающий от ошибочного восприятия мистического опыта. Тим превращался в мессию, работающего на публику, Сократа, сбивающего молодежь с пути истинного, Барнума[115] Иного Мира… и избавившись от старого эго, растил в себе новое, но уже гигантских размеров. «Он со своим

---

115 Барнум. Финеас Тейлор (1810–1891) — американский шоумен, прославившийся организацией передвижных кунсткамер и сенсационных представлений.

параноидальным самомнением сможет ввести в заблуждение целое поколение», — сказал один писатель, в свое время частенько гостивший в Миллбруке.

И тем не менее, даже разорившись и живя в типи, Лири все еще олицетворял психоделический дух времени.

Проблема была не в том, что Тим Лири считал себя гуру. Проблема была в том, что каждый третий Том, Дик или Гарри считал себя гуру или у них был гуру, который считал, и т. д. В действительности же Лири не был единственным учителем-гуру в Миллбруке — он был только одним из троих. Теперь гости, приезжавшие в Мил-лбрук, могли выбирать: будут ли они заниматься играми разума с Артом Клепсом и его неоамериканской церковью (они занимали сторожку у ворот). Или они могли предпочесть психоделический путь индусов и присоединиться к ашраму Шри Рама, располагавшемуся в Большом доме. Здесь верховодил странствующий гуру Билл Хейнс. И, наконец, они могли выбрать Лигу духовных открытий, поставить типи и поселиться с остальными на Холме Восторга.

Выбор потребителя в лучших американских традициях в итоге привел к внутреннему расколу. После Лета Любви хиппи по этическим соображениям разделились на дюжину фракций, сект и культов (или присоединились к уже существующим), у каждой из которых были свои собственные методы покорения Иного Мира (сан-францисский «Кроникл» придумал для обозначения этих неохиппи словечко «фриби» — халявщики, но оно, к счастью, скончалось быстро и без мучений).

Настоящие хиппи, те кто приходил на Хэйт не ради развлекухи, увлеклись пением и медитациями. У них появилось время посидеть и наконец прочесть всю классическую тибетскую литературу, которую они в свое время купили в «Психоделическом магазине». Как это ни удивительно, многие присоединились к Харе Кришна (кришнаитам), одной из самых аскетичных и догматичных сект. Другие выбрали конкретных учителей (самыми популярными были, пожалуй, Махариши и Мехер Баба) или следовали за харизматическими лидерами хиппи, что оканчивалось как хорошо (в случае Стива Гэскина[116]), так и печально (в случае Чарли Мэнсона,[117] чье небольшое

116 Гэскин, Стив (1939) — основатель популярной хиппистской коммуны The Farm

братство стало пародией на идеи Лири).

Майкл Мэрфи, соучредитель Исаленского института (чьи исследования человеческого потенциала заполонили прессу после того, как хиппи отошли на второй план), писал так: «Я с самого начала думал, что битники — только первая волна. Хиппи стали второй А теперь, возможно, возникнет третья — садхи,[118] которые больше сосредотачиваются на медитации. Думаю, сейчас уже многие отказываются от наркотиков. Мода на них прошла. Интерес остается, но к нему добавляется мудрость, подкрепленная знаниями».

Сосредотачивающиеся на медитации *cadxu* считали, что они даже продвинулись дальше тех состояний, которые дают наркотики, — просто потому что смогли освободиться от всех физиологических «помех», сопровождавших обычно психоделическое путешествие в Иной Мир. Никаких путешествий в неизвестное, никаких переживаний собственного рождения. В свое время ЛСД был действительно необходимым инструментом для достижения определенных состояний сознания, но теперь пришла пора двигаться дальше. Психоделики, как писал Алан Уоттс, были «лодкой, в которой можно переправиться через реку, но как только достигаешь другого берега, дальше нужно идти пешком».

Это новое направление поддержали и «Битлз», когда осенью 1967 года во всеуслышание заявили, что не используют психоделики для трансцендентальных медитаций. Они стали учениками Махариши в его ашраме в Ришикеше на берегах Ганга

Битлы были не единственными, кого привлек маленький йог-коротышка со скрипучим голосом. Голливудская актриса Миа Фэрроу[119] тоже поехала учиться медитировать в Ришикеш, так же как и трубадур психоделиков Донован,[120] чьи песни «Mellowyellow»

---

117 Мэнсон, Чарлз (1934) — создатель коммуны The Family, ряд членов которой совершили в 1969 году налет на дом кинорежиссера Романа Полански, в ходе которого были убиты находившиеся там гости и беременная жена Полански актриса Шарон Тэйт

118 В индуизме — верующий, далеко продвинувшийся в аскезе и медитации, правдивый, святой человек

119 Фэрроу, Миа (1945) — голливудская звезда, прославившаяся, в частности, исполнением главной роли в мистическом триллере Романа Полански «Ребенок Розмари»

120 Литч, Донован (1946) — британский автор-исполнитель, работавший

и «Sunshine superman» однозначно воспринимались большинством обывателей как пропаганда наркотиков. И вот несколько месяцев спустя ашрам в Ришикеше и Махариши стали для американцев такой же привычной и знакомой вещью, как Белый дом и Джекки Кеннеди.

Английская пресса освещала успехи битлов в медитациях, словно ежегодные скачки в Эпсоме: Пол пока что держит рекордное время в четыре часа, Джон и Джордж отстают всего на несколько минут, а Ринго вообще плетется в хвосте. Ринго и правда, проведя в Ришикеше всего десять дней, отправился обратно, заявив журналистам, что его желудок плохо реагирует на местную пищу. Пол Маккартни продержался девять недель. Вскоре вслед за ним уехал Джон и, наконец, последним — Джордж. «Мы переоценили его поначалу, — сказал позднее в интервью Маккартни о Махариши. — Он тоже человек, а мы поначалу думали, что в нем больше божественного».

Бхагван Дасс

Махариши, конечно, пережил отступничество битлов, хотя визиты журналистов с телекамерами к нему прекратились.

Но отнюдь не все, кто отправлялся в Индию, возвращались назад, распрощавшись с иллюзиями и в расстроенных чувствах. В то же самое время, когда битлы пытались очистить сознание в Ришикеше, другой наш старый знакомый, Ричард Альперт, медитировал на диване у Лири в Ньютоне. Альперт достиг наконец благодати — он встретил человека, который знал.

В июне 1967 года Альперт оказался свободным как ветер. У него не вышло вернуться обратно к академической работе психолога, а ездить с психоделическими лекциями ему наскучило. Только что умерла его мать, и им вновь, как в свое время в Чихуатанейо, начало овладевать черное отчаяние. Так что когда один знакомый позвал его отправиться в паломничество к индийским святым людям, он с радостью согласился. Они решили проехаться с шиком — купили в Тегеране новый «лендровер» и останавливались по пути в лучших отелях. Большую часть времени они курили афганский гашиш и регулярно прикладывались к захваченной Альпертом бутылке с

сначала в жанре фолк-музыки, затем перешедший в стилистику психоделического рока. Многие его песни непосредственно описывают переживания ЛСД-трипов.

кислотой Оусли. Альперт делился ЛСД с каждым святым, который изъявлял желание попробовать. Одни говорили, что ничего не почувствовали, другие сравнивали его действие с медитацией и только считанные единицы интересовались, где можно достать еще. Спустя три месяца, проехав Иран, Афганистан и Индию, они достигли Непала.

Когда они, будучи уже в Катманду, обсуждали дальнейшие планы, все и произошло. Приятель Альперта собирался ехать в Японию, к дзен-буддистам. Альперт решил вернуться в Штаты. «Возможно, удастся отыскать второго шофера» — пробормотал он. И тут он внезапно увидел — словно видение из «Лезвия бритвы» Сомерсета Моэма,[121] - как высокий, под два метра, белый человек, с длинными хипповскими волосами, одетый в традиционное дхоти, вышел из храма. Альперт поднял глаза, их взгляды встретились, и Ричард с легкой дрожью понял: этот парень действительно знает.

Его звали Бхагван Дасс, и он милостиво согласился, чтобы Альперт отправился вместе с ним в пешее паломничество по индийским храмам. Однако Альперт все еще немного колебался. Он пытался убедить себя, что не для того проехал пол-мира, чтобы скакать по лесам за двадцатитрехлетним серфером родом из калифорнийского городка Лагуна-Бич. Но когда Бхагван Дасс ушел из Катманду, вместе с ним, босой и в дхоти, в итоге пошел и Альперт, готовый жить на подаяние и вручить свою жизнь и состояние неразговорчивому Бхагвану Дассу. Когда Альперт пытался рассказывать анекдоты из своей гарвардской жизни или поведать о днях с Тимом, Бхагван Дасс делал ему знак замолчать: «Оставайся здесь и сейчас!» Собственно, сложно было этому не повиноваться. Первые несколько недель прошли для Альперта достаточно болезненно. Его ступни превратились в сплошной гигантский нарыв. Он подхватил дизентерию и испытывал полнейший упадок сил и здоровья. Однако, несмотря на все это, Ричард, словно маленький мальчик, послушно следовал за Бхагваном Дассом. В каждой деревне тот останавливался и играл на индийском струнном инструменте. Альперту он дал барабан, ему полагалось отбивать ритм. К Бхагвану

---

121 Моэм, Сомерсет (1874–1965) — английский романист и драматург; в романе «Лезвие бритвы» главный персонаж Ларри Дарелл в поисках смысла жизни направляется в индийский ашрам.

Дассу относились с уважением, как и ко всем святым людям, следующим древним духовным путем. Все, что осталось у Альперта, — старый паспорт, обратный билет на самолет, несколько чеков и заветная бутылочка с ЛСД.

Однажды Бхагван объявил, что пришло время посетить его учителя. Сев в машину, они проехали с сотню миль и очутились у подножия Гималаев. Как только машина остановилась у небольшого храма, Бхагван Дасс выпрыгнул из нее и со струящимися по лицу слезами стремительно помчался по горной тропинке. Альперт, как обычно, последовал за ним, но не столь стремительно. Внезапно он пересмотрел свое отношение к Бхагвану Дассу: каким бы волшебным и знающим ни казался белокурый гигант все это время, сейчас это волшебство явно испарилось. И вид его, распростершегося ниц перед учителем, который оказался крошечным коротышкой, сидящим на обычном одеяле, тоже поначалу не впечатлил Альперта. Первое, что спросил у Альперта учитель, — является ли тот состоятельным американцем? Ричард ответил, что да, вполне. Тогда старик потребовал подарить ему машину. Альперт был захвачен врасплох. «Наша семья всегда давала деньги на благотворительные нужды — и Объединенному еврейскому сбору пожертвований, и медицинской школе Эйнштейна. Но я никогда не встречал такой напористости». Встреча могла бы закончиться совсем иначе, но затем вдруг учитель начал говорить о том, что у Альперта меньше года назад умерла мать. И он правильно определил, что ее смерть наступила от осложнений на селезенку, и выговорил «селезенка» по-английски (весь разговор происходил на хинди). И тут Альперт потерял контроль над собой, у него закружилась голова и, почувствовав внезапно неистовую, разрывающую грудь боль, он зарыдал… «Не от счастья или горя. Это просто было чувство, что я наконец-то дома. Путешествие закончилось».

Или почти закончилось. Психолог, живший внутри Альперта, хотел еще доказательств. И на следующее утро он угостил учителя тремя дозами кислоты Оусли — 900 микрограммов — и стал ждать, что же произойдет («ученый внутри меня предполагал, что наверное это будет занятно»). Но учитель Бхагвана только подмигнул ему, словно ничего особенного и не произошло, и сказал: «Твое лекарство, знаешь, забавное такое…» Да уж, этот малый действительно прошел по пути далеко, подумал Альперт, а именно такой человек ему и нужен.

В маленьком ашраме у подножия Гималаев Альперт оставался до середины 1968 года. Каждое утро, встав, шел купаться в реке, затем занимался йогой, медитировал и ждал, пока не придет немногословный учитель с доской и не напишет на ней что-нибудь вроде: «Вор-карманник, встречая святого, обращает внимание только на его карманы». Альперт избавился от двадцати семи килограммов лишнего веса и от старого имени. Теперь его звали Рам Дасс. И пусть он не всегда находился «здесь», но он уже ощущал свет и красоту и чувствовал, что проник ужасно далеко.

Но Альперт был скорее исключением. Примерно в то время, когда он кормил учителя фирменной кислотой Оусли, самого Оусли арестовали на севере Калифорнии. Это явилось результатом долгой операции, влетевшей правительству (согласно информации руководителя Бюро контроля за злоупотреблениями наркотиками Джона Финлейтера) в несколько миллионов долларов и несколько дюжин машин. Федералы гонялись за Оусли по всему Западу, озабоченные созданной ему газетами славой Робина Гуда психоделического движения. Одна из таких газетных историй, опубликованная в «Тайме», гласила, что недавно Оусли в кожаной куртке, как Брандо в «Дикаре», остановил красный мотоцикл у дверей банка на бульваре Сансет и шагнул внутрь. Он направился прямо к кассиру и извлек — из карманов, шлема и ботинок — банкнот и чеков в общей сложности на двадцать пять тысяч долларов. Получив 250 новеньких хрустящих стодолларовых купюр, он запрыгнул обратно на мотоцикл и унесся прочь. Это было начало его всенародной славы: миллионер тридцати одного года от роду, заработавший все свое состояние исключительно на ЛСД.

Аллен Коэн, Гэри Снайдер и Джерри Рубин на пресс-конференции посвященной открытию «Общечеловеческого Собрания Друзей»

Оусли уже попадал в поле зрения полиции, когда в апреле 1967 года его арестовали в северной части Нью-Йорка, как раз после того как он заезжал в Миллбрук. Его остановили за превышение скорости и езду без задних габаритных огней. Но потом отпустили под честное слово. Тем не менее они забрали у него часть вещей, в частности ключ от депозитного сейфа в «Мэньюфэкчэрс Хэновер Траст Компани». Внутри сейфа, кстати, лежало 225 тысяч долларов. К

счастью, у девушки Оусли был дубликат ключа, так что проблем не возникло. И хотя преследования со стороны полиции уже немного беспокоили их, гораздо более насущным делом было отыскать безопасную гавань, где Оусли мог бы спокойно хранить свои доходы. Они решили обратиться за советом к Билли Хичкоку как к человеку, сведущему в делах, связанных с большими финансами. И несколько часов спустя курьер с ответом уже спешил обратно с Багам. А спустя несколько недель психоделическое движение в лице Оусли обзавелось своим первым счетом в швейцарском банке под кодовым именем Робин Добрый Малый.

В Европе деньги хранить было удобнее и потому, что теперь она оставалась единственным местом, где еще можно было достать лизергиновый моногидрат и тартрат эрготамина — два ключевых ингредиента для изготовления ЛСД. Но даже этот источник в скором времени должен был иссякнуть: США уже нажимали на союзников, чтобы те провели аналогичные законы, запрещающие ЛСД. Тим Скалли особенно пылко ратовал за то, что им надо побыстрее запасти как можно больше сырья. Кроме того, его увлекала идея Билли Хичкока о покупке острова, лучше всего где-нибудь на Карибах, и организации там офшорной лаборатории по изготовлению наркотиков. После того как они посмотрели фильм про Джеймса Бонда, план получил рабочее название «Доктор Ноу». Билли Хичкок, кстати, советовал химикам, занимавшимся производством кислоты, образовать картель — так, чтобы они смогли объединять ресурсы в общий фонд, контролировать продукцию, устанавливать цены, в общем, организовать все, как в нормальном бизнесе.

Оусли об этой идее знал, но она его не очень привлекала.

Хотя ему нравилось быть «Большим человеком в Сан-Франциско», как назвал его один из помощников, молодой Тини Вини Дини осенью 1967 года, и он был «вполне доволен собой и своим положением в кислотнопроизводящей отрасли», Оусли быстро утомился от напряженной гонки, сопутствующей статусу Большого человека. Постоянные преследования утомили его. У него начала развиваться легкая паранойя, в частности он начал верить, что федералам его не поймать, потому что его защищают некие божественные силы.

Однако за несколько дней до Рождества 1967 года его все-таки поймали. В операции участвовали тринадцать федеральных агентов из Управления по борьбе с наркотиками. Это произошло в

калифорнийском городке Оринда, где Оусли в одиночку как раз занимался превращением в таблетки очередной партии ЛСД из денверской лаборатории Скалли. У него обнаружили 217 граммов ЛСД, или 750 тысяч доз. Спустя два года на суде адвокат Оусли доказывал, что все это предназначалось для личного употребления. Во время суда Оусли отказывался общаться с журналистами, заявляя, что он — просто фантом, созданный прессой. «То есть вы имеете в виду, что вы просто досужий вымысел нашего воображения?» — спросил один из репортеров. «Верно», — хмыкнул тот. Если бы историю можно было переиграть, Оусли предпочел бы лучше образ призрака, тени, чем Робина Гуда Его присудили к трем годам тюрьмы и трем тысячам долларов штрафа.

Но хотя арест Оусли временно и лишил психоделическое движение одного из ключевых персонажей, на потоке ЛСД это никак не отразилось. Его стали производить даже больше, и львиную долю поставлял недавно созданный картель. Сам картель не имел названия, но впоследствии его называли иногда именем организации, с ним достаточно тесно связанной, — Братством вечной любви. Так называла себя группка серферов и малолетних преступников из Лагуна-Бич в Калифорнии, которые глотали кислоту и «грокали» истину. В Лагуна-Бич они владели магазином «Мистические ремесла». Кроме того, часть из них жила коммуной на ранчо в пустынном районе штата. Однако главнейшим их занятием была контрабанда. Члены Братства вечной любви были, наверное, лучшими контрабандистами наркотиков в Америке. В определенной среде они были почти так же знамениты, как Оусли. Когда Лири судился в Техасе, Братство внесло в организованный в его защиту Фонд десять тысяч долларов. Тим, который достаточно близко знал Братство и особенно их вожака, утонченного хиппи Джона Григгса, назвал их как-то «реинкарнацией бродячей шайки португальских пиратов».

«Тимоти Лири мертв? Нет, он снаружи, заглядывает к нам внутрь!»

Братство в основном специализировалось на марихуане и гашише. Они никогда не делали денег на ЛСД, а, напротив, занимались благотворительностью, распространяя это «священное» вещество бесплатно. Большую часть ЛСД они получали от картеля,

сформированного Тимом Скалли и еще несколькими химиками, в частности молодым Ником Сэндом, чей грузовик-лаборатория в свое время так встревожил директора ФДА Годдарда.

Однако, если Братство переняло у Оусли эстафету по снабжению Америки ЛСД, оно также получило в наследство и преследования со стороны властей и стало врагом номер один Бюро контроля за злоупотреблениями наркотиками. Иногда, работая в своей лаборатории, Тим Скалли представлял себя на суде. Он испытывал резкое внезапное предчувствие надвигающейся беды. Его преследовали слова судьи Сэмюэла Конти: «Как это ни называйте, психоделическим движением, Братством вечной любви, чудесным движением Ангелов Ада, как бы вам ни хотелось это называть, все это кончается одним. Все кончается деградацией человечества и деградацией общества».

Что возвращает нас, наконец, опять к Тиму Лири. В последние два года Лири непрерывно занимался вдохновенной, но грозящей окончиться довольно печально игрой с властями. В общей сложности его арестовывали раз десять, хотя, может, и больше. Когда в 1968 году «Скотопромышленная компания Хичкоков» выселила его из Миллбрука, он сказал в интервью, что уже подумывает, не уйти ли ему в подполье, хотя бы ради того, чтобы избавиться от преследований полиции. И со своей обычной усмешкой добавил, что когда-нибудь его признают одним из мудрейших людей двадцатого столетия.

Но играть в подполье было не в характере Тима. Он всегда любил быть на виду, на публике. И кроме того, он понимал: в том, чтобы прятаться, нет ни особой чести, ни смысла — нельзя так долго играть в учителя, а затем просто взять и исчезнуть.

Весной 1968 года он со своим старым приятелем Чарлзом Слэком на буксире внезапно появился в Сан-Франциско. Слэк, временно отошедший от психологии, работал сейчас журналистом в одном из нью-йоркских журналов. Они столкнулись с Лири в Виллидж-Гэйт, где несколько друзей Тима устроили тому прощальную вечеринку. Слэка очень заинтересовало, действительно ли его бывший коллега стал (как следовало из слов секретаря Лири) Богом. Но обнаружил, что Лири остался тем же стариной Тимом (ну по крайней мере почти тем же). Обаятельным и крайне убедительным Тимом, который настоял, чтобы старый друг немедленно все бросил и поехал с ним в Калифорнию.

И Слэк поехал. К тому времени он уже прочитал много манифестов Лири, так что Новое Видение не явилось для него чем-то неожиданным: «Первыми к нему приходят дети. Они и так уже все понимают. Затем — обычные работяги, которые пашут с девяти до пяти и поэтому тоже «включаются» очень быстро. Затем специалисты — доктора, юристы и т. д. Очень важно, чтобы в процессе и после ЛСД-трипа человек не потерял связи со своей профессией».

Но к чему Слэк оказался не готов, так это к тому обожанию, с которым к Лири относилась доверчивая молодежь. Как только они сошли с самолета в Сан-Франциско, их окружила толпа жаждущих его слов поклонников.

«Я приехал, чтобы организовать новое государство, — обратился Лири к молодежи. — Я хочу привлечь заинтересованных инвесторов и купить землю к югу отсюда. Когда у нас будет своя земля, мы организуем собственное правительство и объявим себя независимыми от США. И затем будем жить по собственным законам, а может случиться так, что и законов не понадобится. Потому что наши законы стесняют свободу духа и тела: свободу идти любым путем, ведущим к духовному просветлению и межличностному пониманию, свободе сознания, внутренней свободе».

Так Слэк впервые столкнулся с противопоставлением психоделической реальности общепринятой среди большинства американцев морали. Основать собственное государство? Насколько заслуживают доверия такие заявления, особенно из уст человека, у которого нет денег, даже чтобы нанять машину из аэропорта до города? Финансовые дела Лири еще никогда не были в таком упадке. Но слава его и известность тоже никогда не переживали такого подъема. Многие просто говорили: «Лири — бог».

Вскоре после прибытия в Сан-Франциско Лири потащил Слэ-ка в экскурсию по пабам Хэйта, заодно не забывая заглядывать во все попадавшиеся им по пути кафе-шопы и ашрамы. «Мне нравится здесь, — сказал он. — Здесь есть все, что мне необходимо. И все это собрано в одном месте! Здесь и красота, и смех, и искусство, дружба, секс, и все со вкусом, и замечательные цыпочки на каждом шагу. И самое чудесное — я чувствую здесь атмосферу духовности. Вообще, если уж я считаюсь религиозным лидером, то мне и следует вести себя как подобает».

«Держу пари, ты накоротке со всеми помешанными на религии

шизиками в этом городе», — сказал Слэк.

«Да, со всеми», — ответил Тим.

Как-то вскоре после этого Слэк спросил Тима, в чем же секрет его невиданного успеха, а Тим ответил: в Фаусте.

«Шутишь?» — пораженно переспросил я.
«Вовсе нет», — ответил он.
«Ты имеешь в виду… нет, ты же не это имеешь в виду. Ты же не…
«Да, да, — сказал он. — Правда, Эд?»
«Правда», — твердо ответил Эд.
«О, Господи», — проговорили.
«Я тоже так иногда говорю».

Типичный Тим. От таких заявлений у многих шел холодок по спине. Ведь нет никакой гарантии, что силы, с которыми вы столкнетесь там, в Ином Мире, будут силами света, а не силами зла. Хватало одного взгляда на Хэйт, чтобы понять это. Уровень преступности, резко понизившийся во времена зарождения Хэйта, теперь, в последние месяцы 1967 года, вновь вырос. За год здесь произошло семнадцать убийств, около сотни изнасилований и тысячи три краж. И вовсе не складывалось впечатления, что в скором времени все наладится. Большинство старожилов уехало — кто в коммуны или на фермы в округе Марин, кто в предгорья к востоку от города. Большинство старых магазинов и организаций закрылись — не было больше ни «Оракль», ни «Психоделического магазина». После Лета Любви выжила лишь «Свободная бесплатная медицинская клиника Хэйта», которая помогала все возрастающему числу наркоманов.

В людях копился гнев. В феврале один турист задавил здесь собаку, и весь Хэйт просто бурлил. Хотя это не шло ни в какое сравнение с июльскими беспорядками, когда молодежь выворачивала камни из тротуара и швырялась с крыш «коктейлем Мо-лотова». Конечно, Хэйт в этом смысле не был уникален: 1968 год во всем мире был высшей точкой подъема демократического движения — особенно это проявилось на Демократическом национальном партийном съезде в Чикаго, когда напряженное противостояние полиции и молодежи длилось пятеро суток.

Шестидесятые заканчивались ненавистью вместо любви.

Но Тима, казалось, это абсолютно не беспокоило. «Это — мой мир, — говорил он Слэку, водя его по тому, что осталось от Хэйта. — Мой спектакль. Я создал его, а он — меня». И этот процесс, этот симбиоз еще не был закончен. Рождество 1968 года Тим вместе с Ральфом Мецнером провели на заброшенном ранчо Братства вечной любви, и Мецнера очень огорчили перемены, произошедшие со старым другом.

> *Мне было печально видеть Тима, которого я всегда глубоко любил как друга, таким чужим и мрачным. То он заявлял, что «белый свет Будды — на самом деле лишь выстрел из винтовки революционера». То случайно обронил фразу, что надо бы «ликвидировать полицейских свиней», или начинал защищать кокаин или героин только потому, что они помогают достичь определенных «состояний сознания». И меня приводили в отчаяние все более хаотичные, бессмысленные и бессвязные писания, которые выходили из-под его пера и публиковались под его именем.*

Тим приглашал Мецнера отправиться с ним в Лагуна-Бич, но Ральф себя плохо чувствовал и отказался. И — к счастью. В Лагуна-Бич автомобиль Тима остановила полиция и обнаружила у него в багажнике чуть меньше килограмма марихуаны.

Это добавило новых проблем к той игре в прятки, в которую Лири играл с судебными властями. В 1969 году апелляция на приговор техасского суда наконец была рассмотрена в Верховном Суде. И 20 мая Верховный Суд оправдал его на том основании, что закон о налоге на марихуану был не вполне проработанным и несколько запутанным: вы же не можете публично и официально заплатить налог с вещества, которое признано нелегальным. И хотя в Техасе немедленно объявили, что будут слушать дело Лири в суде по другим статьям, решение Верховного Суда наполнило Лири надеждой. На следующий день он объявил, что будет баллотироваться на пост губернатора Калифорнии в качестве кандидата от новой партии «УСЕРДИЕ»,[122] что было аббревиатурой

[122] FERVOR («усердие») — Free Enterprise Reward, Virtue and Order

Свободной Инициативы, Награды, Достоинства и Порядка. Кроме всего прочего, в программе этой партии значилась борьба за легальную продажу марихуаны в государственных магазинах (когда его спросили, а как с некурящими, Лири ответил, что они могут покупать печенье с гашишем). Но самой радикальной его идеей было сделать это правительственной философией. Лири лелеял поистине платоновские замыслы: он собирался поделиться браздами губернаторства с Рональдом Рейганом, представлявшим республиканцев, или с кандидатом от демократов Джессом Анрой. Они будут заниматься всякими занудными делами вроде улаживания формальностей с судьями, а сам Тим с Розмари будут жить в типи на лужайке перед особняком губернатора в качестве правителей-философов.

На предвыборных плакатах байронического вида Тим вглядывался в глубины космоса, а под ним веселилась толпа кайфующих людей.

Это было его последним общественным делом. В январе 1970 года техасский суд вновь приговорил его к десяти годам тюрьмы. Лири мгновенно подал апелляцию. Однако через несколько недель, 21 марта, его арестовали в Лагуна-Бич с грузом марихуаны. Назвав его «коварным и опасным человеком» и «жаждущим удовольствий невменяемым проповедником наркотиков», верховный судья Байрон Макмиллан отказался выпустить его на поруки. Если он хочет подать апелляцию — пусть делает это уже из-за решетки. 23 июля Верховный Суд Калифорнии отказал ему в поручительстве без каких-либо комментариев 18 августа его препроводили в тюрьму предварительного заключения в Сан-Луис-Обиспо, на полпути между Сан-Франциско и Лос-Анджелесом. Он выглядел ужасно.

Если добавить приговор техасского суда, то в общей сложности ему грозило двадцать лет тюрьмы. И это не считая надвигающегося суда по одиннадцати обвинениям округа Дачес, основанным на информации, полученной в ходе нескольких полицейских налетов на Большой дом в конце 1967 года.

Психоделическое движение зашло в тупик. Наркотики были все еще доступны, даже больше, чем раньше, однако мало кто использовал их для того, чтобы вырваться за пределы сознания. Для молодежи путешествие в Иной Мир стало чем-то вроде прогулки в Диснейленд: много ужастиков и веселья, но мудрости они не извлекали из этого никакой, да и не видели в этом особого смысла,

относясь к этому несерьезно.

Кизи, Оусли, IFIF, Кислотные тесты, Касталия, Фестиваль путешествий, Гарвардская программа по изучению псилоцибина, Встреча племен — все это быстро забывалось, словно нечто, произошедшее со старшими братьями или дядями, или словно это было не с ними, словно они просто читали об этом в книжке или журнале. Все это уже не казалось им реальным. Неужели кто-то действительно думал что дядя Сэм сможет стать Буддой? Говорить о прекрасных временах всегда больно, потому что вслед за ними обычно наступали времена тяжелые. Позади остаются и быстро забываются множество людей. Просто перегоревших или засаженных в тюрьму. Тех, кто все еще пытается что-то сделать или безвозвратно потерянных, как Нил Кэссиди, погибший на железнодорожных путях рядом с мексиканским городком Сан-Мигуэль-Альенде. Или как Джек Керуак, умерший от кровоизлияния в мозг. Как Джон Григгс, вожак Братства вечной любви, которого убила доза поддельного некачественного псилоцибина. Или Шарон Тэйт,[123] которую погубила общая атмосфера растущей злобы в Хэйте. Люди гибли незаметно, но игнорировать это было нельзя

Игра почти подошла к концу. Ночью 12 сентября 1970 года Тим Лири, предварительно выкрасив свои фирменные теннисные туфли в черный цвет, выбрался на крышу тюремного блока номер 324. Там проходил телефонный кабель, который сверху нависал над заграждением в три с половиной метра. А снаружи за оградой его должны ждать автомобиль и 25 тысяч долларов — помощь от Братства вечной любви. За рулем машины (если она там действительно была) сидел член «Тайного шторма», который был боевиком ныне покойного ДСС — Движения за свободу слова.

Все, что Лири надо было сделать, — держась за кабель, выбраться на свободу. Но на трети пути мускулы начали сдавать, и он почувствовал, что сейчас упадет.

Неужели они все-таки поймают меня, как енота? А я только бросил курить. И больше не могу выносить вида этих решеток. Сорок девять лет и 325 дней

123 Тэйт, Шарон (1943–1969} — голливудская актриса, жена кинорежиссера Романа Полански, убитая членами «Семьи» Чарлза Мэнсона

готовился я к этому суровому испытанию. И страха нет — только невыносимая беспомощность. Такой бесславный конец — меня подстрелят, словно ленивца на ветке…

Но затем он вновь почувствовал резкий прилив сил и энергии. Он должен сделать это. И никто его не застрелит. А автомобиль дождется его. И Розмари. А потом — свобода! И он снова двинулся навстречу ветру.

Словно дикий гусь.

ЭПИЛОГ. ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ В ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

I

Впервые я услышал о «венусе»(«Венере») в Лос-Анджелесе, в 1983 году. Мы сидели впятером за мраморным столиком на ранчо недалеко от Малибу, вкушали обед и беседовали о разработке руд на астероидах и пятом поколении компьютеров, когда хозяин неожиданно спросил: а не пробовал ли кто из нас «венус»?

«Мы с Луи как-то рискнули, и потом у нас долго болели животы», — сообщил он.

Кинопродюсер, сидевший справа от меня, приподняв брови, спросил:

«"Венус"? Еще одно средство для расширения пространства-времени?»

Хозяин кивнул.

«Официальное название — 2-СВ*124* ».

«А, да, Эдгар говорил, что там есть некоторые проблемы, но он сказал, что результат оправдывает их».

«О, ну мы с Луи имели массу переживаний. Правда, мы полночи провели в туалете…»

Короткий разговор, не вполне понятный новичку вроде меня. Вероятно, у меня на лице отразилось недоумение, потому что хозяин, дружелюбный балагур, интересующийся компьютерами и

философией, наклонился вперед и шепнул: «Должно быть, вы впервые слышите о нейросознательных границах?»

Сейчас, глядя в прошлое, думаю, я ожидал, что нечто подобное случится со мной именно в Калифорнии, Афинах послевоенного сознания. В моей небольшой библиотеке множество книжек, написанных с целью объяснить феномен «мерцающей золотыми блестками Калифорнии», как называл ее Уолт Уитмен. Большинство из этих книг касались стандартных тем: как в конце XIX века побережье Калифорнии превратилось в гигантскую клоаку, как затем оклахомцы медленно и упрямо заселяли прерию и строили свои городки и как, наконец, Калифорния стала раем для тех, кто жаждал найти все прелести, жизни за следующим гребнем горы. Как тридцать лет спустя все эти силы и энергия начали давать всходы, возникла поп-культура. Как каждые несколько месяцев в прессе появляются известия о новых необычных калифорнийских веяниях: битники, серферы, Движение за свободу слова, всеобщая мода на топлесс, хиппи, Исален, EST,[124] ET,[125] а теперь вот нейросознательные границы — просто старое психоделическое движение, но адаптированное к терминологии технологичных восьмидесятых.

Конечно в Калифорнии не изобретали ЛСД, но она определенно сыграла огромную роль в его истории. Разве можно представить Кена Кизи и его Веселых Проказников где-нибудь еще? А хиппи Хэйта — в Филадельфии или Экроне? В конце семидесятых даже интеллектуальные сливки общества, которые, по выражению Лири, всегда балансировали «между играми истеблишмента и откровениями провидцев», постепенно собирались в Калифорнии, уютно обустраиваясь в университетских кампусах или местах вроде Исалена — в общем, там, где полным ходом велись исследования сознания.

Кен Кизи в старости

Именно поэтому, когда я начал изучать ту эпоху и писать эту книгу, первым делом купил билет и отправился на Запад. Изначально

---

124 Электрошоковая терапия.

125 Имеется в виду главный персонаж из фильма Стивена Спилберга «Инопланетянин» (1982).

я думал написать своего рода мрачноватую комедию с черным юмором о том, что случается, когда самый материально обеспеченный в мире регион подпадает под власть наркотика — ЛСД-25, - который отличается тем, что стимулирует сильнейший религиозный экстаз. Как писать, было абсолютно ясно, начиная с Альберта Хофманна и его открытия, затем развитие, боковые линии сюжета и, наконец, — вплоть до развязки в семидесятых. Дальше, как мне казалось, ничего не было: большая часть лидеров движения оказалась в тюрьме, большинство наркотиков — под запретом и, кроме того, жесткая официальная политика, убеждающая нас, что психоделики не только меняют восприятие, но и вредно воздействует на хромосомы.

Последнее как раз — как и полагали хиппи — не являлось научной истиной. В результате 68 генетических экспериментов, проведенных, в частности, Национальным институтом психического здоровья, было выяснено, что «чистый ЛСД в средних дозах не воздействует на хромосомы, то есть не причиняет никакого генетического ущерба и не обладает тератогенным или канцерогенным потенциалом». Но в тот момент как раз появилось множество новых психоделических методик, расширяющих сознание — EST, TM, Арика, сайентология, трансперсональная психология, йога, — и было бы интересно разузнать о них немного пикантных подробностей. Меня это заинтересовало.

Как сильно я ошибался, я понял уже к концу третьего интервью. Я сидел в обитом плюшем офисе одного из психиатров в Сан-Франциско, и мы вспоминали прошлое, в частности то, как он участвовал в проекте Лири в мексиканском городке Чихуата-нейо летом 1963 года. Символом высших целей Чихуатанейо, если помните, была «башня», деревянная вышка на берегу Тихого океана, где постоянно сидел кто-нибудь, принявший ЛСД. И веселый врач тоже провел свою долю времени на вышке, пытаясь настроиться на вселенную. Он рассказывал об этом с юмором, и мы оба весело смеялись. И тут доктор внезапно спросил меня, собираюсь ли я в своей книге затрагивать тему новых наркотиков.

Новых наркотиков?

«Ну, я не знаю, — сказал я, помолчав. — Вы считаете, что среди них есть что-нибудь действительно ценное?»

«Уверен, что вам следует принять во внимание экстази. Он

становится очень популярным. Ну, еще Адам,[126] он похож на него по действию. Мой коллега с официальной лицензией использует его для лечения. Еще думаю, вас может заинтересовать «витамин К».[127] Сейчас те, кто занимается всем этим серьезно, в основном используют именно их».

ЛСД, который все еще можно было купить на улицах, среди профессиональных исследователей внутреннего пространства давно уже был вытеснен новыми психоделиками — экстази, «Адамом», «интеллектом», 2СВ, «витамином К» и множеством других, в основном синтезированных из различных метамфета-минов и триптаминов.

«Благодаря шестидесятым, — продолжал доктор, — у нас здесь вокруг полно людей, прекрасно разбирающихся в измененных состояниях сознания. Я бы посоветовал вам поговорить с ними как со специалистами».

Несколько дней спустя я поспешно записывал интервью со старым другом и коллегой Тима Лири, Фрэнком Бэрроном. «Думаю, что все это постепенно возвращается, в другой форме — более совершенной и сложной, — сказал мне Бэррон, когда мы сидели у него в университетском офисе в Санта-Круз. — Теперь есть наркотики, которые делают человека разговорчивым, есть повышающие интуицию, есть улучшающие восприятие. Сейчас процесс изобретения новых химических препаратов идет, судя по всему, независимо ни от каких теорий. Тут возникает проблема — как найти людей, которые смогут их ясно оценить и охарактеризовать. Существование группы специалистов, опытных в этих вопросах, в данном случае оказывается необходимым. И такие специалисты конечно существуют. Этакое научное подполье-андеграунд».

А две недели спустя я сидел за мраморным столом на ранчо близ Малибу и беседовал о «венусе», наркотике, который может открыть (а может и не открыть) пути к новым пределам на нейросознательных границах.

С этого началось мое общение и череда интервью с любопытнейшими людьми, каких я только встречал в жизни.

---

[126] МДА, 3-4-метилендиоксиамфетамин.

[127] Кетамин — мощный диссоциатор, используемый в анестезиологии под названием «калипсол».

Некоторые, узнав, что я пишу книгу, шли на контакт неохотно. Другие настаивали на анонимности. Третьи страдали паранойей в духе Кафки. Один такой терапевт потребовал, чтобы я в течение минуты неотрывно смотрел ему в глаза. «Еще с детства обнаружил в себе способность, посмотрев в лицо человеку некоторое время, выяснять, врет он или нет», — объяснил он. Интересно, прошел ли я его испытание? Провалился? Он так и не сказал. Вместо этого он достал листок бумаги и потребовал написать расписку, что я не являюсь и не был в прошлом федеральным агентом. «Анализ почерка — еще одно из моих увлечений», — заметил он, пристально рассматривая мои неразборчивые каракули.

Но, в конце концов, большинство из них шло со мной на интервью (если можно назвать этим скучным словом беседы с такими людьми, интеллектуальной элитой, которым ничего не стоило перескочить в разговоре с наркотиков, изменяющих сознание, на последние социологические теории или гипотезы о происхождении Земли). Спустя двадцать или тридцать лет после их первого знакомства с Иным Миром они до сих пор были очарованы им, до сих пор их восхищали полученные результаты и они до сих пор пребывали в твердой уверенности, что занимаются исследованиями, значение которых рано или поздно будет официально признано. Их энтузиазм был заразителен, и обычно мои интервью заканчивались тем, что из кармана извлекалась записная книжка со словами: «Ладно, вижу вы серьезно занимаетесь этим, и тогда вам необходимо переговорить с тем-то и с тем-то».

Теренс Маккенна

Именно таким образом как-то в полдень я оказался в гостях у настоящего восьмидесятилетнего профессора, жившего, как часто живут ученые на пенсии, — в уединенном домишке, полном книжек и кошек. Немного побеседовав и пошутив, мы отправились в его рабочий кабинет, где в течение последующих нескольких часов обсуждали историю психоделиков и изучали (похоже, другого слова для этого небольшого ящичка, наполненного фармацевтическими упаковками и конвертами, не подобрать) его запасы.

«Что здесь написано?» — спросил меня профессор, подслеповато всматриваясь в надпись мелким почерком на конверте.

«Написано — "Адам"». «О, очень занимательный! препарат.

Конечно, немного другой по действию, чем ЛСД или псилоцибин, но не менее любопытный и полезный».

Он дал мне два конверта, на одном было написано «MDA» на другом — «ЛСД». Когда позже я их открыл, внутри обнаружилось по шесть таблеток размером с кусок сахара.

Согласно надписи на конверте, в каждой содержалось 250 микрограммов — классическая доза шестидесятых.

Затем последовали новые конверты и новые истории про Тима Лири. «Тим был самым общительным на факультете, — сказал профессор. — Приятный человек. Типичный ирландец. Он угостил меня ЛСД, и я пережил прекраснейшие мистические видения».

Именно благодаря Лири профессор начал заниматься долгосрочной программой исследований психоделиков, которой посвятил последние двадцать лет. Он не распространялся об ее сути, но не скрывал, что вполне возможно, его труды вскоре окажутся среди прочих рукописей, сваленных на диване Джереми Тарчера.

Это привело меня к Джереми Тарчеру, лос-анджелесскому издателю, специализировавшемуся на рынке «нью-эйджа» и осторожно поддерживавшему новые психохимические препараты.

«Я беседовал с сотнями людей, употреблявших разные новые наркотики, — сказал мне Тарчер. — Среди них было много психологов, ученых. Все они признавали их ценность и уникальность, но всегда боялись заявить об этом открыто, из страха загубить карьеру».

«Из личного опыта я абсолютно убежден, что данные наркотики незаменимы для воспитания и развития личности. Некоторые из новых препаратов настолько мощны и действенны, что многие люди убеждены в их несомненной пользе, несмотря на то, что пресса и правительство неустанно твердят им об обратном».

Тарчеру как издателю, благожелательно относящемуся к нейросознательным теориям, писали многие. Рядом на диване громоздилась куча рукописей, высотой сантиметров в тридцать. Покопавшись в ней, Тарчер выудил оттуда листок и протянул мне. Это было письмо от Теренса Маккенны, сообщавшего, что его брат Деннис готовит к печати книгу, основной тезис которой заключается в том, что психофармакологические растения и есть то самое недостающее звено в нашей эволюции от обезьяны к человеку.

«Жду с нетерпением, когда же он ее пришлет, чтоб прочитать».

Так я столкнулся с Теренсом Маккенной, специалистом по

шаманизму из Беркли, обладавшим очаровательным носовым произношением. Маккенна часто говорил, что он скорее исследователь, чем ученый. Несколько лет назад они с Деннисом провели тридцать семь дней в бассейне верхней Амазонки, исследуя местные грибы. Они описали пережитое в книге «Невидимые ландшафты». В этой книге равно представлены как психоделики и шаманизм, так и теория шизофрении, молекулярная биология и голографическая теория мозга.

Довольно долго Теренс вел семинары по эпистемологическому смыслу нейросознательных границ. У меня и сейчас сохранилось несколько ярчайших записей Теренса, и, если меня спрашивают о нынешнем состоянии психоделического движения, я даю им послушать запись рассказов Маккенны — это производит на всех неизгладимое впечатление.

Хотя все основные исследователи нейросознательных пределов были между собой знакомы и большинство из них часто присутствовало на закрытых конференциях в Исалене, это вовсе не значит, что между ними наблюдалось четкое единство мнений по поводу новых психоделиков. Это было далеко не так. Сложно себе представить такую группу (ну разве что среди крайне левых…), в которой существовал бы такой разброс мнений. Взять хотя бы проблему с названиями. Благодаря тому, что их всегда пытались классифицировать, этот класс веществ получил с полдюжины различных наименований. Живучим оказалось слово галлюциногены — в основном им пользовались медики. Те, кто начали исследовать их еще в пятидесятые и были сначала обеспокоены идеями Хаксли, а потом приведены в ужас действиями Лири, предпочитали термин психомиметики.

Некоторые пользовались предложенным Осмондом термином психоделики — в основном это были те, кто примкнул к движению уже в шестидесятые годы. Хотя в последующие годы этот термин закрепился, случались и попытки заменить его чем-то другим (как ассоциирующийся с такими «позорными именами», как Лири, Кизи, хиппи и т. д.), например, словом «энтеоген», что в прямом переводе означает «пробуждение внутреннего бога».

Или вопрос о том, какой из психоделиков — самый лучший, самый полезный, одним словом, первейший среди прочих. Тар-чер твердо стоял за экстази: «"витамин К" дарит бурные и запоминающиеся переживания, но трансцендентального в нем мало.

У экстази же, напротив, гораздо более тонкое воздействие: он раскрывает сердце, разрушает комплексы и защитные установки и дает толчок к просветлению, поэтому очень полезен в психотерапии».

«По мне так тут и не о чем спорить, — убеждал меня горячий сторонник "витамина К", — "витамин К" — самая действенная вещь».

Теренс Маккенна же отвергал большинство наркотиков как не имеющие значения, «серьезное значение имеют только ДМТ, ЛСД, мескалин и псилоцибин, в особенности — последний», — сказал он.

И т. д. и т. п. В беспорядочной массе мнений можно было, правда, выделить два философских лагеря — ученые и гуманитарии.

Те, кто верили, что исследование внутренних пространств в будущем постепенно станет новой ветвью естественных наук, и те кто полагали, что при правильном использовании психоделики ведут к самосовершенствованию, к созданию нового человека, созданию новой, лучшей личности. Для последних важнейшую роль играл экстази, в то время как первые возлагали свои надежды в основном на «витамин К».

*** * ***

Вот несколько записей из моих интервью, касающихся экстази, он же 3,4-метиленодиоксиметамфетамин, он же МДМА (MDMA):

«Они хотели создать более духовное вещество. Химики работали над ним, тщательно перебирая молекулы, более пятнадцати лет и, наконец, получили».

«Он вызывает сопереживание. Что мне больше всего запомнилось — он снимает негативные переживания прошлого — страх, например. Это определенно величайший из психоделиков».

«Рушит все защитные установки. Лечит и помогает. Человек, переживая этот опыт, меняется. Это вовсе не тяжело, хотя некоторые говорят, что им больно было переживать все эти эмоции. Он способствует эмпатии — помогает, взглянув на многие негативные, неприятные вещи, воспринимать их с состраданием, с любовью».

Эмпатия, сопереживание и сострадание — эти слова всегда сопутствовали экстази. «Это эмпатоген, а не психоделик», — подчеркивал один из терапевтов.

Мне посоветовали принять экстази вместе с кем-нибудь, кого я очень люблю, что я той осенью и сделал. Я тогда жил в сельской

местности. Мимо по дороге проезжали грузовички с осенним силосом. Первые двадцать минут мы вообще ничего не ощущали. Затем, наплывами, острые ощущения амфетаминового типа с все возрастающей силой захлестнули нас — и испарились. А затем последовал шестичасовой разговор, погрузивший нас в глубины собственных личностей.

По моему личному впечатлению, экстази не способствует собственно просветлению. Скорее он просто снимает барьеры, природный страх. Вам кажется, что вы достигаете неких высот, но это не так. Это не мощный прорыв в запредельное, как бывает, когда принимаешь ЛСД, — никаких галлюцинаций или космического сознания. Просто приятное, необычайной эмоциональной силы общение. Впоследствии, когда я встречал людей, завязших в эмоциональном плане, я обычно советовал им попробовать его: «Есть один препарат, который…»

Приняв его, я понял, почему некоторые психотерапевты (в счастливом неведении насчет того, что хиппи уже высказывались подобным образом о ЛСД) сравнивали один удачный сеанс приема экстази с двухгодичными результатами обычного лечения. Однако одного я так и не смог выяснить, а именно — сколько терапевтов используют экстази в практике. Я спрашивал, но цифры варьировались — от пары сотен до пары тысяч. «Ну, в районе Залива их около ста пятидесяти», — говорили мне.

Экстази определенно пользовался популярностью среди прогрессивного крыла терапевтического сообщества, так что в 1984 году Ассоциация гуманистической психологии на внутренней конференции включила его в список новых психоделиков.

Общее отношение к нему было достаточно анекдотичным: большинство психиатров использовали экстази для двухнедельного лечения, в основном — чтобы усилить эффект обычных терапевтических бесед. В целом атмосфера здесь напоминала конференции по ЛСД в пятидесятые годы, но с несколькими важными отличиями. Первым было то, что уже возникла твердая терминология, на языке которой можно было четко описывать происходящее, — сказывались тридцать лет экспериментов, поднявшие психологический лексикон до необходимого уровня, так что уже никто не тратил время на то, чтобы объяснить, что именно он имел в виду. Это было позитивное отличие. Отрицательным же было полное отсутствие фундаментальных исследований. Экстази в

практике использовали десятки врачей, но практически никто из них не мог представить формального отчета о своих исследованиях. На конгрессе 1984 года единственным таким врачом был Сидней Грир.

После проверки эффекта МДМА на двадцати девяти пациентах Грир выяснил, что тот сметает эмоциональные барьеры. Что в свою очередь ведет к новому уровню инсайта.

Чуть ли не половина из обследуемых заявила об уменьшении интереса к алкоголю и другим интоксикантам. «Эти вещества теряют свою привлекательность после того, как человек попробовал МДМА», — писал Грир. Только один из пациентов жаловался на головную боль и утомление, впрочем, это часто случалось с ним и до приема наркотика.

«Наилучшее применение МДМА, — отмечал Грир в своей монографии, — налаживание более прямых и непосредственных связей между людьми, запутавшимися в эмоциональном плане».

*** * ***

В каком-то смысле история экстази повторяла происшедшее с ЛСД: из психотерапевтических кабинетов он быстро перекочевал на улицы и в гостиные. Экстази давал человеку определенную психологическую ясность, и это сразу же привлекло к нему специалистов по психоделикам; нечто похожее испытываешь, когда в первый раз садишься за руль.

Из-за этой любопытной особенности сметать защитные установки и подавлять призраки фрейдовского подсознательного под экстази происходило минимальное количество «неудачных путешествий» Он никогда не уводил вас в темные комнаты, полные жутких звуков и страшных призраков, как частенько случалось с ЛСД. Нет, экстази легчайшим образом приподнимал вас и в девяти случаях из десяти вы понимали (с легким изумлением), что эти страшные призраки — достаточно поверхностные, часто несерьезные проблемы. А жуткие звуки — просто биение вашего сердца и шум вашего дыхания.

Экстази уносил вас в биографическое царство, где вы весело знакомились с различными неврозами и рассматривали с близкого расстояния ваши фобии, например — страх перед одиноким существованием без ясной цели впереди (иначе говоря — страх того, что в один прекрасный день вы умрете). И чем больше вы понимали

их, тем менее путающими казались они.

Кроме того, экстази намекал на величайшие силы, скрытые в сознании, — только вы приподнимали первый покров, как за ним следовал второй, третий..

По сравнению с МДМА «витамин К» это, вероятно, десятая скорость в коробке передач.

Когда говорили об экстази, прежде всего упоминали о мягкости его воздействия. Люди, пробовавшие «витамин К», говорили в первую очередь об его силе и мощи. «В пять тысяч раз сильнее ЛСД», — сказал мне один из исследователей, когда я попросил его сравнить «К» с другими препаратами, хотя мы оба прекрасно понимали, что в этой области сравнения, мягко говоря, не имеют смысла.

«Вам необходимо познакомиться с другими наркотиками, воздействующими на сознание, — сказал врач, которого мне порекомендовали как специалиста по измененным состояниям сознания со стажем. — Жалко, что «К» теперь можно купить на любом перекрестке. А еще жалко, что его применяют так много терапевтов».

Врачи отмечают обезболивающие свойства «витамина К» и необычайную глубину переживаний. Дело в том, что многие психоделики иногда вызывают у человека чувство тревоги. Если использовать схематичную модель Тима Лири, то в каком бы сильном экстазе ни пребывала седьмая область, область первая, отвечающая за биологическое выживание, продолжает посылать сигналы о возникших проблемах, которые, накапливаясь, постепенно порождают чувство тревоги, что впоследствии приводит к неудачному путешествию. Но с «К» этого не происходит, так как он действует и на парасимпатические, вегетативные системы. Расслабляются мускулы. Исчезает чувство голода. И открывается совсем иной взгляд на вселенную.

«Насколько я понимаю, в первый же раз вы переживаете ключевое состояние, которое можно охарактеризовать фразой "О, Господи! Я дома!" Это случается лишь один раз, все последующие опыты — только возвращение к этому главному пониманию вселенной».

Один из самых прилежных исследователей «витамина К», ученый Джон Лилли, принимал его ежедневно в течение ста дней. «Я

смог заглянуть за границы иных реальностей, — объяснял он. — Видя одновременно нашу действительность, я мог не закрывая глаз заглядывать в соседнюю… во множество соседних. Я мог даже видеть гиперпространство Джона Уилера[128] изнутри».

Стэн Гроф, вероятно, самый уважаемый в Америке исследователь психоделиков, считал «витамин К» «абсолютно невероятным веществом». «В определенным смысле, — объяснял Гроф, — он еще загадочнее, чем ЛСД. С ним человек переживает невероятной силы включение в реальность и осознание всего того, что за ней скрывается. И каким бы ни был предыдущий опыт, никогда нельзя заранее предсказать, что произойдет с вами в следующий раз. Вас может забросить в субатомную реальность, а может в астрофизическую, в другие галактики. А может просто превратить в головастика. Вы можете погрузиться в мифологию какой-то забытой цивилизации или обнаружить сознание и жизнь, скрытые в неодушевленных объектах. Я не смог обнаружить тут никакой закономерности. В Иране был опубликован ряд статей об использовании «витамина К» в лечебной практике, и в них подтверждается, что для лечения он может быть полезен. Но с другой стороны, я все-таки не вполне уверен в его терапевтической силе. Однако он имеет невероятный потенциал для терапии, связанной со страхом смерти. Если вы испытали полноценное путешествие под «витамином К», вы никогда не поверите в реальность смерти или по крайней мере в то, что смерть превратит вашу личность в нечто иное».

Возможно, самые таинственные возможности «витамина К» раскрываются в следующем пассаже, взятом мною из «High Times»:[129] «Я шел через что-то похожее на туннель метро. Вокруг всякие лампочки, разноцветные огоньки уходят вдаль… и вдалеке — какие-то штуки и маленькие человечки, бегающие от стенки к стенке туннеля подземки, — бесцветные картонные человечки…»

Хотя фраза о маленьких картонных человечках скорее забавна,

---

128 Уилер, Джон Арчибальд (1911) — американский физик-теоретик, известный работами в области «черных дыр» и структуры пространства-времени

129 Контркультурное издание, основанное в 1974 году в Сан-Франциско, посвящено вопросам легализации наркотиков и защите гражданских свобод.

однако ее серьезно и горячо обсуждали на конференциях, посвященных нейросознательным пределам. Потому что когда вы заговаривали с этими «бесцветными человечками», выяснялось, что они владеют ценнейшей информацией, например об истории Вселенной, о будущем Земли. «Под витамином К, — пишет Лилли, — я испытываю состояние сознания, в котором я могу контактировать с создателями Вселенной, а заодно и с теми, кто поддерживает в ней гармонию».

Что же эти «бесцветные человечки» (большинство исследователей называют их сущностями) делают там? Откуда они взялись? Можно ли верить тому, что они говорят? «Слышать голоса У себя в голове не бог весть какое достижение», — писал Теренс Маккенна.

Сам же я несколько вечеров подряд провел на съезде по гуманистической психологии, и это были необычайные вечера: специалисты обсуждали, что сказала та или иная сущность по поводу очередной метафизической загадки (например, умираем ли мы в действительности?) или — есть ли предел у человеческой эволюции? Я послушал все это пару дней и в конце концов в моей голове, говоря словами Тома Вулфа, начало раздаваться мистическое шипение.

Хотя, возможно, и МДМА, и «витамин К» представляют два наиболее известных и распространенных препарата, в действительности они являются лишь верхушкой айсберга.

Практически каждый раз когда я говорил с кем-нибудь из специалистов по телефону, он бросал какую-нибудь фразу вроде: «Вы слышали про последний триптамин? Мы называем его «Братья Майя». Вскоре меня начало снедать любопытство — откуда же берутся все эти новые препараты? И в итоге выяснилось, что, вероятно, никаких исследований нейросознательных пределов и вовсе не велось бы, если бы не небольшое число нейрохими-ков, исследующих различные молекулярные комбинации в семье психоделических наркотиков.

«У меня есть своя группа, и мы работаем все вместе, — объяснял мне один из этих химиков. — Сначала сидим и обсуждаем. Иногда кто-нибудь предлагает интересную комбинацию, допустим, соединить молекулу А с молекулой В. Несколько часов на бумаге высчитываем, как это сделать и возможно ли это. Затем синтезируем в лаборатории: это может занять неделю-другую. Затем пробуем на

себе, сначала в минимальных дозировках, и смотрим, каков эффект».

Таким образом за год они создавали около дюжины новых препаратов, большинство из которых оказывалось, разумеется, в мусорном баке, но среди них находились один или два достаточно интересных и достойных дальнейших исследований. Если они находили что-нибудь, действительно заслуживающее внимания, то давали попробовать специалистам и тогда начинался неторопливый сбор данных об необходимых условиях (окружении и обстановке) и собственно воздействии нового препарата. Затем проводились исследования, печатались монографии — обычно анонимные.

(«Хотя для тех, кто исследует внутренний космос, нужна и важна информация, — заметил один из таких специалистов, — знать, от кого она исходит, вовсе не обязательно. В конце концов, вся она приходит практически из одного источника».) В таких монографиях обычно обобщаются известные данные, и предлагаются различные пути дальнейших исследований, и указываются представляющие интерес области.

II

Возможно, из-за того, что я находился тогда в процессе работы над этой книгой, исследования нейросознательных пределов в 1984 году сильно напоминали мне психоделическое движение образца 1962 года. То же возбуждение, та же смесь терапевтических и метафизических интересов, тот же осторожный оптимизм. Если чего не доставало (и к счастью, как сказали бы некоторые), так это Тима Лири. И я решил заехать к нему в гости.

Призрак психоделического движения обитал в Голливуд-Хиллс, в нескольких милях от офиса Джереми Тарчера — издателя, опубликовавшего последнюю и самую лучшую его автобиографию «Воспоминания». В тот день было невероятно жарко, но Тим настоял, чтобы мы остались сидеть на улице. «Я вообще не обращаю внимания на жару», — сказал он мне. И это было действительно так. Несмотря на царившую вокруг духоту, казалось, что энергия из него просто бьет ключом. Каждые несколько минут Лири вскакивал, чтобы позвонить по телефону и договориться о следующих интервью для меня, или бросался в дом найти абзац в недавно прочитанной книге, который служил бы подтверждением его слов. Так я впервые столкнулся с неотразимым обаянием Лири.

Прошло почти двадцать лет с тех пор, как он покинул Гарвард и начал вести беспокойную, полную тревог и забот жизнь. За это время он успел стать известным как: наркотический гуру, молодежный политик, изгнанник, заключенный, телеведущий, автор бестселлеров и в последнее время — как популярнейший лектор. Он ездил читать лекции вдвоем с Г. Гордоном Лидди, тем самым организатором ночного налета на Миллбрук в 1968 году, благодаря которому он впервые появился на первых полосах газет. Вместе они сняли «Возвращаясь к делу» — небольшой, но Довольно необычный фильм. Начинался он с кадра, где Лидди с абсолютно невозмутимым видом пел «America, Oh Beautiful» под негромкий аккомпанемент Лири на пианино.

Два основных вопроса, которые мне почти всегда задают по поводу Лири, это: 1) нормален ли он? и 2) неужели он не испытывает стыда за содеянное? Ответы — и да и нет. Для человека, который уже в зрелом возрасте провел часть жизни в тюрьме, Лири удивительно ясно выражал свои мысли и находился полностью в здравом уме и твердой памяти. И он не испытывал никакого стыда или вины за то, что сотни молодых людей так и не вернулись назад из Иного Мира.

Да, он понимал, что несет за это определенную ответственность, но именно власти с присущей им слепотой усугубили проблему. Когда стало окончательно ясно, что большая часть молодежи употребляет наркотики абсолютно независимо от того, что думает по этому поводу истеблишмент, именно Лири предлагал заняться исключительно в целях безопасности двумя проектами: во-первых, обучением проводников и, во-вторых, распространением разных обучающих брошюр-руководств, разработанных в свое время в Миллбруке. Если бы власти последовали его совету и организовали бы по стране сеть клиник, в которых люди могли бы свободно принимать ЛСД в тщательно контролируемых окружении и обстановке, психоделическое движение было бы подавлено в зародыше.

Но они этого не сделали и психоделическое движение развивалось своим чередом. И сейчас, после долгих лет, Лири чувствовал, что действовал верно и что правда была на его стороне. Он осознавал свою значимость для молодежи шестидесятых, осознавал, что не без его участия в их системе ценностей произошел легкий сдвиг от материализма и жажды разрушать к… к чему именно — время покажет. Несомненно, что многое из того, что сейчас

обычно объединяют под термином «нью-эйдж» (новый век), в основном выросло из психоделического движения, хотя «нью-эйдж», конечно, движение гораздо более сложное и впечатляющее, чем можно было предположить в 1967 году, когда хиппи полагали, что смогут создать новый мир просто с помощью любви и кислоты. Так что, сидя под горячим калифорнийским солнцем, Лири просто лучился отеческой гордостью. В 1988 году он сказал мне, что теперь поколение шестидесятых заняло руководящие посты в Вашингтоне и его представители точно также не согласятся на «плохое правительство, как в свое время не соглашались на плохой секс и плохую дурь».

Экстази

Только встретив Лири, можно понять, насколько убедительной может быть характерная для него смесь интеллекта, обаяния и энтузиазма. Когда общаешься с такими людьми, скептицизм начисто исчезает. Вот и в тот раз, возможно, слегка одурев от палящего лос-анджелесского солнца, я очень быстро согласился с его доводами в пользу того, что поколение шестидесятых спасет как страну, так и весь мир.

По чести говоря, я не поверил в это ни на секунду. С моей точки зрения, прав мог оказаться и Сидней Коэн, который обеспо-коенно предупреждал, что Тим привлек на свою сторону элиту, сливки поколения, и увел их своим путем — неизвестно куда. Но в то время как лучшие умы поколения постигали тайны вселенной, их бездарные и продажные сверстники, «второй эшелон», продолжали стремиться к традиционным испытанным ценностям — рычагам власти.

Коэн был определенно прав в том, что многие из тех, кто принимал ЛСД, не вернутся обратно. Но в то же время они конечно и не умерли. Они просто изменились. Общее число смертей, связанных с ЛСД, за все шестидесятые на порядок меньше, чем умирает в стране за неделю от алкоголя. И тем не менее тень смерти нависла над всей психоделической эрой: возможно, по причине нескольких чрезмерно разрекламированных смертей, но в основном, как мне кажется, скорее из-за ощущения, что человек, принимающий ЛСД, автоматически теряет статус нормального члена общества, как, например, хиппи, пребывающие в «отключке». Сленг, кстати, только иллюстрирует это.

Возможно, причина этого была в том, что отказ от старых

ценностей и рефлексов произошел до того, как им была найдена достойная замена. И этого не ожидали. Хиппи, кислотники — все они пребывали в растерянности, впервые осознав, что за каждый сантиметр новой территории, за каждую крупицу расширенного сознания тоже придется чем-то платить.

Платить по-разному. Например, мог ли кто-нибудь, всерьез познакомившись с ЛСД, вернуться к своей обычной работе менеджера по рекламе и сидеть на службе от звонка до звонка? Именно поэтому многие хиппи становились фермерами, ремесленниками, мелкими предпринимателями. У большинства психоделический опыт приводил к очевидному сдвигу системы ценностей, нежеланию играть в «игры власти», отказу от честолюбивых устремлений. У них исчезала соответствующая мотивация, и они отказывались от погони за деньгами. Но при этом у них отсутствовала альтернатива. Впоследствии именно из этой пустоты, из отсутствия альтернативы, вынуждавшей искать свой путь вне узких рамок необузданного материализма, и/или отстраненного мистицизма, выросло движение «нью-эйдж».

С другой стороны, здесь можно провести параллель с тем, как воздействовал ЛСД на воображение. Сначала он его обострял, затем, напротив, скорее притуплял: вызываемые ЛСД видения были столь сильны, что все остальное начинало казаться мелким и незначительным. Именно это, как мне кажется, произошло с Кизи. Писательство стало для него слишком жалким, слишком примитивным занятием — в книге никогда не достичь силы и яркости видений, возникающих под эффектом ЛСД. И хотя он думал, что из этого тупика можно вырваться с помощью нового, психоделического искусства, приходится признать, что это оказалось ему не по силам. Вернувшись с небес на землю, к привычному социуму, он осознал, что ради достижения высот ему пришлось принести в жертву желание быть писателем (а можно сказать, и талант). Больше он никогда уже не смог бы создавать легкую, пользующуюся широким спросом развлекательную литературу, наполняющую книжные прилавки каждой осенью и весной. Вместо этого он вернулся в Орегон, купил себе там ферму и попытался жить так, чтобы, используя знания, полученные в Ином Мире, прожить остаток двадцатого столетия и сохранить здоровье и здравый смысл.

Разумеется, общие последствия деятельности Лири еще до сих пор являются предметом обсуждения. Как и воздействие ЛСД на тех,

кто его принимал. В целом все сходятся на том, что ЛСД приводит к важным изменениям в личности. «Сложно переоценить значение психоделиков — они послужили отправной точкой для многих трансформационных техник, — писала Мэрилин Фергюсон в своем исследовании по «нью-эйджу» «Заговор Водолея». — Для десятков тысяч химиков, инженеров, психологов и медиков наркотики были дорогой в Ксанаду,[130] и особенно в 1960-х. Но теперь они уступили место более безопасным и надежным техникам».

Конечно, Лири никогда не считал себя наркотическим гуру, он просто играл роль, навязанную ему обществом. Сначала попросту забавляясь, а затем потому, что его поклонники и враги именно этого от него ожидали. Отдавая себе полный отчет в том, что многие исследователи возлагают на него вину за утрату ЛСД как законного инструмента исследований, он даже признает, что, возможно, «теория о привлечении элиты Хаксли — Хеда — Бэррона была этологически вернее, чем наивный демократизм Лири — Гинсберга». Сейчас он предпочитает называть себя «гуманистическим ученым двадцать первого века» и, конечно, считает себя большим специалистом во всем, что касается новых психоделиков.

Почему-то наука ассоциируется с именем Лири лишь у немногих, несмотря на то, что с нее он начинал свою карьеру и ею, вероятно, будет заниматься до самой смерти.[131] Мы как-то часто забываем о том, что когда он не проводил в жизнь идеи культурной революции, то работал у себя в кабинете, пытаясь установить соответствие между пережитым под ЛСД и имеющимися научными исследованиями о работе мозга.

В конце концов, он остановился на следующей модели: человеческий мозг делится на восемь областей, четыре — в левом, четыре — в правом полушарии. Каждая область работает более-менее независимо, и вместе они образуют сознание в целом. Первый центр, отвечающий за биологическое выживание, видит мир только с точки зрения жизни и смерти, доверия и подозрений. Вторая область — эмоциональная, третья — отвечает за умение оперировать символами

---

130 Ксанаду — легендарный город-дворец, построенный Хубилай-ханом во второй половине XIII века, вошел в поговорку благодаря поэме английского поэта Сэмюэла Колриджа «Кубла Хан»

131 Тимоти Лири скончался 31 мая 1996 года

Затем — социально-сексуальная область. Наркотики (за исключением алкоголя) не оказывают практически никакого воздействия на первые четыре области. Но в правом полушарии ситуация меняется. Согласно Лири, марихуана задействует шестую область, нейросоматическую.

Мескалин и псилоцибин имеют доступ к нейроэлектрической. ЛСД открывает пути к нейрогенетическим центрам, а восьмой области, нейроатомной, можно достичь с помощью «витамина К».

Конечно, в тот короткий период, когда исследования шли открыто, не один Лири выстраивал модели мозга. Возможно, он был самым оригинальным теоретиком, но тогда уже и немного тяжеловатым для восприятия. Его модель подсознательного была перегружена деталями из «серой зоны», области на стыке генетики и квантовой физики, которую не вполне понимают даже ее исследователи. В результате она оказалась больше похожа на поэтическую метафору, чем на научную теорию.

Другой образец того, как устроено подсознательное, можно привести из книги Роберта Мастерса и Джин Хьюстон «Многообразие психоделического опыта», основанной на сопоставлении результатов обследований 206 людей, принимавших ЛСД. Базируясь на этих исследованиях, Мастере и Хьюстон приходят к четырехслойной модели подсознательного:

1) чувственное
2) памяти и анализа
3) символическое
4) интегративное.

Первый слой — чувственную область чувств они описывают как хранилище «ярких эйдетических образов, цветных и очень детальных… По большей части это образы людей, животных, архитектуры и различных ландшафтов. Кроме того, образы разных странных созданий из мифов, легенд, фольклора…»

Следующая область, воспоминаний и анализа, — исконная вотчина психотерапии. При помощи ЛСД в эти два первых царства Мастере и Хьюстон вводили своих пациентов довольно легко. Но затем начинались сложности. Лишь каждый пятый мог достигнуть третьего уровня — символического. Здесь хранились напоминающие юн-говские архетипы: «символические образы, — писали Мастере и Хьюстон, — в основном исторического, легендарного, мифологического и ритуального содержания». Человек мог в этом

состоянии ощутить всю полноту, всю целостность и преемственность исторического и эволюционного процесса. Он мог очутиться в мифах или легендах, пройти инициацию и участвовать в ритуальных обрядах, интегрируясь в определенные состояния в зависимости от собственных насущных потребностей… И в этих символических драмах люди обнаруживают определенные элементы своей жизни в мифах о Прометее, Парсифале, Люцифере или Эдипе…»

Но из сорока проникших на символический уровень только одиннадцать были способны пройти дальше — на следующий, интегративный уровень, который Мастере и Хьюстон описывают как «очную ставку с Мотивами Бытия, Богом… Подлинной или фундаментальной реальностью».

Сложно представить себе, чтобы работы Мастерса и Хьюстон, Майрона Столяроффа, Оскара Дженигера и десятка других психологов, проводивших официальные и легальные исследования, могли быть полностью проигнорированы медицинскими кругами. И тем не менее именно так и произошло. Когда негативные отзывы о психоделиках заполонили прессу и отозвались эхом на правительственном уровне, терапевтическое сообщество поспешило объявить исследования ЛСД лженаучными, а всех исследователей — шарлатанами. Возникала любопытная ситуация в стиле Кафки, когда те, кто знал о психоделиках больше всего, практически не допускались к дискуссии, а те, кто знал меньше всего, внезапно получили статус «специалистов-экспертов». А то, что последовало дальше, было уже просто политическими играми, приведшими в итоге к полному свертыванию научных исследований.

В тот период это сильно повредило профессиональной карьере многих ученых (а иногда и загубило ее). И вполне можно понять их, когда они с горечью винят в этом Лири, хиппи или тех своих коллег, которые были убеждены, что их исследования следует лишить любой государственной поддержки и финансирования. Но что возмутило ученых больше всего, так это то, что правительство просто лишило их инструмента исследований и оставило в состоянии неудовлетворенного любопытства. Ни на один из множества вопросов, поднятых психоделиками (хотя многие из них являются фундаментальными для дальнейшего исследования сознания), четкого ответа получено не было. Наоборот, власти попытались

искусственно воспрепятствовать исследованиям и свернуть их. Примерно так же в свое время папская *к* Урия поступила с Галилеем, когда его заперли в Арчетри и запретили продолжать исследования.

Станислав Гроф

Если история науки и способна чему-то научить, так это тому, что факты, не устраивающие власти, невозможно скрывать до бесконечности. Галилей, как мы знаем, не сдался. Он тайно переправил свои рукописи в другое место, и после его смерти они были опубликованы, дав сильнейший толчок не только развитию астрономии, но и заложив основы будущей общей экспериментальной физики. То же самое можно сказать и о психоделическом движении — хотя оно и умерло, но «лженаучные» исследования ЛСД возродились в новых направлениях психологии, в частности в трансперсональной психологии.

И если существует человек, в котором воплотилась эта преемственность, так это чехословацкий эмигрант Станислав Гроф, который не только является одним из основателей трансперсональной психологии, но также принимал участие в исследованиях ЛСД еще в шестидесятые годы. Гроф начал работать с ЛСД в Праге в 1954 году. В 1967 году он приехал в США на годовую стажировку в госпитале Альберта Карлэнда в Спринг-Гроув в Кэтонсвилле (штат Мэриленд), но когда советские танки вторглись в Чехословакию в 1968 году, Гроф попросил политического убежища в США.

«В Праге с ЛСД не было никаких проблем, — рассказывал Станислав Гроф во время моего визита в Исаленский институт, где он последнее время постоянно работает. — Проблема заключалась в другом: как объяснить государству, чем мы занимаемся. Упоминать Фрейда и иже с ним было никак нельзя, следовало как-то избежать вообще всяких намеков на то, что это имеет отношение к психоанализу. И конечно ни в коем случае нельзя было и упоминать ничего мистического — марксизм и религия несовместимы». Это могло показаться Грофу насмешкой судьбы — но западная наука оказалась ничуть не более либеральной. Как раз в то время, когда Гроф решил остаться в США, ЛСД был категорически запрещен. Гроф остался с грудой необработанных и не до конца проверенных данных — результатами пяти тысяч ЛСД-сессий. Исходя из этих материалов, Гроф создал собственную модель внутреннего

пространства, в общем сходную с той, о которой писали Мастере и Хьюстон, но имеющую несколько важных отличий.

Как и Мастере с Хьюстон, Гроф обнаружил четыре ступени психоделического опыта. Первая была традиционным хранилищем образов и цветов. Мастере и Хьюстон называли его чувственным, Гроф — эстетическим. Вслед за тем следовала область, которой интересуется традиционная психотерапия. Гроф называл ее областью психодинамики (у Мастерса и Хьюстон — область памяти и анализа). Но дальше их модели расходились — начиная с третьего уровня. Гроф считал, что заложенная в мозге биографическая информация хранится в КОЭКС-системах,[132] каждая из которых содержит информацию по отдельным переживаниям: унижению, насилию или любви. Используя ЛСД в качестве «усилителя сознания», можно изучать эти КОЭКС-системы — до тех пор, пока спустя десяток опытов человек не переходит на следующий уровень, который Гроф назвал перинатальным.

Область перинатального — это, вероятно, самое интересное и самое революционное в модели Грофа. Хотя в ней содержатся все символические образы, описанные у Мастерса и Хьюстон, Гроф указывает источник этих образов — физиологический процесс рождения человека. Гроф предполагал, если выражаться терминами Лири, что это действительно физическое путешествие из уютной матки, по каналу, в мир — к светлым образам первого импринтинга, действует как основополагающий принцип формирования большей части подсознательного. Гроф считал, что ему удалось добиться определения четырех базовых перинатальных матриц, практически связанных с определенными физическими этапами процесса рождения, но в действительности их корни уходят гораздо дальше, в биологическую историю человечества. Кроме того, что они обладают «специфическим эмоциональным и психосоматическим содержанием, — пишет он в недавно опубликованной книге «За пределами разума», — эти матрицы также являются основополагающими принципами формирования для других уровней подсознательного. Элементы КОЭКС-систем биографического уровня связаны с физическим насилием и жестокостью, опасностью, расставанием, болью или удушьем, что очень близко по содержанию

---

[132] COEX — condensed experience — сконцентрированный опыт.

к определенным аспектам базовых перинатальных матриц. Обнаруживается также, что перинатальные матрицы связаны с множеством трансперсональных элементов, таких, как архетипические образы Великой Матери или Ужасной Матери Богов, Адом, Чистилищем, Раем или Небесами, мифологическими или историческими аспектами, идентификацией себя с животными и опытом прошедших реинкарнаций».

Гроф описывает перинатальное как точку пересечения личностного и коллективного подсознательного. Частично вырастая из понятий традиционной психологии, оно в то же время требует новых основных принципов для описания и изучения. Эти новые основные принципы Гроф и назвал трансперсональной психологией. В общем же, хотя он и жалеет об утрате ЛСД как прекрасного инструмента для исследований, однако сумел разработать определенное количество ненаркотических техник, которые работают не хуже.

«ЛСД просто опередил свое время, — сказал мне Гроф в Исалене. Мы стояли на обрыве и смотрели, как внизу прибой бьется о прибрежные камни. — Он появился еще до того, как ученые выработали определенную теоретическую систему взглядов, способную примирить мистический опыт с перинатальным. В процессе создания и разработки этой системы взглядов ЛСД, к сожалению, был нами утрачен».

Видел ли Гроф шансы на то, что когда-нибудь запрет на него будет снят?

«Не уверен, что сейчас было бы мудро вновь возвращаться к психоделикам, — сказал он. — Слишком много факторов надо принимать во внимание. Часто под психоделиками люди совершают действительно сумасшедшие поступки. Психоделики — достаточно хитрая штука, и они могут стать опасными. И я пока не вижу, как можно обучить людей пользоваться ими правильно».

Но несколько минут спустя он уже с надеждой говорил, что при помощи некоторых полезных в терапии препаратов, таких, как экстази, возможно, удастся разработать безопасные и всеобъемлющие техники познания внутренних пространств. И это определенно произойдет, по крайней мере, если мы сумеем решить один из центральных парадоксов человеческого рода — узнать, почему же сообразительная обезьяна, которой удалось высвободить и использовать ядерную энергию и проложить путь к звездам, до сих

находится в плену примитивных эмоций и инстинктивных желаний, которые так часто подводят ее со времен каменного века и до наших дней.

III

Здесь мой эпилог подходит к рубежу, за которым — молчание. За исключением мнения небольшого крута специалистов, нет никакой информации о том, как реагировали в мире на появление новых психоделиков. Не было никаких намеков на то, что общество недовольно их появлением.

Но, как выяснилось, недовольство существовало. И 31 мая 1985 года Агентство по контролю за применением наркотиков (DEA — Drug Enforcement Agency) объявило, что экстази причислено к списку № 1, а это означает, что с этого дня производство или продажа данного наркотика уголовно наказуема — штрафом в 125 тысяч долларов и пятнадцатью годами тюрьмы. Внеся экстази в список № 1, DEA воспользовалось своими исключительными правами на запрет, которые предоставляют ему возможность запретить наркотик без обычной процедуры длительных слушаний и заседаний, необходимых по закону.

Однако вскоре после запрета слушания начались. Ожидая этого, специалисты серьезно подготовились к защите, собирая рекомендации и характеристики от врачей-терапевтов, использовавших этот препарат в практике, и изыскивая средства на продолжение частных химических исследований. Последнее оказалось решающим пунктом, так как DEA в итоге признало право на исследование МДА, «двоюродного братца» МДМА, хотя сначала в ходе экспериментов с лабораторными крысами было предположительно установлено, что МДА поражает нейроны.

Специалисты даже наняли для защиты юридическую фирму, и DEA пришлось попотеть, обосновывая свои действия.

«Это первые производители нелегальных наркотиков, которые нанимают юристов и собирают мнения так называемых экспертов», — изумлялся один из чиновников агентства.

В то время, пока «На штурм небес» готовилась к печати, слушания по вопросу МДМА все еще нудно тянулись. Однако на горизонте уже замаячила новая и гораздо более опасная туча. DEA собиралось запретить производство любых веществ, подобных по

молекулярной структуре любому из попавших в список № 1 препаратов.

В готовящемся законе также обговаривалось, что все кто, занимается частными исследованиями, должны отчитываться в своей деятельности перед ФДА. Если этот закон пройдет, результатом станет, скорее всего, быстрая криминализация ней-росознательных пределов.[133]

Однако я искренне сомневаюсь, что на этом наша история закончится. Напоследок мне приходят в голову несколько абзацев из «Паломничества в страну Востока» Германа Гессе, которые могли бы послужить эпиграфом к этой книге:

> *Я попытался разъяснить ему, с чем, собственно, пришел. От каких-либо околичностей я отказался. Без утайки сообщил я ему, что в моем лице он видит перед собой одного из участников того великого предприятия, о котором и до него должны были дойти вести, — так называемого «паломничества в страну Востока», оно же «поход Братства» и прочее, под какими бы еще именами ни было оно известно общественности. Ах, да, усмехнулся он с дружелюбной иронией, еще бы, об этой затее он слыхал, среди его приятелей принято именовать ту эпоху, может быть слишком уж непочтительно, «Крестовым походом детей». В его кругу, продолжал он, принимают это движение не слишком всерьез, примерно так, как принимали бы еще одно движение теософов или очередную попытку установить на земле братство народов, хотя, впрочем, отдельным успехам нашего предприятия немало дивились… Однако затем дело, по всей очевидности, потерпело фиаско, многие из прежних вождей отступились от него, даже начали его стыдиться и не хотят о нем вспоминать, вести стали все реже и все более странно противоречат друг другу, так что в*

---

133 Действительно, серия актов, проведенных через конгресс в 1988–1994 годах под давлением FDA и DEA, фактически криминализовала любые исследования в области основных семейств психоактивных соединений.

итоге затея положена под сукно и предана забвению, разделив судьбу столь многих эксцентрических движений послевоенного времени в политике, религии, художественном творчестве. Сколько пророков, сколько тайных сообществ с мессианскими упованиями, с мессианскими претензиями объявилось в ту пору, и все они канули в вечность, не оставив никаких следов.

Отлично, его точка зрения была мне ясна, это была точка зрения благожелательного скептика. В точности так, как Лукас, должны были думать о нашем Братстве и о нашем паломничестве в страну Востока все, кто был наслышан об истории того и другого, но ничего не пережил изнутри. Я менее всего был намерен обращать Лукаса, хотя вынужден был кое в чем его поправить, например, указать ему на то, что наше Братство отнюдь не порождено послевоенными годами, но проходит через всю мировую историю в виде линии, порой уходящей под землю, но ни в одной точке не прерывающейся; что некоторые фазы мировой войны также суть не что иное, как этапы истории Братства; далее — что Зороастр, Лао-Цзы, Платон, Ксенофонт, Пифагор, Альберт Великий, Дон Кихот, Тристрам Шенди, Новалис и Бодлер — основатели Братства и его члены.

Он улыбнулся в ответ именно той улыбкой, которую я ожидал.[134]

БЛАГОДАРНОСТИ

Как это часто бывает в литературе, рукописи зачастую обязаны своим возникновением определенному числу ярких личностей, без участия которых она, несомненно, не была бы столь полна и увлекательна, а то и вовсе не появилась бы на свет. Это в значительной мере касается и книги «На штурм небес». Если бы Оскар Дженигер не предоставил мне любезно свое время и свои

134 Цитируется по переводу С. Аверинцева.

изумительные архивы… Если бы Майрон Столярофф не провел бы со мной сутки, оживляя в памяти пережитое. Если бы Ральф Мецнер не оказался столь великодушен и не послал бы мне свою незаконченную автобиографию — мне, которого он и знал-то только по телефонному разговору. Если бы Тим Лири не оказался бы в пределах досягаемости (как в физическом смысле, так и *в* Духовном)… — ладно, как уже говорил, вопросы вроде «а что было бы, если бы…» можно продолжать бесконечно…

Было очень сложно (для меня, по крайней мере) ворошить угли отгоревшего, выискивать людей, которых я никогда не знал прежде, и меня не переставали поражать радушие и великодушие, с которыми все они ко мне относились. Ладно, теперь без дальнейших разглагольствований и в произвольном порядке, хотел бы принести сердечную благодарность Тиму Скалли, Стэну Криппнеру, Фрэнку Бэррону, Джеку Даунингу, Нине Грабуа, Гюнтеру Вайлу, Майклу Кану, Жану Милле, Энн и Саше Шульгиным, Джин Столярофф, Теренсу и Кэт Маккенна, Стэну Грофу, Джереми Тарчеру, Питеру Стэффорду, Аллену Гинсбергу, Уолтеру Хьюстону Кларку, Альберту Карлэнду, Гордону Уоссону, Лизе Слимэн, а также работникам библиотек Колумбийского, Калифорнийского и Орегонского университетов и конечно же Джону Браунеру, чей вклад в эту книгу столь велик, что даже после часа тяжелых раздумий я не смог выдавить из себя пары предложений по этому поводу.

И, наконец, приношу благодарность тем, кто принял участие в деловых вопросах, связанных уже с изданием книги: во-первых, моему агенту, Сьюзен Хадсон, а во-вторых, моему издателю, Аптону Брэди, которые мне всячески помогали и поддерживали и, Слава Богу, не прекратили этого делать, даже когда готовая рукопись наконец прибыла в Нью-Йорк.

Джей Стивенс

Штурмуя небеса:
Подлинная история ЛСД от расцвета до запрета

Подписано к печати 08.09.2021

Издательство «Transpersonalizdat»
Телефон 8-926-550-41-65